UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324488 6

LR
1133 A.B
Mordovtsev, Danil Lukich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ Кн. 7-10.

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Polnoe Sobranie istoricheskikh romanov...
(pt. 7-10 in 10.)

Кн. 7

ИРОДЪ

494368
7749.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

1630V

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

PG
3467
M8
1914
Kn. 7-10

Mordovtsev, Daniil Lukich
... Полное собраніе историческихъ романовъ
Кн. 7—10
(Polnoe sobranie istoricheskikh romanov...)
494368
7.7.49

ИРОДЪ.

Историческій романъ.

I.

Наканунѣ праздника великаго бога Аписа-Озириса по Александріи разнеслась вѣсть, что на слѣдующій день юная дочь послѣдняго фараона, Птоломея Авлета, прекрасная Клеопатра, въ присутствіи самого бога Аписа-Озириса, получитъ вѣнецъ Верхняго и Нижняго Египта изъ рукъ «завоевателя вселенной», непобѣдимаго римлянина Юлія Цезаря.

Вѣсть эту разносили царскіе глашатаи, которые, разъѣзжая по городу на прекрасныхъ лошадяхъ изъ конюшенъ фараоновъ, трубили въ мѣдныя трубы по направленію четырехъ странъ свѣта—на востокъ, на западъ, на югъ и на сѣверъ.

— Но наши боги не потерпятъ этого,—говорилъ одинъ молодой жрецъ къ собравшейся около него группѣ египтянъ:—римлянинъ передъ лицомъ великаго Озириса возлагаетъ вѣнецъ фараоновъ на священную голову Клеопатры! Этого быть не можетъ! Давно ли египетскія собаки пожирали на берегу нашего моря тѣло другого такого же «завоевателя вселенной»!

— Это ты говоришь о Помпеѣ?—спросилъ одинъ изъ слушателей съ мѣдными кольцами на рукѣ,—знаками отличія храбраго воина.

— О немъ, о его нечистой падали. Я самъ видѣлъ, какъ его отрубленную голову подносили на золотомъ блюдѣ вотъ этому самому Цезарю, и какъ онъ плакалъ надъ ней.

— Да чуть и съ его собственной головой не случилось того же, если бы не подоспѣлъ къ нему на выручку этотъ идумей Антипатръ съ своимъ сынкомъ, головорѣзомъ Иродомъ, да пергамскій царь Митридатъ,—говорилъ воинъ, сильно жестикулируя.—Что же наша божественная царевна Клеопатра?

— Да что! Она еще почти ребенокъ, да хранятъ ее боги!

— А что же вы, почтенные жрецы, смотрите?

— Я не у власти, есть постарше меня,—съ неудовольствіемъ отвѣчалъ жрецъ.—Да вотъ посмотримъ, какъ завтра великій Аписъ-Озирисъ позволитъ имъ топтать священные обычаи страны фараоновъ. Камни закричатъ, могучіе крокодилы выйдутъ изъ хлябей Нила, чтобы пожрать нечестивцевъ, допустившихъ такое униженіе послѣднему отпрыску нашихъ фараоновъ, свѣтлѣйшей Клеопатрѣ.

— А который годъ будетъ ей? — спросила одна молодая египтянка съ голенькимъ ребенкомъ на плечѣ.

— Да вотъ который: она родилась въ тотъ годъ, когда послѣдній великій богъ Аписъ отошелъ на покой въ прекрасную страну запада и погребенъ былъ въ гробничномъ мѣстѣ, въ вѣчномъ домѣ своемъ. Я помню, что тогда долго искали новаго бога, разыскивали его великолѣпіе во всѣхъ мѣстностяхъ Питоми, и по островамъ, и около озера Натъ, пока не нашли на лугу по ту сторону Нила и торжественно ввели въ храмъ бога Пта—отца боговъ. Ну, этому будетъ уже семнадцать лѣтъ. Въ тотъ годъ еще филинъ каждую ночь кричалъ на вершинѣ пирамиды Хуфу (Хеопса).

— Чего жъ онъ кричалъ, святой отецъ?—спросила египтянка.

— Худо предвѣщалъ странѣ фараоновъ,—былъ отвѣтъ.

— Филинъ, говорятъ, кричалъ и въ Іерусалимѣ, на Сіонѣ, передъ тѣмъ, какъ были разрушены стѣны нашего святого города вотъ этимъ нечестивымъ римлянином, голову котораго поднесли на блюдѣ римскому Цезарю,—вмѣшалась въ разговоръ старая еврейка изъ толпы.—Это Іегова покаралъ нечестивца.

— Ну, бабуся, нашъ богъ, великій Аписъ, посильнѣе будетъ вашего Іеговы,—презрительно замѣтилъ воинъ.

— Это быкъ-то сильнѣе Іеговы?—вспыхнула было еврейка.

Возраженіе это, по всей вѣроятности дорого бы стоило старой еврейкѣ, если бы въ эту минуту на площади не показалась группа всадниковъ. Подъ ними были прекрасныя лошади, а богатое одѣяніе и вооруженіе всадниковъ показывали, что это были не египтяне и не римляне. Всадники направлялись къ той половинѣ дворца фараоновъ, въ которой находился Цезарь со свитой, съ тѣлохранителями и ликторами.

— Это властители Іудеи,—сказалъ жрецъ.

— Вонъ рядомъ съ отцомъ ѣдетъ Иродъ на бѣломъ конѣ,—замѣтилъ воинъ.—Я тотчасъ узналъ его.

— Какой онъ еще молоденькій!—удивилась старая еврейка.

— И какой красавецъ!—рѣшила египтянка.

— Охъ, быть худу, быть худу,—укоризненно качалъ головой молодой жрецъ, провожая глазами группу іудейскихъ всадниковъ.—Никогда еще Египетъ не видѣлъ, чтобы чужеземецъ осмѣлился приблизиться къ великому богу Апису. А теперь, видите ли, римлянинъ не только предстанетъ предъ лицо сына Пта, но и будетъ вѣнчать на царство любимую дочь божества. Бѣдная сиротка Клеопатра! Ужъ лучше бы не наставалъ этотъ роковой для Египта день.

Но день этотъ насталъ.

Отъ дворца фараоновъ какъ бы между живою и волнующеюся изгородью изъ множества тысячъ народа, едва сдерживаемаго воинами и мацаями, медленно двигалась торжественная, поразительная своимъ великолѣпіемъ, процессія. Народныя толпы покрывали не только дворцовую площадь и сосѣднія улицы, но и крыши домовъ, куполы храмовъ, спины гигантскихъ сфинксовъ, безконечная аллея которыхъ тянулась до самаго храма бога Аписа на западной сторонѣ города въ сосѣдствѣ съ песчаной пустыней.

Процессію открываютъ два римскихъ знаменосца. На высокихъ тонкихъ древкахъ ярко блестятъ двѣ золотыя птицы съ распростертыми какъ бы для боя крыльями:—это римскіе легіонные орлы, которые своими металлическими крыльями облетѣли всю тогдашнюю вселенную. Несутъ ихъ, какъ святыню, два рыжихъ великана, которые еще маленькими были вывезены изъ глубины Скиѳіи, выросли и воспитались въ Римѣ при домѣ Цезаря и потомъ не покидали своего повелителя во всѣхъ его безчисленныхъ походахъ.

— Точно живые сфинксы!—слышится въ толпѣ одобрительный шопотъ.

За живыми сфинксами слѣдуютъ два оркестра музыки—египетскій и римскій, которые поочередно оглашаютъ воздухъ то дикой мелодіей боевого египетскаго клича, то побѣдными маршами воинственнаго Рима, эхо которыхъ вторили когда-то рос-

кошныя долины Галліи, и мрачныя горы Иберіи, и непроходимые лѣса Германіи.

Вслѣдъ за музыкой медленно выступаютъ высшіе сановники и жрецы Египта въ бѣлыхъ мантіяхъ, а рядомъ съ ними—римскіе военачальники въ блестящихъ шлемахъ и латахъ, изъ которыхъ на нѣкоторыхъ виднѣлись рубцы отъ ударовъ парѳянскихъ мечей и галльскихъ копій.

Вслѣдъ за ними—плавно, ритмически колышутся въ воздухѣ, надъ головами всей многотысячной толпы, два трона на богато убранныхъ носилкахъ, несомыхъ—одинъ—двѣнадцатью эрисами—египетскими военачальниками отъ двѣнадцати номовъ страны фараоновъ, другой—римскими и галльскими воинами въ полномъ вооруженіи. Оба трона изъ слоновой кости съ золотомъ и драгоцѣнными камнями. Съ высоты одного трона какъ бы испуганно глядитъ куда-то вдаль прелестное юное личико съ легкой діадемой надъ низкимъ лбомъ, отѣненнымъ густыми прядями шелковистыхъ волосъ. Это Клеопатра. Эту изящную головку осѣняютъ своими крыльями золотыя изваянія правосудія и истины. А по сторонамъ трона—сфинксъ—эмблема мудрости, и левъ—эмблема мужества, которыми охраняется престолъ фараоновъ. Высшіе сановники Египта окружаютъ носилки своей юной повелительницы и богатыми опахалами изъ страусовыхъ перьевъ навѣваютъ на прелестную ея головку прохладу въ знойномъ, неподвижномъ воздухѣ, чуть-чуть колеблемомъ лишь дыханіемъ взволнованной многотысячной толпы ея подданныхъ. Тутъ же, рядомъ съ сановниками, виднѣются юныя смуглыя личики дѣтей изъ жреческой касты:—они держатъ въ рукахъ царскій скипетръ, лукъ, колчанъ со стрѣлами, копье и другія регаліи фараоновъ. Непосредственно же передъ самыми носилками Клеопатры идетъ одинъ изъ верховныхъ жрецовъ и сожигаетъ благоуханія предъ лицомъ юной повелительницы Египта и послѣдней отрасли фараоновъ.

Съ высоты другого трона смотритъ вдаль лицо Цезаря. Лицо это, еще не старое, но испытавшее и африканскій зной, и палящіе лучи сирійскаго солнца, и зной родной Италіи, непогоды Галліи и туманы далекой Британіи, лицо, изрѣзанное глубокими морщинами думъ и страстей,—представляло подобіе мраморнаго бюста, потемнѣвшаго отъ времени. Тонкія, плотно сжатыя губы, съ низко опущенными углами ихъ; бритый, какой-то жесткій

подбородокъ, словно онъ вотъ-вотъ задрожитъ отъ негодованія или отъ сдерживаемаго плача; впалыя, худыя щеки съ глубокими линіями морщинъ, сбѣгающими къ опущеннымъ угламъ плотно сжатыхъ губъ; лобъ, прорѣзанный полосами морщинъ отъ одного виска до другого, брови, какъ бы упавшія на углубленія безстрастныхъ, словно остеклѣлыхъ глазъ; голый, точно выточенный изъ слоновой кости, черепъ,—это было живое изображеніе желѣзнаго Рима, смотрѣвшее въ пространство съ высоты другого трона, плавно колебавшагося на носилкахъ,покоившихся на могучихъ плечахъ римскихъ и галльскихъ воиновъ *).

Голый черепъ Цезаря защищала отъ египетскаго солнца тѣнь зонтика, который держалъ надъ нимъ одинъ изъ рабовъ-нумидійцевъ.

Вслѣдъ за тѣми и другими носилками шли высшіе сановники жреческаго сословія и египетскіе военачальники, а за носилками Цезаря—Митридатъ, царь Пергама, Антигонъ, царевичъ іудейскій, идумей Антипатръ съ сыномъ Иродомъ и римскіе центуріоны. За всей этой процессіею двигались египетскія и римскія войска—конница и пѣхота.

Вправо отъ процессіи изъ-за головъ безчисленной толпы и изъ-за стволовъ гигантскихъ пальмъ виднѣлась спокойная поверхность моря, уходившаго въ безконечную даль, а впереди гордо высился стройный куполъ величественнаго зданія—храма Озириса и жилища бога Аписа.

Высоко въ небѣ съ жалобнымъ клекотомъ кружились орлы пустыни, привлеченные необыкновеннымъ зрѣлищемъ.

Цезарь отъ времени до времени бросалъ взглядъ изъ-подъ нависшихъ бровей на Клеопатру, и, казалось, жалостливая, скорбная улыбка змѣилась по его плотно сжатымъ губамъ и словно испуганная пряталась въ низко опущенныхъ углахъ ихъ. Такимъ жалкимъ, беззащитнымъ ребенкомъ казалась ему эта прелестная куколка, повелительница страны фараоновъ, наслѣдница легендарныхъ Рамзесовъ, Тутмесовъ, Аменхотеповъ!

Какъ бы угадавъ мысли своего могущественнаго покровителя, Клеопатра съ глубокой, дѣтской нѣжностью взглянула на него, и ей невыразимо стало жаль этого скорбнаго старческаго лица, передъ взоромъ котораго трепетала вселенная. Чуткимъ

*) Это изображеніе («бюстъ Цезаря въ старости») доселѣ можно видѣть въ музеѣ Ватикана.

сердцемъ она угадала, что не знаютъ радости въ жизни избранники судьбы, которымъ завидуетъ весь міръ. Развѣ она сама, еще такая юная, знала эти радости? Ея именемъ лилась кровь тысячъ ея подданныхъ. Ея будущая корона уже успѣла выкупаться въ потокахъ крови. А что ждетъ ее впереди?—Ея братъ...

Она снова взглянула на Цезаря. Онъ продолжалъ сидѣть, подобно мраморному изваянію. Нѣсколько сгорбившійся станъ его и осунувшіяся плечи, поверхъ латъ, облегали широкія складки бѣлой тоги съ широкими пурпурными каймами по всему подолу и по краю разрѣза на груди. Этотъ пурпуръ на бѣломъ фонѣ былъ такого яркаго кричащаго цвѣта, что, казалось, вся фигура всемогущаго Цезаря была облита кровью...

— Въ крови народовъ купалась эта тога,—невольно думалось Клеопатрѣ:—она обагрена и галльской, и пареянской, и римской кровью... А египетской?..

Иродъ, слѣдуя на своемъ бѣломъ идумейскомъ конѣ за носилками Цезаря, не спускалъ съ него восторженныхъ, жадныхъ глазъ. Даровитый, честолюбивый юноша, онъ страстно завидовалъ всесвѣтной славѣ римскаго тріумвира и мечталъ подражать ему въ жизни:—онъ уже видѣлъ, въ разгоряченномъ воображеніи, у ногъ своихъ всю Іудею, Самарію, Галилею, мало того—всю Сирію, Финикію, Вавилонъ, всю Азію, весь міръ до крайнихъ его предѣловъ... Іерусалимъ—новый Римъ, но еще болѣе могущественный...

А дикая музыка все неистовѣе и неистовѣе оглашала знойный воздухъ.

— Богъ идетъ! Богъ идетъ! Великій Аписъ!—дрогнулъ воздухъ отъ криковъ толпы, заглушившихъ музыку.

II.

Отъ храма Озириса надвигалась встрѣчная процессія вмѣстѣ съ Аписомъ.

Шествіе открывалъ верховный жрецъ, который сожигалъ благоуханіе на богатомъ золотомъ треножникѣ, несомомъ служителями Аписа.

За нимъ двадцать другихъ жрецовъ несли священные предметы богослуженія—снопъ пшеницы, золотой серпъ, систры, сосуды съ елеемъ, благовонными маслами, золотую клѣтку съ че-

тырьмя священными птицами, изображенія священныхъ жуковъ, пчелъ, кошекъ, змѣй, ибиса.

Слѣдующіе за ними жрецы, числомъ болѣе тридцати, несли на рукахъ изображенія фараоновъ—предковъ Клеопатры, которые должны были принимать участіе въ своемъ семейномъ и всенародномъ торжествѣ.

Клеопатра съ умиленіемъ и грустью смотрѣла съ высоты своего трона на этотъ сонмъ приближавшихся къ ней предковъ.

Впереди всѣхъ—изображеніе перваго фараона имени Птоломеевъ—Птоломея I Сотера Лага, полководца и сподвижника Александра Македонскаго.

Какъ часто, еще маленькой дѣвочкой, въ сопровожденіи своего учителя, верховнаго жреца Озириса, и братьевъ, Клеопатра посѣщала храмъ этого бога, гдѣ стояли изображенія ея предковъ, всѣ дѣянія которыхъ она такъ хорошо изучила при помощи своего наставника, а потомъ дополнила эти знанія, прочитавъ въ дворцовой библіотекѣ уже взрослою дѣвушкой семейную хронику Птоломеевъ! Какъ при этомъ она полюбила нѣкоторыхъ предковъ и какъ возненавидѣла другихъ!

Вотъ рядомъ съ отцомъ сынъ Лага—Филадельфъ. Какъ любила она этого славнаго фараона! Онъ расширилъ богатую библіотеку ея родного города. Къ нему, къ его двору, стекались ученые, философы и поэты всего міра. Его могущественный флотъ доходилъ до Индіи.

Вотъ Птоломей Эвергетъ, котораго походы въ Сирію и Персію такъ восхищали мечтательную дѣвочку.

А вотъ его жена—красавица Береника. Для маленькой Клеопатры это былъ образецъ женщины. Какой умъ! Какая красота! А какая дивная коса! Недаромъ астрономы перенесли эту чудесную косу на небо и дали одному созвѣздію названіе «Волосъ Береники». Маленькая Клеопатра любила отыскивать это созвѣздіе на небѣ, недалеко отъ Арктура, и часто засматривалась на него.

— Ахъ, если-бы у меня была такая коса!—мечтала удивительная дѣвочка и страстно желала, чтобъ и ея имя впослѣдствіи прославилось также, какъ имя ея прабабушки.

Бѣдная дѣвочка не знала, что ея имя будетъ гремѣть на землѣ цѣлыя тысячелѣтія, тогда какъ имя Береники останется только

на картахъ звѣзднаго неба, да въ каталогахъ небесныхъ свѣтилъ... Бѣдная дѣвочка не знала, что... Бѣдная Клеопатра!

— Гнусный убійца!—невольно шептали теперь ея губы при видѣ изображенія Птоломея IV Филопатора; — Ты отправилъ своего славнаго отца, Эвергета... Ты убилъ свою мать, божественную Беренику! Ты умертвилъ своего брата, свою жену Арсиною! И я должна теперь смотрѣть на твое изображеніе.

Передъ нею всѣ тринадцать Птоломеевъ съ ихъ женами, дѣтьми.

Взоръ Клеопатры остановился на изображеніи послѣдняго Птоломея—ея отца, Птоломея XIII Аулета.

— Бѣдный, бѣдный!—шепчутъ ея губы.—Какъ онъ меня любилъ, какъ ласкалъ: «Пальмочка моя гибкая! Змѣйка нильская! Нѣжный цвѣточекъ лотоса!..».

За этими мыслями она и не замѣтила, какъ остановилось ея шествіе въ виду приближенія самого божества. Статуя его возвышалась на носилкахъ, еще богаче, чѣмъ ея собственныя. Носилки покоились на плечахъ жрецовъ, которые махали надъ божествомъ опахалами изъ страусовыхъ перьевъ и вѣтвями деревьевъ, перевитыхъ цвѣтами.

За этими носилками, на довольно значительномъ разстояніи, шелъ самъ Аписъ, массивный бѣлый быкъ, передъ которымъ также курили ѳиміамъ.

При видѣ этого живого бога, и Клеопатра, и Цезарь немедленно сошли съ носилокъ.

Но что вдругъ сдѣлалось съ Аписомъ? До сихъ поръ быкъ шелъ медленной, грузной лѣнивой походкой. Добрые, простодушные глаза животнаго кротко смотрѣли и какъ-бы робко спрашивали шедшихъ около него жрецовъ: скоро-ли ему дадутъ ѣсть? Гдѣ тотъ вкусный снопъ свѣжей пшеницы, которой его всегда кормили во время этихъ скучныхъ церемоній? То-ли дѣло въ храмѣ, въ своемъ стойлѣ! Жуй пшеницу и всякое зерно сколько душѣ угодно. А тутъ—на! Жди, голодай, да еще нюхай этотъ проклятый дымъ благоуханій... Ужъ этотъ ему дымъ! Ужъ эти противные жрецы! А ничего не подѣлаешь: нюхай вонючій дымъ, иди, куда тебя ведутъ, а иначе не дадутъ даже соломенки... А у бога съ голоду брюхо подводитъ. Шутка-ли! Со вчерашняго вечера не кормили...

И вдругъ жрецы замѣчаютъ, что кроткіе глаза Аписа превра-

щаются въ злые. Быкъ, глядя впередъ, сердито трясетъ головой. Хвостъ его безпокойно бьется о жирныя бедра, о ноги... Быкъ начинаетъ упираться.

Жрецы въ недоумѣніи, въ страхѣ... Что съ нимъ сдѣлалось? Божество гнѣвается... И это во время такой торжественной процессіи!..

Волненіе жрецовъ переходитъ въ народъ... Всѣ со страхомъ переглядываются...

Аписъ, видимо, свирѣпѣетъ... Онъ остановился, нагнулъ свою громадную голову, и начинаетъ потрясать страшными рогами...

Клеопатра поблѣднѣла... Что съ нимъ? Что съ богомъ? Онъ не признаетъ ея...

Животное начинаетъ злобно ревѣть, рыть ногами землю... Вотъ, вотъ бросится!..

— О! О!—пронесся ужасъ въ толпѣ:—Богъ гнѣвается! О, горе, горе! Горе Египту!

— Я говорилъ вчера, что божество этого не потерпитъ... Великій Аписъ не хочетъ видѣть нечестивыхъ римлянъ... Не даромъ филинъ кричалъ на пирамидѣ Хеопса...

Въ этотъ моментъ къ Цезарю подходитъ одинъ старый центуріонъ.

— Скинь тогу, великій Цезарь,—шепчетъ онъ,—видишь, глупый быкъ не выноситъ краснаго цвѣта пурпура своей тоги... Я служилъ въ войскѣ Серторія, въ Иберіи (Испаніи), такъ знаю этихъ глупыхъ животныхъ... Всякій красный лоскутъ приводитъ ихъ въ ярость.

— Хорошо, спасибо, — улыбнулся Цезарь презрительной улыбкой, и движеніемъ обѣихъ рукъ перекинулъ тогу за плечи,— пурпуръ и животнымъ страшенъ...

Движеніе Цезаря не скрылось отъ Аписа. Онъ разомъ весь дрогнулъ. Стоявшіе впереди его жрецы испуганно бросились въ сторону, уронивъ на землю изображенія нѣкоторыхъ фараоновъ и священные предметы.

— О, великіе боги! Милосердный Озирисъ! Матерь Изида!— прошелъ стонъ по толпѣ зрителей.

— Горе землѣ фараоновъ! Погибель Египту.

Но разъяренный быкъ вдругъ успокоился. Закинутыя за спину полы тоги, закрывъ пурпуръ ея каймы, открыли грудь Цезаря, закованную въ блестящія латы. Аписъ глядѣлъ на него

изумленными, но не злыми глазами. Жрецы ободрились. Толпа облегченно вздохнула.

— Богъ успокоился... Онъ простилъ дерзкихъ иноземцевъ.

— Нѣтъ, римлянинъ чарами ослѣпилъ великаго Аписа-Озириса.

Клеопатра все еще испуганно озиралась. Но Цезарь успокоилъ ее.

— Не бойся, царица,—тихо сказалъ онъ.—Это мой пурпуръ встревожилъ такъ божество Египта, но не я лично.

Прервавшаяся-было церемонія продолжалась снова.

Верховный жрецъ, овладѣвъ своимъ волненіемъ, громко возглашаетъ гимнъ божеству. Тогда, по его знаку, другіе жрецы, которые несли священные предметы—снопъ пшеницы, золотой серпъ, сосудъ съ елеемъ, клѣтку съ священными птицами и т. д. и тѣ, которые несли изображенія предковъ Клеопатры, дѣлаютъ полукругъ около Аписа, который не сводитъ умильныхъ глазъ съ снопа сочной пшеницы, и тоже поворачивается вслѣдъ за жрецами и вкусной приманкой—соблазнительнымъ снопомъ.

Теперь Клеопатра и Цезарь очутились позади Аписа и послѣдовали за нимъ по направленію къ храму Озириса. За ними двинулись Антигонъ, идумей Антипатръ съ сыномъ Иродомъ, Митридатъ пергамскій, эрисы и римскіе знаменоносцы съ легіонными орлами, съ царскими носилками и, наконецъ, войска и народъ, который, впрочемъ, уже опережалъ процессію и нестройными толпами спѣшилъ къ храму, спотыкаясь о попадавшіеся на пути сфинксы, падая, славословя своихъ боговъ, толкая другъ дружку и бранясь на всѣхъ языкахъ Египта, Нубіи, Финикіи и Сиріи.

Голова процессіи достигаетъ, наконецъ, храма и останавливается, не вступая въ него. Жрецы съ священными предметами и съ изображеніями предковъ Клеопатры располагаются полукругомъ, такъ что Клеопатра и Цезарь остаются въ головѣ этого полукруга. Въ центрѣ же его становится золотая клѣтка съ священными птицами, а передъ нею—Аписъ рядомъ съ верховнымъ жрецомъ. По другую сторону клѣтки, лицомъ къ Апису и ко всему сонму присутствующихъ, помѣщаются два жреца, изъ которыхъ у одного въ рукахъ снопъ пшеницы и золотой серпъ.

Аписъ, окончательно успокоившійся, продолжаетъ смотрѣть на пшеницу. Онъ умный богъ и ждетъ теперь терпѣливо. Онъ

знаетъ, что какъ только выпустятъ птичекъ изъ клѣтки, ему тотчасъ же дадутъ эту вкусную пшеницу. Не даромъ же жрецы цѣлую недѣлю подготовляли его къ этой церемоніи—репетировали съ нимъ обрядъ вѣнчанія на царство, — что дѣлать! — надо ждать, надо покоряться жрецамъ, хоть онъ и богъ...

— Вы, чада великаго Озириса, геніи и покровители четырехъ странъ свѣта! — возглашаетъ между тѣмъ верховный жрецъ:—Несите на вашихъ легкихъ крыльяхъ радостную вѣсть всему міру, повѣдайте востоку и западу, сѣверу и югу до крайнихъ предѣловъ земли, что божественная дочь великаго фараона Аулета—да живетъ онъ вѣчно въ жилищѣ Озириса!—юная Клеопатра вѣнчается вѣнцомъ верхней и нижней страны фараоновъ.

При этомъ онъ открываетъ, одну за другой, четыре дверцы золотой клѣтки, по дверцѣ на каждую изъ четырехъ странъ свѣта, и четыре священныя птицы одна за другой вынархиваютъ и, испуганныя возгласами толпы, быстро разлетаются въ разныя стороны. Изъ толпы раздаются радостные крики.

— Смотрите! Эта полетѣла къ Чатъ-Уръ, на «великія зеленыя воды» (Средиземное море): вонъ, все выше и выше поднимается посланецъ великаго Озириса.

— А та полетѣла на Хонноръ (Сахара) и Катабатмосъ—на западъ земли.

— А эта въ страну Кушъ и Тахонтъ (Еѳіопія и Суданъ).

— Нѣтъ—въ священную страну Пунтъ, откуда привозятся благовонія.

— А гдѣ четвертая? Ея не видать.

— А вонъ, вонъ смотрите! Она понеслась на Мафку (часть Аравіи).

— А теперь повернула къ великому морю, къ синимъ водамъ Секота.

— Вѣнчаютъ! Вѣнчаютъ! Несутъ вѣнецъ фараоновъ!.. Что это? Передаютъ его римлянину?

Дѣйствительно, одинъ изъ жрецовъ подходитъ къ Цезарю и подноситъ къ нему на блюдѣ золотую изящную коронку—вѣнецъ Верхняго и Нижняго Египта. Цезарь дѣлаетъ знакъ великанамъ-скиѳамъ, которые и подходятъ къ нему съ легіонными орлами.

— Именемъ сената и народа римскаго склоните орловъ Рима надъ вѣнцомъ фараоновъ!—Торжественно возглашаетъ Цезарь.

Легіонные орлы склоняются надъ вѣнцомъ.

— Какъ осѣняютъ эти золотыя птицы вѣнецъ фараоновъ, такъ непобѣдимые легіоны Рима будутъ осѣнять и защищать отъ всѣхъ враговъ прекрасную страну фараоновъ!—снова возглашаетъ Цезарь.

Потомъ онъ беретъ съ блюда вѣнецъ и передаетъ его верховному жрецу.

— Именемъ сената и народа римскаго я повелѣваю возложить вѣнецъ фараоновъ на священную голову дочери послѣдняго фараона, Клеопатры,—говоритъ онъ и велитъ склонить легіонныхъ орловъ надъ ея хорошенькой головкой. Смуглыя щечки Клеопатры вспыхнули заревомъ, когда верховный жрецъ надѣлъ на ея голову золотую, сверкавшую драгоцѣнными камнями Индіи, корону ея предковъ.

При видѣ этой сцены юный, честолюбивый идумей Иродъ положилъ въ своей душѣ завѣтъ, что и онъ будетъ царемъ Іудеи, Самаріи и Галилеи, во что бы то ни стало.

— По рѣкамъ крови и по грудамъ труповъ дойду до царскаго трона!..

Теперь Клеопатра, приблизившись къ жрецамъ, державшимъ снопъ пшеницы и золотой серпъ, взяла послѣдній изъ рукъ жреца и срѣзала нѣсколько колосьевъ пшеницы, сколько могла захватить ея маленькая ручка. Морда Аписа жадно потянулась къ этой горсти сочнаго корма. «А! Теперь то дадутъ! Весь снопъ дадутъ!» казалось, говорили его повеселѣвшіе глаза. И ему дали, и онъ жадно жевалъ сочные, зрѣло налившіеся колосья пшеницы.

— Богъ принялъ жертву!—пронесся радостный говоръ по толпѣ. — Аписъ-Озирисъ кушаетъ... Урожай пшеницы будетъ обильный.

— Слава великому Апису-Озирису! Слава новому фараону—царицѣ Клеопатрѣ!—кричали египтяне.

— Слава сенату и народу римскому!—возглашали воины Цезаря.—Слава великому тріумвиру Юлію Цезарю!

«И мнѣ такъ будутъ кричать іудеи и самаряне!»—думалъ Иродъ, жадно внимая этимъ кликамъ.

III.

Хотя Иродъ былъ родомъ идумей, однако, онъ, при всей своей молодости, игралъ очень вліятельную роль въ управленіи Іудеей.

Въ то время, когда начинается наше повѣствованіе (48—49 гг. до Христа), Іудея была обуреваема внутренними смутами. Цари ея, потомки славныхъ Маккавеевъ, если чѣмъ и прославились, то только своею бездарностью и злодѣяніями. Когда Цезарь возлагалъ на хорошенькую головку Клеопатры вѣнецъ фараоновъ, съ нимъ въ Александріи находились, какъ мы видѣли, Антигонъ, послѣдній потомокъ Маккавеевъ, и два идумея, Антипатръ и его сынъ Иродъ. Антигонъ былъ сынъ послѣдняго царя Іудеи, Аристовула, отравленнаго приверженцами Помпея за то, что онъ принялъ сторону Цезаря. Но, кромѣ сына Антигона, у него оставался еще братъ Гирканъ, носившій санъ первосвященника іудейскаго народа.

Антипатръ же хотя не былъ природнымъ іудеемъ, однако, можно сказать, игралъ судьбами Іудеи. Его громадное богатство, обширныя связи и знакомства въ Римѣ и Египтѣ, его родство съ Аретою, царемъ Каменистой Аравіи, на сестрѣ котораго, по имени Кипра, онъ былъ женатъ, дѣлали его всемогущимъ властелиномъ Іудеи. Отъ Кипры у него было четыре сына—Фазаель, Иродъ, Іосифъ и Фероръ и дочь Саломея—красавица и демонъ Іудеи, если можно такъ выразиться.

Когда въ Александріи кончились празднества въ честь коронованія Клеопатры, Цезарь принималъ у себя во дворцѣ Митридата, пергамскаго царя, іудейскаго царевича Антигона и Антипатра съ сыномъ Иродомъ. Всемогущій тріумвиръ встрѣтилъ ихъ ласково, даже дружески. Несмотря на то, что онъ былъ теперь полновластнымъ господиномъ и повелителемъ величайшей и могущественнѣйшей въ мірѣ державы, онъ былъ чуждъ малѣйшаго высокомѣрія и показной важности. Въ немъ было слишкомъ много внутренняго содержанія и ума, чтобы прибѣгать къ пошлому проявленію величія, на что способны натуры неглубокія, мелкія. Это былъ скорѣе философъ-полководецъ, даровитый писатель, скромный до величія. Притомъ онъ помнилъ, что явившіеся къ нему высокіе гости сдѣлали для него очень многое:—безъ ихъ помощи его геніальная, рано облысѣвшая голова, быть

можетъ, также покоилась бы на одномъ изъ блюдъ дворца фараоновъ, какъ недавно на одномъ изъ такихъ блюдъ ему поднесли голову Великаго Помпея:—вѣдь когда Цезарь, явившись въ Александрію всего только съ пятитысячнымъ войскомъ, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ египтянами, напавшими на него подъ предводительствомъ старшаго брата Клеопатры, только эти трое, Митридатъ, Антипатръ и Иродъ, вынули геніальную голову римлянина, можно сказать, изъ петли. Митридатъ, прибывшій съ своимъ войскомъ изъ Сиріи, а Антипатръ и Иродъ изъ Іерусалима, повели такую бѣшеную атаку на египтянъ, что часть ихъ бросилась въ Нилъ и потонула вмѣстѣ съ братомъ Клеопатры, а остальная часть бѣжала, преслѣдуемая Иродомъ.

— Я радъ васъ видѣть,—сказалъ Цезарь, обращаясь преимущественно къ Митридату и къ Антипатру съ Иродомъ, и, повидимому, мало замѣчая Антигона.

Послѣдній понялъ это. Онъ зналъ, что Антипатръ, угождая Риму, ищетъ одного—оттѣснить отъ власти послѣднихъ потомковъ Маккавеевъ, которымъ дорога независимость Іудеи. Онъ зналъ, что властолюбивому идумею не даетъ покою іерусалимская корона,—быть хоть рабомъ въ Римѣ, но царемъ въ Іудеѣ.

Дрожа отъ волненія онъ выступилъ впередъ.

— Всемогущій повелитель,—началъ онъ со слезами въ голосѣ:—разсуди насъ съ Антипатромъ и его сыновьями. Я—потомокъ царей Іудеи и сынъ послѣдняго царя Аристовула,—онъ говорилъ медленно, какъ-бы задыхаясь и съ трудомъ подбирая слова.—Его отравили приверженцы Помпея за то, что ты освободилъ его изъ мамертинской тюрьмы, съ почестями и съ двумя легіонами отправилъ въ Сирію противъ Помпея... Да, его отравили за преданность къ тебѣ, Цезарь. Бѣдный отецъ! Бѣдный царь Іудеи! Его тѣло даже лишено было погребенія въ родной землѣ... Вѣрные слуги царя долго сохраняли это царственное тѣло въ меду, пока Антоній не приказалъ отослать его въ Іудею для того, чтобы оно нашло свое вѣчное успокоеніе въ нашихъ царскихъ гробницахъ... О, великій Цезарь! Слезы мѣшаютъ мнѣ говорить... Прости... За отцомъ вслѣдъ погибъ и мой братъ Александръ царевичъ: по повелѣнію того же Помпея ему отрубили голову... О, Іегова! Ты видѣлъ эту прекрасную голову не на блюдѣ, какъ голову его убійцы, а въ прахѣ, подъ ногою палача...

Цезарь незамѣтно вздрогнулъ. Онъ вспомнилъ голову Великаго Помпея на блюдѣ... Что ждетъ его самого?

— Голова за голову—таковъ судъ Іеговы, — продолжалъ Антигонъ, первно утирая слезы.—И что же? Мы, цари Іудеи, потомки славныхъ Маккавеевъ, изгнанники! Насъ, какъ бродягъ, какъ нищихъ, великодушно принялъ Птоломей, владѣтель Халкиды... И вотъ я передъ тобою, великій Цезарь: я—жалкій проситель за себя, за мать свою, за братьевъ, за сестеръ... А вотъ, который изъ лести подвязывалъ ремни у сандалій Помпея, тотъ, который...

Антипатръ не выдержалъ. Въ немъ заговорила идумейская кровь. Иродъ тоже схватился подъ плащемъ за свой дамасскій мечъ. Но отецъ предупредилъ его. Несмотря на присутствіе Цезаря, онъ заметался, какъ тигръ, и сталъ срывать съ себя одежду.

— Смотри! — захрипѣлъ онъ злобно, показывая на свои раны.—Чтобъ доказать мою вѣрность великому Цезарю, я не буду прибѣгать къ словамъ; если я даже буду молчать, мое тѣло слишкомъ громко говоритъ за меня.

Онъ стоялъ, страшный, обнаженный до пояса. Все мускулистое смуглое тѣло его было въ рубцахъ. Иныя раны были свѣже-перевязанныя.

— Смотри,—продолжалъ онъ,—это раны свѣжія, которыя еще не затянулись... Ихъ обмывали воды въ тотъ день, когда великій Цезарь вводилъ Клеопатру во дворецъ ея предковъ. Изъ этихъ ранъ еще сочилась свѣжая кровь, когда изъ Нила вынули мертвое тѣло Птоломея, противника великаго Цезаря. А кто загналъ его въ Нилъ? Вотъ этотъ идумейскій мечъ, который изубренъ о доспѣхи египтянъ. А ты что дѣлалъ въ это время?

— Но у меня не было войска,—отвѣчалъ Антигонъ,—оно оставалось въ Іерусалимѣ, у моего дяди, у первосвященника Гиркана.

— Да!—возразилъ Антипатръ.—Но дядя не прислалъ этого войска племяннику; Гирканъ довѣрилъ его мнѣ, идумею, а не потомку Маккавеевъ. Мало того, онъ, черезъ меня, писалъ египетскимъ евреямъ, чтобы они приняли сторону Цезаря, а не сторону Птоломея.

— Вотъ его письмо,—сказалъ Иродъ, показывая свертокъ.—Повелитель!—обратился онъ къ Цезарю.—Позволь мнѣ къ словамъ моего отца присоединить и мое слово. Когда мы вмѣстѣ съ

этимъ человѣкомъ,—онъ указалъ на Антигона,—учились въ Римѣ эллинской и римской мудрости и однажды спускались съ высотъ Капитолія на Форумъ, этотъ человѣкъ, остановившись передъ изображеніемъ волчицы, кормящей Ромула и Рема, сказалъ: «Вотъ Римъ, дѣтище волчицы; въ каждомъ римлянинѣ течетъ кровь волка, и оттого ненасытный Римъ жаждетъ пожрать вселенную; теперь Цезарь пожираетъ Галлію и Британію, Серторій—Иберію, Помпей—Сирію; они пожрали Грецію; скоро пожрутъ Египетъ. Но Іегова не допуститъ ихъ пожрать Іудею съ народомъ избраннымъ: ему уготовано владычество надъ міромъ, а мы, Маккавеи, посланники Іеговы. Какъ Іисусъ Навинъ остановилъ солнце, такъ мы остановимъ римскихъ орловъ: ни шагу далѣе! Вотъ его слова, великій Цезарь.

Цезарь слушалъ молча, какъ безпристрастный судья слушаетъ тяжущіяся стороны. Антигонъ былъ блѣденъ.

— Да,—сказалъ онъ глухо,—да, Иродъ, мы вмѣстѣ съ тобой учились у Цицерона краснорѣчію, и ты теперь доказалъ, что ты его ученикъ. Но если бы бронзовая волчица, о которой ты говоришь, слышала тебя теперь, то бездушная мѣдь навѣрно воскликнула бы: «Ты лжешь, Иродъ, передъ лицомъ Цезаря!»

Тогда выступилъ Митридатъ.

— Нѣтъ, лукавый іудей,—сказалъ онъ,—если бы ты повторилъ эти слова передъ бронзовой волчицей, то ея металлическая лапа дала бы тебѣ пощечину. Не ты ли, встрѣтивъ меня у Пелузіума, когда я спѣшилъ на помощь къ Цезарю, сказалъ окружавшимъ тебя онійскимъ евреямъ: «Вотъ, идетъ евнухъ Цезаря!» и при этомъ воскликнулъ: «о, Сіонъ! Да будетъ безславіе Пергама тебѣ урокомъ! А ты, евнухъ римскаго волка!—крикнулъ онъ мнѣ:—иди и скажи этому волку, что Іегова не позволитъ ему ворваться въ овчарню избраннаго народа; уже подали ему на блюдѣ голову другого волка—это Помпея! Скоро и его плѣшивая голова будетъ гнить на томъ же блюдѣ».

— Это онъ говорилъ такъ дерзко потому,—пояснялъ Иродъ, обращаясь къ Цезарю,—что тогда прошелъ слухъ, что римляне, будто бы, заперты въ Брухіумѣ, и скоро всѣ римляне будутъ перерѣзаны, а за твою голову, повелитель, будто бы Птоломей обѣщалъ золота вѣсомъ, равнымъ вѣсу головы.

— Маловато,—улыбнулся Цезарь:—мою голову, когда я

былъ еще почти мальчикомъ, пираты оцѣнили въ двадцать талантовъ, а я имъ далъ пятьдесятъ.

Антигонъ былъ уничтоженъ. Онъ стоялъ блѣдный, растерянный.

— Успокойся, потомокъ Маккавеевъ,—обратился къ нему Цезарь:—римскій волкъ не только не ворвется въ овчарню Іеговы но онъ даже прикажетъ ее починить... Какая часть іерусалимскихъ стѣнъ разрушена Помпеемъ?—спросилъ онъ Антипатра.

— Разрушена часть сѣверныхъ стѣнъ и башня,—отвѣчалъ послѣдній.

— Хорошо. Отъ имени сената и народа римскаго я позволяю возобновить разрушенныя стѣны,—сказалъ Цезарь.

Антипатръ и Иродъ поклонились въ знакъ благодарности.

— Гиркана же я утверждаю въ санѣ первосвященника іудейскаго народа. Я знаю—народъ его любитъ. Самъ же онъ, по кротости характера и по благочестію, достоинъ быть судьею своего народа. Ты же, достойный вождь Іудеи,—обратился Цезарь къ Антипатру,—избери высокій постъ по твоему собственному желанію. Какой именно?

Антипатръ уклонился отъ прямого отвѣта. Въ душѣ онъ лелѣялъ царскій вѣнецъ.

— Великій Цезарь!—отвѣчалъ онъ послѣ недолгаго молчанія.—Позволь мнѣ предоставить мѣру награды самому награждающему.

Цезарь, немного подумавъ, сказалъ:

— Ты заслужилъ высшей награды, какую только можетъ предоставить тебѣ Римъ: именемъ сената и народа римскаго я назначаю тебя прокураторомъ надъ всей Іудеей. Этотъ актъ дружескаго союза съ Іудеей я отправлю въ Римъ, дабы вырѣзанъ былъ на мѣдной доскѣ и поставленъ въ Капитоліи вмѣстѣ съ другими государственными актами.

Иродъ, отошедшій въ эту минуту за колонны, поддерживавшія передній куполъ дворца, появился оттуда, держа въ рукахъ массивный золотой щитъ художественной чеканки.

— Щитъ этотъ, работы іерусалимскихъ художниковъ, подноситъ Іудея Риму, какъ эмблему того, что послѣдній съ этого знаменательнаго дня станетъ навсегда несокрушимымъ щитомъ первой,—сказалъ Антипатръ, передавая щитъ Цезарю.

— Что же мнѣ остается отъ наслѣдія моихъ предковъ?—въ порывѣ отчаянія воскликнулъ Антигонъ. — Права рожденія... царственная кровь, текущая въ моихъ жилахъ... великія заслуги Маккавеевъ передъ іудейскимъ народомъ... все это попрано, забыто!

— Нѣтъ!—строго отвѣчалъ Цезарь.—Права рожденія, царственная кровь въ твоихъ жилахъ, древность рода,—все это остается при тебѣ; заслуги Маккавеевъ также почтены іудейскимъ народомъ и исторіею. Но гдѣ твои личныя доблести? Что ты сдѣлалъ для Іудеи? Царскія дѣти, какъ и дѣти рабовъ, не рождаются въ порфирѣ и со скипетромъ въ рукѣ. То и другое они должны заслужить сами. Наслѣдіе отцовъ—это пагуба для ихъ дѣтей. Богатство отцовъ, слава ихъ имени, власть, скипетръ, переходя по наслѣдству къ дѣтямъ, только развращаютъ ихъ, дѣлаютъ безпечными къ оказанію личныхъ доблестей.

Въ это время въ перспективѣ между колоннами дворца показалась блестящая группа. То Клеопатра, въ сопровожденіи многочисленной свиты изъ придворныхъ и рабынь, направлялась на половину Цезаря.

Неразгаданная улыбка скользнула по серьезному лицу завоевателя.

Какія доблести совершила эта блестящая куколка?—казалось, говорила неразгаданная улыбка.—Что сдѣлала она для Египта?.. А между тѣмъ»...

Цезарь вспомнилъ что то, и на его морщинистомъ, цвѣта стараго пергамента, лицѣ показалась краска.

IV.

Дѣйствіе переносится въ Іерусалимъ.

На южной галлереѣ дворца іудейскихъ царей, откуда открывался прекрасный видъ на Геѳсиманскій садъ съ его столѣтними сѣдолиственными маслинами и на всю Елеонскую гору, въ тѣни навѣса сидѣла вдовствующая царица Александра. Это была женщина еще не старая; правильныя, нѣжныя черты лица изобличали былую красоту—красоту яркую, жгучую; но годы думъ, заботъ и дорогихъ утратъ наложили на это прекрасное лицо печать унынія. Царская семья, къ которой она принадлежитъ, стала какъ бы чуждою въ Іудеѣ. Назади—столько близкихъ ей покой-

никовъ, которыхъ она еще вчера посѣщала въ царскихъ гробницахъ. Впереди—безпросвѣтный мракъ. Что станется съ ея дорогими дѣтьми-сиротками? Ихъ дѣдушка, первосвященникъ Гирканъ—только тѣнь главы іудейскаго народа. Надъ всѣмъ господствуетъ хищная семья идумеевъ:—самъ Антипатръ, слуга языческаго Рима, прокураторъ Іудеи, кровожаднымъ коршуномъ носится надъ несчастной страной, отягощая ее поборами въ пользу алчнаго Рима. Старшій сынъ его, Фазаель, свилъ гнѣздо въ самомъ Іерусалимѣ и держитъ въ тѣни и первосвященника, и весь синедріонъ. Второй сынъ, Иродъ, въ качествѣ намѣстника Галилеи, льетъ кровь приверженцевъ царскаго дома. А разрушенныя стѣны Іерусалима все еще зіяютъ своими развалинами, напоминая страшные дни осады города жестокимъ Помпеемъ. Храмъ Соломона и Зерувавеля все еще стоитъ обнаженнымъ. Около Овчей купели груды неубранныхъ камней.

Царица такъ углубилась въ свои грустныя думы, что даже не слышала дѣтскихъ голосовъ, которые спрашивали:—«гдѣ же мама? гдѣ дѣдушка?»

И вдругъ на галлереѣ показалась прелестная дѣвочка, лѣтъ шести-семи, съ золотистыми волосами, а за нею почти такихъ же лѣтъ мальчикъ.

— Ахъ, мама, какъ намъ было весело!—защебетала дѣвочка, кладя руки на плечи матери.

— Гдѣ-жъ вы были такъ долго?—спросила послѣдняя.

— У пророковъ и патріарховъ,—поспѣшилъ отвѣтить мальчикъ.

— Какъ? Зачѣмъ? Да вѣдь это далеко—за Кедронскимъ потокомъ и Іосафатовой долиной.

Дѣти лукаво переглянулись.

— Это все дѣдушка,—сказала дѣвочка.—Когда ты вчера посѣщала гробницу нашего отца, дѣдушка разсказывалъ о нашихъ пророкахъ,—что они дѣлали, какъ жили.

— И гдѣ они лежатъ теперь—вонъ тамъ, тамъ!—пояснилъ мальчикъ, перебивая сестру.

— Мы и просили дѣдушку, чтобы онъ позволилъ намъ туда сходить,—торопилась дѣвочка.

— Нѣтъ, Маріамма, не сходить, а съѣздить,—снова перебилъ мальчикъ.

— Ахъ, Аристовулъ, ты все перебиваешь,—возразила го-

рячо дѣвочка,—я и хотѣла сказать потомъ, что мы ѣздили, а не ходили; а прежде мы думали, что пойдемъ.

— Вотъ и нѣтъ! Я не думалъ, что пойдемъ: туда далеко.

— Ахъ, Аристовулъ, да ты не зналъ, что это далеко.

— Нѣтъ, зналъ! Нѣтъ, зналъ!

Мать невольно разсмѣялась, любуясь дѣтьми, ихъ оживленными личиками.

— Ну, дѣти, не спорьте,—сказала она, лаская и дѣвочку, и мальчика.—Пусть разсказываетъ Маріамма—она старшая; а ты, Аристовулъ, напомни ей, если она что-нибудь пропуститъ или забудетъ.

— Нѣтъ мама, я ничего не пропущу,—возразила дѣвочка.

— А вонъ сказала же, что мы пойдемъ, а не поѣдемъ,—не унимался мальчикъ.

— Ахъ, ты, спорщикъ!—погладила его мать.

— Онъ всегда такой!—надулась дѣвочка.

— Ну, ну, полно, разсказывай,—успокаивала ее мать.—Разсказывай же... Такъ вы поѣхали...

— Да, мама. Утромъ, когда мы встали, и насъ одѣли...

— И я выпилъ свое козье молоко,—не вытерпѣлъ Аристовулъ.

— Ахъ! Опять! Мама!

— Да ты пропустила козье молоко... А мама сказала, чтобы я...

— Ну, Аристовулъ, ты совсѣмъ глупый мальчикъ,—стараясь не разсмѣяться, сказала Александра.—Козье молоко совсѣмъ не относится къ вашей поѣздкѣ. Ну, хорошо, утромъ васъ одѣли...

— А дѣдушка велѣлъ осѣдлать нашихъ осликовъ и сказалъ раби Элеазару, чтобы онъ ѣхалъ съ нами и показалъ намъ гробницы нашихъ патріарховъ и пророковъ. Мы и поѣхали черезъ Овчія ворота къ Кедронскому потоку, и намъ всѣ кланялись и говорили:—вотъ внучка и внучекъ нашего первосвященника...

— Нѣтъ, прежде говорили «внучекъ», а потомъ «внучка»,—снова вмѣшался Аристовулъ:—меня первымъ называли, а тебя послѣ.

— Ну, все равно,—остановила его мать,—замолчи.

— Ну, мы и поѣхали; ѣдемъ, ѣдемъ, ѣдемъ,—продолжала маленькая Маріамма, точно сказывая сказку.

— А вотъ и забыла,—не унимался маленькій Аристовулъ;—а Овчая купель? Какъ тамъ овечекъ купаютъ.

— Ахъ, мама! Какія тамъ хорошенькія овечки!—воскликнула Маріамма.—И ихъ всѣхъ рѣзать будутъ въ жертву Іеговѣ... Ахъ, мама! Зачѣмъ Іеговѣ овечки?

— Онъ принимаетъ ихъ, какъ жертвоприношеніе: онъ любитъ кадильное благоуханіе и дымъ отъ всесожженій, такъ надо, такъ завѣщали намъ отцы наши—Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ.—наставительно сказала Александра.—Ну, что дальше?

— Дальше мы переѣхали Кедронскій потокъ, потомъ раби Элеазаръ показалъ намъ гробницу Іосафа, а немножко дальше гробница Авессалома...

— А Авессаломъ, мама, былъ нехорошій, отца не слушался,—опять перебилъ Аристовулъ.

— Я сама это хотѣла сказать, а вотъ ты такъ забылъ... Что! Что!—обрадовалась Маріамма.—Когда мы, мама, проѣзжали мимо Геѳсиманскаго сада, то оттуда вышла старенькая женщина и бросила подъ ноги нашимъ осликамъ пальмовыя вѣтви, а въ руки намъ подала по масличной вѣтви, а потомъ поцѣловала края нашей одежды и сказала:—«бѣдныя царскія дѣтки-крошки! Ихъ ограбили идумеи». А когда мы спросили раби Элеазара, какіе это идумеи, онъ сказалъ, что Антипатръ, Фазаель и Иродъ. Какъ они насъ ограбили?—спросила я раби Элеазара. А онъ сказалъ, что намъ еще рано это знать.

Александра грустно улыбнулась и поспѣшила свести разговоръ на другое.

— Что-жъ, дѣточки, вы поклонились и гробамъ нашихъ пророковъ?—спросила она.

— Да, поклонились, мама!—разомъ отвѣчали дѣти.—Какъ тамъ страшно!

— А отуда, мама, мы возвращались не черезъ Овчія врата, а раби Элеазаръ провелъ насъ черезъ Золотыя и черезъ храмъ,—поспѣшилъ заявить Аристовулъ.—А осликовъ нашихъ взяли рабы и повели домой.

— А когда мы проходили черезъ дворъ храма, то многіе кричали «осанна! осанна» и давали намъ дорогу, какъ большимъ,—гордо заключила Маріамма.

Въ это время въ концѣ галлереи показалась внушительная

фигура старика въ первосвященническомъ одѣяніи, съ повязкой на головѣ и съ жезломъ въ рукѣ.

— Дѣдушка! Дѣдушка!—радостно закричалъ Аристовулъ.

— Мы были у патріарховъ и пророковъ,—съ своей стороны заявила Маріамма, бросаясь навстрѣчу къ старику и поднимаясь на цыпочки, чтобы поцѣловать его бороду.

Это былъ Гирканъ, первосвященникъ, братъ покойнаго царя Аристовула II, отравленнаго приверженцами Помпея, и дядя Антигона, котораго мы уже видѣли на коронаціи Клеопатры и на аудіенціи у Цезаря. Высокій ростъ, длинная патріаршая борода и плавныя движенія дѣлали видъ его внушительнымъ, однако, мягкое, добродушное выраженіе лица и кроткіе, какъ бы робкіе глаза изобличали, повидимому, отсутствіе энергіи и стойкости. Самый отказъ его отъ престола въ пользу младшаго брата, Аристовула, какъ бы свидѣтельствовалъ объ отсутствіи въ немъ качествъ государственнаго человѣка.

Дѣти очень любили его и тотчасъ же завладѣли старымъ первосвященникомъ, болтая о своей поѣздѣ къ гробницамъ патріарховъ и пророковъ и перебивая другъ дружку. Гирканъ же только любовно улыбался и повторялъ:—«ну-ну, козляточки, не торопитесь, не скачите такъ,—дайте съ матерью поздороваться».

— Куда это, отецъ, ты собрался?—спросила Александра, цѣлуя руку свекра.

— Въ синедріонъ, голубка, въ синедріонъ,—отвѣчалъ первосвященникъ, опускаясь на невысокое рѣзное кресло.

— Но сегодня, кажется, не судный день?

— Экстренно судный, голубка, экстренно... Да вы не щиплите мнѣ бороду, козлята; всю вырвете, — отбивался онъ отъ дѣтей.—Сегодня судъ назначенъ надъ этимъ наглымъ самоуправцемъ—надъ Иродомъ. Онъ стоитъ, чтобы распять его на крестѣ, какъ простого разбойника, и я это сдѣлаю, клянусь Богомъ Авраама, Исаака и Іакова.

Эти слова такъ поразили Александру, что она сразу не могла притти въ себя отъ изумленія. Иродъ, котораго имя, несмотря на его молодость, гремѣло уже по всей Іудеѣ, Самаріи и Галилеѣ, и вдругъ на крестѣ,-на позорной Голгоѳѣ! И это говоритъ робкій и нерѣшительный Гирканъ! А что скажутъ Антипатръ и Фазаель? Сердце Александры забилось и страхомъ, и надеждою...

Они ограбили ея дѣтей. Они отняли у ея милаго малютки наслѣдственный престолъ.

— А ты насъ, дѣдушка, пустишь на Голгоѳу посмотрѣть, какъ будутъ Ирода распинать?—спросилъ Аристовулъ, ласкаясь.—Мы съ раби Элеазаромъ...

— Замолчи ты, несносный мальчикъ!—перебила его мать.—Какое преступленіе совершилъ Иродъ?

— Онъ ихъ много совершилъ, голубка,—разсѣянно отвѣчалъ Гирканъ, глазами показывая своему любимцу: дескать, пущу на Голгоѳу.

— А я не пойду туда, дѣдушка,—конфиденціально шепнула на ухо дѣду Маріамма.—Я боюсь.

— Дѣти, я васъ выгоню!—серьезно сказала Александра.

— Ну-ну, не сердись, голубка, они будутъ смирно сидѣть,—успокаивалъ ее Гирканъ.—Видишь ли, тебѣ извѣстно, что когда Цезарь назначилъ Антипатра прокураторомъ Іудеи, то онъ, отъ себя уже и съ моего разрѣшенія, опредѣлилъ Фазаеля начальникомъ Іерусалима и окрестностей, а этого разбойника, мальчишку Ирода, послалъ отъ себя намѣстникомъ въ Галилею. Ну, эти-то, Антипатръ и Фазаель, ведутъ себя хорошо, слушаются меня, во всемъ исполняютъ мою волю... Сидите тише, козлята (это къ дѣтямъ, шепотомъ). Ну, такъ Антипатръ даже, съ моего согласія, разослалъ по Іудеѣ повелѣніе, въ которомъ говоритъ, что іудеи, преданные первосвященнику Гиркану, будутъ жить счастливо и спокойно, наслаждаясь благами міра и своимъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ; но тотъ, кто дастъ обольстить себя мятежникамъ, тотъ найдетъ въ немъ, Антипатрѣ, вмѣсто заботливаго друга—деспота, во мнѣ же въ первосвященникѣ, вмѣсто отца страны—тирана, а въ римлянахъ и въ Цезарѣ, вмѣсто руководителей и друзей—враговъ, такъ какъ римляне-де не потерпятъ униженія того, кого они сами возвысили.

— Да, онъ хитрый, этотъ идумей,—какъ бы про себя замѣтила Александра.

— А старушка изъ Геѳсиманскаго сада сказала намъ, что онъ насъ ограбилъ,—прозвенѣла вдругъ Маріамма, соскакивая съ колѣнъ дѣда.

— Что? Что, козочка?—удивился послѣдній.

— Ну, объ этомъ послѣ, дорогой батюшка,—отвѣчала Александра.—А ты ничего еще не сказалъ о главномъ—объ Иродѣ.

— Да, да, голубка, я къ тому и веду рѣчь,—сказалъ Гирканъ, освобождая свою бороду изъ рукъ Маріаммы, которая начала было заплетать ее въ косу. — Тебѣ, вѣроятно, неизвѣстно, что, когда братъ мой, царь Аристовулъ, былъ отравленъ, и войска его были разбиты римлянами, храбрый Іезеккія, вѣрный памяти отравленнаго царя, собралъ небольшой отрядъ отважныхъ іудеевъ, чтущихъ завѣты отцовъ, и сталъ громить пограничные города Сиріи и римскіе легіоны, пролившіе столько іудейской крови. Такъ этотъ разбойникъ Иродъ, выслуживаясь передъ намѣстникомъ Сиріи, Секстомъ-Цезаромъ, родственникомъ Цезаря-тріумвира, напалъ на Іезеккію, взялъ его въ плѣнъ съ нѣкоторыми его соратниками и безъ всякаго суда, не донося даже мнѣ, казнилъ собственною властью. А, каковъ мятежникъ?

— Да, точно ты и не первосвященникъ, не глава, не отецъ іудейскаго народа; это ужасно!—качала головою Александра.

— Да, да!—вдругъ разгорячился Гирканъ.—И этого разбойника вдругъ начали прославлять и сирійцы, и римляне... «Герой Иродъ!» кричатъ вездѣ. Даже въ моемъ царскомъ дворцѣ тайные соглядатаи и рабы римлянъ перешептываются: «быть царемъ Ироду». Преданные мнѣ слуги давно говорятъ: «ты, царь, выпустилъ напрасно изъ рукъ своихъ возжи. Ихъ ловкою рукою схватилъ Антипатръ съ Иродомъ и Фазаелемъ, а тебѣ осталась только кличка царя и первосвященника. Доколѣ, говорятъ, ты будешь оставаться въ заблужденіи, вскармливая себѣ на гибель царей? Теперь Иродъ правитъ Іудеей, а не ты».

— Да это и правда,—подтвердила Александра:—ты, отецъ, слишкомъ добръ. Ты и внуковъ своихъ не можешь усмирить: вонъ ужъ они на тебѣ верхомъ сидятъ.

— Да, да, прочь, козлята,—отбивался старикъ отъ дѣтей,—а то я и васъ съ Иродомъ отправлю на Голгоѳу. Но вотъ что,—продолжалъ серьезно Гирканъ:—прежде у меня не было повода казнить Ирода; а теперь есть: это его злодѣяніе въ Галилеѣ, око за око, зубъ за зубъ, по писанію... Казнь за казнь! Сегодня онъ долженъ предстать предъ синедріономъ, и я иду судить его.. На Голгоѳу! На крестъ!

Гирканъ осторожно спустилъ съ колѣнъ дѣтей, выпрямился

во весь свой величественный ростъ и пошелъ къ ожидавшимъ его царедворцамъ, чтобы отправиться въ синедріонъ.

— Какой дѣдушка сегодня сердитый,—сказала Маріамма, слѣдя глазами за величавой походкой первосвященника;—онъ непремѣнно велитъ распять Ирода.

Но Александра этому не вѣрила. Она вспомнила, что жалостливый Гирканъ даже въ храмѣ, когда приводили агнцевъ на закланіе, закрывалъ глаза, чтобы не видѣть мученій невинныхъ овечекъ.

V.

Гирканъ, сопутствуемый придворными чинами, прибылъ въ синедріонъ, когда верховное судилище было уже все въ сборѣ.

Члены синедріона тотчасъ же по лицу первосвященника замѣтили, что онъ чѣмъ-то смущенъ и даже напуганъ. Однако, всѣ почтительно встали при его появленіи.

— Миръ вамъ,—сказалъ онъ какъ то растерянно и занялъ свое мѣсто.

Въ немъ теперь нельзя было узнать того добродушнаго дѣдушки, котораго за нѣсколько минутъ передъ этимъ такъ тормошили и забавляли Маріамма и Аристовулъ, и еще менѣе онъ напоминалъ того величаваго и даже грознаго первосвященника, который, собираясь итти въ синедріонъ, воскликнулъ: «На Голгоѳу! На крестъ Ирода!»

Какъ бы то ни было, онъ занялъ свое почетное мѣсто, нѣчто вродѣ тропа. Недалеко отъ него помѣстились главы синедріона: раби Семаія и раби Авталіонъ, а по бокамъ ихъ прочіе члены верховнаго судилища. Передъ судьями на столѣ лежали свитки законовъ и донесенія изъ разныхъ мѣстъ и городовъ Іудеи, Самаріи и Галилеи, подлежавшія обсужденію синедріона.

— Державный царь и вы, почтенные судьи синедріона!—началъ Семаія.—Намъ предстоитъ обсудить дѣянія, я скажу прямо—злодѣянія Ирода, сына Антипатра, недостойнаго намѣстника Галилеи. Вамъ извѣстно, что когда римляне, посягнувъ на независимость и даже на божескіе законы іудейскаго народа, разрушили стѣны нашего святого города и, въ лицѣ нечестиваго Помпея, вторглись даже во святая святыхъ нашего храма, а потомъ избили или разсѣяли нашихъ воиновъ, воиновъ Іеговы, то

этихъ разсѣянныхъ, небольшую горсть, слабую числомъ, но сильную духомъ, собралъ около себя нашъ доблестный вождь Іезеккія, собралъ, какъ кокошъ собираетъ птенцовъ своихъ, и ободрилъ; эта малая горсть, какъ нѣкогда горсть дружины Іегуды Маккавея, стала наносить удары врагамъ Іудеи и Іеговы, и мы надѣялись, что Богъ Авраама, Исаака и Іакова услышитъ наши молитвы и оружіемъ Іезеккіи освободитъ нашу страну отъ иноплеменнаго ига. Но надежды наши оказались тщетными, Іегова отвратилъ лицо свое отъ избраннаго народа, ибо среди насъ явился нечестивецъ, прогнѣвившій Бога отцовъ нашихъ. Нечестивецъ этотъ—Иродъ, сынъ Антипатра, котораго мы же взлелѣяли, давъ идумею мѣсто среди народа Божьяго. Этотъ сынъ пустыни, отпрыскъ исконныхъ враговъ народа Божьяго, филистимлянъ, этотъ волкъ напалъ на малое стадо наше и разогналъ его, а пастыря этого стада, доблестнаго Іезеккію, казнилъ своею властью, безъ суда, растерзалъ по-волчьи.

Маленькая, тощая фигурка Семаіи, казалось, выростала по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ. Его блѣдный лобъ и серебристая борода, сдавалось, сверкали огнемъ.

Онъ остановился и сталъ къ чему-то прислушиваться.

— Слышите? Эти вопли и стенанія, они стучатся въ наши сердца, въ нашу совѣсть!—продолжалъ онъ, указывая дрожащею рукою въ пространство.—Это вопли и стенанія матерей, женъ и дѣтей тѣхъ, которыхъ жизнь отнялъ Иродъ. Вопли младенцевъ взываютъ о мщеніи, это кровь избіенныхъ вопіетъ къ намъ и къ небу.

Гирканъ сидѣлъ блѣдный, безмолвный. Рука его нервно ощупывала что-то подъ мантіею первосвященника. То было приводившее его въ трепетъ посланіе, полученное имъ сейчасъ, по дорогѣ въ синедріонъ, изъ Сиріи, отъ запыленнаго и загорѣлаго римскаго воина-гонца. То было письмо отъ намѣстика Сиріи, Секста Цезаря, который грозилъ Гиркану и всей Іудеѣ безпощаднымъ гнѣвомъ Рима, если Иродъ будетъ казненъ.

Стоны, вопли и невнятный гулъ передъ синедріономъ все усиливались. Казалось, все населеніе Іерусалима стекалось на судъ Ирода. Слышались даже глухіе раскаты голосовъ, какъ восемьдесятъ лѣтъ послѣ этого по совершенно другому обстоятельству и по отношенію къ совершенно другому лицу.

— Распять! Распять его!..—вотъ, что доносилось теперь до слуха членовъ синедріона.

— Слышите! Это голосъ народа, голосъ самого Іеговы!— снова воскликнулъ Семаія, высоко поднимая свитки закона.— Царь! Къ тебѣ взываетъ Іегова голосомъ своего народа: кровь за кровь, вотъ, что начертано посланникомъ Іеговы въ этихъ свиткахъ.

Ропотъ толпы усиливался. Можно было думать, что чернь ворвется въ синедріонъ.

— Царь, останови народъ свой!—продолжалъ Семаія.—Но дай осквернить свитки закона.

Блѣдный, растерянный, поднялся Гирканъ съ своего трона и нетвердыми шагами вышелъ въ преддверіе синедріона. Внизу волновалось море головъ. Крики и вопли умолкли при появленіи первосвященника.

— Дѣти!—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Сыны и дочери Сіона! Чего вы хотите отъ меня?

— Распни! Распни его!—снова заревѣла толпа.—На Голгоѳу Ирода!

— Мнѣ ли, служителю Іеговы, обагрять руки въ крови, дѣти мои?—молилъ Гирканъ.

— Кровь его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!—отвѣчалъ народъ, подобно тому, какъ восемьдесятъ лѣтъ спустя онъ отвѣчалъ по совершенно другому обстоятельству и по отношенію къ совершенно другому лицу.

Подавленный, уничтоженный, воротился Гирканъ въ синедріонъ и безпомощно опустился на свое царственное сидѣніе. «Что-то скажетъ грозный Римъ?», смутно колотилось у него въ душѣ.

Между тѣмъ ропотъ толпы перешелъ въ неистовый ревъ.

— Иродъ! Иродъ идетъ! Убійца! Идумей! Распять, распять его!—слышались вопли.

Но затѣмъ до слуха Гиркана и другихъ членовъ синедріона донеслись крики ужаса, вопли женщинъ, плачъ дѣтей.

Всѣ безмолвно переглянулись.

— Это онъ,—сказалъ раби Автоліонъ, второй членъ синедріона, высокій, благообразный старикъ съ бѣлою бородой до пояса.—А я думалъ, что онъ обратится въ бѣгство.

Въ это мгновеніе дверныя завѣсы синедріона распахнули

чьи-то невидимыя руки и передъ изумленными взорами верховныхъ судей предсталъ тотъ, кого ожидали. Это былъ юноша, не старѣе двадцати пяти лѣтъ, статный, мускулистый, съ гордымъ выраженіемъ еще безбородаго лица, съ чѣмъ-то вродѣ презрѣнія или сожалѣнія къ беззащитнымъ старцамъ въ нагломъ взорѣ, которымъ онъ окинулъ собраніе синедріона. На немъ была пурпурная мантія, изъ-подъ которой сверкало дорогое оружіе. За нимъ въ стройномъ порядкѣ, звеня оружіемъ и щитами, вступилъ отрядъ гоплитовъ изъ его римскаго легіона.

При видѣ всего этого почтенное собраніе старцевъ точно окаменѣло. Казалось, эти пришедшіе явились, чтобы арестовать или разогнать верховное судилище.

— Миръ вамъ!—сказалъ Иродъ.

Никто не отвѣчалъ. Гирканъ судорожно мялъ подъ мантіею клочекъ папируса съ грозными словами намѣстника Сиріи. Только извнѣ доносился ропотъ толпы. Иродъ ждалъ, гнѣвно насупивъ брови. Тогда поднялся раби Семаія. Лицо его было строгое, но спокойное.

— И вы, судьи, и ты, царь мой,—началъ онъ съ ироніей въ голосѣ,—и я, наконецъ, всѣ мы въ первый разъ видимъ человѣка, который, въ качествѣ подсудимаго, осмѣлился бы въ такомъ видѣ предстать предъ синедріономъ. До сихъ поръ обвиняемые являлись обыкновенно въ траурной одеждѣ, съ гладко причесанными волосами, дабы своей покорностью и печальнымъ видомъ возбудить въ верховномъ судилищѣ милость и снисхожденіе. Но нашъ другъ (на словѣ «другъ» ораторъ сдѣлалъ ироническое удареніе; но это удареніе, словно ударъ хлыста по лицу, вызвало багрянецъ на смуглыя щеки Ирода), нашъ другъ Иродъ, обвиняющійся въ убійствѣ и призванный къ суду вслѣдствіе такого тяжкаго преступленія, стоитъ здѣсь въ порфирѣ, съ завитыми волосами, среди своей вооруженной свиты: онъ это сдѣлалъ для того, чтобы въ случаѣ, если мы произнесемъ законный приговоръ, а приговоръ этотъ—смерть на крестѣ на Голгоѳѣ, такъ, чтобы въ случаѣ такого приговора, переколоть насъ всѣхъ и насмѣяться надъ закономъ.

Ораторъ остановился и обвелъ собраніе глазами, полными выраженія жалости. Онъ видѣлъ, что всѣ члены синедріона кидаютъ робкіе взоры то на Ирода, то на Гиркана. Послѣдній глядѣлъ на Ирода, какъ бы желая сказать: «Зачѣмъ ты пришелъ

сюда, когда могъ совсѣмъ не являться на судъ? Не мы твои судьи, а ты, ты нашъ судья».

Семаія уловилъ этотъ взглядъ, и презрѣніе сверкнуло въ его добрыхъ глазахъ.

— О!—какъ бы простоналъ онъ.—Я не упрекаю Ирода, если онъ своей личной безопасностью дорожитъ больше, чѣмъ святостью закона; кому не дорога жизнь, особенно въ ея расцвѣтѣ!.. Иродъ такъ молодъ, полонъ жизни, полонъ славы...

— Распять его! Распять!—слышались возгласы за стѣнами синедріона, словно ропотъ моря.

— На крестъ его! На Голгоѳу! Кровь за кровь! Кровь его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!

Выведенный изъ терпѣнія этими криками, центуріонъ, начальникъ охраны Ирода, нагнулся къ его плечу.

— Господинъ!—шепнулъ онъ.—Прикажи унять чернь, и я украшу пурпуромъ крови твой возвратъ изъ этого балагана.

Иродъ, какъ бы презрительнымъ движеніемъ руки отгоняя муху, кинулъ:—Не стоитъ.

Семаія поняль этотъ почти нѣмой разговоръ и тѣмъ же взоромъ, полнымъ жалости, обвелъ собраніе.

— Мы всѣ,—сказалъ онъ грустно,—я, вы, царь, всѣ мы виноваты въ томъ, что дозволили злу перерости насъ; Иродъ—дѣтище нашей слабости, нашего потворства.

Онъ обратился къ Гиркану и долго глядѣлъ на него молча.

— Гирканъ,—сказалъ онъ съ горечью,—не я ли давно говорилъ тебѣ, когда Иродъ еще былъ мальчикомъ и игралъ съ твоими дѣтьми во дворцѣ, не я ли предостерегалъ тебя, что ты отогрѣваешь змѣеныша у своего сердца? Теперь онъ превратился въ удава и пожретъ то, что тебѣ всего дороже: припомни мое пророчество, онъ погубитъ прекраснѣйшіе цвѣтки Сіона, твоихъ внучатъ: Маріамму и Аристовула.

Въ собраніи послышался ропотъ: «Онъ называетъ себя пророкомъ! Онъ оскорбляетъ царя!»

— Маріамму...Аристовула,—шепталъ Гирканъ,—нѣтъ, нѣтъ!

Онъ вспомнилъ, какъ Иродъ, еще до своего возвышенія, бывая во дворцѣ въ качествѣ молодого царедворца и сына могущественнаго Антипатра, любилъ забавляться съ маленькой Маріаммой и часто носилъ ее на рукахъ... Не можетъ быть, чтобы онъ погубилъ эту милую крошку...

Семаія, между тѣмъ, замѣтивъ, что члены синедріона не поддерживаютъ его, а скорѣе готовы отступиться отъ своего главы, вышелъ, наконецъ, изъ себя и поднялъ надъ головой свитки закона.

— Слушайте! — воскликнулъ онъ. — Богъ великъ! Великъ Богъ Авраама, Исаака и Іакова! Придетъ часъ, придетъ день, когда тотъ, котораго вы, въ угоду царю, хотите оправдать, васъ же погубитъ! Не пощадитъ онъ и Гиркана!

Эти слова, прозвучавшія пророческой силой, испугали членовъ синедріона.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—воскликнули многіе изъ нихъ.—Не призывай на наши головы гнѣва Іеговы! Не заклинай насъ Богомъ Авраама, Исаака и Іакова! Мы не надругаемся надъ свитками закона!

Иродъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и гордо выступилъ впередъ съ угрожающимъ жестомъ.

— Я слишкомъ долго жду!—сказалъ онъ рѣзко.—Я не привыкъ стоять!

Вдругъ гоплиты, какъ бы по сигналу, ударили въ щиты. Металлическій звукъ ихъ глухо отдался подъ сводами.

— Въ мечи!—рѣзко прозвучалъ голосъ центуріона.

Сверкнули мечи. Но Иродъ мановеніемъ руки остановилъ гоплитовъ.

— Это не пароянe,—сказалъ онъ.

Послышался стонъ. Всѣ испуганно глянули на Гиркана. Голова первосвященника, мертвенно блѣдная, откинулась на спинку его сѣдалища.

— Мнѣ дурно... Я распускаю синедріонъ... Отлагаю судъ до завтра.

Иродъ, никому не поклонившись, гордо оставилъ верховное судилище, окруженный гоплитами съ блестящими мечами на-голо.

VI.

Обморокъ Гиркана въ синедріонѣ былъ притворный, хотя отъ страха передъ Иродомъ и вслѣдствіе угрозъ Секста-Цезаря онъ въ самомъ дѣлѣ былъ близокъ къ обморочному состоянію. Отправляясь изъ дворца въ синедріонъ, онъ получилъ, кромѣ того, извѣстіе, что Иродъ, отъѣзжая изъ Галилеи въ Іерусалимъ на

судъ синедріона, по всему своему пути предварительно разставилъ военные посты, а себя окружилъ сильнымъ конвоемъ изъ отборныхъ гоплитовъ, которыми снабдилъ его намѣстникъ Сиріи.

Поэтому, когда, распустивъ синедріонъ, Гирканъ воротился во дворецъ, онъ тотчасъ же тайно отправилъ одного царедворца къ Ироду сказать, чтобы онъ, не дожидаясь вторичнаго призыва къ суду, немедленно отправлялся въ Галилею.

Иродъ усмѣхнулся, когда услышалъ это отъ посланнаго.

— Воробьи великодушно предупреждаютъ ястреба, чтобы онъ избѣгалъ ихъ суда и расправы,—сказалъ онъ.—Хорошо. Но скажи пославшему тебя, что я, чтя законъ и судей, явлюсь на судъ вторично, и тогда Голгоѳа и Елеонская гора покроются дремучимъ лѣсомъ изъ крестовъ, точно лѣсомъ пальмъ, а на крестахъ будутъ висѣть тѣ, которые кричали мнѣ вослѣдъ передъ синедріономъ: «распять его! распять!».

Когда Александра увидѣла возвратившагося изъ синедріона Гиркана, она поняла все.

— Ахъ, отецъ,—сказала она,—я видѣла съ кровли дворца, съ какимъ сильнымъ отрядомъ изъ римлянъ онъ отправлялся на судъ.

— Да, голубка,—безнадежно махнулъ рукою первосвященникъ.

— Бѣдныя дѣти!—горестно вздохнула Александра, увидѣвъ входящихъ Маріамму и Аристовула.

— Дѣдушка,—подбѣжалъ къ Гиркану послѣдній:—когда же будутъ распинать Ирода?

Старикъ прижалъ къ своей груди головки дѣтей и тихо заплакалъ.

Иродъ, казалось, дѣйствительно, задумалъ исполнить свою угрозу—усѣять лѣсомъ крестовъ Голгоѳу и Елеонскую гору. Когда онъ воротился въ Галилею, то Секстъ-Цезарь, въ виду возраставшаго всемогущества своего родственника, Юлія Цезаря, о которомъ дошли до Сиріи слухи, что онъ готовится возложить на себя императорскую корону, предвидя для себя болѣе высокій постъ, рѣшилъ подготовить на свое теперешнее мѣсто Ирода и назначилъ его не только правителемъ Самаріи, но и всей Келесиріи.

Скоро въ Іерусалимѣ узнали объ этомъ, и Кипра, мать Ирода, сказала своему мужу, Антипатру.

— Мой Иродъ будетъ царемъ. Я давно объ этомъ знала. Я знала это отъ его рожденія. Когда родился онъ, старая Рахиль, ухаживавшая за мною, принесла ко мнѣ новорожденнаго и сказала: «Смотри, у него на головкѣ корона». И я увидала на лбу его, на нѣжной кожѣ, багровый отпечатокъ въ видѣ коронки. Рахиль тогда сказала мнѣ: «Когда ты была еще маленькой дѣвочкой и бѣгала по каменистымъ уступамъ твоей родной Петры, одинъ пустынникъ, пришедшій отъ Синая, увидавъ тебя, сказалъ: «Она будетъ матерью царей». А я ему сказала: «она и такъ дочь царя Каменистой Аравіи». А онъ сказалъ: «Она дастъ царей другой, болѣе могущественной и славной странѣ».

— Мы и такъ царствуемъ надъ всей Палестиной, хотя и не носимъ царскихъ вѣнцовъ,—улыбнулся Антипатръ.

Вскорѣ послѣ того въ Іерусалимѣ узнали, что Иродъ собираетъ войско, чтобы итти на Іерусалимъ. И дѣйствительно, къ Антипатру явились отъ Ирода гонцы съ письмомъ, въ которомъ Иродъ извѣщалъ отца и брата Фазаеля о своемъ неуклонномъ рѣшеніи наказать своихъ судей и дерзкую чернь, которая осмѣлилась кричать ему въ глаза: «распять его!».

«Когда великій Цезарь,—писалъ Иродъ,—шелъ съ своими легіонами изъ Галліи, чтобы наказать мятежный Римъ, то, переходя черезъ Рубиконъ, онъ воскликнулъ: «alea jacta est!». Я же, переступивъ рубежъ Іудеи, воскликнулъ: «кресты на Голгоѳу!». Но одной Голгоѳы будетъ мало для меня. Боюсь, что и лѣсу на кресты не достанетъ».

— Юноша совсѣмъ обезумѣлъ,—сказалъ Антипатръ, прочитавъ посланіе сына.—Надо спѣшить къ нему.

— Я знаю Ирода,—улыбнулся Фазаель.—Когда мы еще учились въ Римѣ, онъ сказалъ одному римлянину воину, толкнувшему его на Форумѣ: «Я велю повѣсить тебя, когда буду царемъ!».

Антипатръ и Фазаель, ничего не сказавъ ни Гиркану, ни членамъ синедріона объ угрозахъ Ирода, тотчасъ поспѣшили къ нему навстрѣчу. Они прибыли какъ разъ во-время. Уже издали они услыхали какой-то странный гулъ въ лѣсахъ, покрывавшихъ склоны іудейскихъ горъ.

— Что это за гулъ и трескъ въ лѣсу?—спросилъ Антипатръ перваго попавшагося воина изъ іудеевъ, котораго лично зналъ отецъ Ирода.

— Это наши воины рубятъ іудейскіе лѣса на кресты для іерусалимлянъ,—отвѣчалъ воинъ.

Антипатръ и Фазаель были поражены.

— Сынъ мой! Что ты задумалъ?—воскликнулъ Антипатръ, увидавъ Ирода.

Послѣдній указалъ на нѣсколько срубленныхъ гигантскихъ пальмъ.

— Это кресты для Гиркана и для членовъ синедріона.

Антипатръ содрогнулся.

— Именемъ Бога живого заклинаю тебя, сынъ мой, смягчи твой гнѣвъ,—съ страстною мольбою заговорилъ Антипатръ.—Для кого готовишь ты эти позорные кресты? Для первосвященника и царя? Но вспомни, что онъ былъ для тебя? Ты почти выросъ при дворѣ Гиркана. Не при немъ ли ты достигъ такого могущества, о которомъ не вѣдала Идумея. Ты ожесточенъ противъ членовъ синедріона? Но они исполняли только то, что имъ предписываютъ законы страны. Они намѣрены были, они должны были приговорить тебя къ смертной казни, именно къ самой позорной, къ распятію на крестѣ. Но отъ тебя, отъ твоего могущества зависѣло не подчиниться приговору синедріона. Ты и не подчинился. За что же казнить ихъ, когда они исполнили только долгъ свой предъ народомъ?

Иродъ упорно молчалъ.

— Что же ты ничего не скажешь, мой сынъ, моя слава, моя гордость?—продолжалъ Антипатръ.

— Я обѣщалъ наказать ихъ,—угрюмо отвѣчалъ Иродъ.

— Но ты обѣщалъ повѣсить того римскаго воина, который, помнишь, толкнулъ тебя на Форумѣ, и... не повѣсилъ,—съ любовью заговорилъ Фазаель, обнимая младшаго брата.—Помнишь, какъ мы учились въ Римѣ? Вѣдь не повѣсилъ?

Иродъ вдругъ разсмѣялся самымъ искреннимъ смѣхомъ. Это былъ характеръ странный, душа, какъ бы сотканная изъ контрастовъ. Нѣжный въ душѣ, любящій, мечтательный, какъ и его мать Кипра, аравитянка, выросшая среди знойныхъ скалъ и пещеръ Петры, онъ иногда испытывалъ порывы ужасающей жестокости. Превосходный ѣздокъ, равнаго которому не имѣли вся Идумея и даже каменистая Аравія, родина лихихъ наѣздниковъ, великолѣпный стрѣлокъ, стрѣлы и копья котораго никогда не

знали промаха, онъ, на охотѣ, въ бѣшеной скачкѣ за газелями, волками и дикими кабанами никогда не щадилъ лошадей, загоняя ихъ до смерти, и никогда не давалъ пощады дикимъ животнымъ, истребляя ихъ сотнями, а внѣ этой страсти онъ щадилъ голубя, ласточку, оказывалъ самое нѣжное вниманіе больной овцѣ, раненой или упавшей изъ гнѣзда неоперившейся птичкѣ. Страстно любя маленькую Маріамму, внучку Гиркана, боготворя это нѣжное существо, Иродъ по цѣлымъ часамъ носилъ ее на рукахъ, лелѣялъ, какъ божество; но въ самыхъ порывахъ безумной нѣжности имъ овладѣвало, моментами, иное, страшное безуміе—бросить это нѣжное, невинное созданіе съ высокой кровли дворца въ глубокій водоемъ.

Послѣ словъ брата онъ нѣсколько задумался.

— Но они обидѣли меня, унизили передъ народомъ, передъ іерусалимскою черныю,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, они творили волю закона, — возразилъ Антипатръ.—Если ты теперь казнишь ихъ, служителей Іеговы, въ глазахъ народа, то въ глазахъ этого народа ты явишься противникомъ Іеговы. А жалкій, добрый Гирканъ, за что его наказывать? Онъ своимъ притворнымъ обморокомъ въ синедріонѣ, я знаю это отъ него самого, онъ освободилъ тебя отъ суда. Онъ же тайно совѣтовалъ тебѣ немедленно уѣхать изъ Іерусалима. Помни и то, что рѣшеніе войны въ рукахъ Бога, а въ неправомъ дѣлѣ и войско безсильно.

— Отецъ, ты правъ,—сказалъ Иродъ покорно,—твоимъ совѣтамъ внимали и великій Помпей, и великій Цезарь. Я не хочу быть самонадѣяннѣе ихъ. Но я долженъ показать Іерусалиму и всей Іудеѣ и мое могущество, и мое великодушіе. И я это сдѣлаю.

— Но какъ?—спросилъ Антипатръ.

— Я сначала приведу ихъ въ трепетъ, а потомъ въ умиленіе.

— Хорошо, дѣлай, какъ знаешь; но только поклянись мнѣ, сынъ мой, что не сдѣлаешь зла ни Гиркану, ни синедріону, ни Іерусалиму.

— Кляусь именемъ Того, Который остановилъ солнце для Іисуса Навина.

— Благодарю, сынъ мой, — сказалъ растроганный Антипатръ.—А теперь,—обратился онъ къ Фазаелю,—мы поспѣшимъ въ Іерусалимъ. Никто не долженъ знать, что мы видѣлись съ Иродомъ.

Утромъ слѣдующаго дня населеніе Іерусалима пришло въ такой ужасъ, какого не испытало оно даже тогда, когда городъ осаждалъ Помпей. Съ ночи городъ былъ обложенъ войсками Ирода, словно желѣзнымъ кольцомъ. Мало того: на Голгоѳѣ, на Елеонской горѣ и на всѣхъ окружныхъ высотахъ воины Ирода водружали цѣлый лѣсъ крестовъ. Невообразимый вопль и стенанія слышались по всему городу. Обезумѣвшіе отъ страха мужчины, женщины и дѣти толпами спѣшили къ храму, чтобы принести разгнѣванному Іеговѣ послѣднюю жертву передъ смертью. Въ Овчей купели не хватало ни мѣста, ни воды для омовенія жертвенныхъ агнцевъ. Дымъ отъ жертвенныхъ всесожженій облаками носился надъ городомъ и заслонялъ собою утренніе лучи солнца, которое кровавымъ шаромъ выкатывалось изъ-за Елеонской горы, покрытой лѣсомъ крестовъ, между которыми, словно горящіе факелы, сверкали мѣдныя каски и щиты римскихъ гоплитовъ. Многіе раздирали на себѣ одежды и посыпали головы пепломъ изъ-подъ жертвенниковъ. Чѣмъ-то похороннымъ звучали въ воздухѣ мѣдныя трубы глашатаевъ первосвященника, которые созывали народъ ко дворцу Гиркана. Члены синедріона раньше были вызваны во дворецъ и находились уже тамъ. Туда же спѣшили Антипатръ, Фазаель и Малихъ, начальникъ небольшого іерусалимскаго гарнизона.

Скоро ко дворцу потянулись толпы іерусалимлянъ, преимущественно женщинъ и дѣтей, которыя оглашали воздухъ невыразимымъ воплемъ. Мужчины же, воодушевляемые служителями храма, готовились къ отчаянной защитѣ святыни—умереть съ орудіемъ въ рукахъ въ притворахъ храма и у подножія жертвенниковъ.

Все пространство около дворца, сосѣднія улицы и кровли домовъ, прилегавшихъ къ дворцу, были скоро запружены рыдающими женщинами, которыя поднимали надъ головами грудныхъ младенцевъ, какъ бы моля небо о пощадѣ и поручая этому безжалостному небу своихъ дѣтей.

Но вотъ на возвышенной галлереѣ дворца показалась величественная фигура Гиркана въ полномъ одѣяніи первосвященника и въ сопровожденіи всего сонма синедріона.

Вопли мгновенно смолкли. Слышались только отдѣльныя рыданія. Первосвященникъ воздѣлъ руки какъ на молитву.

— Жены іерусалимскія, не плачьте!—возгласилъ онъ, как

бы самъ захлебываясь отъ рыданій.—Всемогущій Богъ смягчилъ сердце того, кто, въ гнѣвѣ своемъ, готовилъ намъ смертную казнь на крестѣ.

Въ это мгновеніе показывается на галлереѣ Иродъ въ порфирѣ. За нимъ выступали Антипатръ, Фазаель и Малихъ.

Кругомъ наступила мертвая тишина.

— Жители Іерусалима!—прозвучалъ въ воздухѣ металлическій голосъ Ирода.—Снисходя къ заступничеству за васъ святого отца вашего и первосвященника и внимая словамъ любви и мира высокаго синедріона, я прощаю Іерусалиму вины его передо мною и нынѣ же повелю снять съ окрестныхъ горъ приготовленныя мною орудія казни. Идите къ домамъ своимъ и къ своимъ мирнымъ занятіямъ.

— Осанна! Осанна! Осанна! — раздались радостные возгласы.

Но Иродъ не слышалъ ихъ. Онъ быстро удалился во внутренніе покои дворца.

Войдя въ тронное помѣщеніе, онъ остановился, какъ очарованный. На нижней ступенькѣ, ведущей къ тронному мѣсту, словно свѣтлое видѣніе, стояла золотокудрая Маріамма. Она еще спала, когда, рано утромъ, Антипатръ, по соглашенію съ Гирканомъ, тайно ввелъ Ирода въ городъ и провелъ прямо во дворецъ, и потому не видѣла еще своего бывшаго пѣстуна и пріятеля и только слышала, что онъ что-то говорилъ съ галлереи народу.

Дѣвочка смотрѣла какъ-то не по-дѣтски строго и не двигалась съ мѣста.

— Маріамма! Дѣвочка милая!—нѣжно проговорилъ Иродъ, приближаясь и разставляя руки, чтобы обнять ее.

Дѣвочка порывисто отстранилась отъ объятій.

— Дѣточка! Да развѣ ты не узнаешь своего Ирода? Развѣ ты забыла, какъ я носилъ тебя на рукахъ? Развѣ не я, твой Давидъ, спасалъ тебя отъ раби Элеазара, когда онъ, нарядившись свирѣпымъ Голіаѳомъ, въ львиной шкурѣ, хотѣлъ бывало похищать тебя? Дѣточка? Вѣдь я твой Давидъ.

— Нѣтъ, ты не мой!—быстро сказала дѣвочка и убѣжала.

Иродъ стоялъ ошеломленный.

— Какъ она выросла!—сказалъ онъ въ раздумьѣ.—Что за красота!.. Теперь я постарѣлъ для нея.

Иродъ грустно покачалъ головой.

VII.

Въ это тревожное для Іудеи время совершилось событіе, имѣвшее міровыя послѣдствія. Въ Римѣ, въ присутствіи всего сената, къ подножію статуи великаго Помпея пала геніальная голова того, кто далъ корону фараоновъ Клеопатрѣ, а Ироду очистилъ путь къ коронѣ царства Іудейскаго; пораженный мечами друзей и недруговъ, Цезарь не успѣлъ совершить своего послѣдняго подвига—отмстить пареянамъ за смерть своего бывшаго друга Красса, которому свирѣпые азіаты, за его жадность къ золоту, этимъ золотомъ залили ненасытную глотку. Главные убійцы Цезаря, Брутъ и Кассій, съ разрѣшенія сената, подѣлили между собою азіатскій востокъ, при чемъ Кассій сдѣлался владыкою Сиріи и Палестины, а всю западную половину обширной римской имперіи стали ожесточенно дѣлить между собою всемогущій послѣ Цезаря, Антоній и юный внукъ Цезаря, хитрый, осторожный какъ старикъ, вкрадчивый до подлости мальчикъ, перехитрившій всѣхъ стариковъ, крутолобый школьникъ Октавіанъ. Страшная междоусобная война охватила міровую державу вѣчнаго города. На войну нужны были деньги, и Кассій немилосердно сталъ грабить подчиненныя ему провинціи. Города и цѣлыя области стонали отъ его разбойничьихъ налоговъ. Когда приближенные докладывали этому тупому тирану, что народы его провинціи совсѣмъ разорены имъ, онъ нагло улыбался.

— Я оставилъ имъ солнечное сіяніе, — говорилъ онъ. — Чего жъ имъ больше?

Очередь грабить дошла и до іудеевъ. На нихъ наложена была контрибуція въ семьсотъ талантовъ—это около полутора милліона рублей. Ловкій и догадливый не менѣе крутолобаго школьника Октавіана, Иродъ понялъ всю важность минуты, и пока Фазаель и Малихъ, понукаемые угрозами Антипатра, изъ всѣхъ силъ выбивались, чтобы собрать наложенную на іудеевъ подать, онъ уже успѣлъ все это содрать съ своей Галилеи и лично представилъ Кассію свою долю, сто талантовъ.

Мало того. Когда, вслѣдъ за этимъ, вспыхнула великая война между восточною и западною половинами римской державы, во главѣ которыхъ стояли: первой—Брутъ и Кассій, убійцы Цезаря,

второй — мстители его великой тѣни, Антоній, и крутолобый юноша, Октавіанъ, Иродъ съ такимъ искусствомъ игралъ свою роль, что очарованные имъ Брутъ и Кассій, угадывая въ немъ крупные таланты и воина, и администратора, немедленно довѣрили ему начальство надъ сильными отрядами конницы и пѣхоты, и, кромѣ того, Кассій обѣщалъ даже, по окончаніи войны, поставить его царемъ надъ Іудеей.

Объ этомъ обѣщаніи провѣдалъ Малихъ. Страстный по натурѣ, горячій іудейскій патріотъ, Малихъ состоялъ начальникомъ іерусалимскаго гарнизона и, видя преобладаніе въ странѣ семейства всемогущаго идумея, давно питалъ глубокую ненависть къ Антипатру и его сыновьямъ, въ особенности къ даровитому и счастливому Ироду. Теперь же, провѣдавъ, что послѣдняго ожидаетъ царскій вѣнецъ, Малихъ порѣшилъ въ душѣ извести все семейство Антипатра, а потомъ, пользуясь слабостью и бездарностью Гиркана, самому захватить вѣнецъ Давида и Соломона.

Но какъ извести такую силу, которая въ состояніи уничтожить его самого? Открытая борьба невозможна. Это значитъ сдвинуть съ мѣста Елеонскую гору. Надо извести ненавистныхъ идумеевъ хитростью, ловушкой, какъ изводятъ иногда львовъ заіорданской пустыни, сильной отравой, добываемой въ каменистой Аравіи. Пузырекъ съ такой отравой доставила ему когда-то одна старая арабка, сына которой онъ освободилъ изъ темницы.

Случай для приведенія въ исполненіе преступнаго замысла представился скоро. По случаю возвращенія Антипатра изъ Тира, куда онъ отвозилъ подать, собранную съ Іудеи для Кассія, Гирканъ давалъ въ своемъ дворцѣ обѣдъ въ честь Антипара. Для Малиха это было на руку; пусть старый идумей подохнетъ на глазахъ первосвященника, у него во дворцѣ... И Антипаръ подохнетъ и..., старый Гирканъ въ подозрѣніи... А онъ, Малихъ, чистъ, какъ солнце.

Малихъ зналъ, что главный виночерпій Гиркана, Рамехъ, тоже ненавидитъ идумеевъ. Онъ и обратился къ Рамеху. Онъ заговорилъ о самомъ больномъ мѣстѣ двора Гиркана, о томъ, что идумеи захватили всю власть въ свои руки и скоро захватятъ и дворецъ.

— Уже дѣло къ тому идетъ,—добавилъ лукавый іудей.

— Какъ?—удивился и испугался Рамехъ.

— Такъ! Иродъ думаетъ взять себѣ въ жены Маріамму, а

Аристовула отправятъ въ Римъ заложникомъ, да тамъ и порѣшатъ съ нимъ. На этомъ обѣдѣ и состоится сватовство Маріаммы.

— Но, вѣдь, она еще крошка, — возразилъ Рамехъ;—ей всего десять лѣтъ. Она еще играетъ въ куклы.

— Это ничего, добрый Рамехъ, дѣвочки отъ куколъ прямо переходятъ къ собственнымъ дѣтямъ: тѣ же куклы. Теперь пока состоится обрученіе, а года черезъ два-три и бракъ.

— Но какъ же такъ? Иродъ ужъ женатъ на такой же, какъ самъ, идумейкѣ Доридѣ, и у нихъ ужъ есть сынишка Антипатръ?

— Что жъ, законъ не запрещаетъ іудею имѣть двѣ или три жены, а идумею и подавно,—сказалъ Малихъ.

Рамехъ былъ пораженъ. Ему особенно жаль было и противно думать, что общая любимица, крошка Маріамма, достанется кровожадному идумею и, притомъ, въ качествѣ сподручной жены.

— Этому не бывать!—горячо сказалъ онъ.—Я ихъ всѣхъ оною такимъ зельемъ, что они въ нѣсколько мѣсяцевъ переколѣютъ. У меня есть такое снадобье изъ Египта.

— А у меня, мой другъ, есть снадобье получше,—улыбнулся Малихъ:—оно изгоняетъ изъ человѣка нечистаго духа въ нѣсколько минутъ. Этого снадобья я и дамъ тебѣ. Имъ только слѣдуетъ помазать чуть-чуть края чаши, изъ которой будутъ пить, и смерть выпита.

— Отличное снадобье,—одобрилъ Рамехъ.

— Да; но чтобы на тебя на пало подозрѣнія, я и объ этомъ подумалъ,—сказалъ Малихъ. — Видишь ли, у идумеевъ есть обычай, что если они чествуютъ особенно дорогого и почетнаго гостя, то вино разливаетъ въ чаши не виночерпій, а младшая въ семьѣ дочь. Это и должна сдѣлать Маріамма. Антипатру же будетъ особенно лестно, что для чествованія его будетъ соблюденъ его родной обычай.

— Умно, очень умно придумано, — обрадовался виночерпій,—лучше этого не могъ бы придумать и самъ премудрый Соломонъ.

На этомъ и порѣшили.

Антипатръ явился на пиръ очень оживленный. Въ обхожденіи съ нимъ Кассія, когда, въ Тирѣ, онъ отпускалъ его въ Іудею, проглядывало большое расположеніе къ нему и къ его «равному по доблестямъ отцу—сыну Ироду», какъ выразился могущественный римлянинъ. Кассій прозрачно намекнулъ ему, что Азія обширна и богата, и что не далеко то время, когда

римскіе орлы, за дружбу Антипатра къ Риму, принесутъ въ своихъ могучихъ когтяхъ царскіе вѣнцы на голову Антипатра и всѣхъ сыновей его.

Въ обширномъ покоѣ пиршествъ дворца Гиркана Антипатръ нашелъ уже раби Семаію и раби Авталіона со всѣмъ синедріономъ, а также Малиха и другихъ сановниковъ Іерусалима.

Скоро придворные служители внесли сосуды съ виномъ и другія угощенія. Передъ каждымъ гостемъ поставили по золотой чашѣ для вина, которыя разставлялъ главный виночерпій, Рамехъ.

Вслѣдъ затѣмъ Рамехъ удалился къ служителямъ, а вмѣсто него вышла Маріамма. Отъ удовольствія, что она будетъ играть на пиру такую почетную роль, дѣвочка вся раскраснѣлась.

— Вотъ мой новый виночерпій, — съ умиленіемъ и нѣжностью сказалъ Гирканъ, любуясь своей восхитительной внучкой.

Антипатръ понялъ любезность хозяина и весело сказалъ:

— Идумея должна гордиться, что въ моемъ лицѣ она вся присутствуетъ на царскомъ пиру. Слава новому, прелестному виночерпію!

Раби Семаія ласково подозвалъ къ себѣ дѣвочку.

— Чистое, непорочное дитя!—сказалъ онъ, возлагая руки на золотистую головку Маріаммы.—Въ твоемъ образѣ ангелы на небесахъ служатъ Всеблагому Богу. Ты ихъ замѣнишь для насъ грѣшныхъ. Да будетъ же надъ тобой благословеніе Всевышняго.

— Аминь!—разомъ проговорили члены синедріона.

Малихъ незамѣтно переглянулся съ Рамехомъ, нѣмымъ взоромъ спрашивая, тотъ ли кубокъ поставилъ онъ передъ Антипатромъ. Тотъ понялъ нѣмой вопросъ и отвѣчалъ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы, скорѣе глазами.

Слуги, между тѣмъ, передъ каждымъ гостемъ поставили обильныя яства.

Гирканъ всталъ и, воздѣяніемъ рукъ призывая на пиръ и на пирующихъ благословеніе Божіе, сказалъ торжественно, какъ первосвященникъ.

— Пріимите и ядите—это суть яства, предлагаемыя вамъ отъ чистаго моего сердца.

Маріамма тѣмъ временемъ разлила вино по чашамъ.

— Пейте отъ чашъ вашихъ, вино это да веселитъ сердца ваши!..—снова возгласилъ Гирканъ.

— Аминь!—отвѣчали ему разомъ всѣ гости.

Малихъ и Рамехъ, казалось, не глядѣли на Антипатра, а между тѣмъ жадно слѣдили за каждымъ его движеніемъ. Вотъ онъ взялъ небольшой хлѣбецъ, разломилъ его, часть положилъ на прежнее мѣсто, а другую, держа въ лѣвой рукѣ, правою потянулся къ овечьимъ почкамъ съ краснымъ перцемъ и сталъ ѣсть съ видимымъ удовольствіемъ... Какъ онъ долго жуетъ!—казалось, говорилъ взоръ Малиха Рамеху... Еще взялъ почку, еще... Что-то говоритъ раби Авталіону... Что жъ онъ не пьетъ?.. Но вотъ раби Авталіонъ потянулся къ своей чашѣ—пьетъ и ставитъ чашу на столъ. А Антипатръ все не пьетъ! И это послѣ перцу! Всѣ пьютъ, а онъ не пьетъ.

Маріамма, словно золотистый мотылекъ, порхаетъ вдоль стола, заглядываетъ въ чаши гостей и подливаетъ вина, гдѣ хоть немного уже отпито. Подходитъ и къ Антипатру, но его чаша и не тронута.

И все еще не пьетъ!.. Рамехъ чуть замѣтно пожимаетъ плечами...

Маріамма проходитъ мимо Гиркана. Дѣдушка ловитъ ее и гладитъ золотистые волосы дѣвочки. Она со смѣхомъ увертывается и цѣлуетъ дѣда въ бороду...

Но вотъ Антипатръ потянулся къ чашѣ... Пьетъ, долго пьетъ, не отрывая губъ отъ смертоносныхъ краевъ чаши...

У Малиха сердце перестаетъ биться... Рамехъ блѣденъ, несмотря на свои смуглыя щеки...

Вдругъ что-то стукнуло...

Что это? У Антипатра чаша выпала изъ рукъ, и вино окрасило, словно кровью, его бѣлую съ золотомъ мантію...

Голова Антипатра опрокинулась, и онъ весь судорожно вытянулся...

— Такъ скоро упился, — замѣтилъ раби Авталіонъ, стараясь поддержать его.

— Это по-римски, засыпать за пиромъ отъ пресыщенія,—ехидно замѣтилъ одинъ изъ членовъ синедріона.

— Но онъ и одной чаши не выпилъ,—тревожно замѣтилъ Гирканъ.

— Смотрите, онъ поспѣлъ, — сказалъ раби Семаія:—съ нимъ ударъ, пораженіе мозга кровью сердца.

Гирканъ окончательно растерялся.—Что же съ нимъ? О, Боже! Что съ нимъ?

— Онъ умеръ,—сказалъ Авталіонъ, прикладывая руку къ сердцу Антипатра.

— Смерть грѣшниковъ люта,—какъ бы про себя замѣтилъ Семаія.

— Не пустить ли ему кровь?—подсказалъ Малихъ, къ которому только теперь воротился даръ слова.

— Поздно! Онъ умеръ!—окончательно заявилъ раби Авталіонъ.

— Мама, мама! Онъ умеръ! — испуганно закричала Маріамма, которая только теперь поняла, что случилось, и стремглавъ убѣжала во внутренніе покои.

«Это ему за Ирода, за попраніе синедріона», подумалъ про себя Семаія.

«Каковъ Гирканъ!» тоже подумалъ Авталіонъ.

VIII.

Внезапная смерть Антипатра для всѣхъ оставалась загадкою. Говорили, что онъ просто умеръ отъ удара. Члены синедріона подозрѣвали въ этомъ дѣлѣ Гиркана: орудіемъ своей мести за униженіе, въ синедріонѣ, со стороны сына этого Антипатра, Ирода, первосвященникъ, по ихъ мнѣнію, избралъ свою невинную внучку Маріамму. Никто не подозрѣвалъ Малиха, который такъ искренно, повидимому, оплакивалъ «великаго человѣка», когда сообщалъ Фазаелю подробности о смерти его отца.

— Одно утѣшаетъ меня,—говорилъ онъ,—что великій Антипатръ умеръ безъ страданій. Это завидная смерть. Я видѣлъ его веселымъ, бодрымъ, радостно пирующимъ... и вдругъ! Десница Непостижимаго!.. Велика милость Его: прямо съ царскаго пира онъ перенесенъ былъ на лоно Авраама.

Но трудно было обмануть Ирода. Получивъ извѣстіе о внезапной кончинѣ отца, онъ немедленно прибылъ въ Іерусалимъ. Тѣло Антипатра, въ ожиданіи погребенія, для предохраненія отъ разложенія, лежало въ прозрачномъ, какъ кристалъ, меду. Приказавъ обмыть его и все приготовить къ царственному погребенію, Иродъ прежде всего посѣтилъ свою мать. Кипра, пораженная горемъ, не вставала съ ложа. Увидѣвъ любимаго сына, она разрыдалась.

— О, лучше бы мнѣ умереть въ неизвѣстности въ моей род-

ной Петрѣ, чѣмъ потерять такого мужа!—причитала она, припавъ къ груди сына.

— Матушка, успокойся! Такъ угодно было Богу,—утѣшалъ ее Иродъ.

— Но такъ внезапно! Хоть бы онъ поболѣлъ... Хотя бы я моими любящими глазами провожала его кончину! Нѣтъ, я проводила его на пиръ... на пиръ смерти! А онъ былъ такъ веселъ, бодръ, здоровъ, какъ никогда.

«Здоровъ, какъ никогда... Ударъ... Но онъ не былъ тученъ... Ударъ на пиру, съ чашей въ рукѣ... Это дѣло Гиркана»,—давно сверлила эта мысль мозгъ Ирода.

Онъ тотчасъ же отправился во дворецъ. Гиркана онъ нашелъ страшно разстроеннымъ, почти больнымъ. Первосвященникъ съ плачемъ обнялъ молодого человѣка.

— Мы потеряли великаго человѣка... ты—отца я—своего благодѣтеля,—говорилъ Гирканъ, прерывая свою рѣчь слезами.

Иродъ не вѣрилъ этимъ слезамъ. Онъ просилъ Гиркана разсказать подробно, какъ все это случилось. Узнавъ, что мысль почтить пиромъ Антипатра принадлежала самому первосвященнику, Иродъ еще болѣе укрѣпился въ своемъ подозрѣніи... Передъ нимъ—убійца его отца...

— Но почему не виночерпій Рамехъ разливалъ вино, а Маріамма?—спросилъ онъ.

— Ахъ, эту несчастную мысль подалъ мнѣ Малихъ. Бѣдная дѣвочка! Какъ она испугалась...Еще бы! У нея на глазахъ внезапно умираетъ человѣкъ, почти въ началѣ пира... Такое зрѣлище и не ребенка поразитъ...

— Малихъ?—удивился Иродъ.—Какъ же это такъ?

— Да онъ посовѣтовалъ мнѣ, чтобы особеннымъ образомъ почтить твоего доблестнаго отца, угостить его по обычаямъ его родной Идумеи.

— По обычаямъ Идумеи?

— Да, да, какъ это въ Идумеѣ дѣлается: чтобы вино разливалъ не виночерпій, а невинная дѣвочка... Маріамма и разливала... И такъ была горда и счастлива, крошка милая... И вдругъ!

У Ирода разомъ созрѣло въ умѣ другое подозрѣніе, мало того, увѣренность... Такъ вотъ, гдѣ разгадка... Малихъ распоряжался пиромъ... Малиху, а не Маріаммѣ довѣрены были чаши... Дѣвочка наливала вино въ чашу его отца, когда тамъ уже притан-

лась смерть, посаженная туда преступною рукой Малиха... О, такая геніальная мысль не могла родиться въ головѣ недалекаго и добродушнаго Гиркана! Взвалить подозрѣніе, помимо виночерпія, прямо на Гиркана, да, эта мысль геніально-чудовищная.

— И Малихъ присутствовалъ на пиру?—спросилъ онъ.

— Какъ же, онъ почетное лицо въ городѣ, и онъ такъ преданъ былъ доблестному отцу твоему.

«И Брутъ былъ преданъ Цезарю... Малихъ преданъ Антипатру... Тотъ палъ къ подножію Помпея, а этотъ?.. Тотъ хоть могъ сказать: «и ты, Брутъ!». А этотъ не имѣлъ и такого горькаго утѣшенія... Утѣшенія! Но я дамъ тебѣ его, отецъ, утѣшеніе», такъ думалъ Иродъ, слушая Гиркана.

И онъ рѣшилъ, какъ ему дѣйствовать.

Похороны Антипатра совершены были съ небывалою пышностью. Вся семья покойнаго шла за гробомъ: вдова Кипра, поддерживаемая Фазаелемъ, рядомъ съ ними Иродъ, Іосифъ, Фероръ, жена Ирода, Дорида, съ юнымъ Антипатромъ, названнымъ такъ въ честь дѣдушки, и, наконецъ, красавица Саломея, любимая дочь Антипатра. Церемонной процессіи предшествовали Гирканъ въ полномъ траурномъ облаченіи и весь составъ синедріона.

Малихъ обставилъ процессію особенною торжественностью. Воины его гарнизона и встрѣчали, и провожали гробъ подъ звуки заунывной похоронной музыки. Самъ Малихъ горько плакалъ, опуская вмѣстѣ съ сыновьями покойника его гробъ въ просторный каменный склепъ въ глубинѣ Іосафатовой долины.

Иродъ видѣлъ эти слезы, и тѣмъ болѣе въ душѣ его укрѣплялась рѣшимость жесточайшей мести, о которой онъ даже матери и братьямъ не говорилъ ни слова.

На другой день послѣ похоронъ онъ уѣхалъ въ Галилею, а оттуда въ Тиръ, гдѣ его ждалъ Кассій, готовясь къ войнѣ съ Антоніемъ. Узнавъ о трагической кончинѣ Антипатра и о томъ, отчего послѣдовала его смерть, Кассій одобрилъ рѣшеніе Ирода относительно мщенія Малиху и приказалъ вызвать въ Тиръ какъ этого послѣдняго, такъ и Гиркана, для совѣщанія о дѣлахъ Іудеи.

Но Кассію не пришлось ихъ дожидаться: тревоги войны отзывали его въ Македонію, гдѣ онъ и нашелъ смерть, добровольную, при Филиппахъ, на остріѣ меча своего раба. Однако, онъ успѣлъ отдать тайный приказъ своимъ остававшимся въ Тирѣ военнымъ трибунамъ оказать Ироду содѣйствіе въ кровавомъ актѣ мести.

Итакъ, Гирканъ и Малихъ не застали Кассія въ Тирѣ. Они нашли тамъ одного Ирода, который и пригласилъ ихъ на пиръ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить имъ и распоряженія Кассія относительно Іудеи.

Но Малихъ лелѣялъ свои тайные планы. Пользуясь отсутствіемъ Кассія и большей части римскихъ легіоновъ, онъ задумалъ тотчасъ бѣжать въ Іерусалимъ, чтобы тамъ утвердить свою власть, благо Антипатра уже не было въ живыхъ, а Фазаеля онъ считалъ не опаснымъ соперникомъ. Онъ зналъ, что іудеи ненавидятъ Ирода и никогда не простятъ ему ни убійства Іезеккіи и его сподвижниковъ, почти исключительно іерусалимлянъ, ни публичнаго униженія синедріона, ни тѣмъ менѣе того лѣса крестовъ, которые онъ, годъ тому назадъ, водрузилъ на Голгоѳѣ и на Елеонской горѣ въ поруганіе святому городу. Малихъ зналъ, что синедріонъ держитъ его руку, такъ какъ Малихъ былъ горячій патріотъ. Мало того, онъ возлагалъ большія надежды на своего племянника, Малиха, преемника Ареты, царя каменистой Аравіи. Арабъ этотъ потому не могъ сочувствовать Ироду, что боялся, какъ бы этотъ безпокойный сынъ Антипатра не посягнулъ на независимость самой Петры на томъ основаніи, что мать его, Кипра, сама родомъ изъ Петры и притомъ изъ царской семьи. Это старая Кипра заявила недавно, послѣ смерти мужа, когда пріѣзжала въ Петру поклониться гробамъ своихъ предковъ—царей.

Итакъ, Малихъ принялъ твердое намѣреніе бѣжать немедленно изъ Тира. Но его останавливало одно обстоятельство. Въ Тирѣ находился заложникомъ его сынъ, днѣнадцатилѣтній мальчикъ, Ааронъ. Надо было прежде всего тайно выручить сына, дать ему возможность бѣжать въ Іерусалимъ. Для этого онъ подкупилъ раба, ходившаго за его сыномъ, чтобы тотъ способствовалъ бѣгству Аарона. Рабъ, родомъ изъ «презрѣнной земли Кушъ», негръ изъ Эѳіопіи, вывезенный Иродомъ изъ Египта, повидимому, согласился бѣжать съ мальчикомъ. Было условлено, что мальчикъ въ сопровожденіи этого раба пойдетъ вечеромъ купаться въ морѣ, а тамъ ихъ будетъ ожидать лодка за прибрежными камнями. Бѣглецы немедленно должны будутъ отплыть къ ближайшему приморскому селенію, куда къ нимъ въ ту же ночь и прибудетъ самъ Малихъ со свитою.

Вечеромъ, дѣйствительно, къ условленному мѣсту пришелъ Ааронъ въ сопровожденіи раба. Лодка тихо качалась тамъ отъ

плавнаго прибоя морскихъ волнъ. Тонкій серпъ луны отражался на темной поверхности водъ. Чайки съ жалобнымъ крикомъ отлетали на ночлегъ. Въ тѣни утеса, закутанный чернымъ плащемъ, Малихъ ожидалъ бѣглецовъ, прислушиваясь къ вечернему гулу, стоявшему надъ шумною гаванью нѣкогда могущественной столицы Финикіи.

Увидѣвъ бѣглецовъ, Малихъ выступилъ изъ тѣни утеса, чтобы на прощанье обнять сына.

— Да сохранитъ тебя Богъ Авраама, Исаака и Іакова,— сказалъ онъ, подводя мальчика къ лодкѣ.—Какъ Онъ освободилъ пророка Іону изъ чрева китова, такъ освобождаетъ и тебя изъ плѣненія римскаго.

Въ этотъ моментъ отъ утеса отдѣлились еще двѣ тѣни, и со словами «приказъ Кассія!» поразили Малиха мечами.

— О, Иродъ! Будь ты проклятъ!—успѣлъ только прошептать несчастный и замертво упалъ на прибрежныя гальки.

Мальчикъ прикрылъ трупъ отца своего трепещущимъ тѣломъ.

Трибуны, поразившіе Малиха, подняли его, положили на его же плащъ и понесли къ городскимъ воротамъ. Плачущій Ааронъ шелъ за трупомъ отца, а рабъ-эѳіопъ молча слѣдовалъ за нимъ. Малихъ, подкупая раба, не зналъ, что этотъ «презрѣнный кушитъ» боготворилъ Ирода. Въ Александріи, когда Антипатръ и Иродъ, выручая изъ опасности Цезаря, отчаянно дрались съ воинами Птоломея, брата Клеопатры, этотъ рабъ-водоносъ, услыхавъ, какъ Иродъ въ пылу битвы, изнемогая отъ зноя и жажды, воскликнулъ: «о, Іегова! Пошли дождь твой, чтобы я не умеръ отъ жажды!» побѣжалъ съ кувшиномъ къ Нилу и, подъ дождемъ стрѣлъ наполнилъ кувшинъ водою, подалъ его Ироду. За это послѣдній взялъ его къ себѣ и осыпалъ милостями. Рабъ этотъ и выдалъ Ироду намѣреніе Малиха похитить заложника-сына, а Иродъ послалъ трибуновъ исполнить приказъ Кассія и свою собственную волю.

Тѣло Малиха, прикрытое тогой одного изъ трибуновъ, было принесено въ домъ, гдѣ находился Иродъ. Тамъ былъ и Гиркапъ. Они сидѣли въ ожиданіи запоздавшаго Малиха, чтобы вмѣстѣ итти къ приготовленному для пиршества столу. Войдя въ покой, гдѣ сидѣлъ Иродъ и Гиркапъ, трибуны опустили тѣло Малиха къ ногамъ собесѣдниковъ.

— Что это?—спросилъ встревоженный Гирканъ, предчувствуя что-то недоброе.

Трибуны сдернули тогу съ лица мертвеца, на которое упалъ свѣтъ отъ висячихъ свѣтильниковъ.

— Малихъ!—въ ужасѣ проговорилъ Гирканъ, вскакивая съ мѣста, и тутъ же упалъ въ обморокъ.

Иродъ долго смотрѣлъ въ блѣдное лицо убитаго. Потомъ онъ взглянулъ на стоявшаго у ногъ отца, въ какомъ-то окаменѣніи, юнаго Аарона.

— Бѣдный мальчикъ!—сказалъ онъ нѣжно.—Тебя осиротили, но я тебя не оставлю.

Мальчикъ снова заплакалъ. Иродъ ласково положилъ ему руку на голову.

— Плачь, дитя, это святыя слезы, но я осушу ихъ,—съ глубокимъ чувствомъ сказалъ Иродъ.

Въ это время рабы привели въ чувство Гиркана. Онъ открылъ глаза, глубоко вздохнулъ, оглядѣлся. На него снова глянуло мертвое лицо Малиха.

— Кто убилъ его?—съ трудомъ выговорилъ онъ.

— Приказъ Кассія,—отвѣчалъ одинъ изъ стоявшихъ около мертвеца трибуновъ.

— Его убилъ тотъ, кого онъ самъ убилъ,—сказалъ Иродъ.

— Какъ? Кто? Кого онъ убилъ?—растерянно спрашивалъ Гирканъ.

— Онъ убилъ моего отца, и теперь Антипатръ убилъ Малиха,—отвѣчалъ Иродъ.

— Твои слова для меня загадка,—недоумѣвалъ Гирканъ, думая, что съ нимъ все еще продолжается обморокъ.

— Смерть отца стала для меня ясна, какъ только ты разсказалъ мнѣ объ обстоятельствахъ пиршества, бывшаго послѣднимъ въ жизни Антипатра. Малихъ подалъ мысль чествовать отца идумейскимъ обычаемъ. Малихъ устранилъ отъ стола виночерпія Рамеха. Онъ же заставилъ невинную дѣвочку вливать вино въ чашу, раньше имъ отравленную. Это яснѣе солнца. Я увѣренъ, что съ этимъ ядомъ онъ прибылъ и сюда, чтобы угостить меня и отправить на тотъ свѣтъ, къ отцу. Обыщи его одежды, мой вѣрный Рамзесъ, — сказалъ Иродъ своему рабу, «презрѣнному кушиту».

Рабъ, разстегнувъ латы Малиха, долго рылся и въ складкахъ туники мертвеца, и между ремнями и чешуею латъ, но ничего не

находилъ. Тутъ онъ вспомнилъ, что египетскіе воины имѣютъ обыкновеніе хранить талисманы Изиды въ рукояткахъ мечей, которыя отвинчиваются. Рамзесъ сталъ отвинчивать рукоятку меча Малиха. Тамъ обнаружилась небольшая пустота, а въ ней крошечный глиняный флакончикъ.

— Есть,—сказалъ Рамзесъ, вынимая флакончикъ.

— Дай сюда.

Осторожно открывъ закупорку флакончика, Иродъ увидѣлъ тамъ нѣсколько капель безцвѣтной жидкости.

— Осторожнѣе, господинъ,—испуганно воскликнулъ рабъ,— тамъ смерть!

Тогда Иродъ велѣлъ позвать со двора собаку и принести маленькій кусочекъ мяса. Рабы исполнили приказаніе. Собака весело виляла хвостомъ, видя въ рукѣ раба мясо.

— Держи осторожнѣе,—сказалъ Иродъ, поднося флакончикъ къ кусочку мяса и капая на него таинственною жидкостью,—теперь дай собакѣ.

Собака жадно проглотила подачку, ожидая другой, побольше. Но тутъ же зашаталась и упала трупомъ.

— Вотъ!—мрачно сказалъ Иродъ.

— О, Адонаи, Господь!—воскликнулъ Гирканъ.

IX.

Послѣ битвы при Филиппахъ, гдѣ погибли «послѣдніе республиканцы», Брутъ и Кассій—первый, съ отчаянія бросившись на собственный мечъ, второй, съ отчаянія-же, добровольно напоровшись на мечъ раба,—побѣдители ихъ, крутолобый мальчишка Октавіанъ и узколобый Антоній, подѣлили весь міръ между собою поровну: Октавіанъ взялъ Западъ, Антоній—Востокъ. Въ то время, когда честолюбивый мальчишка сталъ упорно работать, идя по стопамъ своего великаго дѣда съ плѣшивой головой, Антоній, избравъ своей резиденціей Тарсъ, въ Киликіи, сталъ безумствовать отъ пресыщенія властью, ломая изъ себя дурака и воображая, что совсѣмъ играетъ бога. Разоряя подвластныя ему страны Востока, грабя храмы ихъ и государственную казну, призывая къ себѣ на судъ царей, онъ изображалъ изъ себя бога-пропойцу, всепьянственнѣйшаго Вакха, котораго окружали раболѣпные царедворцы, холуйствуя въ роляхъ

сатировъ и въ костюмахъ вакханокъ, вмѣсто одеждъ, прикрытыхъ лучомъ солнца, даже безъ фиговаго листа.

Къ нему-то на судъ и должны были явиться Гирканъ, Иродъ, Фазаель, Антигонъ, Малихъ, царь Петры, Клеопатра, царица страны фараоновъ, цари пергамскій, пароянскій и другіе владыки и сатрапы Востока.

Съ особеннымъ нетерпѣніемъ онъ ожидалъ прибытія въ Тарсъ Клеопатры, про удивительную красоту которой трубилъ весь міръ, Востокъ и Западъ, и которую онъ самъ видѣлъ еще маленькой дѣвочкой, когда въ рядахъ полководца Габинія слѣдовалъ въ Іудею на помощь Гиркану и Антипатру съ Иродомъ противъ іудейскаго царя Александра, отца прелестной внучки Гиркана, уже извѣстной намъ Маріаммы. Антоній пожелалъ встрѣтить Клеопатру особенно торжественно. Онъ зналъ отъ великаго Цезаря, какъ очаровательна была эта юная египтянка, какъ противъ ея обаятельныхъ чаръ не устоялъ даже геніальный полководецъ, угрюмый философъ и авторъ знаменитаго произведенія «De bello gallico»; онъ зналъ, что плодомъ этого увлеченія было... явленіе на свѣтъ маленькаго фараона, какъ двѣ капли воды напоминавшаго угрюмаго Цезаря... Это и былъ Цезаріонъ—«послѣдній фараонъ», не оставившій послѣ себя даже маленькой пирамиды... А быть можетъ она и была, да занесена песками Сахары...

Антоній сгоралъ нетерпѣніемъ увидѣть пильскую сирену. Поэтому, узнавъ о вступленіи ея роскошной галеры въ рѣку Циднъ, при устьѣ которой въ Средиземное море стоялъ Тарсъ, онъ и устроилъ ей небывало-невиданно-торжественную встрѣчу, которая оказалась болѣе шутовскою, чѣмъ серьезною. Храбрый, но грубый солдатюга безъ порядочнаго образованія (куда ему было до Цезаря и даже до «мальчишки» Октавіана!), онъ изобразилъ изъ себя шута въ видѣ бога Вакха. Онъ приказалъ поставить свой роскошный, но дурацкій тронъ на берегу Цидна и возсѣдалъ на немъ, какъ подобаетъ олимпійскому божеству, нагишомъ, перевитый только гирляндами розъ и гроздіями винограда. На курчавой, узколобой головѣ его былъ такой же вѣнецъ—вѣнецъ бога Вакха. Его окружали такіе же шуты царедворцы, наряженные козлоподобными сатирами, и цѣлый букетъ

голенькихъ вакханокъ изъ красивыхъ рабынь съ розами и гроздіями въ волосахъ.

По бокамъ этого шутовского трона полукругомъ стояли цари и властители Востока—пергамскій, пароянскій, аравійскій, а также представители Сиріи и Іудеи—царевичъ Антигонъ, племянникъ первосвященника Гиркана и дядя Маріаммы, самъ Гирканъ, Иродъ, Фазаель и другіе. Всѣ они стояли въ угрюмомъ молчаніи, возмущенные этой унизительной игрой въ шута, но безсильные въ виду грозныхъ рядовъ легіоновъ съ римскими орлами. Только на лицѣ Ирода играла чуть замѣтная презрительная усмѣшка.

Провѣдавъ заранѣе, какого дурака намѣренъ сыграть для нея Антоній, Клеопатра также рѣшила одурачить его. Высокообразованная по тому времени египтянка-гречанка, которая съ дѣтства росла среди такихъ воспитателей и учителей, которые составляли цвѣтъ мірового въ то время александрійскаго просвѣщенія, поглотившаго тогда и впитавшаго въ себя всю античную эллинскую мудрость, поэзію и искусства,—умная по природѣ и знавшая цѣну своей неотразимой красотѣ, Клеопатра понимала, съ кѣмъ ей предстоитъ имѣть дѣло. Для этого къ богу Вакху-Діонисію должна была явиться богиня Венера. И она явилась такою.

На одной изъ триремъ, сопровождавшей ее изъ Египта небольшой флотиліи, находилась золотая галера, роскошно украшенная серебряными изваяніями египетскихъ и греческихъ божествъ. На носу галеры помѣщалось серебряное изображеніе Нила съ его атрибутами. Тронъ изъ чистаго золота съ вкрапленными въ него рѣдчайшими алмазами, сапфирами, рубинами и другими драгоцѣнными камнями осѣняло изображеніе Изиды. По бокамъ были левъ и сфинксъ, а на особомъ возвышеніи—серебряное изваяніе Аписа-Озириса. Весла галеры были такъ же серебряныя, какъ и руль, и тонкія мачты. Паруса сдѣланы были изъ дорогихъ пурпурныхъ тканей Финикіи.

На этой удивительной галерѣ царица Египта въѣхала въ рѣку Цидпъ, чтобы предстать предъ лицомъ бога Вакха... Богиня Венера-Афродита—понятно, въ настоящемъ костюмѣ богини (тогда не стыдились своей наготы люди, какъ не стыдились и боги)—полулежала на своемъ золотомъ тронѣ, на пурпурныхъ подушкахъ. Ее окружали амуры—прелестныя дѣти съ

крылышками и стрѣлами въ золотыхъ колчанахъ съ серебрянымъ лукомъ. Амуры, рѣзвясь и улыбаясь, крылышками своими навѣвали прохладу на очаровательную головку богини. Они махали крылышками съ помощью особыхъ, невидимыхъ для глазъ механизмовъ. У ногъ богини размѣстился прелестный живой букетъ нимфъ и сиренъ, также въ подлинныхъ костюмахъ этихъ морскихъ и рѣчныхъ обитательницъ, набранныхъ изъ красивѣйшихъ рабынь всѣхъ національностей. Нимфы и сирены, подобно амурамъ, опахалами изъ страусовыхъ перьевъ навѣвали нѣжащую прохладу на все остальное тѣло Венеры-Афродиты.

На кормѣ галеры, позади рулевого колеса, возвышался тронъ для бога вѣтровъ. Колоссальный Эолъ возсѣдалъ на тронѣ изъ слоновой кости, обставленный меньшими фигурами подчиненныхъ ему боговъ: Борея, Афра, Нота и Эвра. Щеки Эола были страшно надуты, и изъ открытаго рта его, съ помощью скрытаго въ немъ механизма съ мѣхами, со свистомъ вырывался вѣтеръ, отъ котораго и надувались такъ картинно пурпурные паруса галеры, тогда какъ въ воздухѣ, вообще, стояла невозмутимая тишина—листъ на прибрежныхъ деревьяхъ не шелохнетъ. У ногъ же этого вѣтрянаго бога картинно полулежалъ Нептунъ съ трезубцемъ.

Удивительная галера тихо, величественно поднималась по Цидну, берега котораго были усѣяны зрителями, сошедшимися къ Тарсу почти со всей Киликіи. Въ толпѣ слышались то возгласы восторга, то смѣхъ и циническія остроты по адресу нимфъ и самой богини: грубые поселяне не могли оцѣнить тонкаго не въ пору и не въ мѣру пикантнаго изящества того, что они созерцали.

Между тѣмъ, около самого Антонія вакханки совершали обрядовые танцы и воспѣвали бога Вакха-Діониса подъ акомпаниментъ киоаръ, а царедворцы-сатиры вторили имъ на флейтахъ.

Едва галера Клеопатры поравнялась съ тронным мѣстомъ Антонія и подплыла къ берегу, какъ часть вакханокъ, отдѣлившись отъ остальныхъ, начали устилать цвѣтами путь, по которому Вакхъ долженъ былъ итти навстрѣчу Венерѣ. Съ своей стороны нимфы, едва галера пристала къ берегу, и на землю съ нея перекинуты были мостки, покрытые пурпурнымъ виссономъ.

также сошли на берегъ и стали усыпать цвѣтами лотоса путь, по которому Венера должна шествовать навстрѣчу Вакху.

Едва Клеопатра потомъ вступила съ мостковъ на землю въ сопровожденіи амуровъ и сиренъ, какъ Антоній сошелъ съ трона и въ сопровожденіи сатировъ и вакханокъ двинулся навстрѣчу... своей смерти...

Наконецъ, они сошлись. Антоній увидѣлъ ту, о которой давно мечталъ...

Роль дурака была сыграна, и эта роль погубила его...

На другой день у дуумвира Марка Антонія былъ дѣловой пріемъ подвластныхъ ему царей. Онъ уже не изображалъ изъ себя Вакха, а былъ въ блестящей, шитой золотомъ туникѣ, въ бѣлоснѣжной тогѣ съ широкими пурпурными каймами и въ лавровомъ вѣнкѣ на кудрявой головѣ, которую сегодня утромъ украсила этимъ вѣнкомъ сама Клеопатра. Онъ былъ, видимо, оживленъ, но въ движеніяхъ его и на полномъ лицѣ замѣтны были слѣды утомленія—остатки вечерней оргіи. Его окружали придворные и вожди, тѣ, которые еще вчера играли постыдную роль сатировъ. Былъ тутъ и знаменитый послѣ Цицерона ораторъ Мессала, глава римскаго литературнаго кружка—«reipublicae litterarum».

Первыми удостоились аудіенціи представители Іудеи, какъ болѣе образованные изъ всѣхъ восточныхъ царей и сатраповъ и лично знакомые Антонію по службѣ его, въ молодости, въ рядахъ легіоновъ Габинія, поддерживавшаго Гиркана и Антипатра противъ претензій непокорнаго римлянамъ царя Александра, племянника Гиркана и отца Маріаммы.

Послѣ первыхъ привѣтствій Антоній, обращаясь къ Ироду и Гиркану, заговорилъ объ Антипатрѣ.

— Такъ доблестный Антипатръ отравленъ Малихомъ?— сказалъ онъ какъ бы въ раздумьѣ.—Жаль. Я оплакиваю этого достойнаго вождя. Кто бы подумалъ? Малихъ! Я не могу забыть ихъ обоихъ. Я помню, а молодое время такъ хорошо помнится, я помню, когда я прибылъ въ Іудею съ Габиніемъ, онъ послалъ меня съ частью легіоновъ впередъ, чтобы преградить Александру путь къ Іерусалиму, и тутъ я познакомился съ твоимъ отцомъ (это къ Ироду) и съ тобою. Тогда же ко мнѣ примкнуло іудейское войско съ Малихомъ и Пиѳолаемъ во главѣ. О, какую

жаркую битву мы тогда дали Александру почти у самаго Іерусалима! Три тысячи его воиновъ пало на мѣстѣ.

— И три тысячи будущій повелитель міра взялъ въ плѣнъ,— почтительно подсказалъ Иродъ.

— Да, да... И еще тогда отличился мальчуганъ Иродъ,— ласково улыбнулся Антоній.

Мессала посмотрѣлъ на Ирода: «будетъ изъ этого прокъ», казалось, говорили его лукавые глаза.

— Тогда я въ первый разъ увидѣлъ Іерусалимъ и его величественный храмъ,—продолжалъ Антоній подъ наплывомъ воспоминаній.—Какъ давно это было!

— Ровно семнадцать лѣтъ прошло съ той торжественной минуты, когда предъ нами растворились ворота святого города, и незабвенный Габиній вручилъ мнѣ управленіе храмомъ и утвердилъ составъ синедріона,—подсказалъ Гирканъ.

— Да, и я это помню,—съ улыбкой замѣтилъ Мессала, котораго называли въ Римѣ «мозгомъ Антонія»,—еще какіе пиры задавали намъ тогда почтенный первосвященникъ и доблестный Антипатръ.

— Помню, помню! — засмѣялся Антоній. — Хотя наши друзья, іудеи, и не строятъ храмовъ веселому Вакху, однако, возліянія ему они совершаютъ исправно.

— Мы слѣдуемъ въ этомъ прародителю Ною,—снова вставилъ Гирканъ.—Да и отцы наши заповѣдали намъ истину: вино веселитъ сердце человѣка.

— Прекрасно,—согласился Антоній.—А что твоя мать, почтенная Кипра?—обратился онъ къ Ироду.

— Оплакиваетъ смерть мужа и моего отца,—былъ отвѣтъ.

— Я хорошо помню почтенную матрону съ прелестнымъ ребенкомъ на рукахъ.

— Изъ этого младенца выросла теперь такая красавица Саломея, которая за поясъ заткнетъ и самое Клеопатру,—раздался вдругъ позади Антонія чей-то мужественный голосъ.

Всѣ вздрогнули отъ неожиданности. Глаза Антонія гнѣвно сверкнули, и онъ быстро повернулся къ тому, кто осмѣлился говорить такъ дерзко и непочтительно. Глаза Антонія и говорившаго о Саломеѣ, сестрѣ Ирода, встрѣтились.

— А, это ты, старый Волкъ (Люпусъ)!—разомъ смягчился гнѣвъ Антонія.—Я твои вкусы знаю.

Дерзко говорившій смѣльчакъ, по имени Люпусъ-Волкъ, былъ старый военный трибунъ, одинъ изъ тѣхъ двухъ, которые въ Тирѣ убили Малиха по «приказу Кассія» и по волѣ Ирода. Антоній давно зналъ и любилъ этого стараго ворчуна, который былъ для него когда-то вродѣ дядьки и учителя въ военномъ дѣлѣ и не разъ, во время жаркихъ схватокъ въ Іудеѣ, спасалъ пылкаго Антонія отъ смерти. Старикъ всю жизнь провелъ въ восточныхъ легіонахъ, сражался и подъ знаменами Помпея и Красса, дѣлалъ походы съ Габиніемъ и Антоніемъ, съ Муркомъ и Кассіемъ. Его знали и цѣнили его честность и беззавѣтную храбрость и Антипатръ, и Иродъ. Въ Іерусалимѣ онъ былъ вхожъ въ домъ Антипатра, и тамъ онъ видѣлъ Саломею еще ребенкомъ, а потомъ, бывая съ своимъ легіономъ въ Іудеѣ и навѣщая домъ Антипатра, онъ видѣлъ, какъ подростала Саломея, какъ она изъ ребенка выростала въ подростка и дарила старика своей ласковой, огненной улыбкой, а потомъ и совсѣмъ стала большой дѣвушкой ослѣпительной красоты и попрежнему ласково относилась къ «старому римскому Волку».

— Знаю я твои волчьи вкусы,—снисходительно улыбнулся Антоній.—А въ самомъ дѣлѣ такъ хороша твоя сестра?—обратился онъ къ Ироду.

— Не знаю: красота сестры—не красота для брата,—отвѣчалъ тотъ уклончиво.

— Но мы уклонились отъ дѣла,—вдругъ круто повернулъ дуумвиръ,—мы еще не покончили съ вопросомъ объ Іудеѣ. Кому вручить ея судьбы, потомку Маккавеевъ—Антигону, или потомству идумея Антипатра? Какого мнѣнія объ этомъ іерусалимскій первосвященникъ, самъ отрасль Маккавеевъ?

— Я полагаю, — послѣ долгаго колебанія отвѣчалъ Гирканъ,—что подъ управленіемъ сыновей Антипатра Іудея будетъ покойнѣе и болѣе вѣрна Риму, чѣмъ подъ управленіемъ моего племянника.

— А ты что скажешь, нашъ мудрый совѣтникъ?—обратился Антоній къ Мессалѣ.

— Моя мудрость—вѣрность Риму,—отвѣчалъ ораторъ,—на этой мудрости построилъ свой отвѣтъ почтенный первосвященникъ, пожертвовалъ ей даже и узами родства. Притомъ, и Антигона, и Фазаеля, и Ирода я зналъ еще въ Римѣ, когда они учились у Цицерона и посѣщали мои студіи; у Антигона—душа

звѣря, котораго никакая сила приручить не можетъ; для него, какъ для волка, его логово—весь міръ, и душа іудея не сольется съ міровою душою, сердце іудея не забьется никогда въ одномъ біеніи съ міровымъ сердцемъ—съ сердцемъ Рима, Капитолія, Форума; іудей вѣчно будетъ чужакъ во вселенной. Не то я усматривалъ въ юныхъ идумеяхъ—въ Фазаелѣ и Иродѣ: у нихъ—міровая душа.

— Я радъ это слышать,—сказалъ Антоній.—Я самъ то же думалъ. А потому, именемъ сената и народа римскаго я, дуумвиръ Маркъ Антоній, сыновей идумея Антипатра, Фазаеля и Ирода, назначаю тетрархами надъ всей Іудеей. Актъ этого назначенія я сегодня же отправляю въ сенатъ для внесенія его въ Капитолій на храненіе вмѣстѣ съ другими государственными актами.

Гирканъ, Фазаель и Иродъ благодарили дуумвира и клялись въ неизмѣнной вѣрности Риму.

— Кто еще тамъ ожидаетъ аудіенціи?—обратился Антоній къ Мессалѣ, отпуская Гиркана, Фазаеля и Ирода.

— Ожидаютъ пріема іудей Антигонъ, сынъ Аристовула, послѣдняго царя Іудеи, пароянинъ Пакоръ, сынъ престарѣлаго царя Пароіи, съ своимъ сатрапомъ Варцафарномъ, аравитянинъ Малихъ, царь Петры, а также депутаты изъ Тира, Сидона и Пергама,—отвѣчалъ Мессала.

— Первыми я приму дерзкихъ пароянъ,—залитыя золотомъ уста Красса вопіютъ о мщеніи.

X.

Послѣ пріема у Антонія произошло нѣчто, чего никто не ожидалъ, и что оказалось роковымъ для всей послѣдующей бурной жизни Ирода.

— Сынъ мой Иродъ,—сказалъ ему Гирканъ,—на твои сильныя руки Всевышній возложилъ судьбы Іудеи и мою собственную судьбу. Чтобы еще болѣе скрѣпить узы, связавшія тебя со мною, я отдаю тебѣ самое дорогое, что осталось мнѣ въ жизни, это мою драгоцѣнную жемчужину Маріамму отдаю тебѣ въ жены, а съ нею даю тебѣ еще одного брата, Аристовула. Бери ихъ... люби ихъ...

Старикъ заплакалъ. Эта неожиданность такъ поразила

Ирода, что онъ, при всемъ своемъ умѣньѣ владѣть собою, сначала растерялся. Онъ давно любилъ Маріамму, любилъ ее еще крошкой, когда носилъ на рукахъ и изображалъ изъ себя Давида, поражающаго Голіаоа-Элеазара въ львиной шкурѣ, который, бывало, похищалъ маленькую Маріамму. Съ ростомъ и развитіемъ дѣвочки росла и любовь его къ ней. Теперь онъ любилъ ее безгранично. Любовь Маріаммы казалась ему недосягаемымъ, небеснымъ блаженствомъ. Но онъ не забылъ, какъ она въ злополучный день, когда Иродъ грозилъ распятіемъ всему Іерусалиму, гордо не по-дѣтски сказала ему: «нѣтъ, ты не мой!» И вдругъ теперь ему отдаютъ ее въ жены! Она будетъ принадлежать ему, какъ Дорида! Нѣтъ, это старикъ Гирканъ бредитъ; онъ ничего не знаетъ.

— Но, вѣдь, дѣвочкѣ только четырнадцать лѣтъ,—сказалъ онъ, наконецъ,—а мнѣ тридцать два, и у меня уже есть жена. Да и сынъ мой отъ Дориды, Антипатръ, уже старше Маріаммы.

— Это ничего не значитъ,—отвѣчалъ Гирканъ:—женщина, это такое деревцо, что чѣмъ оно моложе и нѣжнѣе, тѣмъ плодовитѣе, а дѣти благословеніе Божіе. И то не важно, что у тебя уже есть жена; Дорида Доридой и останется, а Маріамма будетъ Маріаммой.

— Но она меня не любитъ...

— А развѣ любитъ агнецъ, когда его приносятъ въ жертву Іеговѣ? Женщина—тотъ же агнецъ, приносимый въ жертву размноженія народа божьяго; роститеся и множитеся и наполняйте землю, вотъ что сказалъ Іегова... Черезъ годъ Маріамма дастъ тебѣ сына.

Но прошло два года, а Ироду было не до женитьбы.

Отверженный Антоніемъ, Антигонъ, лишенный наслѣдія предковъ, изгнанный изъ Іудеи, не дремалъ. Когда отецъ его, послѣдній царь Іудеи, Аристовулъ, былъ отравленъ по повелѣнію Помпея, а сыну его и преемнику, Александру, римляне отрубили голову, Антигона съ братьями и сестрами пріютилъ у себя Птоломей, владѣтель Халкиды у подошвы Ливана. Сынъ Птоломея, Филиппіонъ, влюбился въ младшую сестренку Антигона и женился на ней. Но красавица приглянулась и отцу, и чадолюбивый папенька, убивъ сына, самъ женился на его молоденькой вдовѣ и съ тѣхъ поръ сталъ еще болѣе покровительствовать Антигону и его братьямъ. Такъ они и остались въ Халкидѣ.

Но Антигонъ не думалъ мириться съ утратою отцовскаго наслѣдственнаго трона. Мы видѣли его въ Александріи, въ пріемной у Цезаря; но тамъ сила и ловкость Антипатра и Ирода осилили его права, и Цезарь объявилъ ему жестко, что наслѣдство—зло и развратъ для наслѣдника, и что наслѣдственный тронъ безъ личныхъ доблестей наслѣдника—то же зло и развратъ... Мы видѣли его потомъ въ Тарсѣ, у Антонія. и тамъ холопство Ирода передъ Римомъ пересилило права наслѣдства.

— Такъ я же призову силу противъ насилія!—со злобой отчаянія рѣшилъ онъ, проклиная Римъ и его угодниковъ.

Онъ воротился въ Халкиду. Два года зрѣлъ въ его умѣ планъ мщенія и, наконецъ, созрѣлъ.

Эти два года Антоній оставался въ Александріи и въ объятіяхъ Клеопатры забылъ весь міръ... Пользуясь его временнымъ безуміемъ, парояне успѣли захватить всю Сирію.

— Такъ вотъ гдѣ мой наслѣдственный тронъ, въ колчанѣ у дикаго пароянина,—сказалъ Антигонъ Лизанію, который унаслѣдовалъ власть отца своего Птоломея надъ Халкидою.

— Въ колчанѣ у пароянина?—удивился Лизаній.

— Да! Я уже говорилъ съ ихъ сатрапомъ Варцафарномъ, и онъ съ прямотою варвара сказалъ: «дай намъ тысячу талантовъ и пятьсотъ іудейскихъ женщинъ и дѣвицъ, и мы посадимъ тебя на отцовское мѣсто».

— А царевичъ Пакоръ?—спросилъ Лизаній.—Вѣдь Варцафарнъ только его сатрапъ.

— Пакоръ, какъ ученикъ, дѣлаетъ то, что велитъ ему учитель.

Дѣйствительно, союзъ съ пароянами былъ заключенъ немедленно. Антигонъ обѣщалъ Пакору, что онъ самъ приведетъ ему плѣнницей сестру Ирода, Саломею.

— Это такая красавица,—говорилъ онъ,—что когда глянетъ на пальмы, пальмы передъ ней склоняютъ свои вершины, а когда идетъ по землѣ, по ея слѣдамъ цвѣты распускаются.

Скоро орды варваровъ потянулись въ Іудею, однѣ—заіорданскими горами въ обходъ Мертваго моря, другія— берегомъ моря и черезъ Самарію и Галилею.

Жители Іудеи, узнавъ, что съ пароянами идетъ Антигонъ, законный наслѣдникъ ихъ царей, стали стекаться къ нему толпами. Многіе явились къ нему и изъ Іерусалима. Отъ толпы ихъ

отдѣлился одинъ старикъ и, приблизившись къ Антигону, поднялъ къ небу руки, какъ на молитву.

— О, горе, горе Іерусалиму!—страстно воскликнулъ онъ.— Іегова отвратилъ отъ него лицо свое, потому что иноплеменники—владыки святого города. Теперь ты пришелъ къ намъ, сынъ царей нашихъ... Осанна! Осанна!

Толпа подхватила этотъ возгласъ, и крики долго не умолкали.

— Сынъ царей нашихъ!—снова заговорилъ старикъ, когда крики смолкли.—Не думай, что мы своею волею покинули тебя. Нѣтъ! Мы зубами держались за тебя, хотя ты этого не видѣлъ, и намъ за тебя выбили зубы. Мы въ лицо самого Антонія бросали твое имя, и онъ за тебя бросилъ насъ въ темницу. Когда этотъ поклонникъ мраморныхъ и мѣдныхъ истукановъ ѣхалъ въ Египетъ къ этой постыдной поклонницѣ быка, мы толпами своими преграждали ему путь, умоляя за тебя, и онъ топталъ наши тѣла своими легіонами. Въ Виѳаніи, въ Дафнѣ мы кричали ему: «отдай намъ царей нашихъ!», и онъ напускалъ на насъ своихъ гоплитовъ, какъ стаю хищныхъ звѣрей. Когда онъ проѣзжалъ черезъ Тиръ, мы тысячною толпой пали на колѣни на томъ мѣстѣ, гдѣ безбожный Иродъ пролилъ кровь послѣдняго нашего вождя, Малиха, и вопили: «кровью Малиха заклинаемъ тебя!», и онъ нашей кровью обагрилъ весь берегъ моря... Вотъ раны, полученныя за тебя!

Старикъ сбросилъ съ себя одежды, показывая раны, которыми исполосовано было его тѣло.

Антигонъ обнялъ его и заплакалъ.

— Я пришелъ вернуть вамъ царей вашихъ или умереть вмѣстѣ съ вами!—воскликнулъ онъ, обнажая мечъ.—Впередъ, воины Іеговы! За мною—къ Дриму!

Наэлектризованные страстной рѣчью старика, а также слезами и возгласомъ Антигона, іудеи устремились неудержимымъ потокомъ съ горъ, окружающихъ Іерусалимъ, ворвались въ городъ и залили собою всю площадь и дворъ храма. Напрасно Гирканъ, явившись во главѣ сильнаго отряда, старался остановить ихъ.

— Дѣти! Сыны Израилевы! Не оскверняйте кровью жилища Предвѣчнаго!—говорилъ онъ.

Народъ не слушалъ его.

— Ты не служитель Предвѣчнаго, а слуга римлянъ и Ирода!—кричали иные.

Тогда на нихъ ринулись Иродъ и Фазаель съ своими отрядами и послѣ кровавой схватки вогнали въ самый храмъ, оцѣпивъ воинами храмовой дворъ.

Наступила ночь. Часть воиновъ Ирода размѣстились на ночлегъ въ сосѣднихъ съ храмомъ домахъ.

Въ полночь зарево освѣтило храмъ и Елеонскую гору.

— Храмъ горитъ! Храмъ горитъ!—послышался во дворцѣ Гиркана отчаянный крикъ.

Это кричала Маріамма. Юная царевна, теперь уже невѣста Ирода, не спала. Она горячо молила Іегову, чтобы онъ послалъ побѣду дядѣ ея, Антигону, и гибель ненавистному ей жениху.

Тревога охватила весь дворецъ. Гирканъ, въ страшной тревогѣ поспѣшившій выйти на кровлю дворца, увидѣлъ клубы дыма и пламя, со всѣхъ сторонъ охватившее храмъ. Сосѣднія горы также освѣтились. Но Гирканъ ясно различилъ, что горитъ не самый храмъ, а прилегавшіе къ его внѣшнимъ стѣнамъ частные дома и склады дровъ.

— Горятъ предатели! — донесся откуда-то торжествующій возгласъ.

Дѣйствительно, горѣлъ не храмъ. Противники Ирода, которые, по случаю приближенія праздника Пятидесятницы, стекались въ Іерусалимъ со всѣхъ концовъ Іудеи, узнавъ отъ іерусалимлянъ о положеніи дѣлъ въ городѣ, немедленно примкнули къ недовольнымъ и тайно подожгли всѣ дома около храма, въ которыхъ на ночь расположены были воины Ирода. Толпа была безжалостна. Кто изъ воиновъ успѣвалъ выбѣжать изъ объятаго пламенемъ дома, того бросали въ огонь.

— Жертва Ваалу!—кричалъ при этомъ ожесточенный народъ.

— Всесожженіе Молоху!—кричали другіе.

Къ волновавшейся толпѣ прибыли Иродъ и Фазаель съ своими отрядами; но было поздно: жертвы народной ярости всѣ погорѣли. Тогда началось избіеніе жителей. Между тѣмъ толпы недовольныхъ все прибывали. Иродъ вспомнилъ, что не только храмъ, но и дворецъ въ опасности. А во дворцѣ находилось то, что въ настоящее время было для него дороже жизни—его невѣста, Маріамма. Поручивъ Фазаелю защищать стѣны города,

на которыя уже напирали орды пароянъ съ царевичемъ Пакоромъ во главѣ, онъ обложилъ дворецъ.

Наступало утро. Гулъ битвы, проклятія, стоны слышались со всѣхъ сторонъ. Дымъ отъ горѣвшихъ зданій все еще клубился въ воздухѣ. Изъ-за Елеонской горы поднималось солнце.

Иродъ, случайно взглянувъ на дворецъ, увидѣлъ Маріамму. Она стояла на плоской кровлѣ дворца, и, судя по ея позѣ, по блѣдному личику, обращенному къ небу, Иродъ догадался, что она молилась. Выплывшее изъ-за Елеонской горы солнце освѣщала ее такъ, что она казалась видѣніемъ, однимъ изъ ангеловъ, какими онъ себѣ представлялъ ихъ. Но за кого молилась она? За него, за Ирода? Но она такъ холодна теперь съ нимъ. Взоръ ея—взоръ сфинкса, которыхъ онъ видѣлъ въ Египтѣ... Тотъ же холодный мраморъ...

— Вѣстникъ отъ Антигона!—прервалъ вдругъ его мысли чей-то голосъ.

Иродъ очнулся, передъ нимъ стоялъ всадникъ съ масличной вѣткой въ рукѣ. Это былъ старикъ, который наканунѣ страстной рѣчью воспламенилъ противниковъ Ирода и заставилъ Антигона заплакать. Но теперь онъ былъ въ латахъ и шлемѣ при полномъ вооруженіи.

— Я, Манассія бенъ-Іегуда, съ вѣткой мира отъ царевича Антигона,—сказалъ старикъ.—Чтобы прекратить кровопролитіе и отвратить отъ святого города и храма конечную гибель, Антигонъ предлагаетъ вступить въ переговоры съ вождемъ пароянъ, царевичемъ Пакоромъ. Варвары охотно пойдутъ на уступки, они не римляне. Въ противномъ же случаѣ они не пощадятъ храма, мало того, они осквернятъ и святая святыхъ, чего не рѣшился сдѣлать Помпей, ни даже Александръ Македонскій.

Иродъ былъ въ нерѣшимости. Онъ зналъ, что не отстоитъ города съ своими слабыми силами, ничтожными передъ полчищами пароянъ. Населеніе города было также озлоблено на него. Зналъ онъ также, что варвары прежде всего не пощадятъ женщинъ, его мать Кипру, сестру Саломею, его Маріамму... При одной этой мысли на него холодомъ повѣяло... О Доридѣ, своей женѣ, онъ даже не вспомнилъ.

— Твой братъ Фазаель, защищающій стѣны, согласенъ на переговоры,—добавилъ старикъ.

Въ головѣ Ирода блеснула мысль. Лукавый съ дѣтства, онъ

всегда прибѣгалъ къ хитрости. Лучше всего принять Пакора во дворцѣ, угостить его и... Онъ ощупалъ подъ складками латъ, между чешуйками кольчуги, тотъ талисманъ Изиды, который онъ нашелъ въ рукояткѣ меча убитаго по его приказу Малиха...

— Маріамма поднесетъ варвару чашу,—сказалъ онъ самъ себѣ.

Онъ знакомъ подозвалъ къ себѣ ближайшаго изъ воиновъ, составлявшихъ его свиту.

— А гдѣ находится теперь сатрапъ Варцафарнъ?—какъ бы спохватившись, спросилъ онъ старика.

— Варцафарнъ съ сильнымъ войскомъ идетъ сюда изъ Галилеи,—былъ отвѣтъ.

Иродъ понялъ, что ему не устоять противъ соединенныхъ силъ Пакора и Варцафарна.

— Поѣзжай къ Фазаелю и передай ему отъ меня, что я согласенъ принять парѳянскаго царевича Пакора для переговоровъ,—сказалъ онъ своему воину.—Сообщи и ты пославшему тебя мою волю,—высокомѣрно бросилъ онъ Манассіи бенъ-Іегудѣ.

Маріамма продолжала молиться, стоя на кровлѣ дворца. И какъ было ей не молиться! Съ высоты дворцовой кровли она видѣла, какъ толпы парѳянъ рыскали по Іосафатовой долинѣ, толпились около гробницъ патріарховъ, пророковъ, выкатывали изъ склеповъ Геѳсиманскихъ садовъ глиняные кувшины съ оливковымъ масломъ и о, дикари! пили его, какъ воду.

Обернувшись къ сѣверу, гдѣ особенно силенъ былъ напоръ непріятеля, она замѣтила, что отъ воротъ Ефраимовыхъ двигается группа всадниковъ въ высокихъ мѣховыхъ и войлочныхъ шапкахъ съ колчанами стрѣлъ за плечами и длинными изогнутыми луками. Впереди группы выдѣлялись два всадника, изъ которыхъ въ одномъ она узнала Фазаеля, а другой, въ богатомъ одѣяніи ассирійскаго покроя, съ золотой цѣпью на шеѣ, былъ ей не извѣстенъ. Потомъ видѣла, что ихъ встрѣтилъ Иродъ съ своею свитой, и всѣ они скрылись въ воротахъ дворца.

Вслѣдъ затѣмъ на кровлю взошла рабыня Маріаммы и позвала ее къ матери. Оказалось, что она должна привѣтствовать чашей вина парѳянскаго царевича, и ее тотчасъ же одѣли въ парадное одѣяніе царевны; а золотистую головку украсили легкой діадемой.

Маріамма, глубоко потрясенная событіями послѣдняго дня, автоматично исполняла все, что ей приказывали дѣлать.

Ее ввели въ тронный покой. На первосвященническомъ тронѣ сидѣлъ Гирканъ, а по бокамъ трона стояли Фазаель и Иродъ. Противъ трона стоялъ загорѣлый, курчавый парѳянинъ съ золотой цѣпью на шеѣ и съ черною въ завиткахъ бородой. Позади Ирода стоялъ виночерній Рамехъ съ золотымъ блюдомъ, на которомъ помѣщались двѣ чаши и тонкій на орлиныхъ серебряныхъ ножкахъ сосудъ съ виномъ.

При видѣ Маріаммы глаза Пакора сверкнули, и онъ невольно попятился назадъ. Дѣвушка, которой мать объяснила, что ей предстоитъ сдѣлать, взглянувъ на Гиркана, лицо котораго просіяло при видѣ внучки, прямо направилась къ виночерпію, и, взявъ съ блюда сосудъ съ виномъ, наполнила имъ обѣ чаши. Потомъ, подойдя къ трону, взяла въ руки одну чашу и подала ее, съ поклономъ, Гиркану. Другую чашу, также съ поклономъ, она протянула къ Пакору.

— Нѣтъ, царевна,—сказалъ парѳянинъ, отступая съ поклономъ:—у насъ, въ Парѳіи, равно какъ во всемъ Иранѣ и въ Скиѳіи таковъ обычай, что подносящій чашу гостю долженъ прежде самъ освятить ее своими устами. Освяти же ее, царевна.—И онъ поставилъ чашу на блюдо.

Рука Маріаммы потянулась къ чашѣ, и ужасъ мгновенно отразился на лицѣ Ирода... Онъ рванулся было впередъ... но въ этотъ моментъ руки у Рамеха задрожали и блюдо съ чашей и сосудомъ полетѣли на полъ. Злая улыбка скользнула подъ черными усами Пакора.

— Подать новую чашу,—сдавленнымъ голосомъ произнесъ Иродъ.

Парѳянинъ перехитрилъ идумея.

XI.

Пакоръ достигъ, чего желалъ. Выпивъ изъ рукъ Маріаммы поднесенное ему, въ другой чашѣ, вино, послѣ того, какъ дѣвушка своими губами «освятила чашу», хитрый парѳянинъ сказалъ, что такъ какъ большая часть его войска находится съ Варцафарномъ, то безъ его согласія онъ не можетъ заключить окончательнаго договора съ Іудеей. Поэтому онъ предлагалъ

Гиркану и Фазаелю отправиться въ лагерь Варцафарна и тамъ порѣшить съ претензіями Антигона, который, будто бы, увѣрялъ, что Гирканъ, по преклонности своихъ лѣтъ и по слабому здоровью, самъ обѣщалъ сложить съ себя санъ первосвященника и возложить его на Антигона, своего родного племянника. Все это было, конечно, придумано умышленно; но Иродъ, сознавая безвыходность своего положенія, принужденъ былъ согласиться на требованія лукаваго варвара, надѣясь, однако, перехитрить его.

На другой день Гиркапъ, въ сопровожденіи Фазаеля и небольшой свиты, выѣхалъ изъ города. Его сопровождалъ и ребъ Элеазаръ, воспитатель Маріаммы и Аристовула. Всѣхъ удивляло и смѣшило то, что старикъ не могъ разстаться съ своимъ бѣлымъ голубемъ, который вывелся и выросъ на карнизѣ окна его комнаты во дворцѣ. Этого голубя любили и кормили дѣти, Маріамма и Аристовулъ, и самъ Гиркапъ очень привязался къ этой ручной кроткой птицѣ. Элеазаръ помѣстилъ голубя въ клѣтку и имѣлъ его при себѣ неотлучно. Когда Пакоръ и его свита смѣялись надъ причудой старика, онъ отговаривался тѣмъ, что первосвященникъ никогда не разстается съ голубемъ его любимой птицей, и теперь желаетъ, чтобы она была съ нимъ. Но старикъ предвидѣлъ нѣчто...

— Кто принесъ нашему прародителю Ною въ ковчегъ вѣсть, что міръ свободенъ отъ потопа?—тайно сообщилъ онъ, передъ отъѣздомъ, Гиркану и Александрѣ.—Голубь невинный принесъ эту вѣсть въ ковчегъ, гдѣ оставалось его гнѣздо. Если съ нами что случится у нарѳянъ, и намъ, можетъ быть ихъ плѣнникамъ, нельзя будетъ послать вѣстника въ Іерусалимъ, то вѣстникомъ этимъ будетъ мой голубь. Я выпущу его тогда изъ клѣтки, и онъ, привыкнувъ жить и кормиться на карнизѣ моего окна, непремѣнно прилетитъ на свое любимое мѣсто. Тогда, царевна,—обратился онъ къ Александрѣ, — ты осмотри тщательно его крылья, и въ нихъ найдешь письмо отъ насъ.

Опасенія Элеазара оказались не напрасными. Правда, они безопасно достигли Галилеи, и Варцафарнъ встрѣтилъ ихъ съ почестями, осыпалъ подарками; но скоро они увидѣли, что попали въ ловушку.

Нѣкто Сарамалла, одинъ изъ первыхъ богачей Сиріи, зналъ о предательскихъ планахъ Антигона и нарѳянъ и черезъ своего

знакомаго, Офелія, велѣлъ предупредить Гиркана и Фазаеля о грозившей имъ гибели. Офелій тайно явился къ нимъ.

— Бѣгите отъ разставленныхъ вамъ сѣтей,—сказалъ онъ.— Знаете, за какую цѣну продалъ васъ недостойный Антигонъ варварамъ? Онъ за іерусалимскій вѣнецъ обѣщалъ имъ тысячу талантовъ, но не своихъ, а іудейскихъ, да кромѣ того, пятьсотъ женщинъ и дѣвицъ іудейскихъ. Антигонъ отдаетъ варварамъ и вашихъ женъ—Александру, жену своего брата, и ея дочь Маріамму...

Эти слова поразили ужасомъ Гиркана!.. Его сокровище, его радость, послѣднее утѣшеніе его старости—Маріамму—варварамъ на поруганіе.

— Жены Ирода и Фазаеля, ихъ сестра Саломея также обѣщаны парѳянамъ,—продолжалъ Офелій.

Едва на востокѣ показались первые признаки разсвѣта, какъ отъ города Экдиппона въ Галилеѣ отлеталъ бѣлый голубь по направленію къ Іерусалиму. Крылатый вѣстникъ летѣлъ стрѣлою черезъ горы Кармель, пересѣкая горные хребты Самаріи и Іудеи.

— Мама! Элеазаровъ голубь прилетѣлъ! — радостно говорила въ то утро Маріамма, входя къ матери.

Александра поблѣднѣла. Она вспомнила слова Элеазара, который говорилъ, что если постигнетъ плѣнъ у парѳянъ, и имъ нельзя будетъ отправить въ Іерусалимъ вѣстника, то вѣстникомъ этимъ явится голубь. Значитъ, Гирканъ въ плѣну.

— Прилетѣлъ голубь, ты говоришь, дитя мое?—вся дрожа, спросила она.

— Да, мама, онъ на своемъ окнѣ. Я дала ему ѣсть.

Александра поспѣшила къ извѣстному окну во дворцѣ. Голубь сидѣлъ на карнизѣ и клевалъ зерна.

— Милый!—невольно вырвалось у царевны-вдовы, и она, осторожно взявъ пернатаго вѣстника, стала его тихонько гладить, ощупывая перья подъ крыльями.

Она нашла то, чего искала. Вокругъ одного пера подъ правымъ крыломъ голубя былъ намотанъ тоненькій, какъ слюда, листокъ изъ сухого рыбьяго пузыря не болѣе квадратнаго дюйма. Осторожно снявъ листикъ и развернувъ его, Александра прочла: «Мы въ плѣну у Варцафарна. Спасите городъ. Зовите на помощь царя Петры».

— Что это, мама?—спросила Маріамма.

— Дѣдушка въ плѣну у пареянъ,—отвѣчала Александра.

— Такъ что жъ! Съ ними дядя Антигонъ, онъ не позволитъ обижать дѣдушку.

— Глупая! Но они возьмутъ Іерусалимъ.

— Не они, мама, а дядя Антигонъ; а онъ намъ роднѣе Ирода...

— И это говоритъ невѣста Ирода!—пожала плечами Александра.

Она тотчасъ же послала за Иродомъ и показала ему то, что принесъ голубь.

— Я зналъ это,—сказалъ Иродъ. — Пакоръ перехватилъ другое письмо оттуда же и вызываетъ меня изъ города для переговоровъ. Чтобы выиграть время, я отвѣчалъ его посланцу, что пріѣду завтра. Между тѣмъ, я ночью тайно отправлю васъ въ Идумею, въ крѣпость Масаду, а самъ поскачу съ моими людьми въ Петру просить помощи у Малиха. Готовьтесь же къ отправленію. Захватите съ собой болѣе цѣнныя сокровища дворца—золото, серебро, драгоцѣнные сосуды. А я велю матери, сестрѣ и братьямъ также укладываться. Къ ночи будьте готовы.

На утро пареяне узнали, что Иродъ со всѣмъ своимъ семействомъ и съ семействомъ Гиркана, захвативъ всѣ сокровища, ночью покинулъ городъ вмѣстѣ со всѣми своими приверженцами, которымъ удалось такъ выйти изъ городскихъ стѣнъ, что этого никто не замѣтилъ. Это случилось оттого, что пареяне обложили слабѣйшую часть стѣнъ—сѣверную и сѣверо-восточную, гдѣ, послѣ погрома Помпея, часть стѣнъ еще не была возстановлена.

Бѣгство Ирода привело Пакора въ ярость, и онъ приказалъ грабить Іерусалимъ, а одну часть войска отрядилъ въ погоню за бѣглецами. Узнали о бѣгствѣ Ирода и іудеи изъ окрестныхъ мѣстностей и также бросились преслѣдовать его. Отражая насѣдающаго врага, Иродъ, наконецъ, далъ ему битву на разстояніи 60-ти стадій отъ Іерусалима и нанесъ сильное пораженіе.

Какъ бы то ни было, онъ благополучно достигъ Масады. Оставивъ, затѣмъ, въ крѣпости 800 надежныхъ воиновъ и снабдивъ ее припасами на случай осады, онъ простился съ своимъ семействомъ и съ невѣстой и поспѣшно направился въ Петру.

Между тѣмъ Варцафарнъ прибылъ въ Іерусалимъ со своими

плѣнниками. Пакоръ и Антигонъ встрѣтили ихъ недалеко отъ города, въ узкомъ скалистомъ проходѣ, гдѣ они охотились на газелей.

Антигонъ осыпалъ жестокими упреками дядю-первосвященника.

— Рабъ идумеевъ и римлянъ!—яростно говорилъ онъ. — Тебѣ ли возсѣдать на престолѣ отцовъ нашихъ? Что ты сдѣлалъ съ священнымъ городомъ? Кому ты его отдалъ?

Гирканъ, убитый горемъ и стыдомъ, молчалъ.

— Ты—потомокъ славнаго рода Маккавеевъ, я—твой ближайшій родственникъ,—продолжалъ онъ,—но на кого ты промѣнялъ меня? Кому отдалъ Іудею?

— Не я,—заговорилъ было Гирканъ.

— Лжешь, старый трусъ!—крикнулъ Антигонъ.—Развѣ я не былъ въ Тарсѣ, гдѣ этотъ римскій кабанъ изображалъ изъ себя пьянаго идола? Я былъ тамъ, помни это. Замолвилъ ли ты за меня слово предъ пьянымъ идоломъ? Нѣтъ, ты всѣ свои слова и себя самого отдалъ Ироду. Мало того, ты отдаешь ему чистую голубицу, мою племянницу, Маріамму. Ты хочешь, чтобы чистая кровь голубицы смѣшалась съ кровью стервятника идумейской пустыни.

Гирканъ упалъ на колѣни, умоляюще протягивая впередъ руки. Фазаель поднялъ его.

— Встань! Ты первосвященникъ,—сказалъ онъ:—только Іегова долженъ видѣть тебя колѣнопреклоненнымъ. А ты,—обратился онъ къ Антигону,—ты, недостойный выродокъ асмонеевъ! Ты не только невинную Маріамму, твою племянницу, продалъ парѳянамъ, ты обѣщалъ имъ еще пятьсотъ іудейскихъ женщинъ и дѣвицъ! Тебѣ ли укорять беззащитнаго старца, наемникъ варваровъ!

Антигонъ бросился было на него съ мечемъ, но Пакоръ удержалъ его.

— Стой! Онъ мой плѣнникъ,—сказалъ онъ,—я самъ расправлюсь съ нимъ за ту чашу, которою хотѣли угостить меня во дворцѣ Гиркана.

— Я не зналъ ничего,—жалобно простоналъ Гирканъ,—я не зналъ, что чаша отравлена... Пощадите!

И онъ снова упалъ на колѣни.

— Первосвященникъ, встань! — опять сказалъ Фазаель.

— Замолчи, несчастный!—крикнулъ на него Антигонъ.

— Встань! Не унижайся передъ наемникомъ варваромъ,—настаивалъ Фазаель.—Ты первосвященникъ.

— Такъ вотъ же!—яростно закричалъ Антигонъ и бросился къ стоявшему на колѣняхъ Гиркану,—Вотъ же! На! На!

И онъ, обхвативъ голову несчастнаго старика руками, сталъ грызть ему уши.

— Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ!—И онъ окровавленнымъ ртомъ выплевывалъ куски откушенныхъ у Гиркана ушей.

— О, Адонаи!—воскликнулъ Фазаель.

Гирканъ, обливаясь кровью, упалъ на землю, закрывая ладонями откушенныя раковины ушей.

— Вотъ вамъ!—говорилъ кровавымъ ртомъ Антигонъ, отплевываясь.—Теперь онъ больше не первосвященникъ и имъ ужъ никогда не будетъ.

Дѣло въ томъ, что, по законамъ Іудеи, санъ первосвященника могли носить только люди «безпорочные»—и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношеніи.

Фазаель, разодравъ свою мантію, сталъ перевязывать голову Гиркану.

— О, если бы со мной былъ мечъ!—простоналъ онъ.

Въ это время прискакалъ гонецъ.

— Какія вѣсти?—крикнулъ издали Варцафарнъ.

— Иродъ успѣлъ достигнуть Масады и, оставивъ тамъ женщинъ и свои сокровища подъ защитой сильнаго гарнизона, самъ съ отборною конницей ускакалъ по направленію къ Петрѣ. Наши конники не могли догнать его,—отвѣчалъ гонецъ.

— О, Адонаи!—радостно воскликнулъ Фазаель.—Теперь я умру спокойно... Мститель моихъ враговъ живъ! О, Іегова! Богъ Авраама, Исаака и Іакова! Прими духъ мой!

И, стремительно разбѣжавшись, Фазаель ударился головой о скалу.

Онъ былъ мертвъ *).

---

*) Іосифъ Флавій въ своемъ знаменитомъ сочиненіи — «Іудейская война» — прямо говорятъ, что «Антигонъ самъ откусилъ уши» у своего дяди, первосвященника Гиркана; а въ другомъ своемъ сочиненіи — «Іудейскія древности» — онъ пишетъ, что «Антигонъ приказалъ отрѣзать уши Гиркану».

XII.

Надъ Римомъ ясная лунная ночь. Неподвижно стоящій надъ вѣчнымъ городомъ полный дискъ ночного свѣтила обливаетъ нѣжнымъ, матовымъ свѣтомъ причудливое зданіе Капитолія и храмы, отбрасывая черныя тѣни на Форумъ и на колоннады, тянущіяся отъ священнаго пути (via sacra), до подножія храма Юпитера.

Но не спитъ столица міра. Слышится иногда лязгъ оружія, людской говоръ или замирающіе въ темнотѣ шаги ночныхъ путниковъ. Во многихъ зданіяхъ виднѣются огоньки, хотя уже за полночь.

На террасѣ одного изъ богатыхъ домовъ недалеко отъ Капитолія, въ тѣни колоннъ, словно неподвижная мраморная статуя, видна человѣческая фигура. Это Иродъ. Задумчивые глаза его устремлены куда-то далеко на Востокъ, а въ умѣ проносятся мрачныя картины его бурной жизни. Да, почти только мрачныя. Свѣтлыхъ онъ не помнитъ. Развѣ только тогда онѣ были менѣе мрачны, когда онъ еще не зналъ жизни, когда вмѣстѣ съ братомъ Фазаелемъ и царевичемъ Антигономъ они, почти дѣтьми, учились мудрости въ этомъ большомъ, страшномъ городѣ. Но и тогда, бродя въ свободные часы между колоннадами храмовъ и въ тѣни портиковъ или толкаясь среди шумной толпы Форума, онъ тосковалъ о далекомъ Іерусалимѣ, о выжженныхъ солнцемъ холмахъ Идумеи, или о пальмовыхъ и бальзаминныхъ рощахъ Іерихона. Блаженное время!.. Золотая молодость!.. Но Фазаеля уже нѣтъ на свѣтѣ, какъ нѣтъ и ихъ великаго учителя Цицерона. И тотъ, и другой—жертвы рока... А Антигона этотъ рокъ вынесъ на высоту величія, на высоту престола. Сила дикихъ пароянъ и безуміе іудеевъ возложили царскій вѣнецъ на его голову... О, слѣпой, безумный, какъ и іудеи, рокъ! А его, Ирода, этотъ слѣпой рокъ низвергъ въ бездну ничтожества.

— Господинъ, богъ ночи склоняется на покой!—услыхалъ онъ вдругъ за собой чей-то тихій голосъ.—Пора спать.

— А, это ты, Рамзесъ... Иди, спи... Ко мнѣ нейдетъ сонъ.

Рабъ молча удалился. А Иродъ опять остается одинъ съ своими мрачными думами. Да, злобный, безжалостный рокъ... Тре-

воги войны, вѣчныя тревоги—боевые клики, стоны раненыхъ и умирающихъ, и вездѣ кровь, кровь...

И за все это—позоръ и униженіе... Гдѣ же счастье? Гдѣ это невѣдомое божество?.. Разъ въ жизни показалось, что это невѣдомое божество переселилось въ нее—въ его Маріамму... И это былъ обманъ рока, горькій обманъ! Теперь, когда онъ бѣжалъ съ ними отъ пароянъ въ Масаду, тамъ, въ Масадѣ, прощаясь съ ними, можетъ быть, навсегда, онъ слышалъ рыданія матери, видѣлъ слезы сестры, брата Ферора... А она? Она была холодна, какъ мраморъ. Для нея, для ея спасенія онъ помчался изъ Масады въ Петру, палился подъ знойнымъ солнцемъ Аравіи, среди раскаленныхъ скалъ и ущелій Петры, чтобы найти помощь...

— О, лукавый рабъ!—прошепталъ Иродъ.—Я везъ ему въ заложники маленькаго сына Фазаеля, чтобы взять у него хоть то, что онъ долженъ былъ отцу моему, такъ нѣтъ!.. Лукавый арабъ не допустилъ меня до Петры, велѣлъ возвратиться въ Масаду... О, Малихъ, Малихъ, и ты оказался такимъ же лукавымъ, какъ тотъ Малихъ, кровью котораго я обагрилъ морской берегъ у Тира.

И вспоминается ему, какъ онъ, уже боясь погони со стороны арабовъ, убѣгалъ изъ Петры, но уже не къ Масадѣ, не къ Маріаммѣ, а въ Египетъ, чтобы вымаливать помощь у Антонія и Клеопатры... Передъ нимъ необозримыя песчаныя пустыни и ночью вой шакаловъ; а на душѣ—мракъ и ужасъ... Что-то Фазаель? Гдѣ полчища варваровъ? Что Іерусалимъ?.. А луна, точно безумная, остановилась надъ пустыней, словно погребальный факелъ надъ мертвецомъ... Пустыня мертва, а вой шакаловъ, это вой плакальщицъ надъ мертвецомъ... Но мертвецъ этотъ не степь, а его судьба, судьба Ирода, его мертворожденное счастье...

Унеслась безумная ночь. Онъ въ Ринокорурѣ. На него глядитъ море своими зелеными, бездонными, безумными глазами. Безуміе кругомъ! Въ немъ самомъ безуміе...

Но кто это? Это бѣжавшіе отъ пароянъ обломки его величія, участники его позора... Безуміе и ужасъ, ужасъ! Это вѣстники гибели брата... Его могучая голова разбита о скалу... Такъ вотъ, кто мертвецъ! Вотъ кого ночью оплакивали шакалы, его брата, Фазаеля!

Тѣни отъ Капитолія и отъ храма Юпитера Статора на Пала-

типѣ удлиняются все болѣе, Форумъ также все сплошнѣе заполняютъ тѣни, луна далеко передвинулась на западъ, а Иродъ все неподвижно сидитъ въ тѣни колоннъ, словно мраморное изваяніе. Мысль его переносится отъ Ринокоруры къ Пелузію. И тутъ все то же безбрежное море глядитъ на него своими зелеными, бездонными, безумными очами. Надо ѣхать этимъ безумнымъ, безбрежнымъ моремъ до Александріи, а корабельники не хотятъ знать его бывшаго величія... Бывшаго! Но его не сбросишь съ плечъ, какъ износившуюся мантію, и корабельники повинуются, везутъ его въ Александрію... О, страна сфинксовъ и пирамидъ! Какъ у него сжалось сердце при видѣ этихъ сфинксовъ, этого величаваго храма Озириса! Ему вспомнилось торжественное вѣнчаніе на царство Клеопатры, это суровое, усталое лицо Цезаря рядомъ съ ея юнымъ личикомъ... Теперь Клеопатра уже не дѣвочка, возмужала, а все такая же обольстительная, хотя ея Цезаріону уже восьмой годъ пошелъ... Мальчикъ, будущій фараонъ, вылитый Цезарь... Но еще будетъ ли онъ фараономъ?.. Одна Клеопатра не забыла прежняго величія Ирода, не забыла! Она дѣлаетъ ему блестящій пріемъ, приглашаетъ его быть ея полководцемъ... Ея полководецъ! Его, Ирода, который водилъ въ битву свои войска! Нѣтъ! Нѣтъ! Скорѣй въ Римъ! Тамъ и Антоній. Онъ вырвался изъ объятій Клеопатры, чтобы тамъ, въ Римѣ, рѣшать судьбы міра... Прощай, страна сфинксовъ и пирамидъ! Скорѣе въ Римъ! Тамъ должна рѣшиться и судьба Ирода.

И вотъ онъ въ Римѣ. Но что вынесъ онъ среди этого бурнаго, безумнаго, бѣшенаго моря? А особенно у береговъ Памфиліи. Зеленыя съ сѣдыми вершинами морскія горы-волны бросали его корабль въ бездну и снова выбрасывали на сѣдыя вершины волнъ. Нептунъ обезумѣлъ отъ гнѣва. Трезубецъ его пѣнилъ море, вздымалъ его до бѣжавшихъ отъ ужаса по небу облаковъ. Безумный богъ требовалъ жертвъ, и Иродъ бросилъ въ море все, что имѣлъ... Разбитый корабль его безъ снастей, безъ парусовъ, съ однимъ нищимъ Иродомъ и такимъ же нищимъ рабомъ его, Рамзесомъ, бѣшеное море пригнало къ берегамъ Родоса. Жалкій, нищій Иродъ! А давно ли въ рукахъ его были судьбы Іудеи, Самаріи, Галилеи, Идумеи, всей Сиріи? Хорошо еще, что на Родосѣ онъ нашелъ Птоломея и Саппинія, которые не оттолкнули его отъ себя, какъ проказу, а помогли даже снарядить трехве-

сельное судно-трирему. И снова Иродъ въ объятіяхъ безумнаго моря. Снова вой бури и волны, волны до облаковъ!

Но теперь онъ въ Римѣ. Завтра, въ сенатѣ, должна рѣшиться его судьба.

— Господинъ, богъ ночи ушелъ на покой, а ты не спишь!

Это говоритъ появившаяся за колоннами темная фигура. То былъ Рамзесъ.

— Мой сонъ остался въ Іудеѣ,—отвѣчаетъ Иродъ.

Такъ прошла ночь. Утромъ къ нему вошелъ Мессала, въ домѣ котораго и остановился Иродъ.

— Я вижу, ты уже всталъ,—сказалъ Мессала.

— Я не ложился,—отвѣчалъ Иродъ.

Мессала посмотрѣлъ ему въ лицо, на которомъ безсонная ночь и душевныя тревоги оставили замѣтные слѣды.

— Я понимаю тебя, другъ Иродъ; но не падай духомъ; боги бодрствуютъ...

— Отъ меня отвратилъ лицо мой Богъ,—мрачно отвѣчалъ Иродъ.

— Мужайся, другъ; сегодня твой Богъ глянетъ тебѣ въ очи. Готовься итти со мною въ сенатъ.

— Я готовъ,—былъ отвѣтъ.

— Какъ? Въ этомъ старомъ, почти нищенскомъ одѣяніи?

— У меня другого нѣтъ.

— Тѣмъ лучше! Пусть видитъ Римъ и краснѣетъ.

Но вотъ они въ сенатѣ. Послѣ обычныхъ церемоній Мессала входитъ на трибуну. Иродъ остается внизу трибуны въ смиренной позѣ просителя. Сенатъ въ полномъ сборѣ. Кресла сенаторовъ образуютъ обширный полукругъ, въ центрѣ котораго возвышается величественное изображеніе изъ мрамора «великаго» Помпея, статуя, у подножія которой, пять лѣтъ тому назадъ, палъ мертвымъ Цезарь. Срединный выгибъ полукруга занимаютъ кресла Антонія и Октавіана. Такъ вотъ они, повелители міра. Одного изъ нихъ, плотнаго, съ курчавой головой и низкимъ лбомъ гладіатора, Иродъ уже знаетъ давно. Другой—блѣдный, болѣзненный юноша съ глазами сфинкса и широкимъ лбомъ, круто ниспадающимъ отъ широкаго черепа. Такъ это онъ съ его загадочнымъ лицомъ? Его взглядъ не хотѣли перенести Брутъ и Кассій и предпочли пронзить себя мечами.

— Здѣсь, предъ лицомъ державнаго собранія, — раздался

вдругъ голосъ Мессалы, — предстоитъ тотъ, предъ которымъ Римъ, властелинъ вселенной, является неоплатнымъ должникомъ, болѣе того, злостнымъ банкротомъ. И, о, боги, на щекахъ Рима, на щекахъ его державцевъ, здѣсь предсѣдающихъ, не вспыхнула краска стыда при видѣ этого человѣка? Ужели Римъ потерялъ стыдъ?

Между сенаторами замѣтно гнѣвное движеніе. Гнѣвные, негодующіе взгляды перекрещиваются съ спокойнымъ взглядомъ Мессалы. Иродъ стоитъ понуро.

— Мессала забывается!—слышатся голоса.

— Мессала забываетъ, что онъ не Цицеронъ...

— И сенатъ не Катилина...

— Нѣтъ, patres conscripti, я помню и продолжаю утверждать, что Римъ—злостный банкротъ, забывшій свой долгъ! И если бы надъ нимъ, надъ всемогущимъ Римомъ, была другая державная сила, то сама Ѳемида сошла бы съ своего трона и засадила бы этотъ обанкротившійся Римъ въ эргастулъ!

Иродъ замѣтилъ, какъ дрогнули вѣки у блѣднаго юноши, но онъ оставался неподвиженъ и холоденъ, какъ мраморъ. У Антонія же на полныхъ губахъ, казалось, играла легкая усмѣшка.

— Эргастулъ!.. На арену дерзкаго!—послышался чей-то голосъ.

— Я на аренѣ!—отвѣчалъ Мессала.—Въ свидѣтели моихъ словъ я беру того героя-юношу, который, по повелѣнію незабвеннаго вождя Рима, Габинія, нѣкогда мчался, плечо въ плечо, конь въ конь съ Антипатромъ и Иродомъ по пятамъ мятежнаго царя іудейскаго Александра и вырвалъ изъ его недостойныхъ рукъ Іерусалимъ, положивъ на мѣстѣ битвы три тысячи труповъ мятежниковъ. Этотъ юноша-герой, теперь зрѣлый мужъ, здѣсь, и здѣсь же тотъ Иродъ—онъ стоитъ передъ вами.

Всѣ взглянули на Антонія. Глаза его радостно блеснули; всѣ угадали въ немъ юношу-героя.

— Но этотъ Иродъ стоитъ передъ вами въ одеждѣ нищаго,—продолжалъ ораторъ.—А было время, когда онъ самъ раздавалъ порфиры... Когда великій Цезарь, словно левъ пустыни, попавшій въ западню въ Александріи, уже считалъ свою увѣнчанную лаврами геніальную голову обреченною лежать на кровавомъ блюдѣ, подобно головѣ того, чей мраморный ликъ вы теперь созерцаете, кто спасъ эту геніальную голову отъ меча дерзкаго фа-

раона Птоломея? Идумей Антипатръ и его юный сынъ—вотъ этотъ самый Иродъ, который теперь стоитъ передъ вами въ рубищѣ нищаго.

— Правда, правда, — тихо, но внятно сказалъ блѣдный юноша,—я слышалъ это отъ моего отца, великаго Юлія Цезаря.

Иродъ, стоя у трибуны, плакалъ, закрывъ лицо руками.

— И кто же все отнялъ у этого вѣрнаго, доблестнаго слуги Рима? — продолжалъ Мессала.—Антигонъ, іудей, мятежный сынъ мятежнаго отца, іудей, всегда исконный врагъ Рима, врагъ чашихъ боговъ, іудей, эта язва вселенной. И теперь на головѣ его корона Іудеи, Самаріи, Галилеи. А изъ чьихъ державныхъ рукъ получилъ онъ эту корону? Изъ рукъ Рима, какъ получали и получаютъ ее всѣ цари Востока? Нѣтъ! Изъ рукъ варваровъ, изъ кровавыхъ рукъ тѣхъ пароянъ, которые задолжали Риму сорокъ тысячъ талантовъ. Больше! Сорокъ тысячъ труповъ, павшихъ въ пустыняхъ Пареіи вмѣстѣ съ доблестнымъ Крассомъ, мощный духъ котораго варвары залили растопленнымъ золотомъ. И варвары до сихъ поръ остались не отомщенными! Не позоръ ли это?

— Позоръ! Позоръ!—пронесся ропотъ по сенату.

— Но Римъ отмститъ! — съ силою воскликнулъ Антоній, вставая во весь свой ростъ.—И помощникомъ въ этомъ мщеніи Рима будетъ Иродъ!

— Царь Иродъ,—тихо, но властно добавилъ блѣдный юноша Октавіанъ, впослѣдствіи Августъ, первый римскій императоръ.

— Царь Иродъ!—повторилъ послушно весь сенатъ.—Ave! Да здравствуетъ Иродъ, царь іудейскій!

Иродъ приблизился къ дуумвирамъ и почтительно преклонилъ колѣни.

— Встань, царь іудейскій, и будь другомъ Рима,—въ одинъ голосъ сказали Антоній и блѣдный юноша.

Иродъ поднялся, словно преображенный. Глаза его сверкнули властнымъ огонькомъ, и въ нихъ легко было прочесть смерть Антигону.

— А теперь, въ храмъ для принесенія жертвы богамъ, а затѣмъ въ Капитолій, для внесенія въ табулярій постановленія сената и народа римскаго о назначеніи Ирода царемъ Іудеи,—заключилъ блѣдный юноша.

Новый царь вышелъ изъ сената съ властелинами міра, какъ

равный съ равными: съ одной стороны его шелъ Антоній, а съ другой—Октавіанъ, блѣдный юноша съ глазами сфинкса. За ними слѣдовали сенаторы, консулы и другіе государственные сановники. Среди этого блестящаго общества въ тогахъ съ пурпурными каймами народъ съ удивленіемъ видѣлъ какого-то неизвѣстнаго пришельца въ простомъ, бѣдномъ одѣяніи, не то араба, не то египтянина.

— Кто это?—спрашивали въ толпѣ.

— Это новый Югурта, царь Нумидіи...

XIII.

Крѣпость Масада, въ которой Иродъ, убѣгая отъ Антигона и парѳянъ въ Петру, а потомъ черезъ Александрію въ Римъ, оставилъ свое семейство—мать, сестру Саломею, младшаго брата Іосифа и племянника, маленькаго сына Фазаеля, а также невѣсту свою Маріамму съ матерью, вдовою царевича Александра, и небольшой гарнизонъ, находилась къ югу отъ Іерусалима и расположена была на возвышенномъ берегу Мертваго моря, недалеко отъ южной его оконечности, почти у самыхъ границъ Идумеи.

Внизу передъ нею разстилалась свинцовая, угрюмая гладь безжизненнаго моря, а за нимъ высились такія же угрюмыя, безжизненныя скалы Моавитскихъ горъ. Кругомъ ни кустика, ни деревца, ни признака зелени, однѣ только сѣрыя, какъ сухая шкурка змѣи, колючія поросли солонцовъ.

Всю зиму Антигонъ упорно осаждалъ эту небольшую, но прочную твердыню Іудеи, но также упорно осажденные отражали всѣ натиски врага, сильнаго своимъ многолюдствомъ. Иногда осажденные сами дѣлали отчаянныя вылазки, чтобы отбросить отъ стѣнъ непріятеля; но что могла сдѣлать горсть людей, не превышавшая двухсотъ годныхъ къ битвѣ, когда стѣны и сосѣднія ложбины и скалы были обложены другою сплошною стѣной, стѣною осаждающихъ. Однако, вылазки дѣлались все чаще и отчаяннѣе. Антигонъ понялъ изъ этого, что осажденные видятъ свою гибель. Но въ чемъ? Въ недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ? Въ недостаткѣ воды? Да, послѣднее предположеніе вѣрнѣе. Въ крѣпости нѣтъ ни живыхъ источниковъ, ни колодцевъ. Между тѣмъ, почти всю зиму ни Іудея, ни пустыни Иду-

мен почти ни разу не оросились обильнымъ дождемъ. Крѣпость должна погибнуть изморомъ отъ безводья.

Антигонъ былъ правъ. Осажденные съ ужасомъ замѣчали, что цистерны ихъ, когда-то полныя водой до краевъ, все болѣе и болѣе изсякаютъ. А спасительнаго ливня все нѣтъ. Скоро воду стали отпускать порціями, а потомъ постепенно уменьшать порціи. Нѣкоторыя цистерны совсѣмъ высохли, а въ остальныхъ вода еще сохранилась только на днѣ, да и та была на исходѣ. А между тѣмъ наступали знойные весенніе дни. Гибель была неизбѣжна.

Но гдѣ Иродъ? Живъ ли онъ? Не погибъ ли отъ парѳянской стрѣлы или растерзанъ львами въ дикихъ дебряхъ Петры? Этого никто не зналъ.

Въ крѣпости начались болѣзни отъ безводья. Менѣе всѣхъ были выносливы дѣти и женщины. Онѣ падали отъ истощенія силъ, воплями призывая дождь съ неба. Но небо было глухо къ ихъ воплямъ. Ночью припадали пересохшими губами къ каменнымъ стѣнамъ крѣпости, къ желѣзу оружія, къ своимъ золотымъ ожерельямъ, на которыхъ холодная ночь оставляла подобіе росы, подобіе сырости...

Но однажды утромъ въ крѣпости поднято было метательное арабское копье, къ которому прикрѣпленъ былъ небольшой клочекъ сухого рыбьяго пузыря. На немъ прочли: «Богъ да хранитъ Саломею и Масаду. У сѣверныхъ воротъ, влѣво отъ башни, подъ кустомъ кактуса козій мѣхъ съ водою». Подпись: «сынъ Петры».

— О, благородный сынъ пустыни!—заплакала Саломея, припадая пересохшими губами къ словамъ записки.—Кто бы ты ни былъ, я твоя раба.

Съ какою тревогой ожидалась потомъ ночь! А если осаждающіе найдутъ мѣхъ съ водой?

— Молитесь, дѣти! — говорила старая Кипра Маріаммѣ, Аристовулу и маленькому Акибѣ, сыну погибшаго Фазаеля,— Іегова услышитъ ваши непорочныя молитвы, молитесь о пришествіи ночи.

Но вотъ и пришла ночь. Въ темнотѣ ворота крѣпости были немного пріотворены, и мѣхъ съ водою былъ принесенъ въ крѣпость. Съ какой благоговѣйной осторожностью дѣлилась между всѣми осажденными драгоцѣнная влага! Но ея было такъ мало на всю крѣпость...

А на утро подняли еще копье. Въ новомъ посланіи значилось: «Саломеѣ—здравствовать. Ночью пустой мѣхъ да кладется подъ кактусъ и берется другой мѣхъ, полный воды». Все тотъ же «сынъ Петры».

Осажденные ожили. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Но однажды, выйдя ночью за ворота крѣпости, посланные за мѣхомъ воины не нашли его на условленномъ мѣстѣ, а утромъ въ крѣпости поднята была пароянская стрѣла съ привязаннымъ къ ней извѣщеніемъ: «О, Саломея! Богъ отвратилъ отъ меня лицо Свое; сыны Ваала провѣдали все, и больше воды не ждите. Убитый горемъ сынъ Петры».

Теперь отчаяніе овладѣло осажденными окончательно. Іосифъ, младшій послѣ Ирода сынъ Антипатра, созвалъ на совѣтъ нѣсколькихъ изъ болѣе старыхъ воиновъ гарнизона: что предпринять? На что рѣшиться?

— Пробиться сквозь врага силой или умереть въ бою,—отвѣчалъ одинъ изъ воиновъ.—Все равно, смерть.

— А дѣти и женщины?—возразилъ другой.

— Будемъ надѣяться, что враги ихъ пощадятъ.

— Нѣтъ, друзья,—сказалъ Іосифъ: — намъ извѣстно, что Антигонъ обѣщалъ пароянамъ пятьсотъ іудейскихъ женщинъ и дѣвицъ. И они уведутъ въ рабство вашихъ женъ и дочерей, а также мать мою, сестру и невѣсту Ирода съ ея матерью.

— На что я имъ, старуха?—грустно замѣтила Кипра, которая находилась тутъ же со всѣми.

— Я скорѣй пойду къ дядѣ Антигону и въ станъ пароянъ, чѣмъ умирать здѣсь безъ воды,—неожиданно заявила Маріамма.—Я уйду одна! Я убѣгу!

— Что ты, дитя!—съ ужасомъ остановила ее мать.

Наконецъ, порѣшено было слѣдующей же ночью тайно выйти изъ цитадели южными воротами, которыя не охраняются непріятелемъ, и глубокимъ горнымъ ущельемъ пробраться до границъ Идумеи, а потомъ искать убѣжища въ Петрѣ. Но чтобы непріятель не скоро догадался объ ихъ бѣгствѣ, ворота цитадели запереть за бѣглецами, для чего въ крѣпости оставить двухъ воиновъ, которые потомъ и спустятся со стѣны по веревкѣ... Стали дѣятельно готовиться къ бѣгству.

— Ночью же мы всѣ утолимъ свою жажду,—сказалъ въ заключеніе одинъ старый воинъ:—потому что на пути мы встрѣ-

тимъ, недалеко отсюда, горный ручей, изъ котораго и я, и мои козы когда-то, когда я, мальчикомъ, пасъ ихъ тамъ, пивали каждый день чудесную холодную воду.

Но, къ неожиданному и, можно сказать, безпримѣрному счастью осажденныхъ, къ вечеру того же дня небо стало заволакивать тучами; на западѣ змѣевидныя молніи прорѣзывали удушливый воздухъ. Видно было, что гроза надвигалась съ моря, отъ Аскалона или Ринокоруры. Мертвое море приняло еще болѣе угрюмый видъ. Поверхность его, словно колеблемый подземными силами растопленный свинецъ, стала волноваться отъ порывовъ западнаго вѣтра. Но этотъ вѣтеръ могъ угнать благодатныя тучи вглубь каменистой Аравіи. Издали видно было, какъ этотъ вѣтеръ рвалъ и разметывалъ палатки осаждающихъ, гналъ испуганные табуны ихъ коней. Въ то же время осаждающіе видѣли на крѣпостной стѣнѣ бѣлую женскую фигуру, которая простирала къ небу руки. Она казалась имъ страшнымъ видѣніемъ.

То молилась старая Кипра о ниспосланіи дождя. Осаждавшіе стали пускать въ нее стрѣлы, но она продолжала воздѣвать руки къ небу.

Вдругъ сверкнула ослѣпительная молнія, и страшный ударъ грома потрясъ землю. Вслѣдъ затѣмъ крупныя, тяжелыя, какъ свинецъ, капли дождя стали гулко ударяться о стѣны цитадели, о раскаленные камни, о косматыя колючки кактусовъ.

— О, Іегова!—послышался радостный стонъ со стѣны.

Внутри крѣпости также раздались радостные крики.

Дождь превратился въ ливень, могучій какъ ураганъ пустыни. Мертвое море, моавитскія скалы, станъ осаждающихъ, небо и земля—все исчезло въ потокахъ воды, хлынувшихъ съ неба, которое, казалось, на облакахъ своихъ носило цѣлые океаны...

— Небеса повѣдаютъ славу Божію!—восторженно говорила старая Кипра, спускаясь со стѣны цитадели и повторяя одинъ изъ псалмовъ Давида. Съ нея вода стекала ручьями.

Цистерны, за нѣсколько минутъ сухія, скоро наполнились до краевъ. Вода лилась ручьями, и скоро въ Мертвое море съ ревомъ и грохотомъ понеслись бурные потоки. Аристовулъ и маленькій Акиба, промокшіе до нитки, отхватывали на крѣпостной площадкѣ какой-то отчаянный танецъ съ игривымъ припѣвомъ. Маріамма, распустивъ свои золотистыя косы, обдаваемыя лив-

немъ, постоянно ими встряхивала и заливалась веселымъ смѣхомъ.

Вдругъ какой-то небольшой предметъ упалъ къ ея ногамъ. Она подняла его. То былъ изящный кожаный съ золотымъ тисненіемъ амулетъ, какіе носили на груди богатые арабы. Открывъ его, Маріамма нашла въ немъ миніатюрный свертокъ папируса, на которомъ было написано: «Радуйся, несравненная Саломея! Твой братъ, царь Иродъ, съ сильнымъ войскомъ идетъ отъ Іоппіи къ Масадѣ. Сынъ Петры».

— Опять этотъ сынъ Петры! Противный арабъ!—топнула ножкой Маріамма.—Кто онъ такой? А все пишетъ одной Саломеѣ... «Несравненная»! А чѣмъ я хуже Саломеи? А мнѣ хоть бы слово написалъ... Хитрая Саломея, говоритъ, что не знаетъ, кто онъ, хитрячка!.. Такъ неужели противный Иродъ въ самомъ дѣлѣ царь? А дядя Антигонъ? Вѣдь, его нарояне и Бне-Баба вѣнчали въ Іерусалимѣ на царство... А если Иродъ—царь, то и я буду царицей... Царица Маріамма! Какъ это хорошо! Только все-таки я Ирода любить не буду, а такъ...

И она, выжавъ воду изъ косы, побѣжала искать Саломею.

— Посмотри,—сказала она, подавая послѣдней амулетъ и посланіе:—опять твой сынъ Петры.

Саломея вспыхнула, прочитавъ посланіе.

— Такъ братъ—царь!—взволнованно сказала она.—Значитъ, онъ былъ въ Римѣ?—А что же Антигонъ?

— Да скажи же мнѣ,—прервала ее Маріамма,—кто этотъ сынъ Петры?

— Не знаю,—отвѣчала Саломея, пряча свои лучистые глаза.

— И не догадываешься даже?

— И не догадываюсь.—Но Маріамма видѣла, что она лгала: женщины такъ умѣютъ ловить другъ друга, по природѣ сыщики.

Ливень между тѣмъ прекратился. Какъ мгновенно нанесъ его ураганъ пустыни, такъ мгновенно и угналъ въ предѣлы моавитскіе, далеко за Мертвое море. Масада ликовала двойною радостью и избыткомъ воды, и вѣстью, что Иродъ не только живъ, но что теперь онъ царь Іудеи и спѣшитъ на выручку Масады.

Воскресшіе духомъ, осажденные на другой же день снова возобновили свои вылазки. Счастье клонилось то на ту, то на другую сторону, но все-же осажденные не могли отбить многочисленнаго непріятеля.

Снова потянулось скучное, однообразное время, а Иродъ точно въ воду канулъ. Да и правда ли то, что онъ живъ, что онъ царь, что онъ идетъ къ Масадѣ? А если то была насмѣшка какого-то «сына Петры»? Такъ нѣтъ, то не была насмѣшка. Не онъ ли, этотъ невѣдомый «сынъ Петры», великодушно снабжалъ ихъ водою, когда они буквально умирали отъ жажды? Не онъ ли спасъ ихъ отъ вѣрной смерти?

Потянулись безконечные дни. Дни казались годами.

Но вотъ неожиданно, однимъ раннимъ утромъ, въ непріятельскомъ станѣ произошло необыкновенное движеніе. Наблюдавшимъ изъ крѣпости бросилось въ глаза то, что осаждавшіе обратились къ осаждаемому укрѣпленію тыломъ. Все двигалось и металось. Конные вскакивали на лошадей, пѣшіе смыкались въ ряды или разсыпались по сторонамъ, потрясая копьями или натягивая тетивы со стрѣлами.

— Они бросаютъ осаду, отступаютъ!

— Нѣтъ! На нихъ наступаютъ, тамъ битва!

— Это наши! Это Иродъ! Смотрите, тамъ несмѣтныя толпы!

— Это клики побѣды! Они заглушаютъ вопли умирающихъ.

На стѣнѣ показалась фигура женщины съ поднятыми къ небу руками. То опять молилась Кипра. Сердце матери сказало ей, что тамъ ея сынъ, ея Иродъ, царь Іудеи.

Скоро она узнала его. Онъ, въ пурпурѣ, на бѣломъ конѣ, приближался къ крѣпости. Мать протянула къ нему руки.

— Что Маріамма?—донеслось до ея слуха.

— О, дѣти!—простонала старая арабка.

XIV.

Прошло нѣсколько лѣтъ, самыхъ бурныхъ и кровавыхъ въ жизни Ирода.

Онъ давно царь и полновластный владыка Іудеи и всей Палестины. Галилея, Самарія, Идумея — провинціи его могущественнаго царства. Предъ нимъ все трепещетъ. Онъ давно мужъ Маріаммы и отецъ ея дѣтей.

Но чего это ему стоило? По какимъ потокамъ крови онъ дошелъ до іудейскаго престола! Какъ состарилъ его этотъ тяжелый вѣнецъ Маккавеевъ! Теперь морщины уже бороздили его лицо. Сѣдые волосы, какъ змѣи, вились уже въ черной бородѣ, змѣи-

лись на вискахъ. Зато казна его ломится отъ золота. Чего бы ему еще? Такъ нѣтъ! Душа его полна мрака.

Онъ припоминаетъ ту лунную ночь въ Римѣ, когда онъ ждалъ рѣшенія своей судьбы. И судьба его рѣшена, она все бросила ему подъ ноги. Но съ этой лунной ночи мрачныя думы не покидаютъ его. Все прошлое—какіе-то кровавые призраки.

Эта ужасная смерть братьевъ Фазаеля и Іосифа—ихъ кровь на его порфирѣ. Голова Іосифа, которую отрубилъ Антигонъ, каждую ночь кричитъ ему: «Иродъ! Иродъ! За что я погибъ?».

А эти ночные посѣтители съ зіяющими ранами, изъ которыхъ медленно сочится черная кровь? Онъ видитъ ихъ по ночамъ. Онъ вмѣстѣ съ ними переносится къ скаламъ Тиверіадскаго озера. Его воины со скалъ спускаются по веревкамъ, въ деревянныхъ ящикахъ, къ отверстіямъ недоступныхъ пещеръ и безпощадно убиваютъ скрывшихся тамъ приверженцевъ Антигона, а у устья одной пещеры стоитъ старикъ и закалываетъ своею рукою, одного за другимъ, семь своихъ сыновей богатырей. Иродъ кричитъ ему: «Остановись! Пощади!». А старикъ отвѣчаетъ: «будь проклятъ, подумай!».

— Проклятъ? Кто смѣетъ проклинать царя Ирода!.. Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ? Не я васъ зарѣзалъ—отецъ!

— Ты кого зовешь, царь?—Это Маріамма входитъ со свѣтильникомъ въ опочивальню Ирода.

— А! Это ты, Маріамма? Побудь со мной... Что дѣти?

— Я къ нимъ иду. Малютки что-то плохо спятъ.

Иродъ остается одинъ. Опять тѣни прошлаго въ темнотѣ обступаютъ его, все кровавыя тѣни. Онъ видитъ, какъ его воины и римскіе легіонеры, ворвавшись вмѣстѣ съ нимъ и Соссіемъ въ городъ и на дворъ храма, производятъ ужасающую рѣзню и по улицамъ города, и по домамъ... Но гдѣ Антигонъ? Гдѣ убійца Фазаеля и Іосифа? Гдѣ мнимый царь Іудеи?..

— А! Вотъ онъ! Блѣдный, трепещущій, онъ выходитъ изъ дворца и припадаетъ къ ногамъ Соссія.

— Прочь, Антигона! Ты не мужчина, не Антигонъ, а Антигона!

Вотъ онъ въ цѣпяхъ, послѣдній Асмонсй! Топоръ палача отрубилъ голову, которую украшала послѣдняя корона Маккавеевъ.

— А это кто? А!—Иродъ узнаетъ ихъ.—Это члены синед-

ріона, это ихъ тѣни, ихъ призраки... Они стали призраками за то, что осмѣлились когда-то призывать Ирода къ суду.

Иродъ слышитъ чей-то тихій старческій голосъ:

— Иродъ! Не я ли былъ тебѣ отцомъ, заглушая даже родственныя мои чувства къ Антигону, племяннику моему? Я въ синедріонѣ спасъ твою жизнь, которую ты долженъ былъ позорно кончить на крестѣ за убіеніе Іезеккіи. Я въ Тарсѣ возвысилъ тебя передъ Антоніемъ въ ущербъ Антигону. Я отдалъ тебѣ послѣднее утѣшеніе моей старости—Маріамму. За тебя я пошелъ въ пасть львовъ пустыни—пароянъ, и за тебя въ ихъ присутствіи Антигонъ изувѣчилъ мою голову...

Передъ Иродомъ стоялъ, весь въ бѣломъ, въ первосвященническомъ одѣяніи, съ бѣлою, какъ снѣга Ливана, бородою призракъ... безъ ушей!..

— За тебя я ушелъ въ плѣнъ къ пароянамъ. Іудеи Пароіи полюбили меня и почитали, какъ царя и первосвященника. Но твой коварный другъ Сарамалла и ты самъ умоляли меня воротиться въ родную Іудею. Я тосковалъ о ней въ плѣну. Мнѣ, болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтнему старцу, хотѣлось взглянуть на святой городъ, гдѣ я выросъ, хотѣлось видѣть передъ смертью іерусалимскій храмъ, въ которомъ я служилъ Іеговѣ около полустолѣтія и тосковалъ по немъ на чужбинѣ... Я послушался тебя, и вотъ, я тѣнь! Я прихожу къ тебѣ изъ сѣни смертной... Иродъ! За что ты убилъ меня?

— Прочь! Исчезни страшное видѣніе!—закричалъ Иродъ и проснулся. Тѣнь Гиркана исчезла.

Въ окна дворца изъ-за пурпурныхъ занавѣсей опочивальни брезжило утро. Съ надворья слышенъ былъ оживленный пискъ ласточекъ, воркованье голубей. Но Иродъ все еще оставался подъ давленіемъ ночныхъ кошмаровъ, тѣней, призраковъ, которые теперь посѣщали его почти каждую ночь. Сны его постоянно были полны мрачныхъ видѣній, казалось, что это были не сонныя видѣнія, а видѣнія наяву.

Онъ подошелъ къ одному окну и раздвинулъ занавѣси. На него глянули масличныя рощи у подошвы Елеонской горы въ утренней прозрачной дымкѣ, громадный массивъ храма съ его башнями, колоннами и безчисленными переходами и галлереями.

— Мой храмъ затмитъ славу храма Соломонова,—съ скрытой ироніей процѣдилъ сквозь зубы Иродъ.

Онъ задумалъ перестроить іерусалимскій храмъ, дать ему небывалое величіе.

Въ опочивальню вошелъ Рамзесъ, чтобы помочь царю совершить туалетъ.

— Кто ждетъ меня?—спросилъ Иродъ.

— Твой свѣтлѣйшій братъ—Фероръ.

— Такъ онъ въ Іерусалимѣ?

— Только сейчасъ явился во дворецъ.

— Позови его, когда кончишь свое дѣло, и никого не принимай, пока я не прикажу.

— А царицу?

— И ее попроси обождать.

Скоро явился Фероръ. Онъ смотрѣлъ такимъ свѣжимъ, моложавымъ, хотя немногимъ былъ моложе Ирода. Въ черныхъ глазахъ его игралъ жгучій огонекъ, а полныя губы часто складывались въ саркастическую улыбку.

— Давно изъ Заіорданья?—спросилъ его Иродъ.

— Сегодня утромъ... Изъ Іерихона выѣхалъ ночью.

— Знаешь, что задумалъ этотъ наложникъ нильскаго крокодила-самки?—вдругъ заговорилъ Иродъ.

— Рогатый римскій Аписъ?—улыбнулся Фероръ.

— Да... Ему мало одной фараоновой коровы.

— Еще бы! Ихъ былъ семь да еще семь—тощихъ и тучныхъ—всего четырнадцать.

— Помнишь, здѣсь былъ недавно этотъ живописецъ, Деллій, любимецъ этого римскаго Аписа?—спросилъ мрачно Иродъ.

— Да. Онъ еще писалъ портреты съ царицы и съ Аристовула,—отвѣчалъ Фероръ.

— Эти-то несчастные портреты и распалили ненасытную утробу римскаго быка. Онъ теперь пишетъ мнѣ, будто болванъ Деллій сказалъ ему, показывая портреты: «Эти дѣти—это Маріамма-то и Аристовулъ—показались мнѣ происшедшими отъ боговъ, а не отъ людей». Понятно, что у быка возбудились похоти... О, я его знаю еще съ Тарса, гдѣ его сразу ослѣпила фараонова корова... Теперь онъ пишетъ мнѣ, что портреты такъ восхитили его, что онъ желалъ бы видѣть самые оригиналы...

— Ого! Ужъ слишкомъ многаго захотѣлъ Аписъ!

— Да. Но, конечно, потребовать къ себѣ мою жену, царицу Іудеи, не могъ бы позволить себѣ и его мѣднолобый Юпитеръ, а не то что фараоновъ быкъ...

— Да и фараонова корова изъ ревности забодала бы его,— засмѣялся Фероръ.

— Я и самъ такъ думаю,—согласился Иродъ.—Но онъ проситъ, чтобы я выслалъ къ нему Аристовула.

— Те-те-те! Понимаю!—не удержался Фероръ.—У этихъ римлянъ, какъ и у грековъ, лесбосскіе вкусы... Что жъ, отправь къ нему женоподобнаго мальчишку, авось его фаронова корова забодаетъ... Даже это очень хорошо для тебя...

Иродъ понялъ намекъ брата. Онъ самъ давно думалъ, какъ бы извести послѣднюю мужскую отрасль Маккавеевъ... Такъ или иначе, а надо подсѣчь подъ корень эту опасную поросль, столь дорогую для іудеевъ... Антигона уже нѣтъ, Гиркана также, хотя они и навѣщаютъ его по ночамъ... Пусть!.. И этотъ мальчишка будетъ навѣщать его... Пусть!. Пусть!..

— Нѣтъ, милый Фероръ,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья:—этого мальчишку опасно выпускать изъ Іерусалима, а тѣмъ болѣе въ Египетъ; въ немъ душа Маккавеевъ. Да если онъ еще очаруетъ Антонія, то этотъ быкъ при его лесбосскихъ вкусахъ надѣнетъ мой царскій вѣнецъ на кудрявую голову этого Адониса, хотя сорвать съ своей головы вѣнецъ я позволю только съ моимъ черепомъ. Ты знаешь, что Клеопатра ненавидитъ меня. У нея аппетиты ея предка Рамзеса-Сезостриса: она мечтаетъ при помощи Антонія пожрать не только Петру со всей Аравіей, но и Іудею. Не пощадитъ она и тебя. Притомъ же у меня за пазухой очень ядовитая змѣя—мать моей супруги. Александра мечтаетъ о коронѣ для своего сына и желала бы украсить его этой шапкой даже при моей жизни.

— Но она безсильна,—замѣтилъ Фероръ,—она можетъ связать для своего сынка только дурацкій колпакъ.

— Не говори этого, братъ,—возразилъ Иродъ, — гдѣ двѣ бабы сойдутся, тамъ онѣ оплетутъ самого дьявола, не то что Антонія. Тебѣ извѣстно ли, что Александра въ постоянной перепискѣ съ Клеопатрой. Она часто посылаетъ ей подарки, благовонія для умащенія тѣла египетской сирены. На меня она наговариваетъ Клеопатрѣ, а я если и боюсь кого на свѣтѣ, то только этой красивой ехидны. Я боюсь ее огорчать, боюсь ея ядови-

таго жала. Но я придумалъ средство разомъ умилостивить и Ваала, и Молоха.

— Какое же это средство смирить ехидну и ядовитую жабу?—спросилъ Фероръ.

— Я отвѣчу Антонію, что не могу отпустить къ нему Аристовула. Я буду просить дуумвира отказаться отъ мысли видѣть юношу въ Египтѣ, ибо если я только выпущу его изъ Іерусалима, то всѣ іудеи, какъ пчелы за маткой, потянутся за нимъ, и тогда общій мятежъ неизбѣженъ. Антоній же такъ изнѣжился въ Египтѣ и излѣнился, что кромѣ оргій съ своей бѣсовкой онъ ни о чемъ думать не хочетъ.

— А какъ же ты умилостивишь ехидну и жабу?—спросилъ Фероръ, любившій выражаться по-солдатски. — Бабы, какъ пауки, все же будутъ плести свою паутину.

— А я на паутину выпущу просто шмеля, и онъ прорветъ ее къ ихъ же удовольствію.

— Кто же этотъ шмель?

— Аристовулъ,—загадочно отвѣчалъ Иродъ.—Ты знаешь, приближается праздникъ «кущей». Семаія и Авталіонъ уже приготовляютъ все для этого торжественнаго дня, только плакались мнѣ, что торжество будетъ не полное, ибо іудеи послѣ смерти Гиркана...

Иродъ остановился и вздрогнулъ. Ему показалось, что въ окнѣ появилась тѣнь Гиркана, казненнаго имъ тайно.

— Ты что?—спросилъ Фероръ.

— Тѣнь... его тѣнь... днемъ...

— Да это прошелъ по галлереѣ Аристовулъ, дѣйствительно, его тѣнь,—сказалъ Фероръ и засмѣялся.

— Хорошо,—успокоился Иродъ:—пусть же онъ въ самомъ дѣлѣ будетъ тѣнью Гиркана... Я назначу его первосвященникомъ и выпущу эту куклу въ народъ какъ разъ на праздникъ «кущей»; всѣ, какъ дѣти, утѣшатся куклой...

— И обѣ бабы будутъ по горло сыты,—улыбнулся Фероръ.— Но вѣдь впослѣдствіи и кукла можетъ сдѣлаться опасной.

— Да, впослѣдствіи... Но впослѣдствіи все можетъ случиться,—загадочно отвѣчалъ Иродъ.

Фероръ понялъ брата.

XV.

Наступилъ праздникъ «кущей». Еще наканунѣ по Іерусалиму разнеслась вѣсть, что юный Аристовулъ, послѣдній отъ корени царя Давида и Маккавеевъ, въ санѣ первосвященника явится въ храмъ для жертвоприношеній. Вѣсть эта подняла на ноги весь Іерусалимъ. Болѣе другихъ народовъ склонные чтить свою историческую старину, своихъ національныхъ вождей, іудеи думали видѣть въ этомъ фактѣ признаки возрожденія того, что, казалось, попрано было идумеями. Іудеи опасались даже, что санъ первосвященника, санъ, преемственный отъ патріарховъ и пророковъ, идумеи такъ же присвоятъ своему роду, какъ, благодаря оружію римлянъ, они присвоили себѣ царскую власть. А отъ Ирода все станется. Вѣдь, онъ изгналъ же изъ своего дворца и изъ Іерусалима свою первую жену, Дориду, а вмѣстѣ съ нею изгналъ и своего первенца сына, Антипатра, рожденнаго отъ Дориды. Какъ еще не изгналъ онъ Аристовула? Мало того, какъ еще живъ этотъ прекрасный юноша? Недаромъ въ городѣ ходитъ молва, что Иродъ погубилъ престарѣлаго первосвященника и царя Гиркана.

Теперь іерусалимляне тысячами стремились къ храму передъ началомъ жертвоприношеній. Особенное движеніе замѣчалось около Овчей купели, гдѣ мыли овецъ, обреченныхъ на закланіе. Тутъ же толпились нищіе, хромые, слѣпые. Все, казалось, ожидало какого-то чуда. Дворъ храма былъ также запруженъ народомъ, который протискивался къ ларямъ, столикамъ и клѣткамъ съ голубями, также предназначенными для приношеній. Продавцы и покупатели кричали, спорили, такъ что дворъ храма представлялъ собою какой-то неистово галдящій базаръ или «вертепъ разбойниковъ», какъ шестьдесятъ лѣтъ спустя и назвалъ его Тотъ, Котораго не поняли фарисеи.

Вдругъ словно электрическій токъ пробѣжалъ по толпѣ. Она какъ-будто оцѣпенѣла на мгновеніе.

— Идетъ! Идетъ!—послышались взволнованные голоса.

Толпа разступилась. Показался ослѣпительной красоты юноша въ блестящемъ одѣяніи первосвященника въ сопровожденіи сѣдовласыхъ Семаіи, Авталіона, прочихъ членовъ синедріона, а также наиболѣе вліятельныхъ фарисеевъ и саддуксевъ.

— Осанна! Осанна сыну Давидову! — вдругъ загремѣла толпа.—Осанна въ вышнихъ!—волной ходило восклицаніе по обширному двору храма, какъ шестьдесятъ лѣтъ спустя оно ходило и потрясало воздухъ, когда вступилъ сюда Тотъ, Который «не имѣлъ, гдѣ голову преклонить».

Этотъ возгласъ достигъ ушей Ирода, потому что возгласъ этотъ, какъ эхо, повторили даже улицы іерусалимскія. Царь поблѣднѣлъ, прислушиваясь къ ликованіямъ толпы.

— Развѣ у Аристовула отецъ былъ Давидъ, а не Александръ?—наивно спросилъ Рамзесъ, помогая своему господину одѣваться.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Иродъ,—это у глупыхъ іудеевъ такой обычай: называть сынами Давида людей царскаго рода, какъ въ Египтѣ фараоновъ называютъ сыновьями Озириса и другихъ боговъ... Такъ вонъ, оно куда пошло,—подумалъ онъ,—шмель въ одеждѣ красиваго мотылька становится опаснымъ... Надо отослать его къ дѣдушкѣ и къ предкамъ.

Но если бы Иродъ видѣлъ, что дѣлалось въ храмѣ, когда Аристовулъ явился передъ алтаремъ, онъ пришелъ бы еще въ большее неистовство. Умиленіе народа при появленіи юноши не знало границъ: только іудеи, изумительно страстный и впечатлительный народъ, такъ умѣютъ выражать свой экстазъ и въ радости, и въ горѣ. Женщины рыдали навзрыдъ отъ счастья, смѣшаннаго съ горькими воспоминаніями о національныхъ бѣдствіяхъ. Мужчины выражали свои чувства то восторженными криками, то угрожающими кому-то жестами.

— Вотъ все, что намъ осталось отъ нашей славы и нашего могущества,—говорили горестно старики,—оба дѣда его погибли насильственной смертью, отецъ также, дядя сложилъ голову подъ топоромъ римскаго палача.

— Горе, горе Іерусалиму!—восклицалъ старый энтузіастъ, Манассія бенъ-Іегуда.—Мое сердце вѣщаетъ недоброе...

— Нѣтъ, нѣтъ!—восклицала іерусалимская молодежь.—Мы сплотимся около него! Мы никому не дадимъ его!

Душа Ирода запылала гнѣвомъ и завистью, когда ему доложили наушники, что происходило въ храмѣ. Онъ порѣшилъ не медлить ни дня, ни минуты; въ адскомъ умѣ его сложилось непреклонно...

— Я хочу сегодня, непремѣнно сегодня, вотъ при этомъ, а

не при завтрашнемъ свѣтѣ этого солнца видѣть у ногъ своихъ трупъ этого Адониса,—злобствовалъ онъ въ умѣ, глядя, какъ высоко уже стоитъ солнце надъ гробницами пророковъ, вправо отъ Елеонской горы.

Онъ стоялъ въ это время на галлереѣ. Вдругъ къ ногамъ его упалъ молодой голубь, еще не умѣющій летать. Лицо Ирода мгновенно преобразилось. Онъ догадался, что голубь выпалъ изъ гнѣзда, помѣщавшагося на узкомъ карнизѣ галлереи. Онъ бережно поднялъ его.

— Бѣдный птенчикъ, ушибся,—нѣжно гладилъ онъ перепуганную птичку:—не повредилъ ли чего? Эй, Рамзесъ!—крикнулъ онъ подходившему рабу.—Позвать сейчасъ моего доктора! Вели ему осмотрѣть несчастнаго птенчика: онъ выпалъ изъ гнѣзда; не повредилъ ли онъ чего. Да потомъ опять посадить его въ гнѣздо и наблюдать, чтобы онъ опять не вывалился... Укрѣпить гнѣздо... А для меня и для Аристовула, а также для брата Ферора и для принца Акибы прикажи сѣдлать коней... Я ѣду въ Іерихонъ... Чтобы стража изъ моихъ галатовъ также была готова въ путь... Возьми, мнѣ некогда, береги, какъ зѣницу ока, понимаешь?—заключилъ онъ, бережно передавая рабу голубя.

И тотчасъ же отправился на половину Аристовула и его матери. Александру онъ засталъ молящеюся.

— Гдѣ Аристовулъ?—быстро спросилъ онъ.

— У себя, переодѣвается.

— Какая радость! Слышала? — продолжалъ торопливо Иродъ.—Слышала, какъ принимали въ храмѣ нашего юнаго первосвященника? Радуется сердце матери? И мое ликуетъ... Я такъ люблю его, больше чѣмъ сына.

Александра съ радостными слезами слушала восторженную рѣчь зятя.

— Это должно было сильно повліять на мальчика; онъ же такой впечатлительный... Я боюсь за его здоровье... Ему надо сегодня же отдохнуть, разсѣяться отъ слишкомъ сильнаго волненія... Я хочу повеселить его... Пусть онъ подышетъ воздухомъ... Я сейчасъ ѣду въ Іерихонъ и возьму его съ собою. Со мной ѣдетъ и Фероръ, а для Аристовула собственно мы еще прихватимъ и Акибу.

Вошелъ и Аристовулъ, такой радостный, свѣтлый. Иродъ со слезами умиленія обнималъ его.

— Знаю, все знаю,—говорилъ онъ.—Я давно ждалъ этого свѣтлаго момента; давно я хотѣлъ показать Іудеѣ брата моей Маріаммы во всемъ его блескѣ... И сегодня это совершилось: Іерусалимъ и вся Іудея снова обрѣли своего первосвященника! Но я трепещу за твое здоровье, мой мальчикъ... хоть ты и первосвященникъ, но для меня ты—мальчикъ... Сегодня же, сейчасъ ѣдемъ въ Іерихонъ вздохнуть бальзамическимъ воздухомъ долины Іордана... Здѣсь душно, какъ въ каменномъ мѣшкѣ, какъ въ печи огненной, куда Навуходоносоръ сажалъ такихъ же, какъ ты, «трехъ отроковъ».

— Но я уже не отрокъ,—гордо сказалъ юноша,—мнѣ восемнадцатый годъ.

Иродъ засмѣялся и снова обнялъ юношу.

— Но у тебя еще грудь не укрѣпилась, за твои легкія я опасаюсь,—говорилъ онъ;—готовься же, сейчасъ ѣдемъ.

— Куда это?—вдругъ спросила вошедшая Маріамма.

— Въ Іерихонъ... Я хочу разсѣять мальчика послѣ столькихъ радостныхъ потрясеній... А радость, какъ и горе, все же отравы, только одна сладкая, а другая нѣтъ.

Маріамма подозрительно посмотрѣла на мужа и нѣжно обняла брата.

— Хвала Непостижимому!—съ чувствомъ сказала она.—Онъ не отвратилъ лица своего отъ нашего рода.

Глаза Ирода сверкнули яростью; но онъ скрылъ все это; онъ боялся, чтобы жена не разрушила его адскаго плана.

— Да. Но бѣдный мальчикъ блѣденъ; онъ много волновался, и ему нуженъ цѣлительный воздухъ долины Іордана, и я ѣду туда съ нимъ, съ братомъ Фероромъ и Акибой,—сказалъ онъ, не желая слушать возраженій.

— Лошади осѣдланы, и стража готова въ ожиданіи царя,—доложилъ вошедшій Рамзесъ.

— А голубокъ что?

— Голубокъ совсѣмъ здоровъ и опять посаженъ въ гнѣздо.

Черезъ нѣсколько минутъ отрядъ галатовъ выступалъ изъ дворца, сопровождая Ирода и бывшихъ съ нимъ.

По улицамъ, по которымъ они проѣзжали, народъ, завидя вооруженныхъ галатовъ и Ирода, со страхомъ давалъ имъ дорогу, но при видѣ Аристовула радостно кричалъ: «Осанна! Осанна!» Слыша эти возгласы, Иродъ проникался еще большею яростью

противъ виновника народныхъ привѣтствій, но тѣмъ болѣе старался выказать ему свою нѣжность.

Выѣхавъ Овчими воротами, они обогнули вправо городскія стѣны и черезъ Кедронскій потокъ и масличныя рощи стали огибать Елеонскую гору, слѣдуя мимо гробницъ пророковъ.

— Отчего теперь Богъ не посылаетъ къ намъ пророковъ?—наивно спросилъ Аристовулъ.

— Теперь Богъ предоставилъ намъ самимъ предугадывать свое будущее,—отвѣчалъ Иродъ.

— Всякій человѣкъ, какъ и всякій народъ, кузнецъ своего будущаго,—замѣтилъ Фероръ.

— А я не знаю, что кую и что выкую,—улыбнулся Аристовулъ.

— Своимъ благонравіемъ ты уже выковалъ себѣ санъ первосвященника,—сказалъ Иродъ.—А рожденіе твое выковало тебѣ смерть въ водѣ отъ источника пророка Елисея,—добавилъ онъ мысленно.

Оставивъ влѣво Виѳанію и спустившись въ междугорье, они продолжали то рысью, то иноходью проѣзжать каменистымъ путемъ вплоть до того мѣста, гдѣ часа черезъ два ѣзды отъ Виѳаніи ихъ глазамъ открылась долина Іордана съ садами и рощами Іерихона, а влѣво мрачное Мертвое море. Изъ-за зелени садовъ выступало бѣлое зданіе дворца съ башнями и бойницами. День былъ необыкновенно знойный.

— Ахъ, какъ хорошо было бы теперь выкупаться въ дворцовомъ водоемѣ!—сказалъ Аристовулъ Акибѣ.

— Самъ лѣзетъ въ свою могилу, — подумалъ про себя Иродъ и тутъ же прибавилъ вслухъ:—Благая мысль, это освѣжитъ васъ.

— А ты плавать умѣешь?—спросилъ Аристовулъ Акибу.

— Умѣю. А глубоко въ водоемѣ?

— Довольно, чтобы утонуть тому, кто не умѣетъ.

— Довольно, чтобы утонуть тому, кто не умѣетъ плавать,—засмѣялся Иродъ.

Вступивъ на дворцовое крыльцо и разрѣшивъ всѣмъ своимъ спутникамъ выкупаться въ обширномъ бассейнѣ, который окружалъ весь дворецъ, Иродъ подозвалъ къ себѣ одного галата изъ своей стражи.

— Иди за мной,—сказалъ онъ.—Говорятъ, ты хорошій водо-

лазъ?—спросилъ онъ, когда они вошли въ отдѣльный покой, гдѣ никого не было.

— Когда я служилъ въ Аскалонѣ, свѣтлѣйшій царь, то доставалъ губки изъ глубины морской, и въ этой глубинѣ я какъ у себя дома,—смѣло отвѣчалъ галатъ.

— А долго можешь пробыть въ водѣ?—снова спросилъ Иродъ.

— Столько, сколько нужно, чтобы трое непривычныхъ водолазовъ могли задохнуться подъ водой на смерть.

— Хорошо. Я всегда тебя отличалъ... Ты мнѣ нравишься, и я теперь довѣрю тебѣ исполненіе моего тайнаго царскаго приказа. Сегодня я узналъ, что Аристовулъ, братъ царицы, моей супруги, котораго я облагодѣтельствовалъ, возведя въ высокій санъ первосвященника, умышляетъ на мою жизнь. Для этого, чтобъ расположить въ свою пользу населеніе Іерусалима, онъ явился въ храмъ въ полномъ величіи своего сана. Но мнѣ открыли его злодѣйскій умыселъ: лишивъ меня жизни и захвативъ мой престолъ, онъ намѣренъ предать казни всѣхъ моихъ вѣрныхъ слугъ, въ томъ числѣ и васъ, моихъ доблестныхъ галатовъ. Узнавъ объ этомъ гнусномъ замыслѣ, я тотчасъ же приговорилъ злодѣя къ лютой казни. Но ты знаешь, онъ братъ моей супруги, царицы Маріаммы. Какъ гласно предать его казни? Это убьетъ царицу, которая нѣжно его любитъ. Я и порѣшилъ казнить его тайно и совершеніе этой казни возлагаю на тебя. Сейчасъ онъ отправится купаться вмѣстѣ съ принцемъ Акибой и галатами. Иди и ты съ ними и во время купанья вызови, шутя, конечно, Аристовула на состязаніе. Онъ хвастается, что отлично плаваетъ и очень далеко ныряетъ. Ты состязайся съ нимъ въ этомъ. Когда вы оба разомъ, по сигналу, нырнете, ты подъ водою осторожно схвати его и продержи подъ водою столько времени, чтобы онъ успѣлъ задохнуться на смерть. Но не дави его, не жми, не души, чтобы не было на его тѣлѣ знаковъ насилія: это я тебѣ особенно строго запрещаю. Когда же ты убѣдишься, что онъ мертвъ и на поверхность бассейна всплыть не можетъ, тогда ты и выныри какъ можно подальше отъ него. Понялъ?

— Понялъ, свѣтлѣйшій царь, и исполню твой приказъ въ точности.

— Помни же. А тебя за точное выполненіе моей воли ждутъ награда и повышеніе по службѣ. И не забывай, что это должно

остаться глубочайшей тайной: ее знаю только я, да ты. Иди же, исполняй твой священный долгъ.

Всѣ уже купались, когда къ бассейну подошелъ исполнитель гнусной воли злодѣя. Онъ тотчасъ же раздѣлся и бросился въ воду.

— Кто хочетъ со мною состязаться?—крикнулъ онъ вызывающе.

— Въ чемъ?—отозвались многіе.

— Въ ныряньѣ: кто дальше нырнетъ.

Всѣ галаты знали, что въ ныряньѣ никто не превзойдетъ аскалонскаго водолаза, и потому всѣ отказались отъ состязанія. Одинъ Аристовулъ, который въ это время плавалъ въ перегонку съ Акибой, вызвался помѣряться съ водолазомъ своимъ молодечествомъ.

Оба состязавшіеся постояли нѣкоторое время неподвижно, втягивая въ легкія побольше воздуху, и потомъ, по знаку, поданному Акибой, разомъ исчезли подъ водой.

Въ окошкѣ одной изъ башенъ дворца чуть-чуть виднѣлось чье-то лицо, но его никто не видѣлъ. То Иродъ тайно наблюдалъ за исполненіемъ его адскаго замысла.

— Какъ долго они подъ водой!—удивлялся Акиба, не видя, чтобы кто-либо показался на поверхности бассейна. — Я бы давно задохся.

— Ай да молодой первосвященникъ!—говорили между тѣмъ галаты.—Каковы легкія!

Время идетъ-идетъ, а ни Аристовула, ни аскалонскаго водолаза нѣтъ и нѣтъ! Въ одномъ мѣстѣ бассейна стали было выплывать на поверхность воды пузыри, но и тѣ полопались и исчезли...

А тѣхъ все не видать...

Наконецъ, далеко-далеко вынырнулъ водолазъ.

— Вотъ онъ! Вонъ онъ!—закричали галаты:—А того все нѣтъ! Вотъ ныряетъ!

Ждутъ-ждутъ! Вотъ аскалонскій водолазъ приплылъ, а того все нѣтъ!

— Ну, осрамился я,—сказалъ водолазъ, тяжело дыша:—мальчикъ побѣдилъ меня!

Еще ждутъ... Мгновенія превращаются во что-то безконечное... Акибѣ становится страшно...

— Да онъ не человѣкъ, а сирена,—говоритъ между тѣмъ аскалонскій водолазъ, продолжая тяжело дышать.

— Нѣтъ, нѣтъ! Онъ утонулъ! — испуганно восклицаетъ Акиба.—Надо его искать, спасать!

— Въ самомъ дѣлѣ, не захлебнулся ли онъ? — высказывается опасеніе и среди галатовъ.

— Да, да! Будемъ искать его... Долго ли до бѣды!

Галаты начинаютъ нырять по всѣмъ направленіямъ. Нѣтъ и нѣтъ Аристовула! Акиба начинаетъ громко рыдать.

— Что случилось?—появился вдругъ у бассейна Фероръ, который, какъ страстный любитель лошадей, воротился изъ царскихъ конюшенъ, гдѣ онъ осматривалъ приведенныхъ изъ Аравіи кровныхъ матокъ.—Гдѣ Аристовулъ?

— Боимся, не утонулъ ли онъ,—робко отвѣчали галаты.

— Сѣти сюда скорѣй!—приказывалъ Фероръ.—Гдѣ смотритель водъ? Давайте сѣти!

Принесли сѣти. Закинули. На террасѣ дворца показался Иродъ.

— Что случилось?—крикнулъ онъ.—Кого ищете?

— Аристовулъ утонулъ! Аристовулъ! — громко рыдалъ Акиба.—О, Іегова!

Подошелъ къ бассейну Иродъ. Тутъ же въ смятеніи толпились всѣ служители дворца, конюхи, рабы.

— О, какое несчастіе!—говорилъ Иродъ, не спуская глазъ съ бассейна.—О, какое нечастіе! Ищите! Ищите тщательнѣе!.. Его еще можно спасти.

— Здѣсь! Здѣсь! Что-то тяжелое! Тащите къ берегу!

Вытащили. Въ сѣтяхъ, сверкая чешуей на солнцѣ словно серебромъ, бились попавшія въ сѣть рыбы, и тамъ же чарующею красотою молодыхъ формъ бѣлѣло, какъ мраморъ Пароса, прекрасное безжизненое тѣло Аристовула.

Всѣ плакали, стараясь возвратить къ жизни похолодѣвшее тѣло юноши. Акиба рыдалъ истерически.

Плакалъ и Иродъ слезами крокодила.

XVI.

Какъ громомъ пораженъ былъ Іерусалимъ съ быстротою молніи долетѣвшею до него вѣстью о трагической смерти юнаго первосвященника. Еще утромъ онъ привѣтствовалъ прекраснаго

юношу восторженными возгласами «осанна»—и вдругъ!—его уже нѣтъ.

Но ужасъ и отчаяніе Александры и Маріаммы превзошли всякую мѣру. Обѣ разомъ онѣ узнали всю истину, чутьемъ сердца угадали ее: убійца Аристовула—Иродъ, этотъ ненавистный имъ обѣимъ злодѣй! Какъ онъ ни старался изобразить своими поступками и словами горесть объ ужасной смерти юноши, онѣ не вѣрили ему и тѣмъ пламеннѣе ненавидѣли опытнаго актера. Какъ ни блестяще было погребеніе, которое Иродъ устроилъ своей жертвѣ съ неслыханною щедростью и пышностью, какъ ни рыдалъ онъ всенародно, провожая тѣло юноши въ царскія усыпальницы, ни народъ, ни тѣмъ болѣе мать и сестра покойнаго не вѣрили искренности рыданій крокодила. Маріамма, менѣе сдержанная, чѣмъ ея мать, тутъ же, во время погребальной процессіи, выразила терзавшія ее чувства.

— Что плачетъ крокодилъ, это въ порядкѣ вещей: онъ одинаково можетъ плакать какъ въ камышахъ Нила, такъ и у царскихъ гробницъ,—сказала она, увидавъ у гроба брата старую Кипру и сестру Ирода, Саломею,—но, чтобы плакали ядовитыя змѣи пустыни Петры, этого я не слыхала.

Какъ ни шпіонилъ Иродъ за своей тещей, Александра вскорѣ послѣ похоронъ сына успѣла-таки тайно отправить гонца къ Клеопатрѣ съ письмомъ, въ которомъ изливала свое горе, отчаяніе по поводу страшной утраты сына, она прямо обвиняла Ирода въ убійствѣ Аристовула и требовала у Антонія суда надъ злодѣемъ.

Иродъ предвидѣлъ это. Онъ зналъ, что Антоній, повинуясь чарамъ Клеопатры, нарядитъ слѣдствіе по дѣлу о смерти Аристовула, что къ слѣдствію привлекутъ всѣхъ галатовъ, бывшихъ въ Іерихонѣ съ нимъ въ первый день праздника «кущей», что не избѣгнетъ допроса и пытокъ и аскалонскій водолазъ. Пытки развяжутъ ему языкъ... Какъ быть? Надо, чтобы этотъ единственный свидѣтель его злодѣянія и вѣроятный обличитель исчезъ безслѣдно... И соучастникъ злодѣянія исчезъ, какъ живой обличитель: мертвое тѣло его найдено было въ темномъ проходѣ между дворцомъ и Стратоновой башней.

Кто же убилъ его?

Иродъ хорошо зналъ исторію первыхъ іудейскихъ царей изъ династіи Макавеевъ. Первымъ изъ нихъ былъ Аристовулъ I. Опасаясь за свою власть, онъ всю свою семью, мать и братьевъ,

заточилъ въ темницу, гдѣ и уморилъ мать голодомъ. Злодѣй пощадилъ было одного изъ своихъ братьевъ—Антигона, но не надолго. Когда Антигонъ прибылъ изъ Галилеи въ Іерусалимъ, Аристовулъ пригласилъ брата къ себѣ во дворецъ. А такъ какъ Антигонъ долженъ былъ явиться во дворецъ изъ храма, гдѣ онъ молился, и проходить черезъ Стратонову башню, то Аристовулъ и послалъ туда убійцъ, которые и закололи въ темномъ проходѣ невинную жертву братской злобы.

Этотъ эпизодъ изъ исторіи своихъ предшественниковъ и вспомнилъ Иродъ и воспользовался имъ. Зная, когда соучастникъ въ его злодѣяніи долженъ былъ тайно пробираться къ нему во дворецъ, по его же приказанію, и проходить тѣмъ темнымъ коридоромъ, гдѣ зарѣзали Антигона, Иродъ самъ вышелъ къ нему навстрѣчу и самъ зарѣзалъ его. Наградилъ!

Извѣстіе о загадочной смерти «аскалонскаго водолаза» укрѣпило Александру и Маріамму въ увѣренности, что Аристовула утопилъ въ бассейнѣ Іерихона этотъ водолазъ по приказанію Ирода, а Иродъ же убилъ его, какъ своего обличителя.

Послѣ этого Александра вновь написала Клеопатрѣ, требуя суда надъ Иродомъ.

Со своей стороны ни старая Кипра, мать Ирода, ни Саломея, его сестра, не забыли, какъ Маріамма во время похоронъ Аристовула назвала Ирода «плачущимъ нильскимъ крокодиломъ», а ихъ самихъ, Кипру и Саломею, «ядовитыми змѣями пустыни Петры». Разъ Иродъ навѣстилъ мать вскорѣ послѣ похоронъ Аристовула.

— Здравствуй, нильскій крокодилъ!—встрѣтила сына старая Кипра.

— Что такое, матушка?—удивился Иродъ.

— Я не мать тебѣ,—отвѣчала старуха,—ядовитая змѣя Петры не можетъ быть матерью нильскаго крокодила.

Слова матери поразили Ирода. Онъ подумалъ, что разсудокъ Кипры помѣшался.

— Нильскій крокодилъ, ядовитая змѣя Петры,—бормоталъ онъ въ недоумѣніи.

— Да! Такъ называетъ насъ твоя жена: тебя—нильскимъ крокодиломъ, который плакалъ надъ Аристовуломъ, а насъ, меня и твою сестру,—ядовитыми змѣями Петры.

Иродъ поблѣднѣлъ: крокодилъ, плачущій надъ своей жертвой—это онъ, Иродъ.

— У Маріаммы тогда съ горя помутился разсудокъ,—сказалъ онъ.

— Онъ у нея помутился давно, еще тогда, когда она посылала свой портретъ Антонію,—возразила старуха.

— Какъ!—вспыхнувъ, какъ огонь, вскочилъ Иродъ, безумно любившій свою жену.

— О, простота, какъ всякій мужчина,—презрительно улыбнулась Кипра,—развѣ ты не знаешь, для чего похотливая женщина посылаетъ свое изображеніе мужчинѣ, да еще какому!

Иродъ былъ пораженъ. Въ немъ забушевала ревность. До сихъ поръ онъ могъ упрекнуть жену только въ холодности къ нему: она не только не раздѣляла его страстныхъ порывовъ, но даже какъ бы съ брезгливостью отдавалась его ласкамъ. Онъ и считалъ ее холодною, мраморною красавицей съ рыбьей кровью. У него не выходилъ изъ памяти случай, когда онъ, пригрозивъ распять на крестѣ всѣхъ жителей Іерусалима и потомъ помиловавъ ихъ, встрѣтилъ въ тронномъ покоѣ двора Маріамму, тогда еще маленькую дѣвочку, и, желая приласкать ее, спросилъ: «развѣ ты не узнала своего Давида?» — то на это получилъ гордый отвѣтъ дѣвочки: «нѣтъ, ты не мой!»—Потомъ, взрослой: выйдя за него замужъ, она оставалась все такою же холодной, съ неохотой отдававшейся его ласкамъ, хотя и имѣла отъ него уже двухъ сыновей и одну дочь. Но чтобъ ревновать ее къ кому-бы то ни было, этого ему и въ голову не приходило. И вдругъ теперь мать заронила въ его душу такую искру, въ его то огненную душу!.. Маріамма, этотъ мраморъ, похотливая женщина!.. Это для него цѣлый адъ терзаній! Для него Маріамма до сихъ поръ казалась почти дѣвочкой. Ей и теперь всего восемнадцать лѣтъ. Онъ взялъ ее къ себѣ въ жены, когда она была еще совершеннымъ ребенкомъ съ едва замѣтными признаками женщины. Онъ и теперь видѣлъ въ ней дѣвочку съ инстинктами и темпераментомъ ребенка, и вдругъ! невѣдомо для него, она похотлива! Съ тайной похотью своей она обращается къ Антонію! Она въ мысляхъ и чувствахъ уже невѣрна мужу! Она уже за глаза отдалась Антонію!

И какъ бы въ подтвержденіе этихъ ужасныхъ подозрѣній Иродъ черезъ нѣсколько дней получаетъ отъ Антонія приказъ явиться въ Александрію. Отославъ обратно въ Египетъ гонцовъ съ донесеніемъ, что онъ немедленно исполнитъ волю дуумвира, Иродъ сталъ готовиться къ отъѣзду съ мучительными думами.

Теперь онъ всего могъ ожидать отъ Антонія. Но кому довѣрить Маріамму, это сокровище, которое терзало его душу? Фероръ въ Заіорданьѣ. Остается его любимецъ, Іосифъ, мужъ Саломеи, за котораго эту послѣднюю Иродъ выдалъ силою. Саломея тайно любила другого, хотя не видала его въ глаза. Это былъ таинственный «сынъ Петры», спасшій ее и всю Масаду отъ смерти, когда осажденные умирали отъ безводья.

Иродъ отправился въ покои Іосифа. Его встрѣтила сестра съ злорадной улыбкой.

— Ты что, Саломея, такая радостная?—спросилъ Иродъ.

— Напротивъ, я готова плакать, — ехидно отвѣчала Саломея,—бѣдная Маріамма!

— Что такое?—испугался Иродъ.

— Она слѣпая, бѣдняжка!—уклончиво отвѣчала лукавая идумейка.

— Ты что говоришь вздоръ!—вспылилъ Иродъ.

— Не вздоръ, а горькую истину, ей Клеопатра выколола глаза.

— Я не позволю тебѣ шутить съ царемъ, Саломея!—сурово сказалъ Иродъ.—Не забывай моихъ подземныхъ темницъ, гдѣ ты сама можешь лишиться зрѣнія.

— Я не забываю, царь!—гордо отвѣчала Саломея.—Гонцы Антонія привезли мнѣ письмо отъ ея евнуха (онъ получаетъ отъ меня подарки), онъ пишетъ, что Клеопатра, приревновавъ Антонія къ портрету Маріаммы, выколола ей глаза—такъ и пишетъ евнухъ «ей», а не ея портрету.

Это извѣстіе поразило Ирода еще больше, чѣмъ увѣренія матери, что его Маріамма похотлива и сама навязывается Антонію. Въ ослѣпленіи ревности онъ не подумалъ даже провѣрить, не ложно ли показаніе Саломеи, и дѣйствительно ли она получила письмо отъ евнуха Клеопатры, а не сама это измыслила, чтобы хоть этимъ мстить ему за то, что онъ насильно выдалъ ее замужъ за нелюбимаго ею Іосифа.

Отуманенному ревностью уму его теперь стало ясно, что Антоній прельстился красотою Маріаммы, что Клеопатра приревновала его къ ней, и что, въ концѣ концовъ, Антоній теперь рѣшилъ погубить его, Ирода, чтобы завладѣть Маріаммой.

— Что же еще пишетъ тебѣ евнухъ?—спросилъ онъ, помолчавъ, въ надеждѣ хотя косвенно узнать, что можетъ ожидать его въ Александріи.

— Ничего отраднаго: Антоній, кажется, совсѣмъ потерялъ и волю, и разсудокъ, а Клеопатра дѣлается все ненасытнѣе,— отвѣчала Саломея,—ты теперь ея подданный.

— Какъ подданный?—испугался Иродъ, хотя страхъ ему почти не былъ знакомъ.

— Да, подданный, но не только ты, но и Антоній ея подданный: жрецы провозгласили ее богиней Изидой, и Антоній слѣдуетъ за нею, во время процессій въ храмахъ, въ толпѣ ея евнуховъ и считается главнымъ евнухомъ.

— Но это безуміе! Ясно, что онъ лишился разсудка. Но почему же я подданный Клеопатры?—спросилъ Иродъ.

— Потому, что титулъ ея теперь «царица царей», то есть, она повелительница всѣхъ царей Востока: пергамскаго, пароянскаго, аравійскаго и іудейскаго.

— Не можетъ быть!—воскликнулъ Иродъ.

— Не знаю... Мнѣ такъ пишутъ.

— Гдѣ же это письмо? Покажи мнѣ его.

— Какой ты наивный!—улыбнулась Саломея.—Развѣ такія письма оставляются въ рукахъ того, кому пишутся? Если бы гонецъ, доставившій его мнѣ, не возвратилъ его тому, кто его писалъ, то топоръ отдѣлилъ бы его голову отъ туловища.

Иродъ заметался, каъ пойманный звѣрь. Онъ сразу рѣшилъ, что ему дѣлать.

— Гдѣ твой мужъ?—спросилъ онъ.

— Онъ у себя,—отвѣтила Саломея.

— Знаетъ онъ все, что ты мнѣ сообщила?

— Мужъ не всегда долженъ знать, что знаетъ и дѣлаетъ его жена,—ехидно отвѣчала Саломея.

Для Ирода это былъ жестокій уколъ. Онъ понялъ въ немъ намекъ и, не говоря ни слова, прошелъ прямо къ Іосифу.

— Теперь, мой добрый Іосифъ, выслушай мою послѣднюю волю,—заключилъ онъ, разсказавъ все, что узналъ отъ матери.

— О, царь!—воскликнулъ Іосифъ.—Зачѣмъ же послѣдняя?

— Я предвижу, что мнѣ уже не вернуться изъ Египта,— мрачно отвѣчалъ Иродъ,—Антоній если и не повѣритъ клеветѣ Александры, будто я виновникъ смерти Аристовула, то покажетъ видъ, что вѣритъ ей, лишь бы имѣть предлогъ осудить меня и казнить. Ему нужна моя Маріамма. Маріаммы онъ жаждетъ. Клеопатрой онъ пресытился. Но я люблю Маріамму, она моя и

здѣсь, и за гробомъ! Я не хочу, чтобы послѣ моей смерти она принадлежала кому-либо другому. Іосифъ! — страстно продолжалъ онъ.—Клянись исполнить мою послѣднюю волю!

— Но въ чемъ же она, царь мой?—спросилъ изумленный Іосифъ.

— Слушай: какъ только дойдетъ до тебя вѣсть, что меня ужъ нѣтъ въ живыхъ, тотчасъ же собственноручно убей Маріамму! Клянись мнѣ!

Іосифъ отступилъ съ ужасомъ.—Царь!—могъ онъ только сказать.

— Клянись! — повторилъ Иродъ. — Клянись и небомъ, и землею, что ты убьешь ее!

— Царь мой и владыка! Пощади!—взмолился Іосифъ.

— Нѣтъ! Клянись! Видишь, я умоляю тебя!—и Иродъ упалъ на колѣни.—Безъ нея нѣтъ для меня загробной жизни! Безъ нея я не хочу зрѣть лицо Саваоѳа! Клянись!

— Клянусь!—простоналъ Іосифъ, также падая на колѣни.

XVII.

Но Маріамма не была убита: часъ ея еще не насталъ

Зная алчность Клеопатры и Антонія, безумно тратившихъ доходы Египта и азіатскихъ провинцій Рима, Иродъ явился въ Александрію съ такими грузами драгоцѣнныхъ подарковъ и золота, что вполнѣ насытилъ алчность своихъ судей, и обвиненіе Ирода въ убійствѣ Аристовула осталось не доказаннымъ. Однако, Клеопатрѣ этого было мало: какъ царица царей, она желала завладѣть и Аравіей, и Іудеей.

— Ты не все отдалъ мнѣ, что обѣщалъ,—говорила она Антонію послѣ пріема Ирода.

— Какъ не все, моя Изида?—удивился Антоній.

— А помнишь тотъ день въ Тарсѣ, когда Вакхъ въ первый разъ увидѣлъ Венеру? Помнишь ночь, слѣдовавшую за этимъ днемъ?

— Помнюю, все помню, мое божество.

— Валяясь у моихъ ногъ и вымаливая моей благосклонности, ты говорилъ: за одну ночь блаженства я отдамъ тебѣ всѣ царства міра.

— Что-жъ, моя царица, я и отдалъ тебѣ всю Азію, Сирію, Финикію, Киликію, Киренну, Арменію...

— А Іудея и Аравія?

— Но Иродъ нашъ союзникъ. Теперь намъ предстоитъ война съ Римомъ: сенатъ негодуетъ на меня за тебя и посылаетъ противъ меня Октавіана.

— И ты боишься этого ханжи-мальчишки?

— Онъ уже не мальчишка, царица. И вотъ въ этой войнѣ Иродъ пригодится мнѣ.

— Мы и безъ Ирода при помощи моего флота потопимъ въ морѣ утлыя лодчонки Рима,—гордо сказала Клеопатра,—хвала Нептуну! Есть, гдѣ похоронить дерзкаго Октавіана съ его жалкимъ флотомъ: мои Зеленыя Воды напоятъ собою жаждущую утробу Рима... А Ирода ты теперь же пошли противъ аравійскаго царя, который отказался платить мнѣ дань. Это моя воля!

— И она будетъ исполнена, моя Изида,—покорно отвѣчалъ выжившій изъ ума дуумвиръ.

Такимъ образомъ, Иродъ былъ отпущенъ изъ Египта невредимымъ, и Маріамма осталась жива. Однако, Ироду предстоялъ походъ въ Аравію.

Воротившись въ Іерусалимъ, Иродъ прежде всего поспѣшилъ на половину царицы. Онъ такъ соскучился по женѣ, такъ жаждалъ скорѣе увидѣть ее, услышать ея голосокъ, котораго мелодія казалась для него милѣе, благозвучнѣе всякой музыки. Онъ такъ много думалъ о ней въ Александріи. Глядя на Клеопатру и сравнивая въ умѣ ея красоту съ красотой Маріаммы, онъ находилъ, что такое сравненіе оскорбленіе для Маріаммы. Развѣ же можно сравнивать чистое божество, его непорочную дѣвочку съ этимъ идоломъ, которая открывала свои нечистыя объятія и Птолемею, и Цезарю, и Антонію, и еще, и еще кому?.. Маріамма чиста, какъ снѣгъ на вершинѣ Ливана. Скорѣй, скорѣй видѣть это чудное созданіе, холодное въ своей непорочности. Неудивительно, что Клеопатра выколола на ея портретѣ ея чудные, ангельски ясные, невинные глаза... Этого портрета ему, конечно, не показали. Скорѣй, скорѣй къ божеству!

Но Маріамма встрѣтила его съ ледяной, съ подавляющей холодностью. Никогда не казалась она ему такой неприступной, такой подавляюще гордой, какъ въ этотъ моментъ. Это было что-то чужое, незнакомое, далекое, но поразительно прекрасное. Иродъ оторопѣлъ.

— Маріамма!—могъ онъ только прошепетать, задыхаясь отъ волненія и страсти.

— Иродъ!—былъ ледяной отвѣтъ.

— Что съ тобой, моя царица, моя любовь?

— Любовь?—презрительно кинула Маріамма

— Я ли не любилъ тебя!

— О, да! Ты далъ мнѣ сильное доказательство твоей любви тѣмъ, что приказалъ Іосифу убить меня!—съ негодованіемъ воскликнула Маріамма.

Иродъ отступилъ, какъ ужаленный. Слова жены, точно ножомъ, ударили его въ сердце, и онъ заметался, словно затравленный звѣрь.

— Какъ! Онъ выдалъ тебѣ эту тайну?—задыхаясь, спросилъ онъ.

— Да, выдалъ,—спокойно отвѣчала Маріамма.

— А! Вотъ какъ!—задыхался Иродъ.—Ты все сказала. Іосифъ, вотъ кто!.. Понимаю!.. Онъ никогда не открылъ бы тебѣ моей тайны, если бы не былъ въ преступной связи съ тобой.

Маріамма презрительно пожала плечами.—Безумный.

— Такъ смерть же вамъ обоимъ,—закричалъ Иродъ.

Маріамма съ какою-то гадливостью поглядѣла на искаженное лицо мужа.

— Жалкій глупецъ!—тихо сказала она.—Іосифъ за тебя же распинался, доказывалъ, какъ сильна твоя любовь, что и въ смерти ты не можешь разлучиться со мной... Жалкій трусъ!

Дольше Иродъ не могъ вынести этой пытки. Какъ помѣшанный, онъ выскочилъ отъ Маріаммы и носился взадъ и впередъ по обширному дворцу, нагоняя на всѣхъ ужасъ. Это былъ настоящій звѣрь пустынь Идумеи, и всѣ спѣшили спрятаться отъ него. Одна Саломея не испугалась брата.

— Что такъ мало видѣлся съ женой?—спросила она.—Царица и мой муженокъ не ждали тебя такъ скоро.

— Іосифъ!.. И ты за одно съ ними?—остановился вдругъ бѣсноватый.

— Нѣтъ, они вдвоемъ заодно,—лукаво отвѣчала сестра

— На крестъ! Распять ихъ заодно, на одномъ крестѣ, его на нее!

Злобная радость сверкнула въ красивыхъ глазахъ Саломеи... «Сынъ Петры!»—забилось ея сердце:—«Гдѣ ты?»

Иродъ же, какъ только воротилась къ нему способность говорить болѣе спокойно, приказалъ Рамзесу позвать одного изъ бли-

жайшихъ царедворцевъ, Соема, и велѣлъ ему тотчасъ же распорядиться негласнымъ убійствомъ мужа своей сестры.

— Чтобъ никто не зналъ... за святость взятъ живой на небо,—съ злою улыбкой закончилъ онъ.

Но убить Маріамму! На это не хватало его силъ... Его солнце тогда потухнетъ. Развѣ лечь рядомъ съ нею на ложе смерти? Такъ будетъ лучше... А дѣти? Что ему дѣти безъ Маріаммы!

Онъ снова пошелъ къ ней. Но въ одномъ изъ переходовъ дворца его встрѣтилъ прелестный мальчикъ, лѣтъ пяти, живой портретъ Маріаммы. Съ мальчикомъ былъ старый евнухъ-негръ.

— А! Отецъ!—обрадовался мальчикъ.

— Здравствуй, Александръ! — сказалъ Иродъ, цѣлуя головку сына (это былъ старшій сынишка отъ Маріаммы).—Вы не ждали меня?

— Нѣтъ, ждали и молились за тебя.

— Какъ же вы молились?

— А такъ: Богъ отцовъ нашихъ! Помилуй нашего отца!

— А кто научилъ васъ этой молитвѣ?

— Мама... она все плакала,—отвѣчалъ ребенокъ.

Лицо Ирода мгновенно прояснилось, но снова какая-то мысль омрачила его.

— Ну, черный кушъ, пойдемъ играть,—сказалъ мальчикъ и убѣжалъ.

Маріамма приказывала дѣтямъ молиться о немъ. Что это? Дѣйствительно ли она опасалась за его жизнь? Или это боязнь за себя, когда она узнала отъ Іосифа его тайное распоряженіе въ случаѣ его смерти? О, тогда это была молитва не за него! Но Александръ сказалъ: она все плакала? Конечно, боязнь смерти вызывала эти слезы... А слезы страха, это преграда отъ любовныхъ помысловъ, отъ любовныхъ вожделѣній... Она, слѣдовательно, невинна... Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ онъ приказалъ казнить Іосифа, если и онъ невиновенъ въ томъ, на что прозрачно намекнула Саломея? Нѣтъ! Онъ виновенъ, виновенъ тѣмъ, что выдалъ его тайну. Онъ заслужилъ смерть!.. Но Маріамма, это бѣдное дитя, за что она должна страдать? И онъ вспомнилъ выпавшаго изъ гнѣзда голубка... Невинный, безпомощный. Не то же ли и Маріамма? Не ее ли, какъ юнаго птенчика, онъ вырвалъ изъ родного гнѣзда? И ему стало невыразимо жаль этой женщины-ребенка.

Онъ рванулся къ ней, примиренный, раскаявшійся.

— Прости меня, дитя мое!—припалъ онъ къ ногамъ Маріаммы.—Я оскорбилъ тебя... прости меня, не отталкивай отъ себя.—Маріамма молчала, тихо отстраняя его отъ себя.

— Маріамма! Сжалься! Безъ тебя не жизнь мнѣ—адъ!—ломалъ онъ руки.

— И моя жизнь—адъ,—тихо проговорила Маріамма.—Умереть бы...

Иродъ, забывая все, мгновенно обнажилъ мечъ.

— И тебя, и себя разомъ, чтобы кровь наша смѣшалась!—простоналъ онъ.

— Рази!—И Маріамма, разорвавъ одежду, обнаружила бѣлую, какъ лилія, грудь.

— Нѣтъ, не могу, не могу!—съ плачемъ простоналъ онъ и, шатаясь, какъ пьяный, вышелъ.

— Въ походъ... въ Аравію... тамъ найду смерть,—бормоталъ онъ.

И онъ тотчасъ же приказалъ позвать на военный совѣтъ Ферора, Соема и главныхъ военачальниковъ.

— Что Іосифъ?—спросилъ онъ Соема, когда тотъ вошелъ.

— Въ царствѣ тѣней,—былъ отвѣтъ.

Въ совѣтѣ рѣшено было немедленно двинуться за Іорданъ.

Арабы, узнавъ о переходѣ отрядовъ Ирода къ Галаиду, встрѣтили его у Діосполиса. Битва была жаркая, сопротивленіе врага упорное. Иродъ, казалось, искалъ смерти, но самъ несъ смерть всюду, куда только направлялось его убійственное боевое копье. Воины его, видя личную храбрость самого царя, его изумительное безстрашіе, воодушевились, какъ одинъ человѣкъ, и арабы потерпѣли жестокое пораженіе. Но это пораженіе подняло на ноги всю Петру, всю пустыню до Келесиріи. Арабы встрѣтили іудеевъ у Канаоы. Завязалась битва. Опьяненные первой побѣдой, іудеи ринулись на врага съ такою поспѣшностью, что обнажили свой тылъ. Этимъ воспользовался злѣйшій врагъ Ирода, коварный грекъ Аоеніонъ, одинъ изъ полководцевъ Клеопатры. Онъ велѣлъ жителямъ Канаоы напасть на іудеевъ съ тыла, и іудейское войско постигло страшное пораженіе. Не успѣли отряды Ирода опомниться отъ этого бѣдствія, какъ ихъ страну посѣтило еще болѣе ужасное, небывалое бѣдствіе: землетрясеніе, опустошившее всю цвѣтущую долину Са-

рона, разрушившее всѣ города этой житницы Іудеи и похоронившее подъ развалинами домовъ до тридцати тысячъ іудеевъ. Ужасъ овладѣлъ страной.

Этимъ воспользовались арабы и внесли новое опустошеніе въ страну, народъ которой окончательно упалъ духомъ. Бодрствовалъ одинъ Иродъ, котораго мощный духъ, казалось, еще болѣе закаливали бѣдствія. Поспѣшивъ съ войскомъ въ Іерусалимъ, онъ созвалъ народное собраніе.

— Іудеи!—обратился онъ къ собранію.—Страхъ, охватившій васъ, неоснователенъ! Если кары небесъ повергли васъ въ уныніе, то это естественно; но если человѣческія гоненія повергаютъ васъ въ отчаяніе, то это обличаетъ въ васъ отсутствіе мужества. Я такъ далекъ отъ мысли послѣ землетрясенія бояться непріятеля, что, напротивъ, болѣе склоненъ вѣрить, и вѣрю, что Богъ хотѣлъ этимъ бросить арабамъ приманку, чтобы намъ дать возможность мстить имъ. Знайте, что они напали на нашу страну, надѣясь не столько на собственныя руки и оружіе, сколько на тѣ случайныя бѣдствія, которыя насъ постигли. Но та надежда обманчива, которая опирается не на собственныя силы, а на чужое несчастіе, потому что ни несчастье, ни счастье не представляютъ собою нѣчто устойчивое въ жизни; напротивъ, счастье постоянно колеблется. Вы это сами знаете: не мы ли постоянно побѣждали всѣхъ и въ томъ числѣ арабовъ? А теперь они насъ побѣдили. Но теперь непріятель, убаюканный побѣдою, не ждетъ пораженія, и будетъ пораженъ нами. Помните, что слишкомъ большая самоувѣренность порождаетъ неосторожность, боязнь же научаетъ предусмотрительности! Оттого ваша боязливость теперь, бодрость духа въ будущемъ. Когда вы были слишкомъ смѣлы и самоувѣрены и напали на непріятеля у Канаоы вопреки моему приказу, Аоеніонъ и нашелъ возможность осуществить свой коварный замыселъ. Но теперешняя ваша робость и видимое малодушіе, знаменія предстоящей побѣды. Пребывайте въ этомъ состояніи духа вплоть до битвы; въ пылу же боя пусть воспрянетъ все ваше мужество и пусть оно докажетъ безбожному племени, что никакое несчастіе, будь оно отъ Бога или отъ людей, никогда не будетъ въ состояніи сокрушить храбрость іудеевъ, пока тлѣетъ въ нихъ искра жизни, и что никто изъ васъ не дастъ арабамъ, которыхъ вы такъ часто уводили плѣнными съ поля битвы, сдѣлаться

господами надъ вашимъ имуществомъ. Не поддавайтесь только вліянію случайныхъ разрушительныхъ силъ природы и не смотрите на землетрясеніе, какъ на знаменіе дальнѣйшихъ бѣдствій. То, что происходитъ въ стихіяхъ, совершается по законамъ природы, и, кромѣ несущаго ими съ собою вреда, стихіи ничего больше не приносятъ человѣку. Голодъ, моръ и землетрясеніе еще могутъ быть предвѣщаемы менѣе важными знаменіями; но сами эти бѣдствія предѣломъ своимъ имѣютъ самые ужасы, они кончены, такъ какъ какой еще большій вредъ можетъ нанести намъ самый побѣдоносный врагъ, чѣмъ тотъ, который мы уже потерпѣли отъ землетрясенія? Съ другой стороны, непріятель получилъ великое предзнаменованіе своего пораженія, знаменіе, данное ему не природой и не другой какой-либо силой: они, вопреки всѣмъ человѣческимъ законамъ, жестокимъ образомъ умертвили нашихъ пословъ и такія жертвы посвятили божеству за исходъ войны!

Иродъ остановился. Онъ видѣлъ, какъ проясняются лица слушателей. Многіе взоры были обращены на его дворецъ. Онъ глянулъ туда. На кровлѣ дворца виднѣлись двѣ женскія фигуры съ поднятыми къ небу руками. То молились Кипра и Маріамма... За кого молилась послѣдняя? За него или за народъ свой? Онъ тоже поднялъ руки къ небу, какъ бы призывая его въ помощь.

— Іудеи! — страстно воскликнулъ онъ. — Вѣрьте, враги наши не укроются отъ всевидящаго ока Божія и не избѣгнутъ Его карающей десницы. Они немедленно должны дать намъ удовлетвореніе, если только въ насъ еще живетъ духъ нашихъ предковъ, и если мы поднимемся на месть измѣнникамъ. Пусть каждый идетъ въ бой не за жену свою и дѣтей, даже не за угрожаемое отечество, а въ отмщеніе за убитыхъ пословъ. Они лучше, чѣмъ мы, живые, будутъ руководить битвой. Я же буду впереди васъ во всякой опасности, и побѣда за нами!

Предсказаніе Ирода оправдалось.

Послѣ рѣчи, воодушевившей іудеевъ, Иродъ, совершивъ въ храмѣ жертвоприношеніе, немедленно выступилъ въ походъ и, переправившись около Іерихона черезъ Іорданъ, настигъ арабовъ у Филадельфіи *). Двѣнадцать тысячъ труповъ сыновъ

*) Арабское Равваѳъ-Аммонъ или Раббатъ-Аммонъ.

пустыни легло на мѣстѣ, и четыре тысячи арабовъ были взяты въ плѣнъ.

Вся Аравія, послѣ этого, избрала Ирода своимъ верховнымъ главой.

— Благодарю тебя за мой народъ! — такъ встрѣтила его послѣ похода Маріамма, и, поднявшись на цыпочки, поцѣловала его черную, сильно посѣдѣвшую голову.

Это былъ первый поцѣлуй, полученный имъ отъ Маріаммы, послѣ шести лѣтъ сожительства!

XVIII.

— Твой поцѣлуй, Маріамма, цѣннѣе для меня короны Іудеи и лавроваго вѣнка побѣдителя,—задыхаясь отъ радостнаго волненія, проговорилъ Иродъ.—Отчего же только голову?

— Побѣдителю вѣнчаютъ лаврами, именно, голову,—отвѣчала Маріамма.—Пусть мой первый поцѣлуй будетъ твоимъ лавровымъ вѣнкомъ.

Въ эту минуту вошелъ Рамзесъ, единственный человѣкъ, входившій къ царю безъ доклада. Иродъ выхватилъ мечъ, намѣреваясь поразить вошедшаго.

— Рабъ!—яростно проговорилъ онъ.—Въ такую минуту...

— Римскій гонецъ съ страшными вѣстями!—неустрашимо проговорилъ Рамзесъ.

— Страшными?.. Что можетъ быть страшнѣе моего гнѣва?—воскликнулъ Иродъ.

— Антоній и Клеопатра разбиты на-голову и бѣжали.

— Земля сорвалась съ основъ и летитъ въ бездну!.. Гдѣ гонецъ?

— Онъ умеръ на ступеняхъ дворца... Успѣлъ только сказать, что Антоній и Клеопатра разбиты, и хлынувшая гортанью кровь задушила его... Конь его также палъ.

Едва Иродъ вышелъ изъ покоевъ жены, какъ его встрѣтилъ Соемъ.

— Другой гонецъ, отъ Квинта Дидія,—сказалъ онъ.—Вотъ письмо.

Иродъ торопливо вскрылъ посланіе и молча прочелъ его. Внутренняя борьба, видимо, отразилась на его энергическомъ лицѣ. Но скоро оно приняло рѣшительное выраженіе: быстрый умъ его выбралъ то, что ему слѣдовало дѣлать...

— Міровое событіе,—проговорилъ онъ какъ бы про себя:— двѣ половины вселенной столкнулись, и одна рухнула въ бездну... Квинтъ Дидій пишетъ мнѣ, что многочисленный флотъ Антонія и Клеопатры столкнулся у мыса Акціума, въ Адріатикѣ, съ римской флотиліей Октавіана. Тамъ со своимъ личнымъ флотомъ съ пурпурными парусами находилась и Клеопатра, воображавшая, что это будетъ интересное театральное зрѣлище. И вотъ, когда въ битву вступило до семисотъ пятидесяти кораблей, Клеопатра, несмотря на то, что Антоній, трепеща за свою возлюбленную, оградилъ ее шестьюдесятью кораблями египетской эскадры, Клеопатра — пишетъ — испугалась и на всѣхъ своихъ пурпурныхъ парусахъ пустилась въ открытое море. Антоній, увидавъ это, бросилъ битву и помчался за своей погибелью... О, безумецъ!

Иродъ вдругъ задумался. Онъ поставилъ себя на мѣсто Антонія, а вмѣсто Клеопатры вообразилъ Маріамму... Испуганная Маріамма убѣгаетъ... Она въ ужасѣ... она можетъ погибнуть, попасть въ руки врага... Что тогда сдѣлалъ бы Иродъ?

Соемъ молча ждалъ. Иродъ какъ бы очнулся и провелъ рукою по лбу.

— Несчастный!—сказалъ онъ. — Битва была проиграна... Весь флотъ сдался счастливому побѣдителю, юному Октавіану... Весь міръ въ его рукахъ! Теперь онъ извѣщаетъ своего военачальника, Квинта Дидія, что ему не сдались только сухопутные легіоны Антонія, его гладіаторы, которые изъ Кизика стремятся къ нему на помощь, въ Египетъ; такъ Дидій долженъ перерѣзать имъ путь. И онъ проситъ моей помощи... Я дамъ ему эту помощь!.. Солнце Востока закатилось, встаетъ солнце съ Запада... Я иду навстрѣчу восходящему свѣтилу.

— А обыскали тѣло перваго гонца? Нѣтъ на немъ бумагъ?—спросилъ онъ вошедшаго Рамзеса.

— На немъ, господинъ, ничего не нашли,—отвѣчалъ послѣдній,—онъ прискакалъ изъ Пелузія, отъ Навмарха Клеопатры.

— А! И ты, ехидна, за Ирода прячешься,—съ презрѣніемъ проговорилъ Иродъ.

— А гдѣ теперь Октавіанъ?—спросилъ Соемъ.

— Въ Родосѣ... Къ нему я и отправлюсь немедленно... Льву надо глядѣть прямо въ глаза, и тогда онъ не растерзаетъ... Я

это испыталъ въ дебряхъ Петры, когда бѣжалъ отъ Антигона и пароянъ.

Въ тотъ же день Иродъ отдалъ приказъ, чтобы часть отрядовъ, не участвовавшихъ въ битвѣ съ арабами и потому неутомленныхъ, немедленно выступила въ Тиръ на помощь Квинту Дидію.

Наконецъ, наканунѣ своего отъѣзда изъ Іерусалима, Иродъ позвалъ къ себѣ Ферора.

— Братъ!—сказалъ онъ съ грустью въ голосѣ.—завтра я отправлюсь въ невѣдомую страну, въ невѣдомую потому, что, быть можетъ, тамъ я перейду въ загробный міръ... Какъ приметъ меня новый повелитель вселенной, извѣстно одному Богу... Надо быть готовымъ ко всему... Я отправлюсь не въ порфирѣ и не въ царской діадемѣ, а, какъ десять лѣтъ тому назадъ, въ Римъ, даже не въ одеждѣ просителя, а въ рубищѣ виновнаго... Если меня тамъ постигнетъ казнь, ты владѣй Іудеею... Въ союзѣ съ арабами, которые ненавидятъ римлянъ, еще возможна борьба съ Римомъ. Не отдавай никому моей Іудеи безъ бою... Клянешься мнѣ въ этомъ?

— Клянусь, мой царь и братъ! — восторженно отвѣчалъ Фероръ.—Если Богу угодно будетъ, чтобы я потерялъ Іудею, то Римъ получитъ только пустыню! Мы всѣ умремъ за свой священный городъ и за святая святыхъ!

— Благодарю, братъ. А теперь позаботимся о нашихъ близкихъ. Тебѣ я оставлю твою и мою мать, нашу сестру и моихъ дѣтей. Отвези ихъ, какъ и все цѣнное, въ Масаду.

— А царица и ея мать?—спросилъ Фероръ.

— Объ нихъ другая забота: я отправлю ихъ въ Александріонъ, въ дѣвичій удѣлъ моей тещи, Александры, подаренный ей еще ея отцомъ, Гирканомъ. Съ ними я отправляю Соема... А ему дамъ особыя инструкціи.

— Такъ дѣтей разлучешь съ матерью?

— Да... Женское общество для нихъ вредно... Пусть растутъ среди воиновъ... Завтра еще увидимся,—сказалъ въ заключеніе Иродъ, отпуская брата.

Затѣмъ онъ велѣлъ позвать Соема.

— Помнишь участь, постигшую Іосифа, мужа моей сестры, Саломеи?—спросилъ онъ ошеломленнаго этимъ вопросомъ царедворца.

— Помню, царь.

— Помни, та же участь постигнетъ и тебя, если ты не сохранишь въ тайнѣ то, что я тебѣ сейчасъ прикажу... Гдѣ кости Іосифа?

— Онѣ лежатъ, обглоданныя крысами, въ твоемъ подземномъ тайникѣ.

— И твои будутъ лежать тамъ, если выдашь кому-либо тайну твоего царя... Я не требую отъ тебя клятвы: клятвы всегда нарушаются... Нарушилъ ее и Іосифъ... Вотъ моя тайна: какъ только я оставлю Іерусалимъ, ты сопровождай царицу и ея мать въ Александріонъ... Онѣ уже предупреждены мною объ этомъ. Но, вотъ, о чемъ онѣ не предупреждены: когда въ Іерусалимъ придетъ вѣсть о моей смерти, пусть умрутъ и онѣ отъ твоей руки. Понялъ?

— Понялъ, великій царь.

— Помни же Іосифа... Можешь итти.

Соемъ вышелъ совершенно растерянный. Никогда Иродъ не обращался съ нимъ такъ сурово. И какой грозный тонъ! Еще сегодня онъ откровенно говорилъ съ нимъ о пораженіи Антонія и Клеопатры, о своемъ рѣшеніи ѣхать къ Октавіану, и вдругъ такія угрозы. За что? За что-то будущее, неизвѣстное. Соемъ старый царедворецъ. Онъ служилъ и Гиркану и, кромѣ милостей, ничего не видѣлъ отъ старика. Да и Иродъ всегда отличалъ его, какъ своего личнаго друга. Не даромъ только ему онъ довѣрилъ совершеніе тайнаго убійства Іосифа. И теперь онъ довѣрилъ ему же свою жену и тещу съ приказаніемъ убить ихъ въ случаѣ его смерти.

— Это, что скажетъ будущее,—рѣшилъ про себя Соемъ.

Но на другой день Иродъ не выѣхалъ изъ Іерусалима, какъ предполагалъ, а взвѣсивъ въ своемъ лукавомъ умѣ шансы за и противъ Антонія, рѣшилъ, какъ и всегда, поступить двулично. Въ ту же ночь онъ отправилъ гонцовъ въ Пелузій къ Антонію съ словеснымъ предложеніемъ убить Клеопатру, объявить себя фараономъ, немедленно собрать въ Пелузій всѣ силы Египта и вмѣстѣ съ нимъ, Иродомъ, встрѣтить Октавіана и стереть его съ лица земли. Антоній съ тѣми же гонцами прислалъ писанный отвѣтъ: «Маркъ Антоній, триумвиръ вселенной, скорѣе удавитъ Ирода, какъ собаку, и отдастъ его красавицу-жену въ налож-

ницы своему рабу, чѣмъ приметъ его гнусное предложеніе». Такъ еще былъ увѣренъ въ своей непобѣдимости Антоній!

— А! Uniumvir!—злобно прошепталъ Иродъ, бросая въ огонь обидный отвѣтъ Антонія, и въ тотъ же день выступилъ изъ Іерусалима, захвативъ съ собой нѣсколько мѣшковъ золота.

Въ Тирѣ, куда уже прибыли его отряды для Квинта Дидія, Иродъ сѣлъ на корабль и отплылъ къ Родосу. Благопріятная погода все время ему сопутствовала, и легкая трирема его неслась по гладкой поверхности моря, какъ птица.

Прибывъ въ Родосъ, хитрый идумей скоро уразумѣлъ положеніе дѣлъ. Онъ понялъ, что юный побѣдитель Антонія еще не считалъ себя побѣдителемъ. Зачѣмъ ему было медлить и отъ Акціума переплывать море, чтобъ бездѣйствовать въ Родосѣ и дать Антонію и Клеопатрѣ собраться съ силами и раздавить побѣдителя? Зачѣмъ онъ отъ Акціума не погнался за побѣжденными бѣглецами по пятамъ, парусъ за парусомъ, весло за весломъ, руль въ руль?

— А! Юный сфинксъ ждетъ меня: что я скажу,—съ гордой радостью подумалъ Иродъ.—Теперь ты для меня не сфинксъ... Я теперь въ роли Эдипа, только безъ Антигоны... О, Маріамма! Я еще увижу тебя... Первый поцѣлуй все еще за тобой...

Наконецъ, онъ предсталъ предъ юнымъ сфинксомъ безъ царской діадемы. Иродъ замѣтилъ, что юноша возмужалъ; молодое лицо носило уже слѣды заботъ, безсонныхъ ночей, тревожныхъ думъ. Но глаза, все тѣ же глаза сфинкса, хотя Иродъ уже и могъ читать въ нихъ... Только глаза эти стали еще ласковѣе, чѣмъ тогда, въ Римѣ, въ сенатѣ, восемь лѣтъ назадъ. Тутъ же былъ и Агриппа, школьный товарищъ и другъ сфинкса, съ добрымъ, открытымъ лицомъ.

Иродъ приблизился, какъ говоритъ Іосифъ Флавій, «съ царскимъ достоинствомъ».

— Я, цезарь,—началъ Иродъ, — поставленный Антоніемъ и тобою царемъ надъ іудеями, дѣлалъ, не скрываю этого, все отъ меня зависѣвшее для того, чтобы быть полезнымъ Антонію, которому сенатъ и народъ римскій вручили судьбы Востока. Не скрою и того, что ты, во всякомъ случаѣ, видѣлъ бы меня съ оружіемъ въ рукахъ и моими войсками на его сторонѣ, если бы мнѣ не помѣшала война съ арабами. Но я, все-таки, по мѣрѣ моихъ силъ, послалъ ему подкрѣпленія и многотысячные запасы

провіанта. Еще больше! Даже послѣ пораженія его при Акціумѣ, я не покинулъ моего благодѣтеля: не имѣя уже возможности быть ему полезнымъ въ качествѣ соратника, я былъ ему лучшимъ совѣтникомъ и указывалъ ему на смерть Клеопатры, какъ на единственное средство возвратить себѣ потерянное. Если бы онъ рѣшился пожертвовать ею, то я обѣщалъ ему помощь деньгами, надежныя крѣпости, войско и мое личное участіе въ войнѣ противъ тебя. Но страстная его любовь къ Клеопатрѣ и самъ Богъ, осчастлививший тебя побѣдой, затмили его умъ. Такъ, я побѣжденъ вмѣстѣ съ Антоніемъ и послѣ его паденія я снялъ съ себя вѣнецъ. Къ тебѣ же я пришелъ въ той надеждѣ, что мужество достойно милости, и въ томъ предположеніи, что будетъ принято во вниманіе то, какой я другъ, а не чей я былъ другъ!

Стоя въ сторонѣ, Агриппа съ добродушной улыбкой слушалъ эту рѣчь, и добрые глаза его, казалось, говорили: «Умная бестія! Что и говорить!» Да и въ глазахъ сфинкса можно было прочесть: «Гмъ... нашего поля ягодка... пивалъ воду изъ Тибра, а ловкія рѣчи—изъ устъ Цицерона»...

— На это я отвѣчу тебѣ, Иродъ: никто тебя не тронетъ!—медленно выискивая настоящія выраженія, приличныя его сану, началъ Октавіанъ.—Ты можешь отнынѣ еще съ большей увѣренностью править твоимъ царствомъ. Ты достоинъ властвовать надъ многими за то, что такъ твердо хранилъ дружбу. Старайся же теперь быть вѣрнымъ и болѣе счастливому другу и оправдать тѣ блестящія надежды, которыя вселяетъ мнѣ твой благородный характеръ. Антоній хорошо сдѣлалъ, что больше слушался Клеопатры, чѣмъ тебя, такъ какъ благодаря его безумію, мы пріобрѣли тебя. Ты, впрочемъ, кажется, уже началъ оказывать намъ услуги: Квинтъ Дидій пишетъ мнѣ, что ты ему прислалъ помощь противъ гладіаторовъ. Я не замедлю офиціальнымъ декретомъ утвердить тебя въ царскомъ званіи и постараюсь также въ будущемъ быть милостивымъ къ тебѣ, чтобы ты не имѣлъ причины горевать объ Антоніѣ.

— «Милостивымъ»... Ахъ, ты, мальчишка всемогущій!—съ радостнымъ облегченіемъ подумалъ Иродъ.

На заднемъ планѣ пріемнаго покоя молча стояли военные трибуны, консулы и ликторы съ ихъ неизбѣжными пучками палокъ и сѣкирами. Иродъ только теперь замѣтилъ ихъ. Но тутъ же, рядомъ съ Октавіаномъ, на столѣ, покрытомъ пурпурнымъ

виссономъ, Иродъ увидѣлъ золотыя діадемы въ перемежку съ обнаженными мечами.

— Діадемы—для союзниковъ Рима, мечи —для враговъ его,—съ улыбкою указалъ на столъ юный сфинксъ и, взявъ со стола одну діадему, возложилъ ее на Ирода.

Къ нему подошелъ Агриппа, чтобы поздравить съ императорскою милостью (въ то время слово «императоръ» еще не означало того, что стало означать впослѣдствіи).

— Мнѣ пріятно поздравить Ирода, хотя поздравленіе отъ неизвѣстнаго менѣе цѣнно для поздравляемаго, чѣмъ оно стоитъ для поздравляющаго,—сказалъ онъ.—Ты меня не знаешь.

— Кто знаетъ побѣдителя Антонія, тотъ знаетъ и Агриппу, если даже никогда не видалъ его,—отвѣчалъ Иродъ.

— А я лично знаю тебя, царь Иродъ; мое сердце,—пояснилъ Агриппа,—отмѣтило тебя еще тогда, когда, восемь лѣтъ назадъ, ты стоялъ въ сенатѣ подъ трибуною, съ которой за тебя громилъ насъ Мессала.

— А стоустая молва о доблестяхъ Агриппы давно вписала его имя во святое святыхъ моего сердца,—сказалъ Иродъ.

— Мы еще будемъ у тебя въ гостяхъ, царь Иродъ, когда поведемъ легіоны черезъ твое царство въ страну пирамидъ и сфинксовъ, которую я жажду увидѣть,—сказалъ Октавіанъ, отпуская Ирода.

Полный гордаго удовлетворенія возвращался Иродъ въ Іерусалимъ, мечтая получить, наконецъ, отъ Маріаммы первый, настоящій поцѣлуй.

Но его ожидало горчайшее изъ всѣхъ разочарованіе.

XIX.

Еще изъ Тира Иродъ отправилъ гонцовъ въ Іерусалимъ къ Ферору и въ Александріонъ къ Маріаммѣ и Соему съ извѣстіемъ о своемъ торжествѣ и приказомъ, чтобы Маріамма и Александра возвращены были изъ Александріона въ Іерусалимъ, а равно, чтобы возвращались туда же изъ Масады его мать, Кипра, и сестра, Саломея, съ его малютками-дѣтьми и со всѣмъ придворнымъ штатомъ.

Когда Иродъ приближался къ Іерусалиму и съ послѣдняго горнаго спуска увидѣлъ башни святого города и его стѣны, на-

встрѣчу ему выѣхалъ Фероръ на великолѣпномъ арабскомъ конѣ, имѣя по сторонамъ двухъ маленькихъ всадниковъ, царевичей Александра и Аристовула, возсѣдавшихъ на разукрашенныхъ осликахъ. Тутъ же находился и отрядъ галатовъ.

— Осанна! Радуйся, царь іудейскій!—привѣтствовали его воины.

Въ Виѳлеемскихъ воротахъ Иродъ былъ встрѣченъ всѣмъ составомъ синедріона съ дряхлымъ раби Семаія и раби Авталіономъ во главѣ.

— Осанна! Благословенъ грядущій во имя Господа!—воскликнули и чины синедріона.

Иродъ радостно благодарилъ всѣхъ и направился во дворецъ, ссылаясь на усталость съ дороги, но, въ сущности, затѣмъ, чтобы скорѣе увидать Маріамму и получить отъ нея поцѣлуй.

Но Маріамма встрѣтила его такимъ негодующимъ и уничтожающимъ взглядомъ, какого онъ у нея никогда еще не видѣлъ. Она даже не позволила ему прикоснуться къ своей рукѣ.

— Маріамма! Ты не узнаешь своего царя, повелителя и мужа!—повелительно воскликнулъ онъ.

— Я знаю царя Ирода, но мужа у меня больше нѣтъ,—гордо отвѣчала молодая женщина.

— Но я твой мужъ...

— Да, былъ имъ и осквернялъ тѣло невинной дѣвочки... Теперь я очистилась отъ твоей скверны и буду принадлежать Богу отцовъ моихъ.

— Но что случилось?—недоумѣвалъ Иродъ.

— Ты самъ знаешь.

Все мужество покинуло Ирода. Онъ такъ любилъ Маріамму, такъ боялся потерять ее, что забылъ всю свою гордость, все свое величіе. Онъ жаждалъ только ея ласкъ, ея дивнаго взгляда. И онъ видѣлъ въ ея глазахъ только негодованіе и отвращеніе. Онъ не могъ этого вынести и упалъ на колѣни.

— Маріамма! Пощади меня! Я хочу еще жить! Себя пощади!

— Прочь отъ меня, гадина!—отстранилась молодая женщина.

— Рабыня!—прошипѣлъ Иродъ, обнажая мечъ.

— Повтореніе!—презрительно сказала Маріамма.—Теперь

я не оскверню моей груди обнаженіемъ ея передъ тобой...—и не взглянувъ даже на Ирода, вышла,

Это бурное объясненіе было подслушано хитрой Саломеей и царскимъ виночерпіемъ Кохабомъ, преемникомъ виночерпія Рамеха, помогавшаго когда-то Малиху отравить Антипатра, отца Ирода. Саломея, какъ только воротилась изъ Масады въ одно время съ возвращеніемъ изъ Александріона Маріаммы, тотчасъ начала вести подкопъ подъ благосостояніе и жизнь послѣдней. Она видѣла, что Маріамма за что-то озлоблена противъ Ирода. Знала она также и о прежнихъ бурныхъ сценахъ между Иродомъ и Маріаммой, и теперь воспользовалась своими знаніями. Она подкупила Кохаба донести Ироду, будто Маріамма подговаривала его отравить царя.

— Видишь, Кохабъ, теперь самая удобная минута все сказать царю,—прошептала Саломея, услыхавъ, что Маріамма, послѣ бурной вспышки, оставила Ирода одного;—за это царь вознесетъ тебя превыше всѣхъ.

— На крестъ развѣ, на Голгоѳу?—въ нерѣшительности проговорилъ виночерпій.

— Нѣтъ! Нѣтъ! — настаивала хорошенькая идумейская змѣя.—Иди! Пользуйся моментомъ, онъ не повторится!—и Саломея, заслышавъ шаги брата, скользнула, какъ тѣнь, и исчезла въ переходахъ дворца.

Едва Иродъ, потрясенный до глубины души, вышелъ въ слѣдующій покой, какъ передъ нимъ распростерся ницъ Кохабъ.

— Это что такое?—сурово крикнулъ Иродъ, останавливаясь.

— Великій царь! Не смѣю взглянуть на твое свѣтлое лицо,—простоналъ негодяй.

— Чѣмъ виноватъ? Какое совершилъ преступленіе?—спросилъ Иродъ.

— Не совершилъ, великій царь, а дерзаю отклонить его отъ священныхъ главъ царя и царицы.

— Встань и говори, въ чемъ дѣло? Говори только истину.

Кохабъ поднялся и губами прикоснулся края тоги Ирода (онъ былъ въ римской тогѣ).

— Не смѣю произнести священнаго имени,—пробормоталъ измѣнникъ.

— Какого имени?

— Священнаго имени царицы.

Иродъ задрожалъ.

— Говори, негодяй!—крикнулъ онъ.—Или вмѣстѣ съ мечомъ проглотишь свой гнусный языкъ.

— Не царица, великій царь.. Нѣтъ, отъ имени царицы презрѣнный евнухъ, черный Кушъ, подговаривалъ меня отравить твою священную особу... Я ему не повѣрилъ: великая царица не помыслитъ на жизнь своего царственнаго супруга. Это презрѣнный черный Кушъ взводитъ на нее клевету... Его подкупила ревнивая египтянка, Клеопатра, которая, говорятъ, изъ ревности выколола глаза на портретѣ царицы.

— Хорошо,—сказалъ Иродъ съ бурей въ душѣ,—я велю допросить чернаго Куша подъ пыткой, если онъ откажется сознаться въ своемъ преступленіи на очной ставкѣ съ тобой. Иди!

Увидавъ послѣ того Рамзеса, приказавъ ему все приготовить въ опочивальнѣ для омовенія съ дороги и позвать немедленно Соема, Иродъ прошелъ прямо въ опочивальню.

Едва онъ умылся и переодѣлся, какъ вошелъ Соемъ. На лицѣ его былъ написанъ смертный страхъ, но Иродъ, самъ полный тревоги и злобы, не замѣтилъ этого. Дѣло въ томъ, что обиженный Иродомъ передъ отъѣздомъ его къ Октавіану и увѣренный, что на Родосѣ Ирода ждетъ смерть, Соемъ все открылъ Маріаммѣ и Александрѣ, поклявшись имъ, что рука его, несмотря на грозный приказъ царя, на нихъ не поднимется.

— Тебѣ ничего неизвѣстно о заговорѣ на мою жизнь?—спросилъ Иродъ, едва вошелъ Соемъ.

— Я первый донесъ бы объ этомъ царю, — отвѣчалъ послѣдній.

— Такъ знай же: сейчасъ виночерпій Кохабъ донесъ мнѣ, будто евнухъ царицы, черный Кушъ, отъ имени Маріаммы уговаривалъ его, Кохаба, отравить меня. Какъ велъ себя евнухъ въ Александріонѣ?

— Какъ самый вѣрный слуга царицы,—отвѣчалъ Соемъ.

— А царица?

— Царица часто плакала о дѣтяхъ и нѣсколько разъ посылала своего евнуха въ Масаду навѣдываться о здоровьѣ царевичей, а потомъ приказывала ему разсказывать о нихъ: вѣдь, черный Кушъ почти выняньчилъ царевичей, какъ когда-то няньчилъ и маленькую Маріамму-царевну, нынѣ твою супругу, да хранитъ ее Богъ!

— Хорошо... Такъ ты дай прежде очную ставку Кохабу съ чернымъ Кушемъ, а если послѣдній будетъ запираться, допроси его подъ пыткой и сегодня же доложи мнѣ обо всемъ.

Обвиненный, однако, ни въ чемъ не сознался. На очной ставкѣ съ Кохабомъ онъ горячо обвинялъ послѣдняго въ клеветѣ, призывалъ во свидѣтельство своей невинности и невинности Маріаммы всѣхъ боговъ Египта и Нубіи, и Бога Израилева, и всѣхъ боговъ Востока. Наконецъ, его подвергли жесточайшимъ пыткамъ, но и тутъ онъ ничего не сказалъ.

— Пусть сгніетъ во мнѣ языкъ мой, если я скажу вамъ что-либо ко вреду моей царицы!—воскликнулъ онъ, наконецъ, не выдержавъ мученій.—Одному царю я скажу все.

Иродъ велѣлъ привести его къ себѣ. Весь въ крови предсталъ предъ своимъ мучителемъ полуживой страдалецъ.

— Что ты хотѣлъ сказать мнѣ о твоей царицѣ?—спросилъ Иродъ, выславъ всѣхъ отъ себя.

— О, царь! Вспомни, какъ тебя любила маленькая Маріамма,—съ плачемъ проговорилъ допрашиваемый.

Слова эти удивили Ирода. Дѣйствительно, Маріамма когда-то любила его дѣтской любовью. Потомъ она перемѣнилась къ нему съ того роковаго дня, когда онъ грозился распять на крестѣ все населеніе Іерусалима. Теперь ему казалось, что она никогда его не любила. И вдругъ этотъ жалкій старикъ, этотъ окровавленный черный Кушъ напомнилъ ему блаженную молодость, маленькую Маріамму, которая не по дѣтски страстно ласкалась къ нему, нѣжно обнимала его шею своими маленькими ручками...

— Она никогда не любила меня,—мрачно сказалъ онъ.

— О, царь! Вспомни только, когда ты, играя съ нею во дворцѣ, молодымъ принцемъ, изображалъ изъ себя Кира, царя персидскаго, Маріамма, которой было тогда лѣтъ шесть, представляла изъ себя Томирису, царицу скиѳскихъ амазонокъ... Я изображалъ ея боевого коня и, стоя на четверенькахъ, ржалъ по-лошадиному, а Маріамма сидѣла на мнѣ съ лукомъ и стрѣлами... А раби Элеазаръ также былъ конемъ, твоимъ конемъ, и также ползалъ на четверенькахъ и ржалъ... Ты сидѣлъ на немъ и вызывалъ на бой Томирису... Маріамма пустила въ тебя стрѣлу... ты упалъ, притворился мертвымъ... Маріамма бросилась къ тебѣ, ты былъ безъ движенія, казался блѣднымъ. О, какъ рыдала тогда бѣдненькая Маріамма, думая, что ты мертвъ...

Иродъ сидѣлъ безмолвно, опустивъ голову. Лицо его судорожно подергивалось.

— Да, я помню это,—сказалъ онъ со вздохомъ.

— А потомъ, когда ты открылъ глаза, какъ страстно она цѣловала тебя отъ радости, что ты живой,—продолжалъ старый евнухъ.—Или, помнишь, ты былъ Давидомъ, а раби Элеазаръ Голіаѳомъ, съ львиной шкурой на плечахъ... Голіафъ старался схватить и увести въ плѣнъ Маріамму, которая пряталась за меня, а ты поражалъ пращью Голіаѳа, и Маріамма радостно хлопала ручками и говорила, цѣлуя тебя: «о, мой Давидъ! Мой милый Давидъ!».. Безъ тебя она жить не могла... Каждое утро, бывало, спрашиваетъ: «Черный Кушъ! Когда же придетъ мой Иродъ?»

Музыкой для Ирода звучали эти слова стараго евнуха. Чѣмъ-то свѣтлымъ, невиннымъ вѣяло отъ этихъ воспоминаній, отъ этого невозвратно умчавшагося прошлаго... Тогда Иродъ былъ счастливъ... На душѣ его, на совѣсти не было ни капли крови, ни одной язвины на сердцѣ... Его любили, любила эта самая Маріамма... А теперь? Слава, власть, дружба великихъ людей, и ни одного любящаго сердца.

Иродъ почувствовалъ, какъ что-то теплое упало ему на руку. То были слезы.

— О, царь! И это невинное существо, эту Маріамму ты приказалъ Соему убить!—продолжалъ старый евнухъ.

Иродъ вскочилъ, какъ ужаленный. Куда дѣвались его слезы, теплота размягченнаго воспоминаніями сердца! Бѣшеная ревность снова закипѣла въ его душѣ. Какъ всякій ревнивецъ, онъ тотчасъ же вообразилъ, что, пользуясь пребываніемъ въ Александріонѣ и его отсутствіемъ, Маріамма измѣнила ему для Соема. Такъ вотъ, какъ сохранилъ его тайну льстивый слуга царя! Вотъ, кому довѣрилъ онъ свою похотливую жену! Не даромъ Кипра говорила, что эта лицемѣрка такъ похотлива...

Соема онъ даже не допустилъ къ себѣ на глаза, а отпустивъ чернаго Куша, приказалъ позвать пытавшаго его палача, велѣлъ немедленно отрубить голову Соему, и трупъ его бросить въ подземный тайникъ, гдѣ, по словамъ Соема, бѣлѣли обглоданныя крысами кости Іосифа, мужа коварной Саломеи.

Въ тотъ же день Иродъ созвалъ семейный совѣтъ: мать Кипру, брата Ферора и сестру Саломею. На семейномъ совѣтѣ Маріамма осуждена была на смерть, хотя казнь рѣшено было

отложить, а до того времени положено было заточить царицу въ одну изъ царскихъ темницъ. Противъ этого возсталъ злой демонъ семейства Ирода—Саломея.

— Что скажетъ народъ, когда узнаетъ, что послѣдняя дочь Асмонеевъ живою заточена въ тюрьму?—возражала она.—Я увѣрена, что народъ возстанетъ, чтобы освободить ее. Вспомните пріемъ народомъ ея брата Аристовула въ храмѣ на праздникъ «кущей». Пусть ея смерть будетъ лучше тайною для всѣхъ. А когда народъ узнаетъ о ея кончинѣ, тогда объявить ему, что она умерла скоропостижно отъ посѣтившей городъ эпидеміи.

Въ то время, дѣйствительно, въ Іерусалимъ изъ Аравіи проникла чума вслѣдствіе гніенія двѣнадцати тысячъ труповъ, оставленныхъ арабами въ битвѣ съ іудеями при Филадельфіи.

Иродъ никому не соглашался поручить казнь своей жены: онъ рѣшилъ убить ее собственноручно.

— Она моя, и я долженъ самъ послать ее на лоно Авраама,—сказалъ онъ въ заключеніе.

Въ ту же ночь, когда во дворцѣ всѣ уже спали, Иродъ тихо прошелъ на половину жены. Войдя въ ея опочивальню, онъ увидѣлъ, что Маріамма молится. Жалость и любовь снова шевельнулись въ его сердцѣ. Она стояла такая стройная, нѣжная, въ легкой бѣлой туникѣ, съ распущенными золотистыми волосами, которые шелковой волной ниспадали на ея плечи и спину.

— Маріамма!—тихо окликнулъ онъ молящуюся.

Маріамма даже не оглянулась, а только молитвенно подняла руки.

— Маріамма!—повторился окликъ.

То же молчаніе, только оголенныя отъ туники руки поднялись еще выше.

— Маріамма!

Нѣтъ отвѣта!.. Мечъ блеснулъ въ рукѣ Ирода и вонзился въ спину несчастной женщины ниже лѣвой лопатки.

Маріамма пошатнулась назадъ и мертвая упала въ объятія Ирода.

— Теперь ты моя!—безумно прошепталъ убійца, опрокидывая къ себѣ прекрасную головку своей жертвы и страстно цѣлуя ее въ мертвыя уста.—Теперь ты дала мнѣ поцѣлуй, упрямица!

Онъ буквально обезумѣлъ. Поднявъ мертвое, горячее тѣло убитой, кровь которой обагрила всю грудь убійцы, онъ поло-

жилъ ее на низкое ложе изъ слоновой кости и золота и, бормоча несвязныя ласки и проклятія, продолжалъ осыпать поцѣлуями лицо, голову, волосы, грудь и все нѣжное, прекрасное тѣло несчастной мученицы, пока оно совсѣмъ не похолодѣло.

Потомъ, къ утру уже, онъ самъ обмылъ мертвое тѣло, надѣлъ на усопшую чистую, бѣлую тунику и положилъ на постель, словно бы Маріамма спокойно спала на ней. Потомъ позвалъ Рамзеса и, при помощи его, одѣвшись во все чистое, приказалъ окровавленныя одежды немедленно сжечь, чтобы никто этого не видалъ, а равно велѣлъ уничтожить въ опочивальнѣ царицы всѣ слѣды злодѣянія на полу и на ложѣ слоновой кости.

— Царица скончалась скоропостижно,—сказалъ онъ Рамзесу, уходя вмѣстѣ съ нимъ изъ опочивальни Маріаммы.—Никому не говори, что видѣлъ здѣсь...

XX.

На утро Иродовъ дворецъ на половинѣ царицы огласился душу раздирающими воплями женщинъ. Встревоженные, перепуганные обитатели обширнаго дворца съ недоумѣвающими лицами стремились по направленію раздававшихся воплей. Въ числѣ ихъ можно было видѣть старую Кипру, Саломею и маленькихъ царевичей, Александра и Аристовула, окруженныхъ евнухами и рабынями.

Въ опочивальнѣ царицы вокругъ ложа, на которомъ, словно уснувшая, лежала мертвая Маріамма, съ воплями толпились рабыни, а на полу, около ложа, на рукахъ другихъ рабынь въ истерическихъ конвульсіяхъ билась Александра, мать молодой царицы. Тутъ же, расталкивая толпу, протянувъ впередъ руки и, казалось, ничего не видя, шелъ страшный, совсѣмъ безумный Иродъ.

— Прочь! Прочь!—беззвучно говорилъ онъ.—Она моя! Я никому ея не отдамъ!.. Прочь! Прочь!

И онъ со стономъ упалъ на трупъ Маріаммы. Всѣ въ ужасѣ отступили при видѣ этой ужасной сцены.

— Маріамма! — шепталъ безумецъ. — Моя Томирисса... Я Киръ... ты не убила меня... я живъ... Маріамма моя! Ты спишь... Взгляни на меня!.. Какая холодная... точно въ послѣднее время... Заговори со мной... Поблагодари меня за твой народъ, какъ

тогда благодарила... Я спасъ его отъ арабовъ, спасъ отъ римлянъ... Маріамма! Маріамма!

Опомнившись немного и слыша вопли женщинъ, онъ обернулся и закричалъ:—Прочь! Прочь всѣ!.. Унесите ее!—указалъ онъ на безчувственно лежавшую Александру:—Унесите ее!.. Она мать!.. А! и ты здѣсь, ехидна пустыни!—крикнулъ онъ, увидавъ Саломею.—Прочь отсюда, ехидна!.. Всѣ прочь! Вы не любили ея... одинъ я любилъ... Черный Кушъ любилъ ее... Гдѣ черный Кушъ?.. Рамзесъ! Приведи сюда чернаго Куша... Онъ любилъ ее...

Александру унесли рабыни. Саломея и старая Кипра куда-то исчезли. Маленькихъ царевичей также увели. Увидѣвъ оставшихся въ опочивальнѣ плачущихъ рабынь, Иродъ обнажилъ мечъ.

— Прочь отсюда, негодныя!—закричалъ онъ.—Вы не уберегли своей царицы!

Въ это время, поддерживаемый Рамзесомъ, въ опочивальню со стономъ вошелъ черный Кушъ.

— Черный Кушъ! Гляди, она умерла!—бросился къ нему Иродъ.—Скажи еще, какъ она любила меня, какъ ждала, какъ ласкала... Говори, а я буду слушать... Это маленькая Маріамма, это Томирисса, а я Киръ... Посмотри на нее, она совсѣмъ живая

Около откинутой на подушки головки Маріаммы кружились мухи. Иныя садились на лицо усопшей.

— Прочь, мухи! Не скверните чистой! — крикнулъ Иродъ, замѣтивъ мухъ, и самъ сталъ отгонять ихъ.—Рамзесъ! Иди сейчасъ къ Ферору, скажи, что я приказалъ принести сюда серебряную раку, въ которой покоилось въ меду тѣло нашего отца Антипатра до погребенія... Надо положить въ нее, въ чистый бѣлый медъ, тѣло царицы... а то мухи... Иди, а насъ запри, чтобы никто не смѣлъ войти сюда... Не надо женщинъ, не надо рабынь, мы сами...

Рамзесъ ушелъ. Иродъ и черный Кушъ остались вдвоемъ около усопшей. Старый евнухъ тихо плакалъ, склонившись надъ изголовьемъ своей любимицы, которую онъ когда-то носилъ на рукахъ, и которая своими нѣжными ручонками обнимала его черную, какъ уголь, шею.

Иродъ какъ будто нѣсколько успокоился и долго молча глядѣлъ въ лицо своей жертвы.

— Такъ ты помнишь ее маленькую, черный Кушъ?—говорилъ онъ какъ бы самъ съ собой.—Помнишь, какъ и родилась она? Такіе же у нея были золотистые волосы? А какъ росла она, какъ рѣзвилась?.. Часто она спрашивала: скоро ли придетъ мой Иродъ? Мой!

Онъ тихо сталъ гладить ея волосы, оправлять на ней тунику, прикрывать маленькія босыя ножки.

— А помнишь, черный Кушъ, что говорилъ мнѣ мой маленькій Александръ, когда я воротился изъ Египта? Онъ говорилъ, что Маріамма часто плакала тогда и велѣла дѣтямъ молиться: «Богъ отцовъ нашихъ! Помилуй нашего отца». Такъ она учила ихъ молиться? Говори—такъ?

— Такъ, великій царь: я это помню хорошо.

— Такъ она любила меня? Тебѣ было это извѣстно?

— Да, великій царь, я зналъ, что только тебя одного она любила.

— А разскажи еще, добрый черный Кушъ, какъ она плакала, когда думала, что Томирисса убила Кира, что я умеръ.

— Очень плакала, бѣдненькая; а потомъ такъ обрадовалась, крошка, такъ обнимала и цѣловала тебя и меня на радостяхъ обнимала.

— И тебя обнимала!—Иродъ схватился было за мечъ.

— Да, вѣдь, я былъ ея конемъ...

Въ это время рабы принесли серебряную раку и медъ въ большихъ глиняныхъ кувшинахъ и поставили на полъ у порога опочивальни.

— Выйдите отсюда!—повелительно сказалъ Иродъ.—И ты, Рамзесъ, и ты, черный Кушъ... Я позову васъ послѣ.

Когда всѣ вышли, Иродъ осторожно приподнялъ съ ложа тѣло Маріаммы и долго цѣловалъ ее. Потомъ снялъ съ мертвой тунику, взглянулъ на рану, нанесенную ей ночью... Рана затянулась запекшеюся кровью... Какъ бы боясь причинить боль усопшей, онъ нѣжно опустилъ ее въ раку, расправилъ на плечахъ и на груди покойницы ея пышные волосы, постоялъ надъ ней, какъ бы прощаясь, потомъ перенесъ раку съ тѣломъ на мраморный столъ у оконной ниши и сталъ наполнять раку медомъ, чистымъ, какъ ключевая вода. Густая влага скоро покрыла

все тѣло и лицо покойной, которое казалось еще нѣжнѣе и миловиднѣе подъ прозрачной влагой. Покрывъ раку стеклянною крышкой съ изображеніемъ на ней, по угламъ, серебряныхъ крылатыхъ херувимовъ, Иродъ позвалъ евнуха и рабовъ и велѣлъ послѣднимъ вынести пустыя амафоры и чисто-начисто замыть всѣ слѣды меду на полу и на ракѣ. Теперь онъ распоряжался, повидимому, совсѣмъ спокойно. Постоявъ нѣсколько времени надъ ракой, онъ приказалъ Рамзесу взять у главной рабыни царицы дорогой покровъ изъ пурпурнаго виссона съ золотыми кистями и самъ покрылъ имъ раку. Затѣмъ, совершенно разбитый безсонною ночью, обезсиленный отъ душевныхъ мукъ, отъ горя и раскаянія, онъ опустился на ложе, на которомъ еще такъ недавно покоилась Маріамма, и погрузился въ глубокій сонъ. Рамзесъ, оставшійся тутъ же, долго смотрѣлъ на своего спящаго господина, лицо котораго по временамъ подергивалось судорогами, а потомъ и самъ забылся сномъ, расположившись у порога опочивальни, на полу, такъ, чтобы никто не могъ войти туда, гдѣ спалъ Иродъ.

Мгновенье, что кто-то говоритъ, старый рабъ проснулся. То говорилъ Иродъ, но, казалось, онъ говорилъ во снѣ и голосъ его былъ [illegible] глухой.

— А! Вы всѣ тутъ, всѣ... Что стоите?.. Малихъ! Ты пришелъ сказать, что отравилъ моего отца? Я самъ это знаю и за это убилъ тебя въ Тирѣ... И ты тутъ, Антигонъ? Не долго твоя голова носила пароянскую корону... На мнѣ іудейская... самъ сфинксъ въ Родосѣ надѣлъ мнѣ ее на голову... Ха-ха-ха! Старикъ безъ ушей! Бѣдный старикъ Гирканъ! Не я откусилъ тебѣ уши, а твой племянникъ, Антигонъ... А ты что пришелъ, Аристовулъ? Ты уронилъ свою душу въ воду, въ Іерихонѣ, и теперь ищешь ее? Спроси ее у аскалонскаго водолаза... А вотъ и Іосифъ, и Соемъ... Вы пришли къ Маріаммѣ? Она спитъ... Маріамма? Маріамма!—вдругъ дико закричалъ онъ и вскочилъ съ ложа

Увидѣвъ Рамзеса, Иродъ нѣсколько пришелъ въ себя.

— Ты видѣлъ ихъ?—спросилъ онъ.

— Кого, господинъ?

— Малиха, Антигона, Аристовула, Гиркана, Соема... Они приходили сюда...

— То ихъ тѣни, господинъ, приходили: ко мнѣ старая мать

часто приходитъ изъ Нубіи, а ее левъ растерзалъ, я самъ это видѣлъ тамъ, у насъ, въ далекой Нубіи.

— А Маріамма не приходила?—сказалъ Иродъ и, подойдя къ ракѣ, приподнялъ покровъ и сталъ глядѣть на мертвую.

— Господинъ! Ты бы подкрѣпилъ себя пищею, — нерѣшительно заговорилъ старый рабъ.—Ты самъ заболѣешь.

Но Иродъ ничего не отвѣчалъ и продолжалъ смотрѣть на мертвую.

Наступила ночь. Иродъ опять велѣлъ привести стараго евнуха и снова сталъ разспрашивать его о маленькой Маріаммѣ, о томъ, какъ она любила его, какъ называла «мой Иродъ», «мой Давидъ»... Потомъ начиналъ плакать, проклиналъ себя, свою жизнь...

Такъ прошло нѣсколько дней; тѣло Маріаммы все оставалось во дворцѣ безъ погребенія. Ночи особенно были ужасны, когда въ сонномъ дворцѣ раздавались рыданія безумнаго царя.

Наконецъ, однажды утромъ въ опочивальню вошла его мать, старая Кипра. Она не узнала своего сына, такъ онъ былъ страшенъ и худъ. Онъ сидѣлъ на ложѣ, опустивъ голову, теперь уже совсѣмъ сѣдую.

— Сынъ мой!—сказала Кипра, положивъ руку на голову сыну.—Ко мнѣ приходила Маріамма.

Иродъ встрепенулся и дико посмотрѣлъ на мать.

— Да, сынъ мой, она приходила ко мнѣ,—продолжала старуха.—Она говорила мнѣ: зачѣмъ твой сынъ предаетъ мученіямъ мою душу? Зачѣмъ онъ не отдаетъ землѣ того, что землѣ принадлежитъ? Я его любила...

— Она это сказала?—радостно схватилъ мать за руку безумецъ.

— Сказала, сынъ мой... Зачѣмъ же ты держишь на землѣ душу ея? Зачѣмъ она не на лонѣ Авраама?

— Такъ она сказала, что любила меня?

— Сказала, и теперь любитъ.

— Любитъ! О, Маріамма!.. Зачѣмъ же я...

Мать зажала ему ротъ рукою.—Она любитъ тебя и требуетъ погребенія. Исполни ея волю, и покой снизойдетъ на твою истерзанную душу,—закончила старая Кипра.

Только послѣ этого Иродъ согласился на преданіе землѣ тѣла несчастной жертвы своей безумной ревности *).

Фероръ, чтобы утѣшить брата, постарался сдѣлать все отъ него зависѣвшее, чтобы придать похоронамъ царицы небывалый блескъ и внушительность. Вплоть отъ дворца и храма до Дамасскихъ воротъ и оттуда до царскихъ гробницъ разставлены были войска съ опущенными въ знакъ траура знаменами. Впереди печальной процессіи шествовалъ весь синедріонъ въ печальныхъ ризахъ и священники съ зажженными свѣтильниками, блѣдный свѣтъ которыхъ при яркомъ сіяніи солнца налагалъ какой-то особенно печальный колоритъ на все шествіе. Массивный саркофагъ изъ бѣлаго мрамора, покрытый золотыми тканями, несли на своихъ плечахъ самые отборные изъ галатовъ. Самъ Иродъ, Фероръ и маленькіе царевичи слѣдовали тотчасъ за саркофагомъ верхомъ на коняхъ, покрытыхъ до самыхъ глазъ траурными попонами. За ними рабы несли на носилкахъ Кипру и Саломею. Сама Александра не участвовала въ печальной процессіи, потому что все еще находилась между жизнью и смертью. Женщины, толпившіяся на всемъ пути, оглашали воздухъ воплями, оплакивая и царицу, и своихъ близкихъ, которыхъ уносила свирѣпствовавшая въ городѣ черная эпидемія.

По возвращеніи съ похоронъ Иродъ получилъ посланіе отъ Агриппы, которымъ другъ Октавіана извѣщалъ, что они уже прибыли съ войскомъ въ Тиръ, чтобы берегомъ моря чрезъ Іудею слѣдовать въ Египетъ, и просилъ Ирода о встрѣчѣ ихъ и о заготовленіи на пути продовольствія для войскъ.

Это извѣстіе оживило угнетенный духъ Ирода. Въ немъ проснулся его военный геній, и Иродъ тотчасъ же сталъ готовиться къ походу; Ферору же приказалъ особенно озаботиться тѣмъ, чтобы римское войско по всему пути слѣдованія, вплоть до Пелузія, въ безводной пустынѣ было въ изобиліи снабжено водою и

---

*) Іосифъ Флавій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Іудейскія древности» говоритъ: — «Любовь Ирода къ Маріаммѣ была бурная, самая необыкновенная, доводившая его почти до бѣшенства; послѣ же смерти ея, какъ будто въ наказаніе за казнь, совершенную надъ ней, — страсть эта еще больше усилилась въ немъ. Тѣло Маріаммы, бальзамированное въ меду, долгое время оставалось во дворцѣ и не предавалось землѣ. Иродъ то бесѣдовалъ съ ней, стараясь увѣрить себя, что она жива, то горько оплакивалъ ее... Онъ отстранился даже отъ государственныхъ дѣлъ и всецѣло отдался своему горю; окружавшимъ его слугамъ онъ приказывалъ произносить имя Маріаммы» и т. д.

съѣстными припасами. Вся Идумея и Іудея должны были подвозить къ опредѣленнымъ почлежнымъ и остановочнымъ пунктамъ продовольствіе и воду.

— Пусть всѣ іудейскіе и идумейскіе мѣха-водоносы идутъ на службу Риму и величію Іудеи; а жены іудеевъ и идумеевъ,— выразился при этомъ Иродъ,—пусть носятъ своимъ мужьямъ и дѣтямъ воду, у кого нѣтъ глиняныхъ водоносовъ, хотя во рту, подобно голубямъ и горлепкамъ.

Октавіана Иродъ настигъ уже около Птоломаиды. Юный сфинксъ и Агриппа встрѣтили его вполнѣ дружески, какъ равнаго себѣ союзника.

— Ты такъ измѣнился,—съ участіемъ замѣтилъ Октавіанъ, вглядываясь въ осунувшееся и постарѣвшее лицо Ирода и поражаясь его сѣдиной.

— Я потерялъ мать моихъ дѣтей,—коротко отвѣчалъ Иродъ.

Всѣ они трое сдѣлали смотръ войскамъ, причемъ Иродъ ѣхалъ рядомъ съ Октавіаномъ, а послѣ смотра Иродъ уготовилъ блестящій пиръ Октавіану, Агриппѣ и всѣмъ римскимъ военачальникамъ, а также задалъ обѣдъ и всему войску.

Антонія и Клеопатры они уже не застали въ живыхъ. Первый самъ закололъ себя мечемъ, узнавъ, что Клеопатра измѣнила ему, сдавъ Октавіану Пелузій, въ надеждѣ опутать своими чарами и юнаго сфинкса, какъ она когда-то опутала ими его дѣда, великаго Цезаря, а потомъ и Антонія. Но, узнавъ, что Октавіанъ намѣренъ увести ее плѣнницей въ Римъ и красотой ея украсить свой тріумфъ, послѣдній фараонъ-женщина бѣжала было со всѣми своими сокровищами въ склепъ своей, еще не достроенной, пирамиды *), къ западу отъ храма Озириса, въ которомъ она въ присутствіи Цезаря и Ирода вѣнчалась на царство, но потомъ припустила къ своей груди гидру и закончила собою всѣ тридцать три династіи фараоновъ, царствовавшія надъ этою удивительною страной около 4,500 лѣтъ!..

Царство фараоновъ было погребено навѣки... Погребали его первый римскій императоръ Октавіанъ-Августъ, и послѣд-

*) Каждый фараонъ, вступая на престолъ, тотчасъ же приказывалъ сооружать себѣ пирамиду — будущую гробницу, которая и строилась всю жизнь, а кончалась съ его смертью. Чѣмъ продолжительнѣе царствованіе, тѣмъ огромнѣе пирамида (самая большая изъ уцѣлѣвшихъ — пирамида Хеопса). Пирамида Клеопатры была не окончена, и время стерло ее съ лица земли.

ній царь независимой Іудеи—Иродъ Великій, которому исторія забыла придать болѣе полный эпитетъ — Великій злодѣй.

XXI.

Простившись съ Октавіаномъ и Агриппой, Иродъ возвратился въ Іерусалимъ въ апогеѣ величія и славы. Для Іудеи онъ пріобрѣлъ цѣлую приморскую полосу съ городами Газой, Іоппіей и Стратоновой Башней, было чѣмъ гордиться! Вѣдь, такимъ образомъ, онъ возстановилъ Іудею въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она существовала въ періодъ величайшей своей славы при Маккавеяхъ, до начала братоубійственной войны! Кромѣ своего войска и своей свиты изъ галатовъ, его сопровождала теперь египетская свита, свита погребенныхъ имъ фараоновъ: это придворная стража Клеопатры, состоявшая изъ 400 галатовъ, которую подарилъ ему Октавіанъ.

Но въ Іерусалимѣ его уже не ожидалъ поцѣлуй Маріаммы, ни даже ея чудный, холодный взглядъ. Имъ опять овладѣло мрачное расположеніе духа. Тоска день и ночь не покидала его, только ночная безсонница нарушалась появленіемъ призраковъ: Малиха, Антигона, Гиркана, Аристовула, Іосифа, Соема и, въ довершеніе мученій, призракъ Маріаммы, которая шептала въ ночной тишинѣ: «Иродъ! За что ты убилъ меня?».

Дѣтей онъ не могъ видѣть и скоро отправилъ ихъ въ Римъ въ сопровожденіи особой свиты и рабовъ для изученія римской и греческой мудрости, краснорѣчія и военнаго искусства... только бы не видѣть въ малюткахъ укоровъ совѣсти.

И дворецъ съ ночными видѣніями, и самый Іерусалимъ стали ему невыносимыми! И какъ травленный звѣрь, онъ удалился въ пустыню.

Но злодѣянія не оставляютъ безъ наказанія и самихъ злодѣевъ, въ пустынѣ Иродъ впалъ въ мучительную болѣзнь. Искусство всѣхъ врачей и іудейскихъ, и греческихъ, и римскихъ оказалось безсильно противъ страшнаго недуга и физическаго, и душевнаго. Онъ бредилъ дѣтьми, погибающими далеко отъ родины въ бурномъ морѣ, бредилъ Маріаммой, которая звала его къ себѣ въ гробницу, бредилъ тѣнями убитыхъ...

— Кровь, кровь, кровь! И все это изъ-за короны!.. О, про-

клятіе этому золотому обручу!.. Онъ давитъ мнѣ мозгъ... Снимите его!

И врачи оставили его на произволъ судьбы. Но сильный организмъ осилилъ пожиравшій его недугъ. Иродъ выздоровѣлъ.

Боясь снова впасть въ тоску и убѣдившись, что бурный періодъ войнъ и кровопролитій, которыми питался его мятежный духъ, кончился, Иродъ со всею пылкостью своего идумейскаго знойнаго темперамента бросился въ другую крайность, въ пересозданіе Іудеи, въ ломку всего стараго, традиціоннаго.

Прежде всего онъ приступилъ къ разрушенію іерусалимскаго храма. Іудеи пришли въ ужасъ. Разрушать ихъ вѣковую святыню!

— Я разрушу храмъ и на мѣстѣ его воздвигну новый, который затмитъ славу храмовъ Зоровавеля и Соломона,—говорилъ онъ престарѣлому Семаіѣ, президенту синедріона.

И онъ исполнилъ, что обѣщалъ. Тотчасъ же согнано было болѣе тысячи подводъ для возки камня. Нанято было десять тысячъ мастеровъ и каменьщиковъ. Священники, и тѣ должны были сдѣлаться мастерами и строителями. Работа закипѣла. Возились каменныя плиты въ 5½ саженъ длины, 2½ ширины и полторы толщины! Такихъ страшныхъ камней нѣтъ даже въ плитахъ пирамидъ Хеопса и Хефрена! Это работа гигантовъ!.. Стѣны, башни, галлереи, колоннады,—все это гигантское. Однѣхъ колоннъ 162. Высота каждой четыре сажени, а толщина три обхвата.

Въ восемь лѣтъ удивительный храмъ былъ готовъ. Окружность его 352 сажени, а высота святилища 27.

Вмѣстѣ съ храмомъ Иродъ перестроилъ и Стратонову Башню, гдѣ онъ, въ темномъ проходѣ, убилъ аскалонскаго водолаза. Теперь эта башня превратилась въ цѣлый дворецъ съ цитаделью, соединенною посредствомъ тайнаго подземнаго хода съ восточными воротами храма: тайный ходъ—это для бѣгства на случай возстанія. Башню эту Иродъ назвалъ Антоніей, въ память недавно погибшаго друга Клеопатры, бывшаго дуумвира Марка Антонія, которому Иродъ все-таки былъ не мало обязанъ, онъ не забылъ ни добраго слова Антонія въ сенатѣ послѣ рѣчи Мессалы, ни великодушнаго пріема въ Тарсѣ.

Въ верхнемъ городѣ Иродъ воздвигъ себѣ новый великолѣп-

ный дворецъ, лишь бы не жить въ старомъ, гдѣ по ночамъ навѣщали его призраки.

Въ честь могущественныхъ друзей своихъ, Цезаря, Октавіана Августа и Агриппы, онъ соорудилъ дивныя зданія, превышавшія великолѣпіемъ самый храмъ, и назвалъ ихъ Цезаріономъ и Агриппіономъ.

Но не одними только единичными зданіями, по словамъ Іосифа Флавія, онъ запечатлѣлъ ихъ память и имена: онъ шелъ еще дальше и строилъ въ честь ихъ цѣлые города. Въ странѣ самарянъ онъ построилъ городъ, который обвелъ очень красивой стѣной, имѣвшей до двадцати стадій въ окружности, поселилъ въ немъ 6,000 жителей, надѣлилъ послѣднихъ самой плодородной землей, выстроилъ въ центрѣ новаго города храмъ въ честь Октавіана, обсадилъ его рощей на протяженіи трехъ съ половиною стадій и назвалъ этотъ городъ Севастой, то же, что Августа, только по-гречески. И все это дѣлалось съ лукавымъ умысломъ: льстя этимъ Августу Октавіану, онъ сооружаетъ для себя убѣжище отъ гнѣва іудеевъ, ибо Севасту онъ воздвигъ на мѣстѣ бывшей Самаріи, которая искони была гнѣвомъ злыхъ шершней Іудеи ненавистныхъ ей мамарянъ или хуттеянъ, и которую разрушилъ и срылъ до основанія Гирканъ I.

Но и на этомъ не остановилась лесть Ирода своему римскому идолу съ глазами сфинкса, ставшему для него божествомъ вмѣсто Іеговы, у истоковъ Іордана, гдѣ изъ глубочайшей пещеры ниспадаютъ каскадами ключи, онъ выстроилъ Августу, храмъ изъ бѣлаго мрамора, въ подражаніе храмамъ боговъ въ Римѣ, которыми бывало Иродъ еще юношей восхищался, когда учился у Цицерона краснорѣчію.

И въ Іерихонѣ онъ воздвигъ новое величественное зданіе недалеко отъ дворца, гдѣ онъ утопилъ Аристовула, и зданіе это также назвалъ Цезареей, въ честь Цезаря Августа. Словомъ,— говоритъ Іосифъ Флавій,—не было во всемъ государствѣ ни одного подходящаго мѣста, которое бы онъ оставилъ безъ памятника и храма все въ честь такого же своего сфинксоподобнаго божества.

Но монументальнѣе всего было сооруженіе приморской Цезареи—гавани и порта, превышавшихъ своею капитальностью и удобствами всѣ порты и гавани древняго міра.

Замѣтивъ, — говоритъ Іосифъ Флавій, — что Стратонова

Башня, городъ въ прибрежной полосѣ, клонится къ упадку, Иродъ, въ виду плодородной мѣстности, въ которой она была расположена, удѣлилъ ей особенное вниманіе. Онъ заново построилъ этотъ городъ изъ бѣлаго камня и украсилъ его пышными дворцами. Здѣсь въ особенности онъ проявилъ свою врожденную склонность къ великимъ предпріятіямъ. Между Дорой и Іоппіей, на одинаковомъ разстояніи отъ которыхъ лежалъ въ серединѣ названный городъ, на всемъ протяженіи этого берега не было гавани. Плаваніе вдоль Финикійскаго берега въ Египетъ совершалось, по необходимости, въ открытомъ морѣ въ виду опасности, грозившей кораблямъ со стороны сирійской-палестинскаго побережья: самый легкій вѣтеръ подымалъ въ прибрежныхъ скалахъ сильнѣйшее волненіе, которое распространялось на далекое разстояніе отъ берега. Но честолюбіе Ирода не знало препятствій. онъ побѣдилъ природу, создалъ гавань большую, чѣмъ аонискій Пирей и превосходившую его многочисленностью и обширностью якорныхъ мѣстъ. Мѣстность ни въ какомъ случаѣ не благопріятствовала задуманному грандіозному замыслу; но именно препятствія и возбуждали рвеніе Ирода; это былъ духъ мятежный, искавшій борьбы съ природой, какъ онъ боролся съ ночными призраками загубленныхъ имъ жертвъ, начиная отъ Малиха и кончая Маріаммой и Клеопатрой. Онъ рѣшилъ воздвигнуть сооруженіе, которое по своему могуществу могло противостоять свирѣпости моря и которое своей красотой (о, красота!) не давало бы возможности даже подозрѣвать перенесенныхъ для нея трудностей. Прежде всего Иродъ приказалъ измѣрить пространство, назначенное для гавани. Затѣмъ онъ велѣлъ погружать въ море, на глубину двадцати саженъ, камни, большая часть которыхъ имѣла пятьдесятъ футовъ длины, девять футовъ высоты и десять ширины, а другіе достигали еще большихъ размѣровъ. Послѣ того какъ глубина была заполнена, выведена была надводная часть мола шириною въ двѣсти футовъ, на сто футовъ ширины молъ былъ выдвинутъ въ море для сопротивленія волнамъ, это и былъ волноломъ; другая же часть въ сто футовъ ширины служила основаніемъ для каменной стѣны, окружавшей самую гавань. На этой стѣнѣ выведены были высочайшія башни и свѣтоносный маякъ, названный Друзіономъ, въ честь пасынка императора—Друза... Лесть и лесть безъ конца!

Тутъ же онъ построилъ массу помѣщеній для складки прибы-

вавшихъ на корабляхъ грузовъ. Кругообразная противъ нихъ обширная площадь доставляла просторъ для гулянья прибывавшимъ въ городъ мореплавателямъ. У входа въ гавань Иродъ поставилъ три колоссальныя статуи, подпираемыя колоннами. Всѣ зданія—изъ бѣлаго камня, издали казавшіяся чѣмъ-то волшебнымъ. Подъ всѣми городскими улицами были проведены продольные и поперечные подземные каналы до самаго моря такъ, что по однимъ дождевая вода выгонялась бы въ море, а по другимъ—напирала бы морская вода и очищала каналы. Противъ гавани, на возвышеніи—дивный по величинѣ и красотѣ храмъ Продова божества, живого сфинкса Августа, а въ храмѣ—его колоссальная статуя, не уступавшая Юпитеру олимпійскому, а другая—статуя Рима, образецъ Аргосской Юноны... Въ Юнонѣ Иродъ возсоздалъ свою Маріамму, свою любовь и Немезиду.

Затѣмъ, театръ, амфитеатръ—великолѣпныя зданія, напоминавшія Римъ, его величіе, его сфинкса! Въ честь этого сфинкса-бога—пятилѣтнія состязанія въ циркѣ... Какая роскошь! Какіе богатые призы, отъ которыхъ стонала Іудея. Иродъ, какъ вампиръ, высасывалъ ея кровь, которая вытекала изъ Іудеи золотыми рѣками.

Иродъ не забылъ и Агриппы. Онъ возобновилъ разрушенный во время войнъ приморскій городъ Аноеднпъ и назвалъ его Агриппіадой, а на воротахъ возведеннаго имъ въ Іерусалимѣ храма вырѣзалъ имя Агриппы.

Не забылъ Иродъ и своихъ родныхъ. Въ прелестной долинѣ Сарона онъ воздвигъ новый городъ въ память своего отца, Антипатра, и назвалъ его Антипатридой. Матери своей Кипрѣ онъ возвелъ надъ Іерихономъ сильную крѣпость и назвалъ ее Кипрой. Брату Фазаелю, разбившему свой черепъ о скалу, онъ построилъ городъ Фазаелиду.

Не забылъ и себя честолюбивый Иродъ. На горѣ, противъ Аравіи, онъ построилъ крѣпость Иродіонъ. Соорудилъ онъ и другой Иродіонъ, чудо красоты и искусства. На томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то, убѣгая отъ Антигона и пароянъ, онъ разбилъ преслѣдовавшихъ его іудеевъ, Иродъ велѣлъ насыпать исполинскій холмъ, верхнюю часть котораго обвелъ высокими круглыми башнями, а образуемую ими площадь застроилъ дворцами рѣдкаго великолѣпія. Къ нимъ вели отъ подошвы холма двѣсти ослѣпительно-

бѣлыхъ мраморныхъ ступеней, а вода поднималась акведуками изъ отдаленныхъ мѣстъ.

И чего все это стоило!.. Только іудеи, которымъ Іегова обѣщалъ, что они «съѣдятъ богатства всего міра», могли затопить своимъ золотомъ всѣ эти затѣи тирана Обѣтованной земли...

«Послѣ всѣхъ этихъ многочисленныхъ сооруженій,—говоритъ тотъ же іудейскій историкъ, почти современникъ Ирода,—Иродъ началъ простирать свою царскую щедрость также и на города, не принадлежавшіе его царству. Въ Триполисѣ, Дамаскѣ и Птоломандѣ онъ устроилъ гимназіи для ристалищъ; Библосъ получилъ отъ него свои стѣны; Беритъ и Тиръ — колоннады, галлереи, храмы и рынки; Сидонъ и Дамаскъ—театры, морской городъ Лаодикея—водопроводъ, Аскалонъ—прекрасныя купальни, колодцы и коллонады, возбуждавшіе удивленіе своей громадностью и отдѣлкой; другимъ онъ дарилъ священныя рощи и луга. Многіе города получили отъ него даже поля и нивы, какъ будто они принадлежали къ его царству. Въ пользу гимназій иныхъ городовъ онъ отпускалъ годовыя или постоянныя суммы для состязаній и призовъ на вѣчныя времена. Нуждающимся онъ раздавалъ хлѣбъ. Родосцамъ онъ неоднократно и при различныхъ обстоятельствахъ давалъ деньги на вооруженіе ихъ флота. Сгорѣвшій храмъ Пиѳіи онъ еще роскошнѣе отстроилъ на собственныя средства. Должно-ли еще упоминать о подаркахъ, сдѣланныхъ имъ ликійцамъ и самосцамъ, или о той расточительной щедрости, съ которой онъ удовлетворялъ самыя разнообразныя нужды всей Іоніи? Развѣ Аѳины и Лакедемонія, Никополисъ и мизійскій Пергамъ не переполнены дарами Ирода? Не онъ ли вымостилъ въ сирійской Антіохіи болотистую улицу, длиной въ 20 стадій, гладкимъ мраморомъ, украсивъ ее для защиты отъ дождей столь же длинной колоннадой?

«Можно, однако, возразить, — продолжаетъ тотъ же историкъ,—что всѣ эти дары имѣли значеніе лишь для тѣхъ народовъ, которые ими воспользовались. Но то, что онъ сдѣлалъ для жителей Эллады, было благодѣяніемъ не для одной Греціи, а для всего міра, куда только проникала слава олимпійскихъ игръ. Когда онъ увидѣлъ, что эти игры, вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, пришли въ упадокъ, и вмѣстѣ съ ними исчезалъ послѣдній памятникъ древней Эллады, Иродъ въ годъ олимпіады, съ которымъ совпала его вторичная поѣздка въ Римъ, самъ выступилъ

судьей на играхъ и указалъ для нихъ источники дохода на будущія времена, чѣмъ и увѣковѣчилъ свою память какъ судьи на состязаніяхъ. Я никогда не приду къ концу, если захочу разсказать о всѣхъ случаяхъ сложенія имъ долговъ и податей. Въ большинствѣ случаевъ его щедрость не допускала даже подозрѣнія въ томъ, что, оказывая чужимъ городамъ больше благодѣяній, чѣмъ ихъ собственные властители, онъ преслѣдуетъ этимъ какія-либо заднія цѣли»..

Ихъ-то онъ и преслѣдовалъ: цѣли эти—необузданное тщеславіе, какъ все въ этомъ выродкѣ человѣчества было необузданно... Любовь, ревность, злоба, мстительность, кровожадность, властолюбіе, темпераментъ, кровь, духъ, воображеніе—все необузданно и чудовищно.

— Не царя мы имѣли въ Иродѣ, а лютѣйшаго тирана,—говорили послѣ его смерти іудейскіе делегаты тому же самому божеству его, Августу—какой когда-либо сидѣлъ на тронѣ. Онъ убилъ безчисленное множество гражданъ; но участь тѣхъ, которыхъ онъ щадилъ, была такова, что они завидовали умершимъ, такъ какъ онъ подвергалъ пыткамъ своихъ подданныхъ не только поодиночкѣ, но мучилъ цѣлые города. Иностранные города онъ разукрашивалъ, а свои собственные разорялъ. Чужимъ народамъ онъ расточалъ дары, къ которымъ прилипла кровь іудеевъ... Вообще, мы терпѣли отъ Ирода больше гнета, чѣмъ наши предки за всѣ вѣка, начиная отъ египетскаго ига и кончая вавилонскимъ плѣненіемъ.

XXII.

Немезида, однако, не дремала.

Въ то время, когда Иродъ, высасывая кровь іудеевъ, сооружалъ новые города, храмы, дворцы, театры, амфитеатры, гимназіи, воздвигалъ статуи чуждымъ богамъ и людямъ, осыпалъ благодѣяніями чужія страны, забывая Іудею, въ это время сыновья его отъ Маріаммы, Александръ и Аристовулъ, учились въ Римѣ, рѣдко получая вѣсти съ далекой родины. Но они знали, что послѣ погребенія ихъ матери, тѣло которой они сами сопровождали къ царскимъ усыпальницамъ, Иродъ снова приблизилъ къ себѣ свою первую жену, Дориду, бывшую въ изгнаніи послѣ женитьбы его на Маріаммѣ, и сына Дориды, Антипатра, который также нахо-

дился въ ссылкѣ и только въ большіе праздники могъ являться въ Іерусалимъ. Юноши, подростая и развиваясь, крѣпли въ убѣжденіи, что ихъ кроткая мать погибла отъ руки ихъ отца. Въ Римѣ же они получили извѣстіе, что обожавшая ихъ бабушка, дочь первосвященника Гиркана, также была вскорѣ убита по повелѣнію Ирода. Недоброе чувство по отношенію къ отцу зрѣло въ душѣ юношей. Недоброму чувству этому помогала развиваться и тоска по родинѣ. Болѣе десяти лѣтъ уже они томились въ Римѣ какъ заложники, и хотя Августъ, уже императоръ, и Агриппа ласкали молодыхъ людей, слѣдили за ихъ успѣхами въ наукахъ, за развитіемъ ихъ крупнаго ораторскаго дарованія, однако, не могли не чувствовать, что они какъ будто брошены и забыты отцомъ, безумно гонявшимся только за эфемерной славой.

— Брошенныя Иродомъ дѣти, послѣдняя отрасль Маккавеевъ!—слышали они иногда, какъ шептались между собою ихъ соотечественники-іудеи, поселившіеся въ Римѣ еще со времени Помпея, и горестно покачивали головами, тихонько указывая на прекрасныхъ юношей.

Нерѣдко, любуясь съ высотъ Капитолія величественною картиною разстилавшагося передъ ихъ глазами Рима съ его шумнымъ форумомъ, храмами, колонадами, статуями, цирками, они вспоминали свой далекій Іерусалимъ съ его храмомъ, съ скромнымъ Кедронскимъ потокомъ, не похожимъ на мутный и бурливый Тибръ; съ милою Елеонскою горою, съ его пальмами и сѣдыми оливковыми деревьями Геѳсиманскаго сада. На душѣ у нихъ становилось холодно при этомъ невольномъ сравненіи, и имъ вспоминался Югурта, послѣ своей знойной Нумидіи, томившійся въ холодомъ Римѣ.

— Когда же мы снова увидимъ наше родное небо, наше знойное солнце, пальмы Іерихона, веселыя струи Іордана, мрачныя воды Мертваго моря?—говорили они нерѣдко.

Но наконецъ, Иродъ вспомнилъ и о нихъ. Однако, не отцовская нѣжность заставила его вспомнить о дѣтяхъ, а только ненасытное честолюбіе. Ему хотѣлось породниться съ древнимъ царскимъ родомъ, и родство съ царями Каппадокіи казалось ему очень лестнымъ. Онъ зналъ, что у Архелая, каппадокійскаго царя, есть молоденькая дочь замѣчательной красоты, пятнадцатилѣтняя Глафира, которую Иродъ видѣлъ еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой и былъ пораженъ ея бойкостью. Семи лѣтъ Гла-

фирѣ случилось быть въ Іерусалимѣ съ отцомъ, куда Архелай пріѣзжалъ, чтобы взглянуть на новое «чудо свѣта» на іерусалимскій храмъ Ирода, храмъ, о которомъ молва облетѣла весь міръ.

— Когда я буду большая, то выстрою еще лучшій храмъ Юпитеру,—сказала дѣвочка по осмотрѣ іерусалимскаго храма.

— Вотъ какъ!—улыбнулся Иродъ. — Гдѣ-жъ ты его построишь?

— На Элеузѣ, гдѣ мой прадѣдъ приносилъ жертву Арессу послѣ побѣды надъ другимъ моимъ прадѣдомъ,—бойко отвѣчала дѣвочка.

— Твой прадѣдъ побѣдилъ твоего же прадѣда? Вотъ чудеса!—засмѣялся Иродъ.—Какъ же это случилось.

— А ты развѣ не знаешь, кто были мои прадѣды?—гордо спросила дѣвочка.

— Не знаю, милая: твой отецъ, я знаю, ведетъ свой родъ отъ Темена, родоначальника македонскихъ царей; но кто былъ твой прадѣдъ, побѣдившій самого себя, мнѣ неизвѣстно.

— Самого себя!—обидчиво, надувъ губки, проговорила дѣвочка.—Не самого себя, а Дарія Кодомана, персидскаго царя.

— А! Виноватъ, виноватъ! Я не сообразилъ, — сказалъ Иродъ, стараясь скрыть улыбку.—Твой прадѣдъ... Александръ Великій, побѣдившій Дарія Кодомана при Иссѣ. А гдѣ же другой прадѣдъ?

— Дарій!—гордо отвѣчала дѣвочка, — Александръ Великій—мой прадѣдъ по отцу, а Дарій—по матери.

Теперь этой бойкой дѣвочкѣ уже было пятнадцать лѣтъ, и Иродъ вздумалъ женить на ней своего сына, Александра. Для того теперь, снесшись предварительно съ Архелаемъ, онъ велѣлъ своимъ сыновьямъ на возвратномъ пути изъ Рима въ Іерусалимъ заѣхать непремѣнно на островъ Элеузу, вблизи береговъ Киликіи, и посѣтить тамъ его друга, царя Архелая. Молодые люди такъ и сдѣлали. Лоскъ римскаго образованія, изящество столичнаго обращенія... «urbanitas», красота и краснорѣчіе сыновей Ирода не только очаровали Архелая и его дворъ, но вскружили и своевольную головку хорошенькой Глафиры, которая, однажды, любуясь съ берега моря заходящимъ солнцемъ, нечаянно очутилась въ объятіяхъ Александра. Скоро Гименей соединилъ ихъ узами брака, и Глафира увидала себя вновь въ Іерусалимѣ, во дворцѣ Ирода.

Но женщины—всегда женщины, особенно неразвитыя. Хорошенькая Глафира, едва вступила во дворецъ, тотчасъ же повела себя высокомѣрно, какъ дочь царя и правнучка двухъ знаменитыхъ царей. Другія женщины были этимъ задѣты за живое, особенно же старая интриганка Саломея, которая окончательно изозлилась еще и потому, что осталась вдовой, а таинственный «сынъ Петры» не являлся. Чтобы усмирить Саломею, Иродъ и женилъ своего младшаго сына Аристовула на дочери Саломеи—Вероникѣ. Но и это не умиротворило женщинъ, тѣмъ болѣе, что въ распри вмѣшалась третья женщина—Дорида, сама царица, самолюбіе которой было жестоко оскорблено.

— Я не знала,—говорила тщеславная Глафира,—что правнучка Александра Великаго попадетъ въ такую семью.

— Въ какую?—спросилъ ея мужъ.

— Какъ! Я думала, выходя за тебя замужъ, что буду окружена равными мнѣ женщинами, и вдругъ одна простая арабка, другая дочь арабки, третья внучка арабки!—высокомѣрно отвѣчала Глафира.

Намеки тщеславной Глафиры были ясны: арабка—это мать Ирода и бабушка ея мужа; дочь арабки—это Саломея, а внучка арабки—Вероника, дочь Саломеи, жена Аристовула.

Но такъ какъ у Ирода, въ его дворцѣ, и стѣны имѣли уши, то шпіоны все это переносили или самому царю, или Антипатру, или, наконецъ, Доридѣ, которая заняла во дворцѣ бывшіе покои Маріаммы.

Съ другой стороны, и Александръ, и Аристовулъ видя, что Антипатръ лестью и наушничествомъ совершенно забралъ въ руки отца, негодовали на все, неосторожно высказываясь объ отцѣ, какъ объ убійцѣ ихъ матери.

— Женщинѣ, которой приличнѣе было бы козъ пасти на Елеонской горѣ, отдали покои твоей матери,— говорила между тѣмъ Глафира своему мужу.

Александръ, конечно, негодовалъ; но что онъ могъ сдѣлать, когда Антипатръ день ото дня становился все сильнѣе? Иродъ не могъ не догадываться, что дѣти Маріаммы разгадали его кровавую тайну. Это онъ видѣлъ въ глазахъ, которые говорили лучше словъ. Это же говорили ему частыя посѣщенія ими гробницъ матери и бабушки. Самъ по природѣ лукавый и мстительный, онъ боялся, что и дѣти будутъ мстить ему за смерть матери. Онъ

самъ такъ поступилъ бы на ихъ мѣстѣ. Онасеніе это перешло въ увѣренность, когда клевреты Антипатра намекнули ему, что Александръ, подстрекаемый «правнучкою Дарія» и при содѣйствіи ея отца, готовится тайно бѣжать въ Римъ и обвинить отца въ злодѣяніяхъ, въ убійствѣ ихъ матери, бабушки и всѣхъ родныхъ, начиная отъ Антигона и Гиркана и кончая юнымъ первосвященникомъ Аристовуломъ, утопленнымъ въ Іерихонскомъ бассейнѣ.

Тутъ уже въ Иродѣ проснулся его злой духъ. Прежде онъ могъ бы, не задумываясь, казнить или лично убить Александра; но теперь онъ зналъ, что этотъ Александръ—любимецъ Августа и Агриппы. Пусть онъ его судитъ и казнитъ.

И Иродъ немедленно рѣшился отправиться въ Римъ и вести съ собою на судъ преступнаго сына.

И вотъ они переплыли бурныя моря и явились въ Римъ, гдѣ и того, и другого ждали такія разнородныя воспоминанія. Иродъ вспомнилъ свою далекую молодость, своего давно погибшаго учителя, Цицерона... Давно уже вѣтеръ разнесъ пепелъ отъ его умной головы, отъ его краснорѣчиваго языка, такъ постыдно исколотаго булавками злобной Фульвіи... А послѣднее его пребываніе въ Римѣ, когда онъ чуть не въ рубищѣ нищаго стоялъ въ сенатѣ, у трибуны Мессалы и ждалъ своей судьбы... Теперь судьба—его союзница, союзница его злодѣяній... Но тутъ же и Немезида—его сынъ...

А сынъ вспомнилъ свое недалекое прошлое... Но и вспоминать некогда... Онъ долженъ предстать на судъ сената и императора. И онъ предсталъ...

Онъ видитъ полное собраніе сенаторовъ. Онъ видитъ статую Помпея, къ подножью которой упалъ когда-то мертвый Цезарь, пораженный Брутомъ... Голова его точно въ туманѣ... Онъ слышитъ страстную рѣчь отца, который обвиняетъ его въ несовершенныхъ имъ преступленіяхъ, слышитъ ненавистное имя Антипатра...

Въ сенатѣ мертвая тишина. Это говоритъ уже онъ, Александръ. Онъ, кажется, самъ не помнитъ, что говоритъ, но точно сквозь туманъ видитъ, какъ холодныя лица сенаторовъ проясняются, какъ одобрительно ласково смотритъ на него самъ императоръ...

— Какое дивное краснорѣчіе!—доносится до него чей-то сдержанный шепотъ изъ рядовъ сенаторовъ.

— Это юный Цицеронъ,—подтверждаетъ кто-то. — Жаль, что онъ потерянъ для Рима.

Голосъ молодого оратора обрывается отъ накипѣвшихъ слезъ... Онъ вспоминаетъ мать... Ужъ лучше умереть!..

— Пусть отецъ,—съ рыданіемъ заключилъ онъ,—казнитъ своихъ дѣтей, если онъ того желаетъ, но пусть не взводитъ на нихъ тяжкихъ обвиненій... Мы готовы умереть!

Что это? Онъ видитъ, что на глазахъ нѣкоторыхъ сенаторовъ слезы... Императоръ, взволнованный и блѣдный, встаетъ и какъ бы протягиваетъ руки къ молодому оратору...

— Потерять такого сына! Гордость отца! — взволнованно говоритъ онъ и обнимаетъ Александра.

— Отецъ!—обращается онъ затѣмъ къ Ироду.—Ты хочешь лишиться такого сына?

— О, императоръ! Я самъ не зналъ его!—могъ только проговорить Иродъ.

И Александръ въ его объятіяхъ... Они оба плачутъ... Вѣдь, это сынъ Маріаммы! О, незабвенная тѣнь!

Отецъ и сынъ, примиренные, возвращаются въ Іерусалимъ, и Иродъ тотчасъ же созываетъ народное собраніе. Когда ему доложили, что синедріонъ и народъ ждутъ его, онъ вышелъ, облаченный въ порфиру, и вывелъ всѣхъ своихъ сыновей—Антипатра, Александра и Аристовула. За ними выступили жены царской семьи—мать Ирода, дряхлая уже Кипра, которую поддерживала Саломея, за ними хорошенькая Глафира, жена Александра, Дорида, жена Ирода, выступившая нѣсколько въ сторонѣ, и, наконецъ, совсѣмъ почти ребенокъ—Вероника, дочь Саломеи и жена Аристовула.

Народъ угрюмо ждалъ слова. Иродъ началъ. Онъ сказалъ о своей поѣздкѣ въ Римъ, и, поблагодаривъ Бога и императора за возстановленіе согласія въ его семьѣ, продолжалъ:

— Это согласіе я желаю укрѣпить ее больше. Императоръ предоставилъ мнѣ полную власть въ государствѣ и выборъ преемника. Стремясь теперь, безъ ущерба для моихъ интересовъ, дѣйствовать въ духѣ его начертаній, я назначаю царями этихъ трехъ сыновей моихъ (онъ указалъ на нихъ) и молю прежде Бога, а затѣмъ васъ присоединиться къ этому рѣшенію. Одному стар-

шинство, другимъ высокое происхожденіе даютъ право на престолонаслѣдіе.

При словахъ «высокое происхожденіе» Глафира съ ужимкою хорошенькаго котенка взглянула на Саломею, которая злобно сверкнула глазами.

— Императоръ помирилъ ихъ—продолжалъ Иродъ—отецъ вводитъ ихъ во власть. Примите же этихъ моихъ сыновей, даруйте каждому изъ нихъ, какъ повелѣваетъ долгъ и обычай, должное уваженіе по старшинству, такъ какъ торжество того, который почитается выше своихъ лѣтъ, не можетъ быть такъ велико, какъ скорбь другого, возрастомъ котораго пренебрегаютъ.

Глафира и Саломея опять переглянулась—послѣдняя торжествующе злорадно.

— Кто бы изъ родственниковъ и друзей ни состоялъ въ свитѣ каждаго изъ нихъ—продолжалъ Иродъ—я обѣщаю всѣхъ утвердить въ ихъ должностяхъ, но они должны ручаться мнѣ за сохраненіе солидарности между ними, такъ какъ я слишкомъ хорошо знаю, что ссоры и дрязги происходятъ отъ злонамѣренности окружающихъ; когда же послѣдніе дѣйствуютъ честно, тогда они сохранятъ любовь. При этомъ я объявляю мою волю, чтобы не только мои сыновья, но и начальники моего войска пока еще повиновались исключительно мнѣ, потому что не царство, а только честь царства передаю моимъ сыновьямъ: они будутъ наслаждаться положеніемъ царей, но тяжесть государственныхъ дѣлъ будетъ лежать на мнѣ, хотя я и не охотно ношу ее. Пусть каждый подумаетъ о моихъ годахъ, моемъ образѣ жизни и благочестіи. Я еще не такъ старъ, чтобы на меня уже можно было махнуть рукой, не предаюсь я роскоши, которая губитъ и молодыхъ людей, а божество я всегда такъ чтилъ, что могу надѣяться на самую долговѣчную жизнь. Кто съ мыслію о моей смерти будетъ льстить моимъ сыновьямъ, тотъ въ интересахъ послѣднихъ же будетъ наказанъ мною. Вѣдь, не изъ зависти къ нимъ, выхоленнымъ мною, я урѣзываю у нихъ излишнія почести, а потому что я знаю, что лесть дѣлаетъ молодыхъ людей надменными и самоувѣренными. Если, поэтому, каждый изъ ихъ окружающихъ будетъ знать, что за честное служеніе онъ получитъ мою личную благодарность, а за сѣяніе раздора онъ не будетъ вознагражденъ даже тѣмъ, къ кому будетъ отнесена его лесть, тогда, я надѣюсь, всѣ будутъ стремиться къ одной цѣли со

мной, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и есть цѣль моихъ сыновей. И для нихъ самихъ полезно, чтобы я остался ихъ владыкой и въ добромъ согласіи съ ними. Вы же, мои добрыя дѣти (Иродъ обратился къ сыновьямъ), помните прежде всего священный союзъ природы, сохраняющій любовь даже у животныхъ. Помните затѣмъ императора, зиждителя нашего мира, и, наконецъ, меня, вашего родителя, который проситъ васъ: тамъ, гдѣ онъ можетъ приказывать, оставайтесь братьями! Я даю вамъ царскія порфиры и царское содержаніе и взываю къ Богу, чтобы онъ охранялъ мое рѣшеніе до тѣхъ поръ, пока вы сохраните согласіе между собою.

Слушая сына, старая Кипра плакала слезами умиленія; младшія же женщины недовѣрчиво улыбались, и только юная Вероника, совсѣмъ еще ребенокъ, хотя уже мать, въ невинности души вѣрила искренности дядюшки.

Кончивъ рѣчь, Иродъ обнялъ сыновей и распустилъ собраніе.

XXIII.

Но примиреніе семейства Ирода было только кажущееся. Женщины продолжали вести между собою словесную войну: уколы, намеки, презрительныя движенія, многозначущіе взгляды, пожиманье плечами, улыбки, все пускалось въ ходъ и, доходя до мужей, озлобляло и ихъ. Рабыни усердно помогали госпожамъ и раздували огонь своими сплетнями.

— Вонъ царь даритъ своей старухѣ Доридѣ и молоденькимъ наложницамъ царскія одежды Маріаммы, — говорила рабыня Глафиры рабынѣ Саломеи,—а вотъ скоро надѣнутъ на нихъ власяницы и заставятъ ткать верблюжью шерсть.

— Не дождетесь вы этого!—сердилась рабыня Саломеи,— скорѣй вашу гречанку Глафиру пошлютъ мыть овецъ въ Овчей купели или полоскать бѣлье въ Кедронскомъ потокѣ.

Юная Вероника часто плакала оттого, что мужъ ея, Аристовулъ, женатый на ней не по своей охотѣ, часто упрекалъ ее низкимъ происхожденіемъ ея матери, Саломеи.

— Да какъ же,—плакала Вероника,—вѣдь, моя мать сестра царя и твоя тетка... Какъ же я низкаго происхожденія?.. Тогда и ты низкаго.

— Нѣтъ моя мать была царица,—возразилъ Аристовулъ, ко-

торый тоже еще былъ почти мальчишка.—И отецъ мой царь. А твой кто? Простой военачальникъ!

Все это усердными рабынями да евнухами переносилось въ уши Дориды и Антипатра, а отъ нихъ доходило до самого Ирода, и онъ злобствовалъ. Попрекъ низкимъ происхожденіемъ относился прямо къ нему, онъ самъ былъ не изъ царскаго рода.

А между тѣмъ шушуканья рабынь становились все ядовитѣе.

— Ахъ, что тутъ дѣлается! И уму непостижимо. У насъ въ Каппадокіи ничего такого и не слыхано!—говорила рабыня Глафиры другой рабынѣ.—Сегодня, говорятъ, чуть свѣтъ отрубили головы всѣмъ Бне-Бабамъ и даже мужу Саломеи, Костобару.

— Это все по навѣтамъ самой же змѣи Саломеи,—укоризненно качая головой, проговорила старая рабыня, которая когда то служила Александрѣ, матери Маріаммы, и самой Маріаммѣ.

— Это на своего то мужа?—изумилась молодая рабыня Глафиры.

—Да, это старая исторія: тутъ замѣшанъ и Фероръ, братъ царя, и его голова чуть не слетѣла,—говорила старая рабыня.—Еще когда Саломея была совсѣмъ молоденькая, и мы всѣ сидѣли, запершись, въ крѣпости Масадѣ, а царь,—тогда еще не царь, а тетрархъ,—бѣжалъ отъ пароянъ и отъ царя Антигона, брата Александры и дяди покойной Маріаммы, да возрадуется ея душенька на лонѣ Авраама, и когда у насъ не хватило воды, и мы собирались ужъ помирать, такъ какой то добрый человѣкъ тайно отъ пароянъ и Антигона доставлялъ намъ воду ради этой самой Саломеи и называлъ себя «сыномъ Петры»; а кто онъ такой былъ, никто не зналъ. Такъ съ той поры онъ и сидѣлъ въ душѣ Саломеи. Хоть ее потомъ царь и выдалъ замужъ за своего любимца, Іосифа, только она не любила его, а все думала о «сынѣ Петры». Потомъ Іосифъ вдругъ пропалъ безъ вѣсти. По секрету во дворцѣ говорили евнухи, что это было дѣло самого царя, который, будто бы, приревновалъ его къ царицѣ Маріаммѣ, только она, голубушка, была тутъ неповинна. Потомъ царь выдалъ Саломею за Костобара, что сегодня казнили. А Костобаръ этотъ тоже былъ любимецъ царя и тоже идумей. Въ то время, когда царь воротился изъ Рима и высвободилъ насъ изъ Масады, а потомъ силою взялъ Іерусалимъ, то поручилъ этому Костобару охрану города, чтобы никто изъ его враговъ не ушелъ отъ его кары. И поработалъ тогда Костобаръ! Всѣхъ знатныхъ и богатыхъ іудеевъ—кого

казнилъ мечомъ, кого распялъ на крестѣ, а богатства ихъ отобралъ на царя, да и себя не забылъ. Пощадилъ онъ только знатнѣйшій родъ Бне-Бабы, что были сродни Маккавеямъ, и укрылъ въ потайномъ мѣстѣ, гдѣ они и оставались до сегодня. Объ ихъ укрывательствѣ провѣдала отъ мужа Саломея, но молчала до тѣхъ поръ, пока не проявился тотъ, о комъ она день и ночь думала съ самой Масады...

— Кто же онъ такой?—перебила разсказчицу молодая рабыня Глафиры, большая охотница до сплетень.

— А оказался онъ знатнымъ арабомъ по имени Силлай; онъ намѣстникъ аравійскаго царя Обода и давно искалъ случая увести въ Петру Саломею, которую полюбилъ еще дѣвочкой, бывая въ домѣ Антипатра, отца нашего царя. А взять ее замужъ ему нельзя было потому, что царь нашъ давно во враждѣ съ арабами и ненавидитъ этого Силлая, который наговорилъ римскому императору про нашего царя такого, что Августъ пересталъ даже принимать пословъ Ирода. Ну, такъ когда Саломея узнала, кто такой этотъ «сынъ Петры», и увидала его, то воспылала къ нему такой страстью, что рѣшилась погубить ненавистнаго мужа и бѣжать къ Силлаю, если царь не отдастъ ея за него.

— А гдѣ жъ она его увидала?—спросила, горя отъ любопытства, молоденькая рабыня.

— А въ Масадѣ, когда царь ѣздилъ въ прошломъ году къ императору, а насъ отослалъ въ Масаду. Такъ вотъ, чтобы избавиться отъ мужа, она й донесла на него, а сегодня, вотъ, и слетѣла его голова вмѣстѣ съ Бне-Бабами... Охъ, чего я не видѣла на своемъ вѣку...

— А какъ же братъ-то царя, Фероръ, замѣшанъ тутъ?..

— Онъ по другому... За него царь хотѣлъ отдать свою дочь, такъ Фероръ не захотѣлъ, потому что у него есть молоденькая рабыня, бѣленькая такая, изъ Скиѳіи, такъ онъ на нее не надышется... Только царь его простилъ. А теперь вотъ Саломея и на него донесла, чтобы только самой избавиться отъ Костобара: она сказала царю, что Костобаръ хотѣлъ помочь Ферору бѣжать съ своею возлюбленною рабыней къ нарѳянамъ, а потомъ вмѣстѣ съ ними ссадить Ирода съ престола и самому сѣсть на него. Ну, понятно, начались пытки сначала съ нашего брата, со слугъ... Только Фероръ вывернулся, а сестру выдалъ.

— Вотъ злодѣи! — невольно вырвалось у молоденькой ра-

быни.—А особенно эта змѣя Саломея: вѣдь, сама уже бабушка! Вонъ у Вероники одинъ сынишка, тоже Иродъ, по дѣдушкѣ, ужъ ползаетъ, да и другимъ ребенкомъ беременна, а бабушка бѣсится—шашни у нея съ арабомъ.

— Ужъ и ваши господа хороши!—прошипѣла вдругъ рабыня Саломеи, нечаянно подслушавшая ихъ разговоръ.—Вотъ вашъ хваленый царевичъ Александръ, мужъ твоей гордячки, что продѣлываетъ съ любимыми евнухами царя... Спроси-ка свою гордячку, знаетъ она объ этомъ?

— О чемъ это?—задорно спросила рабыня Глафиры.

— А объ томъ, о чемъ стыдно и говорить... Тьфу, какая мерзость!.. Вотъ только провѣдаетъ царь.

Иродъ, дѣйствительно, провѣдалъ все чрезъ ту же свою сестрицу, Саломею.

Три евнуха, самые младшіе и самые любимые его, о которыхъ ему донесли, были: одинъ—виночерпій, другой—хлѣбодаръ и третій, который приготовлялъ ложе царю и самъ спалъ въ его близости. Ихъ тотчасъ же подвергли пыткамъ. Имѣлъ ли основаніе доносъ, неизвѣстно и даже сомнительно, такъ какъ доносомъ отличилась сама Соломея; но пытки кого не вынудятъ сказать то, чего отъ нихъ пытающіе добиваются! Пыталъ же притомъ старый Рамзесъ, самый злой аргусъ Ирода, ненавидѣвшій, изъ ревности, молоденькихъ любимчиковъ царя.

Не вытерпѣвъ мученій, хлѣбодаръ обѣщалъ все разсказать, если прекратятъ пытку. Пытку прекратили.

— Царевичъ Александръ говорилъ намъ—лепеталъ несчастный заплетавшимся отъ боли языкомъ,—отъ Ирода вамъ нечего ожидать... онъ старый повѣса... краситъ себѣ волосы... но все-жъ и черезъ это онъ не можетъ казаться вамъ молодымъ... Вы—говоритъ—только слушайтесь меня... Скоро я силой отниму власть у Ирода... Отомщу своимъ врагамъ... а друзей сдѣлаю богатыми и счастливыми... васъ—говоритъ—прежде всѣхъ... Знатнѣйшіе люди—говоритъ—уже присягнули мнѣ втихомолку... и обѣщали помогать... а военачальники и центуріоны арміи находятся со мною въ тайныхъ сношеніяхъ...

Дальше несчастный говорить не могъ—онъ лишился сознанія.

Эти показанія—говоритъ іудейскій историкъ,—до того устрашили Ирода, что въ первое время онъ даже не осмѣливался дѣйствовать открыто. Онъ разослалъ тайныхъ развѣдчиковъ, которые день и ночь шныряли по городу и должны были докладывать ему

обо всемъ, что они замѣчали, видѣли и слышали, кто только навлекалъ на себя подозрѣніе, немедленно былъ предаваемъ смерти. Дворъ переполнился ужаснѣйшими преступленіями, злодѣяніями. Каждый измышлялъ обвиненія, каждый клеветалъ, руководствуясь личной или партійной враждой, и многіе злоупотребляли кровожаднымъ гнѣвомъ царя, обращая его противъ своихъ противниковъ. Ложь мгновенно находила себѣ вѣру, и едва только произносилось обвиненіе, какъ уже совершалась казнь. Случалось часто, что только-что обвинявшій самъ былъ обвиняемъ и вмѣстѣ съ своей жертвой шелъ на казнь, ибо Иродъ, изъ опасенія за свою собственную жизнь, осуждалъ на смерть безъ слѣдствія и суда. Его духъ до того былъ помраченъ, что онъ не могъ спокойно глядѣть на людей, даже совершенно невинныхъ, и даже къ друзьямъ своимъ относился въ высшей степени враждебно. Антипатръ же ловко пользовался несчастіемъ Александра. Онъ тѣснѣе сплотилъ вокругъ себя всю ораву своихъ родственниковъ и вмѣстѣ съ ними пускалъ въ ходъ всевозможныя клеветы. Ложными доносами и извѣтами онъ вмѣстѣ съ своими друзьями нагналъ на Ирода такой страхъ, что ему постоянно мерещился Александръ, и не иначе, какъ съ поднятымъ надъ нимъ мечомъ. Онъ, наконецъ, приказалъ внезапно схватить сына и заковать въ кандалы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ подвергать пыткамъ его друзей. Большинство на нихъ умирало молча и не выдавая болѣе того, что они, въ дѣйствительности, знали, но тѣ, которые были доведены до лжесвидѣтельства, показали, что Александръ и братъ его Аристовулъ посягали на жизнь отца, они, будто бы, выжидали только случая, чтобы убить его на охотѣ и тогда бѣжать въ Римъ.

Все это говорено было подъ жесточайшими пытками, а Ироду этого только и хотѣлось...

И такъ Александръ—въ тюрьмѣ, въ оковахъ. Но голова и руки его свободны... Не даромъ онъ учился въ Римѣ и былъ отмѣченъ самимъ Августомъ...

Погибать—такъ погибать всѣмъ! Пусть весь корабль идетъ ко дну!.. Онъ требуетъ себѣ матеріалы для письма!.. Онъ пишетъ отцу... Да, онъ—заговорщикъ, онъ—злодѣй. Но онъ не одинъ: заговоръ—неизмѣримаго объема! Весь дворъ въ заговорѣ. Всѣ жаждутъ смерти царя. Фероръ, Саломея, Антипатръ—всѣ въ заговорѣ. Саломея даже ворвалась къ нему въ домъ и ночь провела на его ложѣ... Военачальники, министры, синедріонъ—

заговорщики, всѣ куютъ орудія смерти для ненавистнаго тирана... смерть надъ его головой!

Иродъ осатанѣлъ, когда прочиталъ эти «признанія» сына! Полилась вновь кровь... Иродъ проклинаетъ судьбу, день своего рожденія, свою корону...

Вдругъ Рамзесъ вводитъ къ нему Архелая, примчавшагося изъ Каппадокіи вслѣдствіе письма дочери.

— Гдѣ это мой преступный зять?—кричитъ онъ въ неистовствѣ.—Гдѣ мнѣ найти голову этого отцеубійцы, чтобы собственными руками размозжить ее?

Иродъ ошеломленъ. Онъ не знаетъ, что думать... Архелай страшенъ.

— Гдѣ дочь моя, жена этого изверга?—неистовствуетъ Архелай.—Я и ее задушу, если она даже и непричастна этому адскому заговору... Задушу! Ужъ однимъ союзомъ съ такимъ чудовищемъ она обезчещена...

Иродъ ушамъ не вѣритъ; но ему становится какъ будто свѣтлѣе...

— И ты, ты! О, долготерпѣніе!—укоряетъ его Архелай.— О, Иродъ! И чудовище-сынъ еще живъ! И ты позволяешь ему еще дышать? А я спѣшилъ изъ Каппадокіи въ полной увѣренности, что ты уже казнилъ изверга. Я торопился сюда, чтобы вмѣстѣ съ тобою судить мою дочь, которую я отдалъ за злодѣя изъ уваженія къ тебѣ и къ твоему высокому сану.

Иродъ все молчитъ: онъ не находитъ, что ему отвѣчать.

— Что же ты молчишь, царь?—уже спокойнѣе заговорилъ Архелай.—Давай вмѣстѣ рѣшать ихъ участь... Если ужъ ты такъ подчиняешься родительскому чувству и слишкомъ мягкосердеченъ для того, чтобъ карать преступнаго сына, возставшаго на твою жизнь, такъ помѣняемся судейскими обязанностями, и пусть каждый изъ насъ проникнется гнѣвомъ другого! Суди мою дочь, а я буду судьей твоего сына.

Архелай, наполовину грекъ, наполовину персъ, соединялъ въ себѣ качества обѣихъ этихъ народностей: вкрадчивость, проникавшую въ душу, хитрость подъ маской угодливости и лукавство азіата, отполированное въ Аѳинахъ, въ школѣ риторовъ. Подвижной, юркій, онъ не зналъ себѣ равнаго въ искусствѣ обвести самаго осторожнаго, самаго недовѣрчиваго человѣка. И онъ обвелъ именно такого—Ирода.

Иродъ показалъ ему «признанія» Александра:—«Вотъ, прочти».—И они начали читать вмѣстѣ.

— Такъ... такъ... понимаю... догадываюсь,—покачивалъ лукавою головою Архелай.—О, злодѣи!.. Каковы!.. Проклятіе!.. А все, кажется, этотъ братецъ, заіорданскій шакалъ въ образѣ лисы... все Фероръ... О, вижу, вижу!.. О, изверги!

— А знаешь, что, царь?—обратился онъ къ Ироду.—Мы должны тщательно разслѣдовать, не замышляли ли чего злодѣи противъ юноши вмѣсто того, чтобы замышлять противъ тебя. У насъ нѣтъ пока никакого объясненія тому, что могло побудить юношу къ такому возмутительному преступленію въ то время, когда онъ уже пользовался царскими почестями и имѣлъ всѣ виды на престолонаслѣдіе. Здѣсь должны быть обольстители, которые стремятся направить легкомысліе молодости на путь преступленія. Такими людьми бываютъ обманутыя не только юноши, но и старики... Благодаря имъ, часто потрясаются знатнѣйшія фамиліи и даже цѣлыя царства... Подозрителенъ мнѣ этотъ Фероръ... Онъ считаетъ себя обойденнымъ....

— Да, онъ недоволенъ мною изъ-за рабыни скиоской, которая околдовала его,—говорилъ какъ бы про себя Иродъ.—Мнѣ даже доносили, что онъ хотѣлъ бѣжать съ нею къ пароянамъ.

— Вотъ-вотъ! Видишь?—ухватился за это ловкій грекъ.

Тотчасъ же, съ «признаніями» Александра въ рукахъ, Архелай отправился къ Ферору, который уже находился подъ негласнымъ надзоромъ или даже арестомъ, и объявилъ ему, что въ «признаніяхъ» Александра такая масса уликъ противъ него, что, при всемъ своемъ вліяніи на царя, онъ не можетъ вымолить ему помилованія.

— Одно остается тебѣ, умереть съ покаяніемъ,—заключилъ Архелай,—а покаяніе иногда спасаетъ жизнь... Прибѣгни къ любящему сердцу брата, и я помогу тебѣ.

Оплести Ирода было труднѣе, но и его Архелай оплелъ; а арестованный Фероръ сразу сдался. И они вмѣстѣ явились къ Ироду. Фероръ—въ черномъ, убитый, трепещущій. Онъ съ плачемъ падаетъ къ ногамъ брата...

— Все изъ-за рабыни... она съ ума меня свела... Я не могу безъ нея жить... а ты хотѣлъ женить меня второй разъ на своей дочери... Я не могу... моя Ира... не разлучай насъ,—бормоталъ онъ безсвязно.

Иродъ вспомнилъ Маріамму. — «Вотъ она... вотъ она, страсть... безуміе... и я былъ такой... безуміе»,—бушевали въ немъ воспоминанія, раскрылись старыя раны.

— Встань!—сказалъ онъ сурово. Но Фероръ не вставалъ.

— Прости его, милосердный царь!—заговорилъ тутъ Иродовъ искуситель.—Покорись голосу природы, — умолялъ Архелай:—и я также претерпѣлъ отъ моего брата еще больше кровныхъ обидъ, но все же внялъ голосу природы, заглушающему въ насъ призывы къ мести... Въ государствахъ, какъ и на тѣлахъ, образуются вредные наросты: ихъ надо лечить, а не срѣзывать.

— Встань, Фероръ!—повторилъ Иродъ.—Уходи пока, я подумаю...—Фероръ ушелъ.

— Но Александра я не прощу, если ты даже простишь!—съ напускнымъ негодованіемъ снова заговорилъ каппадокійскій плутъ.—Я не оставлю моей дочери у такого злодѣя, я увожу ее домой, къ матери.

Тутъ уже Иродъ сталъ защищать своего сына; но негодующій плутъ не сдавался.

— Нѣтъ, добрый царь, не защищай злодѣя!—продолжалъ настаивать Архелай.—Ужъ если такъ, то самъ выдай мою дорогую дурочку, за кого пожелаешь, только не за Александра... Мнѣ важнѣе всего сохранить фамильный союзъ съ тобою.

— Ну, такъ и быть, — подался Иродъ, совсѣмъ оплетенный:—ты, царь Архелай, прими изъ моихъ рукъ моего сына, какъ подарокъ, если не расторгнешь его брака съ твоей дочерью... Вѣдь, у нихъ ужъ есть дѣти, и мой юноша такъ нѣжно любитъ свою жену... Если твоя дочь останется при немъ, то она удержитъ его отъ дальнѣйшихъ ошибокъ, а разъ она оторвана отъ него, то это можетъ повести его къ отчаяннымъ поступкамъ. Бурные порывы юности смягчаются, именно, подъ вліяніемъ семейныхъ чувствъ.

Архелай... неохотно... согласился!

— Радуйся, птичка моя!—съ лукавой улыбкой пошелъ онъ къ дочери, которая съ рыданіями бросилась ему на шею.—Я возвратилъ тебѣ твоего Александра... Утри же глазки.

XXIV.

Ловкое посредничество Архелая утишило бурю, бушевавшую въ душѣ Ирода. Миротворецъ былъ осыпанъ подарками: онъ получилъ отъ Ирода золотой тронъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, нѣсколько евнуховъ, красивую наложницу, по имени Паннихія, и семьдесятъ талантовъ золотомъ. Свита его была также щедро одарена, да и родственники Ирода не отстали отъ царя въ своей щедрости.

Въ заключеніе, чтобы дать своему гостю эстетическое наслажденіе въ римскомъ духѣ, Иродъ назначилъ гладіаторскія состязанія въ іерусалимскомъ циркѣ. Этотъ циркъ-амфитеатръ былъ сооруженъ Иродомъ вслѣдъ за возобновленіемъ храма и постройкою дворца съ замкомъ Антонія. Для гладіаторскихъ боевъ доставлены были изъ Аравіи и Нубіи великолѣпные львы, тигры и другіе дикіе звѣри. Изъ Греціи и Рима приглашены были за огромное вознагражденіе гладіаторы, наѣздники, музыканты. Самое зданіе было украшено воинскими трофеями и римскими легіонными орлами.

Въ назначенный для состязаній день амфитеатръ былъ весь занятъ зрителями, большею частью изъ придворной знати, уцѣлѣвшей отъ послѣднихъ казней, друзьями и приближенными Ирода, знатными идумеями, самарянами и прибывшими изъ Галилеи, изъ Цезареи и другихъ городовъ. Но изъ природныхъ іудеевъ и жителей Іерусалима было очень не много: истые іудеи ненавидѣли эти кровавыя языческія зрѣлища, на которыхъ людей бросали на растерзаніе дикимъ звѣрямъ.

Когда Иродъ и Архелай заняли свои мѣста въ царской ложѣ, распорядитель игръ, по знаку Ферора, приказалъ нубійцу-сторожу, на попеченіи котораго находился огромный африканскій левъ, отворить желѣзнымъ шестомъ дверь, за которою въ своемъ каменномъ логовѣ помѣщался страшный нубійскій звѣрь. Передъ предстоявшимъ состязаніемъ льва не кормили болѣе сутокъ и держали въ подвалѣ, лишенномъ на это время свѣта.

Увидѣвъ отворенную дверь своей тюрьмы, левъ съ громовымъ рычаніемъ радости выпрыгнулъ на арену. Но свѣтъ ослѣпилъ его, и онъ на минуту остановился, не двигаясь, а только ощетинивъ косматую гриву и колотя по бокамъ упругимъ хвостомъ.

— Какой красавецъ!—невольно воскликнулъ Архелай, любуясь звѣремъ.—Но найдется ли для него противникъ?

— Найдется,—съ улыбкой отвѣчалъ Иродъ.—Мнѣ уже о немъ говорили, хотя я самъ еще не видалъ его.

Настала мертвая тишина. Весь амфитеатръ замеръ. Вдругъ послышался звонкій, отчетливый голосъ Ферора:

— Кто изъ гладіаторовъ, для открытія состязаній, желаетъ получить первый призъ изъ рукъ царя пустыни?—провозгласилъ онъ, обращаясь къ гладіаторамъ, которые находились за каменнымъ барьеромъ на скамьѣ гладіаторовъ.

— Я!—поднялся со скамьи черный великанъ съ курчавой головой.

Это былъ гигантъ негръ. Обнаженное черное тѣло его съ стальными мускулами отливало чернымъ полированнымъ мраморомъ. Онъ былъ весь голый, только отъ кожанаго пояса его, на которомъ висѣли два огромныхъ меча, ниспадалъ на бедра льняной фартукъ, далеко не доходившій до колѣнъ.

Черный гладіаторъ вышелъ на арену, держа по мечу въ каждой рукѣ, и пошелъ прямо на льва.

— Мой братъ!.. Мой маленькій братъ!—послышался крикъ ужаса изъ царской ложи.

Всѣ обратились по направленію крика. Въ углубленіи ложи Ирода, у колонны, стоялъ Рамзесъ, протягивая впередъ руки.

— Мой маленькій братъ!—простоналъ онъ.

Иродъ и Архелай вопросительно, а первый гнѣвно, оглянулись на него.

— Онъ былъ маленькій такой... свнухомъ въ свитѣ Клеопатры... это мой братъ.

Черный гладіаторъ при первомъ крикѣ вздрогнулъ было, быстро глянулъ на царскую ложу и, протянувъ впередъ руки какъ бы для объятій, еще рѣшительнѣе пошелъ на льва. Звѣрь увидѣлъ его и заревѣлъ въ неистовой радости, сдѣлавъ страшный прыжокъ впередъ, разметая по аренѣ сухой песокъ. Потомъ онъ остановился и прилегъ, какъ кошка, готовясь сдѣлать послѣдній прыжокъ прямо на жертву. Присѣлъ и черный гладіаторъ. Левъ тихо поводилъ хвостомъ, видимо, соразмѣряя разстояніе до своего врага. Онъ такъ мощно дышалъ своими ужасными легкими, что гналъ впереди себя песокъ арены, словно вѣтромъ.

Амфитеатръ замеръ...

Страшный прыжокъ какъ разъ на гладіатора!.. Мечъ послѣдняго сверкнулъ и глубоко вонзился въ лѣвый глазъ звѣря, который съ ужасающимъ ревомъ опрокинулся на спину.

— Habet! Habet—раздались неистовыя восклицанія радости.—Прямо въ глазъ! Въ мозгъ!

— Non etiam habet!—проговорилъ Фероръ.

Черный гладіаторъ самъ это зналъ хорошо, прыгнувъ къ опрокинутому льву, всадилъ въ него другой мечъ подъ лѣвую лопатку, въ сердце. Звѣрь захрипѣлъ и конвульсивно вытянулся.

— Habet!—нервно проговорилъ Фероръ.

— Habet! Habet!—повторили голоса по всему амфитеатру.

Вдругъ за царской ложей раздались тревожные голоса и послышался лязгъ оружія. Иродъ, нащупавъ свой мечъ, быстро поднялся и вышелъ въ аванложу.

— Что здѣсь?—спросилъ онъ, видя какую-то возню.

— Вяжемъ твоихъ злодѣевъ, великій царь!—отвѣчалъ начальникъ царскихъ галатовъ.

— Аа!—протянулъ Иродъ.—Отвести ихъ ко мнѣ, я самъ допрошу злодѣевъ.

Не дождавшись конца состязаній, Иродъ оставилъ амфитеатръ и отправился во дворецъ. Тамъ уже ждали его арестованные заговорщики. Ихъ было десять человѣкъ. Они стояли въ линію, со связанными назади руками и перевязанные за шею однимъ длиннымъ канатомъ изъ верблюжьей шерсти. Впереди всѣхъ выдѣлялся своимъ внушительнымъ видомъ высокій старикъ съ бѣлою до пояса бородой. Лицо его показалось Ироду знакомымъ.

— Ты кто?—спросилъ его Иродъ, не рѣшаясь взглянуть въ глаза старику.

— А! Ты не узналъ меня?—отвѣчалъ послѣдній.—Я пришелъ къ тебѣ отъ имени Малиха, зарѣзаннаго тобою въ Тирѣ, отъ имени царя Антигона, обезглавленнаго тобя ради, отъ имени первосвященника Гиркана, тобою убитаго, отъ имени первосвященника Аристовула, утопленнаго тобою въ Іерихонѣ, отъ имени царицы Маріаммы...

— Замолчи, несчастный! — крикнулъ Иродъ, обнажая мечъ.—Говори, кто ты?

— Я Манассія бенъ-Іегуда,—отвѣчалъ старикъ;—а это—мои дѣти... За поруганіе обычаевъ Іудеи, за пролитую тобою кровь послѣднихъ потомковъ Маккавеевъ, за оскверненіе храма

водруженіемъ на его воротахъ римскаго золотого орла, за разореніе іудеевъ поборами, за кровавыя языческія игры въ амфитеатрѣ—за все, за все мы поклялись убить тебя, пролить твою нечистую кровь... Говорите, дѣти!—обернулся онъ къ другимъ заговорщикамъ.

— Клялись и клянемся!—отвѣчали всѣ девять въ одинъ голосъ.

— Взять ихъ и бросить въ темницу! — въ запальчивости крикнулъ Иродъ, обращаясь къ стражѣ.—Я самъ буду судить ихъ всенародно.

Судъ, дѣйствительно, былъ назначенъ вскорѣ, такъ какъ приближался праздникъ пасхи.

Въ назначенный для суда день весь Іерусалимъ собрался къ дворцу Ирода. На лицахъ у всѣхъ было тревожное и угрюмое выраженіе. Въ толпѣ слышались иногда угрозы, возгласы негодованія, несмотря на присутствіе вооруженнаго отряда галатовъ.

Вскорѣ, въ сопровожденіи сильнаго конвоя, показались и заговорщики. За ними съ воплями слѣдовали мать девяти связанныхъ сыновей своихъ, семидесятилѣтняя жена Манассіи бенъ-Іегуды, поддерживаемая внуками, ихъ жены и дѣти, а также масса родственниковъ.

Заговорщиковъ поставили внизу дворцовой террасы между рядами плотно сомкнутаго конвоя.

Скоро на террасѣ показался Иродъ въ сопровожденіи своихъ трехъ сыновей и Ферора. Народъ встрѣтилъ его сумрачнымъ молчаніемъ—ни одного привѣтствія! Только галаты и отрядъ тяжело вооруженныхъ гоплитовъ привѣтствовали царя ударами въ щиты.

— Іудеи!—обратился Иродъ къ народу.—Эти люди виновны предъ Богомъ и закономъ въ открытомъ покушеніи на жизнь царя. Они взяты въ амфитеатрѣ съ оружіемъ въ рукахъ и мнѣ лично повинились въ своемъ преступномъ замыслѣ. Само небо взываетъ о мщеніи! Признаете ли вы себя виновными, ты, Манассія бенъ-Іегуда, и твои девять сыновей?—закончилъ онъ обращеніемъ къ подсудимымъ.

— Признаемъ!—въ одинъ голосъ отвѣчали всѣ десять энтузіастовъ.—Но только виновны мы въ томъ, что не умѣли убить тебя.

Ирода передернуло. Послышались сильнѣйшіе вопли. Но Иродъ скоро овладѣлъ собой.

— Іудеи! Слышали вы преступное признаніе злодѣевъ?— снова обратился онъ къ народу.—Я, божіею и сената и народа римскаго милостію Иродъ, царь іудейскій, осуждаю ихъ на крестную смерть! Но, іудеи, у васъ есть обычай отпускать на пасху одного изъ осужденныхъ на казнь. Кого вы хотите, чтобы я отпустилъ?

— Всѣхъ! Всѣхъ!—въ одинъ голосъ закричалъ народъ.

— Такого обычая нѣтъ,—поблѣднѣвъ отъ гнѣва, возразилъ Иродъ.—Одного я отпущу... Кого?

— Всѣхъ! Всѣхъ! Или пусть всѣ погибнутъ за Іудею.

— Да будетъ такъ!—сказалъ Иродъ.—Всѣхъ на крестъ! На Голгоѳу!—И онъ быстро удалился.

— Кровь ихъ на тебѣ и на дѣтяхъ твоихъ и на дѣтяхъ дѣтей твоихъ вовѣки!—прогремѣлъ въ толпѣ чей-то одинокій голосъ.

Галаты бросились было ловить дерзкаго, но онъ исчезъ въ толпѣ.

Въ тотъ же день страшная процессія двигалась мимо дворца Ирода къ Суднымъ воротамъ, а оттуда на Голгоѳу. Всѣ десять осужденныхъ несли на себѣ огромные, тяжелые кресты. Впереди шелъ отецъ девяти народныхъ героевъ. Старикъ шелъ бодро, какъ бы совсѣмъ не чувствуя тяжести креста. Шли осужденные одинъ за другимъ, а впереди ихъ и по бокамъ—вооруженные галаты, сдерживая напоръ толпы, среди которой слышались душу потрясающіе вопли и рыданія.

Изъ всѣхъ шествовавшихъ въ этой страшной процессіи на Голгоѳу никто не предвидѣлъ, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ по этому же пути на Голгоѳу будетъ слѣдовать подобная же страшная процессія—процессія, послѣдствія которой будутъ неисчислимы для всего человѣчества на многія тысячелѣтія—до самой кончины міра...

Но вотъ осужденные уже на Голгоѳѣ. На лобномъ мѣстѣ воины только что покончили свою работу—вырыли десять глубокихъ ямъ для крестовъ и стоятъ, опершись на лопаты.

Осужденные кладутъ свои кресты на землю. Къ нимъ подходятъ воины изъ иноземныхъ наемниковъ и срываютъ съ нихъ одежды, оставляя только прикрытіе для бедръ.

Вопли усиливаются...

Осужденные, безъ словъ, безъ стона, сами ложатся на кресты, каждый на свой крестъ, и распинаютъ руки...

Подходятъ воины съ молотками и гвоздями и приколачиваютъ распятыя руки гвоздями къ дереву... Стукъ-стукъ-стукъ... ужасные звуки!.. Но опять—ни стона, ни возгласа... только кругомъ вопли потрясаютъ воздухъ...

Руки и ноги прибиты гвоздями. Кресты съ распятыми поднимаются и нижними концами вставляются въ ямы, потомъ обсыпаются землею.

Распятые смотрятъ съ высоты крестовъ на несмѣтную толпу. Теперь имъ видно все—и плачущія жены, и дѣти, и дворецъ Ирода, и амфитеатръ, и храмъ, и покрытая оливковыми деревьями Елеонская гора... И ихъ всѣ видятъ...

Вопли, ужасающіе вопли!

XXV.

Съ отъѣздомъ Архелая, котораго Иродъ и вся семья его съ блестящей свитой провожали до Антіохіи, миръ и спокойствіе въ многочисленномъ семействѣ старѣющаго царя продолжались не долго. Да и какъ было не возникать интригамъ тамъ, гдѣ на жизнь человѣческую смотрѣли съ точки зрѣнія разбойниковъ, поджидающихъ свои жертвы, чтобы зарѣзать и, главное, ограбить ихъ. Тайный грабежъ, жизнь на счетъ смерти другого—вотъ идеалъ всего Иродова рода: такова была его жизненная задача, такою она перешла и въ его постыдное потомство, зараженное его злокачественною кровью.

Кромѣ Дориды и Маріаммы, у него было еще нѣсколько женъ, какъ, напримѣръ, самарянка Малтака, отъ которой онъ имѣлъ сына Ирода-Антипу, будущаго убійцу Іоанна Предтечи, и другихъ женъ, родившихъ ему Архелая и Филиппа, которые, всѣ, какъ и ихъ матери, при жизни дѣтей Маріаммы, Александра и Аристовула, оставались пока на заднемъ планѣ. Между тѣмъ, первый изъ сыновей Маріаммы, Александръ, имѣлъ уже отъ каппадокійки Глафиры сыновей Тиграна и Александра, а Аристовулъ отъ Вероники—сыновей Ирода, Агриппу и Аристовула и дочерей—Иродіаду, будущую преступную евангельскую «плясавицу», погубившую Іоанна Предтечу, и Маріамму.

Интригамъ—безграничный просторъ.

Въ это-то гнѣздо интригъ, въ эту кузницу ковъ, явился вскорѣ такой ловкій кузнецъ, которому бы и Архелай позавидовалъ. Это

былъ нѣкто Эвриклъ, родомъ спартанецъ, новый хитроумный Одиссей, не обладавшій только честностью царя Итаки, но мечтавшій быть царемъ если не Лакедемона, то хоть Ахаіи. Въ Іерусалимъ онъ привлеченъ былъ слухами о безумной щедрости и безумномъ тщеславіи Ирода.

На этомъ тщеславіи Ирода онъ и построилъ свой будущій тронъ. Эвриклъ льстилъ ему, какъ только можетъ льстить такой ловкій интриганъ болѣзненному честолюбію. Онъ ковалъ для Ирода такую сѣть льстивости, какую когда-то Вулканъ сковалъ Марсу и Венерѣ. И Иродъ скоро запутался въ этой сѣти. Запутались въ ней и Антипатръ, Александръ, и Аристовулъ, и даже лукавая Саломея.

Когда, наконецъ, всѣ очутились въ его сѣти, а самъ онъ былъ засыпанъ золотомъ со стороны Ирода и Антипатра, Иродъ услыхалъ отъ него такое признаніе:

— Въ благодарность за твои милости ко мнѣ, царь, я дарю тебѣ жизнь,—таинственно сказалъ онъ.

— Какъ!—въ страхѣ отступилъ Иродъ.

— Да, жизнь!—продолжалъ наглецъ.—Какъ воздаяніе за твое гостепріимство, я приношу тебѣ свѣтъ... Уже давно выточенъ мечъ, и рука Александра простерта надъ тобой. Ближайшее осуществленіе заговора я предотвратилъ тѣмъ, что притворился сообщникомъ его. Александръ сказалъ мнѣ: «Иродъ не довольствуется тѣмъ, что сидитъ на не принадлежащемъ ему тронѣ, что послѣ убійства нашей матери раздробилъ ея царство, онъ еще возвелъ въ престолонаслѣдники бастарда, этого проклятаго Антипатра, которому предназначилъ наше родовое царство».

Иродъ тяжело дышалъ, какъ бы во дворцѣ не хватало воздуха; но демонъ продолжалъ:

— Да, онъ говорилъ мнѣ: «Я рѣшилъ принести искупительную жертву памяти Гиркана и Маріаммы, такъ какъ изъ рукъ такого отца я не могу и не долженъ принимать скипетръ безъ кровопролитія. Каждый день меня всяческимъ образомъ раздражаютъ; ни единаго слова, срывающагося у меня съ языка, не оставляютъ безъ извращенія. Заходитъ ли рѣчь о чьемъ-либо благородномъ происхожденіи, то безъ всякаго повода приплетаютъ мое имя. Иродъ говоритъ тогда: «Есть одинъ только благорожденный—это Александръ, который и отца своего презираетъ за его простое происхожденіе...» На охотѣ—говоритъ—я вызы-

ваю негодованіе, если молчу, а если хвалю, то въ этомъ усматриваютъ насмѣшку. Отецъ всегда сурово со мной обращается, только съ Антипатромъ онъ умѣетъ быть ласковымъ. Поэтому,— говоритъ,—я охотно умру, если мой заговоръ не удастся».

Демонъ пріостановился.

— Дальше!.. Дальше!..—задыхаясь, проговорилъ Иродъ.

— Если же мнѣ—говоритъ—удастся убить отца, то я надѣюсь найти убѣжище прежде у своего тестя, Архелая, къ которому легко могу бѣжать, а затѣмъ у императора, который до сихъ поръ совсѣмъ не знаетъ настоящаго Ирода. Я—говоритъ—тогда не такъ, какъ прежде, буду стоять передъ Августомъ, трепеща передъ присутствовавшимъ отцомъ, и не буду только докладывать объ обвиненіяхъ, которыя онъ лично возводилъ тогда на меня! Нѣтъ—говоритъ—я прежде всего изображу императору бѣдственное положеніе всей націи; я разскажу ему—говоритъ—какъ у этого народа высасывали кровь поборами, на какія роскоши и злодѣйства были растрачены эти кровавыя деньги, что за люди тѣ, которые обогащались нашимъ добромъ и которымъ дарили цѣлые города. Затѣмъ—говоритъ—я еще буду взывать о мести за моего дѣда и мать и сорву завѣсу, скрывающую всѣ ужасы и гнусныя дѣла нынѣшняго царствованія, тогда—говоритъ—надѣюсь, меня не будутъ судить какъ отцеубійцу.

— Га!—въ ярости задыхался Иродъ.

Слова демона, измышленныя вмѣстѣ съ Антипатромъ и Саломеей, тѣмъ болѣе душили тирана Іудеи, что въ каждомъ изъ нихъ чувствовалась подавляющая правда... Иродъ ее чувствовалъ!

— Смерть родному змѣенышу! Смерть обоимъ!

Съ разрѣшенія Августа надъ ними назначается судъ въ Беритѣ—нынѣ Бейрутъ. Юношей везутъ закованными въ сосѣднее съ Беритомъ мѣстечко Платану.

На судьбищѣ сто пятьдесятъ судей, делегатовъ, всѣ владѣтели Сиріи, римскія власти и ни одного защитника! Даже Архелая не пригласили, а обвиняемыхъ не допрашивали!

Обвинялъ самъ Иродъ, который, даже по свидѣтельству своего панегириста, Іосифа Флавія, «велъ себя на судѣ, какъ безумный»... Юношей осудили на смерть.

— Правосудіе попрано! Правда исчезла! Природа извращена! Вся жизнь полна преступленій! — раздались страстные

крики у самыхъ дверей суда, когда среди собравшагося народа пронеслось слово «осудили».

Это взывалъ къ народу старый воинъ Ирода, Теронъ, котораго тутъ же убили камнями клевреты Антипатра.

Александра и Аристовула... удавили...

И что же? Возвратившись въ Іерусалимъ изъ Берита, Иродъ, спустя нѣкоторое время, созываетъ все свое многочисленное семейство, всѣхъ женъ, которыхъ у него было девять, Дориду, Маріамму, дочь Симона первосвященника самарянку Малтаку, Клеопатру, уроженку Іерусалима, Паллиду, Федру, Эльпиду, Маріамму, свою родную дочь, сестру только что удавленныхъ Александра и Аристовула, ихъ дѣтей: Ирода—отъ Маріаммы, Антипу и Архелая — отъ Малтаки, и ея дочь Олимпіаду, — еще Ирода и Филиппа—отъ Клеопатры, Фазаеля—отъ Паллиды, Роксану—отъ Федры, Соломію—отъ Эльпиды, наконецъ, Саламисо и Кипру—отъ своей дочери Маріаммы, которая была и женой его, а ея дочери—слѣдовательно—его дочери и внучки въ одно и то же время.

Созвавъ это странное семейство съ такимъ путаннымъ родствомъ, онъ приказалъ Ферору, Антипатру и Саломеѣ пригласить въ это почтенное собраніе несчастныхъ вдовъ только что удавленныхъ сыновей своихъ съ ихъ дѣтьми—Глафиру съ Тиграномъ и Александромъ, и Веронику—съ Иродомъ, Агриппою и Аристовуломъ и двумя дѣвочками—Иродіадой, будущей «плясавицей», и Маріаммой.

Убитыя горемъ, робко вступили двѣ молоденькія вдовы съ своими малютками-сиротами въ это торжественное собраніе. Увидѣвъ крошекъ, Иродъ заплакалъ, этотъ звѣрь заплакалъ искренними слезами. При видѣ осиротѣлыхъ дѣтей онъ вспомнилъ то утро, когда, задумавъ утопить юнаго первосвященника, Аристовула, въ бассейнѣ своего іерихонскаго дворца, онъ поднялъ на галлереѣ своего іерусалимскаго дворца маленькаго голубенка, выпавшаго изъ гнѣзда, голубенка, при видѣ безпомощности котораго у него сердце заныло невыразимой жалостью. Теперь онъ увидѣлъ такихъ же безпомощныхъ птенцовъ, которыхъ самъ же онъ сдѣлалъ сиротами, и заплакалъ, закрывъ лицо руками.

Антипатръ и Саломея переглянулись, и у послѣдней въ глазахъ прозмѣилась злобная улыбка.

— Страшный рокъ похитилъ у меня отцовъ этихъ дѣтей,— съ дрожью въ голосѣ и съ глазами, еще полными невыплаканныхъ слезъ, проговорилъ Иродъ, отнявъ руки отъ заплаканнаго лица и съ глубокой нѣжностью глядя на малютокъ,—теперь они, эти сиротки, предоставлены моимъ попеченіямъ... Къ этому призываютъ меня голосъ природы и чувство жалости, возбуждаемое ихъ осиротѣніемъ. Если я оказался столь несчастнымъ отцомъ, то хочу попытся быть, по крайней мѣрѣ, болѣе любящимъ дѣдомъ и лучшихъ моихъ друзей оставить ихъ покровителями... Дочь твою, Фероръ (онъ обратился къ брату), я обручаю съ старшимъ сыномъ Александра, Тиграномъ (мальчикъ при этомъ тѣснѣе прижался къ матери, которая тихо плакала), обручаю для того, чтобы тебя, какъ опекуна, скрѣпляла съ нимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ближайшая родственная связь. Съ твоимъ сыномъ, Антипатръ (Иродъ обратился къ нему), я обручаю дочь Аристовула, Иродіаду, и будь ты отцомъ этой сиротки! (А будущая «плясавица» въ это время, сидя на рукахъ матери, юной Вероники, беззаботно играла ея волосами). Ея сестру, малютку Маріамму, пусть возьметъ себѣ въ жены мой маленькій Иродъ, имѣющій по материнской линіи дѣдомъ первосвященника Гиркана.

Иродъ пріостановился и обвелъ взоромъ все собраніе.

— Кто теперь любитъ меня,—снова началъ онъ,—тотъ пусть присоединится къ моему рѣшенію, и пусть никто изъ преданныхъ мнѣ не нарушитъ его. Я молю также Бога, чтобы онъ благословилъ эти союзы на благо моего царства и моихъ внуковъ, и да взираетъ Онъ на этихъ дѣтей болѣе милосерднымъ окомъ, чѣмъ на ихъ отцовъ.

Здѣсь онъ снова заплакалъ, а потомъ, подозвавъ дѣтей, соединилъ ихъ рученки и нѣжно обнялъ каждаго изъ нихъ, давая знать, что распускаетъ собраніе.

Антипатръ вышелъ съ тяжелымъ чувствомъ: изъ малютокъ выростутъ его мстители.

Скоро, впрочемъ, онъ успокоился на сознаніи, что лучшіе его союзники—это время и коварство. И онъ не ошибся: время, а равно его собственное коварство и коварство Саломеи сдѣлали то, что Иродъ формальнымъ актомъ назначилъ своимъ преемникомъ Антипатра, а преемникомъ послѣдняго Ирода, сына своего отъ Маріаммы, которую Иродъ, вслѣдствіе ли ея изумительной красоты, или вслѣдствіе созвучія ея имени съ именемъ когда-то

обожаемой имъ Маріаммы, любилъ болѣе всѣхъ своихъ женъ. Съ этимъ актомъ Антипатръ отправился въ Римъ, чтобы представить его на утвержденіе императора, а вмѣстѣ съ тѣмъ погубить и еще двухъ своихъ младшихъ братьевъ—Архелая, сына Малтаки, и Филиппа, сына Клеопатры, чтобы никто больше не стоялъ у него на дорогѣ къ царскому вѣнцу. Маленькаго же Ирода онъ надѣялся погубить впослѣдствіи. Надо замѣтить, что Архелай и Филиппъ были уже взрослыми юношами и кончали свое образованіе въ Римѣ.

Но въ отсутствіе Антипатра въ Іудеѣ случилось то, что имѣло ужасающія послѣдствія для всѣхъ. И все это произошло, по обыкновенію, изъ-за женщинъ и изъ-за перешептыванья рабынь.

Сплетни рабынь имѣли послѣдствіемъ то, что Иродъ вновь приказалъ Ферору развестись съ своей возлюбленной рабыней Ирой. Фероръ отвѣчалъ, что онъ скорѣе лишится жизни, чѣмъ Иры. Тогда Иродъ прогналъ его изъ дворца и велѣлъ отправляться въ свою тетрархію—въ Заіорданье. Но скоро Фероръ заболѣлъ тамъ и умеръ. И хотя Иродъ велѣлъ перевезти тѣло брата въ Іерусалимъ, предписалъ народу самый глубокій трауръ и устроилъ ему блестящее погребеніе, однако, въ народѣ ходили женскіе толки, что Ферора отравилъ самъ Иродъ.

Толки эти дошли до Ирода. Рабынь и другихъ придворныхъ служанокъ Иродъ приказалъ пытать. Полилась кровь, раздались стоны пытаемыхъ.

— Господь Богъ, царь небесъ и земли!—взмолилась одна изъ нихъ подъ пытками стараго Рамзеса.—Да карастъ онъ виновницу нашихъ страданій—Дориду, мать Антипатра!

— Га!—воскликнулъ Иродъ, когда Рамзесъ доложилъ ему объ этомъ.—Такъ пытай вновь всѣхъ и показанія ихъ вели записывать; а до Дориды я самъ доберусь.

Черезъ нѣсколько часовъ Рамзесъ явился съ записью.

— Ну, что?—спросилъ Иродъ.

— Вотъ!—лаконически отвѣчалъ старый негръ, подавая запись, которую Иродъ сталъ жадно пробѣгать глазами.

— А!—шепталъ онъ, задыхаясь.—Они всѣ на меня... «Разъ Иродъ справился уже съ Александромъ и Аристовуломъ, то онъ еще и до насъ доберется и до нашихъ женъ»,—вотъ они что говорятъ!—Послѣ того, какъ онъ задушилъ Маріамму и ея дѣтей, то никто не можетъ ждать отъ него пощады:—поэтому, лучше

всего по возможности не встрѣчаться съ этимъ кровожаднымъ звѣремъ»... Да, теперь лучше не встрѣчаться... а встрѣтитесь, встрѣтитесь... А! Это мой первенецъ жалуется своей матушкѣ, добродѣтельной Доридѣ:—«Я уже посѣдѣлъ, а отецъ съ каждымъ днемъ все становится моложе, и я, вѣроятно, умру прежде, чѣмъ вступлю на престолъ»... Да, да! Умрешь, умрешь! Это вѣрно... Дальше: но пускай даже отецъ опередитъ меня смертью—да и когда это будетъ?—то, во всякомъ случаѣ, царствованіе принесетъ мнѣ кратковременную радость... Голова гидры—дѣти Александра и Аристовула—растутъ, а виды для моихъ собственныхъ дѣтей отецъ у меня похитилъ; потому что въ завѣщаніи преемникомъ моимъ онъ не назначилъ ни одного изъ моихъ сыновей, а Ирода, сына Маріаммы»... О, злодѣй! Змѣя!—онъ еще издѣвается надо мной,—говоритъ:—«Впрочемъ, въ этомъ отношеніи отецъ не болѣе какъ старый простофиля, если воображаетъ, что его завѣщаніе, послѣ его смерти, останется въ силѣ:—я ужъ позабочусь о томъ, чтобы никто изъ его потомковъ не остался въ живыхъ»...

Кровь бросилась Ироду въ голову, въ глазахъ потемнѣло... Да, вѣдь, это его собственная система... Сынъ ее усвоилъ себѣ... Онъ самъ, Иродъ, старался искоренить потомство Маккавеевъ—Антигона, Аристовула, наконецъ, своихъ собственныхъ сыновей отъ Маріаммы... Сынъ идетъ по стопамъ отца...

Оправившись немного, Иродъ опять сталъ пробѣгать выточную запись.

— А! Вотъ что:—«Никогда еще ни одинъ отецъ такъ не ненавидѣлъ своихъ дѣтей, какъ Иродъ, но его братская ненависть простирается еще дальше: недавно только онъ далъ мнѣ сто талантовъ за то лишь, чтобы я ни слова не вымолвилъ съ Фероромъ. А когда Фероръ спросилъ меня:—«Что я ему сдѣлалъ худого?»—«То, что мы должны считать себя счастливыми, что онъ, отнявъ у насъ все, даруетъ намъ хоть жизнь. Но невозможно спастись отъ такого кровожаднаго чудовища, которое даже не терпитъ, чтобъ открыто любили другихъ. Теперь, конечно, мы вынуждены скрывать наши свиданія; но вскорѣ мы это будемъ дѣлать открыто, если только будемъ мужественны и смѣло подымемъ руку».

XXVI.

Теперь Иродъ, какъ гончая собака, пошелъ по слѣду самаго крупнаго звѣря—Антипатра, который былъ въ Римѣ. Тѣмъ лучше, оттуда ему трудно будетъ замести свой слѣдъ.

По поводу смерти Ферора между придворными женщинами стали ходить толки о какомъ-то «любовномъ зельѣ», которое будто бы какая-то арабка, подговоренная предметомъ страсти Саломеи, Силлаемъ, привезла изъ Аравіи, и будто бы этимъ ядомъ Ира отравила своего мужа. Но Иродъ зналъ, какъ Ира любила Ферора, и вдобавокъ онъ самъ не отходилъ отъ постели больного брата, который и умеръ у него на рукахъ.

Объ этомъ болтали и жены Ирода, скучая въ своемъ дворцовомъ уединеніи.

— Пахнетъ ядомъ,—подумалъ Иродъ,—и велѣлъ повести розыски въ этомъ направленіи.

Начали съ приближенныхъ Антипатра. Подвергнутый пыткамъ управляющій его отдѣльнымъ домомъ показалъ, что Антипатръ, неизвѣстно для чего, получилъ ядъ изъ Египта и передалъ его Фероръ, а послѣдній передалъ его на храненіе женѣ.

Иродъ тотчасъ же приказалъ позвать Иру.

— Гдѣ ядъ, который передалъ тебѣ Фероръ? — внезапно спросилъ онъ смущенную женщину.

Ира сначала, казалось, не поняла вопроса, но потомъ страшно поблѣднѣла.

— Я сейчасъ принесу его,—сказала она, наконецъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и поспѣшила выйти.

Но не прошло и минуты, какъ на дворѣ послышались крики рабынь: «Ира бросилась съ кровли! Ира убилась!».

По счастливой случайности, паденіе ея было не смертельно, и Иродъ, приказавъ внести ее во дворецъ, послалъ за врачемъ. Когда же Ира получила возможность говорить, Иродъ самъ приступилъ къ допросу.

— Открой мнѣ всю правду, Ира,—сказалъ онъ.—Что побудило тебя броситься съ кровли? Если ты скажешь правду, то клянусь освободить тебя отъ всякаго наказанія; въ противномъ же случаѣ, если ты что-нибудь скроешь, я прикажу пытками довести твое тѣло до такого состоянія, что отъ него ничего не останется для погребенія.

Страшныя минуты переживала несчастная женщина. За нѣсколько мгновеній, пока она, трепещущая, стояла передъ Иродомъ, въ возбужденномъ мозгу ея пронеслась вся ея полная приключеній жизнь... Она вспомнила свою далекую родину— Скиѳію... Маленькой дѣвочкой она безпечно играла на берегу Понта съ другими скиѳскими дѣтьми. Она помнитъ, какъ умеръ ихъ царь, какъ погребали его вмѣстѣ съ любимымъ конемъ, женами и слугами... Потомъ надъ могилою его насыпали высокій-высокій курганъ, а вокругъ кургана поставили пятьдесятъ мертвыхъ, нарочно для этого убитыхъ воиновъ на убитыхъ коняхъ... какъ подпирали этихъ коней, чтобы они не падали... Страшно!.. Потомъ ее похитили киммерійскіе пираты и продали въ Египетъ... Сфинксы... пирамиды... Клеопатра не взлюбила юной рабыни за красоту и велѣла продать ее... Иру продали въ Іудею... Въ Аскалонѣ ее купилъ Фероръ... Какъ онъ любилъ ее!.. Но Ферора уже нѣтъ...

Ира очнулась словно отъ глубокаго сна.

— Зачѣмъ мнѣ хранить еще тайну, когда Фероръ уже мертвъ?—сказала она, заплакавъ.—Или должна я щадить Антипатра, который всѣхъ насъ погубилъ?.. Слушай же, царь, и Богъ, Котораго обмануть нельзя, да будетъ вмѣстѣ съ тобою моимъ свидѣтелемъ, что я говорю истину. Когда ты въ слезахъ сидѣлъ у смертнаго одра Ферора, онъ послѣ тебя призвалъ меня къ себѣ и сказалъ: «Да, Ира, я жестоко ошибался въ моемъ братѣ! Тяжело я провинился передъ нимъ! Его, который такъ искренно любитъ меня, я ненавидѣлъ. Того, который такъ глубоко сокрушается моей смертью даже до наступленія ея, я хотѣлъ убить! Я теперь получаю возмездіе за мое безсердечіе... Ты же—говоритъ—принеси сюда ядъ, оставленный намъ Антипатромъ для его отравленія—онъ у тебя хранится... Уничтожь— говоритъ—его сейчасъ же на моихъ глазахъ, чтобы я не уносилъ съ собою духа мщенія въ подземное царство!.. Я повиновалась ему, принесла ядъ и большую часть высыпала у него передъ глазами въ огонь... Но, царь, немного я сохранила для себя на случай нужды и изъ боязни предъ тобою. Вотъ онъ.

И Ира протянула баночку, въ которой оставалась незначительная доза яда.

Начались снова пытки придворныхъ, снова стоны и кровь... И кто же оказался еще въ числѣ заговорщиковъ?.. Маріамма,

красавица Маріамна, любимѣйшая изъ всѣхъ женъ Ирода послѣ Маріаммы!.. Иродъ все болѣе и болѣе приходилъ въ безуміе... Что же это? Издѣвается надъ нимъ неумолимый рокъ? Тѣ, кого онъ наиболѣе любитъ, тѣ, именно, жаждутъ его смерти... Это загробная месть Маріаммы...

Недаромъ въ послѣдніе годы мертвецы, успокоившіеся было въ своихъ гробахъ, опять стали посѣщать его по ночамъ. Маріамма являлась въ сопровожденіи дѣтей... «Ты удавилъ ихъ, но тебя будутъ давить жесточайшія мученія»,—звучалъ по ночамъ ея голосъ.—«Рамзесъ! Прогони ее!»—нерѣдко кричалъ онъ, срываясь съ ложа. И Рамзесъ, которому Иродъ съ своими ночными привидѣніями не давалъ спать, каждое утро свирѣпѣлъ все болѣе и, жалѣя своего господина, все болѣе и болѣе налегалъ на пытки и съ каждымъ днемъ дѣлалъ новыя открытія.

— Вотъ еще змѣиный ядъ и соки другихъ гадовъ,—говорилъ онъ, подавая Ироду новыя добытыя имъ улики.—А вотъ письма изъ Рима, поддѣльныя... Это будто бы писали твои дѣти, царевичи Архелай и Филиппъ, а это неправда:—это все Антипатръ подкупалъ римскихъ писцовъ, которые и писали, поддѣлываясь подъ почеркъ царевичей. Это все передалъ мнѣ Баѳиллъ, вольноотпущенникъ Антипатра... Я его сегодня пыталъ.

— Да, да... Это какъ будто рука Архелая, а это Филиппа,—шепталъ Иродъ, просматривая письма:—искусно, искусно поддѣлано... Было за что платить сотнями талантовъ... Корона-то іудейская дороже стоитъ... А это еще что?

— Это тоже по заказу Антипатра,—отвѣчалъ Рамзесъ, подавая еще нѣсколько писемъ.

Иродъ сталъ пробѣгать ихъ... «А! Это ужъ друзья Антипатра пишутъ про Архелая и Филиппа».

— Нѣтъ!—горячо возразилъ Рамзесъ.—Баѳиллъ говоритъ, что когда онъ былъ въ Римѣ, то по приказанію Антипатра нанималъ тамъ искуснаго скрибу, который и писалъ эти письма, сюда, будто бы къ Антипатру, будто бы отъ его римскихъ друзей. Баѳиллъ самъ и деньги платилъ скрибѣ.

Иродъ уже спокойнѣе пробѣгалъ теперь писаніе скрибы разными почерками. Онъ уже рѣшилъ, какъ ему дѣйствовать.

— А хорошо пишетъ скриба про моихъ дѣтей,—улыбался онъ: — я-то, по ихъ словамъ, и женоубійца, и сыноубійца... Правда, правда: еще одного сынка придется убить... О, Анти-

патръ! Поплатишься ты мнѣ, сынокъ, и за змѣиный ядъ, и за эти эпистолы... Ну, Дорида, хорошаго ты мнѣ сынка дала... Бѣдные Александръ и Аристовулъ! Теперь я вижу, кто погубилъ васъ: не я, а старшій братецъ вашъ... За что же, Маріамма, ты ко мнѣ приводишь ихъ по ночамъ? Къ Антипатру, къ моему Антипатру води ихъ: онъ удавилъ твоихъ и моихъ сыновей... Какъ я еще живъ? Вѣрно, змѣи добрѣе моего сына, хотя ихъ ядомъ хотѣли напоить меня... И кто же? Мой первенецъ, мой преемникъ... Я, видите ли, не старѣюсь, а все молодѣю... О, сынокъ! Торопился схватить корону... боялся, что не успѣешь наиграться этой игрушкой... А я ужъ наигрался этимъ золотымъ обручемъ... Почти тридцать семь лѣтъ онъ теръ мнѣ мозгъ... мозоли на мозгу натеръ мнѣ этотъ обручъ, будь онъ проклятъ!

Какъ бы опомнившись послѣ этихъ словъ, онъ отпустилъ Рамзеса, ничего не приказавъ ему. Вслѣдъ затѣмъ Ироду доложили, что пріѣхалъ намѣстникъ Сиріи, Варъ, тотъ самый Варъ, который, черезъ тринадцать лѣтъ послѣ этого, разбитый Арминіемъ въ Тевтобургскомъ лѣсу, потерялъ всѣ свои легіоны и самъ палъ въ битвѣ, и къ которому напрасно взывалъ убитый горемъ Августъ: «Vare, Vare, redde mihi legiones!».

Иродъ жаловался Вару на свои семейныя несчастія и просилъ быть совмѣстно съ нимъ судьей его преступнаго сына.

Антипатръ, между тѣмъ, возвращался изъ Рима, не подозрѣвая, что его ждетъ дома. Не успѣлъ Иродъ излить передъ Варомъ все свое горе, какъ въ покои вошелъ... Антипатръ. Съ нахальствомъ опытнаго злодѣя онъ бросился къ отцу съ распростертыми объятіями. Но Иродъ протягиваетъ впередъ руку, какъ бы защищаясь отъ удара.

— Прочь! Прочь!—кричитъ онъ.—Это ли не отцеубійца!.. Меня обнять, когда на совѣсти такая страшная вина! Провались ты сквозь землю, злодѣй!.. Не прикасайся ко мнѣ... Я даю тебѣ судъ и судью въ лицѣ Вара, прибывшаго какъ разъ кстати. Прочь отсюда и обдумай свою защиту до завтра...

Настало и это «завтра». Обширная тронная зала была переполнена присутствовавшими — родственники царя, приближенные, вся придворная знать, синедріонъ и масса свидѣтелей.

Вошелъ Антипатръ... Всѣ вопросительно, со страхомъ, перевели глаза отъ вошедшаго къ Ироду, который задрожалъ, уви-

дѣвъ сына... Антипатръ, шатаясь, протягивая впередъ руки, прямо лицомъ бросился на полъ у ногъ отца.

— Отецъ! — сдавленнымъ голосомъ проговорилъ онъ. — Умоляю тебя, не осуждай меня заранѣе, а выслушай безпристрастно мою защиту...

— Замолчи, недостойный!—грозно произнесъ Иродъ, а потомъ, обращаясь къ Вару, страстно заговорилъ.—Я увѣренъ, что ты Варъ, какъ и всякій другой добросовѣстный судья, признаешь Антипатра отвратительнымъ злодѣемъ. Я только боюсь, что ты будешь считать мою ужасную судьбу заслуженной, если я воспиталъ такихъ сыновей. Но, именно, вслѣдствіе этого я скорѣе заслуживаю сожалѣнія, ибо столь преступнымъ сыновьямъ я былъ, однако, такимъ любящимъ отцомъ. Моихъ прежнихъ сыновей я еще въ юношескомъ возрастѣ назначилъ царями, далъ имъ образованіе въ Римѣ, императора я сдѣлалъ ихъ другомъ и ихъ самихъ, вслѣдствіе этого, предметомъ зависти для другихъ царей. Но я находилъ, что они посягаютъ на мою жизнь, и они должны были, главнымъ образомъ, Антипатру въ угоду, умереть, потому что и его, еще юношу и престолонаслѣдника, я хотѣлъ обезопасить отъ всѣхъ. Но это ужасное чудовище, злоупотребляя моимъ долготерпѣніемъ, этотъ злодѣй обратилъ свое высокомѣріе противъ меня самого. Я слишкомъ долго жилъ для него, моя старость была ему въ тягость, онъ уже иначе не могъ сдѣлаться царемъ, какъ только чрезъ отцеубійство. Мнѣ суждено теперь принять заслуженную кару за то, что я пренебрегъ сыновьями, рожденными мнѣ царицей, пріютилъ отверженца и его назначилъ наслѣдникомъ престола. Признаюсь тебѣ, Варъ, въ моемъ заблужденіи: я самъ возстановлялъ противъ себя тѣхъ сыновей; ради Антипатра я разбилъ ихъ законныя надежды. Когда я тѣмъ оказывалъ столько благодѣяній, сколько этому? Еще при жизни я уступилъ ему всю почти власть, всенародно въ завѣщаніи назначилъ его моимъ преемникомъ, предоставилъ ему пятьдесятъ талантовъ собственнаго дохода и щедро поддерживалъ его изъ моей казны. Еще недавно я далъ ему на поѣздку въ Римъ триста талантовъ и отличилъ его предъ всей моей семьей тѣмъ, что представилъ его императору, какъ спасителя отца. Что тѣ мои сыновья учинили такого, что можно было бы сравнить съ преступленіями Антипатра? И какія улики выставлены были противъ нихъ, въ сравненіи съ тѣми, которыми доказывается виновность этого? Однако, отцеубійца имѣетъ дерзость что-то

сказать въ свою защиту; онъ надѣется еще разъ окутать правду ложью. Варъ, будь остороженъ! Я знаю это чудовище; я знаю напередъ, какую личину онъ напялитъ на себя для внушенія довѣрія, какую коварную визготню онъ подыметъ здѣсь предъ нами. Знай, что это тотъ, который все время, когда жилъ Александръ, предупреждалъ меня остерегаться его и не довѣрять своей особы кому бы то ни было. Это тотъ, который имѣлъ доступъ даже въ мою опочивальню, который оглядывался всегда, чтобы кто-либо не подкараулилъ меня. Это тотъ, который охранялъ мой сонъ, который заботился о моей безопасности, который утѣшалъ меня въ моей скорби по убитымъ, который долженъ былъ наблюдать за настроеніемъ умовъ своихъ живыхъ братьевъ, мой защитникъ, мой хранитель! Когда я вспоминаю это воплощенное коварство и лицемѣріе, о, Варъ, тогда я не могу постичь, какъ это я еще живу на свѣтѣ, какъ это я спасся изъ рукъ такого предателя! Но разъ злой демонъ опустошаетъ мой домъ и тѣхъ, которые дороже моему сердцу, превращаетъ всегда въ моихъ враговъ, то я могу только оплакивать несправедливость моей судьбы и стонать надъ своимъ одиночествомъ. Но пусть никто изъ жаждущихъ моей крови не избѣгнетъ кары, если бы даже обвиненіе охватило кругомъ все мое потомство!

Волненіе захватило ему духъ, и онъ больше не могъ говорить.

Но едва докладчикъ, при гробовомъ молчаніи собранія, началъ было излагать обвинительные факты, какъ Антипатръ, все время лежавшій распростертымъ у ногъ отца, поднялъ голову.

— О, отецъ,—воскликнулъ онъ страстно,—ты самъ защищаешь меня!.. Какъ я могу быть отцеубійцей, когда ты, какъ самъ сознаешься, все время находилъ во мнѣ своего сторожа? Моя сыновняя любовь, сказалъ ты, была одна только ложь и лицемѣріе... Но какъ это я, по твоему такой хитрый и опытный во всемъ, могъ быть настолько безразсуденъ, чтобъ не подумать, что тотъ, который беретъ на свою совѣсть такія преступленія, не можетъ укрыться даже отъ людей, а тѣмъ болѣе отъ Всевидящаго и Вездѣсущаго Судьи на небесахъ! Или мнѣ было безъизвѣстно, какой конецъ постигъ моихъ братьевъ, которыхъ Богъ такъ наказалъ за ихъ злые помыслы противъ тебя? И что могло меня возстановить противъ тебя? Притязаніе на царское достоинство? Но я же былъ царемъ. Боязнь предъ твоей ненавистью? Но не былъ ли я любимъ тобою? Или я изъ-за тебя долженъ былъ опа-

саться другихъ? Но, вѣдь, я, охраняя тебя, былъ страшенъ всѣмъ другимъ. Быть можетъ, нужда въ деньгахъ? Но кто имѣлъ возможность жить роскошнѣе меня? И будь я отщепенецъ рода человѣческаго, обладай я душой необузданнаго звѣря, не должны ли были побѣдить меня благодѣянія твои, отецъ ты мой! Ты, который, какъ самъ говоришь, принялъ меня во дворецъ, избралъ изъ всѣхъ своихъ сыновей, еще при жизни твоей возвелъ меня въ царскій санъ и многими другими чрезмѣрными благодѣяніями сдѣлалъ меня предметомъ зависти? О, какимъ несчастнымъ сдѣлала меня эта проклятая поѣздка! Сколько простора я далъ зависти! Сколько времени—клеветникамъ! Но для тебя же, отецъ, и въ твоихъ интересахъ я предпринялъ это путешествіе, для того, чтобы Силлай не насмѣялся надъ твоей старостью (при словѣ «Силлай» Саломея злобно покосилась на Ирода, но онъ этого не замѣтилъ). Римъ свидѣтель моей сыновней любви и властитель міра—императоръ, который часто называлъ меня «филопаторомъ»—отцелюбцемъ. Возьми, отецъ, это письмо отъ него,—(Антипатръ положилъ письмо Августа на колѣни Ирода),—оно заслуживаетъ больше довѣрія, чѣмъ всѣ клеветы, произнесенныя здѣсь противъ меня; это письмо мой единственный защитникъ; на него я ссылаюсь, какъ на свидѣтельство моей нѣжной любви къ тебѣ. Вспомни, отецъ, какъ неохотно я выѣхалъ, вѣдь, я хорошо зналъ скрытую вражду противъ меня въ государствѣ. Ты, отецъ, самъ того не желая, погубилъ меня тѣмъ, что заставилъ меня дать время зависти злословить. Теперь я одинъ здѣсь, я здѣсь, чтобы смотрѣть обвиненію въ лицо! На сушѣ и на морѣ меня, отцеубійцу, не постигло никакое несчастіе. Но это доказательство мнѣ не поможетъ, потому что я проклятъ Богомъ и тобою, отецъ! Если такъ, то я прошу не вѣрить показаніямъ, исторгнутымъ пыткой у другихъ, а для меня пусть принесутъ сюда огонь, въ моихъ внутренностяхъ пусть копаются орудія смерти!.. Пусть ничье сердце не смягчится воемъ негодяя! Разъ я отцеубійца, я долженъ умереть безъ мученій!

Это уже были не слова, а вопли, стоны и рыданія, которыя проникали въ душу каждаго, даже Вара. Одинъ Иродъ остался непреклоненъ.

Тогда докладчикъ изложилъ всѣ обвиненія, уже извѣстныя намъ, а Варъ приказалъ ввести въ собраніе одного осужденнаго на казнь плѣнника.

Это былъ египтянинъ, очень древній, но необыкновенно бо-

дрый старикъ. Нѣкогда онъ былъ жрецомъ Изиды, такъ какъ происходилъ изъ жреческой касты, и уже юношей былъ посвященъ въ тайны этой богини; но увлеченія молодости, отъ которыхъ несвободны и служители божества, довели его до того, что молодой жрецъ былъ изгнанъ изъ храма богини и сдѣлался врачемъ, особенно искуснымъ въ составленіи ядовъ. Онъ-то и изготовилъ для Антипатра, по заказу его довѣреннаго, смертельный ядъ, который долженъ былъ погубить Ирода. Теперь онъ, схваченный клевретами Ирода въ Александріи и повинившійся во всемъ, предсталъ предъ лицо того, кому онъ готовилъ смертное снадобье.

Странное стеченіе обстоятельствъ! Въ первой главѣ настоящаго повѣствованія, если не забылъ читатель, наканунѣ вѣнчанія на царство Клеопатры, этотъ составитель ядовъ, тогда еще молодой жрецъ, пророчилъ гибель Египту чрезъ то, что Клеопатра получитъ вѣнецъ фараоновъ изъ рукъ римлянина Цезаря, и что гибель эту предсказывала птица, именно, филинъ, который, въ годъ рожденія Клеопатры, каждую ночь кричалъ на вершинѣ пирамиды Хеопса.

— Тебѣ принадлежитъ этотъ сосудъ и заключающееся въ немъ?—спросилъ Иродъ бывшаго жреца, передавая ему небольшую скляночку съ ядомъ.

— Прежде принадлежалъ мнѣ, а теперь онъ принадлежность твоего сына, Антипатра,—дерзко отвѣчалъ египтянинъ.

— Выпей же содержимое въ сосудѣ,—сказалъ Варъ.

— Охотно... Это питье моментально перенесетъ меня въ царство Озириса, о которомъ я давно мечтаю.

Едва онъ приложилъ горлышко склянки къ губамъ, какъ тотчасъ же упалъ, словно пораженный молніей.

Не успѣли присутствовавшіе опомниться отъ этого потрясающаго момента, какъ въ залу вошелъ Рамзесъ и молча подалъ Ироду какія-то бумаги.

— Что это?—спросилъ Иродъ.

— Я не умѣю читать,—отвѣчалъ негръ.

Иродъ развернулъ одинъ листокъ.

— Не понимаю... Тутъ подпись какой-то Акмы,—въ недоумѣніи проговорилъ онъ.

— Это вольноотпущенница императрица, божественной Юліи Августы,—сказалъ Варъ.

— А! Она пишетъ мнѣ: «Царю Іудеи Ироду, ave! Изъ со-

чувствія къ тебѣ препровождаю, по секрету, письма сестры твоей, Саломеи, найденныя мною между бумагами августѣйшей Юліи. Доброжелательная Акма».

Услыхавъ свое имя, Саломея вскочила и смотрѣла, какъ потерянная, не въ состояніи произнести слова.

— А! Тутъ и Антипатру посланіе,—продолжалъ Иродъ, разбирая бумаги.—«Антипатру царевичу, ave! Согласно твоему указанію, я писала твоему отцу и препроводила ему тѣ письма. Я убѣждена, что, прочитавъ ихъ, царь не пощадитъ своей сестры. Когда все удастся, ты, я надѣюсь, не забудешь своихъ обѣщаній. Акма».

Лицо Ирода еще болѣе исказилось гнѣвомъ.

— А, извергъ! Онъ и надъ сестрой моей занесъ мечъ! Эти гнусныя письма тоже поддѣланы подлымъ скрибой подъ руку Саломеи, которая, будто бы, поноситъ меня и обвиняетъ... О, Варъ, пожалѣй меня, произведшаго на свѣтъ такое чудовище!

— О! Исчадіе ада!—могла только воскликнуть Саломея, пораженная тѣмъ, что и ее, демона, могъ обойти другой демонъ, которому она была союзницей.

— Уберите эти два трупа,—сказалъ Иродъ, указывая на мертваго египтянина и на Антипатра, все еще распростертаго у его ногъ.

XXVII.

Потрясенія послѣднихъ дней были слишкомъ сильны даже для такого человѣка, какъ Иродъ. Онъ впалъ въ маразмъ, и его день и ночь преслѣдовали призраки.

Въ полусознаніи, въ полубреду онъ переживалъ всю свою ужасную жизнь Свѣтлыя видѣнія прошлаго чередовались въ его мозгу съ видѣніями мрачными. Гордость торжества, славы, величія подавлялась сознаніемъ гибели всего, сознаніемъ ничтожества того, что принесли итоги его разбитой жизни. Ему казалось, что рушится все созданное имъ: города, храмы, дворцы, накопленныя груды золота, и онъ самъ погибаетъ подъ развалинами всего имъ созданнаго, подъ обломками своего величія... Нѣтъ, еще хуже! Все это будетъ жить тысячелѣтія, напоминать собою имя Ирода, а Иродъ уже не живетъ... Онъ трупъ, онъ разлагается... «Все суета!» и онъ въ полубезуміи проклинаетъ того, кто первый сказалъ эту правду... «Все суета!»... Да будь про-

клято все!.. Будь проклято прошлое, которое радовало его, толкало въ жизнь, къ славѣ, къ могуществу... Онъ вмѣстѣ съ отцомъ спасаетъ Цезаря отъ солдатъ фараоновъ, вѣнчаетъ на царство Клеопатру... Эти сфинксы, пирамиды, рогатый богъ, неистовствующій при видѣ пурпура на тогѣ Цезаря... «Клеопатра! Не гляди на меня такъ... не я загналъ тебя въ склепъ твоей пирамиды... рокъ проклятый!»...

— Кто это кричитъ: на крестъ Ирода! На Голгоѳу! Распять его!.. А! Это народъ кричитъ передъ синедріономъ за то, что я казнилъ Іезекію и его шайку... На крестъ Ирода! На Голгоѳу? И вотъ я на крестѣ... Мой тронъ—моя Голгоѳа... А Аристовулъ всплылъ на поверхность бассейна... какое бѣлое тѣло! Погрузить, погрузить его опять въ воду, а то Маріамма увидитъ... Нѣтъ, не увидитъ... Медомъ залиты ея прекрасные глаза, а Клеопатра ихъ выколола... Будь ты проклята!.. Нѣтъ, нѣтъ, не я похоронилъ- въ склепѣ пирамиды тебя, послѣдній фараонъ... Это тотъ юноша съ глазами сфинкса... А теперь онъ—властитель міра, а у меня—только Голгоѳа и крестъ... О, Антипатръ! О, дѣти мои! Жены, внуки! Будьте вы всѣ прокляты!.. А кто меня проклялъ!.. Гирканъ, первосвященникъ безъ ушей... онъ проклялъ.

Этотъ бредъ переходилъ въ изступленіе. Сознаніе неизбѣжности смерти превращало его въ бѣшенаго звѣря.

— А! Вы ждете моей смерти, смерти вашего царя!.. Такъ я же буду вамъ не іудейскимъ царемъ, а скиѳскимъ... Когда я буду умирать, я велю привести въ Иродіонъ всѣхъ знатнѣйшихъ мужей и юношей со всей Іудеи и велю распять ихъ вокругъ всего Иродіона, чтобы лица ихъ обращены были ко мнѣ, а свой смертный одръ прикажу вы[illegible] и со мной на кровлю моего дворца, и, умирая, буду видѣть, какъ умираютъ они... Вокругъ могилы скиѳскаго царя стоятъ на мертвыхъ коняхъ пятьдесятъ убитыхъ скиѳовъ, а вокругъ моего золотого смертнаго одра будутъ висѣть пять тысячъ распятыхъ...

Въ полубреду, въ полусознаніи, онъ машинально подошелъ къ окну. Ему бросилась въ глаза Елеонская гора съ ея опаленной солнцемъ сѣрой вершиной и сѣдоватыми оливковыми деревьями Геосиманіи у ея пологаго подножія. Ближе—высился храмъ во всей его чудной красѣ, съ его галлереями, колоннадами, портиками... Въ сердцѣ Ирода проснулась гордость строителя этого новаго чуда свѣта!.. Тамъ же сверкалъ на солнцѣ гигантскій золотой орелъ.

Но что это на кровлѣ храма? Какіе-то люди... Что они дѣлаютъ тамъ? Зачѣмъ взобрались на кровлю надъ самымъ римскимъ орломъ, который водруженъ тамъ по повелѣнію Ирода? Они по канатамъ спускаются къ самому орлу... Они рубятъ его топорами!.. Что это? Опять бредъ?.. Будьте вы прокляты, всѣ мои видѣнія, всѣ призраки!.. Но это не призраки... Я не сплю, не брежу... Орла рубятъ... Я слышу радостные крики народа...

— Эй! Кто тутъ? Рамзесъ! Стража!

Входитъ Рамзесъ.

— Посмотри, что это на храмѣ? Что они дѣлаютъ?

— Рубятъ орла, господинъ... Чернь бунтуетъ... Начальникъ галатовъ ужъ поспѣшилъ туда съ отрядомъ.

— Привести ко мнѣ главныхъ бунтовщиковъ! О, я еще покажу имъ себя!

Немного погодя, къ внѣшней дворцовой галлереѣ галаты пригнали около сорока молодыхъ іудеевъ и съ ними двухъ старыхъ вѣроучителей изъ фарисеевъ, Іуду и Матѳія, которые пользовались громаднымъ авторитетомъ не только въ Іерусалимѣ, но и во всей Іудеѣ. Иродъ вышелъ къ нимъ на галлерею. Его удивилъ смѣлый, даже веселый видъ арестованныхъ юношей.

— Вы ли это дерзнули разрубить золотого орла?—спросилъ ихъ Иродъ.

— Мы!—въ одинъ голосъ отвѣчали арестованные.

— Кто вамъ это внушилъ?

— Законъ отцовъ нашихъ,—былъ отвѣтъ, но не смиренный, а какой-то задорный, радостный, приведшій Ирода въ недоумѣніе.

— Почему же вы такъ веселы, когда васъ ждетъ смерть?—спросилъ онъ.

— Послѣ смерти насъ ждетъ лучшее счастье,—отвѣчали юноши.

Иродъ пожалъ плечами. Его поразила такая стойкость, такая несокрушимость народной воли. Онъ обратился къ старикамъ, которые съ ободряющей улыбкой смотрѣли на юношей.

— Это вы научили ихъ? Вы подвигнули на преступленіе этихъ почти дѣтей?—спросилъ онъ.

— Мы!—отвѣчалъ Іуда.

— Но, вѣдь вы толкаете ихъ въ объятія смерти!

— Да!—отвѣчалъ Матѳій.—Мы толкаемъ ихъ въ объятія

смерти... Но что можетъ быть почетнѣе и славнѣе, какъ умереть за завѣты отцовъ! Кто такъ кончаетъ, того душа остается безсмертной и вкушаетъ вѣчное блаженство... только дюжинныя личности, чуждыя истинной мудрости и не понимающія, какъ любить свою душу, предпочитаютъ смерть отъ болѣзни смерти подвижнической.

— Хорошо!—вскричалъ Иродъ, въ которомъ опять закипѣла болѣзненная злоба.—Я доставлю это удовольствіе вамъ и всѣмъ недюжиннымъ личностямъ!

Дѣйствительно, на другой же день Іуду и Матѳія и съ ними тѣхъ юношей, которые была на кровлѣ храма и разрубили римскаго орла, сожгли живыми на кострѣ, а остальныхъ распяли на крестахъ.

Послѣ этого случая,—говоритъ іудейскій историкъ, — болѣзнь охватила все тѣло Ирода и въ отдѣльныхъ частяхъ его причиняла ему самыя разнообразныя страданія. Его мучила лихорадка, а на всей поверхности кожи онъ испытывалъ невыносимый зудъ, а равно постоянныя боли въ задне-проходной кишкѣ; на ногахъ у него образовались отеки, какъ у людей, одержимыхъ водянкой, на животѣ—воспаленіе, а въ срамной области гніющая язва, питавшая червей. Ко всему этому наступали припадки удушья, лишавшіе его возможности лежать, и судороги во всѣхъ членахъ. Мудрецы объясняли его болѣзнь небесной карой за смерть законоучителей. Онъ же самъ, несмотря на отчаянную борьбу съ такой массой страданій, цѣпко держался за жизнь: онъ надѣялся на выздоровленіе и думалъ о средствахъ леченія. Онъ отправился на ту сторону Іордана, чтобы воспользоваться теплыми купаньями въ Каллироѣ, вода которой течетъ въ Мертвое море и до того прѣсна, что ее можно также и пить. Врачи предполагали здѣсь согрѣвать все его тѣло теплымъ масломъ. Но когда его опустили въ наполненную масломъ ванну, въ глазахъ у него помутилось, и лицо его искривилось, какъ у умирающаго. Крикъ, поднятый слугами, привелъ его, однако, опять въ сознаніе. Но съ тѣхъ поръ онъ уже самъ больше не вѣрилъ въ свое исцѣленіе и велѣлъ раздать воинамъ по пятидесяти драхмъ каждому, а начальникамъ и друзьямъ своимъ болѣе значительныя суммы.

Прибывъ на обратномъ пути въ Іерихонъ,—говоритъ далѣе тотъ же историкъ,—Иродъ въ своемъ мрачномъ настроеніи, же-

лая какъ будто бросить угрозу самой смерти, предпринялъ безбожное дѣло. Онъ приказалъ собрать знатнѣйшихъ мужей со всѣхъ мѣстъ Іудеи и запереть ихъ въ ипподромъ; затѣмъ призвалъ къ себѣ сестру свою Саломею и мужа ея Алексу, своего любимца... Саломеѣ такъ и не удалось соединить свою судьбу съ романтическимъ «сыномъ Петры» Силлаемъ, котораго ненавидѣлъ Иродъ.

— Я знаю,—сказалъ онъ Саломеѣ и Алексѣ,—что іудеи будутъ праздновать мою смерть, какъ юбилейное торжество. Однако, мнѣ могутъ устроить и трауръ, и блестящую погребальную процессію, если только вы пожелаете исполнить мою волю... Какъ только я умру, тогда вы оцѣните воинами тѣхъ заточенныхъ въ ипподромѣ и прикажите какъ можно скорѣе изрубить ихъ... Пусть вся Іудея и каждое семейство, противъ своей воли, плачутъ надъ моею смертью...

Съ злодѣемъ послѣ этого сдѣлался глубокій обморокъ.

Очнувшись черезъ нѣсколько минутъ, онъ увидѣлъ вокругъ своего ложа встревоженныхъ врачей, Саломею и сыновей Архелая и Филиппа, только что воротившихся изъ Рима. Юноши стояли на колѣняхъ, держа въ своихъ рукахъ холодныя руки отца. Иродъ поглядѣлъ на нихъ угасшимъ взоромъ.

— А, это вы... Что императоръ?—слабымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Шлетъ тебѣ привѣтъ и посланія самыя дружескія,—отвѣчалъ Архелай.

— А что Акма?

— При насъ надъ нею совершена была казнь.

— А!—глаза Ирода блеснули: и умирая онъ думалъ только о мести. При видѣ врачей новое злое чувство шевельнулось въ душѣ изверга.—А! Вы не умѣли облегчить меня,—подумалъ онъ своимъ кровожаднымъ мозгомъ,—такъ я облегчу васъ... Вы со мною пойдете въ загробный міръ... Какъ хорошъ обычай у скиѳовъ... за царемъ—всѣ!..

— Императоръ согласелъ на казнь Антипатра,—поспѣшила Саломея сообщить братцу радостную вѣсть.

— А! Только я хочу самъ видѣть его казнь... Вы обѣщаете влить въ меня столько силы, чтобы я самъ могъ убить своего преступнаго сына?—обратился онъ къ врачамъ.

— Обѣщаемъ, царь.

Онъ махнулъ рукой, чтобы всѣ вышли, и закрылъ глаза. Въ болѣзненномъ мозгу его, какъ въ разбитомъ вдребезги зеркалѣ, безпорядочно отражались картины прошлаго, лица, событія, гдѣ дѣйствительность перепутывалась съ бредомъ... Раби Элеазаръ, гдѣ онъ? Гдѣ его бѣлый голубь?.. Пароянe съѣли голубка... А тотъ голубокъ, что выпалъ изъ гнѣзда?.. Іудея выпала изъ гнѣзда, а я ее поднялъ... а она меня ненавидитъ...Будь же ты проклята!.. Гдѣ-жъ раби Элеазаръ?.. А! Я велѣлъ Соему убить его... не води Маріамму и Аристовула, маленькихъ, къ гробницамъ пророковъ... съ того дня она и возненавидѣла меня. Соемъ сказалъ... Меня тогда судилъ синедріонъ... Меня! Ирода! Вотъ я васъ!.. Это іудеи точатъ мое тѣло... іудеи—черви!.. Громи Римъ, Мессала, громи за Ирода... А гдѣ тотъ ядъ, что я нашелъ въ рукояткѣ меча Малиха? Его выпилъ египтянинъ? Нѣтъ, египтянинъ выпилъ свой ядъ... Вотъ бы мнѣ такого, разомъ смерть!.. Нѣтъ, я не хочу смерти... Я выздоровѣю и поѣду въ Римъ, въ Идумею, въ Петру, въ Египетъ... Хочу видѣть всѣ мѣста, гдѣ я былъ молодымъ... Пирамиды, сфинксы, Нилъ... На Форумѣ побываю... Юпитеръ! Оживи меня... я въ Капитоліѣ вылью тебя изъ чистаго золота... А орла разрубили... Это Юпитеровъ орелъ. я новый воздвигну надъ храмомъ... Дѣти воротились изъ Рима... Архелая назначу царемъ... Нѣтъ! Рано еще—я самъ царь. О, посмотрю, какъ ты будешь умирать, мой первенецъ!.. А какъ я радовался, когда мнѣ его родила Дорида... радовался рожденію ехидны... Отчего же мы всѣ любили своего отца? А! Понимаю! Оттого, что онъ не былъ царемъ... Золотой обручъ на головѣ, ослѣпляетъ людей... вѣнецъ притягиваетъ къ себѣ мечи, кровь, ядъ»...

Онъ открылъ глаза и, къ удивленію своему, почувствовалъ, что какъ будто сталъ бодрѣе, и грудь дышала болѣе свободно. Онъ всталъ и подошелъ къ окну. При видѣ открывшейся передъ нимъ картины ему страстно захотѣлось жить, двигаться, дѣйствовать. Эти букеты пальмъ, группами разбросанныхъ въ долинѣ Іордана, эти роскошныя бальзаминовыя рощи, сѣроватая и яркая зелень вербъ и олеандровъ въ цвѣту, окаймлявшая теченіе Іордана, правѣе—гладкая какъ зеркало, свинцовая поверхность Мертваго моря, а за нимъ—причудливые изломы Моавитскихъ горъ, какъ бы падавшихъ въ море, ярко-бирюзовое небо Заіор-

данья и доносившіеся издали отзвуки жизни, все это манило его къ себѣ неотразимой силой.

А между тѣмъ капризная память съ неотразимой настойчивостью переносила его воображеніе въ прошлое. Въ умѣ вставали лица и событія, заполнившія собою всю его жизнь, лица, сросшіяся съ его существованіемъ и, между тѣмъ, оторванныя отъ него смертью, лица и близкія ему, и далекія, дорогія и враждебныя, друзья и враги... Всѣхъ унесла смерть, оставивъ его одного жить и... питать собою червей при жизни!.. Цезарь—заколотъ, Брутъ и Кассій—заколоты, Антоній—заколотъ, Клеопатра—заколота зубомъ ехидны, отецъ—отравленъ Малихомъ, Малихъ—заколотъ Люпусомъ, Помпей—лишенъ головы, Фазаэль—разбитъ о скалу, Антигонъ—обезглавленъ, Гирканъ—зарѣзанъ, Аристовулъ—утопленъ, Маріамма—заколота въ спину, Элеазаръ—зарѣзанъ, Іосифъ, братъ—обезглавленъ, Іосифъ, мужъ Саломеи—убитъ, Соемъ—убитъ, Іуда фарисей иМатѳій—сожжены живыми, Акма—казнена, дѣти его — Александръ и Аристовулъ — удавлены.

— Будь ты проклята, жизнь!—прошепталъ онъ, отворачиваясь отъ окна.—Рамзесъ!

На зовъ его явился негръ.

— Принеси яблокъ, какъ всегда,—сказалъ Иродъ. Яблочная кислота облегчала его, уменьшая сухость во рту.

Рамзесъ принесъ яблоки на золотомъ блюдѣ, тарелку и ножъ и поставилъ все это у постели Ирода.

— Прикажи всѣмъ готовиться къ отъѣзду въ Іерусалимъ,—сказалъ послѣдній, взявъ ножъ и яблоки.

Когда Рамзесъ удалился, Иродъ осторожно оглядѣлся кругомъ, нѣтъ ли кого въ опочивальнѣ. Замѣтивъ, что никого не видно, онъ быстро занесъ надъ собою руку съ ножомъ, чтобы поразить себя въ сердце; но въ этотъ моментъ словно изъ земли выросъ Акиба-Ахіавъ, сынъ Фазаеля, и схватилъ его за руку.

— О! — застоналъ Иродъ.—«Дайте мнѣ умереть!.. Прочь, Акиба! Пусти! Я царь!.. Я велю себѣ умереть!.. Я хочу казнить себя! Пусти! Я твой царь!

На крикъ Акибы прибѣжали Саломея, Алекса, Архелай, Филиппъ, Антипа, врачи, евнухи, Рамзесъ, упавъ на колѣни, рвалъ свои курчавые негритянскіе волосы. «О, о! Я подалъ ему ножъ. Онъ приказалъ!..»

Вопли рабынь огласили весь замокъ. Всѣ думали, что онъ умеръ, зарѣзался.

Въ это мгновеніе въ опочивальню вбѣжалъ начальникъ караула той части замка, гдѣ, закованный въ кандалы, сидѣлъ Антипатръ въ ожиданіи казни.

— Царь живъ! Хвала Господу!—воскликнулъ онъ въ тревогѣ.—А то Антипатръ...

— Что Антипатръ?—встрепенулся Иродъ, откуда и сила взялась почти у умирающаго.

— Царевичъ услыхалъ вопли... подумалъ, что ты скончался... просилъ стражу расковать его... но я не велѣлъ... я.

— А! Расковать!.. Стражи!—крикнулъ Иродъ не своимъ голосомъ:—Сейчасъ же убить его... Антипатра... убить, какъ собаку... Я хоть часомъ хочу пережить отцеубійцу... скорѣй, скорѣй!..

И онъ безъ чувствъ повалился на изголовье.

Началась медленная агонія, которая длилась еще пять дней. Иродъ то впадалъ въ безпамятство и бредилъ, то приходилъ въ сознаніе и дѣлалъ послѣднія распоряженія.

— Императору отправить мой перстень съ печатью и тысячу талантовъ!.. А! Это ты, Архелай... Тебя я назначаю царемъ... не обижай братьевъ... Гдѣ Филиппъ?

— Я здѣсь, отецъ... Я молюсь о твоемъ выздоровленіи.

— Поздно... Мнѣ предѣлъ положенъ... Тебя я назначаю наслѣдственнымъ княземъ Трахониты, Батапе и всего Заіорданья, чѣмъ владѣлъ братъ Фероръ... Когда будешь тамъ, посѣти то поле, гдѣ разсѣяны кости двѣнадцати тысячъ арабовъ, которыхъ я поразилъ послѣ землетрясенія... Антипу я назначаю тетрахомъ... А! Это ты, Саломея... Одна ты остаешься изъ моихъ единокровныхъ... Фазаель, Іосифъ, Ферроръ—въ загробной области... Помнишь мою волю, сестра, послѣднюю волю?

— Помню, мой возлюбленный братъ.

— Въ ипподромѣ всѣхъ... нѣтъ, лучше на крестъ всѣхъ... вокругъ Иродіона... Я буду тѣмъ мѣднымъ зміемъ въ пустынѣ, а они будутъ воздѣвать ко мнѣ руки.

Онъ начиналъ бредить, когда страданія усиливались.

— На кровлѣ замка я слышу филина... Онъ не даетъ мнѣ спать... Убить его... Его слышали и на пирамидѣ Хеопса... Это было передъ смертью Аписа... Глупый быкъ! На Цезаря хотѣлъ

броситься... Черный братъ Рамзеса... какъ онъ ловко убилъ льва... habet!.. А! Манассія бенъ-Іегуда... на крестъ его, на крестъ!

То ему представлялось, что онъ убѣгаетъ отъ преслѣдованія пареянъ и Антигона, томится въ пустынѣ между Петрой и Ринокорурой или стоитъ въ Пелузіѣ на берегу моря.

— Не гляди на меня зелеными очами, море... не грози мнѣ... Тамъ, за этими зелеными водами, Римъ... Рамзесъ!

— Я здѣсь, господинъ .Я молюсь всѣмъ богамъ Египта и Нубіи, чтобы они исцѣлили тебя.

— Подай ножъ и яблоки.

Рамзесъ снова рветъ свои сѣдые, курчавые волосы.

— Онъ бредитъ,—тихо говоритъ Саломея.

Наступилъ приступъ удушья. Это было утромъ мѣсяца 2-го шевата. На этотъ разъ припадокъ продолжался особенно долго, и когда кончился кашель, Иродъ едва могъ дышать.

— Гдѣ я?—спросилъ онъ, поводя по сторонамъ помутившимся взоромъ.

— Въ Іерихонѣ, возлюбленный братъ мой и царь,—отвѣчала Саломея.

— Въ Іерихонѣ? А не въ Іерусалимѣ?

— Въ Іерихонѣ, царь,—подтвердилъ Алекса...

— Я хочу въ Иродіонъ... въ мой городъ...

Снова начинался приступъ удушья, послѣдній приступъ. Иродъ, казалось, чувствовалъ это и собралъ послѣднія силы.

— Тѣхъ, что въ ипподромѣ... всѣхъ на крестъ...

Онъ не договорилъ своего безбожнаго приказа: тѣло его судорожно вытянулось, и смрадное дыханіе Ирода вылетѣло изъ его груди вмѣстѣ съ жизнью. По лицу прошла тѣнь, то была смерть.

— Сейчасъ, не медля ни минуты, пока воины не узнали о его кончинѣ, иди и объяви приказъ царя освободить всѣхъ заключенныхъ въ ипподромъ,—быстро сказала Саломея мужу,—а потомъ, въ присутствіи войска и народа, вскроемъ его духовное завѣщаніе.

Взглядъ ея, провожавшій мужа, ясно говорилъ: «Теперь я и тебя отправлю за твоимъ царемъ, и ужъ никто не помѣшаетъ мнѣ, наконецъ, сдѣлаться женою сына Петры».

Когда Алекса воротился и объявилъ, что всѣ заключенные освобождены изъ ипподрома, Саломея, призвавъ царевичей, объ-

явила имъ, что прежде всего нужно тѣло умершаго царя перенести на парадную его постель, а потомъ выставить всенародно и уже надъ тѣломъ прочитать послѣднія распоряженія умершаго. Затѣмъ тотчасъ же дать знать въ Іерусалимъ о кончинѣ царя и велѣть прибыть въ Іерихонъ всѣмъ женамъ Ирода съ дѣтьми и другими родственниками.

Въ Іерусалимъ тотчасъ же полетѣли гонцы, а послѣ полудня іерихонскій дворецъ и дворцовая площадь были переполнены членами царскаго семейства придворными чинами, вольноотпущенниками, евнухами, рабами, тѣлохранителями изъ галатовъ, германцевъ, ѳракійцевъ и римлянъ.

Наконецъ, при общемъ плачѣ, конечно, притворномъ, тѣло Ирода вынесено было къ народу. Оно покоилось на парадной изъ массивнаго золота кровати, украшенной драгоцѣнными камнями Индіи и другихъ восточныхъ странъ; покрывало на ней—изъ чистаго пурпура съ яркими золотыми узорами; тѣло Ирода, лежавшее на этомъ великолѣпномъ покровѣ, было задрапировано алымъ сукномъ. Голову Ирода обвивала діадема, а надъ нею лежала золотая корона, стоившая столько крови Іудеѣ и другимъ странамъ. Въ правую мертвую руку Ирода была вложена держава, съ которою рука мертвеца не должна была разставаться и въ могилѣ.

Когда, по знаку Саломеи, фальшивые вопли смолкли, хранитель царской печати и перстня выступилъ впередъ и торжественно провозгласилъ:

— Да будетъ прославлено имя царя Ирода во вѣки вѣковъ изъ конца въ конецъ вселенной! Утѣшьтесь, убитые горемъ іудеи, и вы, воины его, и помолитесь Всевышнему объ успокоеніи праведной души великаго Ирода на лонѣ Авраама!

Затѣмъ онъ прочелъ рескриптъ Ирода къ войску, которому онъ напоминалъ о непоколебимой вѣрности его наслѣдникамъ—царю Архелаю, владѣтелю Іудеи и Самаріи; Антипѣ—тетраху Галилеи и Переи; Филиппу—князю Трахонитиды, Гавлонитиды, Батанси и Панеи со всѣмъ Заіорданьемъ, и царевнѣ Саломеѣ—владѣтельницѣ Іамніи, Азота и Фазаелиды.

Громкіе привѣтственные крики огласили воздухъ, когда впередъ выступилъ юный царь, Архелай, въ порфирѣ и со скипетромъ въ рукахъ, и тотчасъ же похоронная процессія двинулась къ Иродіону вдоль іерихонскаго берега Мертваго моря. Вся мно-

гочисленная семья Ирода—дѣти его, сестра, жены и весь сонмъ родственниковъ съ придворными чинами окружали парадную кровать, несомую галатами. Войско Ирода въ полномъ вооруженіи предшествовало печальному кортежу; тѣлохранители же царя—галаты, ѳракійцы и германцы слѣдовали непосредственно за тѣломъ бывшаго своего вождя. За ними—пятьсотъ вольноотпущенниковъ и рабовъ, которые по всему пути сожигали благовонія, а рабыни оглашали знойный воздухъ притворными воплями.

Такъ кончилъ Иродъ, которому льстивая исторія придала эпитетъ Великаго, забывъ, повторяю, пополнить этотъ эпитетъ болѣе достойнымъ его словомъ—Злодѣя.

Конецъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

В

Кн. 8.

ЦАРЬ И ГЕТМАНЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ 2-ХЪ ЧАСТЯХЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ОСНОВАНІЯ ПЕТЕРБУРГА И ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ.

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

Кн. 8.

ЦАРЬ И ГЕТМАНЪ.

Историческій романъ изъ временъ основанія Петербурга и Полтавской битвы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Царь Петръ Алексѣевичъ осматриваетъ работы, производимыя подъ наблюденіемъ стараго Виніуса въ новоотвоеванномъ у шведовъ Шлиссельбургѣ.

Работа идетъ напряженно, нервно, сообразно той страстной возбужденности, съ которою неугомонный царь, въ своемъ меркуріевомъ бѣгѣ за Европою, дѣлаетъ каждый свой быстрый шагъ, кладетъ кирпичъ на кирпичъ въ этой вавилонской башнѣ, въ которую онъ обратилъ всю Россію, какъ бы желая скорѣе добраться до неба, захватить у времени и у исторіи все, что потеряла Россія въ теченіе не одного столѣтія спячки, застоя и внутреннихъ неладицъ.

Со всего сѣверо-восточнаго клина Россіи согнаны десятки тысячъ рабочихъ къ этому крѣпкому Орѣшку, который, какъ прославляли хвалители царя, удалось, наконецъ, разгрызть всесокрушающимъ зубамъ россійскаго льва. Тысячи тачекъ неистово скрипятъ своими немазанными колесами, «словно лебеди распущенные». Тысячи лопатъ въ нѣсколько часовъ срываютъ до основанія горы и въ другихъ мѣстахъ громоздятъ новыя: не надо тамъ, гдѣ было—надо тамъ, гдѣ не было. Надо все сызнова, съ корня, съ листьевъ до почекъ перевернуть старое дерево...

А царь-непосѣда все торопитъ, все гонитъ, показываясь съ

своею геркулесовскою дубинкою то на томъ мѣстѣ работъ, то на другомъ. То падаетъ его гигантская тѣнь съ крѣпостной стѣны на воду, на насыпи, то выростаетъ вдругъ словно изъ земли между землекопами въ канавахъ, и рабочіе вздрагиваютъ при видѣ этой колоссальной фигуры, и лопаты, тачки, заступы, топоры шибко, лихорадочно двигаются, словно бы въ тактъ учащенному біенію пульса великана, который заставляетъ учащенно и усиленно биться пульсъ всей Русской земли.

Глубокою осенью 1702 года взята была съ бою шлиссельбургская крѣпость у неподатливаго шведа Шлиппенбаха, а теперь уже весна, апрѣль—рѣки и моря вскрылись, и шведы не сегодня завтра могутъ притти водою къ Орѣшку и взять его обратно... О! Это значитъ взять у Петра его любимое новорожденное дѣтище, его новую Россію... Вѣдь этотъ ковшъ воды—это ковшъ живой сказочной воды, отнятой у шведскаго ворона... Эта паутина Нева—это Аріаднина нитка, которая приведетъ Россію къ золотымъ яблокамъ Гесперидъ-Европы... Эта пядь земли, этотъ маленькій «шлиссель» — ключъ, Орѣшекъ — это ключъ въ Европу, ключъ апостола Петра, который отопретъ царю Петру и его Россіи двери въ рай... И послѣ этого утратить эту дорогую пядь земли!.. Ни за что! Никогда!..

Вотъ почему такъ лихорадочно горятъ глаза у безпокойнаго царя при видѣ этой нервной работы землекоповъ и каменщиковъ...

Прислонившись къ одной изъ башенъ крѣпости, Петръ задумчиво глядитъ вдаль. Онъ одѣтъ такъ просто, такъ бѣдно—такое грубое темнозеленое сукно у него на кафтанѣ, такое грубое, что когда нѣмка Аннушка, Монцова дочь, при видѣ его бросается ему на шею, то всегда поколетъ себѣ объ это сукно и нѣжныя ручки, и розовыя щечки; но зато это—свое сукно, не заморское, не астрадамовское, а сдѣланное на первой русской суконной фабрикѣ... Энергическое лицо царя отъ времени до времени нервно подергивается... Передъ нимъ влѣво даль водная, все Ладожское озеро искрится на солнцѣ серебряною рябью... Вдоль берега его—флотилія изъ лодокъ... Жалкія лодки, и ни одного корабля!.. А вправо эта нитка водяная, эта синяя паутина, протянутая къ Европѣ—Нева... Но Нева еще не вся его, устье въ рукахъ у шведовъ, и море заперто для этого водяного царя... Добраться до моря нельзя, тамъ стоитъ проклятый Ніен-

шанцъ, это дьяволъ съ огненнымъ мечомъ, не пускающій въ рай.. Надо его взять, этого дьявола... А какъ еще возьмешь?.. Шереметевъ скоро прибудетъ съ войскомъ... Ну, а если и тутъ ждетъ новая Нарва?.. Петръ вздрогнулъ и машинально такъ стукнулъ геркулесовской дубинкой о стѣну, что молоденькій денщикъ его, юноша лѣтъ восемнадцати-девятнадцати, чернокудрый Павлушка Ягужинскій, молча наблюдавшій за царемъ своими живыми, бѣгающими еврейскими глазенками, тоже невольно вздрогнулъ... Тутъ и Александръ Меншиковъ, боящійся прервать задумчивое молчаніе царя... Петръ золъ, заряженъ, онъ нервно подергивается: онъ шибко осерчалъ на стараго Виніуса, на его медленность. Онъ чуть со стѣны не сбросилъ обезумѣвшаго отъ страха стараго дьяка за недоставку артиллерійскихъ снарядовъ и лекарствъ для крѣпости, которую не сегодня-завтра могутъ обложить шведы...

Вдругъ распаленные внутреннимъ огнемъ взоры царя останавливаются на чемъ-то, что, повидимому, не было замѣчено прежде. Павлуша Ягужинскій съ юношескимъ любопытствомъ разсматриваетъ что-то копошащееся подъ стѣною крѣпости, у новаго канала.

А у канала мальчикъ въ лохмотьяхъ. Мальчику не болѣе семи-восьми лѣтъ. Оборвышъ чѣмъ-то серьезно занятъ. Живые глаза царя невольно приковались къ тому, что дѣлалъ этотъ оборвышъ. А оборвышъ, оснастивъ веревочками лапоть, поставивъ на немъ мачту изъ большого гусинаго пера и натянувъ изъ лоскутка онучи парусъ, перепускаетъ это оригинальное судно черезъ каналъ. Лапоть, подгоняемый вѣтеркомъ, бойко плыветъ черезъ каналъ. Оборвышъ радостно слѣдитъ за нимъ своими дѣтскими глазенками и по положеннымъ черезъ каналъ доскамъ торопливо перебѣгаетъ на ту сторону канала, чтобы причалить свое судно-лапоть. Такъ же радостно слѣдятъ за продѣлками маленькаго оборвыша и живые глаза царя. Лицо его, доселѣ хмурое, мрачное, темное и холодное, мгновенно озаряется какою-то теплотой, такъ былъ на немъ быстръ переходъ отъ мрачнаго гнѣва къ всепрощенію.

— Смотри-тко, Данилычъ!—сказалъ онъ отрывисто, показывая на маленькаго оборвыша.

— Вижу, государь... молодой матросъ...

— Навигаторъ,—вставилъ Павлуша.

Ртутный царь не вытерпѣлъ и сошелъ со стѣны къ каналу. Маленькій оборвышъ, увидавъ передъ собой громаднаго человѣка, такого большущаго, какого онъ ни разу не видалъ въ жизни, такъ и остался съ разинутымъ ртомъ, изумленно посматривая на этихъ, какъ ему казалось, солдатъ.

Царь ласково улыбался, глядя на маленькаго оборвыша, одѣтаго въ женскую кацавейку и въ опорки.

— Это что у тебя, малецъ?—спросилъ онъ.

— Карапь,—бойко отвѣчалъ мальчикъ.

Царь засмѣялся. Павлуша Ягужинскій даже прыснулъ.

— А изъ чего онъ у тебя слаженъ?—снова спросилъ царь, трепля мальчика по блѣдной, обвѣтренной щечкѣ.

— Это тятькинъ лапоть, а это онучка моя.

— Ай-да молодецъ! Ай-да морякъ!—радостно говорилъ царь.

Но мальчуганъ что-то заботливо бросился къ лаптю, бормоча: «Ишь ты, швединъ поганый!.. Постой, я тебя!..» Въ лаптѣ возилось что-то черненькое.

— Что это тамъ у тебя въ кораблѣ?—спрашиваетъ царь.

— А швецкой полопяникъ...

— Какъ? Какой полопяникъ?..

— Онъ царскій кормъ воровалъ, я и накрылъ его... Стой-стой, опрокинешь карапь.

— Да что у тебя тамъ? Говори!—уже нетерпѣливо спрашивалъ Петръ.

— Мышонокъ... онъ у насъ въ сумкѣ сухари все грызъ... А тятька и говоритъ: это шведъ царскій кормъ воруетъ... Я его и поймалъ, привязалъ на веревочку и катаю по морю, а послѣ кошкѣ отдамъ.

Бойкій мальчикъ, не подозрѣвая, кто передъ нимъ, смѣло болталъ, видя, что всѣхъ занимаетъ его «карапь», и вынулъ изъ лаптя самого мышенка... «Вотъ онъ, швединъ... ишь юркій какой...»

Мальчикъ окончательно очаровалъ царя. Онъ видѣлъ въ немъ врожденное стремленіе къ водѣ, къ морю. Это самородокъ. Его только поддержать, выучить, направить, и изъ него выйдетъ мореходецъ.

— А чей ты, мальчикъ? Какъ тебя зовутъ? Откуда ты?—нетерпѣливо спросилъ царь.

— Меня зовутъ Симкой... Насъ съ тятькой сюда пригнали на царскую работу... Тятька тамъ землю роетъ.

Царь задумался и молча глядѣлъ на мальчика. При видѣ его рубищъ, которыхъ онъ никогда не замѣчалъ, какъ, по привычкѣ, не замѣчалъ жалкаго вида рабочихъ, широко загадывая обо всей Россіи, о ея славѣ и могуществѣ, при видѣ дырявой кацавейки и старыхъ портокъ, чрезъ которыя сквозило маленькое, худощавое тѣло ребенка, онъ первно тряхнулъ головой и, доставъ изъ кармана нѣсколько серебряныхъ монетъ, бросилъ ихъ въ лапоть.

— Это тебѣ и тятькѣ, скажи, что царь пожаловалъ,—сказалъ онъ отрывисто и погладилъ ребенка.

Мальчикъ оторопѣлъ и обратилъ на великана свои сѣрые, свѣтлые, испуганные глаза.

— А ты, Павелъ, запиши его вмѣстѣ съ отцомъ: кто и изъ какихъ волостей,—обратился онъ къ Ягужинскому.

Мальчикъ попрежнему стоялъ испуганно, не смѣя прикоснуться къ лаптю.

— Возьми же деньги, Сима, не бойся... Я пожаловалъ ихъ тебѣ,—ласково сказалъ онъ мальчику.—А ты, Данилычъ, не забудь о немъ...

— Не забуду, государь.

— Запиши его въ мои навигаторы, въ московскую школу.

— Будетъ по сему, государь,—отвѣчалъ Меншиковъ.

Въ это мгновеніе на доскахъ, перекинутыхъ черезъ новый, узкій, но глубокій каналъ, по которымъ за нѣсколько минутъ передъ этимъ перебѣгалъ Симка за своимъ кораблемъ, а потомъ переходили царь, Меншиковъ и юный Ягужинскій, послышался крикъ испуга, и что-то тяжелое бухнуло въ воду...

— Караулъ! Караулъ!—послышались отчаянные крики.

Въ каналѣ кто-то барахтался, безпомощно хлопая объ воду руками и глухо взывая о помощи... Изъ воды показывается еще одна голова, потомъ другая... Все это отчаянно мечется, утопающіе хватаются одинъ за другого... видна послѣдняя, безумная, молчаливая борьба изъ-за послѣдняго дыханія, и всѣ трое исчезаютъ подъ водой...

Царь первый бросается спасать утопающихъ... Но какъ? Чѣмъ?

— Лодокъ! Багровъ! Сѣти!—кричалъ онъ громовымъ голо-

сомъ, такъ что вся крѣпость встрепенулась, тысячи рабочихъ, солдатъ и матросовъ бросились къ каналу, заслышавъ крикъ царя, и нѣкоторые матросы отважно ринулись въ холодную апрѣльскую ледяную воду...

— Лодокъ! Багровъ!—гремитъ голосъ царя.—Кто утонулъ?

— Доктора Лейма, государь, я позналъ,—отвѣчаетъ Меншиковъ.

— А я, государь, видѣлъ Кенигсека и Петелина,—прибавилъ Ягужинскій.

— Господи! Какое несчастіе!

Но вотъ и лодки съ баграми... Въ одну изъ нихъ прыгаетъ царь съ такою поспѣшностью, что едва не опрокидываетъ ее; да ему это нипочемъ, онъ любитъ воду.

— Государь! Береги себя!—кричитъ испуганно Меншиковъ.

— Ищи тамъ!.. Подавайся ниже!..

Лодки бьются на мѣстѣ, толкутся въ узкомъ каналѣ словно въ ступѣ, а утопленниковъ все не найдутъ.

— Спускай ниже!.. Ихъ водой несло... подайся сюда!—командуетъ царь, бороздя воду длиннымъ багромъ.

Лодки стукаются одна о другую. Меншиковъ постоянно повторяетъ, чтобъ берегли царя. Берега канала усыпаны народомъ, который напряженно ждетъ... Иные крестятся.

— Кто утонулъ?

— Нѣмцы, царя.

— Туда имъ, куцымъ, и дорога,—отзывается кто-то.

Наконецъ, багоръ царя зацѣпилъ что-то, тащитъ... Изъ воды показывается что-то сѣрое... спина человѣческая, а голова и ноги въ водѣ... Приподнимается багоръ выше, виденъ затылокъ утопленника и черные, мокрые волоса, падающіе на лицо...

— Благодареніе Богу... Кенигсекъ бѣдняжка...

Царь быстро схватываетъ его за шиворотъ и втаскиваетъ въ лодку.

— Ищи другихъ, тутъ должны быть,—распоряжается царь.

— Не клади, не клади, царь государь!—торопливо предупреждаетъ старый матросъ.—Не клади наземь, не отойдетъ, не откачаешь.

— Качать! Качать!—слышатся голоса.

Лодка пристаетъ къ берегу. Утопленника, словно мѣшокъ, слабо набитый чѣмъ-то мягкимъ, съ рукъ на руки сдаютъ стоя-

щимъ на берегу. Царь, проворно сбросивъ съ своего громаднаго тѣла кафтанъ, въ который можно было завернуть двухъ утопленниковъ, кидаетъ его на берегъ.

— Качайте на моемъ кафтанѣ!.. А ты, Данилычъ, обыщи его карманы, можетъ, есть важныя бумаги, государственныя, запечатать надо тутъ же...

— Еще тащутъ!—дрожитъ толпа.—Вонъ, вонъ, матушки!

Снова изъ-подъ воды показывается что-то скомканное, перегнутое, мертвое, но еще не окоченѣвшее... А Кенигсека кладутъ на царскій кафтанъ. Меншиковъ, исполняя приказъ царя, опоражниваетъ карманы утопленника и найденныя у него мокрыя бумаги тутъ же вкладываетъ въ небольшой сафьянный портфель и отдаетъ Ягужинскому.

— Запечатай тотчасъ и сохрани.

Кенигсека качаютъ. Безпомощно переваливается мертвое, посинѣвшее тѣло по кафтану. Изъ-за спутавшихся мокрыхъ волосъ, падающихъ слипшимися прядями на лицо, видны красивыя очертанія этого молодого, еще за нѣсколько минутъ полнаго жизни лица... теперь оно такое серьезное, молчаливое, застывшее...

— Лекаря бы надо,—съ безпокойствомъ говоритъ Меншиковъ, сильно встряхивая царскій кафтанъ.

— Да вонъ и лекаря тащутъ,—отвѣчаетъ юный Павлуша, который все видитъ и все слышитъ.

Дѣйствительно, изъ другой лодки выносятъ на берегъ другого утопленника — это докторъ Леймъ... Отыскиваютъ, наконецъ, и Петелина...

Въ трехъ мѣстахъ на берегу канала идетъ энергическое качанье трехъ свѣжихъ труповъ. Петръ не спускаетъ глазъ съ Кенигсека. Ему особенно жаль его, надо, во что бы то ни стало, оживить этого мертвеца, откачать, отнять у смерти... Она еще не успѣла его далеко унести... Душа его тутъ, близко, можетъ быть, за тѣми плотно сжатыми красивыми губами... Стоитъ только ихъ разжать, и онѣ порозовѣютъ, языкъ заговоритъ, душа скажется... Петръ трогаетъ эти губы, холодныя такія, мертвыя...

Кенитсекъ, или Кенисенъ, какъ называлъ его Петръ, былъ саксонскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ; а недавно, прельщенный выгодами службы въ Россіи, онъ поступилъ въ рус-

ское подданство, и Петръ былъ очень радъ пріобрѣсти себѣ такого служаку... И вдругъ, на глазахъ его онъ погибаетъ! Это большая потеря...

Но, можетъ быть, онъ отойдетъ... Онъ такъ недолго былъ подъ водой... Правда, вода ледяная, рѣжетъ, обжигаетъ своимъ холодомъ.

— Что, Данилычъ?

— Трясу, государь... Душу, кажись бы, всю вытрясти можно, кабы...

— Кабы не отлетѣла?

— Да, государь.

Царь нагибается къ трупу, щупаетъ голову мертвеца—холодна, какъ глыба. И тѣло коченѣетъ.

— Помре... Царство ему небесное...—Царь снимаетъ шляпу и крестится, крестится и толпа.—Вотъ не ждали, не гадали... Вмѣсто радости печаль.

— Надо же было, государь, нѣмецкому водяному и жертву принести водою и нѣмцами,—заговариваетъ Меншиковъ.

— Правда... правда... А все за мои грѣхи.

— За всѣхъ, царь государь.

— А бумаги вынулъ?

— Вынулъ, государь... У Павлуши.

Но царю некогда долго останавливаться на этомъ печальномъ эпизодѣ. Надо спѣшить впередъ. Шереметевъ съ войскомъ, поди, ужъ у Ніеншанца. Надо съ легкой флотиліей плыть на сикурсъ къ нему.

Царь велитъ съ честью похоронить утопленниковъ и готовиться въ походъ подъ Ніеншанцъ.

— А объ Симкѣ не забыли?—вспоминаетъ царь о маленькомъ оборвышѣ.

— Нѣтъ, государь, — отвѣчаетъ Меншиковъ. — Неумедлительно иду сыскать его отца, и все учиню, какъ ты, государь, указать изволилъ.

— Изрядно. Тутъ потеряли, а тамъ, можетъ, Богъ дастъ, найдемъ.

— Истинно, государь: не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

— Дай Богъ... Кто знаетъ, что можетъ изъ Симки выйти. Пути Господни неисповѣдимы...

II.

Въ то время, съ котораго начинается наше повѣствованіе, весной 1703 года, Петербурга еще не существовало. Нева принадлежала шведамъ, равно какъ и все Балтійское море, и только небольшой камень, на которомъ, при выходѣ Невы изъ Ладожскаго озера, ютилась шведская крѣпостца Нотербургъ, древній новгородскій Орѣшекъ,—былъ взятъ Петромъ, укрѣпленъ и переименованъ въ Шлиссельбургъ вмѣсто Орѣшка. Петру такъ нравились нѣмецкія названія.

Послѣ Шлиссельбурга надо было, во что бы то ни стало, отвоевать и всю Неву. Съ этой цѣлью, похоронивъ Кенигсека и другихъ его несчастныхъ товарищей по смерти, онъ двинулъ свою лодочную флотилію внизъ по Невѣ, съ тѣмъ, чтобы итти на помощь Шереметеву, который съ двадцатипятитысячнымъ войскомъ тоже подвигался къ Невѣ, имѣя намѣреніе напасть на Ніеншанцъ, стоявшій при впаденіи рѣчки Охты въ Неву. На мѣстѣ же нынѣшняго Петербурга чернѣлъ сплошной дремучій лѣсъ.

Лѣсомъ покрыты были и всѣ берега Невы вплоть отъ Ладожскаго озера до устья рѣки, до Финскаго залива.

Спускаясь съ своей небольшой гребной флотиліей внизъ по Невѣ, Петръ былъ глубоко взволнованъ всѣмъ, что видѣлъ передъ собою. Угрюмый боръ, покрывавшій берега рѣки, онъ уже превращалъ въ пылкомъ воображеніи своемъ въ безчисленныя армады кораблей, и эти армады будутъ не чета «непобѣдимой армадѣ» Филиппа II, короля испанскаго. Нѣтъ! Его армады будутъ дѣйствительно непобѣдимы... А эта многоводная рѣка, по которой скользила его флотилія, такой рѣки онъ не видалъ во всей Европѣ. Что Волга! То рѣка неустойчивая, съ расползающимися, песчаными берегами. А Нева—она точно закована въ свои берега и несетъ постоянную, неубывающую массу воды въ то заманчивое, чужое, Варяжское море... О! Тутъ, на этой рѣкѣ, должна быть столица Россіи...

И пылкое воображеніе царя уносится вдаль, въ глубину грядущихъ вѣковъ... При устьяхъ Невы видится ему величавый городъ, столица восточныхъ царей, къ которой обращены удивленные взоры всего свѣта. Со всѣхъ морей и океановъ, отъ всѣхъ народовъ Стараго и Новаго Свѣта плывутъ корабли въ

этотъ величавый городъ, въ городъ Петра... Петроградъ... Нѣтъ, это слово противное, Москвой затхлой пахнетъ, византійскимъ ладономъ отдается. Не быть тутъ Петрограду, довольно и византійскаго Царьграда... А будетъ тутъ Россенбургъ или Ризенбургъ, городъ богатырей... Нѣтъ, пусть лучше будетъ тутъ Питербургъ... Да, это лучше всего... Онъ будетъ славенъ, болѣе славенъ, чѣмъ Тиръ и Сидонъ, болѣе славенъ, чѣмъ Римъ и Карѳагенъ... Онъ будетъ весь на водѣ, какъ Венеція. Каналы изрѣжутъ его вдоль и поперекъ... Вода, море-океанъ станутъ колыбелью россійскаго народа...

А флотилія, взмахивая длинными веслами ловкихъ гребцовъ, словно стая длиннокрылыхъ птицъ, неслышно пѣнитъ прозрачную невскую воду. Съ каждымъ взмахомъ веселъ, съ каждымъ поворотомъ руля открываются новые пустынные берега, окаймленные зелеными борами, а выше—голубымъ небомъ... На берегахъ ни души человѣческой, да и пѣнія птицъ не слышно, хотя самая пора бы пѣть и птицѣ, и человѣку: апрѣль на исходѣ... Только и виднѣются надъ водой длиннокрылыя, бѣлогрудыя чайки, которыхъ жалобный скрипучій крикъ, совсѣмъ не похожій на крикъ сѣрой, чубатой южной чайки, нарушаетъ могильную тишину этой красивой, но холодной, непривѣтливой природы...

На царскомъ катерѣ, на низенькомъ сидѣньи, почти у самыхъ ногъ царя сидитъ Павлуша Ягужинскій и грустно смотритъ на эти непривѣтливые берега, на эту красивую, но холодную природу. И ему вспоминается другая природа, другая зелень, другое солнце... Какъ ни молодъ онъ, но и у него уже есть свои воспоминанья, свои могилы въ сердцѣ. Жизнь его, начавшаяся гдѣ-то далеко на югѣ, въ Польской Украинѣ, среди чубатыхъ и усатыхъ казаковъ, и, какъ нитка, оборвавшаяся тамъ полнымъ забвеньемъ, потомъ та же жизнь въ шумной, толкучей Москвѣ, перенесшая его словно на коврѣ-самолетѣ сюда, въ эту холодную Карелію, эта жизнь оставила въ его памяти какіе-то клочки воспоминаній, смѣсь ощущеній сладостныхъ и горькихъ, смѣшеніе вѣры въ людей и глубокаго къ нимъ недовѣрія, эта жизнь научила его думать, задумываться, вспоминать...

Да, Павлуша Ягужинскій рано началъ думать. Еще тамъ, на далекой, теплой родинѣ, которая вспоминается ему какъ сонная греза, онъ уже началъ задумываться. Чѣмъ-то сиротливымъ, чужимъ росъ онъ среди родной природы, которая была ему болѣе

близка, болѣе отзывчива, чѣмъ люди. Эти гордые, надутые маленькіе польскіе панки, его сверстники, чуждались его, какъ породовитаго шляхтича, у котораго не было ни хлоповъ, ни быдла, ни грунту, ни палаца, ни богатыхъ маентковъ, хоть его, Павликовъ, татко былъ такой же благородный, какъ и тѣ надутые паны, но только не былъ ясновельможнымъ паномъ, а учителемъ и музыкантомъ. И эти черномазые хохлята, отцы и матери которыхъ работали на пановъ какъ быдло, тоже избѣгали Павлуши Ягужинскаго... «Жидовиня», «лядскій недовирокъ», «перекипчикъ», «собача вира», «свиняче ухо»—вотъ что онъ слышалъ среди этихъ чумазыхъ хохлятъ, и недоумѣвалъ, за что они его не любятъ... «Жидъ», «жидъ»... нѣтъ не жидъ, потому что и жиденята бѣгаютъ отъ него, какъ отъ чужого...

Вотъ что помнится ему изъ далекаго дѣтства... Еще помнится ему его отецъ, вѣчно грустный и задумчивый, сидящій надъ какими-то старинными книгами или въ тихій лѣтній вечеръ играющій на скрипкѣ... Что за плачущіе звуки лились тогда изъ-подъ горькаго смычка татки! Слушаетъ, бывало, маленькій Павликъ эти всхлипыванья смычка, слушаетъ, и у самого польются слезы, невѣдомо отчего... И становится маленькому Павлику жаль всего, на что онъ ни взглянетъ, хочется ему обнять все плачущее, утѣшить...

Татко говорилъ потомъ, что когда они жили еще въ Польшѣ, за Днѣпромъ, то Павлику пошелъ только пятый годъ... А онъ помнитъ эти зеленыя иглы—тополи высокіе, что вели къ панскому палацу...

Потомъ онъ помнитъ себя уже въ Москвѣ. Помнитъ, какъ съ таткомъ ходилъ онъ въ нѣмецкую кирку, гдѣ татко тоже игралъ, но уже не на скрипкѣ, а на органѣ. На скрипкѣ онъ продолжалъ играть только дома, да и то осторожно, потому что нерѣдко слышалъ, какъ москвичи говорили: «вонъ нѣмецкій песъ воетъ—себѣ на похороны, на свою голову...» А московскіе мальчишки дразнили Павлика «нехристемъ» и нерѣдко бросали въ него каменьемъ. За что? Павликъ и объ этомъ часто думалъ. Но чаще и чаще до слуха Павлика начинаютъ долетать слова: «какое красивое чертово отродье», «какой хорошенькій жиденокъ», «нѣмчура, нѣмчура, а поди ты, зѣло лѣповиденъ бѣсенокъ...»

Павликъ учится читать, писать, чертить, рисовать... Татка его такъ много знаетъ и самъ учитъ Павлика...

И Павликъ все растетъ, вытягивается, хорошо уже говоритъ по-московски, попривыкъ къ Москвѣ.

А въ Москвѣ такъ страшно становится, такіе зловѣщіе слухи ходятъ... Говорятъ, что стрѣльцы всѣхъ нѣмцевъ, всѣхъ нехристей перебить хотятъ... А тамъ какія-то смуты въ Кремлѣ: то царя хотятъ убить, то царевну Софью заточить... Стономъ стонетъ Москва, страшно кругомъ...

А эти ужасныя казни стрѣльцовъ... Ѣдутъ на телѣгахъ съ зажженными свѣчами въ рукахъ, а за ними бѣгутъ стрѣльчихи, да воютъ, душу разрываютъ—воютъ... Какая страшная Москва!

— Что, Павлуша, задумался? По Москвѣ, чаю, скучаешь?—говоритъ царь, ласково глядя на юношу.

Павлуша невольно вздрогнулъ. Онъ, дѣйствительно, думалъ о Москвѣ, только страшной, кровавой, стрѣлецкой.

— А? Заскучалъ, поди, по Москвѣ?

— Нѣту, государь, не скучаю,—отвѣчалъ юноша, къ которому разомъ воротилось его привычное самообладаніе.

— То-то! Со мной скучать некогда.

— Некогда, государь, да и не охота.

— Правда. Скучаютъ только дармоѣды да лежебоки. А мы не лежимъ,—отрывисто говорилъ царь, глядя вдаль и тихо налегая на руль.

Юноша молчалъ. Слова царя такъ и обдали его холодной дѣйствительностью... Царь былъ въ духѣ.

— А что, хотѣлъ бы ты тутъ жить?—снова спросилъ онъ своего юнаго любимца, лукаво улыбаясь.

— Гдѣ государь поволитъ жить, тамъ и я.

— Такъ... А, можетъ быть, Богъ и доведетъ до благополучнаго конца,—сказалъ царь въ раздумьѣ.

Это сами собой сказывались его завѣтныя думы, его мечтанія.

А флотилія все скользитъ неслышно по гладкой водяной поверхности холодной, непривѣтливой рѣки. Тихо кругомъ. Ни говору не слышно, ни смѣху, ни пѣсенъ. Да и какъ пѣть, когда всякій часъ флотилія можетъ наткнуться на шведскіе корабли, на замаскированные редуты, на засады?

Глаза царя зорко слѣдятъ за всей флотиліей. Ничьимъ другимъ глазамъ онъ не вѣритъ, вѣритъ онъ только своимъ глазамъ. Онъ самъ хочетъ все видѣть, все знать... Были только одни

глаза, которымъ онъ довѣрялъ какъ своимъ собственнымъ, это бойкіе, живые глаза Павлуши Ягужинскаго.

— Это мое око,—часто говорилъ Петръ, указывая на Павлушу,—коли Павелъ увидитъ что, то истина дойдетъ до меня такою же истиною, какъ ежели бы я самъ ее видѣлъ.

А теперь Павлуша сидитъ такой задумчивый. Ему было нехорошо, страшно чего-то... И зачѣмъ утонулъ этотъ Кенигсекъ? Зачѣмъ эти проклятыя бумаги онъ носилъ съ собой!.. Когда Павлуша, по приказанію царя, запечатывалъ ихъ, то онъ увидѣлъ между ними что-то такое страшное, отъ чего у него волосы стали дыбомъ, кровь застыла... Неужели же это правда?.. О! Какъ онъ желалъ бы, чтобъ эти проклятыя бумаги пропали, уничтожились, исчезли бы подъ водой вмѣстѣ съ трупомъ Кенигсека...

И Павлуша силился отогнать отъ себя это страшное, которое онъ видѣлъ въ бумагахъ утонувшаго Кенигсека. Онъ старался думать о своемъ прошломъ... Въ этомъ прошломъ былъ такой крутой переломъ. И опять все это точно во снѣ было... Понравился Павлуша Головкину, Гаврилѣ Ивановичу, и онъ взялъ его къ себѣ въ жильцы, въ комнатные... «Такого смазливенькаго пареньки, какъ Павлуша, всякому охота держать около себя на глазахъ»,—говаривалъ бывало Гаврило Ивановичъ: «и показать гостямъ есть что—малый бойкій...» И Павлушѣ жилось у Головкина—не то хорошо, не то дурно; а надо было привыкать—домъ знатный, можно въ люди выйти... Зорко присматривается Павлуша ко всему, что около него, быстро все понимаетъ, и Головкинъ не нахвалится Павлушей... Онъ его любитъ какъ сына, балуетъ его, ласкаетъ... И Павлушѣ вспоминается, что почему-то ему противно становилось отъ этихъ ласкъ... Но у Павлуши уже образуется характеръ будущаго государственнаго человѣка: онъ уже многое знаетъ, и знаетъ, гдѣ что нужно сказать, гдѣ помолчать... Онъ все обдумываетъ, взвѣшиваетъ, всему отводитъ надлежащее мѣсто...

Замѣчаетъ Павлушу и царь у Головкина. Павлуша и царю нравится...

И вотъ Павлуша у царя на глазахъ, въ деньщикахъ его вмѣстѣ съ Ванькой Орловымъ... Только тотъ больше все за дѣвками дворскими... А Павлуша ни-ни не глядитъ на дѣвокъ, какъ онѣ ни заигрываютъ съ нимъ... Одну только дѣвушку не можетъ забыть, да то не здѣшняя... Далеко она... а такъ вотъ и стоитъ передъ

глазами... Да и имя то какое милое—Мотря, такихъ имень во всей Москвѣ нѣтъ...

На дняхъ только они воротились съ царемъ изъ Воронежа. Царь осматривалъ тамъ новые корабли, веселъ былъ, всѣхъ торопилъ, все ему хочется Азовское да Черное море себѣ завоевать, изъ Воронежа-то! Мало того, и султана турскаго воронежскими кораблями изъ Цареграда выгнать, а Донъ-отъ соединить и съ Волгой, и съ Днѣпромъ, и съ Двинами обѣими, и съ Обью—Донъ-отъ! Вотъ чадушко! Со всѣми концами свѣта задумалъ Донъ и Воронежъ соединить... «И на тотъ свѣтъ, говоритъ, прокопаюсь—только-бъ у меня помощники были!..» А Павлушу вмѣстѣ съ бывшимъ тамъ въ Воронежѣ, по малороссійскимъ дѣламъ, генеральнымъ судьею Василіемъ Кочубеемъ и съ бумагами царь посылалъ изъ Воронежа къ гетману, къ Мазепѣ Ивану Степановичу; а гетманъ въ то время гостилъ на хуторѣ у Кочубеихи въ Диканькѣ... Вотъ тамъ-то Павлуша и видѣлъ эту дѣвушку, дочку Кочубея, ее то и не можетъ онъ забыть...

Вотъ и теперь, отъ этой невской холодной пустыни, мысль Павлуши отлетаетъ въ ту яркую зелень юга, въ эту счастливую Диканьку... Апрѣль въ началѣ, а уже все въ цвѣту. Никогда Павлуша не подозрѣвалъ даже, что такъ дивенъ и прекрасенъ можетъ быть свѣтъ божій... Деревья — вишни, яблони, груши, тернъ—словно снѣжною, розоватою мятелью засыпаны сверху до-низу—хлопья, комья, горы этого снѣгу цвѣточнаго, куда ни глянешь, гдѣ ни ступишь... Деревьевъ не видать совсѣмъ, а виденъ только цвѣтъ, цвѣтъ, цвѣтъ безъ конца... Только ниже виднѣется зелень, да и та вся усыпана цвѣтами, живыми и умирающими, опавшими, завядающими... Это—цвѣточное море кругомъ! А птицы заливаются, Господи! Павлуша такъ и затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, когда очутился въ этомъ раю... Разомъ какъ будто воскресъ одинъ день изъ его дѣтства, изъ той золотой, забытой, застланной пеленою лѣтъ поры, когда они жили гдѣ-то далеко тамъ, за Днѣпромъ... Только не слышно плачущей скрипки добраго татка... Но зато поютъ птицы, столько голосовъ, столько мелодій неуловимыхъ, столько подмывающаго, добраго нѣжнаго, сладкаго, что, послѣ московскаго холода и угрюмаго молчанья природы, Павлуша не выдержалъ и, бросившись лицомъ на траву, зарыдалъ...

Вдругъ онъ слышитъ, что кто-то тихо трогаетъ его за плечо.

Въ изумленіи онъ приподымаетъ голову и... не вѣритъ глазамъ своимъ: передъ нимъ стоитъ русалка, не то богиня этого рая... и она вся въ цвѣтахъ, вся сіяющая какъ весна, какъ это дивное голубое небо... На волосахъ ея, густыхъ и черныхъ, какъ воронова крыло, корона изъ цвѣтовъ. И коса ея вся переплетена цвѣтами. Гирлянды цвѣтовъ обвиваются вокругъ шеи вмѣстѣ съ кораллами и спадаютъ внизъ по бѣлой, шитой красными узорами сорочкѣ... Смугло-бѣлое, матовое безъ румянца личико смотритъ ласково, дѣвушка открываетъ розовыя губы, и изъ-за бѣлыхъ, мелкихъ, какъ у мышки, зубковъ вылетаютъ какія-то слова, не похожія ни на польскія, ни на московскія, но довольно понятныя..

— Чого вы плачете?—спрашиваетъ она.

— Такъ... мнѣ хорошо... я не знаю,—бормочетъ Павлуша, боясь взглянуть на видѣніе.

— Та вы-жъ съ таткомъ пріихали?

— Нѣтъ... мой татко въ Москвѣ...

Павлуша замѣтилъ, что дѣвушка улыбнулась.

— Ни, не вашъ татко, а мій—Кочубей... Винъ зъ вами видъ царя пріихавъ до пана гетьмана...

— Да... онъ... я,—лепеталъ Павлуша, все еще не пришедшій въ себя.

— Може, васъ кто обидивъ у насъ?

— Нѣтъ, никто, я такъ заплакалъ, вспомнилъ дѣтство.

— А вамъ якій рикъ?—спрашивала дѣвушка.

Павлуша не понимаетъ слово «рикъ» и молчитъ, глядя вопросительно въ черные, дѣтски добрые глаза.

— Годъ вамъ якій?—допытывается дѣвушка.

Павлуша понялъ.—Мнѣ восемнадцать уже исполнилось.

— Овва! А мени вже скоро симнадцятый буде...

Въ это мгновенье за кустами мелькнула тѣнь, и показалась бодрая фигура старика съ сѣдыми усами и живыми сѣрыми глазами, которые, при постоянно понуромъ лицѣ старика, смотрѣли словно изъ-подлобья, но смотрѣли бойко, лукаво и какъ-будто привѣтливо... Это былъ Мазепа.

— Те-те-те!—весело заговорилъ гетманъ.—Вже моя доченька изъ маскалемъ женихается...

Дѣвушка вспыхнула. Павлуша тоже стоялъ растерянный—онъ узналъ Мазепу.

— Оттакъ дивка! Оттакъ Мотренька! Вже й пидчепила царь-

ского деньщика... Ото дивчача натура!—смѣялся гетманъ, но смѣялся немножко ревнивымъ смѣхомъ.

— Ну бо, тату... Вамъ бы все жарты,—заговорила дѣвушка, надувъ губки.

— Яки жарты! У васъ тутъ не до жартъ...

— Та вони жъ бо, тату, плакали...

А вонъ идетъ и самъ хозяинъ сада—Кочубей, осыпанный, какъ снѣгомъ, цвѣтомъ вишень, яблонь, грушъ... Господи! Какой рай, какія свѣтлыя видѣнія...

И мысль Павлуши, плывущаго по неприглядной, холодной Невѣ, переносится въ этотъ край, и изъ хмураго сѣвернаго лѣса выступаютъ свѣтлыя видѣнія...

— Павелъ,—вдругъ пробуждаетъ его голосъ царя.

— Что изволишь, государь?

— Бумаги Кенигсена запечаталъ?

— Запечаталъ, государь.

— Хорошо. Послѣ спрошу.

Опять проклятыя бумаги... Быть бѣдѣ, какъ онъ самъ увидитъ это страшное...

III.

Вечеромъ того же дня, 24 апрѣля, флотилія пристала къ берегу недалеко отъ устьевъ Охты, гдѣ Шереметевъ, во главѣ двадцатипятитысячнаго войска, уже ожидалъ царя съ флотскимъ подкрѣпленіемъ. Царь прибылъ не одинъ и не самъ онъ командовалъ своимъ лодочнымъ флотомъ: флотиліею командовалъ самъ адмиралъ Головинъ, а въ числѣ другихъ командировъ были Головкинъ и Меншиковъ. Царь всѣхъ ихъ превратилъ въ моряковъ, а самъ носилъ званіе простого бомбардирскаго капитана.

Нієншанцъ былъ тотчасъ же обложенъ русскимъ войскомъ и со стороны суши, и со стороны Невы. Надо было торопиться взятіемъ крѣпости, потому что шведская эскадра скоро должна была войти въ рѣку съ моря, и спѣшить на помощь Нієншанцу.

На другой день крѣпость была бомбардирована. Когда все было готово къ приступу, и всѣмъ начальникамъ частей отданы были соотвѣтственные приказы—куда итти, гдѣ стоять, какъ дѣйствовать, царь подозвалъ къ себѣ Ягужинскаго, который, какъ не принимавшій еще непосредственнаго участія въ дѣлѣ и не

получившій никакого особаго назначенія, стоялъ поодаль и безпокойно ожидалъ, что же будетъ дальше.

— Ну что, Павлуша, ты еще не видывалъ настоящей баталіи?—спросилъ его царь ласково, взволнованнымъ голосомъ.

— Не видывалъ, государь,—отвѣтилъ юноша.

— Боишься, чай?

— Чего бояться?.. За тебя, царь государь, боюсь.

Въ холодныхъ, быстрыхъ взорахъ царя засвѣтилась нѣжность. Онъ положилъ руку на плечо юноши.

— За меня не бойся... Меня хранитъ Богъ для блага Россіи... Молись Ему...

— Буду молиться, государь.

— Такъ стань тамъ, къ тому лѣску, и видно будетъ, и въ безопасности находиться будешь.

Царь быстро повернулся, снялъ шляпу, набожно перекрестился и исчезъ въ числѣ прочихъ, шедшихъ на приступъ.

Павлуша сталъ на указанное мѣсто. Крѣпость, Нева, снующія по ней лодки, двигающіеся ряды войскъ, все это спуталось въ его глазахъ, смѣшалось, потеряло всякій смыслъ... Онъ видѣлъ что-то неопредѣленное, непонятное для него...

Что-то глухо бухнуло, словно упало, оборвалось, разбилось... Это пушка... Буханье повторилось чаще и чаще. Вотъ уже стелется дымъ надъ Невою... И на крѣпости, на стѣнахъ всплываютъ какіе-то бѣлые громадные пузыри и лопаются съ гуломъ. Это дымъ отъ пушекъ. Глуше и сердитѣе ревутъ пушки, и Нева стонетъ, и лѣсъ словно вздрагиваетъ... Вздрагиваетъ и Павлуша...

Онъ машинально крестится, но не знаетъ о чемъ молиться, что просить и за кого. Ему разомъ стало страшно за всѣхъ и за тѣхъ, что рядами двигались къ крѣпости, какъ бы подгоняемые громомъ, и за тѣхъ, невѣдомыхъ ему, которыхъ эти за что-то ненавидѣли и стремились убить ихъ...

— Езусъ-Марія! О!—послышался сзади его тихій стонъ.

Онъ съ испугомъ обернулся и остолбенѣлъ отъ изумленія. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него опять показалось что-то вродѣ того видѣнія, которое поразило его въ саду Диканьки, среди цвѣтущей природы Украины. Но это было другое видѣніе, хотя такое же прелестное, только безъ короны и цвѣтовъ. Павлуша видѣлъ только большіе черные глаза, которые его пугали своимъ какимъ-

то глубокимъ и густымъ, такъ по крайней мѣрѣ, Павлушѣ казалось, блескомъ... Это была молоденькая дѣвушка, высокенькая, плотная.

— Его убьютъ! Езусъ-Марія!—повторила дѣвушка, какъ бы вопросительно.

— Кого убьютъ?—невольно спросилъ Павлуша.—Царя?

— Нѣтъ... царя я не знаю...

— Такъ кого же?

— Моего добраго господина.

— А кто твой господинъ?

— Мой господинъ—Александеръ Данилычъ.

— Меншиковъ?

— Да, Меншиковъ.

У дѣвушки замѣтенъ былъ нерусскій выговоръ. Но русскія слова, какъ видно, она знала.

— А ты кто же?—спросилъ Павлуша.

— Я—Марта Скавронска, изъ Маріенбургъ. Меня русскіе въ полонъ взяли. А ты кто?

— Я деньщикъ царскій—Ягужинскій Павелъ. А ты у Меншикова теперь?

— У Меншикова. Онъ добрый.

— Что-жъ ты у него дѣлаешь?

— Я служу ему.

Между тѣмъ канонада разгоралась. Слышался уже не стукъ отдѣльныхъ ударовъ, а сплошной гулъ, который перекатывался изъ конца въ конецъ, какъ удаляющаяся гроза.

Войско, предводительствуемое Борисомъ Шереметевымъ и ведомое молодыми русскими и преимущественно нѣмецкими офицерами, извивалось вокругъ маленькой крѣпости въ видѣ огромной змѣи, которая съ каждой минутой съуживала свое страшное кольцо и должна была скоро задавить жалкій Ніеншанцъ. Крѣпостныя батареи, въ большей части подбитыя русскими ядрами, умолкали одна за другой. Казалось, что войско шло на мертвеца.

— Лютъ сегодня Борисъ,—послышался голосъ царя.

— Да добрымъ былъ ли онъ, государь, и отъ младыхъ ногтей?

— Подлинно такъ. Намедни доноситъ мнѣ: «послалъ-де я во всѣ концы плѣнить и жечь, дабы-де помнили вороги твои, государевы, твоихъ ратныхъ людей, какъ они-де чисто брѣютъ».

— Брадобрѣй, государь, точно брадобрѣй, Шереметевъ Борисъ Петровичъ.

— Да, крутенекъ Боря.

Это царь, въ сопровожденіи Меншикова, ѣхалъ къ другому концу поля битвы, чтобы ничего не оставить безъ вниманія. Ягужинскій и Марта увидѣли ихъ. Узнавъ Меншикова, Марта радостно вскрикнула. Царь оглянулся.

— А! Это ты, Павлуша... А кто съ тобой?

— Это Мареуша, государь, моя полонянка ливонская,—отвѣчалъ Меншиковъ, ласково взглянувъ на дѣвушку, которая тоже глядѣла на него радостно.

Быстрымъ взглядомъ царь окинулъ интересную полонянку съ ногъ до головы. Глаза дѣвушки, встрѣтившись съ глазами царя, словно застыли: это былъ какой-то дѣтскій, полный глубокаго удивленія, взглядъ.

Царь тоже какъ бы изумился. Передъ нимъ почему-то мелькнулъ образъ Анны Монсъ... Точно Аннушка... Нѣтъ, не Аннушкины глаза.

— Какъ тебя зовутъ?—быстро спросилъ царь.

— Марта, ваше... ваше величество.

— А кто твой отецъ?

— Самуэль Скавронски.

Дѣвушка отвѣчала тихо, робко, не спуская глазъ съ вопрошающаго, точно это была исповѣдь... По лицу царя пробѣжало нервное подергиваніе.

— Давно она у тебя?—спросилъ царь, быстро обращаясь къ Меншикову.

— Недавно, государь.

— А при какомъ дѣлѣ она у тебя?

— Портомоя...

Царь снова молча взглянулъ на дѣвушку, потомъ на Ягужинскаго, пришпорилъ коня и скрылся. Ускакалъ и Меншиковъ.

Осыпаемая ядрами, не видя ни откуда помощи, крѣпость недолго сопротивлялась. Петръ широко перекрестился, когда увидѣлъ, что на одной изъ крѣпостныхъ башенъ показался бѣлый флагъ.

— Пардону проситъ,—весело сказалъ царь,—я не чаялъ такъ скоро добыть ключи отъ рая.

— Ключи-то, государь, можетъ, и добыты, да дверь-то въ рай

еще не отворена,—замѣтилъ Меншиковъ.—Можетъ, она приперта изнутри...

— Что ты врешь, Данилычъ!—сердито сказалъ царь.

— Не вру, царь государь... Дверь-то райская не токмо засовомъ изнутри засунута, да и архистратигъ Михаилъ за дверью съ огненнымъ мечомъ стоитъ.

— Что ты!

— Вѣрно, государь, сейчасъ самъ увидишь, погоди немного.

Сказавъ это, Меншиковъ удалился, а царь поскакалъ къ тому мѣсту, гдѣ Шереметевъ распоряжался осадой крѣпости.

Крѣпостныя ворота скоро отворились, и престарѣлый шведскій комендантъ вынесъ ключи на блюдѣ.

Пока все это происходило, изъ обоза воротился Меншиковъ въ сопровожденіи сѣдого, какъ лунь, старика. Онъ былъ одѣтъ, не какъ мѣстный житель, не по-чухонски, а по-русски. Характерныя лапти, покрой рубахи съ косымъ воротомъ и волосы съ подстриженной маковкой изобличали его національность.

Старикъ молча приблизился къ царю. Изъ старыхъ, запавшихъ, но еще свѣтившихся жизнью, глазъ текли слезы. При видѣ царя старикъ повалился въ землю.

— Встань, старикъ. Говори, кто ты такой и зачѣмъ пришелъ къ намъ?—спросилъ царь.

Старикъ поднялся и, всплеснувъ руками, снова зарыдалъ.

— Ну, говори же, старичокъ.

— Господи! Сорокъ годовъ я рускова духу не слыхалъ, слово родное забывать сталъ... А нонѣ вотъ на-поди! Самъ государь великій... рѣчь православную слышу...

И старикъ крестился дрожащими руками.

— Ну, такъ говори, кто ты и что хочешь повѣдать намъ.

— Несъ я, осударь, одичалый,—мотая головой, говорилъ старикъ. — Одичалъ совсѣмъ, отбился отъ родново дому, отъ земли православной. Блаженныя памяти при царѣ Лексѣй Михайлычѣ ушелъ я изъ Великаго Новагорода отъ тѣсноты боярской, и вотъ скоро пятый десятокъ какъ молюсь тутъ среди чуди бѣлоглазой... Охъ опостылѣла мнѣ она, эта сторонка чужая, проклятая, а повороту мнѣ къ родной землѣ нѣту... Хуть бы кости старыя привелъ Богъ родною землицею присыпать...

— Ну, такъ что-жъ ты хотѣлъ повѣдать намъ?—нетерпѣливо повторилъ царь.

— Осударево дѣло, батюшка, осударево,—какъ бы спохватился старикъ.—Я вотъ, осударь, здѣсь, грѣшнымъ дѣломъ рыбку ловлю и на взморьѣ частенько бываю. Такъ понѣ, осударь, утромъ я и видѣлъ корабли швецкіе въ морѣ, отъ Котлина отъ острова, надо бы такъ полагать, сюда идутъ...

— А много кораблей?—тревожно спросилъ царь.

— Многонько, осударь. Только я такъ тебѣ скажу, царь батюшка, эти-то швецки корабли можно голыми руками побрать.

— А какъ? Говори, старикъ, я твою службу не забуду.

— Спасибо, царь осударь, на добромъ словѣ, а я служить своему батюшкѣ-царю всегда радъ.

— И ты говоришь, корабли сюда идутъ?—нетерпѣливо спрашивалъ царь.

— Надо такъ думать, осударь. Я ихъ обычаи знаю. Всяку весну они тутъ плаваютъ по Невѣ вплоть до Ладоги... Такъ я тебя научу, осударь, что дѣлать. Вотъ туда пониже, за этимъ колѣномъ отъ Невы влѣво рѣчечка махонька течетъ, Мыя называется, такъ лѣсомъ-то эта самая Мыя и доходитъ до взморья... А вправо отъ Невы идетъ рукавъ, онъ идетъ за островомъ, за Янисари, и тоже въ море входитъ... Такъ ежели, примѣромъ сказать, ты, осударь, пойдешь, кочами своими рукавомъ, а кто другой у тебя съ другими кочами войдетъ въ Мыю-рѣчку, такъ коли швецки корабли придутъ, да въ Неву зайдутъ, тутъ и бери ихъ, какъ карасей въ вершѣ...

Царь казался взволнованнымъ. Никогда ему не представлялась такою легкою возможностью первой морской викторіи. И вдругъ!.. Да это вѣроподобно, разсказъ старика дышетъ такой простотой, такой увѣренностью.. А онъ и не подозрѣвалъ о существованіи тутъ лѣсной рѣченки, обходной струи, въ которую корабли не могутъ попасть, но которая именно создана для его легкихъ лодочекъ... Промыслъ божій... Дверь райская отворяется... Старикъ—это посланникъ Божій, это новый старецъ Пелгусій, который предсказалъ побѣду Александру Невскому, тутъ же, на берегахъ этой самой заколдованной Невы...

— И ты вѣрно, старичокъ, знаешь, что есть здѣсь обходъ лѣсомъ?—съ волненіемъ спрашивалъ царь.

— Есть, осударь, Мыя называется.

— И ты проведешь по ней мои кочи?

— Проведу, какъ не провести.

Ночь тихая, прозрачная, съ широкою зарею отъ заката до востока, съ прозрачно-голубоватымъ небомъ, съ робко мигающими звѣздами, которыя какъ бы боятся, что вотъ-вотъ изъ-за темнаго бора выглянетъ безсонное солнце и прогонитъ ихъ съ блѣднаго неба. Но все же это ночь, обязывающая ко сну и къ покою. Спитъ полуразрушенный Ніеншанцъ, окруженный бѣлыми палатками. Это русское войско, которое тоже спитъ, оберегаемое дремлющими часовыми. Спитъ темная Нева, и только слышится ея тихій, сонный шопотъ—это катится сонная вода рѣчная отъ Ладоги до самаго моря. Спятъ, уткнувшись въ берега, словно утки, маленькія лодочки, составляющія флотилію царя. А среди нихъ, среди этихъ сѣрыхъ уточекъ, спятъ двѣ огромныя птицы, не то гуси, не то лебеди... Это два шведскіе корабля, взятые съ бою маленькими русскими лодочками.

Не спитъ одинъ кто-то... Вонъ на берегу рѣки стоитъ этотъ кто-то, задумчиво глядя на воду, на рѣку, сонно бѣгущую къ морю. Кому же больше быть, какъ не царю? У кого другого такой нечеловѣческій ростъ въ полтора роста человѣческаго? У него одного только.

Да, это онъ, онъ не спитъ. Не спится ему послѣ первой славной морской викторіи. Могучія грезы одолѣваютъ безпокойную голову царя. Радостью и гордостью блестятъ его глаза всякій разъ, какъ они останавливаются на шведскихъ корабляхъ.

«Все это мое—мое отнынѣ и до вѣка», думается царю. «На семъ мѣстѣ созижду домъ мой, и будетъ стоять онъ, пока стоитъ россійское государство, пока земля стоитъ».

И онъ нетерпѣливыми шагами начинаетъ ходить по берегу, останавливается, размѣриваетъ, говоритъ самъ съ собою... А безпокойная мысль забѣгаетъ впередъ. Уже ему видится на этомъ мѣстѣ громадный городъ, весь изрѣзанный каналами, охраняемый неприступною крѣпостью, и корабли, корабли...

Никогда въ жизни Петръ не былъ такъ счастливъ, какъ въ этотъ день. То, о чемъ онъ мечталъ съ дѣтства, съ тѣхъ поръ, какъ увидалъ Переславское озеро, для чего онъ подтянулъ на дыбу всю Россію, сбывалось: ноги его стояли на клочкѣ земли, который омывала морская вода, вода европейскаго моря, и этотъ

клочокъ земли былъ его собственностью, и никто у него этого клочка не отыметъ... А эти два чудовища морскія, и ихъ онъ взялъ съ бою, какъ и этотъ клокъ земли...

Теперь у него будутъ свои морскія чудовища, имъ есть гдѣ разгуляться, расправить свои бѣлыя крылья...

— Пойду напишу про свою радость Аннушкѣ да князь-кесарю,—сказалъ онъ, топнувъ ногой...

И онъ быстро пошелъ къ своей палаткѣ. Ему не спалось въ домѣ, не спалось подъ крышей, его тянуло подъ открытое небо, а потому онъ и по взятіи Нісншанца оставался въ походной палаткѣ, гдѣ и работалъ, и спалъ.

У входа въ палатку стояли часовые. Царь, отдернувъ пологъ, увидѣлъ, что у самаго входа лежитъ что-то на пологѣ, скомкавшись въ клубочекъ.

— А, это ты, Павлуша,—сказалъ царь.—Ступай къ себѣ, спи, я еще писать буду.

Ягужинскій, не совсѣмъ очнувшись отъ сна, тихо удалился въ свое отдѣленіе палатки. Но царь тотчасъ же вернулъ его.

— А бумаги Кенисена гдѣ?—спросилъ онъ.

— У тебя на столѣ, государь,—отвѣчалъ юноша, блѣднѣя и со страхомъ глядя на царя.

— Хорошо, ступай, спи.

Но Ягужинскому не довелось спать въ эту ночь...

Онъ внимательно сталъ слушать изъ-за наружной перегородки, что дѣлаетъ царь... Все слышно, слышно, даже его могучее дыханіе, слышно, какъ онъ потянулся, зѣвнулъ, хрустнулъ пальцами и присѣлъ къ своему походному столу.

— Боже, благодарю Тебя! — слышалось изъ-за перегородки.—Спа мнѣ нѣтъ отъ великаго счастья... Какой день, какой славный день...

Послышался шорохъ бумаги, хрустъ взламываемаго сургуча... У Ягужинскаго сердце упало... Скоро, сейчасъ онъ увидитъ это страшное...

— Эхъ, бѣдный, бѣдный Кенисенъ! Не дожилъ ты до моего счастья,—слышался тихій, задумчивый говоръ царя съ самимъ собою.—Посмотримъ, что-то у тебя тутъ есть... А! Что это такое?

«Страшное... страшное увидалъ»,—думалъ Павлуша дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Аннушка... Анна Монцова... Какъ она къ нему попала!..

И письма ея—знакомая рука... Такъ вотъ она какъ... Такъ вотъ гдѣ змѣя подколодная... А! «зейнъ гетрейсте бетъ инъ мейнъ дотъ»... какъ и мнѣ писала... «по гробъ вѣрная».. А! Шлюха...

Что-то звякнуло, разломилось, хрустнуло... Упала табуретка...

— На дыбу!.. На плаху!.. Нѣтъ!.. На колъ, на колъ нѣмецкое отродье!..

Голосъ царя страшенъ. Онъ быстро ходитъ по обширной палаткѣ, роняя и разбрасывая все, что попадалось ему на пути... Потомъ онъ снова шуршалъ бумагами, комкалъ ихъ, бормоталъ несвязныя слова...

— Вотъ тебѣ и радость, вотъ тебѣ и викторія... Что-жъ! Изъ-за сей мрази радость великую погубить? Нѣтъ! Не люба мнѣ была Москва, а теперь стала еще постылѣе... Тамъ убить меня хотѣли, въ Москвѣ же и обманули меня... Къ чорту Москву! У меня есть новое мѣсто для столицы, и отнынѣ будетъ оно моимъ парадизомъ и парадизомъ всего россійскаго царства...

Ягужинскій сталъ спокойнѣе прислушиваться. Онъ зналъ, что когда безпокойный царь заговоритъ о россійскомъ царствѣ, о его славѣ, то все другое, личное, уже менѣе острымъ становится для него.

— Я здѣсь сооружу мою новую столицу... Се будетъ новый мѣхъ, и въ новый мѣхъ я волью новое вино, и просвѣщеніе, и новыя доблести россійскія... А Москва пусть останется Москвою... Ишь ты! Москва-де сердце Россіи, ну, инъ и пусть останется сердцемъ, кое присно живетъ въ разладѣ съ разсудкомъ... Такъ и Москва... А эта нѣмка Анна... Что жъ! Пускай ее... не любитъ ужъ... Да и любила ли, полно? Не царя ли видѣла во мнѣ, а не любовника? Да, любить и царь не можетъ заставить...

Ягужинскій видѣлъ, какъ громадная тѣнь царя наклонилась надъ столомъ. Голова опустилась на руки. Тихо стало въ палаткѣ.

— А эта, Марта, что ли? Какіе глаза—чистые, невинные... Можетъ, эта и полюбитъ не какъ царя... Ну, да благо, быть здѣсь «Питербургу»!

Царь даже кулакомъ объ столъ стукнулъ... Потомъ зашуршала бумага, заскрипѣло перо.

Подъ скрипъ царскаго пера и уснулъ Павлуша Ягужинскій.

IV.

Малороссія... Украина... Всегда, во всѣ вѣка исторической жизни русской земли край этотъ выступалъ изъ могильнаго мрака исторіи подъ дымкою очарованія, поэзіи, чего-то чудеснаго... Да, чудесное, героическое, легендарное прошло и сквозь всю исторію этого симпатичнаго, но несчастнаго края. Яркость историческихъ красокъ такъ и бьетъ въ глаза, когда вы переноситесь въ прошедшее Украины: первые богатыри народнаго эпоса, богатыри стихійные и полумиѳы, потомъ богатыри-запорожцы, гетманы, козаки, гайдамаки, чумаки—на всемъ этомъ лежитъ печать поэзіи.

. . . . . .

— Що се ты, доню, читаешь?

— Та се, мамо, про блуднаго сына.

— Що жъ воно, изъ евангеліи, изъ святого письма?

— Ни, мамо, се комедія.

— Яка, доню, комедія?

— Воно, мама, виршами писано.

— А хто его написавъ?

— Симеонъ Полоцькій, мамо.

— Що жъ воно тамъ пише?

— Та пише, мамо, що у одного человѣка було два сыны, старшій, тихій та слухьяный, а меньшій, якійсь козакуватый, непокійный, мовъ запорожській козакъ: «отпусти та отпусти», каже, «мене, тату»...

— Та се жъ и святе письмо такъ пише... Яка жъ се комедія, доню?

— Ахъ, мамцю, яко-бо ты! Тутъ вирши...

— Такъ що-жъ що вирши?

— Тимъ воно й комедія называется.

— А ну-ну, почитай, я послухаю, шо воно таке е.

— Слухай, мамо... Ото винъ, меньшій сынъ, уже на воли, десь у чужій земли... Слухай, мамцю, що винъ каже:

Бѣхъ у отца моего яко рабъ плѣненный,
Во предѣлѣхъ домовыхъ якъ въ тюрьмѣ заключенный.
Ни что бяше свободно по воли творите,
Ждахъ обѣда, вечери, хотяй ясти, пити,
Не свободно играти, въ гости не пущано,
А на красныя лица зрѣтя запрещано...

— Овва! Се-бъ то его батько на вечерницы не пускавъ...

— Ни, мамо, яка-бо ты! Слухай...

— Та чого-жъ слухать! Волоцюга—волоцюга и есть... Одно слово, блудный сынъ, Семенъ Палій...

— Ну вже, яка-бо ты, мамцю! А люди кажуть, що Палій такій козакъ, якого и въ свити нема.

— Не все то правда, що люди кажутъ.

— Якъ же-жъ, мамо? Винъ за виру стоить!

Такъ говорили между собою мать и дочь: дочь, Мотренька Кочубей. Зачѣмъ Пушкинъ назвалъ Мотреньку «Маріей»? Развѣ не благозвучно было бы это имя въ поэмѣ?—Вѣроятно. А можетъ быть Пушкину неизвѣстно было настоящее имя знаменитой дочери Кочубея.

Горница, въ которой сидятъ мать съ дочерью, не похожа на то, что въ настоящее время разумѣется подъ комнатами людей средняго состоянія, а въ особенности богатыхъ. Это ни зала, ни гостиная, ни кабинетъ, ни столовая, ни уборная ни спальня, просто горница. Четыре окна ея выходятъ непремѣнно въ «вишневый садочекъ». Вдоль двухъ стѣнъ горницы тянутся широкія лавки, которыя сходятся въ переднемъ углу, украшенномъ богатою кіотою. Въ кіотѣ блестятъ иконы въ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ. Самый богатый окладъ на образѣ «Покровы», это наиболѣе почитаемая икона украинца.

У другихъ стѣнъ горницы нѣсколько рѣзныхъ, съ прямыми стѣнками стульевъ, и тамъ же шкапы и поставцы, наполненные серебряною и золотою посудою. Особеннымъ богатствомъ отличаются кубки, между которыми есть и дорогой итальянской работы. Верхнія половины шкаповъ стеклянныя, а нижнія глухія, съ глухими дверцами. Дверцы эти изукрашены рисунками, маленными масляными красками. Рисунки большею частью изъ народной жизни и исторіи, а также изъ священнаго писанія и нравоучительные. Такъ, на одномъ изображены два человѣка, стоящіе другъ противъ друга; у другого въ глазу нарисованъ сукъ, а у другого цѣлое бревно. Подпись гласитъ:

У ближнего въ оци бачишь маленькій сучекъ.
А въ себе не бачишь здоровый дручокъ.

На другомъ рисункѣ изображены «казакъ» и «москаль»; послѣдній держитъ перваго за полу, которую первый обрѣзываетъ саблей. Подпись: «Видъ москаля полу вряжъ та втикай».

На третьемъ рисункѣ: «козакъ» и «ляхъ», которые жмутъ другъ другу руку, а козакъ другую руку держитъ за пазухой. Подпись гласитъ: «Зъ ляхомъ дружи, а каминь за пазухою держи».

«Стара Кочубеиха» смотритъ еще женщиной не старой и красивой, но въ этой красотѣ не видно уже привлекательности, нѣжности и обаянія молодости. Скорѣе въ красотѣ этой есть что-то отталкивающее, жестокое и надменное. Движенія ея изобличаютъ желаніе властвовать, повелѣвать, и если сфера этого владычества является ограниченной, то она превращается въ семейный деспотизмъ, въ формѣ держанія мужа подъ башмакомъ, а дѣтей въ ежовыхъ рукавицахъ. Передъ Кочубеихой прислуга должна непремѣнно трепетать, ходить въ страхѣ Божіемъ и исполнять не приказанія госпожи, а движенія ея бровей и глазъ, мановенія руки, и понимать ея молчаніе. Не даромъ Мазепа, которому Кочубеиха не мало насолила, называлъ ее «женою гордою и велерѣчивою».

— На Кочубеиху треба добраго муштука, якъ на брикливу кобылу,—не разъ говорилъ онъ.

— Якъ бы не вы, Иванъ Степановичъ,—замѣчалъ на это лукавый Семенъ Палій,—то вона бъ давно була гетьманомъ.

Кочубеиха, подойдя къ Мотренькѣ, стала разсматривать лежащую передъ ней книгу.

— Кто се тоби давъ таку книгу?—спросила она.

— Панъ гетьманъ, мамо,—отвѣчала Мотренька.

— Отъ-ще! Старый собака, задумавъ, вчити чужу дитину.

— Ну вже яко-бо ты, мамцю! За що ты его не любишь!—возразила дѣвушка, глядя на мать.—Винъ такій добрый...

— Добрый, якъ китъ до сала.

— Та ни бо, мамо, винъ мени и ласощивъ дас.

— Знаю, бо самъ дуже ласый...

— Та за що жъ ты его, мамцю, не любишь?—настаивала Мотренька, ласкаясь къ матери.

— За те, що ты ще дурне,—отвѣчала Кочубеиха, гладя голову дочери.

— Та ну бо, мамчику, скажи, за ви що?—ласкалась дѣвушка.

— Выростешь, тоди сама знатимешь.

— Ахъ, мамо! Та я-жъ выросла вже...

— Выросла, та ума не вынесла.

— Ну, яка-бо ты, мамо... мени вже скоро симнадцатый рикъ буде...

— Знаю... а молоко материнское онъ ще и доси на губахъ не обсохло...—И Кочубеиха тропула Мотреньку по губамъ.

— Ни, обсохло, мамцю,—лукаво возражала дѣвушка.—Я знаю, за що...

— А за що бо? Ну, скажи, Мотропа Васильивна, будте ласкови.

— Не скажу, мамо.

— Отъ дурне!

— Ни, не дурне... Я чула, якъ ты разъ таткови казала: «коли бъ не сей старый собака, Мазепа, ты бъ давно бувъ гетьманомъ»...

— Що жъ, воно й правда... Винъ уже чужій викъ заидае.

— Та ни бо, мамо. винъ вже не такій старый.

— А якого-жъ тоби ще?

— Хочъ винъ и старый, мамо, та жвавый, умный, винъ кращій видъ молодыхъ...

— Тю на тебе! Отъ сказала!

— Та правда жъ, винъ мовъ и не старый.

— А знаешь, якій винъ старый?—сказала Кочубеиха, поправляя монисто на шеѣ у дочери.—Оце намисто винъ тоби подарувавъ, якъ хрестили тебе, та й казавъ, що сему намистови вже сорокъ литъ буде, що коли винъ женився, то подарувавъ его своій невисти, а теперь тоби... Та ще дуже мы тоди сміялись, якъ хрестили тебе... Якъ пипъ, отецъ Матвій, обливъ тебе свяченою водою та положивъ тебе ему на руки, винъ, Мазепа, дивлячись на тебе... а ты була така малесенька, мовъ рачокъ маленькій... и каже! «отъ дивчина такъ дивчина», каже, «а ножки яки малюсеньки—Господи!—а коли выростутъ, каже, то такъ-то любенько бигатимуть по моій могильци»... Отъ тоби й могилка!... А батюшка, отецъ Матвій, и каже: «Не загадуйте-ка, пане гетьмане, попереду Господа Бога: у его своя черга на наши могилки. Може на вашу труну, каже, дерево ще и зъ земли не вылазило: може, коли оце нова раба божа Мотропа выросте, то вы бъ до ней й сватив прислали, та тильки пани гетманова васъ за чубъ вдержитъ»... Ото смиху було!

При послѣднихъ словахъ матери дѣвушка задумалась. То, что говорила мать, для нея было совсѣмъ не смѣшно. Старый

Мазепа всталъ передъ нею въ какомъ-то чарующемъ обаяніи, съ его загадочнымъ, угрюмымъ, задумчивымъ взглядомъ, въ которомъ свѣтилась молодая прелесть и ласка, когда онъ смотрѣлъ на Мотреньку... Эти задумчивые глаза смотрѣли на ея маленькія ножки, когда онъ, послѣ купели, держалъ ее на рукахъ и думалъ: «эти маленькія ножки будутъ бѣгать по моей могилѣ... могила травой заростетъ»... Нѣтъ! Эти живые глаза стараго гетмана не заглядываютъ еще въ свою могилу, они заглядываютъ далеко впередъ, какъ глаза юноши, смѣло глядятъ въ таинственное будущее, и это будущее обаятельно манитъ къ себѣ Мотреньку.

Мотренька росла какой-то загадочной дѣвочкой. Она не походила на другихъ дѣтей Кочубея, и когда дѣвочкѣ было пять лѣтъ только, мать ея, гордая Кочубеиха, державшая свой домъ въ такомъ же строгомъ повиновеніи, въ какомъ батько-кошевой держалъ запорожскую сѣчь, урѣкала бывало пучеглазую Мотреньку: «Та ты въ мене така неслуханья дитина, що вже й въ пелюшкахъ було пручался, мовъ козиня, та изъ колиски коженъ тоби день литала... Въ кого воно й уродилось, прости Господи»! А оно уродилось пожалуй въ нее же самое—въ Кочубеиху... «Тильки було прокинеться, вже й кричитъ у колесци: «не хочу, мамо, не хочу»! Се, бачъ, не хоче, що бъ iи мыли й обували... И само лизе зъ колиски, та бебехъ додолу, писне трошки, та й мовчитъ, не плаче, а тильки сопе... Якъ не доглянуть бувало, то воно вже й гоня по двору босе та разхристане... А було пріймаешь его, спитаешь: «та чи вмивали тебе, Мотю»? Такъ воно й одриже: «Мене, мамо, каже, дрибенъ дощикъ вмивъ», або воно, непутно, «росою, каже, вмивалося»... Оттака дитина»!

Мазепа, какъ крестный отецъ и бездѣтный, тоже не могъ не обратить вниманія на этого бѣдоваго ребенка. «Се у тебе, кумо, царь-дѣвиця росте», говорилъ бывало старый гетманъ, любуясь своею хорошенькою крестницей, которая, сидя у него на колѣняхъ, теребила его за усы и за чубъ; «а мени не давъ Богъ такои утихи»... Кромѣ гетманскихъ усовъ и чуба, Мотренька любила также забавляться гетманскою булавой, которую старикъ, когда у него гостила крестница, тихонько отъ старшины давалъ дѣвочкѣ «програтись». Не было, кажется, просьбы, которую старый гетманъ не исполнилъ бы ради своей

крестницы. «Попроси воно въ мене Батуринъ, и Батуринъ оддамъ, тильки гетьманства не оддамъ, бо воно, мале дивча, до вашихъ, панове, чубивъ ручками не достане», обращался онъ бывало къ своимъ полковникамъ, держа на рукахъ маленькую Мотреньку.

Когда Мотренька стала большенькою, уже она не любила обыкновенныхъ дѣтскихъ игръ и выдумывала для себя собственныя развлеченія. У нея былъ цѣлый заводъ и домашней, и прирученной птицы, а также разныхъ звѣрей, начиная отъ ручныхъ зайцевъ, ежей, кроликовъ и кончая сайгаками. Журавли, аисты, лебеди, пеликаны, все это бродило на ея птичьемъ дворѣ, и когда поутру Мотренька являлась къ своимъ любимцамъ, то звѣри и птицы наперерывъ старались завладѣть ея вниманіемъ и лакомыми яствами, съ которыми являлась къ нимъ дѣвочка.

— Ото въ тебе, Василій Леонтіевичъ, росте цариця Клеопатра,—говаривалъ Мазепа Кочубею, видя Мотреньку, окруженную звѣрями и птицами.

— Такъ-то такъ, пане гетьмане, Клеопатра, та тильки Антонія у насъ немае,—отвѣчалъ на это Кочубей.

— Овва! За такими дураками дило не стане, — смѣялся старый гетманъ, не подозрѣвая, что этимъ Антоніемъ будетъ онъ самъ и, такъ же какъ Антоній римскій, погибнетъ чрезъ свою Клеопатру.

Врожденная ли впечатлительность и самоуглубленіе, или любовь къ разсказамъ о сверхъ-естественныхъ силахъ и явленіяхъ, о чарахъ, скрытыхъ въ природѣ, необыкновенно развили въ дѣвочкѣ воображеніе. Когда ей уже было лѣтъ пятнадцать, она ночью ходила въ лѣсъ отыскивать цвѣтъ папоротника, для того, чтобы съ его помощью облетѣть весь міръ и посмотрѣть, что въ этомъ мірѣ дѣлается. Особенно ее тянуло въ тѣ невѣдомыя страны, гдѣ, по народнымъ разсказамъ, томились на «турецкихъ галерахъ» казаки-невольники, думу о которыхъ она никогда не могла слышать безъ того, чтобы въ концѣ концовъ не разрыдаться. Судьба невольниковъ не выходила у нея изъ головы съ тѣхъ поръ, какъ она въ первый разъ услыхала думу «про Марусю Богуславку». Это было въ Батуринѣ, когда Мотренькѣ не было еще десяти лѣтъ. На первый день пасхи, когда Мотренька восхищалась надаренными ей разными «писанками»

да «крашанками», на дворъ къ нимъ прибрелъ старый слѣпой лирникъ и, усѣвшись подъ заборомъ, запѣлъ подъ однообразное тренканье бандуры тоскливое причитанье про Марусю Богуславку. Мотренька стояла въ сторонѣ и жадно слушала незнакомую ей думу. Немного поодаль стояли другіе слушатели—домочадцы Кучубеевъ, преимущественно «жиночки», «дивчата» да «дитвора». Тутъ же была и Устя, старая нянька Мотреньки, «удова старенька», какъ она себя называла, большая фантазерка-баба, воображавшая, что она та «удовиця», объ которой поется въ думахъ и у которой былъ сынъ «удовиченко», хотя этотъ сынокъ былъ большой «гульвиса» и лѣнтяй, за что Кочубеиха и сослала его на хутора—пасти конскій табунъ. Это-то обстоятельство и заставило Устю воображать, что сынокъ ея въ «турецкой неволѣ», за синими морями, за быстрыми рѣками.

— Яку ты се, дидушка, проказати хочешь? — спросила Устя, когда лирникъ настроилъ свою бандуру и жалобно затренькалъ.

— Та великодну жъ, люде добри,—отвѣчалъ лирникъ, не поднимая своего слѣпого лица;—бо сегодни, кажутъ люде, святый великдень.

— Та великдень же, старче божій

— Такъ и я великодной...

Старикъ откашлялся, пробѣжалъ привычными пальцами по струнамъ и визгливымъ старческимъ голосомъ затянулъ:

Ой що на Чорному мори,
Ой що на билому камени,
Тамъ стояла темная темниця.
Ой що у тій-то темници пробувало симсотъ козакивъ,
Бидныхъ невольникивъ.
То вже тридцятъ литъ у неволи пробувають,
Божого свиту, сонця праведного въ вичи соби не видають...

И онъ поднялъ свои слѣпые глаза къ небу, какъ бы желая показать, что онъ, слѣпорожденный, можетъ созерцать «праведное солнце», а «бидни невольники» лишены и этого.

Глубоко подѣйствовалъ припѣвъ на слушателей. Чѣмъ-то священнымъ, казалось, вѣяло на нихъ и отъ этихъ понятныхъ всѣмъ горькихъ словъ, и отъ этого скорбнаго, тихаго треньканья. Мотренька вся задрожала, когда до слуха ея долетѣли слова: «тридцать литъ у неволи...»

— Що мати Божа! Спаси и вызволи, — тихо простонала Устя, въ воображеніи которй всталъ ея «бидный невольникъ», сынокъ, у конскаго табуна.

А старикъ, чуткимъ ухомъ своимъ уловившій и этотъ невольный стонъ матери, и едва слышные вздохи другихъ слушательницъ, продолжалъ, разомъ возвысивъ свой дребезжащій голосъ до октавы:

Ой тоди до ихъ дивка бранка,
Маруся-Попивна Богуславка
Прихождае,
Словами промовляе:
«Гей козаки,
«Вы бидни невольники!
«Угадайте що въ нашій земли христіяньскій за день тепера?»
Що тоди бидни невольники зачували,
Дивку бранку,
Марусю-Попивну Богуславку
По ричахъ познавали,
Словами промовляли;
«Гей, дивко бранко,
«Марусю-Попивно Богуславко!
«Почимъ мы можемъ знати,
Що въ нашій земли христіяньскій за день тепера,
«Бо тридцять литъ у неволи пробуваемъ,
«Божого свиту, сонця праведного у вичи соби не видаемъ,
«То мы не можемо знати,
«Що въ нашій земли христіяньскій за день тепера?»
То дивка бранка,
Маруся-Попивна Богуславка
Тее зачувае,
До козакивъ словами промовляе:
«Ой козаки,
«Вы бидни невольники!
«Ой що сегодни у нашій земли христіяньскій великодная суббота
«А завтра святый празникъ роковый день великдень...»

Стонъ прошелъ по всему сборищу добрыхъ слушательницъ... Съ послѣднимъ визгомъ струны словно оборвалось у каждой изъ нихъ на сердцѣ...

Мотренька стояла, какъ окаменѣлая, не чувствуя, какъ изъ ея широко раскрытыхъ глазъ катились крупныя слезы и капали на красивыя крашанки, которыя словно замерли въ ея рукахъ.

Въ это время на крыльцѣ панскаго дома показалась фигура стараго гетмана. За нимъ вышли Кочубеи и находившіеся у нихъ вмѣстѣ съ Мазепою гости.

Кружокъ, обступившій лирника, при видѣ пановъ дрогнулъ

и хотѣлъ было разступиться; но Мазепа махнулъ рукой, и всѣ остановились.

Мотренька ничего этого не видѣла, не спуская глазъ съ лирника, который тихо тренькалъ по струнамъ и молча кивалъ сѣдою головой, какъ бы давая роздыхъ наболѣвшей груди и глотая накопившіяся въ груди слезы.

Около слѣпого лирника сидѣлъ маленькій «хлопчикъ». Это былъ вожатый слѣпого бродяги и его «михоноша». Хорошенькое личико ребенка, которое, повидимому, ни разу въ жизни не было обмыто заботливыми руками любящей матери, непокрытая головенка съ спутавшимися прядями никогда нечесанныхъ волосъ, босыя ноги, вмѣсто сапоговъ обутыя въ черную кору засохшей грязи, все это, буквально «голе и босе», само напрашивалось на сожалѣніе и участіе; а между тѣмъ ребенокъ беззаботно игралъ краснымъ яичкомъ, не обращая вниманія ни на вздыхающихъ слушательницъ, ни на плачущую бандуру своего «дида»

А скрипучій голосъ «дида» опять запылъ, мало того—зарыдалъ, потому что зарыдали «бидни невольники»;

Ой якъ козаки тее зачували,
Билимъ лицемъ до сырои земли припадали,
Плакали-рыдали,
Дивку бранку,
Марусю-Попивну Богуславку
Кляли-проклинали:
«Та бодай ты, дивко бранко,
«Марусю-Попивно Богуславко,
«Щастя й доли соби не мала,
«Якъ ты намъ святый праздникъ, роковый день великдень сказала!»

И важный Мазепа, этотъ «батько козацькій», и Кочубей, и ихъ гости, и всѣ эти босыя и обутыя бабы и «жипочки», «дивчата», «дивчаточки» и «дитвора», все это съ глубокимъ вниманіемъ и интересомъ слушало родную, дорогую для каждаго украинца повѣсть страданій ихъ бѣдныхъ братьевъ, словно бы это было народное священнодѣйствіе, поминовеніе тѣхъ, которые теперь въ этотъ свѣтлый праздникъ, изнываютъ въ темной неволѣ, вдали отъ милой родины...

Но особенно потрясающее впечатлѣніе на женщинъ произвели послѣднія, заключительныя строфы думы, когда слѣпой поэтъ, нарисовавъ, какъ Маруся Богуславка, освободивъ неволь-

никовъ, прощалась съ ними, рыдающимъ голосомъ изображалъ это прощаніе:

«Ой козаки,
«Вы, бидни невольники!
«Кажу я вамъ, добре дбайте,
«Въ городы христіяньски утикайте,
«Тильки прошу я васъ одного—города Богуслава не минайте,
Моему батькови й матери знати давайте:
«Та нехай мій батько добре дбае,
«Грунтивъ, великихъ маеткивъ не збувае,
«Великихъ скарбивъ не збирае,
«Та нехай мене, дивки бранки,
«Маруси-Попивны Богуславки,
«Зъ неволи не вызволяе:
вже я потурчилась побусурменилась—
«Для роскоши турецькои,
«Для лакомства нещастного!..

— Ото-жъ проклята!—невольно вырвался крикъ у молоденькой, бѣлокурой Горпины, которая все время молча слушала надрывающее душу причитанье.—Отъ проклята!

— Де не проклята!—подтвердили бабы.—Потурчилась суча дочка...

А Мотренька, вся попунцовѣвшая отъ волненія, сожалѣнія и стыда, при послѣднихъ словахъ лирника бросилась къ матери, да такъ и повисла у нея на шеѣ...

— Мамо! Мамо! — лепетала дѣвочка.—Яка-жъ вона негожа... яка вона мамо!..

— Хто, доню?

— Маруся-Попивна Богуславка...

И дѣвочка разрыдалась... Всѣ были растроганы... Даже молчаливый Мазепа, у котораго заискрились старые глаза, тихо подошелъ къ своей крестницѣ и перекрестилъ уткнувшуюся въ подолъ Кочубеихи черненькую головку.

Мотренька съ той поры никакъ не могла забыть ни Маруси Богуславки, ни «бидныхъ невольниковъ»...

Въ то время, когда началось наше повѣствованіе, крестницѣ Мазепы было уже шестнадцать лѣтъ. Дѣвочка выровнялась въ статную, стройную, прекрасно развитую женщину, которая казалась нѣсколько старше своихъ, въ сущности еще дѣтскихъ лѣтъ. Но эта возмужалость пришла къ ней вмѣстѣ съ ея южнымъ, горя-

чимъ темпераментомъ, въ которомъ сказывалась немножко восточная кровь, кровь Кочубеевъ, можетъ быть, хаджи-беевъ, давно забывшихъ свое татарское гнѣздо и превратившихся въ коренныхъ украинцевъ. Необыкновенно живая, впечатлительная, страстностремительная, Мотренька съ годами становилась все сдержаннѣе, ровнѣе. Быстрыя движенія кошки превратились въ движенія плавныя, полныя непринужденности и граціи. Только цвѣтъ волосъ и какой-то глубокій свѣтъ черныхъ глазъ изобличали что-то жаркое, азіатское, смягченное необыкновенною мягкостью лицевыхъ очертаній. Но грезы дѣтства не отлетѣли отъ нея съ возмужалостью, и если она не искала цвѣтка папоротника въ шестнадцать лѣтъ, какъ искала его нѣсколько раньше, то взамѣнъ этого мысль ея и живое воображеніе развертывали передъ нею картины всего міра, среди которыхъ не послѣднее мѣсто занимали далекія, никогда невиданныя моря, съ плавающими по нимъ галерами турецкими... А на галерахъ эти «бѣдные невольники»... А вдали, на азіатскомъ берегу, на сѣрой скалѣ, висящей надъ моремъ, стоитъ дѣвушка и ломаетъ себѣ руки... Это—Маруся Богуславка...

Нѣсколько лѣтъ Мотренька прожила въ Кіевѣ, въ одномъ изъ женскихъ монастырей, гдѣ она, подъ надзоромъ настоятельницы и наиболѣе образованныхъ монашенокъ, докончила свое образованіе, начатое дома. Въ монастырѣ ее часто навѣщалъ Мазепа, который все попрежнему любилъ и баловалъ свою крестницу, и всегда съ интересомъ разспрашивалъ настоятельницу объ успѣхахъ своей любимицы. И Мотренька съ своей стороны все болѣе и болѣе привыкла къ старому гетману. Она даже узнавала топотъ гетманскаго коня, когда Мазепа, особенно по праздникамъ, заѣзжалъ въ монастырь или во время обѣдни, или послѣ службы. Когда онъ входилъ въ церковь, то, не оглядываясь, Мотренька узнавала о его приближеніи, и всегда была рада его видѣть, тѣмъ болѣе, что онъ или привозилъ ей вѣсти отъ отца и матери, или одѣлялъ ее и подружекъ-монастырокъ разными «ласощами».

Какъ дома, такъ и въ монастырѣ Мотренька проявляла нѣсколько большую самостоятельность характера и пытливость, чѣмъ того желали бы ея родители и воспитатели, взросшіе на преданіяхъ и на законѣ обычая, столь крѣпкомъ въ то старосвѣтское время. Дома она ходила искать цвѣтъ папоротника бродила одна по лѣсу, чтобы встрѣтиться съ «мавкою» или русалкою;

по исканія ея оказались напрасными. Въ монастырѣ она задалась упрямымъ рѣшеніемъ помогать выкупу «бидныхъ невольниковъ» изъ турецкаго плѣна. Съ этой цѣлью каждую церковную службу, особенно же въ большіе праздники, она вмѣстѣ съ матерью казначеею и другими инокинями обходила всѣхъ молящихся въ церкви, таская огромную кружку съ надписью: «на освобожденіе плѣнныхъ», и часто къ концу службы кружка ея была биткомъ набита мѣдью, серебромъ и золотомъ... «На бидныхъ невольниковъ... На страдающихъ въ плѣненіи», шептала она, погромыхивая звонкою кружкою, и корбованцы сыпались въ кружку черноглазой клирошанки...

Однажды Мотренька произвела въ монастырѣ небывалый, неслыханный соблазнъ... Дѣло было такимъ образомъ. Монашенки постоянно твердили, что женщина не можетъ входить въ алтарь, что она—нечистая, что разъ она вступила въ святая святыхъ, ее поражаетъ громъ... Мотренька рѣшилась войти во святая святыхъ, по не изъ шалости, а по страстному влеченію того чувства, которое влекло ее ночью въ лѣсъ за цвѣткомъ папоротника... Три дня она постилась и молилась, чтобъ очиститься, и наконецъ, когда церковь была пуста, со страхомъ вступила въ алтарь... Тамъ она упала на полъ и жарко молилась, благодарила Бога за то, что она—не нечистая... Въ этомъ положеніи застала ее старая монастырская «мать окопома» и остолбенѣла на мѣстѣ... «Изыди, изыди, нечистая!.. Огнь небесный пожретъ тя!»,—завопила старушка... Мотренька тихо поднялась съ колѣнъ, приложилась къ кресту, благоговѣйно вышла изъ алтаря и радостно сказала изумленной «окономѣ»:

— Матушка! Богъ помиловавъ мене... Винъ добрый, добришій, нижъ вы казали...

Дѣвочка была строго наказана за это; но Мазепа, которому мать игуменья пожаловалась на его крестницу, съ улыбкой замѣтилъ:

— Вы кажете, матушка, що дивчини не слѣдъ у олтарь ходить, що дивчина не чиста... А якъ вы думаете, мать святая, дякъ Опанасъ, що по шинкахъ да по вертепахъ да по пропастяхъ земныхъ вештаться, чище надъ сю дитинку божу?

На это матушка игуменья не нашлась что отвѣчать.

Съ годами Мазепа все больше и больше привязывался къ своей крестницѣ. Иногда ему казалось, что онъ былъ бы счаст-

ливъ, еслибъ судьба послала ему такую дочку, какъ Мотренька. Съ нею онъ не чувствовалъ бы этого холоднаго, замкнутаго сиротства, которое особенно стало чувствительно для старика послѣ смерти жены, болѣе сорока лѣтъ дѣлившей его почетное, но тягостное одиночество въ мірѣ. Міръ этотъ казался для него монастырской кельей, острогомъ, изъ котораго онъ управлялъ милліонами свободныхъ, счастливыхъ людей, а самъ онъ былъ и несвободенъ, и не счастливъ. Да и съ кѣмъ онъ раздѣлилъ бы свою свободу, свое счастье? Кому онъ нуженъ не какъ гетманъ, а какъ человѣкъ?.. На высотѣ своего величія онъ видѣлъ себя бобылемъ, круглымъ сиротой, гетманской булавой, передъ которой всѣ склонялись, но которую никто не любилъ. Хоть бы дѣти! Хоть бы какія-нибудь семейныя заботы, горе, боязнь за другихъ! Нѣтъ, ничего нѣтъ, кромѣ власти и отчужденія!..

Иногда на старика нападала страшная, смертная тоска... Для кого жить, зачѣмъ? Чего искать? Личнаго счастья? Но какое же у булавы личное счастье! Да и какое можетъ быть счастье подъ семьдесятъ лѣтъ! Отрепья старыя, жалкіе обноски, сухое перекатиполе, зацѣпившееся за чужую могилу...

Хоть бы дѣти! Такъ нѣтъ дѣтей! Никого нѣтъ! Какое проклятое одиночество!

Есть дѣти... усатые и чубатые «дитки-козаки»... А онъ ихъ «батько»... Но не радуютъ и эти «дѣтки»... Не радуетъ вся Украйна-матка... Для нея развѣ жить? Ее оберегать? Но надолго ли? Кому она потомъ, бѣдная вдовица, достанется? Развѣ не начнутъ ее опять трепать и москали, и ляхи, и татары? А ей бы пора отдохнуть, успокоиться...

Вси покою щире прагнуть...

А тамъ, по ту сторону Днѣпра, «тогобочная Украйна» тоже мутится... Семенъ Палій широко загадуетъ... Палій свербитъ на языкѣ поспольства, на языкѣ всей Украйны... Скоро Мазепа и на Украйнѣ останется вдовцемъ, бобылемъ.

Такое мрачное раздумье нападало на стараго гетмана всякій разъ, когда ему нездоровилось. Къ тому же и изъ Москвы приходили тревожныя вѣсти: царь разлакомился успѣхами... Этою весною онъ уже сталъ пятою на берегу моря, и не сбить его оттуда... А оттуда, разохотившись, повернетъ опять на Донъ, поближе къ этимъ морямъ, да и на Днѣпръ, да на всю Украйну...

— А ты, старый собака, чого дивишься! Отъ винъ загарба твою стару неньку, Украйну, и буде вона плакать на рикахъ вавилонскихъ... О, старый, старый собака!..

Такъ хандрилъ старый гетманъ, взволнованно бродя по пустымъ покоямъ гетманскаго дворца въ Батуринѣ, въ то время, когда Кочубеиха, заставъ свою дочь за чтеніемъ Димитрія Ростовскаго, заговорила о Мазепѣ и о томъ, какъ онъ когда-то крестилъ Мотреньку.

— Занедужавъ, кажуть, дидусь,—замѣтила кстати Кочубеиха.

— Хто, мамо занедужавъ?—спросила Мотренька.

— Та винъ же, гетьманъ.

Дѣвушку, повидимому, встревожили слова матери. Она давно привыкла къ старику ,привязалась къ нему, ее привлекалъ его свѣтлый умъ, его ласковость, а еще болѣе его одиночество, которое дѣвушкѣ казалось такимъ горькимъ, такимъ достойнымъ участія.

— Що въ его, мамо?—спросила она торопливо.

— Та все то-жъ, мабуть..

— Та що-бо, мамочко?

— Певне, подагра та хирагра... Чому жъ бильше бути въ его! Нагулявъ соби... Часъ и въ домовину...

— Ахъ, мамо, мамо! Грихъ тоби... А видъ подагры, мамо, можно вмерти?

— Якъ кому... Винъ уже сто литъ вмирае, та й доси не вмеръ...

Дѣвушка ничего не отвѣчала, слова матери слишкомъ возмущали ее. Но она рѣшилась навѣстить больного старика, какъ онъ навѣщалъ ее въ монастырѣ, и потому оставила безъ возраженія то, противъ чего въ другое время она непремѣнно бы возстала.

Послѣ разговора съ матерью Мотренька вышла «у садочокъ» и нарвала тамъ лучшихъ цвѣтовъ, которые, какъ она знала, правились старому гетману, особенно когда ими была убрана его крестница. Ей такъ хотѣлось утѣшить, развлечь бѣднаго «дидуся», который всегда, бывало, говорилъ, что Мотренька чаровница, которая всякую боль можетъ снять съ человѣка однимъ своимъ щебетаньемъ.

Нарвавъ цвѣтовъ, она направилась къ дому гетмана черезъ свой садъ, за которымъ тянулись гетманскія усадьбы. На дорогѣ встрѣтился ей отецъ, который шелъ вмѣстѣ съ полтавскимъ полковникомъ Искрою. Лицо Кочубея просіяло при видѣ дочери. Искра тоже любовался дѣвушкою.

— Де се ты, дочко, йдешь? Чи не на Купалу?—ласково спросилъ отецъ.

— Якій сегодня, тато, Купало?

— Та якъ-же-жъ? Якого добра нарвала, повни руки... Хочъ на Купалу.

— Та се я, татуню, до пана гетьмана... Мама каже, винъ занедужавъ...

— Та що-жъ, ты его причащать идешь?

— Ни, тату, такъ... щобъ вони не скучали...

— Ахъ ты моя ясочка добра!—говорилъ Кочубей, цѣлуя голову дочери.

— Та якъ-же-жъ, татуню, мини жаль его...

— Ну, йди-йди, рыбочко... Видъ твого голосу й справди полегшае...

— Бувайте здорови!—поклонилась она Искрѣ.

— Будемо... А дайте-жъ и мини хочъ одну квиточку,— улыбнулся Искра.

— На що вамъ?

— Та хочъ понюхати... може й мини легше стане...

— Ну нате оцей чернобривець...

— Овва! Самый никчемный... Отъ яка...

Дѣвушка убѣжала. Она знала, что Искра, какъ истый украинецъ, любившій «жарты», долго не оставилъ бы ее въ покоѣ; а ей теперь было не до «жартъ».

У воротъ гетманскаго двора стояло нѣсколько «сердюковъ», принадлежащихъ къ личному конвою гетмана. Это были большею частью молодые украинцы, дѣти наиболѣе «знатныхъ» малороссійскихъ семействъ, изъ коихъ Мазепа, воспитавшійся на польскій ладъ, старался искусственно выковать нѣчто похожее на европейское дворянство и польское шляхетство, положительно несовмѣстимое съ глубоко-демократическимъ духомъ казачества и всего украинскаго народа. Молодые люди, скучая бездѣйствіемъ, выдумали себѣ забаву: они свели на единоборство огромнаго гетманскаго козла съ такимъ же великаномъ, гетманскимъ

барапомъ. И козелъ, и баранъ давно жили на одномъ дворѣ и всегда враждовали другъ противъ друга: козелъ считалъ своею территоріею ту часть гетманскаго двора, гдѣ помѣщались конюшни, а баранъ считалъ себя хозяиномъ не только около поварни, но и у самаго панскаго крыльца, и при всякой встрѣчѣ враги вступали въ бой. Теперь «сердюки» заманивали ихъ за ворота и раздразнили того и другого. И козлу, и барану они присвоили названія сообразно ходу тогдашнихъ политическихъ дѣлъ: козелъ у нихъ изображалъ «москаля», а баранъ—«шведа».

Въ то время, когда на улицѣ показалась Мотренька, бой между «москалемъ» и «шведомъ» былъ самый ожесточенный: козелъ, вставъ на заднія ноги и потрясая бѣлой бородой, свирѣпо шелъ на своего противника; а баранъ, стоя на одномъ мѣстѣ и понуривъ голову, съ бѣшенствомъ рылъ землю ногами. Въ то время, когда козелъ не успѣлъ пройти половину пространства, отдѣлявшаго его отъ противника, баранъ разомъ ринулся впередъ, и противники страшно стукнулись лбами. Сила удара со стороны барана была такова, что козелъ осѣлъ на заднія ноги и замоталъ головой.

— Крипись, москалю!

— У пень его! У пень, шведе!

— А ну ще, москалю! Не той здоровъ, що поборовъ...

Но голоса сердюковъ разомъ смолкли, когда они увидѣли, что разсвирѣпѣвшій козелъ, замѣтивъ идущую по улицѣ Мотреньку, поднялся на дыбы и направился прямо на нее... Молодые люди оцѣпенѣли отъ ужаса, растерялись, не зная, что дѣлать, куда броситься. Дѣвушка также растерялась... А между тѣмъ страшное животное шло на нее... разстояніе между ними съ каждымъ мгновеніемъ ока уменьшалось.

Но въ этотъ моментъ изъ кучки сердюковъ бросается кто-то впередъ, въ нѣсколько скачковъ достигаетъ до козла и хватаетъ его за заднюю ногу... Животное спотыкается, ищетъ новаго врага, оборачивается, и въ это время остальные сердюки окружаютъ его. Тотъ изъ нихъ, который первымъ столь самоотверженно бросился на разъяренное животное и остановилъ его, поднялся съ земли при нѣмомъ одобреніи товарищей. Онъ былъ блѣденъ. Глаза его смущенно смотрѣли въ землю.

Дѣвушка первая оправилась отъ испуга. Подойдя къ тому, который первымъ бросился на ея защиту, она остановилась въ

перѣшимости. Молодые сердюки также чувствовали себя неловко.

— Спасиби вамъ, — первою заговорила дѣвушка, обращаясь къ тому, который оказался находчивѣе прочихъ.—Чи вы не забились?

— Ни, Мотрона Василивна,—отвѣчалъ тотъ, не смѣя взглянуть на дѣвушку.—Простить насъ, Бога ради, мы васъ налякали.

— Якъ вы? Вы тутъ не винни...

— Ни... се наши играли... Се мы, дурни, его разсердили... Тильки не кажить, буде ласкави, панове гетьманови, що вы злякались...

— Не скажу... на що казати?.. Я не маленька...

— Щире дякуемо... А то винъ насъ со свиту сжене...

— Не бійтесь... А оце вамъ рожа за те, що вы смилый козакъ.

И дѣвушка подала ему розу. Молодой сердюкъ взялъ ее, повертѣлъ въ рукахъ, понюхалъ и воткнулъ за околышъ шапки.

— О, якій лицарь!—засмѣялись товарищи.

— Козинячій лицарь,—пояснилъ тотъ, кому досталась роза.

Дѣвушка также засмѣялась. Она не знала, что этотъ «козинячій лицарь» будетъ играть важную роль въ ея жизни... Это былъ Чуйкевичъ...

Пройдя мимо часового, ходившаго около крыльца гетманскаго дома, дѣвушка изъ свѣтлыхъ сѣней вступила въ большую пріемную комнату, увѣшанную оружіемъ и бунчуками. На порогѣ встрѣтилъ ее огромный датскій песъ, видимо, обрадовавшійся гостьѣ.

— Здоровъ, Церберъ, — сказала Мотренька, гладя красивое и ласковое животное.—Панъ дома?

Песъ радостно залаялъ, услыхавъ про пана, которымъ онъ эти дни былъ недоволенъ: эти дни панъ такой хмурый, сердитый, что какъ ни виляй передъ нимъ хвостомъ—онъ не замѣчаетъ этого собачьяго усердія и ничѣмъ не поощритъ его.

Изъ пріемной дѣвушка отворила дверь въ слѣдующую комнату и пріостановилась на порогѣ. Это была также довольно просторная комната съ стѣнами, украшенными картинами и портретами. Одна стѣна занята была стеклянным шкапомъ съ книгами, а вдоль другой на полкахъ блестѣло серебро и золото. Сайгачьи головы съ рогами, кабаньи морды съ огромными клы-

ками и чучело громаднаго орла съ распростертыми крыльями довершали украшенье этой комнаты.

Остановившись на порогѣ, дѣвушка увидѣла знакомую широкую спину и такой же знакомый, плоскій сѣдой затылокъ. Мазепа, нагнувшись надъ столомъ, разсматривалъ лежавшую на немъ ландкарту.

— Одъ Днипра за Случъ, а тамъ за Горынь, а тамъ за Стырь и Бугъ до самого Кракова... Такъ-такъ... А одъ Кракова Червоною землею до Коломіи, а одъ Коломіи до самого моря... Ото усе наше... Де била сорочка та прямый комиръ, то наше... Охъ, бисова поясниця!—бормоталъ старый гетманъ, водя пальцемъ по картѣ.

— Добри день, тату... Здоровеньки були, — тихо сказала дѣвушка.

Согбенная спина старика мгновенно выпрямилась. Онъ обернулся, и хмурое, усталое, угрюмо-болѣзненное лицо его освѣтилось радостной улыбкой. По сѣрымъ глубоко-запавшимъ глазамъ прошло что-то теплое...

— Се ты, ясочка моя... Спасибо, доненько...

У старика дрогнулъ голосъ, онъ остановился... Дѣвушка быстро подошла къ нему и поцѣловала руку.

— Помогай би, тату,—еще тише сказала дѣвушка,—що вы шукаете тамъ?—Она указала на карту.

Старикъ, взявъ ее за руки и грустно глядя ей въ глаза, такъ же тихо отвѣчалъ:

— Могилы соби шукаю, доненько.

— Якои могилы, тату любый?—и у нея голосъ дрогнулъ.

— Глыбокои, глыбокои, доненько, могилы, щобъ почиваючи въ ній, моя сидая голова плачу людського не чула, щобъ очи мои старіи, сырою землею присыпаніи, не бачили більше твоси головки чернявенькои, щобъ замистъ горя сумнои едноты, въ сердци моимъ черви-гробаки мишкали... Глыбокои, глыбокои могилы шукаю я, доненько моя.

Въ голосѣ старика звучала глубокая, тихая, безнадежная тоска, словно бы въ самомъ дѣлѣ онъ хоронилъ себя... Дѣвушка чувствовала, что къ горлу ея приливаютъ слезы... Она крѣпко сжала старыя руки.

— На що могилу!.. Не треба могилу, таточко... Не треба вмирати... Що болитъ у васъ?

— Душа болитъ, доню... Прискорбна душа моя даже до смерти, — говорилъ старикъ, садясь около стола и усаживая около себя дѣвушку.—Для чого я живу? Кому на корысть, на утиху?—продолжалъ онъ какъ бы самъ съ собою.—Ни дитей у мене, ни ближнихъ... Ближніи далече мене сташа, и азъ въ мірѣ семъ точію въ пыстынѣ пространной... О! ты не знаешь, дитятко, яке то велике горе, сиритство старости! Яки довги, страшни ночи для старика безриднаго!.. Оце ходишь, ходишь по пустыхъ покояхъ, слухаешь витру або лаю собачого, ждешь сонця... а сонце прійде, и воно не гріе... Такъ лучче въ домовину, та въ могилу, щобъ не бачить ничого и ничого не чути... Де мои други и искренніи? Нема ихъ! Одинъ Церберъ другъ мій и товарищъ, песъ добрый и вирный... Буде зъ мене и пса, бо я гетьманъ, игемонъ великій народу украиньского... Та Господи-жъ Боже мій! И Богъ-саваоѳъ, игемонъ видимого и невидимого міра—и той не одинъ, и той въ тройци... А я, я одинъ, одинъ, якъ собака!

Онъ остановился. Дѣвушка грустно склонила голову, машинально перебирая цвѣты, положенные ею на столъ.

— Се ты мени, доню, на могилу принесла?—тихо спросилъ Мазепа, дотрогиваясь до цвѣтовъ.

— Богъ зъ вами, тату!—съ горечью сказала дѣвушка и тихонько смахнула слезу, повисшую на рѣсницѣ.

— Богъ... Богъ зо мною... истинно... А ты знаешь, дочко, что есть посѣщеніе Божіе?—какъ-то загадочно спросилъ онъ.

— Не знаю, тату.

— Охъ, тяжко Его посѣщеніе!.. Посѣти Богъ моромъ и гладомъ... Огнемъ посѣти Богъ страну, вотъ что есть посѣщеніе Божіе... А мене посѣтивъ Богъ горькою самотою.

Острою болью по сердцу проходили эти безнадежныя слова одинокаго старика, эту острую боль чувствовала дѣвушка въ своемъ сердцѣ, и слезы копились у нея на душѣ... Бѣдный старикъ! И власть, и богатство, и почетъ, все есть; а душа тоскуетъ... Дѣвушка не знала, что сказать, чѣмъ утѣшить несчастнаго...

— А вы бъ чаще до насъ ходили, тату,—сказала она, не зная, что сказать.

Мазепа горько улыбнулся и опустилъ голову.

— До васъ?.. Спасиби, моя добра дитина.

— Далибы, таточку, ходить... А то онъ вы яки... могилу шукаете... Мене вамъ и не жаль...

И дѣвушка вдругъ расплакалась. Она припала лицомъ къ ладонямъ, и слезы такъ и брызнули между пальцами.

Старикъ задрожалъ, эти слезы ребенка не то испугали его, не то обрадовали...

— Мотренько! Мотренько моя! Дитятко Боже, сонечко мое весиннее, рыбочко моя,—бормоталъ онъ, сжимая и цѣлуя черненькую головку.—Не плачь, моя ясочко, ластивочко моя! Я не вмру, я не хочу вмирати... Я буду довго, довго жити... Подивись на оцю бумагу,—и онъ поворачивалъ плачущую голову дѣвушки къ лежащей на столѣ ландкартѣ,—подивись оченятами твоими ясенькими... Я не могилу шукавъ соби, ни! Я мирявъ нашу Украину-неньку... Она яка вона! Дивись, якъ вона разлаглася: одъ Сейму до Карпативъ и отъ Дону до самой Вислы... Оце все наше буде, доненько моя, все твое буде... Ты хочешь, щобъ воно все твое було?—спросилъ онъ, загадочно улыбаясь.

— Якъ мое, тату?—дѣвушка отняла руки отъ заплаканнаго лица и глядѣла на старика изумленными глазами.

— Твое, доненько... Оце все твое буде: и Батуринъ, и Кіевъ, и Черкасы, и Луцкъ, и Умань, и Львивъ, и Коломія, и вся Червона Русь, и Прилуки, и Полтава, все твое, якъ оця твоя запасочка червоненька, якъ оци твои корали на шійци биленькіи... Тоби жалко мене, дочечко моя?

— Жалко, тату.

— И твои очинята каріи плакатимуть на моій могильци?

— Тату, тату!

Дѣвушка опять заплакала. Мазепа опять началъ утѣшать ее.

— Ну, гòди-гòди, серденько мое, не плачь... Я не буду... Подумаемъ лучче, що маемъ робити... Мы ще поживемо... Коли ты хочешь, щобъ я живъ, я буду жити.

— Хòчу, таточко...

— И ты будешь до мене старого ходыти, якъ теперь прійшла, рыбочко?

— Буду... хочъ коженъ день...

— И ты не скучатимешь съ старымъ собакою?

— Ну, яки-бо вы, тату!

— Такъ не скучатимешь?

— Не скучатиму... я таки буду жити зъ вами.

Опять загадочнымъ свѣтомъ блеснули старые, помолодѣвшіе глаза гетмана.

— А твои батько й мати?—нерѣшительно спросилъ онъ.

— Тато ничого... винъ добрый... А мати, може, й вони ничого...

— А сама ты хочешь до мене?

— Та хочу жъ бо! Яки вы!

Мазепа задумался. Онъ хотѣлъ еще что-то спросить, но не рѣшился.

— Такъ будемо жити,—сказалъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанья.—Ты мени даси и здоровье, и молодіи годы... А я вже думавъ кинчати мою писеньку... А писня моя тильки ще зводиться...

Куда дѣвалась и подагра, и хирагра! Мазепа бодро заходилъ по комнатѣ. Сѣдая голова его гордо поднялась, и просвѣтлѣвшіе глаза глядѣли куда-то вдаль...

— Чи читъ, чи лишка?.. Чи Петрò, чи Карлò,—бормоталъ онъ, нетерпѣливо встряхивая головою, словно бы на нее садилась докучливая муха.—О, Семене-Семене Палію... мы ще не мирялись съ тобою... Помиряемось... чи читъ, чи лишка... О, мое сонечко весиннее!..

VI.

Семенъ Палій... Почему Мазепа вспомнилъ о немъ при воспоминаніи о Петрѣ и Карлѣ? И почему онъ желалъ бы съ нимъ помѣряться?

Эти вопросы очень безпокойно занимали Мотреньку послѣ ея свиданія съ Мазепой, да и многія другія мысли наводнили ея впечатлительную головку послѣ разговора съ старымъ гетманомъ, разговора, подобнаго которому она еще ни разу не вела въ жизни ни съ Мазепой, ни съ кѣмъ-либо другимъ.

И что сталось съ гетманомъ? То онъ ищетъ могилы, говоритъ, что встосковался на этомъ свѣтѣ, не глядѣлъ бы на міръ Божій въ своемъ одиночествѣ; то обѣщаетъ ей, Мотренькѣ, всю Украину, какъ вотъ эту червоную плахту... И отчего ей не жить съ нимъ, чтобъ онъ не скучалъ? У него нѣтъ дѣтей, никого нѣтъ на свѣтѣ, не такъ какъ у нихъ, у Кочубеевъ: и братья, и сестры, и родичи... А онъ одинъ, бѣдненькій, какъ былиночка въ полѣ.

Но что ему сдѣлалъ Палій? И зачѣмъ они всѣ четверо со-

шлись: Мазепа, Палій, Петръ-царь и Карлъ-король? Надо было разспросить кого-нибудь. Но кого?..

«Маму хиба? Такъ мама ни Палія, ни Мазепы не любить... А хиба татка? Татко добрый. Такъ татко сміячиметься... «Пиди, скаже, въ цяцю, пограйся»... Отъ кого спытаю? Стару няню, вона все знае»...

Такъ думала Мотренька, ворочаясь съ боку на бокъ въ жаркой постели... А тутъ еще этотъ «соловейко» не даетъ спать, щебечетъ тебѣ подъ самымъ окномъ всю ночь, точно ему сорокоустъ заказали; щебечи да щебечи отъ зари до зари...

Да и ночь какъ на-бѣду жаркая, тихая, душная, листъ на деревѣ не шелохнетъ, воздухъ куда-то пропалъ, нечѣмъ дышать человѣку. Вмѣсто воздуху въ окна спальни пышетъ душный запахъ цвѣтущей липы, точно и она задыхается. А этотъ «соловейко» такъ и надрывается, такъ и стучитъ, кажется, подъ самое сердце.

— А той сердючокъ молоденькій що цапа за ногу піймавъ... Якій чудний... Козинячій лицарь... И яки въ его очи чудни... А ну, буду думати про цапа, може й засну... Цапъ-цапъ, у цапа роги, у цапа борода мовъ у москаля... Цапъ... цапъ... Мазепа... Палій... Петрò... Карлò... А те молоденьке москальча, що весною плакало у садочку?.. Царській, бачъ, денщикъ, Павлуша Ягужинскій, а плаче мовъ дивчинка... А що се соловейко все одно спивае?.. А може й рапокъ близько... Подивлюсь у викно...

И Мотренька осторожно сползла съ кровати, чтобы пробраться къ окну, выходившему въ садъ. Она была въ одной сорочкѣ, босикомъ и съ распущенной косой, потому что не любила спать ни въ чепчикѣ, ни съ заплетенною косой... А теперь же такъ жарко!.. Вотъ она идетъ къ окну, а въ окна кто-то смотритъ. Охъ! Да это бѣлые цвѣты липы, это они такъ пахнутъ...

— Оце вже! Чи не коровъ доити?—послышался вдругъ голосъ изъ-за угла спальной.

— Ахъ, няня! Якъ на мене злякала.—Это была старуха нянька, Устя, спавшая у панночки на полу.

— Де злякати! Сама злякалась... Думала, видьма йде, розхристана, простоволоса...

— Еепи, няню, жарко, не спится..

— Може, блишки кусаютъ?

— Ни, пяню, блохъ нема... А такъ жарко. Я все думаю про Палія...

— Отъ тоби на! Чи тебе не зглажено часомъ?

— Ни, пяню. А ты бачила Палія?

— Бачила, панночко... Що се винъ тоби, дитятко, приснився?

— Не приснився, пяню, а я такъ думала... Якій винъ, пяню?

— Та старый, дуже старый... Такій старый, якъ ота тополя у перелазу... Отъ, сказать бы, я стара: ще коли живъ бувъ старый Хмиль-Хмильницкій и мене замижъ оддавали, такъ и тоди Палій бувъ уже старый-старый, ажъ сивый... Отъ уже я семый десятокъ по земли вештаюсь, симсотъ, може, разъ на мене смерть косою замахувалась, симсотъ, може, молоденькихъ дубкивъ, що мини на домовину росли, посохло й позрубовано, а я все, мовъ бовкунъ-зилля, бованію на свиси, а Палій Семенъ такъ и передо мною такій ветхій, якъ я передъ тобою, моя зеленька ягидка...

— А якій винъ, пяню, изъ себе?

— Великій та попурый, а очи оттаки, а вусы орéраки, сиви та довги, мовъ ретязи...

И старуха, сидя на полу, показывала, какіе огромные глаза у Палія и какіе длинные усы.

— Що жъ винъ робе, пяню?

— Татаръ, та ляхивъ, та жидивъ бье. Ему такъ видъ Бога каказано.

— А самъ винъ добрый?

— Такій добрый, рыбко моя, такій добрый, що и сказати неможно... Бо винъ одъ святои золы уродивсь...

— Якъ одъ святои золы, пяню?

— Такъ, одъ золы... Въ его й батько не було, тильки мати...

— Якъ-же-жъ се, няньцю, я не розумію.

— А отъ-якъ, рыбко моя... Оце бувъ соби чоловикъ та жинка, а въ ихъ дочка Оленка. Отъ и поихавъ той чоловикъ у поле орати. Оре та й оре, коли хрусь! Щось хруснуло пидъ плугомъ у земли... Дивиться чоловикъ, ажъ то голова чоловича, та така велика голова, мовъ казанъ... Отъ и дума той чоловичъ: «се мабуть великого лицаря голова такого лицаря, що вже давно перевелись»... Отъ винъ и взявъ ту голову, дума: «нехай, батюшка пипъ надъ нею молитву прочитае, та помьяне, та водою свяченою скропить, та по христіянськи поховае»... Пріихавъ до дому той

чоловикъ и голову съ собою привизъ та й положивъ іи на лаву, а самъ сивъ вечеряти... Повечерявъ, а голова все лежитъ на лави. А жинка, глядючи на голову, и каже: «Мабуть голова ця на своимъ вику богато хлиба переила». А голова й каже: «Буде вона ще исти»...

— Охъ, няню! Се мертва голова сказала?—съ испугомъ спросила Мотренька, поглядывая на окно.

— Та мертва жъ, рыбко.

— Охъ, якъ страшно!

— Чого страшно, рыбко? Се одъ Бога.

— Ну, няню?

— Ну, голова й воже: «Буду я ище исти»... Отъ жинка та якъ злякаеться, та у пичъ ту голову й кинула... И стала та мертва голова билою золою... Выгрибли золу у горщикъ, поставили на лави, щобъ москалямъ на поташъ продати... А дочка того чоловика, що найшовъ голову, не знала, що то зола, думала, що силь, та й посолила соби кусочокъ хлиба, такъ маленькій шматочокъ, и ззила. Та важкòю отò и стала...

— Важкòю, няню? Якъ се-бъ-то?

— Важкою, рыбко. Ты сего не знаешь ще... Богъ ій сына давъ... одъ золы...

— Ну, няню, се казка...

— Яка казка?

— Та казка жъ, няньцю...

— А Палій казка?

— Ни, няню, Палій не казка.

— Такъ то, бачъ, рыбонько, и бувъ самъ Семенъ Палій, отъ золы родився... Тоди винъ ще не бувъ Палій, а просто Семеникъ Гурченко, бо его мати була Гурченкова... Той чоловикъ, що найшовъ мертву голову, бувъ Гурко.

— Якій Гурко? Що въ Борзни?

— Та винъ-же-жъ борзеньскій, рыбко... Ото Гурки въ Борзни, то его родичи по матери та по дидови, а самъ винъ одъ золи родився, видъ попилу... Ему-бъ, бачъ, треба було бути Золепкомъ, або Попилченкомъ, а винъ самъ себе зробивъ Паліемъ...

— Якъ-же-жъ се, няню?

— А отъ-якъ, рыбко... Якъ той Семеникъ, що видъ попилу родився, ставъ парубкомъ, отъ и захтивъ козакувати: «пиду, каже, мамо, та пиду въ Запороги». Отъ и пишовъ. Йде-йде, ди-

виться, Запороги стоять, горы страшенни. На горахъ тихъ запорозци стоять та й дивляться, сміются: якъ-то винъ, молоденькій хлопчикъ, на гору страшенну злизе... Бо посередини гори, рыбко, на великому камини сидить, не къ ночи будь сказано, сидить самъ...—старуха остановилась.

— Хто самъ, няню?

— Та чорный, рыбко.

— Якій черный?

— Та нечистый, сказать бы, чортяка...

— Ну? Се вньять казка, няню.

— Ни, не казка, рыбко. Отъ сидитъ та козинячими нижками, тупотить та рогами въ гору бье...

Мотренькѣ вспоминается козелъ, который сегодня шелъ на нее, потрясая бородой и рогами, и ей становится смѣшно...

— Такъ у его, няню, роги якъ у цапа?

— Якъ у цапа, рыбко... Отъ винъ сидитъ та нижками тупотить, та рогами въ гору бье... А Семеникъ якъ стрелитъ изъ мушкета, якъ загуркотить по горахъ, дивляться козаки, ажъ тамъ, де сидивъ нечистый, одно поломья паше та смола пекельна кипить... Се, бачъ, Семеникъ чорта убивъ, спаливъ его. Отъ запорозьци й кажутъ: «Оце такъ козакъ! Оце такъ Палій, самого чорта спаливъ». А кошовой и каже: «Ну, брате, будь же ты Паліемъ, та йди на Вкраину, та пали оттакъ усяку нехристь, якъ ты дидька лисого спаливъ». И съ того часу ставъ винъ Паліемъ.

— Ахъ яка-бо ты, няньцю, — возразила Мотренька, — та се жъ не про Палія розсказуютъ, а про святого Юрія, якъ винъ чорта спаливъ.

— Эге, рыбко то таки святый Юрко, а се Палій... Отъ и пишовъ Палій за Днипръ на Вкраину. Иде та й иде. Якъ оце побаче татарина, такъ заразъ изъ мушкета лусь!, и вбивъ татарина. А якъ побаче ляха, то заразъ шаблюкою брязь!, и стявъ головку у ляшка. А якъ побачитъ жидовина, то заразъ на арканъ его, та на осину и повисить, якъ собаку... Такъ одъ самого Запорожка до Вкраины и проложивъ великій шляхъ: заразъ знати, де йшовъ Палій, оце тутъ татаринъ застреленный валяеться у степу, а тутъ ляхъ порубаный лежить, а тутъ жидовинъ повишеный висить, такъ и знати Паліеву дорогу... А самъ винъ, Мати Божа! Такій, що его ни пуля не бере, ни шабля не

вруба, мовъ зализо. А оце якъ начнуть козаки съ татарами або зъ ляхами битись, то Палій самъ гарматы заряжае навхресть и бье за двадцять верстъ, а чужи гармати до его не достаютъ. А кинь у его такій, що ледве земля его держитъ, а на простого коня винь только руку положить, такъ то кинь на землю пада. А шабля въ ёго въ пьять пудъ, така важка. Якъ оце якій козакъ провиниться, то Палій и дае ёму свою шаблю нести, такъ той бидный ажъ стогне, не пидниме нести, а други козаки зъ ёго сміються... Оттакій-то, рыбко, той Палій...

А «рыбка» между тѣмъ, слушая болтовню старушки, спала крѣпкимъ сномъ. Упавъ горячей головой на руки, положенныя на подоконникъ, она долго прислушивалась къ щелканью соловья и къ монотонному говору старой няни; передъ нею проходили, словно въ туманѣ, образы Палія и Мазепы, которые сливались какъ бы въ одно лицо, и только у Мазепы старые глаза искрились слезою, и Мотренькѣ стало его жалко-жалко... То выступалъ этотъ молоденькій бѣлокурый сердючокъ съ пышною розою на шапкѣ, то шелъ на нее никогда невиданный ею москаль Петръ въ видѣ огромнаго «цана»... И сонъ неслышно подкрался къ ней подъ щелканье соловья, такъ что когда няня подошла къ ней, то увидала только бѣлую спину, до половины прикрытую бѣлою сорочкою, да черныя косы, густыми прядями лежавшія на подоконникѣ... Въ окно уже заглядывала заря чуднаго, просыпающагося утра...

— А воно вже й спить... Отъ дурна дитина!—тихо бормотала старуха, качая головой.—Отъ дурнѐ! Якъ-же-жъ я ёго теперь положу на лижко, вже мене ёго не пидняти на руки: славу Богу, выросло... Онъ яке-спасиби Богови, выгодавалось: здоровеньке та повнотиле та кругленьке, мовъ яблочко червоне, и не вщипнешь его... А де-жъ его подняти! Мене, стару, переросло... О-о-хо-хо! А чи давно-жъ его на рукахъ носила, кашкою, мовъ горобчика, годувала?.. Молоде росте, якъ твой макъ цвите, та якъ макъ и опадае: сонечко пригріе, витрець повіе, весь цвитъ розвіе... Поки дитина, ноти й горя не знае, писни спивае та въ косу стрички заплитае... Спи-спи, дитятко, пока кисою свитешь, горенька не знаешь... А прійде часъ, и его пизнаешь...

— У могилы темно-темно, — слышится сонный лепетъ дѣвушки.

— Господь съ тобю, рыбонько, яко могила...

— Гетьманъ могилу шукае...

— И нехай шукае... Може й могила его шукае давно, та не найде... А ты, дитятко, лягай спати...

— Я, я, няню, сплю...

Старушка тихо приподняла голову шапочки. Та не сопротивлялась.

— Иди жъ, рыбко, лягай...

— Иду, няню... нехай соловейко щебече, а я буду спати...

— Спи-спи, мое золото червоне...

Дѣвушка, поддерживаемая старухой, улыбаясь сквозь сонъ, перешла на кровать.

— Нехай соловейко щебече, а ты кажи про Палія,—бормотала она въ полуснѣ.

Недаромъ занималъ Палій и Мазепу, и Мотреньку. Въ одинаковой мѣрѣ онъ занималъ и царя Петра, когда онъ, твердо ступивъ своею пятою на берегъ Невы и воткнувъ трезубцемъ въ пасть Швеціи, мечталъ уже поразить этимъ трезубцемъ и турецкую пасть въ устьяхъ Днѣпра.

Что же былъ Палій для Петра и Петръ для Палія?

Палій, дѣйствительно, былъ борзенскій казакъ, какъ увѣряла и Устя, старая няня Кочубеевны. Родовая фамилія его дѣйствительно была Гурко, а уже послѣ, по народному обычаю, онъ получилъ прозвище Палія, съ которымъ и перешелъ на страницы исторіи, какъ послѣдній представитель исторически вымиравшаго казачества «тогобочной», правобережной Украины, хотя самъ родился въ лѣвобережной Украинѣ.

Тихимъ, добрымъ, ласковымъ «хлопчикомъ» росъ Семенкъ Гурченко въ своемъ родномъ городишкѣ. Хлопчикъ этотъ всегда казался робкимъ, застѣнчивымъ, и если его и любили товарищи-хохлята, то именно не за казацкія качества, а за то, что онъ былъ добрый и деликатный «якъ дивчина». Обыкновенно эти качества не нравятся сверстникамъ; такихъ они называютъ «мизями», «плаксами» и другими подобными укоризненными «дражненіями». Но Семенка Гурченка, напротивъ, любили за эти качества, потому что съ восковою мягкостью характера въ немъ амальгамировалась необыкновенно стойкая честность, самоотверженность и беззавѣтная доброта. Не умѣя плавать, онъ бросался въ воду вытаскивать утопающихъ товарищей; голодный самъ, онъ отдавалъ свой кусокъ голодной со-

бакѣ, и чѣмъ существо, взятое имъ подъ покровительство, было жальче и беззащитнѣе, тѣмъ болѣе убивался надъ нимъ Семеникъ. Подъ внѣшней робостью и застѣнчивостью въ немъ крылись поэтическіе инстинкты, и онъ любилъ степь больше, чѣмъ обработанное поле, горы и лѣса предпочиталъ садамъ Борзны, а пустыню его воображеніе населяло цѣлымъ міромъ таинственныхъ существъ.

Когда Семеника отдали учиться въ кіевскую коллегію, онъ оказалъ необыкновенныя способности, и здѣсь онъ уже начиналъ проявлять себя такъ, какъ потомъ проявлялся всю жизнь: онъ становился нечувствительно центромъ и головою кружка, въ которомъ вращался; онъ всегда зналъ больше всѣхъ, успѣвалъ дѣлать больше всѣхъ; всѣ товарищи, пугаемые латынью и всѣми школьными чудовищами, прибѣгали къ Семенику, и Семеникъ разгонялъ эти чудовища съ такою легкостью и скромностью, что товарищи невольно преклонились передъ этою ласковою «дивчинкою».

Но вотъ онъ выучился, выросъ, сталъ «козакувать»... Застѣнчивая «дивчинка» встрѣчаетъ другую, болѣе бойкую «дивчину» съ «довгою косою» и «бровями по шнурочку»... Начинаются свиданья «у вишневому садочку», по ночамъ, чтобъ не стыдно было, «щобъ не соромно було дивчину обнимати»... Цѣловались-цѣловались, и доцѣловались «до рушниковъ»... Вотъ и руки попъ связалъ «рушниками»... А все Семенику и въ церкви «соромно» было при людяхъ взглянуть на свою невѣсту...

Оженился Семеникъ и овдовѣлъ... Гдѣ утопить горе великой потери, гдѣ размыкать тоску одиночества? Такія робкія, застѣнчивыя натуры не скоро забываютъ «свое»... Гдѣ этотъ омутъ забвенія? Въ степи, въ пустынѣ, тамъ, гдѣ отъ Украины осталась одна «руина», за Днѣпромъ, далеко отъ родины...

И Семенъ Гурченко пропадаетъ, словно въ воду канулъ...

Выпырнулъ онъ въ Запорожьѣ: это уже Палій, «такій казакъ, якого въ-роду-вику не видано»...

Но и въ Запорожьѣ заскучалъ онъ. Не такого простора искала душа его, не по сердцу ему была собачья жизнь: или сидѣть сторожевой собакой, или ловить въ полѣ татаръ, словно волковъ. Душа его искала дѣла живого, творческаго... И затосковалъ онъ...

Нерѣдко казаки и рыбаки видѣли одинокаго Палія бродя-

щимъ по берегу Днѣпра и объ чемъ-то думающимъ. То сядетъ онъ на горѣ и смотритъ куда-то вдаль своими добрыми глазами...

— Кто дастъ мнѣ крилѣ яко голубинѣ, и полечу?—часто шепталъ онъ молитвенно.

И онъ улетѣлъ изъ Запорожья. Видѣли его потомъ на той сторонѣ Днѣпра, въ польской Украинѣ.

Что же онъ тамъ дѣлалъ? Его неудержимо влекла къ себѣ «руина» Украйны, пустынная мѣстность, бывшая когда-то цвѣтущею страною, а потомъ свидѣтельницею кровавѣйшихъ войнъ казачины съ поляками, мѣстность, на которой Хмельницкій добивалъ господство ляха надъ украинцемъ, и гдѣ потомъ преемники его добили самую казаччину... Мѣстность эта была разорена, разорена самымъ безбожнымъ образомъ, какъ не разорена была когда-то даже Палестина, посыпанная римскою солью. Западная Украйна была залита кровью, и надъ ней произнесено было проклятіе земныхъ владыкъ: вывести изъ нея на лѣвый берегъ оставшееся въ живыхъ населеніе, и пусть она навѣки останется «руиною».

Среди этой-то «руины» и явился Палій. Что онъ нашелъ тамъ, этого онъ не могъ забыть всю жизнь!

Страна лежала въ развалинахъ; но и развалины уже перегнивали окончательно, проростали травой и могильною плѣсенью... На мѣстѣ обширныхъ, цвѣтущихъ нѣкогда селъ—кучи мусора, золы, разносимой вѣтромъ, и обуглившихся бревенъ... Кое-гдѣ уцѣлѣли трубы отъ домовъ, размытая дождемъ глина и кирпичи отъ печей, да какой-нибудь покосившійся одинокій столбъ, свидѣтельствовавшій, что здѣсь когда-то стояли дубовыя казацкія ворота, которыя вели во дворъ, полный дѣтьми, стариками, «дивчатами» и «молодицями», и ничего этого не осталось, ничего, кромѣ слѣдовъ стараго кладбища съ торчащими кое-гдѣ крестами... Старики померли гдѣ-то въ пути въ новый казацкій Іерусалимъ, дѣти повыростали вдали отъ родины, «дивчата» и «молодицы» похоронили своихъ жениховъ и мужей подъ «руинами» дорогой Украйны... Бурьяномъ позаросли обширныя сельскія площади, а слѣды улицъ еще хранятъ память о прошломъ въ кое-гдѣ сохранившихся колеяхъ отъ желѣзныхъ ободьевъ тяжелыхъ возовъ чумацкихъ... И поля, вмѣсто пшеницы, поросли бурьяномъ, среди котораго кое-гдѣ бѣлѣются

кости человѣческія, кости казаковъ, павшихъ за эту дорогую «руину», когда она еще не была «руиною».

Заплакалъ Палій, когда увидалъ эту пустыню, усѣянную сухими казацкими костями, и долго плакалъ онъ, припавъ лицомъ къ крутой шеѣ своего любимаго коня...

— О чемъ плачешь ты, сынъ мой,—раздался вдругъ голосъ позади его.

Палій вздрогнулъ... Кому быть въ этой пустынѣ, проклятой Богомъ и людьми?.. Оглянувшись, онъ увидѣлъ старика, сѣдая борода котораго спускалась до пояса. На головѣ у него была скуфейка, нѣчто среднее между восточной фесой, только черной, и монашескою шапочкой. Въ рукахъ у него былъ большой дорожный посохъ, а за плечами кожаная сума. Въ лицѣ старика было столько доброты, а въ черныхъ глазахъ столько искренности и какой-то дѣтской незлобливости, что Палій сразу узналъ въ незнакомцѣ человѣка не отъ міра сего...

— О чемъ слезы твои, сыне мой по благословенію?—повторилъ незнакомецъ, осѣняя крестомъ Палія, у котораго на груди блестѣло большое серебряное распятіе.

И видъ, и благословеніе незнакомца расположили Палія къ полной искренности.

— Плачу я надъ сею пустынею и надъ костями человѣческими, отче,—отвѣчалъ Палій.

— Плачь, сынъ мой... дороже ониміама слезы сіи предъ Господомъ... Ты тутошній?

— Ни, отче, тогобочній.

— А ради какого дѣла пришелъ сюда?

— Поклониться праху предковъ моихъ, и сердце мое разорвалося при видѣ сей руины... Богомъ проклята, видно, отчизна предковъ моихъ...

— Не говори сего, сыне...

И незнакомецъ, снявъ съ плечъ котомку, досталъ изъ нея толстую книгу въ кожаномъ переплетѣ.

— Читаешь, сынъ мой?—спросилъ старикъ.

— Читаю, отче.

— Раскрой пророка Іезекіиля главу тридесять седьмую,—сказалъ старикъ, подавая книгу Палію.

Палій отыскалъ указанное мѣсто.

— Чти, сынъ мой.

«И бысть па мнѣ рука Господня, и изведе мя въ дусѣ Господни, и постави мя средѣ поля, се же бяше полно костей человѣческихъ»,—читалъ Палій.

— Се поле, и се кости,—сказалъ старикъ, указывая на пустыню.—Чти далѣе.

«И обведе мя окрестъ ихъ около, и се многи зѣло на лицы поля и се сухи зѣло (продолжалъ Палій дрожащимъ голосомъ). И рече ко мнѣ: сыне человѣчь, оживутъ ли кости сія? И рекохъ: Господи Боже, ты вѣси сія. И рече ко мнѣ: сыне человѣчь, прорцы на кости сія, и речеши имъ: кости сухія, слышите слово Господне: се глаголетъ Адонаи Господь костемъ симъ: се азъ введу въ васъ духъ животенъ, и дамъ па васъ жилы, и возведу на васъ плоть, и простру по вамъ кожу, и дамъ духъ мой въ васъ, и оживете, и увѣсте, яко азъ есмь Господь»...

Палій остановился отъ волненія. Книга дрожала въ его рукахъ. На него, ничего не боявшагося, напалъ страхъ, не страхъ, а священный ужасъ...

— Отче святый, мнѣ страшно,—тихо сказалъ онъ, боясь взглянуть на незнакомца.

— Не бойся слова Божія... чти далѣ...

«И прорекохъ, якоже заповѣда ми Господь (читалъ Палій, блѣдный, растерянный). И бысть гласъ внегда ми пророчествовати, и се трусъ, и совокупляхуся кости, кость къ кости, каяждо къ составу своему. И видѣхъ, и се быша имъ жилы, и плоть растяше и протяжеся имъ кожа вверху, духа же не бяше въ нихъ. И рече ко мнѣ: прорцы о Дусѣ, прорцы, сыне человѣчь, и рцы духови: сіе глаголетъ Адонаи Господь: отъ четырехъ вѣтровъ пріиди душе, и вдуни на мертвые сія, и да оживутъ. И прорекохъ, яко же повелѣ ми, и вниде въ ня духъ жизни, и ожиша, и сташа на ногахъ своихъ, соборъ многъ зѣло...»

Палій зарыдалъ и упалъ на колѣни.

— Отче святый... благослови мя...—молился онъ.

— Встань, сыне... Я грѣшный человѣкъ... встань...

— Охъ! Боже! Боже! Оживутъ ли кости сія? — рыдалъ Палій, цѣлуя книгу.

— Оживутъ, оживутъ, и будетъ соборъ многъ зѣло.

— Благодарю тя, Господи Боже! Благодарю тебя, отецъ святый!.. Но кто ты?

— Я скажу тебѣ, кто я... Ты въ Хвастовъ ѣдешь?

— Въ Хвастовъ, отче.

— Такъ пойдемъ вмѣстѣ, дорогой ты все узнаешь...

VII.

— Я, Юрій Крижаничъ, словенинъ, изъ Загреба, града цесарскаго,—началъ свой разсказъ незнакомецъ.—Нынѣ возвращаюсь въ отчину свою изъ Москвы, отряхнувъ прахъ московскій отъ ногъ моихъ, чтобы лечь въ родную землю. Многотрудна была жизнь моя, сынъ мой, но я не жалѣю о томъ, что потрудился и пострадалъ ради великаго дѣла. Я вижу, что ты истинно любишь страну свою, и я открою тебѣ то великое дѣло, ему же я отдалъ и жизнь мою, и душу мою. Дѣло сіе благословилъ Богъ безсмертіемъ и подобно тому какъ воскресли сухія кости человѣческія подъ дуновеніемъ духа Божія, такъ воскреснетъ дѣло сіе подъ дуновеніемъ духа жизни.

Крижаничъ остановился. Палій вспомнилъ, что слышалъ когда-то это имя, но гдѣ и отъ кого, не припоминалъ.

— Разверну я передъ тобою, сынъ мой, свитокъ жизни моей, и ты узришь, куда привела меня нитка моей жизни,—продолжалъ Крижаничъ.—Родился я въ Загребѣ градѣ и въ ономъ же отданъ былъ въ книжное наученіе. Съ дѣтства осталось въ моей памяти нѣчто обидное, горькое: уже въ школѣ нѣмчата тыкали въ меня перстами и попрекали меня тѣмъ, что я словенинъ, «склавинъ»—рабъ сирѣчь... Ты разумѣешь, сынъ мой, латинскую рѣчь,—вдругъ обратился онъ къ Палію.

— Разумѣю... Я учился въ кіевской коллегіи.

— Такъ ты поймешь меня, яко человѣкъ просвѣщенный... Такъ я и пошелъ съ отрочества за «раба». Въ Вѣнѣ потомъ учился я, и наименованіе «раба» не снимали съ меня, а глумились еще болѣе надъ моимъ несчастнымъ рожденіемъ отъ матери-рабыни. Но жажда знанія росла во мнѣ съ годами; я отправился къ самому источнику мудрости человѣческой, въ университетъ, въ Болонію. Я жадно пилъ изъ сего источника, какъ только можетъ пить рабъ, чающій своего освобожденія. Но на мнѣ тяготѣло проклятіе, на мнѣ оставались слѣды словенской проказы: я былъ словенинъ. Изъ Болоніи ушелъ я въ Римъ, а словенская проказа была у меня за плечами: и въ Римѣ я чув-

ствовалъ себя прокаженнымъ... Но не было Христа, который исцѣлилъ бы меня, а если бы и исцѣлилъ, то оставались бы милліоны прокаженныхъ словенъ... Я много трудился, сынъ мой, много писалъ, а жажда моя все еще не была удовлетворена, ибо жажда сія превратилась въ жажду вѣчную; я думалъ найти Христа, который бы снялъ проказу съ словенскаго тѣла... Я направилъ стопы мои въ Царьградъ, съ мыслью поискать и тамъ Христа для спасенія словенскаго рода; но тамъ я нашелъ токмо алчность и лживость греческую, и вспомнилъ бытописателя вашего, преподобнаго Нестора: «суть бо льстиви греци и до сего дне...» Тамъ же я нашелъ, что словенскіе народы превратились въ вола подъяремнаго подъ турскою властію, и нѣкогда славные болгаре, сербы и илирцы стали притчею во языцѣхъ... Тогда я обратилъ мои взоры на сѣверъ, къ великому народу россійскому, не найду ли тамъ Спасителя словенства, который бы снялъ проказу съ тѣла словенскаго. Пришедъ въ Вѣну, я обратился къ бывшему тамъ посланнику московскаго царя, къ Якову Лихареву съ товарищи. Лихаревъ усердно звалъ меня на службу въ Московію, обѣщая мнѣ царское жалованье таково, какого-де у тебя, Юрія, и на умѣ нѣтъ...» Но не жалованья искалъ я, а Спасителя словенскаго.

Крижаничъ опять остановился. Сѣдая голова поникла въ раздумьи и изрѣдка вздрагивала.

— И что же, отче, нашелъ въ Москвѣ, кого искалъ?—спросилъ Палій, грустно глядя на старика.

— Нашелъ...

Крижаничъ опять остановился. Видно было, что тяжело говорить ему, что въ памяти его разбередились какія-то раны, еще не зажившія. И Палій молчалъ. Въ его душѣ слышался чей-то таинственный голосъ: «сыне человѣчь, оживутъ ли кости сія?..». И ему казалось, что пустыня оживаетъ, совокупляются сухія кости казацкія, кость къ кости, каждая къ составу своему, и кости связываются жилами, и ростетъ на нихъ плоть, и плоть покрывается кожей... Боже! Какой соборъ людей! Конные и пѣшіе, и знамена вѣютъ по воздуху, и бунчуки косматые развиваются, и чубы казацкіе по вѣтру распущены...

— Да, нашелъ я, сынъ мой, нашелъ въ Москвѣ... ссылку, Сибирь,—продолжалъ какъ бы про себя Крижаничъ.

— Ссылку? Сибирь?

— Сибирь, сынъ мой... Въ Сибирь послалъ меня царь искать Спасителя словенства...

На лицѣ Палія выразилось глубокое изумленіе.

— Который царь сослалъ тебя?—спросилъ онъ.

— Тишайшій.

— И долго ты пробылъ въ Сибири?

— Пять-надесять лѣтъ, до смерти тишайшаго.

— За что же сослали?

— Богу одному вѣдомо... Но думаю, что по какому-ни-наесть подозрѣнію: боялись меня. А можетъ, и за то, что царю докучалъ я своимъ словенскимъ дѣломъ... О! Тяжко было мнѣ, сынъ мой, говорить съ человѣкомъ, отъ котораго зависитъ спасеніе всего словеснаго міра, и который не разумѣетъ своихъ выгодъ. Я говорилъ ему: посмотри, державный владыко сѣвера, какъ гнется подъ нѣмецкимъ и турецкимъ ярмомъ выя болгарина, словенина, хорвата, серба, илирца, чеха... Онъ уподобляется Христу, ведомому на пропятіе и несущему свой страстный крестъ, а ты, о, царю! уподобляешися Агасферу, не токмо не помогшему Спасителю нести его тяжкій крестъ, но и не давшему ему успокоенія при домѣ своемъ... я громко вопіялъ къ царю: помни, о, царю, участь Агасферову; не поможешь ты нынѣ словенамъ снять съ себя тяжкій крестъ мученичества, этотъ крестъ падетъ на выю твоихъ преемниковъ, царей россійскихъ, и тогда крестъ сей будетъ еще тяжеле-тяжеле цѣлыми вѣками страданій словенскихъ народовъ. Вмѣсто тысячъ жертвъ во искупленіе словенства, преемники твои принесутъ на алтарь словенства милліоны жертвъ, ибо Россіи не избыть того, что предопредѣлено ей Провидѣніемъ. Чѣмъ раньше совершится сіе, тѣмъ легче самое совершеніе. И не ради себя долженъ ты сдѣлать сіе, а ради ихъ: не думай завоевать ихъ, расширять твое царство насчетъ словенскихъ народовъ, ты только освободи ихъ, и ты будешь въ тысячу кратъ сильнѣе и могущественнѣе того, чѣмъ ежели бы ты покорилъ ихъ подъ власть свою...

Старикъ снова умолкъ.

— Чудна, чудна Москва,—проговорилъ про себя Палій въ раздумьи.

— Ты что говоришь, сынъ мой?—спросилъ Крижаничъ, какъ бы очнувшись отъ забытья.

— Такъ кажу, дурна Москва,—отвѣчалъ Палій по-украински.

— Истинно дурна: выгодъ своихъ не разумѣетъ...

— Такъ за щожъ царь разсердивсь? — продолжалъ попрежнему Палій.

— Не царь, а бояре, думаю... Я говорилъ царю: покореніе словенскихъ народовъ все гибель московскаго царства: сіе покореніе будетъ не иное что, какъ самоукушеніе скорпіево... Покоривши дунайскихъ ли словенъ, ляховъ ли, болгаръ ли, Москва всенепремѣнно наложитъ на нихъ желѣзную цѣпь тяжкихъ законовъ царя Ивана Грознаго и царя Бориса-татарина: она наводнитъ словенскія земли своими темниками и баскаками, приставами да цѣловальниками, боярами да стольниками, дьяками да подъячими; и сіе зло злѣе зла турецкаго, злѣе яду нѣмецкаго...

— Се-бъ то дуже правда,—покачивалъ головой Палій.

— Какое не правда! Позналъ я московскую душу: ее и въ десяти водахъ не вываришь...

— Такъ-такъ... Онъ и у насъ на Вкраинѣ, Москва вже свои порядки заводитъ, така вже московска натура ижаковата...

— И я сіе сказывалъ царю.

— Що-жъ винъ?

— Милостиво молчалъ и шубу съ плеча своего пожаловалъ мнѣ...

— А тамъ и гайда! У Сибирію?

— Да, сынъ мой.

Палій даже разсердился. Онъ передвинулъ свою курпейчатую шапку съ одного уха на другое и съ досадою остановился.

— Такъ це все бояры?

— Бояре, кому жъ больше: они и царя обманули.

— Ахъ, гаспидовы дити! Отъ Ироды! А царь и не знавъ ничого?

— Ему доложили, якобы мнѣ «надобеть быть у государевыхъ дѣлъ, у какихъ пристойно», и сослали въ Тобольскъ.

Разсказъ Крижанича произвелъ на Палія тяжелое, удручающее впечатлѣніе. Опять передъ нимъ вставало поле, усѣянное костями человѣческими; но кости эти уже не оживали... «Не оживутъ кости сія», звучала подъ сердцемъ плачущая, по-

гробальная пота... Кто поможетъ воскресенію сухихъ костей? На кого надежда?

Крижаничъ угадалъ его мысль и кротко посмотрѣлъ на него глазами старческими, ясными, какъ у юноши, глазами.

— А все-таки, сынъ мой, оживутъ кости сія,—съ глубокимъ убѣжденіемъ сказалъ онъ.

— Хиба духомъ святымъ?—грустно замѣтилъ Палій.

— Духомъ животнымъ, сынъ мой... А кто ты? Какъ имя твое? Я и не спросилъ тебя.

— Я Семенъ Палій, изъ Борзны... Бувъ запорожцемъ, а теперь...—Онъ остановился.

— Хочешь оживить кости сія?

Палій молчалъ, вѣра его въ Москву вновь была глубоко потрясена.

— Не отвѣщай, я знаю,—продолжалъ старикъ,—я умѣю читать душу человѣческую на лицахъ людей... Я прочиталъ твою душу... Ты оживишь кости сія...

— Какъ же, отче? Научи!

— Знаешь, сынъ мой, какъ засѣваютъ поле, поросшее волчцами?

— Знаю...

— Засѣй же поле сіе пшеницею, и волчцы погибнутъ... кости оживутъ.... Какъ зерно всходитъ пшеничнымъ стеблемъ и колосомъ, такъ кости сія взойдутъ людьми живыми... Живая пшеница за Днѣпромъ: кликни кличъ, и пшеница сама придетъ сюда, и ты засѣешь сю сіе поле мертвое, и «оживутъ кости сія»...

Палій видѣлъ, что эта мысль отвѣчаетъ его собственной, давно лелѣемой мечтѣ. Еще будучи въ Запорожьѣ, онъ много думалъ о судьбѣ западной, заднѣпровской Украйны, и ему казалось, что безбожно было бы оставлять ее «руиною». Эта «руина» подъ бокомъ у Кіева. Ксендзы уже угнѣздились въ Хвастовѣ и какъ пауки начали растягивать свои цѣпкія нити по Волыни, Подоліи и Полѣсью. Сухія кости казацкія уже хрустятъ подъ копытами панскихъ коней... Палію кажется, что это хрустятъ его собственныя кости...

А тутъ этотъ таинственный, невѣдомо откуда явившійся старикъ съ апостольскою бородою и рѣчью пророка, съ этимъ не отъ міра сего выраженіемъ глазъ, читающихъ душу чужую, какъ раскрытую книгу, эта мертвая тишина степи, нарушаемая

лишь иногда мѣрными взмахами бѣлыхъ крыльевъ луня, словно разыскивающаго по «руинѣ» погибшія казацкія души, да звонкій клекотъ въ вышинѣ орла, не находящаго себѣ добычи, все это сковывало впечатлительную душу Палія священнымъ ужасомъ... Кто этотъ старикъ? Куда онъ идетъ, чего ищетъ?

«Бысть человѣкъ посланъ отъ Бога... къ своимъ пріиде, и свои его не познаша», невольно повторяется евангельскій стихъ.

— Сѣять, сѣять подобаетъ на новой нивѣ,—говорилъ какъ бы самъ съ собою старикъ.—А сѣятели лукавы суть...

— Какіе сѣятели, отче?

— Лукавые... Одинъ — Дорошенокъ, гетманъ сегобочный, другой—Самойловичъ, гетманъ тогобочный... Оба они сѣютъ на чужое поле,—продолжалъ старикъ про себя, не поднимая головы.

— А третій сѣятель

— Мазепа...

— Осавулъ енеральный?

— Онъ... Се діаволъ въ образѣ сѣятеля... Плевелы онъ сѣетъ, и заглушатъ сіи плевелы всю Украйну...

— Да онъ еще не гетманъ.

— Будетъ гетманомъ... Гетманскую булаву онъ уже носитъ за пазухою, у сердца лукаваго.

— А Дорошенко и Самойловичъ?

— Дорошенокъ на турскую ниву сѣетъ словенское добро, а Самойловичъ на московскую, на боярскую... никто не сѣетъ на свою ниву, на народную...

Крижаничъ остановился. Сгорбленная спина его выпрямилась. Онъ положилъ руку на плечо Палія и глянулъ ему прямо въ очи.

— Семенъ Ивановичъ,—сказалъ онъ медленно.

Палій вздрогнулъ отъ этихъ словъ, онъ точно испугался чего и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на старика.

— Какъ ты позналъ мое имя?—робко спросилъ онъ.

— Я давно его знаю, и тебя знаю,—загадочно отвѣчалъ Крижаничъ.—Хощешь добра землѣ своей?

— Хощу, видитъ Богъ.

— Помнишь исторію народа израильскаго?

— Помню.

— И работу египетскую?

— Помню, отче

— И Моисея?

— Все помню.

— Будь же Моисеемъ народа украинскаго... Изведи изъ плѣна латинскаго въ сію Палестину... Помни, сынъ мой, что сила народовъ въ согласіи ихъ... Когда оживетъ пустыня сія, и кости сухія возстанутъ, и будетъ соборъ многъ зѣло, соедини десницу народа украинскаго съ шуйцею, тогобочную страну съ сегобочною, и тогда не страшно для васъ будетъ жало латинское... Жало сіе злѣе жала скорпія для словенскаго рода: Польша уже гнить начинаетъ отъ сего змѣинаго яда и сгніетъ она... А вы останетесь и живы будете... Придетъ время, вы познаете другихъ братьевъ своихъ, словенъ... О! Много горькаго будетъ между братьями, горькую чашу испити имать родъ словенскій... Но горечь сія, вѣрь мнѣ, будетъ ему во спасеніе... Только помните: concordia parvae res crescunt...

Крижаничъ остановился, какъ бы что-то припоминая. Палій не прерывалъ его молчанія, онъ былъ слишкомъ взволнованъ.

— Прими же мое благословеніе,—снова заговорилъ Крижаничъ,—и не забывай меня, сынъ мой... Не забывай и словесъ моихъ, не мои то словеса, а божьи: я умру, а словеса сіи не умрутъ... Я теперь иду на родину, и тамъ, на краю гроба, ставъ ногою у самой могилы своей, крикну къ словенскому роду: «отъ четырехъ вѣтровъ пріиди, о душе словенескъ, и вдуни на мертвыя сія, и да оживутъ!..»

Много лѣтъ прошло со времени встрѣчи Палія съ старымъ энтузіастомъ Крижаничемъ. Самъ Палій сталъ уже ветхимъ, хотя бодрымъ старикомъ. И Крижаничъ, и Дорошенко, и Самойловичъ отошли въ вѣчность. Мазепа вынулъ гетманскую булаву изъ-за пазухи и царствуетъ надъ Украйною въ качествѣ холопа царей московскихъ...

А Палій все засѣваетъ «руину» новою человѣческою пшеницею... О! Какъ мощно взошла новая великая нива украинская! Какой налила богатый, ядреный колосъ яровая пшеница Задѣпровья!

Бывшая «руина» опять превратилась въ страну, текущую молокомъ и медомъ... Ожила заднѣпровская казаччина... Сухія кости ожили, и сталъ соборъ многъ зѣло...

Какъ оживали эти сухія кости, какъ скрѣплялись жилами, покрывались плотью и кожею, объ этомъ, благосклонный чита-

тель, зри почтенныхъ историковъ: Соловьева, Костомарова, Антоновича, Кулиша и въ особенности Костомарова, который уже заготовилъ и полотно, и краски, и кисти для созданія великой картины «руины» и ея воскресенія... Я же, благосклонный читатель, поведу тебя туда, куда не смѣетъ проникнуть историкъ, и покажу то, чего историкъ показать не можетъ. Я поведу тебя въ область творчества, черпающаго свои идеалы изъ архива болѣе обширнаго, чѣмъ всѣ архивы государства, открытые историку, и, не отступая отъ исторической правды, покажу тебѣ самую душу историческихъ дѣятелей: для насъ открыты самыя сокровенныя думы Палія; мы проникнемъ въ темную глубину души Мазепы; мы подслушаемъ, какъ бьется сердце у спящей Мотреньки, о чемъ грезитъ эта «неслухъяна дитина»...

Не спится и старому Палію въ эту жаркую ночь, какъ не спится Мотренькѣ... Мотренькѣ не даютъ спать молодыя грезы; безпокойное сердце колотится подъ горячею отъ жаркаго тѣла сорочкою, а Палію не даютъ спать старыя думы...

О! Многое думается этой сивой, почти столѣтней головѣ казацкаго батька... Вонъ какимъ пышнымъ цвѣтомъ цвѣтетъ «руина», нѣкогда представлявшая обширное, разрытое кладбище, усѣянное сухими костями казацкими. Вотъ бы теперь притти сюда тому старцу словенскому, Юрію, который благословлялъ эту степь своею старою, дрожащею рукою, да поглядѣть на нее да поплакать отъ радости...

И усталыя отъ безсонницы очи Палія плачутъ теплыми, хорошими слезами...

Нѣтъ, не притти ужъ вѣрно старцу Юрію, гдѣ притти! Въ могилѣ, поди, отдыхаютъ его святыя, нывшія за словенскій родъ старыя кости...

Тихо кругомъ, сонно... Палій выходитъ изъ своего дома, что въ Бѣлой Церкви, садится на рундучкѣ и думаетъ, думаетъ, думаетъ... Что за тихая ночь! Темное небо усѣяно звѣздами, много ихъ, какъ много казаковъ на всей этой степи, по всей Хвастовщинѣ и по Полѣсью... Вотъ ужъ сколько лѣтъ, словно пчелы за маткою, летятъ въ Хвастовщину казаки и голота со всѣхъ концовъ, все до Палія, до батька казацкаго... И запорожцы чубатые идутъ «погуляти», и волохи черномазые цѣлыми поселками валятъ въ Хвастовщину, и подоляне идутъ сюда же, и Червонная Русь, и Волынь, все бредетъ въ царство батька козац-

каго, Палія Семена Ивановича... Мазепинцы, лѣвобережные, словно саранча летятъ сюда же, и нѣту имъ удержу, не устеречь ихъ карауламъ мазепинымъ... И лютуетъ на Палія старый, лукавый Мазепа. Да и какъ не лютовать ему! Самъ видитъ, что у Палія житье людямъ привольнѣе, чѣмъ у него, въ гетманщинѣ... А самъ и виноватъ же... Лядскимъ ладономъ прокуренъ Мазепа Иванъ Степановичъ, ляхомъ смердитъ отъ всего духа мазепинскаго, такъ и остался старымъ королевскимъ пахолкомъ, что блюда лизалъ въ королевскихъ переднихъ, да и всѣхъ молодыхъ, знатныхъ казацкихъ сыновъ въ пахолковъ перевернуть хочетъ... Гдѣ-жъ тутъ, у чортовой матери, хотѣть, чтобъ казаки его любили! Вонъ онъ, старый пахолокъ, панство на Украйнѣ расплодить хочетъ, мало польское панство залило сала за шкуру народу украинскому! «До живыхъ печенокъ» дошло это панство! А онъ и свое, казацкое панство на поругу народу разводитъ...

А эти ляшки-панки, словно осы въ улей съ медомъ, забрались въ Украйну, да такъ и гудутъ около Мазепы въ охотницкихъ, да компанейскихъ, да сердюцкихъ полкахъ... Такъ и этого мало, надо своихъ трутней въ улей напускать... Ну, и напустилъ бунчуковыхъ товарищей, землю у поспольства отнялъ, панщину завелъ вражій сынъ, да еще и на стараго Палію лютуетъ... То-то! Засѣлъ въ свой Батуринъ, окопался, какъ въ чужой землѣ, и носу показать безъ сердюковъ да московскихъ стрѣльцовъ не смѣетъ... Пропадетъ за нимъ милая Украйна!

Вонъ недавно проѣзжалъ черезъ Хвастовъ къ святымъ мѣстамъ попъ московскій, отецъ Іоаннъ, по отчеству Лукьяновъ, такъ говорилъ «не абы яке» про Мазепу...

— Крепко сидитъ тамъ гетманъ?—спрашивалъ попа Палій.

— Да крѣпокъ-то онъ только стрѣльцами, и онъ, и Батуринъ его, на караулахъ все москали стоятъ, цѣлый полкъ стрѣльцовъ живетъ въ Батуринѣ, Анненковъ полкъ съ Арбату...

— А народъ, поспольство?

— Яко собака передъ горячею кочергою... Коли-бъ не стрѣльцы, то-бъ хохлы его давно уходили, что медвѣдя въ берлогѣ, только стрѣльцовъ и боятся, а онъ безъ нихъ не ступитъ и шибко жалуетъ ихъ, все имъ кормъ, да кормъ, да питія всякія...

Недаромъ сегодня Палій, проходя по рынку, слыхалъ, какъ старый запорожецъ «на бандури выґрававъ, та словами промовлявъ»:

Хочъ у нашего Семена Палія и не велике військо охотнее,
Тилько одна сотня, да и та голая,
Безъ сорочокъ и штанивъ, тилько зъ очкурами,
А буде та сотня голая.
Буде та сотня безштанняя,
Буде паньскую тысячу убраную,
Аксамитомъ крытую,
Шовками пошитую—
Буде мовъ череду гнати,
У-пень рубати,
Буде великимъ панамъ великій страхъ завдавати...

А казаки да голота слушаютъ да смѣются, такъ и «регочутъ» на весь рынокъ... «Добре! Добре, брате, граешь, правду промовляешь!..»

И радостью искрятся старыя очи Палія при этомъ воспоминаніи... Доброе что-то проходитъ по его ветхому, такому же, какъ и въ дѣтствѣ, кроткому лицу...

— Добри въ мене дитки-козаки... Хочъ голи, та весели...

Да и попъ этотъ московскій, отецъ Іоаннъ Лукьяновъ, что отъ святыхъ мѣстъ ѣхалъ на Бѣлую Церковь, «таке чудне попиня»... Турки, что провожали его съ купцами по степи, боятся, говоритъ попикъ, Палія...

— Мы-бъ васъ съ радостью и до Кіева проводили, говорятъ, да боимся Палія вашего: онъ насъ не выпуститъ вонъ отъ себя, тутъ де и побьетъ...

— Чудни турки...

— То-то чудны... У насъ, говорятъ, про Палія страшно грозная слава...

— Овва-бо! Яка вже тамъ гризна!

— Еще бы! Мы, говорятъ, никого такъ не боимся, какъ Палія... Намъ-де и самимъ зѣло хочется его посмотрѣть образъ, каковъ-де онъ?

И доброе лицо старика свѣтится дѣтски-старческою улыбкою.

— Образъ... у мене образъ... Отъ дурни!

И старикъ, сойдя съ рундучка, тихо побрелъ черезъ обширный дворъ къ левадѣ, усаженный вербами. Начинало свѣтать, но вербы съ своими густыми, низко опустившимися вѣтвями казались еще совсѣмъ темными, и только въ просвѣтахъ между ними виднѣлось небо, розовыя краски котораго обѣщали прелестное утро. Двѣ собаки, которыя спали, разметавшись среди

двора, словно бы увѣренныя, что не ихъ дѣло лаять, когда не на кого, увидавъ хозяина, поднялись съ земли и точно по заказу замахали хвостами, какъ бы говоря: «ну, вотъ соснули и мы маленько, а теперь за дѣло...»

— То-то, выспались, сучи дити,—ласково бормочетъ старикъ;—знаете, що я, старый собака, не сплю...

У конюшни, распластавшись на соломѣ, спятъ «хлопцы», которые всю ночь гуляли «на улицѣ» и напролетъ всю ночь горланили то «Гриця», то «Ой сонъ, мати», то «Гопъ, мои гречаники»...

— Эхъ, вражи сыны, набигались за ничъ за дивчатами,— продолжаетъ ласково ворчать старикъ.

А тамъ кони, узнавъ хозяина, повысовывали морды въ открытыя двери конюшни и ржутъ весело...

— Що, дитки, пизнали стараго?—обращается онъ къ конямъ...

А вотъ и утро, совсѣмъ свѣтло становится... Вдоль левады ко двору приближается конный казакъ и, узнавъ «батька» Палія, осаживаетъ лошадь...

— Здоровъ, Охриме,—ласково говоритъ Палій.

— Бувайте здорови, батьку,—отвѣчаетъ казакъ, снимая шапку.

— Звидки?

— Та зъ Кіива жъ, московського попа проводили.

— Отца Іоанна?

— Его-жъ

— Добре.

Казакъ что-то мнется, копаясь въ шапкѣ. Вынувъ изъ шапки хустку, онъ достаетъ изъ нея что-то тщательно завернутое.

— Що въ тебе у шапци тамъ, кіивській бубликъ, чи-що?— улыбаясь, спрашиваетъ Палій.

— Ни, батьку, не бубликъ.

— Такъ, може, гарна цяця?

— Ни, батьку... Ось-де воно гаспидське,—радостно сказалъ казакъ, вынувъ изъ платка какую-то бумагу и подавая ее Палію.

— Що се таке?—спрашиваетъ этотъ послѣдній.

— А Богъ его знае, що воно таке е... писано щось...

— А де взявъ?

— У Паволочи дали... У того козака найшли за скринею,

де московскій пипъ почувавъ... Може воно яке тамъ, Богъ его знае, що воно падряпано... Може, й песа тамъ наколупано...

И Палій, развернувъ бумагу, прочелъ: «А въ Хвастовѣ по земляному валу ворота частыя, а во всякихъ воротахъ копаны ямы да солома наслана въ ямы, тамъ паліевщина лежитъ, человѣкъ по двадцати по тридцати, голы, что бубны, безъ рубахъ, нагіе, страшны зѣло; а въ воротѣхъ изъ селъ проѣхать нельзя ни съ чѣмъ, все рвутъ, что собаки: дрова, солому, сѣно, съ чѣмъ ни поѣзжай...

— Бреше гаспидивъ москаль,—не утерпѣлъ казакъ,—бреше сучій сынъ...

Палій улыбнулся.—Себъ то ты попа такъ, Охриме?

Охримъ смутился, но не растерялся...

— Охъ, лишечко... Хиба жъ се пипъ пише?

— Пипъ, Охриме.

— Такъ окримъ его священства... А все-жъ бреше...

«А когда мы пріѣхали въ Паволочь,—продолжалъ читать Палій,—и стали на площади, такъ насъ обступили, какъ есть около медвѣдя, всѣ козаки—паліевщина: и все голутьба безпорточная, а на иномъ и клока рубахи нѣтъ, страшные зѣло, черны, что арапы, и лихи, что собаки, изъ рукъ рвутъ. Они на насъ, стоя, дивятся, а мы имъ и втрое, что такихъ уродовъ мы отъ роду не видали; у насъ на Москвѣ и на Петровскомъ кружалѣ не скоро сыщешь такова хоть одного»...

— А то-жь! Воно трохи й правда,—замѣтилъ старикъ, кончивъ читать и догадавшись, что это, вѣроятно, листокъ изъ дневника или путевыхъ замѣтокъ отца Іоанна, оброненный въ Паволочи.

Какъ бы то ни было, но листокъ этотъ заставилъ задуматься старика. По листку Палій могъ судить, какія вѣсти и въ какомъ видѣ доходятъ о немъ до Москвы, до бояръ и до царя, и насколько эти вѣсти отвѣчаютъ его задушевнымъ, глубоко таимымъ отъ всѣхъ планамъ... Вѣсти не лестныя: онѣ могутъ только бросать тѣнь на то, что всю жизнь лелѣялъ Палій въ своей казацкой душѣ, а теперь уже свѣтилось вдали не то путеводною звѣздою, не то погребальнымъ факеломъ... Вѣдь могила-то ужъ не за горами...

— Спасибо, Охриме... Приходь сегодя, дило буде,—сказалъ

старикъ и, поникнувъ сѣдой головой, снова направился къ дому, бормоча: «Бидна Украйна... коли-то твое сонечко встане?»...

Солнце дѣйствительно вставало, но не то, котораго искали старыя очи Палія Семена.

VIII.

Много было въ это время работы Палію, и было о чемъ подумать; и молодому черепу такъ впору бы лопнуть отъ думъ безпокойныхъ, отъ тяжкой неизвѣстности, которая тяготѣла надъ правобережной Украйной, которую старыя, но еще мощныя руки Палія буквально вынули изъ могилы, какъ о томъ пророчествовалъ Юрій Крижаничъ... Не хочетъ брать Палія съ его воскресшею Украйною подъ свою высокую руку московскій царь, да и какъ ему взять его и всю его буйную Паліевщину подъ свою руку, когда онъ шибко задралъ шведскаго короля, отнялъ у него ключъ къ морю Варяжскому, и сердить Польшу не приходится. А взять Палія, значитъ разсердить Польшу, потому: Палій-де полковникъ въ подданствѣ состоитъ у польскаго короля, союзника царскаго, да вся правобережная Украйна, вся Паліевщина—польская земля... То-то польская! Разодрали бѣдную Украйну по живому тѣлу на-двое: одну половину Москва взяла, другую, правобережную, дали польскимъ собакамъ на съѣденье... Такъ не быть же этому! Старый Палій всѣ собачьи зубы переломаетъ у ляховъ, а не дастъ имъ Украйны! Вонъ сколько воды въ Днѣпрѣ, что бѣжитъ къ морю мимо Кіева: то кровь да слезы украинскія, а не вода... Какъ же отдать все это ляхамъ? Пускай лучше ужъ съ мертваго сымутъ сорочку, когда Палій умретъ, а Украйну онъ не отдастъ ляхамъ... Не Іуда онъ, чтобы продать Христа; да и Іуда и тотъ удавился... А то царь пишетъ, покорись ляхамъ, отдай имъ мать родную на поругу... Царю хорошо: онъ тамъ у самаго моря новый городъ строить началъ, это онъ свѣчечку затеплилъ тамъ въ память пращура своего, Александра Невскаго... А Палію велитъ загасить свѣчу, что онъ затеплилъ надъ могилой Украйны... Не бывать этому! Лобъ расшибутъ поляки объ стѣны Бѣлой Церкви, что укрѣпилъ Палій. Не видать имъ, какъ своихъ панскихъ ушей, ни Богуслава, ни Корсуна, ни всей Хвастовщины, ни Полѣсья, ни Побережья, все это Паліево; умретъ, такъ Богу завѣщаетъ свою

отчину-Украйну, а не панамъ на прогулъ, да на проплясъ, да на венгржинъ, да на мазура...

А и попъ этотъ московскій, отецъ Иванъ Лукьяновъ, подозрителенъ. И туда изъ Москвы ѣхалъ, въ Царьградъ, такъ все высматривалъ да выпюхивалъ, и назадъ теперь съ караваномъ торговыхъ московскихъ людей шелъ, такъ тоже до всего докапывался. Ужъ не подосланъ ли кѣмъ?..

Вотъ ужъ и солнце высоконько взошло. Казакъ Охримъ, что пріѣхалъ изъ Паволочи, успѣлъ соснуть и идетъ къ батьку-полковнику. Палій сидитъ на рундукѣ, въ холодку, подъ навѣсомъ своего дома, и завтракаетъ: на бѣлой скатерти, постланной на небольшомъ дубовомъ столѣ, стоитъ сковорода съ шипящею яичницею; тутъ же на столѣ бѣлая «паляниця» хлѣбъ, огромный каравай, съ воткнутымъ въ него ножомъ; тутъ же и «пляшка» съ «горилкою-оковитою» и серебряная съ ручкою чара. Палій ѣстъ шипящую яичницу, прямо съ сковороды, круглою деревянною ложкою... Тутъ же и собаки облизываются...

— Що, Охриме, выспався?—спрашиваетъ старикъ, завидѣвъ казака.

— Выспавься, батьку.

— А снидавъ?

— Снидавъ.

— А оціеи не цилювавъ?—указываетъ Палій на бутыль съ водкой.

— Зачепивъ трохи, батьку,—улыбается Охримъ.

— А ну, зачепи ще.—И Палій наливаетъ чару.

Охримъ бережно, словно чашу съ дарами, беретъ чару въ правую руку, потомъ передаетъ ее лѣвой, широко крестится, снова беретъ чару въ правую руку и опрокидываетъ ее подъ усы, словно въ пропасть...

— На здоровьячко,—говоритъ Палій,—утирая «рушникомъ» губы.

— Не хай васъ Богъ милуе, батьку,—отвѣчаетъ Охримъ, ставя чару на столъ.

— Теперь побалакаемо... Що тамъ у васъ у Паволочи?

— Спасибо Богови, усе гораздъ.

— Козаки не скучаютъ?

— Скучаютъ, батьку... На долоняхъ, кажуть, шерсть проста...

— Оттакои! Якъ на долопяхъ шерсть пророста?

— Давно, кажуть, ляхивъ не били, тимъ и пророста?

— Эчъ, вражи дити... А що пани моя стара?

— Пани-матка здоровеньки, кланяются.

— А московського попа бачила?

— Бачили... вони жъ его й привитали и обидомъ частували.

— А купци московськи, що зъ нимъ були?

— И ихъ пани-матка частували... Не нахваляться москали: «отъ, кажуть, такъ полковниця! Вона, кажуть, и цилымъ полкомъ управить, хочъ на войну, такъ поведе»...

— О! Вона баба-козакъ у меня,—улыбаясь и моргая сивымъ усомъ, говоритъ Палій.

— Та козакъ же-жъ, батьку...

— Козакъ-то козакъ, тилько чубъ не такъ...

И Охримъ оскабляется на эту остроту стараго полковника.

— Москали казали, що пани-матка у насъ така, якъ онъ у ихъ Москви була царевна Сохвія, козырь-дѣвка...

— Эге! Козырь-дивка... Высоко литала, тильки царь ій крыла прибуркавъ.

Разговоръ шелъ о второй женѣ Палія, на которой онъ женился уже въ Хвастовщинѣ, когда началъ превращать «руину» въ цвѣтущую Украину. Паліиха была женщина умная, энергичная, какъ—разъ подъ пару неугомонному старику, этому Іисусу Навину заднѣпровской Украины, который на время остановилъ солнце западной Малороссіи, склонявшееся къ закату и погружавшееся въ мутныя воды Рѣчи Посполитой. Въ отсутствіе мужа, который былъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ, то воюя съ поляками и татарами, то сооружая крѣпости, Паліиха брала правленіе полкомъ и землею въ свои умѣлыя руки, и изъ этихъ рукъ ничто не вываливалось: она отдавала приказы казацкимъ старшинамъ, выслушивала ихъ доклады, держала судъ и расправу, принимала посланцевъ со всѣхъ мѣстъ: изъ Кіева, изъ Батурина, отъ польской шляхты. По всей правобережной и частью по лѣвобережной Украинѣ раздавалось имя «пани-матки», «Паліихи», почти столь же громко, какъ имена Палія и Мазепы.

Историческая судьба украинской женщины и женщины московской, великорусской, представляетъ собою явленія, далеко не похожія одно на другое. На жизнь московской женщины, особенно боярыни и боярышни, а равно женъ и дочерей всѣхъ «луч-

шихъ», по тогдашнему выраженію, «людей», татарщина наложила вѣковую печать тюремности и замкнутости, печать, которую пробовали было сорвать съ этой отатаренной жизни первыя вольнодумки русской земли—мать царя Петра Перваго и сестра его, царица Наталья Кирилловна Нарышкина, и царевна Софья, но не осилили, и которую уже сорвалъ самъ Петръ вмѣстѣ съ кусками живого русскаго мяса и съ переломомъ реберъ и голеней русской земли. Московская женщина ничего не знала и не видала, кромѣ терема и церкви. Эта тюремная жизнь скрашивалась только возможностью отъ утра до ночи, не разгибая спины, сидѣть надъ нехитрыми рукодѣльями, шить и вышивать пелены, ризы да воздухи для церквей и поповъ, кроить и строчить для себя кики да повойники, да душегрѣйки, да иногда пропѣть грустную пѣсню о томъ,—

Какъ милъ сердечный другъ меня не любитъ,
Онъ кормить-поить меня младу не хочетъ»...

Каторгу выносила московская женщина, а не жизнь, и изъ домашней тюрьмы-терема ей оставался одинъ-два выхода: либо въ монастырь, въ «темну келью», на новую тюремную жизнь, либо на погостъ, на вѣчное успокоеніе... Государственная, общественная и даже уличная жизнь проходила мимо московской женщины, не задѣвая ее, не интересуясь ею, и только задѣвало ее время, проводя черты и рѣзцы по ея отцвѣтающему лицу, вплетая серебряныя блестки въ ея косу русую, вѣчно прикрытую, мало-по-малу задувая огонь ея очей... Выходила московская женщина замужъ, не зная и не видя своего суженаго: это была не радость для нея, а судъ, судъ Божій, да судъ батюшковъ, да матушкинъ, за кого «осудили» ее выдать, тотъ и «суженый» ея, и этого суженаго ни конемъ не объѣдешь, ни пѣшей отъ него не убѣжишь. И стала, исторически, наслѣдственно стала московская женщина «бабою», у которой волосъ долгъ, да умъ коротокъ... А тдѣ было ей набраться этого ума, чѣмъ отростить и обострить его?

Не такова была историческая судьба украинской женщины. Надъ Украиною не тяготѣла татарщина и не отатарила ее, какъ землю московскую, не заперла украинскую женщину въ теремъ. Надъ Украиною татарщина пронеслась ураганомъ, оставивъ повсюду слѣды разрушеній; но отатаренія тамъ не было; послѣ

урагана историческая жизнь дала новые, свѣжіе побѣги. Эта своеобразная жизнь создала пресимпатичный и препоэтическій типъ вольнаго казака, который не терпѣлъ никакой ни узды, ни повода. Эта же жизнь создала и своеобразный типъ украинской женщины, которая никогда не была ни рабою, ни теремнымъ, безполезно прозябаемымъ, растеніемъ. Украинская женщина росла, часто, по цѣлымъ годамъ, не видя ни своего «татка любого», ни своихъ «братиковъ милыхъ, якъ голубонькихъ сизыхъ», которые рыскали «по степахъ та по байракахъ», съ ляхами да татарами воюючи, да своимъ казацкимъ бѣлымъ тѣломъ «комаровъ годуючи». Выходила украинская «дивчина» замужъ всегда по любви, потому что, живя на свободѣ, любя до страсти «вулицю» и «писню», короводясь съ козаками-парубками по цѣлымъ ночамъ на общественныхъ сходбищахъ, видаясь съ ними и тайно, то въ «вишневыхъ садочкахъ», то «у темному лузи», то «коло криниченьки съ холодною водиченькою»,—она успѣвала изучить своего милаго и знала, за кого выходила... А тамъ глядитъ—ея милый «стрепенувся та и полинувъ» съ ляхомъ да татарвою драться, а у нея на рукахъ—и дѣти, и хозяйство, «быки та коровы» та «волы крутороги»... Надо о бо всемъ подумать, за всѣмъ усмотрѣть—чтобъ и «быки та коровы не поздыхали», да чтобъ и ея «чорни брови не полинялы»... И вырабатывался изъ украинской женщины прелестнѣйшій историческій типъ—это типъ самостоятельной женщины, самостоятельной вездѣ, куда бы ни покатилось ея жизненное колесо: если красота и несчастья родины дѣлали ее «полоняночкой», если она попадала въ руки какого-нибудь паши-янычара, то и тамъ становилась госпожею либо—«дивкою бранкою Марусею Богуславкою», которая самимъ пашею заправляла, либо султаншею въ родѣ Роксанды изъ Рогачева, которая играла судьбою всей Оттоманской Порты, держа въ своихъ красивыхъ рукахъ сердце и волю повелителя правовѣрныхъ; если же она оставалась дома, то она въ общественной жизни имѣла свой голосъ, а въ семьѣ она владычествовала нерѣдко надъ самимъ «чоловикомъ»... Такова была старая Кочубеиха...

Тотъ же типъ самостоятельной украинки представляла и Паліиха. Московскій попъ Лукьяновъ, привыкшій видѣть московскую боярыню только на исповѣди, на смертномъ одрѣ, да въ гробу, былъ пораженъ тѣмъ, что онъ нашелъ въ Паволочи. Этимъ

мѣстечкомъ заправляла Паліиха: она была и комендантомъ крѣпости, и полковникомъ въ мѣстечкѣ, и хозяйкою въ своемъ домѣ.

Едва купеческій караванъ, съ которымъ Лукьяновъ слѣдовалъ изъ Цареграда въ Москву, въѣхалъ въ Паволочь и остановился на площади, какъ тотчасъ же былъ окруженъ любопытствующими казаками, у которыхъ, какъ они жаловались, отъ скуки волосы стали проростать на ладоняхъ, долго, можетъ быть, нѣсколько мѣсяцевъ не бравшихъ сабель въ руки. Лукьяновъ, который, проѣзжая въ Царьградъ, видѣлъ, какъ въ Паволочи же его окружили казаки «голы, что бубны, безъ рубахъ, нагіе, страшны зѣло», «все голудьба безпорточная», «черны, что арапы, и лихи, что собаки»,—замѣчалъ теперь, что казаки смотрятъ уже не «голудьбою безпорточной», а порядочно одѣтыми, кромѣ тѣхъ, которые, «пропивъ штапы и сорочку», бродили, въ чемъ мать родила, одѣтые лишь солнечнымъ лучемъ, да кое-гдѣ волосами...

— Видкиля, добри люде?—спрашиваетъ одинъ изъ такихъ молодцовъ, одѣтый лишь въ солнечные лучи, подходя къ каравану. Хотя онъ былъ весь голый, но на головѣ все-таки красовалась казацкая шапка.

— Изъ Цареграда, родимый, — отвѣчаетъ московскій купчина, потолкавшійся по бѣлу свѣту и всего видавшій на своемъ вѣку.—Изъ самой турской земли.

— Добре... самого бисового сына козолупа бачили?

— Кокого, родимый, козолупа?

— Вавилонську свиню...

— Не вѣдаю, родимый,—отвѣчаетъ купчина въ недоумѣніи.

— Нашого Бога дурня,—настаивалъ голый казакъ.

— Не вѣдаю, не вѣдаю, родимый, про кого баишь,—недоумѣваетъ купчина.

— Та самого жъ салтана, Иродову дитину...

— О! Видывали, видывали...

Увидавъ попа, голый казакъ, не забывающій своего человѣческаго достоинства, хоть оно и ничѣмъ не прикрыто, почтительно подходитъ къ Лукьянову, и, сложивъ руки пригоршней, протягиваетъ ихъ къ священнику.

— Благословите, батюшка, козака Голоту.

— Господь благословитъ... Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

— Аминь...

— Что это ты, любезный, безъ рубахи?—спрашиваетъ священникъ.

— А на що вона теперь, батюшка?—въ свою очередь невозмутимо спрашиваетъ казакъ Голота.—И такъ тепло...

— Какъ на что, наготу прикрыть...

— На що жъ прикрывати те, що Богъ козакови давъ?—озадачиваетъ Голота новымъ философскимъ вопросомъ.—Богъ ничого худого не давъ козакови...

— Такъ-то такъ, а все же студно...

— Ни, батюшка, не холодно, саме впору...

Вотъ и говори съ нимъ! Но въ это время къ каравану подходитъ хорошо одѣтый казакъ при оружіи и также проситъ благословенія у священника въ свою массивную пригоршню. Получивъ его и, какъ бы боясь просыпать, онъ продолжаетъ держать передъ собой пригоршню и говоритъ:

— Пани-матка полковникова прислала мене до васъ, запрохати васъ до господы.

— А кто это пани-матка полковникова? — спрашиваетъ отецъ Иванъ.

— Пани-матка, батькова Паліива жинка.

— А! Спасибо-спасибо на добромъ привѣтѣ... Ради ей, матушкѣ, поклониться... Какъ съ дороги малость приберемся да пообчистимся, такъ и явимся къ ней на поклонъ. Только гдѣ-бъ намъ, у какого добраго человѣка остановиться въ избѣ?

— А въ мене, батюшка, радушно предлагаетъ голый казакъ.

— У тебя, сынъ мой?—удивленно спрашиваетъ батюшка.

— Та въ мене жъ... У мене сорочки хочъ и нема, такъ хата е: бо хату пропити неможно: пани-матка заразъ чуприпу почуха.

— Какая пани-матка?

— Та вона жъ, вони жъ, пани полковникова... Вони въ насъ строги...

— Ну, спасибо, другъ мой... Гдѣ жъ твоя изба?

— У меня не изба, а хата...

— Ну, пущай будетъ хата... Гдѣ жъ она?

— А онъ-де, коло вербы, безъ воротъ... Ворота пропивъ... та на що вони козакови?

И словоохотливый, радушный голякъ, важно накренивъ свою

высокую смушковую шапку на бокъ, повелъ гостей къ своей хатѣ.

— Хата добра... А жинка въ мене вмерла, отъ и никому сорочки поняти,—объяснялъ онъ отсутствіе на себѣ костюма.— Були сорочки, що ще покійна Хивря пошила, такъ якъ було подивлюсь на ихъ, згадаю, якъ вона шила, та усякими стежками, та мережками мережила ихъ, та заразъ у слезы... Ну, и пропивъ, щобъ не згадувати, та не тужити по жинци...

И бѣднякъ горестно махнулъ рукой. Двѣ крупныя слезы, выкатившись изъ покраснѣвшихъ глазъ, упали на пыльную дорогу.

И дворъ, и хата Голоты представляли полное запустѣніе. Хата была новая, просторная, свѣтлая. И снаружи, и внутри она была чисто выбѣлена, разукрашена красною глиною, узоръ на узорѣ, мережка на мережкѣ!

— Се, бачъ, все вона, Хивря, розмалювала... Отъ була дотепна!—грустно говорилъ бѣднякъ, показывая гостямъ свое осиротѣлое жилье.

Въ хатѣ то же запустѣніе, словно недавно отсюда вынесли покойника, а за нимъ и все, что напоминало жизнь, счастье... Столъ безъ скатерти и солоницы, голыя лавки, голыя стѣны, голыя нары безъ постели... Только подъ образами висѣло, расшитое красною и синею заполочью, полотенце, оно одно напоминало о жизни...

Гости, войдя въ хату, набожно помолились на образа.

— Оце іи рушникъ Хивринъ,—говорилъ Голота, показывая на полотенце.—Оцимъ рушникомъ намъ нипъ у церкви руки звъязавъ, на вѣки звъязавъ... Такъ смерть развъязала. Нема въ мене Хиври, одинъ рушникъ.

И бѣднякъ, упавъ головою на голую доску дубоваго стола, горько заплакалъ... «Одинъ рушникъ... одинъ рушникъ зостався... щобъ мени повиситись на ёму»...

Не болѣе какъ черезъ часъ послѣ этого московскіе проѣзжіе люди были уже на Паліевомъ дворѣ. Они несли съ собой подарки для пани полковничихи: отецъ Іоаннъ несъ нѣсколько крестиковъ и образковъ, вывезенныхъ имъ изъ святыхъ мѣстъ; купцы московскіе—кто турецкую шаль, кто сафьянные, шитые золотомъ, сапожки, кто нитку коралловъ, кто коробокъ хорошаго цереградскаго «инджиру».

Паліиха встрѣтила гостей на крыльцѣ. Это была высокая,

массивная, уже довольно пожилая женщина, на лицѣ которой лежала печать энергіи, а въ обхожденіи проглядывала привычка повелѣвать. Сѣрые, нѣсколько стоячіе глаза, которые въ молодости подстрѣлили такого обстрѣляннаго и окуреннаго пороховымъ дымомъ беркута, какъ старый Палій; орлиный носъ съ широкими ноздрями, для которыхъ требовалось много воздуха, чтобы давать работу могучимъ легкимъ; плотно сжатыя, хотя не тонкія губы, которыя и цѣловались когда-то, и отстаивали вылетавшею изъ-за нихъ рѣчью права и достоинство этой женщины съ страстностью энергіею,—все это говорило о цѣльности характера, о стойкости воли и недюжинномъ умѣ. На головѣ у нея было нѣчто вродѣ фески или фригійскаго колпака, спускавшагося на бокъ и закрывавшаго ея бѣлокурые, густые, но уже посеребренные временемъ и старостью волосы. На плечахъ—нѣчто въ родѣ кунтуша, изъ-за котораго виднѣется бѣлая, расшитая узорчато, сорочка съ синею «стричкою» у полнаго горла и голубыми монистами на шеѣ и на могучей груди. Сподница—двуличневая, гарнитуровая. Въ рукахъ—бѣлая «хустка». На ногахъ—голубые «сапьянцы».

Ступивъ своей грузной, но свободной, мужской походкой навстрѣчу отцу Іоанну, она наклонила голову, согнувъ только свою воловью шею и не сгибая спины, и ждала благословенья. Священникъ громко и внятно благословилъ и получилъ въ отвѣтъ такое же громкое и внятное «аминь».

— Миръ дому сему и ти, жено благочестивая!

— И духови твоему.

— Поклонъ тебѣ отъ супруга твоего, благороднаго полковника Симеона Іоанновича, и наше челобитье.

— Дякую, отче.

— Челомъ бьемъ тебѣ, госпоже, и нашими худыми помипками,—сказалъ купчина, низко кланяясь и шибко встряхивая волосами.—Прими наше худое приношеніе, не побрезгуй.

— Дякую на ласци, дорогіе гости... Прошу до господы...

Купцы низко кланялись, съ удивленіемъ глядя на эту новую Семирамиду. Въ Москвѣ такихъ они отродясь не видывали... «Вотъ баба-яга», вертѣлось на умѣ у старшаго купчины: «лихачъ, конь-баба!»

Конь-баба грузно, но бойко повернулась, брязнула о полъ рундука кованными подковками, звякнула бусовымъ монистомъ,

визгнула о косякъ гарнитуромъ своей широкой сподницы, словно стекломъ о стекло, и вошла въ свой домъ, вдавливая дубовыя половицы «помоста», какъ тонкія жердочки.

« Ну, конь-баба, подлинно конь»...

Попъ и торговые люди робко слѣдовали за нею, точно боясь, что полъ подъ ними подломится. Они вступили въ просторную комнату съ широкими лавками вдоль стѣнъ, увѣшанныхъ оружіемъ и разными принадлежностями и добытками охоты. Съ одной стѣны глядѣла гигантская голова тура съ огромными рогами. Массивный столъ, покрытый шитою узорами скатертью, былъ уставленъ явствами и питіями. На самой серединѣ стола красовался жареный баранъ, стоящій на своихъ ногахъ и съ рогами, перевитыми красною лентою. Противъ барана стоялъ жареный поросенокъ и держалъ въ зубахъ огромный свѣжій огурецъ, висѣвшій на голубой лентѣ.

— Прошу, дорогіи гости, до хлиба-соли, поснидати съ дороги. Будьте ласкови, батюшка, благословить брашно сіе и питіе,— говорила привѣтливая хозяйка, приглашая гостей къ столу.

Священникъ благословилъ. Паліиха налила по чарѣ водки-запеканки и поднесла сначала попу, а потомъ и купцамъ. Выпили, крякнули, да и было отчего крякнуть: словно вѣникомъ царапнула по горлу запеканка.

— Ужъ и горѣлка же!—замѣтилъ ошеломленный попъ.

— Спотыкачъ, батюшка,—улыбнулась Паліиха, звякнувъ монистомъ.

— Истинно, спотыкачъ,—замѣтилъ и купчина,—отъ сей чары сразу спотыкнешься.

— Спотыкачъ, ишь ты,—качали головами гости.

— Ужъ и подлинно спотыкай-водка...

— Ни, воно зъ дороги такъ, водка добра, не сильна... ,

— Како, матушка, не сильна! Кистень-водка... Обухъ-обухомъ...

И москали объ полы руками били, дивуясь крѣпости спотыкача, кистень водки... Ужъ и воръ водка!..

— Рушайте, батюшка, рушайте, дорогіи гости,—угощала хозяйка.

И рушали. Досталось и барану рогатому, и поросенку зубатому, и огурцу-великану. Хозяйка между тѣмъ свела разговоръ на политическую почву, на московскія, шведскія и польскія дѣла,

сообщила имъ, какъ свѣжую новость, о взятіи царемъ устьевъ Невы и заложеніи тамъ новой столицы. Извѣстіе это порадовало попа и встревожило торговыхъ людей.

— Ну, изъ новаго-то стольна града проку не будетъ,—замѣтилъ старый купчина.

— Чомъ не буде?—спрашивала Паліиха.

— Да Варяжское море, матушка, намъ, московскимъ торговымъ людямъ, не съ руки.

— Якъ не зруки? А торги торговать моремъ?

— Да то не море, матушка, хвостъ единъ отъ моря, да и хвостъ-отъ оный задранъ зѣло высоко... Что въ емъ проку!

— Не говори этого, Кузьма Ѳедотычъ,—возражалъ попъ,— на томъ мѣстѣ, въ оно время, великій Новгородъ далеко уѣхалъ, какіе торги торговалъ!

— Что было, то сплыло, а нонѣ Москва всему свѣту голова... Изъ Москвы вывезти тронъ царскій, да царь-пушку да царь-колоколъ, это все едино, что изъ Ерусалима града гробъ Господень выкрасть.

Ловкая хозяйка искусно прекратила этотъ слишкомъ спеціальный для нея московскій диспутъ, свернувъ разговоръ на путешествіе отца Іоанна.

— А що, батюшка, у Стамбули чути?—спросила она, наливая гостямъ по чарѣ крѣпкой, ароматической «варенухи».

— Ужъ и это не спотыкай-ли водка?—съ боязнью подумалъ старый купчина, отстаивавшій міровое главенство Москвы.

— Да турки, матушка, въ большомъ переполохѣ,—отвѣчалъ попъ, чувствуя какое-то наитіе отъ спотыкача.

— Видъ чого се такій сполохъ?

— А все отъ нашего царя дѣйствъ... Хотятъ запереть себя на замокъ агаряне-то эти.

— Якъ на замокъ, батюшка?

— Да вотъ какъ царь государь Петръ Алексѣевичъ божіимъ изволеніемъ покори подъ нози свои Азовъ-градъ, дакъ агаряне-то и возчувствовали страхъ велій, дабы-де московскіе воинскіе люди моремъ къ Цареграду не пришли и дурна какого не учинили...

— Се, бачъ, по нашому, по запорозьськи: якъ наши козаки моремъ на човнахъ подъ самый Стамбулъ пидплывали и туркамъ-янычарамъ страху завдавали...

— Такъ-такъ, матушка... Да вотъ они и думаютъ отъ московскихъ кораблей отгородить Черное море, заперши море Азовское, проливъ въ Керчи засыпать хотятъ.

— Э, вражи дити! А якъ вони видъ насъ, видъ козакивъ, загородяться?—сказала Паліиха, и глаза ея сверкнули зловѣщимъ огнемъ.

— Ну, Днѣпръ не засыпать имъ,—робко сказалъ старый купчина.

— Не засыпати! Мы ихъ човнами самихъ засыпемо!

И Паліиха такъ стукнула по столу своею богатырскою рукой, что жареный баранъ свалился съ ногъ. Но въ это время въ свѣтлицу взошелъ уже знакомый намъ казакъ Охримъ.

— Ще здравствуйте, пайматко! — сказалъ онъ, перекрестившись на образа и кланяясь Паліихѣ.—Хлибъ та силь, люде добри!

— Ты що, Охриме?

— Та козаки, пайматко, скучають...

— Знаю... Отъ вражи дѣти! Ну?

— Нехай, кажутъ, пайматка, погуляти намъ здозволить...

— А на кого?

— На вражьихъ ляхивъ, пайматинко...

— А хиба пахне лядськимъ духомъ, Охриме?

— Завоняло таки, пайматинко... У Погребищи дви корогви ихъ, собачихъ сынивъ, показалось... Здозвольте, пайматочко, кіями ихъ нагодувати...

— Годуйте, дитки... Та щобъ чисто було.

— Буде чисто, пайматко.

— Хто поведе козакивъ?

— Та дядько жъ мій, Панасъ Тупу-Тупу-Табунець-Буланый.

— А другу сотню?

— Козакъ Задерхвистъ.

— Добре... добрый казакъ... Съ Богомъ!

Охримъ радостно удалился. Московскіе люди, слушая, что около нихъ происходило, такъ и остались съ разинутыми ртами...

«Ужъ и конь-баба! Вотъ такъ конь! Лихачъ, просто лихачъ... Полканъ-баба!..»

IX.

Не успѣлъ Палій управиться съ своей янчницей, какъ на улицѣ послышался конскій топотъ, и у воротъ показался отрядъ польскихъ жолнеровъ. Изумленный Охримъ невольно схватился за саблю и недоумѣвающими глазами смотрѣлъ на стараго «казацькаго батька»: ему почему-то представилось, что это тѣ двѣ польскія хоругви, забравшіяся въ Погребище, противъ которыхъ пани-матка Паліиха отрядила изъ Паволочи казаковъ подъ начальствомъ Тупу-Тупу-Табунця- Буланаго и сотника Задерихвость, и которые, разбивъ казаковъ, ворвались теперь и въ Бѣлую Церковь. Не вѣря своимъ глазамъ, онъ искалъ отвѣта на тревожившій его вопросъ въ глазахъ Палія; но старые глаза «батька» смотрѣли спокойно, ровно и, по обыкновенію, кротко, безъ малѣйшей тѣни изумленія.

— Чи панъ полковникъ дома? — послышалась съ улицы полупольская рѣчь.

Охримъ не отвѣчалъ, онъ онѣмѣлъ отъ неожиданности.

— Универсалъ его королевскаго величества до пулковника бялоцерковскаго, до пана Семена Палія! — снова кричали съ улицы.—Дома панъ пулковникъ?

— Дома, дома, панове!—отвѣчалъ Палій.—Бижи, Охриме, хутко, одчиняй ворота.

Охримъ бросился со всѣхъ ногъ. Собаки бѣшено лаяли, завидѣвъ поляковъ. «Кого Богъ несе?» шепталъ старикъ, отѣняя рукой свои старые, но еще зоркіе глаза съ сѣдыми нависшими бровями и всматриваясь въ пріѣзжихъ: «щось не пизнаю, хто се такій»...

Впереди всѣхъ на дворъ въѣхалъ на бѣломъ конѣ бѣлокурый мужчина среднихъ лѣтъ болѣе, впрочемъ, чѣмъ среднихъ, хотя бѣлокурость и свѣжесть лица значительно придавали ему молодости. На немъ было не то польское, не то московское одѣяніе. Подъѣхавъ къ крыльцу, онъ ловко соскочилъ съ сѣдла, бросивъ поводья въ руки ближайшаго жолнера. Палій уже стоялъ на крыльцѣ, вопросительно глядя на этого, повидимому, знатнаго гостя.

— Не полковника ли бялоцерковскаго, пана Палія, мамъ говоръ видѣть предъ собою?—спросилъ гость, ступая на крыльцо.

— Я Семенъ Палій, полковникъ війскъ его королевскаго величества,—отвѣчалъ Палій.

— Рейнгольдъ Паткуль, дворянинъ, посланникъ его царскаго величества государя Петра Алексѣевича, всея Россіи самодержца, и полномочный эмиссаръ его королевскаго величества и Рѣчи Посполитой имѣетъ объявить пану полковнику бялоцерковскому высочайшее повелѣніе ихъ величествъ,—сказалъ Рейнгольдъ, ставъ лицомъ къ лицу съ Паліемъ.

— Прошу, прошу пана до господи.

Что-то неуловимое, не то тѣнь, не то свѣтъ, скользнуло по старому, какъ бы застывшему отъ времени и думъ лицу и по кроткимъ глазамъ казацкаго батька, и лицо снова стало спокойно и задумчиво. Рейнгольдъ, окинувъ быстрымъ взглядомъ скромную обстановку, въ которой онъ засталъ человѣка, десятки лѣтъ державшаго въ тревогѣ Рѣчь Посполитую и всемогущихъ, роскошныхъ магнатовъ польскихъ, какъ-то изумленно перенесъ глаза на сѣдого, стоявшаго передъ нимъ старичка, словно бы сомнѣваясь, дѣйствительно ли передъ нимъ стоитъ то чудовище, одно имя котораго нагоняетъ ужасъ на цѣлыя страны. А чудовище стояло такъ скромно, просто... И эта мужицкая сковорода съ яичницей... Это дикарь, старый разбойникъ, предводитель такихъ же, какъ онъ самъ, голоштанниковъ... Рейнгольдъ чувствуетъ себя великимъ цезаремъ, попавшимъ къ босоногимъ пиратамъ...

Онъ гордо, съ дворянскою рисовкой проходитъ въ домъ впереди скромнаго старичка; а старичокъ хозяинъ, какъ бы боясь обезпокоить вельможнаго пана гостя, ступаетъ за нимъ тихо, робко, почтительно.

Но вотъ они и въ «будинкахъ», въ большой свѣтлой комнатѣ окнами на дворъ и въ маленькій «садочокъ», усѣянный цвѣтущимъ макомъ, подсолнечниками вперемежку съ высокими, лопушистыми кустами «пшенички»-кукурузы, до которой Палій такой охотникъ, особенно до молоденькой, съ свѣжимъ, только что сколоченнымъ искусною рукй пани-матки масломъ.

— Предъявляю пану полковнику универсалъ его королевскаго величества и пленипотенцію ясневельможнаго пана гетмана польнаго войскъ Рѣчи Посполитой,—сказалъ Паткуль, подавая Палію бумаги.

Старикъ почтительно, стоя, взялъ бумаги, почтительно развернулъ ихъ одну за другою и внимательно прочелъ; потомъ медленно вскинувъ свои умные, кроткіе глаза на посланца, спросилъ тихо:

— Чого жъ вашей милости вгодно?

— А мнѣ вгодно именемъ его королевскаго величества и его царскаго величества государя и повелителя моего объявить тебѣ, полковнику, о томъ, чтобы ты незамедлительно сдалъ Бѣлую Церковь законнымъ властямъ Рѣчи Посполитой,—рѣзко и громко объявилъ Паткуль.

Палій задумался. Кроткіе глаза его опять опустились въ землю, и онъ медлилъ отвѣтомъ.

— Я жду отвѣта,—напомнилъ ему Паткуль.

— Я повинуюсь его величеству... Я заразъ оддамъ Билу Церкву, коли...

Старикъ остановился и нерѣшительно перебиралъ въ рукахъ бумаги.

— Что же?—настаивалъ Паткуль.

— Коли вы покажете мени письменный па то приказъ одъ его царьского величества и одъ пана гетьмана Мазепы,—снова вскинулъ онъ своими кроткими глазами.

Паткуль откинулся назадъ. Голубые, ливонскіе глаза его заискрились. Глаза Палія, кроткіе какъ у агнца, стали еще кротче.

— Въ царскомъ желаніи ты не долженъ сомнѣваться,—еще рѣзче и настойчивѣе сказалъ первый.—Бѣлая Церковь уступлена полякамъ еще по договору 1686 года; при томъ же съ того времени царь заключилъ тѣснѣйшій союзъ съ королемъ противъ шведовъ, такъ что нарушать договоръ онъ и не можетъ желать; а ты мѣшаешь успѣшному веденію войны, отвлекаешь польскія войска и упрямствомъ своимъ навлекаешь на себя гнѣвъ царя.

— Упрямствомъ, — тихо, задумчиво повторилъ Палій,— упрямствомъ... Упрямствомъ я помогаю и царю, и королю... Я задля того й занявъ Билу Церкву, що боявся, щобъ вона не досталась и царьскимъ, и королевскимъ ворогамъ—шведамъ, бо... бо вы сами гораздъ знаете, что у ляхивъ не ма ни силы, ни ума, вони и своихъ городивъ и фортецій не вміютъ обороняти... А въ моихъ рукахъ, пане, Бѣла Церква не пропаде, мовъ у Христа за пазухою.

Эта простая, но логическая рѣчь не могла не озадачить ловкаго дипломата, еще недавно отъ имени царя ведшаго переговоры съ вѣнскимъ дворомъ и не встрѣтившаго тамъ такого дипломатическаго отпора, какой онъ встрѣтилъ теперь отъ этого мужика, отъ простого, «подлаго» старикашки.

— Такъ ты взялъ крѣпость на сохраненіе?—изворачивался дипломатъ, какъ ужъ на солнышкѣ.

— На сохраненіе, пане.

— А есть ли токмо на сохраненіе, такъ и долженъ возвратить ее по первому требованію владѣльца.

— И возвращу, пане, коли царь укаже.

— Царь!—Дипломатъ начинаетъ терять дипломатическое терпѣніе.—Именемъ царя ты прикрываешься не по правдѣ!

А старичекъ опять молчитъ. Опять кроткіе глаза его вскидываются на волнующагося пана, и въ этихъ глазахъ свѣтится не то робость, не то тупость, не то насмѣшка... Паткуль не выноситъ этого въ одно и то же время и покорнаго, и лукаваго взгляда.

Вдругъ въ открытое окно, выходящее на дворъ, просовывается лошадиная морда и тихо, привѣтливо ржетъ...

— Что это еще!—невольно вскидывается Паткуль.

— Да се, пане, дурный коникъ хлиба просить,—попрежнему кротко отвѣчаетъ Палій.

— Это чортъ знаетъ что такое!—горячится дипломатъ.—Я думалъ, что мнѣ придется говорить съ людьми, а тутъ вмѣсто людей лошади...

— Ну-ну, пишовъ, геть, дурный косю!—машетъ Палій рукою на нежданнаго гостя.—Пиди до Охрима... Эхъ якій дурный... Мы тутъ за господиномъ посломъ его королевськи милости про государственни речи говоримо, а винъ, дурный, лизе за хлибомъ...

Откуда не возьмись подъ окномъ Охримъ и уводитъ недогадливаго коня въ конюшню.

— Именемъ царя ты покрываешься не по правдѣ,—снова налаживается дипломатъ.—Тебѣ изрядно вѣдомо, что царь удерживается отъ вооруженнаго противъ тебя вмѣшательства потому токмо, что не желаетъ брать на себя разбирательства внутреннихъ дѣлъ Рѣчи Посполитой изъ уваженія къ королю его милости; но есть ли ты послушаніемъ не постараешься тотчасъ же снискать милость короля и Рѣчи Посполитой, то царь, по ихъ просьбѣ, долженъ будетъ, въ согласность трактатовъ, подать имъ

сикурсъ и выдать тебя на казнь и скараніе горломъ, яко бунтовника...

— Такъ... такъ... Пропала-жъ моя сива головонька,—бормочетъ старикъ, грустно качая головой.

— Такъ покоряешься?

— Покоряюсь, покоряюсь, пане.

— Сдаешь крѣпость?

— Сдаю... Охъ, якъ же жъ не сдать... заразъ здамъ... тоди якъ...

— Что! Какъ?

— Тоди, якъ прійде приказъ...

— Да приказъ вотъ...—И Паткуль указалъ на универсалъ.

— Ни, не сей, пане... Се—холостый...

— Какъ холостой?

— Та холостый же, пане... У ляхивъ, пане, усе холосте, и сама Речь Посполита, уся Польща холоста, не жереба...

Паткуль невольно улыбнулся этой грубой, но мѣткой рѣчи стараго казака. Онъ самъ давно понялъ, что Польша это холостой историческій зарядъ, изъ котораго ничего не вышло, и потому онъ самъ, бросивъ это неудачливое, не жеребое государство, поступилъ на службу Россіи.

— Холостой приказъ... то-то! А тебѣ нуженъ не холостой, жеребячій?—спросилъ онъ строго.

— Такъ, такъ, пане, жеребячій, заправській указъ.

— Отъ кого же?

— Видъ самого царя, пане... О! Тамъ указы не холости...

Паткуль понялъ, что ему не сломать и не обойти дипломатическимъ путемъ упрямаго и хитраго старикашку, прикидывающагося простачкомъ. Онъ попробовалъ зайти съ другого боку, пойти на компромиссъ.

— А если я предложу тебѣ заключить съ поляками перемиріе до окончанія войны со шведами?—заговорилъ онъ вкрадчиво.—Пойдешь на перемиріе?

— Пиду, пане,—опять отвѣчаетъ старикъ, потупляя свои умные глаза.

— А на какихъ условіяхъ?

— На усякихъ, пане... Я на все согласенъ.

— И противиться королевскимъ войскамъ не будешь?

— Не буду, борони мене Богъ.

— И Бѣлую Церковь сдашь?

— Ни, Билои Церкви не здамъ...

Это столпъ, а не человѣкъ! Онъ отобьется отъ десяти дипломатовъ, какъ кабанъ отъ стаи гончихъ... У Паткуля совсѣмъ лопнуло терпѣніе...

— Да ты знаешь, съ кѣмъ ты говоришь!—закричалъ онъ съ пѣною у рта.—Знаешь, кто я!

— Знаю... великій панъ...

— Я царскій посолъ, а ты бунтовщикъ! Ты недостоинъ ни королевской, ни царской милости, и съ тобою не стоитъ вести переговоровъ, потому что ты потерялъ и совѣсть, и страхъ Божій!..

— Ни, пане, не терявъ.

— Я буду жаловаться царю, онъ сотретъ тебя въ порошокъ!

— О! Сей зотре, правда, що зотре, въ кабаку зотре...

— И сотретъ!

— Зотре, зотре,—повторялъ старикъ, качая головой.

— Такъ покоряйся, пока есть время. Сдавай крѣпость! Правобережье навѣки потеряно для Украйны.

Старикъ выпрямился. Откуда у тщедушнаго старика и ростъ взялся, и голосъ. Молодые глаза его метнули искры... Паткуль не узнавалъ старика и почтительно отступилъ.

— Не оддамъ никому Билои Церкви, — сказалъ Палій звонко, отчетливо, совсѣмъ молодымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово, каждый звукъ.—Не виддамъ, поки мене виденя за ноги мертвого не выволочуть!

Положеніе Паткуля становилось безвыходнымъ, а въ глазахъ польнаго гетмана, Адама Сеневскаго, который истощилъ всѣ средства Рѣчи Посполитой, чтобы выбить Палія изъ его берлоги, и не выбилъ, и которому Паткуль обѣщалъ, что онъ немедленно заставитъ этого медвѣдя покинуть берлогу, лишь только пуститъ въ ходъ свою гончую дипломатическую свору, въ глазахъ гетмана положеніе Паткуля, при этой полной неудачѣ переговоровъ, становилось смѣшнымъ, комическимъ, постыднымъ. Испытанный дипломатъ, которому и Петръ, и Польша поручали самыя щекотливыя дѣла, и онъ ихъ успѣшно доводилъ до конца, дипломатъ, который почти на-дняхъ вышелъ съ торжествомъ съ дипломатическаго турнира—и гдѣ же!—въ Вѣнѣ, въ средѣ европейскихъ свѣтилъ дипломатіи, этотъ дипломатъ терпитъ полное, поголовное, огульное пораженіе—и отъ кого-же!—отъ дряхлаго

старикашки... Да это срамъ! Это значитъ провалить свою дипломатическую славу совсѣмъ, безповоротно, сломать подъ своею колесницею всѣ четыре колеса разомъ.

А старикъ опять стоитъ попрежнему тихій, робкій, покорный, только сивый усъ нервно вздрагиваетъ...

А въ окнѣ опять конская морда и ржаніе...

— Геть, геть, дурный косю... не до тебе... Пиди до Охрима...

Паткуль вдругъ разсмѣялся, да какимъ-то страннымъ, не своимъ голосомъ... Видно было, что его горлу было не до смѣху...

— Какой славный конь,—сказалъ онъ, подходя къ окну.

— О, пане, такій коникъ, такій разумный мовъ ляхъ писля шкоды,—весело говорилъ и Палій, приближаясь къ окну.—Мовъ дитина разумна...

А «разумна дитина», положивъ морду на подоконникъ, дѣйствительно, смотритъ умными глазами, недовѣрчиво обнюхивая руку Паткуля, которая тянулась погладить умное животное.

— Славный, славный конь... ручной совсѣмъ...

— Ручный, бо я его, пане, самъ молочкомъ выгодувавъ замисть матери...

— А гдѣ-жъ его мать?

— Ляхи вкрали, якъ воно що було маленьке.

Этотъ нежданный, негаданный дипломатъ въ окнѣ помогъ Паткулю выпутаться изъ тенетъ, въ которыя онъ самъ запутался своею горячностью, помогъ отступить въ порядкѣ съ поля битвы.

— А который ему годъ?

— Та вже шостый, пане, буде.

— И подъ верхомъ ходитъ?

— Ходить, пане, добре ходить... тильки пидо мною, никого на себе не пуска, такъ и рве зубами...

— О! Вонъ онъ какой!

— Таке, таке воно, дурне.

— Точно самъ хозяинъ,—улыбнулся Паткуль.

— Та въ мене-жъ воно, пане, все въ мене, и таке-жъ дурне...

— О! Знаю я это твое дурно...

— На сему коникови, пане, я и Билу Церкву бравъ.

— А!

Снова приходитъ Охримъ и снова гонитъ въ конюшню избалованнаго Палієваго «косю», который такъ кстати подвернулся

въ моментъ дипломатическаго кризиса. Паткуль спустилъ тонъ и видимо сталъ почтительнѣе обращаться съ старикомъ, который съ своей стороны тоже удвоилъ свою ласковость и добродушную угодливость.

— Охъ, простить мене, пане, простить старого пугача,—говорилъ онъ, хватая себя за голову. — Видъ старости дурный ставъ, мовъ коза-дереза... И не почастую ничимъ дорогого, вельми шановнаго гостя, голодомъ заморилъ ясневельможнаго пана, отъ дурный опенекъ!

И старикъ звонко ударилъ въ ладоши. На этотъ разъ какъ изъ земли выросли пахолята, два черномазыхъ хлопчика, въ бѣлыхъ сорочкахъ съ красными лентами, въ широкихъ изъ ярко-голубой китайки шароварахъ и босикомъ.

— Чого, батьку?—отозвались въ одинъ голосъ пахолята.

— А, вражи дити! Заразъ бижить, якъ мога, нехай Вивдя, Катря, Кулина, та Омелько, та Харько, та Грицько, та вся стари й мали, нехай готуютъ снидати, обидати, вечеряти, та заразъ несуть дорогихъ напитковъ частувати вельможнаго пана и усихъ дорогихъ гостей... Хутко! Швидко! Гайда!

Пахолята вѣтромъ понеслись исполнять приказанія «дидуся».

Между тѣмъ Паткуль, стоя у окна, разсматривалъ внизу городокъ съ его не массивными, но умѣлою рукою возведенными укрѣпленіями, насыпями, окопами, рвами, наполненными водою, и бойницами.

— Однако, панъ полковникъ свилъ себѣ прочно орлиное гнѣздо,—сказалъ онъ, обращаясь къ старику.

— Та воно-жъ, ясневельможный пане, гниздо и есть, тильки я не орелъ, а старый пугачъ,—отвѣчалъ улыбаясь старикъ.

— Не пугачъ старый, а старый Пріамъ,—любезничалъ дипломатъ, думая хоть на древностяхъ да на исторіи загонять упрямаго казака.

— Де вже, пане, Пріямъ! Анхизъ безногій...

Паткуль удивленно посмотрѣлъ на старикашку... «А старая ворона—и въ исторіи смыслитъ», подумалъ онъ невольно.

— Нѣтъ, не Анхизомъ смотритъ панъ полковникъ, а Ахилломъ,—продолжалъ онъ свои историческія сравненія.

— Якій тамъ Ахиллъ, пане! Анхизка убогій... Тильки въ мене нема Енея, хто бъ вынисъ мене изъ моеи Трои... Хиба Охримъ замисть Енея...

И старикъ грустно задумался: передъ нимъ прошла картина его молодости... его первая любовь... его первая жена—его хорошенькая дочка Парасочка... Вотъ ужъ двадцать седьмой годъ и Параня его замужемъ... А Энея у него нѣтъ и не было.

— Да, Троя, истинно Троя,—повторялъ Паткуль, любуясь видомъ крѣпости.

— Троя священная, Троя Украины, — повторялъ и старикъ.—А хто-то введе доревьяного коня въ мою Трою, якъ мене не стане? А поки я живъ, не бувать тому коневи въ моій Трои...

— О, это вѣрно,—улыбаясь, замѣтилъ Паткуль.—Я хотѣлъ было ввести въ твою Трою этого деревяннаго коня.

— Се бъ то Рѣчь Посполиту, Польшу, пане?—лукаво спрашиваетъ старикъ.

— Да ее, только не удалось.

— Ни, пане, нехай вона и остается деревьянымъ конемъ: вона сама себѣ и зруйнуе, ся нова Троя разломиться сама на т р о е, попомнить мое старе слово,—сказалъ Палій пророчески.

Угощеніе посла удалось на славу. Паткуль все болѣе и болѣе дивился талантамъ старика: онъ не только умѣетъ распутать дипломатическій клубокъ, какъ бы онъ ни былъ спутанъ, не только понюхалъ исторіи, но умѣетъ быть и любезнымъ хозяиномъ, угостить по-рыцарски.

Когда послѣ угощенія, Палій, бойко сидя на своемъ красивомъ «коникѣ», показывалъ гостю свою Трою, обнаруживая при этомъ необыкновенныя качества военнаго организатора и сообразительность государственнаго мужа, Паткуль едва ли льстилъ старику, когда сказалъ, съ уваженіемъ пожимая его руку:

— Клянусь, панъ полковникъ, что я не преувеличу, если скажу тебѣ, какъ послѣ скажу Рѣчи Посполитой: Палій—это единственный человѣкъ, который могъ бы еще оживить упадшія силы нѣкогда славной и могучей республики польской...

— Э, шкода!—грустно махнулъ на это старый Палій.—Не тамъ мій Ерусалимъ и не тамъ священный гробъ моего Спасителя... Десь-инде... Alibi...

Паткуль ничего не отвѣчалъ... «Да это необыкновенный старикъ, онъ и языкъ Гораціуса знаетъ».

А между тѣмъ изъ-за крѣпостного вала слышались тренькапья бундуры и горловой речитативъ-говорокъ:

...Буде паньскую тысячи обрапую,
Аксамитомъ крытую,
Шовками пошитую—
Буде мовъ череду гнати,
У-пень рубати,
Буде великимъ панамъ великій страхъ завдавати...

X.

На новомъ, новозавоеванномъ сѣверѣ Россіи, гдѣ непосѣда-царь закладывалъ новую столицу и вмѣстѣ съ тѣмъ закладывалъ въ него всю свою крупную, исторически-цѣнную душу,—на сѣверѣ это, 1703-е отъ нарожденія Христа Спасителя, лѣто выдалось такое же, какъ и царь, невмѣрное: то не вмѣру и не впору дожди и зябели, то не впору и не вмѣру бездождіе и засуха. Сначала, всю весну, лились съ неба дожди, словно бы твердь небесная прорвалась или изрѣшетилась, и оттуда хляби небесныя и облачныя лились на промокшую до послѣдней нити землю, а потомъ заколодило, ударили жары, настала сушь трескучая, пожгла до корня только-что оправившіеся и выпрямившіеся послѣ ливней хлѣба и всякую снѣдь, задымилось, зачадило удушливымъ чадомъ все поневское, олонецкое, новгородское и бѣлозерское Полѣсье, горѣли и тлѣли лѣса, горѣла и тлѣла земля; клубы дыма выползали изъ глубокихъ торфяниковъ, окутывали корни и стволы деревьевъ, заволакивая стоящею въ воздухѣ дымною гарью. Птицы бросали гнѣзда и улетали изъ этого дымнаго царства. Люди ждали преставленья свѣта: это адъ чадитъ, это геенна огненная просовываетъ свои горячіе, дымные языки изъ-подъ грѣшной земли, адъ пожираетъ землю... «Оле, оле, прегрѣшеній нашихъ!». Стонутъ старые грамотники, покачивая сѣдыми, глупыми головами, невѣдавшими, что невѣдѣніе-то и есть грѣхъ смертный, кара божья... Сумрачный, заряженный гнѣвомъ и своими думами ходитъ царь, съ страстною щемью въ сердцѣ видя, какъ горятъ его дорогіе лѣса, его корабельные боры, его сила и надежда... «О! Проклятое, бородатое, длиннополое невѣдѣніе! Это ты палишь мои лѣса; сожигаешь мои корабли... А тамъ—въ голендерской да аглицкой землѣ—не горятъ боры великіе... А у меня—горятъ»...

Въ это время въ одинъ изъ душныхъ, дымныхъ дней, песчанымъ берегомъ Бѣлаго озера, по направленію къ Крохину, ме-

дленно тащилась артель рабочихъ; въ рукахъ — у кого слега длинная, посохъ дорожный, у кого заступъ, видимо поработавшій вдоволь въ землѣ-матушкѣ; за плечами—у кого котомочка съ невещественными знаками бѣднаго одѣянія, либо старыя лапти, у кого—жалкіе лохмотья старой овчины въ память о томъ, что они изображали собой когда-то полушубокъ; на ногахъ—у того лапотки-отопочки, у другого—слои засохшей и потрескавшейся грязи... Жарынь страшная, безвоздушная, какая только можетъ быть на болотномъ сѣверѣ во время лѣсогорѣнія. Тихо въ сосѣднемъ, подернутомъ дымною пеленою лѣсѣ, тихо и на тихомъ Бѣлоозерѣ, надъ поверхностью котораго тоже виситъ что-то дымное, бѣлесоватое. На небѣ стоитъ солнце безъ лучей, а все-таки маритъ, душитъ банною теплынью. Очумѣвшія отъ жару, вороны сидятъ тихо на деревьяхъ, опустивъ отяжелѣвшія крылья и разинувъ рты, видно, что и птицѣ дышется тяжело.

За артелью плетется мальчуганъ, лѣтъ восьми не болѣе, съ огромнымъ лопухомъ на бѣлокурой головкѣ вмѣсто шапки. Хотя живые глаза мальчика съ любопытствомъ поглядываютъ на плавный полетъ бѣлобрюхаго мартына, скользившаго надъ поверхностью озера, однако, ноги у мальца, видимо, притомились. Всякій разъ, когда мартынъ, дѣлая въ воздухѣ неожиданный пируэтъ, быстро падалъ на воду, вытягивая свои красныя ножки за добычей, мальчикъ невольно вскрикивалъ: «Ахъ! Ишь ты! Не нымалъ, не нымалъ»... И лицо мальчугана оживлялось.

— Ужъ и жарынь же, людушки, вотъ, жарынь,—ухъ-ма!—говорилъ шадроватый, рябой мужикъ съ клочковатою бѣлой бородкой, распахивая воротъ рубахи и обнажая коричневую грудь, которая была темнѣе его свѣтлой, спутавшейся бородки.

— Чево не жарынь! Хушь блины пеки на солнышкѣ...

— Баня, что и говорить! Безъ вѣника баня.

— Это что, ребятушки! А вотъ упека, я вамъ скажу, такъ упека въ кизилбашской землѣ!—отозвался сѣдой, но бодрый старикъ, видимо изъ ратныхъ людей, въ истоптанныхъ до опучъ лаптяхъ.

— А ты, поди, былъ тамотка? — отозвался шадроватый мужикъ.

— Бывывалъ... Еще въ тѣ поры мы съ царемъ Петромъ Лексѣичемъ Азовъ городъ брали.

— А далече эта земля отъ насъ будетъ?

— Близехонько, рукой подать, клюкой достать...

— Ой ли, паря?

— Пра!.. У песьихъ-головъ...

— Что ты! Песьи-головы у кого?

— У людей, знамо, не у псовъ.

— Ври ты!

— Не вру, самъ видывалъ, какъ Азовъ градъ громили.

— А далече это, дядя?

— Да какъ вамъ сказать, робятушки, три не тридесять земель, а безъ малова на краю свѣта, за Дономъ... Спервоначала это лежитъ наша земля-матушка, московская, святорусская, а за нашей-то землей украйная земля это, стало быть, край земли россейской, какъ къ примѣру вонъ край земли, гдѣ земля съ небомъ сходится, а далѣ ужъ ничего нѣтъ.

— Что ты! На нѣтъ, сталоть, земля сошлась. А песьи-жъ чу, головы гдѣ?

— Далѣе, за Дономъ за самымъ... За украйными городы лежитъ это земля черкаская, а въ ней все черкаскіе люди живутъ, народъ черноволосъ, чубатъ, на головѣ хвостъ.

— Хвостъ! На головѣ на самой?

— На головѣ, говорятъ тебѣ.

— А, може, коса, не хвостъ?

— Толкомъ тебѣ говорятъ, хвостъ, чубъ по ихнему... Коса-то у бабы да у попа сзади живетъ, а это—спереди, отъ лба да за ухо, да на спину али на плечо...

— Ахъ ты, Господи! Ну?

— Ну, черкасы это чубатые, голосисты гораздо, пѣсельники и гудцы знатные, говорятъ необычайно, а по нашему, по-россейски разумѣютъ маленько: скажешь это—«воды», дастъ испить тебѣ, скажешь—«хлѣба!», хлѣбъ дастъ... А тамъ за черкасами донскіе казаки, а за донскими казаками татары да ногаи, а за ногаями кизилбаши, а за кизилбашами арапы черны, что черти, а глазищи и зубы бѣлы, что у псовъ... А тамъ песьиголовы.

— А турки, дѣдушка?—вмѣшивается въ разговоръ малецъ съ лопухомъ на головѣ, заинтересовавшійся розсказнями стараго ратнаго человѣка.

— Ахъ, ты «царска пигалица!»—усмѣхнулся старый ратный мальчику.—А гдѣ царской ялтынъ? Потерялъ, небось?

— Нѣту, вотъ онъ, на гайтанѣ.

И мальчикъ, распахнувъ на груди рубашку, показалъ висѣвшій у него на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ «царскій ялтынъ»—небольшую серебряную монетку.

— Ишь ты, царско жалованье, не величка кружавочка, а сила въ ей знатная, отъ самово царя, значитъ, — разсуждалъ старый ратникъ.—Камушекъ царь пожаловалъ, лычко, а все въ немъ сила, поди-на!

— Все отъ Бога... нихто какъ Богъ, — радостно говорилъ шадроватый мужикъ, съ любовью поглядывая на мальчика.

— Вѣстимо отъ Бога,—подтверждалъ ратный.—Вотъ хушь бы съ турскими людьми, примѣромъ скажемъ, какъ мы Азовъ-отъ градъ добывали. Ужъ и натерпѣлись мы—не одинъ ковшъ слезъ пролили, не одинъ ковшъ и лиха, чу, выпили, а все Богъ на добро концы свелъ. Царь это самъ по Дону на галерахъ рати ведетъ, видимо-невидимо галеръ, а мы, пѣшая рать, берегомъ идемъ. Съ нами и черкаскіе казаки, что съ Запороговъ, и донскіе съ Дону... Ужъ и житье привольное, я вамъ скажу, на этомъ, на самомъ Дону! Ни бояръ тамъ нѣтъ, ни князей, ни этой приказной строки—все вольные люди. А села у нихъ, станицами прозываются, какъ маковъ цвѣтъ цвѣтутъ: земли вдоволь, арбузовъ да дынь этихъ ввѣкъ не слопать. А тамъ далѣ, къ Азову-то граду, степь голая—ни души, только птица рѣетъ да звѣрь рыщетъ... Вотъ тутъ и натерпѣлись мы по горло: въ степи упека такая, что конь не выноситъ, падаетъ на ноги, а тебя-то и солнце палитъ, и комаръ этотъ да муха бьетъ, ну, ложись да и помирай безъ свѣчи, безъ савана, безъ попа, безъ ладону... А тамъ эта татарва проклятая гикаетъ да алалакаетъ словно звѣрь лютой, да стрѣлой бьетъ... Ну, смертушка да и только... Ну, шли это мы, маялись—маялись, а тамъ и до Азова дошли... Стоитъ Азовъ, укрѣпушка крѣпкая, водой обведенъ, валомъ обнесенъ, а тамъ стѣна каменна, а за стѣной еще стѣна, а супереди еще двѣ укрѣпушки, двѣ каланчи высокихъ, бѣлокаменныхъ... Подошли, глядимъ, какъ ее, чорта, возьмешь! Вотъ и выходитъ самъ царь-отъ на берегъ, на коня садится, конь подъ нимъ что птица. «Насыпай, говоритъ, ребятушки, земляну стѣну до неба, до облака ходячаго». Стали мы это сыпать, гору на гору ставимъ, до неба добираемся. И не диво! Не мало насъ было сыпальщиковъ: не одна,

не двѣ тысячи, а двудвѣнадесятеро тысячъ рукъ работало, вонъ оно и понимай! Двудвѣнадесятеро тысячъ, братеньки вы мои!

— Ну-ну-ну!—качалъ головой шадроватый мужикъ.—Сила не махонька...

— Чево больше! Прорва!

— До божья оконца, поди, добраться можно.

— Гдѣ не добраться! Какъ пить дать...

— Такъ-ту, братеньки вы мои,—продолжалъ ратный,—насыпали мы эту Араратъ-гору, а на Араратъ-гору пушачки встащили, и ну жарить! Жарили мы ихъ жарили, дымили, братецъ ты мой, дымили, индо свѣтло небушко помрачилося, ясно солнышко закатилося... А самъ-отъ царь отъ пушачки къ пушачкѣ похаживаетъ, зельемъ-порохомъ пушачки заряживаетъ, да бухъ, да бухъ, да бухъ! А тамъ загикали донскіе да черкаскіе казаки, напроломъ кинулись... И что-жъ бы вы думали! Насустрѣчу къ нимъ выходитъ старенькой-престаренькой старичокъ, сѣденькой-пресѣденькой, что твоя куделя бѣлая, и несетъ это въ рукахъ Миколу-чудотворца. «Стой! говоритъ, братцы! Видишь, кто это? «Видимъ, говорятъ казаки, шапки сымаючи: «Микола-угодникъ». Ну, знамо, икона, крестются, цѣлуютъ угодничка... А старичекъ-отъ и говоритъ: «Видите, гытъ. братцы, что у ево, у угодничка-то, на ликѣ?» «Видимъ, говорятъ брада чесная». «То то же, говоритъ, а царъ-отъ вашъ хочетъ попамъ да чернецамъ бороды обрить... Такъ не взять ему, говоритъ, Азова-града: подите и скажите это царю». Воротились эта казаки, говорятъ царю: такъ и такъ, самъ-де Микола-угодникъ выходилъ на сустрѣчу имъ, не велѣлъ брать города... А царь-отъ какъ осерчаетъ на ихъ, какъ закричитъ, какъ затопаетъ ногами. «А! говоритъ: сякіе-такіе, безмозглые! Не Микола то угодникъ выходилъ, а старый песъ раскольничій, что ушолъ отъ меня съ Москвы, къ туркамъ убегъ, свою козлиную бороду спасаючи... А коли, говоритъ, онъ Миколой стращаетъ, такъ я супротивъ Миколы, говоритъ, Ягорья храбраго пошлю: ево-де Ягорьина дѣло ратное, а Миколино, гытъ, дѣло церковное, такъ Миколѣ, гытъ, супротивъ Ягорья не устоять»...

— Гдѣ устоять!—подтверждаетъ шадроватый мужикъ.

— Не устоять, ни въ жисть не устоять,—соглашаются и другіе мужики.

— И не устоялъ,—заключаетъ ратный, торжественно оглядывая слушателей.—Все отъ Бога.

— Это точно, что и говоритъ!

— А песьи-головы, дядя, что сказалъ ты?—любопытствуетъ долговязый парень.

— Что песьи-головы?

— Да каки они? Видалъ ты ихъ?

— Какъ не видать, видывалъ.

— И близко, дядя?

— Нѣ, ни-ни! Близко не подпущаютъ аспиды... Ужъ и шибко-жъ бѣгаютъ, такъ бѣгаютъ идолы, что и собакой не дотнать... А поди ты, объ одной огнѣ...

— Что ты! Объ одной?

— Объ одной.

— Ахъ, онъ окаянный! Какъ же онъ, сучій сынъ, бѣгаетъ объ одной-то ногѣ?

— А во какъ. Въ тѣ поры какъ Христосъ народился и въ яслѣхъ лежалъ, прослышали объ этомъ цари и бояре, жиды и пастухи и весь міръ, ну и пришли Христу поклониться, да не токмо люди, а и птицы и звѣри. И прослышь про то Иродъ царь-жидовинъ, что вотъ-де новый царь народился, и будетъ-де этотъ самый царь царствовать и на землѣ, и на небѣ. Ну, и распалился Иродъ-царь гнѣвомъ, и говоритъ своимъ Иродовымъ слугамъ: «Подите, гытъ, вы, Иродовы слуги, скрадьте младенца Христа, и принесите ко мнѣ!» Какъ же мы, ваше царское величество, говорятъ Иродовы слуги, скрадемъ ево, коли тамъ у ево стражъ стоитъ аньделъ съ огненнымъ мечемъ? Онъ-де насъ огнемъ и мечомъ посѣчетъ и спалитъ». А Иродъ-царь и говоритъ: «Къ ему-де, гытъ, къ младенцу Христу, не токмо люди на поклоненіе идутъ, а и звѣри и птицы. Такъ вы, гытъ, слуги мои Иродовы, надѣньте на себя шкуры собачьи съ собачьими головами и подите якобы поклониться младенцу со звѣрьемъ со всякимъ, и скрадьте ево». Ну, ладно: сказано-сдѣлано. Надѣли на себя Иродовы слуги шкуры собачьи съ собачьими, съ песьими, значитъ, головами, и пошли. Входятъ, да прямо къ яслямъ. Только что, братецъ ты мой, руки они, Иродовы слуги, протянули, чтоба значитъ скрасть младенца, какъ аньделъ хвать ихъ по плечу огненнымъ мечомъ, да такъ, братецъ ты мой, ловко хватилъ, что отъ плеча-то самово наскрость и проруби, до са-

мово естества, сказать-бы... Такъ половина-то тѣла съ рукой съ ногой такъ и осталась тутъ на мѣстѣ, у самыхъ яслей, а они-то, Иродовы слуги, сцѣпившись другъ съ дружкой, рука съ рукой, нога съ ногой, и ускакали на двухъ ногахъ, по одной у каждаго. Ну, съ тѣхъ поръ, братецъ ты мой, такъ и скачутъ они, Иродовы слуги: коли онъ тихо идетъ, такъ на одной ногѣ скачетъ, а коли ему нужно на-утекъ, такъ заразъ въ сцѣпку другъ съ дружкой, и тутъ ужъ ихъ самъ чортъ не пымаетъ... А головы-то собачьи такъ и приросли у ихъ къ плечамъ, съ той поры и живутъ песьи-головы...

— Крохино, батя, Крохино! — закричалъ радостно мальчикъ, котораго ратный «царской питалицей» называлъ.

Изъ-за дымчатой синевы, вдоль берега озера, неясно вырисовалось что-то похожее на бѣдныя избушки, разбросанныя въ безпорядкѣ по низкому склону побережья. Только привычный глазъ человѣка, родившагося тутъ и выросшаго среди этой непривѣтливой природы, да сердце ребенка, встосковавшагося по роднымъ мѣстамъ, могли различить неясныя очертанія бѣдныхъ, черныхъ, кое-какъ и кой-изъ чего сколоченныхъ лачужекъ.

— Да, Крохино,—отвѣчалъ шадроватый мужикъ, и перекрестился. Перекрестились и другіе артельные.

— Шутка, сотъ семь-восемь, поди, верстъ отломали.

— Добро, что живы остались,—замѣтилъ ратный.—А мы вотъ съ царемъ да съ Шереметьевымъ бояриномъ и тысячи отламывали, а ужъ который живъ оставался, кого въ полѣ да въ болотѣ бросали, которыхъ въ баталіяхъ теряли, про то и не пытали.

Въ это время впереди показался маленькій, едва замѣтный отъ земли человѣчекъ, который несъ что-то за плечами. По мѣрѣ приближенія этого человѣка къ артели, можно было распознать, что то шелъ мальчикъ съ кузовомъ на спинѣ.

— Мотя! Это Мотька идетъ!—закричалъ мальчикъ съ лопухомъ на головѣ.

— А точно онъ, пострѣленокъ,—подтверждалъ и шадроватый мужикъ, приглядываясь къ тому, что шло имъ навстрѣчу.—Куда это онъ, псенокъ, путь держитъ?

— Къ намъ,

— А что у ево, у псенка, за плечами?

— Кошель на грибы.

Мальчикъ въ лопухѣ не выдержалъ и побѣжалъ навстрѣчу мальчику съ кузовомъ.—«Мотя! Мотька! Мотяшка!» «А! Симушка! А батька гдѣ?»

Мальчики остановились другъ противъ друга, разставивъ руки. Мотька положилъ на землю кузовъ, въ которомъ что-то ворочалось и сопѣло, силясь просунуть мордочу между скважинъ плетешка.

— Что это тамъ у тебя?—съ удивленіемъ спрашиваетъ Симка.

— Мишутка махонькой... Съ дѣдомъ пымали ево... Несу въ городъ за хлѣбъ показывать, — скороговоркой отвѣчаетъ Мотька.—У насъ ѣсть нечего, все вышло: и мякина, и ухвостья, такъ иду съ Мишуткой хлѣбца добывать.

Мотька, поставивъ кузовъ на землю, развязалъ мочалко, прикрѣплявшее плетеную крышку къ кузову, и оттуда высунулась косматая лапка, а потомъ и острая мордочка маленькаго медвѣжонка. Мишутка усиленно моргалъ своими невинными, дѣтски-довѣрчивыми, какъ у ребенка, глазками, карабкаясь изъ кузова и опрокидывая его.

— Ахъ какой махонькой!—съ восторгомъ суетился около него Симка.

— Ай да звѣрина! Ха-ха-ха! Вотъ каралузина!

— Фу ты, ну ты, боярченокъ какой!

— Ужъ и точно боярченокъ...

— Нѣ, черноризецъ младешенекъ,—замѣтилъ ратный, подходя къ медвѣжонку;—а выростетъ въ игумна, давить нашего брата станетъ.

Артель обступила медвѣжонка и забавлялась имъ. А звѣренышъ, глупый еще по звѣриному, довѣрчивый къ человѣку, облапилъ Симку, и ну съ нимъ бороться. Симка сразу, съ человѣческимъ лукавствомъ, подставилъ довѣрчивому звѣренышу подножку, и звѣренышъ растянулся при общемъ хохотѣ артели.

— Ай да Симка! Звѣря сломалъ...

— Глупъ звѣрь, честенъ на чистоту, а Симка-то ужъ съ хитрецой парень.

Медвѣженокъ снова лѣзъ на Симку, ожидая честнаго боя; но Симка опять слукавилъ по человѣчески, увильнулъ, и Мишутка съ своей звѣриной честностью опять не потрафилъ. ...

— Что, Мотюшка, дома у насъ? — ласково спрашивалъ шадроватый мужикъ, гладя бѣлокурую голову Мотьки.

— Хлѣбушка нѣту,—отвѣчалъ мальчикъ.

— А мякина?

— Вышла, и ухвостье вышло... Мамка съ голоду пухнетъ.

— Ахти-хти, горе какое... А отецъ екимонъ?

— Лихъ, у-у какъ лихъ! Телку взялъ на монастырь за лѣтошню соль.

Ѣдкая горечь и какая-то робкая, покорная безнадежность отразились на лицѣ мужика при послѣднихъ словахъ мальчика.

— А этого гдѣ добылъ?—спросилъ онъ, указывая на медвѣжонка.

— Съ дѣдомъ въ лѣсу пымали, у бортей,—радостно отвѣчалъ мальчикъ.

— А медвѣдица?

— Мы не видали ее, и она насъ не видала... Мы какъ взяли его, такъ бѣгомъ домой!..

— То-то, счастливъ вашъ Богъ... А куда ты его несешь?

— Въ городъ, батя, хлѣба мамкѣ да дѣду добыть...

Мужикъ поморщился: не то хотѣлъ улыбнуться, не то заплакать, а скорѣе и то, и другое вмѣстѣ.

— Нѣтъ ужъ, сынокъ, пойдемъ домой, я достану хлѣба.

Медвѣжонка, не смотря на его сопротивленіе, снова посадили въ кузовъ, и артель двинулась къ поселку.

Поселокъ Крохино былъ безпорядочно раскинутъ на берегу озера и глядѣлъ чѣмъ-то не то недодѣланнымъ, не то разрушеннымъ. Да почти оно такъ и было. Сначала поселокъ былъ вотчиною боярскою, а потомъ сталъ монастырскою, когда послѣдній владѣлецъ Крохина съ сосѣдними пустошами, рыбными ловлями на Бѣлоозерѣ и иными угодьями, поживъ на свою волю, уморивъ трехъ законныхъ и семерыхъ незаконныхъ женъ, которыя потомъ поочередно являлись къ нему во снѣ, иная съ пробитымъ до мозга черепомъ, другая съ вырванною вмѣстѣ съ мясомъ косою, третья съ переломанными ребрами и тому подобное, засѣкши до смерти дюжины двѣ людишекъ и холопишекъ, разоривши до тла пять другихъ вотчинъ съ ихъ людишками, женишками, дѣтишками и животишками и допившись до того, что у него на носу бѣсы въ сопѣли играли и въ бубны били, это-то

чадушко, передъ смертью, поминаючи грѣхи свои, и отписало свои вотчины разнымъ монастырямъ, дабы они, монастыри, служили въ немъ, по боляринѣ Юрьѣ, панихиду вѣчную вплоть до самой трубы архангела, когда та труба призоветъ его, боярина Юрья, на страшный судъ. Но ни въ боярскихъ рукахъ, ни въ монастырскихъ крохинцамъ не было житья окромѣ собачьяго. Бояринъ лютовалъ надъ ними и разорялъ ихъ; старцы монастырскіе сосали изъ нихъ кровь по каплѣ, разоряли поборами, морили на каждодневной работѣ: на ловлѣ рыбы въ пользу братіи и монастырской казны, на рубкѣ, возкѣ и пилкѣ лѣсу, на колкѣ льду, на собираніи грибовъ и ягодъ, даже на ловлѣ бѣлокъ, до шкурокъ которыхъ былъ такой охотникъ «отецъ екимонъ», экономъ монастырскій, любившій и спать на бѣличьей постели, и укрываться бѣличьемъ одѣяломъ, и рясу и штаны носить бѣличьи, и сапоги опушать бѣлкою. Не хуже боярина умѣли и святые отцы лютовать. Лютованье это еще болѣе усилилось съ тѣхъ поръ, какъ молодой царь Петръ Алексѣевичъ, возлюбивъ море и войдя во вкусъ всякихъ баталій и викторій, возложилъ на государственную спину такія великія тяготы, отъ которыхъ если не лопнулъ россійскій государственный хребетъ, такъ благодаря лишь слоновой выносливости и безпозвоночной податливости россійскаго позвоночнаго столба: вся Россія была раздѣлена на «купы», а изъ «купъ» сгруппированы «кумпанства» духовныя, свѣтскія и гостиныя—для постройки кораблей, и къ этой тяжкой барщинѣ привлечена была вся русская земля: кто давалъ деньги, кто лѣсъ, кто рабочихъ и топоры для стройки, а кто и то, и другое, и третье вмѣстѣ; князи и бояре, митрополиты и епископы, игумены и чернецы, церкви и монастыри, гостиныя и иныя сотни, а наипаче «хрестьянство», «подлый народъ», мужики, все отбывало кораблестроительную барщину. А тамъ рекрутскіе наборы по нѣсколько разъ въ годъ, стоны рабочихъ со всѣхъ концовъ для государевыхъ крѣпостныхъ и иныхъ работъ, насильственныя выселенія лучшихъ семействъ въ излюбленныя царемъ мѣста, все это проносилось надъ страною въ видѣ каждогодныхъ административныхъ эпидемій и изнуряло страну до государственной чахоточности.

Вотъ почему лютовалъ «отецъ-екимонъ» надъ крохинцами, таская съ ихъ дворовъ за рога послѣднихъ телокъ, выжимая сокъ и изъ спины, и изъ топора мужичьяго... «Откудѣ жит-

ница господня даже до нищеты», плакался «отецъ-екимонъ» на государственныя тягости и тащилъ въ эту житницу и послѣднюю мужичью телку, и послѣдній снопъ овса, и заячью шкурку, и послѣдній тузокъ мужичьяго медку...

Да, не красна жизнь въ Крохинѣ. Глядитъ оно такъ, словно послѣ черной немочи: мужиковъ почти не видать, всѣ въ разгонѣ: кто на корабельной стройкѣ въ Воронежѣ, кто у Шереметева въ войскѣ, кто на олонецкихъ заводахъ, кто на крѣпостныхъ работахъ, кто въ бѣгахъ, почти вся Россія обратилась въ бѣглое государство...

У крайней крохинской избы съ прогнившею крышею, съ покосившимися боками, стоитъ баба въ жалкомъ одѣяніи и набожно крестится, вглядываясь въ приближающуюся артель рабочихъ. Въ воротахъ стоитъ ветхій старикъ, переминаясь на своихъ исхудалыхъ босыхъ ногахъ...

— Никакъ нашихъ Богъ несетъ,—шепчетъ онъ недовѣрчиво.

— Упаси... помилуй... вотъ тѣ хрестъ,—безсмысленно молится баба.

— Симушка, кажись, и Мотюнька съ Мишуткой, а гдѣ-жъ Сысой?

— Охъ, хрестъ, охъ хрестушка батюшка... помилуй...

Симка, увидавъ мать и дѣда, стремглавъ летитъ къ нимъ. Мать такъ и присѣла не то отъ радости, не то отъ испуга... Нѣтъ, такія страдальческія лица не умѣютъ выражать радости, они разъ застыли на испугѣ и боязни, да такъ ужъ и отлились навсегда въ испуганную, такъ сказать, форму.

— Мотри, мамка, мотри!—радостно бросается къ матери Симка, распахивая рубашку на груди.

Мать припала блѣднымъ, остеклѣвшимъ отъ долгаго голоданья лицомъ къ лопуху, прикрывавшему бѣлокурую голову сына, и дрожитъ.

— Мотри-ка, на гайтанѣ!—настаиваетъ Симка.

— Что, что, родной?

— Алтынъ царской.

— Охъ, Господи!

— Самъ царь подарилъ и по головкѣ погладилъ... Это—царское жалованье.

Подошла артель. Стали здороваться. Сбѣжались бабы и ребятишки съ сосѣднихъ домовъ. Пошелъ шумъ по всему поселку,

хлопанье дверей, скрипъ калитокъ и воротъ, возгласы бабъ, пискъ и плачъ ребятишекъ; лай собакъ, которыя болѣе всѣхъ животныхъ интересуются человѣческими дѣлами и раздѣляютъ ихъ радости.

— Здорово-здорово, Сысоюшка, здравствуй, внучекъ Симушка, здорово Агапушка, — шамкалъ Симкинъ дѣдъ, обращаясь то къ сыну своему, шадроватому Сысою, то къ внучку, то къ другимъ сельчанамъ, то къ ратному.—Съ коихъ мѣстовъ теперь, Агапушка,—съ Олонца?

— Нѣту, съ самово Шлюхина града,—отвѣчаетъ ратный.

— Что-же это за градъ такой? Не слыхивалъ такова отродясь.

— Новый, значитъ, градъ, съ нѣмецкой кличкой, Шлюхинъ...

— Шлюхинъ, ишь ты, такихъ на святой Руси не бывало: Хлыновъ городъ есть, холопій, а Шлюхина града на Руси не бывало.

— Да это нашъ Орѣшекъ, что подъ шведомъ былъ, а теперь опять нашъ,—пояснилъ Сысой.

— Укрѣпа такая, Шлюхина крѣпость,—дополнилъ ратный.

— А царя видали?

— Какъ не видать, батюшка! Самъ-то Симку по головкѣ гладилъ и денегъ пожаловалъ...

— Вотъ, дѣдушка, царскій ялтынъ, вотъ онъ,—хвастался Симка передъ дѣдомъ:—я въ лапоть мышь посадилъ да съ лаптя карбасъ справилъ, на воду пустилъ, оснастилъ, а царь и увидалъ...

Издали откуда-то донеслось звяканье колокольчика. Всѣ стали прислушиваться, напряженно прислушиваться, ибо всѣ опытомъ жизни испытали, что мѣдь, отлитая въ колоколъ, рѣже звонитъ къ добру, чѣмъ къ худу.

— Ямской, — пояснилъ ратный, прикладывая ладонь къ уху,—казенный.

— Валдайской голосъ, — добавилъ Сысой шадроватый. — Ишь звонецъ какой...

— Кто и зачѣмъ-бы?—спрашивали другіе, недоумѣвая и вглядываясь въ дымчатую даль.

— Не къ добру... къ худу,—заключали бабы, болѣе чуткія сердцемъ.

А звонецъ заливался все явственнѣе и явственнѣе. Показалась ямская тройка со стороны бѣлозерской дороги.

— Приставъ, братцы... Опять некрутчина али бо что хуже.

— Да ужъ хуже нашего-то и на землѣ не ростетъ, и на водѣ не плыветъ...

— Помилуй Господи! О-о-хо-хо!

Тройка приближалась. Видны уже были фигуры ѣдущихъ. Ямщикъ, съ кудрявыми перьями тетерева хвоста на шляпѣ, дико гикалъ на тощихъ коней, которые неслись скорѣе по силѣ инерціи, готовые упасть и тутъ же околѣть, чѣмъ вслѣдствіе быстроты своихъ ногъ.

— Батюшки! Приставъ!—ахнули мужики.

— А съ нимъ и екимонъ нашъ, матыньки, охъ!—охали бабы.

Тройка остановилась на всемъ скаку. Взмыленные кони тяжело дышали, вздымая твои тощіе бока.

— Здѣсь Сысой Шадровитъ?—крикнулъ съ телѣги «отецъ-екимонъ», тощій, словно высосанный черносливъ, монашишко.

Всѣ молчали, снявъ шапки и испуганно переминаясь на мѣстѣ.

— Молитесь Богу, царская милость къ намъ пришла,—продолжалъ отецъ-екимонъ, высаживаясь изъ телѣги.

Сысой Шадровитъ, рябой мужикъ, прозванный за свою рябоватость Шадровитымъ, выступилъ впередъ, низко кланяясь и боясь взглянуть на пристава. Послѣдній, вынувъ изъ кожаной переметной сумы бумагу и развернувъ ее, самъ снялъ шапку.

— По указу его царскаго величества! — сказалъ онъ громко.—Царь-государь, его пресвѣтлое величество Петръ Алексѣевичъ указалъ: Сысойки Ивлева сына Шадровитова сына Симонку взять къ Москвѣ въ ноги... ногиваторы...

Мать Симки, обхвативъ бѣлокурую голову сынишки, казалось, замерла отъ ужаса: глупая баба не знала, что ея сынишку берутъ на такое великое царское дѣло, котораго самъ приставъ не въ состояніи выговорить... Бѣдные люди!

XI.

Нужно было имѣть необыкновенную, невѣроятную и положительно нечеловѣческую крѣпость организма, и въ то же время страшную упругость воли, чтобы осиливать разомъ столько

дѣла, и притомъ дѣла вѣкового, сложнаго, крупнаго, чтобы дѣло это, которое въ продолженіе столѣтій вываливалось изъ косныхъ рукъ всей Россіи, не вывалилось уже болѣе изъ мозолистыхъ рукъ-клещей невиданнаго и неслыханнаго рабочаго порфиропосца, нужно было обладать большимъ, чѣмъ въ состояніи вмѣстить въ себѣ духъ и тѣло одного человѣка, чтобы успѣвать дѣлать столько, сколько дѣлалъ разомъ безсонный, безустанный, безжалостный и къ себѣ, и другимъ молодой, тридцатилѣтній царь, невиданный въ лѣтописяхъ всего міра и всѣхъ народовъ экземпляръ человѣка, когда-либо сидѣвшаго на тронѣ. Перевернувъ вверхъ дномъ весь строй жизни огромнаго государства, строй, сложившійся исторически и покоившійся на самыхъ непоколебимыхъ въ мірѣ столбахъ, на массовыхъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ и привычкахъ, подставивъ подъ все, подъ чѣмъ разрушены были старые устои, новые устои и укрѣпы, намѣтивъ и загадавъ дѣла впередъ на цѣлыя столѣтія и дѣлая разомъ сто дѣлъ, стуча своимъ мозолистымъ кулакомъ разомъ и на югѣ, и на сѣверѣ, и на востокѣ, и западѣ, чтобъ пробить въ московской, болѣе неподатливой чѣмъ китайская, стѣнѣ международныя продушины, вырвавъ у турокъ клокъ южныхъ морей, а у шведовъ клокъ сѣверныхъ, заложивъ себѣ новую столицу у новаго моря, чтобы развязаться съ постылою, ошалѣлою отъ долгаго сна Москвою, переболѣвъ въ то время своею суровою душою и несутерпчивымъ сердцемъ о томъ, что онъ нежданно- негаданно открылъ въ проклятомъ карманѣ проклятаго Кенигсека, царь, по возвращеніи, лѣтомъ 1703 года, изъ вновь заложеннаго «Питербурха» въ Москву чувствовалъ необходимость въ отдыхѣ, въ развлеченіи, не забывъ въ то же время послать Мазепѣ бочонокъ ягоды-морошки, выросшей въ «новомъ парадизѣ», и отправить куда-то на Бѣлоозеро за какимъ-то мальчикомъ Симкой гонца «по нарочито важному дѣлу»...

И вотъ царь развлекается, отдыхаетъ. Онъ сидитъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, заваленномъ бумагами, книгами, ландкартами, чертежами, заставленномъ глобусами, моделями кораблей и машинъ, образцами всевозможныхъ рудъ, камней и почвы, и бѣгло набрасываетъ на бумагѣ новый костюмъ для «всешутѣйшаго патріарха князь-папы» къ предстоящему всешутѣйшему, всепьянѣйшему и сумасброднѣйшему всероссійскому собору. А

Меншиковъ, сидя противъ него, тихо читалъ что-то по складамъ, съ трудомъ разбирая написанное.

— Это ты Мазепино доношеніе по складамъ твердишь, Алексаша?—не глядя на него, спросилъ царь.

— Нѣту, государь, прожектъ кондиціи съ поляками на счетъ полковника Палія... Черничокъ прочитываю, государь.

— А... А ну чти вслухъ...

Меншиковъ началъ читать, спотыкаясь на каждомъ словѣ: «Понеже его королевское величество»...

— Который артикулъ?—перебилъ его царь.

— Четвертый, государь.

— Ну, чти, да не спотыкайся.

— «Понеже его королевское величество и свѣтлая Рѣчь Посполитая, по причинѣ нынѣшнихъ обстоятельствъ, сами противъ непослушнаго своего подданнаго, Палія, права изобрѣсти никакъ не могутъ, потому отъ его царскаго величества, какъ друга, сосѣда и сильнаго союзника...

— Знай нашихъ, Алексаша!—снова перебилъ царь.—Вотъ мы и сильные стали...

— Точно, государь, могущественъ ты...

— Ну, скандуй дальше.

— ...«и сильнаго союзника въ таковомъ дѣлѣ просили вспоможенія (продолжалъ нараспѣвъ Меншиковъ). И такъ, по силѣ онаго союза, его царское величество принимаетъ то на себя, что Палій, добрымъ ли или худымъ способомъ, принужденъ будетъ области, крѣпости и города»...

При послѣднихъ словахъ Петръ поднялъ свою львиную голову, и лицо его нервно дернулось.

— Постой, Алексаша... Похерь слово «области», будетъ съ нихъ крѣпостей и городовъ... Поляки и съ своими областями не умѣютъ управиться, а ужъ объ этихъ бабушка на-двое сказала,— пояснилъ онъ, какъ-то странно улыбаясь.

Меншиковъ, взявъ перо, похерилъ слово «области», да такъ усердно, что продралъ бумагу.

— Ну, кончай, пора и за дѣло...

— ...«крѣпости и города, взятые во время бывшихъ недавно въ Украинѣ замѣшательствъ, возвратить, и оные его королевскому величеству и Рѣчи Посполитой безъ всякихъ претензій, какъ наискоряе быть можетъ, а по крайней мѣрѣ до предыдущей

кампаніи, отдать, обѣщая Палію вѣчное забвеніе, если насильно захваченныя въ оныхъ замѣшательствахъ крѣпости добровольно отданы будутъ».

— Зеръ гутъ...

Въ дверяхъ показалось молодое женское лицо и тотчасъ же спряталось. Меншиковъ покраснѣлъ.

— Кто тамъ?—спросилъ царь.

— Дѣвка Дарья,—отвѣчалъ Меншиковъ, усиленно шурша бумагами.

— Это ты, Дарьюшка?—крикнулъ Петръ.

— Я, государь,—отвѣчалъ звонкій голосъ—Дарья глупая.

— Что ты, Дарьюшка? Что Марѳуша?

— Марта Самойловна въ здравіи обрѣтается, — отвѣчала входя въ кабинетъ, кланяясь и краснѣя, дѣвушка.

Это была дворская «дѣвка»—фрейлина Дарья Арсеньевна.

— Не скучаетъ Марѳуша?—спросилъ царь ласково.

— По тебѣ скучаетъ, государь... Спрашиваетъ, въ какомъ платьѣ укажешь ей быть на соборѣ, въ московскомъ или нѣмецкомъ?

— Въ нѣмецкомъ всенаипепремѣннѣйше.

Дѣвушка поклонилась и вышла, скользнувъ свѣтомъ глазъ по лицу и по глазамъ Меншикова.

Энергическія приготовленія къ «всешутѣйшему и всепьяннѣйшему собору» были кончены къ этому дню. Хотя «всешутѣйшій и всепьяннѣйшій патріархъ князь-папа», какимъ считался бывшій учитель молодого царя, Никита Моисеевичъ Зотовъ, обрѣтался въ полномъ здравіи и пьянственномъ ожиреніи, однако, по случаю закладки новой столицы и перенесенія русскаго трона къ устьямъ Невы, царь желалъ ради собственнаго развлеченія и потѣхи, а также въ видахъ осмѣянія въ глазахъ народа нѣкоторыхъ застарѣлыхъ московскихъ предразсудковъ, переизбрать «всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго патріарха князь-папу», пополнивъ титулъ его прибавкою эпитета «питербурхскій».

Необыкновенная всешутѣйшая процессія, проходя Кремлемъ, поровнялась съ царскими дворцами.

Впереди идетъ князь-папа въ блестящемъ шутовскомъ нарядѣ, ведомый подъ руки архижрецами, князь-папиными кардиналами. Въ такомъ же необычайномъ видѣ двигаются за нимъ пестрыя толпы освященнаго всешутѣйшаго собора—попы, пѣв-

чіе, шутовскіе архимандриты, суфраганы и прочій всешутѣйшій конклавъ. Но выше всѣхъ и величественнѣе всѣхъ красуется подъ яркимъ лѣтнимъ солнцемъ обрюзгшій и отекшій отъ пьянства, перевитый хмѣлемъ и виноградными листьями, искусно сдѣланный истуканъ Бахуса, несомый «монахами великой пьянственной обители».

За всешутѣйшимъ соборомъ медленно двигаются толпы музыкантовъ: неистовый кошачій концертъ всевозможныхъ нестройныхъ музыкальныхъ и анти-музыкальныхъ инструментовъ—мѣдныхъ тарелокъ, чугунныхъ сковородокъ и горшковъ, мѣдныхъ тазовъ, трещотокъ, дикихъ свистковъ, дудокъ и всякихъ визжащихъ и скрипящихъ инструментовъ, такихъ, отъ которыхъ нервный человѣкъ съ ума сойти можетъ, а музыкальное ухо навѣки испортиться, лопнуть, оглохнуть.

А тутъ еще звонъ колоколовъ всѣхъ московскихъ церквей, такой звонъ, на который способны только пьяные, нарочно напоенные по приказанію царя звонари московскіе, способные въ могилу уложить своимъ звономъ всякаго немосквича, всякаго, съ дѣтства не привыкшаго къ этому колокольному кнутованію, оглушенію и задушенію... Звонять, гудутъ, орутъ разомъ всѣ колокола, и нарочно нестройно, дико, набатно, въ перебой, перекрестно, такъ что страшно становится отъ этого звона, до того страшно, что одинъ любскій нѣмецъ отъ этого звону повѣсился...

А тутъ еще вся опоенная въ царскихъ кабакахъ на даровщину и охрипшая Москва оретъ, вопитъ дико, неистово, слѣдуя за процессіей и бросая вверхъ, въ зараженный пьянымъ дыханіемъ воздухъ, шапки, шляпы, рукавицы и лапти...

Царь смотритъ на все это изъ оконъ дворца и смотритъ хмуро, невесело.. Вспоминается ему улица въ Саардамѣ, улица, запруженная мальчишками, и мальчишки бросаютъ въ него, въ царя могучей страны, грязью... А все же тогда легко было на душѣ, свѣтлѣе впереди... Тогда была молодость, а теперь старость, дряхлость... скоро тридцать два года исполнится... старость-то какая! Да, старость души, дряхлость сердца... Только у царей старость начинается съ двадцати лѣтъ... Ничто не радуетъ... любить некого и нечего... желать нечего! Это всего ужаснѣе! Вонъ и нѣмка Анна Монцова тогда любила, и онъ ее

любилъ... охъ, какъ хорошо любилось тогда! А теперь все одряхлѣло, и Анна измѣнила старику... Все старѣется... Вонъ и орелъ двуглавый словно бы отъ старости крылья опускаетъ... А Питербурхъ... А Марта, Мареуша...

«Нѣтъ! Вонъ отсюда! На Неву, въ море, гдѣ воды много, гдѣ свѣту больше... Воды, воды, моря! Воды больше! Свѣту больше! А то я здѣсь задохнусь»...

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Міръ Божій и жизнь человѣческая не были бы столь прекрасны и обаятельны и въ то же время столь мрачны и ужаса исполнены, если бы прекрасное и свѣтлое не чередовались съ мрачнымъ и ужаснымъ, и если бы мракъ не придавалъ цѣны свѣту, а счастье не красилось бы горемъ и отчаяніемъ, какъ молодость прожитая красится воспоминаніями передмогильнаго старчества, а сладость прошлаго жгучей, но обильной отравой саднетъ на сердцѣ въ соединеніи съ горечью настоящаго...

— О, мое золотое прошлое! О, мое молодое счастье! Не кукуйте вы подъ моимъ окномъ горькою кукушечкой.... Единъ, два, три, четыре, пять... конца пѣту сему кукованью горькому... Все она кукуетъ, все кукуетъ, все кукуетъ, а мнѣ, горькой, все жить—маяться, горе мыкати горючее, по моей молодости поминъ творити, саванъ подымати, на свое лицо взирати... Не гляди на меня, Васенька, не смотри на меня, милъ сердечный другъ, на твою прежнюю Софьюшку... Вона какъ заиндевѣла коса моя дѣвичья, пепломъ-серебромъ присыпалася, посеребрилася моя головушка, словно риза похоронная, серебромъ прошитая... А мы думали съ тобой, ненаглядный соколъ мой Васенька, думали-гадали эту буйную дѣвичью головушку золотомъ прикрыть, златымъ вѣнцомъ царскимъ... Охъ, не кукуй, не кукуй ты, горькая кукушка!..

Такъ, стоя у келейнаго окна въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, плакалась царевна Софья Алексѣевна, въ то утро, когда въ Москвѣ гремѣли сорокъ-сороковъ въ честь всешутѣйшаго собора.

Какой страшный контрастъ!

Тамъ—земля стонетъ отъ звона тысячъ мѣдныхъ глотокъ съ мѣдными языками, отъ неизобразимаго топота ногъ и говора людского. Здѣсь—только голуби воркуютъ, гнусливо переговариваясь о своихъ птичьихъ дѣлахъ и нуждахъ, шурша крыльями

о каменные карнизы монастырскаго зданія, да воробьи радуются невѣдомому благополучію, беззаботно чирикая и, повидимому, не подозрѣвая, что и у нихъ, какъ и у людей, бываютъ свои, воробьиныя горя и невзгоды... Изъ оконъ кельи виднѣется Москва съ кремлевскими стѣнами и золотыми маковками церквей, которыя и ей, Софьѣ-царевнѣ, а нынѣ старицѣ Сусаннѣ, кричали когда-то въ сорокъ-сороковъ мѣдныхъ глотокъ... Влѣво зеленѣется лѣсъ, и въ этомъ лѣсу кукуетъ горькая кукушка...

— Единъ, два, три, четыре... Зачѣмъ я считаю, сколько мнѣ еще лѣтъ жить, сколько дней и ночей въ скорбехъ и печалехъ маятися?.. О, житіе человѣческое! Житіе плачевное... И она, чаю, Ксенія царевна Годунова, сидючи здѣсь, въ это окошечко со слезами сматривала, житье свое царское вспоминаючи...

Ахъ и сплачетця на Москвѣ царевна,
Борисова дочь Годунова:
Ино охте мнѣ горе горевати...

— Ахъ и не кукуй, не кукуй же ты, пташечка!.. А онъ, Гришка Отрепьевъ царь, сказываютъ, приходилъ сюда къ ней въ эту келью... Полюбилась она ему, чу, тутъ, Ксенія трубокоса... А мой отъ братецъ лиходѣй не жалуетъ ко мнѣ.. Охъ, лиходѣй!.. Что-й-то у него нонѣ на Москвѣ затѣяно? Что звоны-то раззвонилися? Али шведа побилъ?..

Кто-то подъѣзжаетъ въ дворцовой коляскѣ къ монастырю. Софья всматривается...

— Никакъ Алеша-царевичъ, племянничекъ... Спасибо ему, не забываетъ старой тетки.

А тетка Софья, дѣйствительно, стара стала, не такъ годы состарили, какъ думы... Глубокою рѣзьбою вышли на ея бѣломъ, нѣкогда полномъ, молочномъ лицѣ государскія думы, эка рѣзьба какая. Русые волосы, выбившіеся изъ-подъ чернаго монашескаго клобука, шибко серебрятся, жизненный иней выступилъ на нихъ, холодъ, что душу пронизывалъ много лѣтъ, снѣгомъ палъ на голову... А глаза еще живые, молодые... А все не тѣ ужъ, что были, когда въ нихъ смотрѣлъ любовно милъ сердечный другъ, Васенька князь Голицынъ...

Стукъ коляски замеръ у крылѣца кельи. Изъ коляски выскочилъ юноша лѣтъ тринадцати, высокенькій, стройненькій, съ худымъ блѣднымъ лицомъ и кроткими, задумчивыми, робкими

глазами. Вслѣдъ за нимъ вышелъ изъ коляски старикъ въ длиннополомъ кафтанѣ, словно въ подряснике, опираясь на трость съ золотымъ набалдашникомъ въ родѣ поповскаго посоха.

— Ишь какъ ступеньки потерты... То-то время божье, все сгложетъ, — говорилъ старикъ, стуча тростью о ступеньку крыльца.

— А старъ монастырь?—спросилъ юноша.

— И-и старъ! Ступней-отъ много человѣческихъ перебывало тутъ: и святыя подошвы, и грѣшныя и царскія, и смердьи терли камень сей...

Пріѣзжіе, взойдя по ступенькамъ на верхъ лѣстницы, постучались въ дверь кельи.

— Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

— Аминь!—тихо отозвались въ кельи.

Пришедшіе вошли и перекрестились истово на богатыя иконы, украшавшія келью. Это были—тринадцатилѣтній царевичъ Алексѣй Петровичъ и наставникъ его, князь Никифоръ Вяземскій. При входѣ ихъ глаза старицы, царевны Софьи, блеснули теплом и радостью.

— Здравствуй, Алешенька-царевичъ! Здравствуй князь Никифоръ!—звонко сказала Софья, подходя къ царевичу и глазами привѣтствуя Вяземскаго.

— Здравствуй, тетушка-царевна! — отвѣчалъ радостно юноша, цѣлуя руку тетки, которая при этомъ звякнула четками и поспѣшила обмотать ихъ вокругъ пухлой кисти бѣлой руки.

— Здравія и долгоденствія, царевна-матушка—низко кланяясь, привѣтствовалъ Вяземскій, и тоже поцѣловалъ руку Софьи и край ея черной мантіи.

— Спасибо, что не забываете старуху заключенную...

— Сохрани Богъ забыть! Забвенна буди десница моя.

— Садитесь, дорогіе гости. Что у васъ на Москвѣ дѣлается? Что звонъ такой?

— Батюшка тѣшится,—съ едва замѣтною улыбкою на толстыхъ губахъ отвѣчалъ царевичъ, не глядя на тетку.

— Скомрашествуетъ, матушка-царевна... Нарядилъ стараго грѣховодника, учителя своего недостойнаго, Микитку Зотова, въ скомрашескія ризы, посадилъ его въ ковшъ, что свинью въ купель, и носитъ по городу подъ звонъ святыхъ колоколовъ...

Софья, слушая это, задумчиво качала головой, перебирая четки.

— А Москва что?—спросила она.

— Москва бѣснуется, благо ей вина выкатили бочекъ несчетное число...

— О! Москва всегда была глупа, что овца въ петровки,— съ горечью сказала Софья, нервно перебирая четки. — А ты, Алеша,—обратилась она къ царевичу,—по батюшкову примѣру въ ковшъ посадишь учителя своего, князь Никифора, когда царемъ будешь?

— Нѣтъ, тетушка-царевна! — быстро, оживленно заговорилъ Алексѣй.—Я всѣ эти батюшкины новшества выведу, заведу опять все старое, по старинѣ, а новое изгоню...

— Нѣтъ, не говори этого, царевичъ,—серьезно, также горячо замѣтила Софья, — не все старое хорошо, не все новое дурно... Наше старое темень, неученья, наше новое свѣтъ ученья... Просвѣтись симъ свѣтомъ самъ и просвѣти онымъ Русскую землю... Я вотъ о себѣ скажу: мало ли у меня было сестеръ, и тетокъ, и бабокъ, невѣстокъ, и никто изъ нашей царской семьи, ни единая женщина, не касалася трона превысочайшаго, не правила россійскою державою, не подписывалася «самодержицею всеа Русіи», чего не бывало, какъ и Русская земля стоитъ... А я все сіе извѣдала я была самодержицею всеа Русіи... А чесо ради?

— Мудрости твоея ради, матушка-царевна,—отвѣчалъ Вяземскій.

— Не говори этого, князь Никифоръ,—возразила Софья,— были и умнѣе меня жены и дѣвицы, а не правили царствомъ: а я правила...

Она остановилась, какъ бы забывъ, о чемъ говорила, и вопросительно глядѣла то на царевича, то на Вяземскаго, какъ бы спрашивая послѣдняго: «почему же я-то одна царствовала?».

— По благодати Божіей?—рутинно отвѣчалъ Вяземскій, не зная что сказать.

— Не говори, не говори такъ, князь... У благодати Божьей глаза лучше нашихъ...

Царевичъ, до того времени молчавшій, послѣ замѣчанія о «новшествахъ батюшки», подошелъ къ теткѣ и, вставъ на колѣни у ея кресла, началъ ласкать ея руку съ четками.

— А я знаю, тетя,—сказалъ онъ нѣжно.

— Что ты знаешь, Алешенька? — спросила Софья, гладя голову царевича.

— Почему ты была самодержицею всеа Русіи...

— А почему, дружокъ?

— Мнѣ батюшка сказывалъ...

— Ну, ну, что онъ тебѣ сказывалъ?

— Осерчалъ онъ на меня однова, что я урка не выучилъ, и говоритъ: «тетка-де твоя Софья хорошо урки учила, и для того у тебя-де, дурака, говоритъ, чуть царство не отняла»...

Софья горько улыбнулась... Рука ея дрожала, гладя продолговатую голову племянника... «Не для царскаго вѣнца эта голова добрая...»

— А ты и вправду думалъ, что я у тебя царство бы отняла?—съ какою-то судорогою въ горлѣ спросила она, не глядя на племянника.

— Нѣтъ, тетя... Да и на что оно мнѣ, царство-то? Заслужить бы только царство небесное...

— Не говори этого, другъ мой,—по обыкновенію возразила Софья.—Учись, чтобы быть мудрымъ царемъ...

— И батюшка говоритъ это... «Ученье, говоритъ, нищему вѣнецъ даетъ, нагаго порфирою одѣваетъ, а неученье изъ-подъ царя престолъ похищаетъ, порфиру рубищемъ замѣняетъ... не у него-де, такъ у дѣтей, внуковъ и правнуковъ его»...

— Правда, правда, другъ мой... Я хорошо учила уроки, когда наставлялъ меня въ книжной мудрости покойный учитель мой, царство ему небесное! Симеонъ Полоцкій Петровскій-Ситіановичъ... Какъ онъ любилъ меня, и какъ я его, свѣта моего, любила!.. Онъ инако не называлъ меня, какъ «бѣлокурая моя царевна Премудрость»...

— Софія, премудрость Божія,—важно замѣтилъ Вяземскій.

— «Ну, что, говоритъ, бѣлокуренькая Премудрость моя, урки выучила, а може переучила»? А я бывало всегда переучивала; онъ бывало задастъ мнѣ «до сихъ», а я жадная такая, забѣгу дальше, все впередъ, впередъ, безъ оглядки... И въ келью къ нему бывало отай бѣгивала: шмыгну переходами, да вонъ изъ терема... «Ахъ, срамъ, говорятъ, какой! Дѣвка царевна подъ солнышкомъ ходитъ, въ келью къ монаху бѣгаетъ»... А мнѣ бывало и нуждушки мало... Приберусь монашкою, да къ нему

нмыгъ, всѣ у него книги перерою, свитки, харатьи... Увидала разъ я у него писанье новое, въ черни еще, вижу: «Вѣнецъ вѣры», и прошу его дабы далъ прочести... А онъ и напиши мнѣ вирши, таковы:

О благороднѣйшая царевна Софія,
Ищеши премудрости выну небесныя,
По имени твоему жизнь твою ведеши,
Мудрая глаголеши, мудрая дѣеши.
Ты церковныя книги обыкла читати
И въ отеческихъ свитцѣхъ мудрости искати.
Увидѣвши же, яко и книга писана новая,
Яже Вѣнецъ вѣры реченная,
Возжелала ту еси сама созерцати
И, еще въ черни бывшу прилежно читати,
И, познавши полезну въ духовности быти,
Велѣла еси чисто ону устроити...

Глаза ея горѣли молодымъ огнемъ, когда она декламировала это. Черный клобукъ ея сдвинулся нѣсколько на бокъ, открывъ новыя пряди бѣлокурыхъ, посеребренныхъ временемъ и думами волосъ. Царевичъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, Вяземскій— съ грустью...

— Я хотѣла пролить свѣтъ ученія на Русскую землю,— продолжала она словно-бы въ какой-то забывчивости, не глядя ни на кого.—И маленькій Петруша сталъ учиться изъ зависти ко мнѣ... А тамъ и дальше, все я да я! Ужъ какъ и царемъ онъ сталъ, не его просили о томъ, чтобы Русскую землю просвѣтилъ свѣтомъ ученья, а меня просили... Вонъ и чудовскій архидіаконъ Каріонъ Истоминъ писалъ мнѣ тогда:

Умоли убо самодержцевъ сущихъ.
Да государи они то изволятъ,
Обще Господа о томъ да помолятъ,
Наукамъ велятъ быти совершеннымъ
И учителемъ людемъ извѣщеннымъ...

— А теперь на поди! Все онъ да онъ, а я ни при чемъ... У него на головѣ вѣнецъ, а у меня...

И она судорожно дотронулась рукой до чернаго клобука... И царевичъ, и Вяземскій молчали, все разомъ какъ-бы замерло кругомъ, какъ замерла та жизнь свободы, власти, борьбы и свѣта впереди, которая вспала на умъ бѣдной заключенницѣ....

Только слышалось опять, какъ за окномъ горько, однообразно-горько и надоѣдливо-горько куковала кукушка...

— Единъ, два, три, четыре, — безсознательно, опустивъ голову, повторяла Софья.—Конца нѣту кукованьямъ,—нѣту и мнѣ конца...

Вдругъ она почувствовала, что что-то горячее капаетъ ей на руку. Она опомнилась. Это царевичъ, припавъ къ ея рукѣ, тихо плакалъ...

— Что ты, что ты, мой дружокъ! Полно... я забылась, старая дура...

Царевичъ продолжалъ всхлипывать... «Мнѣ жаль тебя, тетя... батюшка... онъ—не добрый»...

— Не говори этого, дружочекъ, полно же, полно... А скажи лучше мнѣ, какъ ты учишься?—ласково заговорила она, приподымая лицо племянника и цѣлуя его влажный лобъ.

— Я учусь, тетя.

— А скажи, князь Никифоръ, какъ онъ учится?—обратилась она къ Вяземскому.

— Съ Божьей помощью хорошо учится, коли къ нему съ любовью да съ лаской; а коли государь-батюшка накричитъ, насердитуетъ, пригрозитъ, что къ нѣмцамъ за море ушлетъ учиться, ну, у насъ и книга изъ рукъ валится.

— Бѣдный ребенокъ, горемычный сиротинушка, — жалостливо говорила Софья, продолжая ласкать племянника.—А что, къ матери не пускаетъ?—спросила она еще ласковѣе.

— Нѣтъ, тетя... Велитъ и думать объ ней забыть... А какъ я ее забуду! Никогда, никогда я ее не забуду! Охъ, Господи! Матушка! Мама моя!

И юноша зарыдалъ, припавъ къ колѣнямъ тетки.

— Охъ, горькое дите! Охъ, сиротинушка круглый при отцѣ-то и при матери!—причитала Софья.

— Да и какъ пущать... У насъ паки и паки новшества,— загадочно заговорилъ Вяземскій.

— Какія еще новшества?—спросила Софья.

— Новую, чу, завелъ...

— Ой-ли! Нѣмку?

— Песъ ее вѣдаетъ... полонянка... Марѳуткой зовутъ...

— А Монциха что?

— Рога подъ вѣнцомъ-то выростила...

— Что ты! Такъ убилъ ее, поди? Колесовалъ? Жилы на спицы вытянулъ? На сковородѣ изжарилъ?

— Нѣтъ, жива-здорова... токмо въ нѣмецкій монастырь упряталъ...

— Диво... диво, какъ живу оставилъ... Съ кѣмъ же она связалась, Анка-то?

— Съ нѣмцемъ съ саксонскимъ, съ посломъ Кенисинымъ, свой-то милѣе.

— Засталъ, поди?

— Гдѣ застать! Не сдобровать бы нѣмцу, такъ по-добру поздорову самъ отправился въ царство нѣмецкое, прямо къ сатанѣ въ кошель Іудинъ...

— Какъ? Руки на себя наложилъ?

— Нѣтъ, утонулъ въ Орѣшкѣ... А въ карманѣ-то цидулочки Монцихины да парсуна ея обрѣтены, у утопленника-то и нашли. Съ праздникомъ-то нашъ соколъ и остался...

— Диво-диво...

Во время послѣдняго разговора царевны Софьи съ княземъ Вяземскимъ, царевичъ, приподнявшись съ полу, стоялъ блѣдный, съ дико блуждающими глазами. Онъ вспомнилъ слова своего духовника, отца Якова, который высказалъ опасеніе, что царь женится на новой любимицѣ, и что дѣтямъ ея суждено будетъ продолжать царствованіе на Руси. Опасеніе это пугало его не лично за себя, онъ еще не доросъ до возраста властолюбія, а онъ боялся за мать, которую любилъ страстно и разлука съ которой, обставленная всякаго рода насиліями и стѣсненіями, усилила эту страсть до болѣзненности. До сихъ поръ онъ еще вѣрилъ, что отецъ опомнится, возвратитъ бѣдной изгнанницѣ если не свое чувство, то мѣсто около себя, а сыну возвратитъ мать, но теперь и эта мечта разрушалась: между отцомъ, матерью и сыномъ разверзалась страшная пропасть...

Царевичъ такъ сжалъ руки, что тонкіе пальцы его хрустнули, хрустнуло что-то и въ сердцѣ.

— О, Господи! Почто отвратилъ еси отъ меня лицо Твое!— вырвался у несчастнаго крикъ отчаянья, крикъ, страшно памятный для него, крикъ, отъ котораго онъ иногда по ночамъ просыпался въ ужасѣ.

Страшный крикъ этотъ былъ роковою гранью въ его жизни... Пять лѣтъ назадъ, когда онъ былъ еще совсѣмъ ребенокъ, ры-

дающая мать держала его въ своихъ объятіяхъ. Онъ до сихъ поръ чувствуетъ, какъ вздрагивало отъ судорогъ рыданья это дорогое, горячее, мягкое тѣло матери, и какъ руки ея прижимали къ полной груди его плачущее лицо, его горячую голову. Вдругъ кто-то беретъ его за плечи и силою оттаскиваетъ отъ матери... Слышится крикъ, борьба... Его уводятъ, а за нимъ протягиваются руки матери и слышится послѣдній, страшный крикъ материнскаго голоса: «О, Господи! Почто отвратилъ ecли отъ меня лицо Твое!».. Съ той поры онъ уже не слыхалъ этого голоса.

— Алешенька! Постой! Подойди ко мнѣ,—заговорила торопливо Софья, увидавъ, въ какомъ нравственномъ состояніи находится несчастный царевичъ.—Ты хочешь съ матерью повидаться?

Алексѣй, повидимому, не понималъ ее, въ этотъ моментъ онъ переживалъ разлуку съ матерью. Софья встала и подошла къ нему. Положивъ лѣвую руку на плечо юноши, она правою перекрестила его.

— Ты вѣришь мнѣ, теткѣ своей, другъ мой?—спросила она тихо.

— Вѣрю, тетя,—отвѣчалъ юноша, повидимому, ничего не понимая.

— Я люблю твою мать, она добрая, тихая, и тебя люблю... И ее, и меня взыскалъ Богъ: ей, по великой благости своей, меня по грѣхомъ моимъ великимъ, за гордость мою... Я искала вѣнца царскаго, тлѣннаго, а Господь судилъ мнѣ вѣнецъ терновый, буди благословенное имя Его святое! Я заслужила сіе терніе колючее... А ты, отроча невинное, рано, охъ, зѣло рано, украсилъ главу свою вѣнцомъ терновымъ... это не твой вѣнецъ; за чужую голову ты носишь его, и Господь наградитъ тебя вѣнцомъ царскимъ... А теперь мнѣ жаль тебя: я хочу дать тебѣ утѣшеніе... Хочешь видѣться съ матерью?

— Хочу,—со страхомъ отвѣчалъ юноша.

— И соблюдешь тайну отъ батюшки?

— Соблюду,—видитъ Богъ.

Софья подошла къ небольшому, покрытому чернымъ бархатомъ съ золотомъ, аналою и открыла лежавшую на немъ, рядомъ съ золотымъ крестомъ, книгу.

— Клянись,—сказала она.

Царевичъ не зналъ, что отвѣчать. Онъ глядѣлъ то на строгое лицо тетки, то на недоумѣвающаго учителя своего.

— Повторяй за мной,—сказала Софья.—Сложи персты вотъ такъ и повторяй за мною клятву.

Она показала, царевичъ повиновался.

— Азъ, рабъ Божій, царевичъ Алексій, клянусь всемогущимъ, въ Троицѣ славимымъ Богомъ предъ святымъ его евангеліемъ и животворящимъ крестомъ Христовымъ...

— Азъ, рабъ Божій, царевичъ Алексій,—повторялъ юноша дрожащимъ отъ страха голосомъ.

— Никому же не повѣдати тайны сея...

— Никому же не повѣдати тайны сея,—трепетно повторялась клятва.

— Аще же я о семъ клянусь ложно, то да буду отлученъ отъ святыя единосущныя и нераздѣльныя Троицы, и въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ не иму прощенія...

— Не иму прощенія...

Голосъ Софьи все мужалъ и становился грознымъ, пугающимъ. Голосъ царевича съ трудомъ выходилъ изъ горла, перехватываемаго судорогами...

— Да трясусь, яко древній Каинъ, и разверзнувшися земля да пожретъ мя яко Дофона и Авирона...

— ... пожретъ мя яко Дофона и Авирона...

— И да воспріиму проказу Гіезіеву, удавленіе Іудино и смерть Ананіи и жены его Сапфиры...

— ... удавленіе... смерть Ананіи...

Царевичъ повторялъ какимъ-то удушливымъ, обморочнымъ голосомъ, весь дрожа и шатаясь...

— И часть моя будетъ съ проклятыми діаволы,—глухо выкрикивала Софья.

Царевичъ не кончилъ клятвы... Онъ зашатался и упалъ на полъ.

II.

На другой день послѣ всешутѣйшаго собора царь уже скакалъ на сѣверъ, къ морю, къ дорогому, недавно только пріобрѣтенному клочку земли, который непосредственно соприкасался съ этой, неоцѣнимой никакими сокровищами міра стихіей, съ горькою, какъ горе людское, и соленою, какъ ихъ слезы, морскою

водою, открывавшею ему путь во всѣ концы вселенной. Въ Москвѣ онъ чувствовалъ себя неспокойно, тоскливо. Въ Москвѣ ничто не развлекало его, даже шумный всешутѣйшій соборъ, на которомъ мысль его уносилась куда-то далеко-далеко—или къ невозвратной молодости, которую словно бы украли у него съ шестнадцати лѣтъ вмѣстѣ съ грезами юности, а взамѣнъ ихъ дали лишь корону и тяжелую порфиру, или къ невѣдомому, но полному славы и величія будущему. Ему все казалось, что и этотъ дорогой клочекъ земли, этотъ лучшій алмазъ въ его коронѣ украдутъ такъ же, какъ украли его молодость съ ея золотыми грезами, и оставятъ его опять съ одной Москвой, этой постылой старухой, и улыбки, и ласки, и привѣтствія которой ему опротивѣли до тошноты, какъ ласки постылой, заточенной имъ въ монастырь Авдотьи-царицы.

Для скорости онъ взялъ съ собою только Меншикова да Павлушу Ягужинскаго. Дорога отъ Москвы-рѣки, этой грязной клоаки, въ которой не только ему, гиганту, но и воробью по колѣна, дорога отъ Москвы до Невы многоводной казалась ему нескончаемою. На всѣхъ ямахъ ставили подъ царя лучшихъ лошадей—чертей-коней; на козлы садились ямщики, которые могли перегоняться съ вѣтромъ и птицею; а царь все торопилъ коней до загона, ямщиковъ до одури.

— Когда же это люди дойдутъ до того, что летать будутъ?—говорилъ онъ какъ бы про себя, глядя въ синюю даль.

— Дойдутъ, государь, скоро,—отвѣчалъ Меншиковъ, зная, что отвѣчать надо было во что бы то ни стало, какъ бы ни былъ замысловатъ вопросъ.

— А когда?—нетерпѣливо добивался царь.

— Когда больше будетъ такихъ царей, какъ ты.

Царь улыбнулся. Онъ зналъ грубую, топорную подчасъ ловкую находчивость своего Алексашки.

— Не царей... Однихъ царей для сего мало,—сказалъ онъ раздумчиво,—а когда всѣ будутъ работать, какъ ихъ царь... Вонъ мозоли.

И онъ показалъ широчайшую, массивную ладонь, загрубѣлую, покрытую мозолями.

— Это не мозоли, государь, а камни многоцвѣтные,—тихо сказалъ Меншиковъ.

Павлуша Ягужинскій, сидѣвшій въ томъ же экипажѣ, пови-

димому, не слушалъ, что говорилъ царь съ своимъ любимцемъ. Но это только такъ казалось: у Павлуши былъ слишкомъ музыкальный слухъ, который схватывалъ не только слова царя, но и первную музыку его голоса, и въ то же время слышалъ свистъ встрѣчнаго воздуха... Только глаза его задумчиво бродили по отдаленнымъ предметамъ, видиѣвшимся на горизонтѣ, а мысль по временамъ забѣгала далеко на югъ, въ садъ Диканьки, гдѣ ему предстало видѣніе въ цвѣтахъ...

— А ты какъ думаешь, Павелъ; будутъ люди летать?—обратился къ нему царь.

— Будутъ, государь,—отвѣчалъ юноша, скользнувъ своими мягкими глазами по стальнымъ глазамъ царя.

— Почему ты сіе знаешь?

— Потому, государь, что люди умнѣе птицъ.

— Хвалю, умно...

Царь несказанно радовался, снова увидавъ Неву и возникающій городъ, любимое дѣтище его сердца. Словно изъ-подъ земли выростали крѣпостныя стѣны. Гранитныя плиты точно сами собой громоздились одна на другую... Нѣтъ, не сами собой... Вонъ весь невскій берегъ усыпанъ человѣческими тѣлами, прикрытыми... сѣрымъ, безцвѣтнымъ, безобразнымъ лохмотьемъ... То рыжая, никогда ничѣмъ, кромѣ корявыхъ пальцевъ, нечесанная борода торчитъ къ голубому, хотя сѣверному, но теперь душному, морящему небу; то печется на жаркомъ солнцѣ, вся въ пыли отъ щебня, косматая голова, которая всего разъ, только въ купели, была до-чиста вымыта, а потомъ было некогда мыть ее; то глядитъ на это жаркое солнце голая колѣнка сквозь продранные порты; то истрепавшійся лапоть, столь же чистый, какъ прибрежная грязь, отдыхаетъ послѣ каторожной гонки съ берега на крѣпостную стѣну, со стѣны въ сырую канаву... Эта сѣрая куча тѣлъ человѣческихъ, зипуновъ, лаптей, тачекъ, лопатъ, рогожъ, изодранныхъ рубахъ и портовъ, это титаны, воздвигающіе новую столицу своему великому царству, титаны, которые, похлебавъ чистой невской воды съ нечистыми сухарями, теперь отдыхаютъ въ жаркій полдень подъ стѣнами возводимой ими крѣпости.

А немного выше возводимой гранитной твердыни уже высится небольшая, на-скоро сколоченная деревянная крѣпостца съ шестью бастіонами.

— Это первое логовище медвѣдя,—весело сказалъ царь, стоя на одномъ изъ бастіоновъ.

— Россійскій Капитолій, государь,—подсказалъ находчивый Павлуша, который прилежно читалъ исторію.

— Такъ, такъ, Павелъ, и гуси въ немъ будутъ?

— Не знаю, государь.

— Я сюда изъ Москвы навезу гусей въ бородахъ, пускай не спятъ по ночамъ, какъ тѣ гуси, что Римъ спасли, да стерегутъ мой Капитолій... А кто-жъ у насъ Манліемъ будетъ, ты, Данилычъ?

Меншиковъ не нашелся, что отвѣчать, какъ ни былъ находчивъ: онъ не зналъ исторіи.

— Чѣмъ государь изволитъ указать быть, тѣмъ и буду,— уклончиво сказалъ онъ.

— А ты знаешь, кто былъ Манлій Капитолійскій?—спросилъ царь.

— Не знаю, государь.

— Ну, да тебѣ не до ученья было... Ты у меня и безъ того молодецъ... Прежде сего ты зналъ токмо «пироги-горячи», а нынѣ мы съ тобой «законы горяченьки» печемъ... Я назначаю тебя губернаторомъ сей новой моей столицы.

Меншиковъ сталъ на колѣни и поцѣловалъ руку царя.

День былъ ясный, жаркій. Широкая лента голубой воды катилась подъ ногами царя, у стѣнъ бастіона. Видно было ровное Заневье съ зелеными лугами, окаймленными темнымъ боромъ; Заневье, со стороны крѣпости, гдѣ нынѣ Адмиралтейская сторона. Все это было пустынно, мрачно. Острова также представляли собою глухую лѣсную пустыню... Задумчиво глядѣлъ царь на открывавшіеся передъ нимъ виды...

— Россія будетъ вспоминать Петра вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ... Коли Богъ благословитъ мои начинанія, я сюда перенесу престолъ царей россійскихъ: и будетъ шумъ жизни и говоръ людской, идѣ же не бѣ. Храмы и дворцы воздвигнутся, идѣ же мохъ одинъ зеленѣетъ... Будетъ на семъ мѣстѣ новый Римъ, и память о Петрѣ пронесется изъ рода въ родъ.

Петръ говорилъ это съ глубокой задушевностью, потому что то, что говорилъ онъ, было его завѣтнымъ вѣрованіемъ, мечтою, наполнявшею всю его жизнь. Да и какъ могло быть иначе? Изъ-за чего же онъ работалъ, какъ каторжный, физически, му-

скульно и умственно, работалъ, не давая себѣ ни на день, ни на часъ роздыху, работалъ, словно водовозная лошадь въ пожаръ, когда имѣлъ всѣ способы наслаждаться жизнью, развлекаться соколиною охотою по примѣру блаженныя памяти родителя своего, тишайшаго и благочестивѣйшаго царя Алексѣя Михайловича всеа Руссіи? Изъ-за чего онъ не досыпалъ ночей, не доѣдалъ лакомаго царскаго куска, не зналъ покою ни днемъ, ни ночью? Ради чего онъ грубилъ свои державныя руки, натруживая ихъ до опухолей, до мужицкихъ мозолей? Конечно, не ради притворства. Да и передъ кѣмъ, да и для чего ему было притворяться? Не передъ кѣмъ, не для чего... Можно не соглашаться съ историками въ оцѣнкѣ этой необыкновенной между людьми личности—за и противъ; можно оспаривать пользы, принесенныя имъ странѣ; можно не одобрять пріемы его дѣятельности; можно итти еще дальше, вслѣдъ за славянофилами. Но онъ работалъ, конечно, во имя своихъ идеаловъ.

— Я перенесу сюда мощи предка моего, благовѣрнаго князя Александра Невскаго... Кости его возрадуются здѣсь, видя, что слѣды славной викторіи, одержанной имъ четыре съ половиною вѣка назадъ, не забыты его потомками.

Въ это время изъ Малой Невы выплыла небольшая рыбацкая лодка и видимо приближалась къ бастіону, на которомъ стоялъ царь. Виднѣлась только сгорбленная спина работавшаго на веслахъ старика и обнаженная бѣлая, какъ лунь, голова.

Лодка причалила къ берегу, а изъ нея вышелъ старикъ и, приблизившись къ валу, палъ ницъ на землю.

— Это, кажись, старый знакомый?—сказалъ царь, всматриваясь въ старика.

— Я не узнаю его, государь,—отвѣчалъ Меншиковъ.

— Рыбакъ, новгородецъ,—подсказалъ Павлуша Ягужинскій, у котораго была изумительная память.

— Онъ, онъ,—подтвердилъ царь,—Двоекуровъ, что проходъ намъ въ Мыю показалъ и первой нашей морской викторіи своимъ указаніемъ способствовалъ... Что онъ?

Старикъ все лежалъ на землѣ. Царь вмѣстѣ со своими спутниками сходитъ съ бастіона и приближается къ распростертому на землѣ старцу.

— Встань, старичокъ,—говоритъ царь ласково.—Что тебѣ нужно?

Старикъ поднимаетъ сѣдую голову отъ земли и остается на колѣняхъ. Старые глаза свѣтятся радостью.

— Здорово, Двоекуровъ!

— Буди здравъ, царь-осударь, на многая лѣта!—дребезжитъ разбитый старческій голосъ.

— Что скажешь?

— Сижкомъ кланяюсь твоему царскому величеству.

— Спасибо, дѣдушка... Чѣмъ ты сказалъ?

— Сижкомъ, царь-осударь... Сига пымалъ тебѣ во здравіе...

Но вдругъ лодка, стоявшая у берега, поплыла сама собой: ее что-то тянуло вглубь рѣки. Старикъ, всплеснувъ руками, отчаянно заметался.

— Охъ, Владычица-Троеручица! Охъ, ушелъ разбойникъ! Ой, батюшки!

И старикъ бросился въ воду, стараясь догнать лодку... Лодка удалялась все дальше и дальше. Старикъ отчаянно бился въ водѣ, поспѣшая за лодкой: сѣдая голова нѣсколько разъ окуналась въ воду и снова показывалась на поверхности. Моментъ былъ рѣшительный, старикъ тонулъ.

— Онъ тонетъ!—крикнулъ царь и бросился къ водѣ, Меншиковъ за нимъ.

— Государь! Что ты дѣлаешь? Караулъ!

Въ этотъ моментъ, откуда ни возьмись, яликъ съ двумя матросами, которые, взмахнувъ веслами, разомъ очутились около утопающаго старика. Одинъ изъ нихъ, схвативъ показавшіеся на поверхности рѣки сѣдые волосы, приподнялъ утопающаго, не давая ему снова окунуться въ рѣку. Другой гребъ къ берегу. Старикъ, немного опомнившись, горестно застоналъ:

— Охъ, Владычица! Охъ, Троеручица! Сигъ ушелъ... Сигъ ушелъ съ лодкой...

Старика вытащили на берегъ, но онъ опять лѣзъ въ воду, повторяя: «Сигъ ушелъ... лодку увелъ... охъ, батюшки!»..

Царь, сообразивъ, въ чемъ дѣло, приказалъ одному матросу поберечь старика, а другому велѣлъ догонять рыбацкую лодку, уплывшую по волѣ сига-разбойника... Старикъ продолжалъ метаться и стонать жалобно.

Но лодку скоро привели, и разбойника-сига вытащили изъ воды. Это былъ дѣйствительно разбойникъ-сигъ необыкновенной величины: будучи привязанъ за жабры къ лодкѣ, онъ силою

своею увлекъ ее въ глубь рѣки и чуть не утопилъ несчастнаго старика, какъ бы въ отмщенье за то, что тотъ поймалъ его въ свои сѣти и привелъ къ царю, кланяясь своей добычей.

Петръ былъ радъ, что все кончилось благополучно, и любовался великаномъ-сигомъ, котораго съ трудомъ удерживали два матроса. Спасенный отъ смерти старикъ, любуясь на великана-царя и почти столько же на великана-сига, плакалъ радостными, старческими-мелкими слезами, поминутно крестясь и шамкая беззубымъ ртомъ.

— Спасибо, спасибо, дѣдушка!—благодарилъ царь.—Вотъ такъ рыба-богатырь! Да онъ больше моего Павлуши...

Павлуша Ягужинскій обижается этимъ сравненіемъ...

— Нѣтъ, государь, я больше...

— Ну-ну, добро... Ай, да богатырь! Да это что твой шведскій корветъ, что мы съ тобой, дѣдушка, взяли...

— Точно-точно, царь-осударь.

— Да какъ ты его осилилъ, старикъ?

— Оманомъ-оманомъ, царь-осударь, осилилъ подлеца... Сколько сѣтей у меня порвалъ, я-и!..

— Ну, знатную викторію одержалъ ты надъ шведомъ-сигомъ, старикъ. Похваляю.

Старикъ, радостно осклабляясь, качалъ головой и разводилъ руками.

— А еще хотѣлъ у меня купить ево, голубчика... Нѣтъ, думаю, повезу царю-батюшкѣ...

— Кто хотѣлъ купить?—спросилъ царь.

— Онъ, швединъ, осударь...

— Какой швединъ? Что ты говоришь?—встрепенулся царь.

— Швединъ, царь-осударь... Онъ, значитъ бы, съ кораблемъ пришелъ, а корабъ-отъ у Котлина острова оставилъ... Чухонцы ево ко мнѣ на тою лодкой привезли... Чухна и говоритъ: «продай ему рыбу-то, а не продашь, онъ даромъ возьметъ»... А онъ, швединъ, и говоритъ: «я-де, чу, не московская собака, чтобъ чужое даромъ брать»... Такъ меня это, осударь-батюшка, словно рогатиной подъ сердце ударило... Я и говорю: «русскіе-де, говорю, православные люди, а не собаки, и сига-де вамъ моего не видать»... Такъ только смѣются...

— Гдѣ жъ ты ихъ видалъ?—тревожно спрашивалъ царь.

— У лукоморья у самаго, царь-осударь, тамъ, за островомъ:

— А корабль ихъ гдѣ?

— У Котлина острова стоитъ... Чухна сказывала: шанецъ стало быть, острогъ на Котлинѣ рубить хотятъ...

Царь былъ неузнаваемъ. За минуту ровный, ясный, спокойный взглядъ его теперь горѣлъ лихорадочнымъ огнемъ. Лицо его поминутно передергивалось... Еще въ Москвѣ, во время празднествъ и всешутѣйшаго собора, его мучила неотвязчивая мысль объ этомъ проклятомъ Котлинѣ: этотъ маленькій огрудокъ въ лукоморьѣ, этотъ прыщикъ на поверхности взморья можетъ превратиться въ злокачественный вередъ и гдѣ же? У самаго сердца... Сердце! У него нѣтъ своего сердца, вмѣсто сердца у него слава Россіи... Когда онъ прощался съ круглоглазой, курносенькой Мартой и слышалъ, какъ колотится у него подъ мозолистой рукой ея маленькое, робкое сердце, онъ и тогда думалъ объ этомъ Котлинѣ...

«А они хотятъ тамъ шанцъ возводить... новый ніеншанцъ... нарывъ у самаго моего сердца... Такъ не бывать сему»!—клокотало въ душѣ встревоженнаго царя.

Въ ту же ночь Петръ, въ сопровожденіи Меньшикова, Павлуши Ягужинскаго, стараго рыбака-Двоекурова и дюжины матросовъ, пробрался на небольшомъ катерѣ къ самому Котлину и, пользуясь начинавшимися уже сумерками, вышелъ на островъ. Шведскаго корабля тамъ уже не было, потому что онъ, изслѣдовавъ бѣгло берега острова, вышелъ въ открытое море, воспользовавшись первымъ благопріятнымъ вѣтромъ.

На взморьѣ старикъ Двоекуровъ не утерпѣлъ, чтобы не показать то мѣсто, гдѣ онъ поймалъ сига-великана.

— Отродясь, батюшка-осударь, такого богатыря не видывалъ,—умилялся старый рыбакъ.

— Это онъ изъ моря пришелъ поглядѣть на богатыря-царя,— пояснилъ Меншиковъ.

— Точно-точно, батюшка бояринъ.

А Петръ, сидя у руля и всматриваясь въ туманныя очертанія острова и берега Финскаго залива съ его темнозелеными возвышенностями и крутыми взлобьями, мечталъ: «Тутъ у меня будетъ крѣпость «Парадизшлюссъ» ключъ къ раю россійскому или «Кронштлюссъ» ключъ къ коронѣ россійской... или «Крон-

штадтъ».. А тамъ я возведу «Петергофъ»—мою резиденцію, а тамъ — «Алексисгофъ», а около «Петергофа» — «Мартенгофъ».. Какіе добрые, нѣжные глаза... Нѣтъ, она не будетъ называться Мартой—непригоже... А лучше бы Клеопатра... нѣтъ, я не Антоній, не промѣняю царства на бабьи глаза.

Море положительно вдохновляло его. Тихій прибой волнъ и плескъ воды у крутыхъ реберъ плавно скользившаго по заливу катера казались ему музыкой. На морѣ онъ забывалъ и дѣтей, и семью... Да и какая у него семья! Ни онъ вдовецъ, ни онъ женатый... Сынъ—выродокъ какой-то... моря не любитъ, войны не любитъ... Ему бы не царемъ быть, а черноризцемъ...

И опять охватываютъ его грезы, величавыя думы...

«Тутъ упрусь плечами, яко Атлантъ миѳологійный, и на плечахъ моихъ будетъ полміра, а ногами упрусь въ берега Дуная, гдѣ сидѣлъ прадѣдъ мой, великій князь Святославъ... Онъ плечами доставалъ Кіева и Новгорода, а я—на Невѣ крикну, а на Дунаѣ мой голосъ услышатъ... Карла я вытолкаю за море, къ варягамъ, правую и лѣвую Малороссію солью воедино... Мазепа и Палій будутъ моими губернаторами... А тамъ, что Богу угодно будетъ...»

И неугомонная мысль его переносится въ Воронежъ, къ Дону, гдѣ строятся корабли для войны съ турками... Вспоминается изможденное, кроткое, святое лицо Митрофана, епископа Воронежскаго, котораго царь такъ полюбилъ за умъ свѣтлый, воспріимчивый, за обаятельную чистоту сердца и за положительную святость, какой онъ еще не видалъ на землѣ.

«Онъ благословилъ меня на агарянъ... святой старикъ!..

«Се азъ на тя, Гогъ, и на князя Росъ, Мосоха и Ѳовеля и обращу тя окрестъ, и вложу узду въ челюсти твоя...» Я не забуду этихъ словъ его изъ пророка Іезекіиля... «Недаромъ народъ боготворитъ его, при жизни молебны ему служитъ...»

Катеръ присталъ къ берегу острова Котлина. Островъ небольшой, низменный, съ небольшими взлобинами, кое-гдѣ покрытый лѣсомъ, кое-гдѣ осокой. Окружавшее его море было тихо, и только небольшая зыбь нагоняла на берегъ едва замѣтныя, сонныя волны. Уже совсѣмъ разсвѣло, когда пловцы вышли на берегъ, и проголодавшіяся за ночь птицы уже рѣяли надъ водою, ища себѣ пищи. Выкатывавшееся изъ-за гори-

зонта солнце золотило уже верхушки финляндскаго побережья... То была шведская земля...

Петръ, стоя на возвышеніи, задумчиво глядѣлъ на море, на вырѣзывавшіеся вдали, вправо и влѣво, возвышенные берега... Виднѣлось даже что-то похожее на устье Невы... Петру грезилось на-яву, что онъ видитъ уже тамъ, на мѣстѣ заложеннаго имъ городка, золотыя маковки церквей, упирающіеся въ небо кресты, какой-то гигантскій, необычайный, какъ безконечная свайка иглообразный шпицъ съ ангеломъ и крестомъ на золотомъ яблокѣ... Безчисленныя, словно лѣсъ, черныя мачты кораблей съ флагами изъ синихъ, бѣлыхъ и красныхъ широкихъ полосъ...

— Ишь, островокъ махонькой, словно бы проранъ въ иглѣ,—шамкалъ старый рыбакъ, топчась на мѣстѣ и благоговѣйно взглядывая на царя.

— Что говоришь, старикъ?—спрашиваетъ царь, очнувшись отъ грезъ.

— Островочекъ, говорю, осударь, махонькой, проранъ, чу, въ иглѣ...

— Проранъ?

— Проранъ, царь-осударь, куда нитку вдѣваютъ...

— Да, правда твоя, старикъ: это точно, игольное ушко...

— Игольное, осударь, игольное...

— И кто войдетъ въ сіе игольное ушко, вельбудъ ли шведскій, я ли, тотъ и будетъ въ царствіи небесномъ, въ «парадизѣ» сирѣчь...

— Точно-точно, осударь,—шамкаетъ старикъ, не понимая словъ царя и его иносказаній.

А Меншиковъ и Павлуша Ягужинскій хорошо понимаютъ его... Котлинъ—это дѣйствительно игольныя уши къ Петербургу, къ новой столицѣ русской...

— Вдѣнь же, государь, нитку въ ушко, благо ушко свободно,—иносказательно говоритъ Меншиковъ.

— Нынѣ же нитка будетъ вдѣта,—отвѣчаетъ царь.

Тутъ же на возвышеніи, откуда онъ осматривалъ море и его окрестности, царь велитъ матросамъ оголить отъ вѣтвей росшую одиноко, стройную сосенку. Когда сосенка была очищена, Петръ велитъ снять съ катера бѣло-красно-синій флагъ и

водружаетъ его на верхушкѣ сосенки. Потомъ на стволѣ дерева собственноручно вырѣзываетъ матросскимъ ножомъ:

На сей горсти земли, данной мнѣ Богомъ, созижду охрану царства моего. Anno 1703. Piter.

Оглянувшись, царь увидѣлъ, что Павлуша Ягужинскій сидитъ у подножія холма, глубоко опустивъ свою черную голову.

— Павлуша!—окликаетъ его царь.

Юноша съ трудомъ поднимаетъ голову и смотритъ на царя помутившимися глазами.

— Ты спишь, Павелъ?

— Нѣту, государь,—отвѣчаетъ слабый. болѣзненный голосъ.

— Такъ что съ тобой?

Юноша силится встать на ноги, приподнимается и снова въ изнеможеніи опускается на землю. Съ безпокойствомъ приближаются къ нему царь и Меншиковъ. Голова Павлуши падаетъ на сырой песокъ.

— Павелъ... Павлуша...—царь съ участіемъ нагибается къ нему.

— Онъ занемогъ, государь... Весь въ огнѣ,—тихо говоритъ Меншиковъ, дотрогиваясь до головы юноши.

— Ахъ, Господи! Печаль какая!

И откуда у суроваго, желѣзнаго Петра столько ласки, столько нѣжности въ голосѣ, привыкшемъ повелѣвать, посылать на смерть, подъ пули, на плаху! Откуда?.. Да вѣдь ему, которому принадлежало полъ-Европы, некого было любить, некого жалѣть, не надъ кѣмъ склониться съ нѣжностью и плакать теплыми слезами... Не надъ кѣмъ!.. Сынъ!.. Э! Да Богъ съ нимъ... не такой онъ... А въ этомъ мальчикѣ десять, двадцать такихъ сидитъ, какъ сынъ... Золотая голова, золотой глазъ...

Царь опускается на колѣни, нѣжно и съ боязнью глядитъ на молодое лицо, упавшее на песокъ...

— Павлуша... дружокъ... Господь надъ тобой...

Желѣзныя руки бережно приподымаютъ юношу... Какъ маленькаго ребенка великанъ прижимаетъ его къ груди... Горячая голова Павлуши валится съ плечъ...

— Господи!.. Скорѣе бы въ городъ... лѣкаря... Катеръ живѣе!

И царь несетъ своего любимца къ катеру, быстро входитъ

въ него, велитъ застлать полъ лодки плащами, парусомъ, кафтанами и бережно кладетъ на нихъ больного...

Катеръ быстро скользитъ по гладкой поверхности моря. Царь, сидя у руля, не спускаетъ глазъ съ больного юноши, который мечется въ жару...

— Мазепа гетманъ... змѣи въ глазахъ... Цвѣты, цвѣты, море цвѣтовъ... Кочубей... Мотря, въ волосахъ цвѣты... а тамъ змѣи...

— Бредитъ Малороссіей...

Да, юноша не вынесъ утомленія, безсонныхъ ночей, гонки изъ конца въ конецъ Русской земли, массы подавляющихъ впечатлѣній, крови... онъ уже видѣлъ кровь сраженій... Что выносили желѣзныя тѣла и желѣзныя души царя и Меншикова, того не вынесъ хрупкій организмъ и незакалившійся еще духъ мальчика, будущаго желѣзнаго человѣка...

III.

Поразительное, невиданное зрѣлище представляла Русская земля въ годъ заложенія Петербурга и Кронштадта—1703 годъ. Если бы существовало на землѣ всевидящее око и всеслышащее ухо, то увидало бы оно и услыхало то, что «не лѣть есть человѣку глаголати».

Непрестанный стукъ топоровъ и визжанье пилъ оглашаютъ всю Русскую землю отъ Невы до Дуная почти, до Дона и до дальнихъ изгибовъ Волги. Это Русская земля строитъ корабли. Все царство раздѣлено на «кумпанства» для корабельнаго строенія. Вотчинники свѣтскіе и духовные, помѣщики и гостиные люди, люди торговые и мелкопомѣстные слагаются въ «кумпанства» и строятъ по одному кораблю: свѣтскіе—съ десяти тысячъ крестьянскихъ дворовъ, духовные—съ восьми тысячъ, а гости и торговые люди строятъ сами собой двѣнадцать кораблей...

И вотъ стучатъ топоры, и визжатъ пилы по всему царству, пугая своимъ гамомъ и птицъ, и звѣрей, и людей, которые разлетаются по лѣсамъ и полямъ, прячутся въ норы, трущобы и извины, убѣгаютъ въ степи, скиты, въ пустыни и зарубежъ Русской земли... Стучатъ топоры, сколачивая неуклюжіе «баркалоны» громаднѣйшія сорока и пятидесятипушечныя суда во сто

и болѣе футовъ длиною... Сколачиваются и «барбарскія» суда, и «бомбардирскія», и «галеры»—еще громаднѣе первыхъ... Вся Русская земля превратилась въ топоръ, въ пилу, въ лопату, въ тачку, въ горнъ—для литья пушекъ, въ фискала—для собиранія податей на великое дѣло, въ рекрутское присутствіе—для обращенія всей молодой Россіи въ новобранца...

— Эко стукъ-отъ, Господи! — бормоталъ Ѳомушка юродивый, бродя въ Воронежѣ по верфи, гдѣ торопились строить новые корабли въ ожиданіи царя.

Ѳомушка прибрелъ въ Воронежъ для поклоненія святителю Митрофанію, о подвижнической жизни котораго пронеслась великая слава по всей русской землѣ.

— До неба, до престола Божія стукъ этотъ доходитъ... Корабли, все корабли, ковчеги великіе, словно передъ всемірнымъ потопомъ... Быть потопу великому...

Такъ каркалъ юродивый, окидывая изумленными глазами то, чего онъ въ Москвѣ никогда не видывалъ. Такъ каркали многіе на Руси въ то время... Да и нельзя было не каркать...

Только къ зимѣ, по окончательномъ выздоровленіи Павлуши Ягужинскаго, Петръ могъ выѣхать изъ Петербурга, надежно укрѣпивъ его и заложивъ у Котлина фортъ Кроншлотъ, и поспѣшилъ въ Воронежъ. Тамъ ожидали его построенные за лѣто и вновь начатые постройкою корабли. Тамъ же ожидалъ его новопостроенный хитрыми нѣмецкими мастерами при помощи русскихъ плотниковъ и каменьщиковъ небольшой дворецъ, обращенный фасадомъ къ рѣкѣ, на берегу которой вотъ уже нѣсколько лѣтъ кипѣла египетская работа—построеніе великихъ кораблей, этихъ ковчеговъ будущаго спасенія Русской земли отъ потопленія русскаго могущества на сушѣ...

Не доѣзжая еще до города, Петръ услыхалъ этотъ отрадный для его слуха и сердца стукъ топоровъ и визгъ неугомонной пилы...

— Это сколачиваютъ гробъ старой, бородатой, косной Руси,—сказалъ онъ задумчиво.

Встрѣченный колокольнымъ звономъ, царь вышелъ изъ экипажа, увидавъ толпы народа и впереди ихъ престарѣлаго святителя, епископа Митрофана во главѣ духовенства, съ крестомъ въ рукѣ.

Былъ холодный день глубокой осени. Солнце ярко горѣло на

золотой митрѣ епископа и на крестѣ, который святитель держалъ окоченѣлыми отъ холода, худыми, безкровными, всю жизнь неустанно молившимися и благословляющими паству руками. На кроткомъ невыразимо симпатичномъ и страшно изможденномъ ликѣ святителя покоилась глубокая мысль, и въ добрыхъ, глубоко запавшихъ, но юношески чистыхъ глазкахъ свѣтилось что-то не отъ міра сего... Какъ ни обаятеленъ былъ видъ вновь прибывшаго царя, но народъ не спускалъ глазъ съ Митрофанія...

Петръ подошелъ къ кресту, глубоко склонивъ свою гордую, непреклонную, царственную голову... Великанъ смиренно склонялся предъ дряхлымъ, маленькимъ, кроткимъ старичкомъ... И не для простого народа это была потрясающая картина...

Павлушѣ Ягужинскому, при видѣ Митрофана-епископа, казалось, что это древній образъ сошелъ со стѣны церкви и вышелъ навстрѣчу царю... Еще не совсѣмъ оправившійся отъ болѣзни, Павлуша дрожалъ какъ въ лихорадкѣ... Онъ еще вѣрилъ...

— Буди благословенно пришествіе твое, о царю,—яснымъ, юношескимъ голосомъ говорилъ дряхлый епископъ.—Да будутъ благословенни вси пути твои и начинанія во благо Русской земли, ради счастія народа твоего вѣрнаго... Буди славенъ и препрославленъ трудъ твой, подъятый ради возвращенія отечеству невскихъ береговъ, ихъ же ороси нѣкогда кровь предковъ твоихъ и предковъ народа русскаго подъ святымъ стягомъ благовѣрнаго князя Александра Невскаго... Тѣла убіенныхъ тамо вопіяли ко Господу о возвратѣ останковъ ихъ родной землѣ... И ты, царю, возвратилъ русскія кости убіенныхъ тамо Русской землѣ, и за то молится о тебѣ святая церковь... И ты молился о душахъ ихъ, царю?

— Молился, владыко,—отвѣчалъ царь.

— Да благословитъ тебя Господь Богъ!

Епископъ широко осѣнилъ крестомъ сначала царя, потомъ народъ на всѣ четыре стороны... Высоко поднялись, за крестомъ, въ воздухъ тысячи рукъ, и какой-то радостный ропотъ, словно ропотъ волнъ, прошелъ по толпѣ отъ края до края...

— Многая лѣта, многая лѣта!—гремѣлъ хоръ во слѣдъ удалявшемуся царю.

Часть толпы бросилась за царемъ, большая же половина стѣной окружила епископа, жаждая поближе взглянуть на него, по-

лучить благословеніе, прикоснуться къ его ризамъ... Тутъ сказывалось глубокое благоговѣніе и беззвѣтная, дѣтски-неудержимая любовь къ святителю...

Да и какъ могъ народъ не любить Митрофанія! Всѣ эти тысячи и десятки тысячъ согнанныхъ со всѣхъ концовъ Россіи строителей великаго ковчега: плотники, пильщики, каменьщики, землекопы, «амо обращающіе потоки водные, камо отъ-вѣка не текли они»; этотъ бѣдный народъ, пришедшій на богомолье и терпящій отъ голода и холода, всѣ эти алчущіе и жаждущіе, странніи и обремененніи, слѣпые и хромые каждый день толпятся у архіерейскаго двора и получаютъ изъ обширной архіерейской поварни все, чего имъ, по бѣдности, не довелось ни допить, ни доѣсть... Это было всенародное кормленіе, леченіе, призрѣніе... Самъ владыко изо-дня-въ день бродилъ своими старыми, недужными ногами по оврагамъ, порамъ, трущобамъ и язвинамъ, гдѣ въ непогодь укрывались голодные и больные строители великаго ковчега, и всѣхъ ихъ кормилъ, поилъ, лечилъ, утѣшалъ, самъ падая отъ изнеможенія... Огромныя архіерейскія мастерскія были заняты день и ночь изготовленіемъ для бѣдныхъ теплой одежды и обуви... Криками радости и благословеніями встрѣчали святого старичка бабы и дѣти, едва замѣчали вдали черный клобукъ святительскій и подъ нимъ кроткое апостольское лицо, улыбавшееся дѣтямъ... О! народъ недаромъ самъ канонизуетъ при жизни своихъ любимцевъ, святителей и угодниковъ: только непосредственнымъ добромъ народу заслуживается народная слава...

Какъ ни былъ смѣлъ Ѳомушка юродивый, который даже царя не боялся, но при видѣ Митрофанія пропала вся его смѣлость и находчивость; разъ только святитель взглянулъ ему въ очи своими кроткими, дѣтски-чистыми глазами, и Ѳомушка понялъ, что угодникъ однимъ взглядомъ прочиталъ всю его жизнь, заглянулъ во всѣ сокровенные изгибы его души, выкопалъ изъ-подъ пепла прошлаго все, что даже онъ самъ давно забылъ, похоронилъ, отмолилъ у Господа...

— Охъ, страшно, страшно всевѣдѣніе святости,—бормоталъ онъ, пряча свои глаза,—разогнулася книга моя животная, листокъ по листку... Охъ, страшно, Господи!

Петръ, для котораго московскіе бородачи и черные клобуки были болѣе ненавистны чѣмъ шведы, только передъ однимъ кло-

букомъ невольно смирялся, какъ передъ олицетворенiемъ нравственной, идеальной чистоты, добра и правды, это передъ клобукомъ смиреннаго, кроткаго Митрофана. Гордый царь чувствовалъ, что въ худенькой костлявой рукѣ, благословлявшей обнаженныя головы толпы, было больше силы, чѣмъ въ его державной, мозолистой рукѣ, и не завидовалъ этому...

— Эти живыя мощи сильнѣе меня, — думалось ему, когда толпа заколыхалась, бросившись вслѣдъ за уходившимъ святителемъ,—онъ одинъ не понимаетъ своей страшной силы, точно младенецъ невинный.

Въ этотъ прiѣздъ въ Воронежъ царь особенно чѣмъ-то озабоченъ былъ даже при видѣ своихъ любимыхъ кораблей. Лицо его чаще обыкновеннаго нервно подергивалось, и Павлуша Ягужинскiй, который всегда видѣлъ его насквозь, на этотъ разъ никакъ не могъ понять причины тайнаго безпокойства своего повелителя. Одинъ разъ въ жизни онъ видѣлъ у царя почти такое же выраженiе лица съ нервными подергиваньями; но тогда глаза его метали искры гнѣва, а теперь они казались болѣе задумчивыми... То было давно, когда Павлуша былъ еще очень маленькимъ и служилъ у Головкина: то было во время стрѣлецкой расправы... Но что теперь происходило въ душѣ царя, Павлуша не могъ понять. Одно онъ замѣтилъ: когда въ этотъ разъ, проѣздомъ изъ Питербурха въ Воронежъ, они останавливались въ Москвѣ, царь нѣсколько разъ бесѣдовалъ о чемъ-то наединѣ съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, казался раздраженнымъ и разсѣяннымъ; а потомъ долго разговаривалъ о чемъ-то съ Мартою и въ разговорѣ нѣсколько разъ настойчиво произносилъ слово «пароль» и упомянулъ имя царицы Авдотьи...

На другой день царь послалъ Павлушу пригласить къ себѣ преосвященнаго по дѣлу. Около архiерейскаго дома по обыкновенiю стояли толпы, толкаясь по дѣлу и безъ дѣла. Увидѣвъ молоденькаго царскаго денщика, толпа заколыхалась, догадавшись о цѣли посольства Ягужинскаго.

— За архиреемъ идетъ отъ царя...

— Охъ свѣтики! Такъ выдетъ самъ-отъ батюшка?..

— Знамо, чу, выдетъ...

— Къ царю, ахъ, матыньки!

— Сюда, робята! Самъ выдетъ...

— Ой ли! Что ты!

— Пра! Къ царю, слышь...

Въ архіерейскомъ домѣ Ягужинскаго встрѣтилъ толстый, съ добродушнымъ лицомъ келейникъ, который тотчасъ же доложилъ о приходѣ царскаго денщика и затѣмъ, воротившись въ пріемную, просилъ его слѣдовать за собою, извиняясь, что владыка нѣсколько усталъ за службою и теперь отдыхаетъ.

Павлушу ввели не то въ кабинетъ, не то въ молельную, уставленную иконами въ дорогихъ окладахъ. У иконъ теплились лампадки, и свѣтъ ихъ, смѣшиваясь съ дневнымъ свѣтомъ, проникавшимъ въ окна, производилъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы въ комнатѣ долженъ былъ находиться покойникъ...

Павлуша почувствовалъ, какъ холодный трепетъ прошелъ по его тѣлу, въ комнатѣ дѣйствительно былъ покойникъ!.. Господи! Что это такое!

Въ переднемъ углу, головою къ образамъ, стоялъ на полу простой дубовый гробъ, въ гробу-то и лежалъ покойникъ... но онъ былъ живъ... блѣдное, усталое лицо смотрѣло изъ гроба кроткими, привѣтливыми глазами... Это былъ святитель Митрофанъ!

Павлуша окоченѣлъ на мѣстѣ...

— Миръ ти, юноше!—тихо проговорилъ голосъ изъ гроба.

Святитель силился приподняться, но не могъ отъ слабости. Келейникъ нѣжно наклонился къ нему и, какъ ребенка, приподнялъ изъ гроба... Въ гробу, въ изголовьи, лежали дубовыя стружки... Какова постель!

Святитель приблизился къ Павлушѣ и благословилъ его. Юноша съ трепетомъ и благоговѣніемъ припалъ къ худой, сухой и холодной рукѣ архіерея, который ласково глядѣлъ въ смущенное лицо посланца.

— Ты отъ царя, сынъ мой?

— Отъ царя, владыко, — былъ робкій, едва слышный отвѣтъ.—Его царское величество указалъ просить...

— Явиться къ царю?

— Да... пожаловать, святой отецъ...

— Буду, неукоснительно буду... А ты денщикъ царевъ?

— Денщикъ, святой отецъ...

— Молоденькій какой. А трепетна служба на очахъ у царя, охъ, трепетна. Близко царя, близко смерти.

Павлуша молчалъ. Что-то невыразимо доброе звучало въ го-

лосѣ святителя... это забытый голосъ матери... Павлушѣ плакать захотѣлось...

— А какъ имя твое, сынъ мой?

— Павелъ Ягужинскій, владыко.

— Павелъ Ягужинскій... не россійскаго, видно, роду?

— Я изъ Польской Украйны, святой отецъ.

— Такъ-такъ... Отъ запада пріиде свѣтъ, все отъ запада... Тамъ, на западѣ, солнце долѣе стояло, чѣмъ на востоцѣ, по повелѣнію Іисуса Навина. Такова воля Господа, нынѣ отъ запада свѣтъ,—говорилъ, словно про себя, святитель, тихо качая головой.—А намъ пора въ могилу... вотъ моя ладія, вѣчная ладія тѣла моего бреннаго...

«Да не смущается сердце ваше—вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте—въ дому отца моего обители многи суть», слышится протяжное, за душу хватающее чтеніе: это читаетъ кто-то въ сосѣдней комнатѣ.

— «Господи! Что за страшная жизнь!»—щемитъ въ душѣ у Павлуши, и онъ готовъ разрыдаться, но сдерживается.

— Доложи, сынъ мой, царю, что непомедлительно приду къ нему,—прерываетъ тягостное молчаніе архіерей.

Павлуша кланяется, и глаза его снова падаютъ на ужасный гробъ... Это страшнѣе кладбища!

Черезъ нѣсколько минутъ архіерей, въ сопровожденіи своего келейника, вышелъ изъ дома. Толпа, стоявшая у воротъ и на площади, казалась еще многочисленнѣе. Едва показался старый епископъ, какъ всѣ обнажили головы; многіе крестились. Толпа разомъ нахлынула къ своему любимцу; онъ кротко улыбнулся, поднялъ свои добрые глаза къ небу, какъ бы прося благодати у невидимой силы, и сталъ благословлять направо и налѣво: «Благодать Святаго Духа, благодать Святаго Духа, благодать Святаго Духа»...

Архіерейскій домъ отдѣлялся отъ новаго царскаго дворца только площадью, и архіерей направился къ царю пѣшкомъ, какъ онъ обыкновенно посѣщалъ норы и язвины бѣдныхъ и рабочихъ...

Царь смотрѣлъ въ окно на шествіе святителя... Что это было за шествіе! Рабочіе бросали на землю свои зипуны, бабы платки и холсты, чтобы только святыя ноги архіерея прошли по ихъ одеждѣ... Иные цѣловали слѣды этихъ ногъ, брали изъ-подъ нихъ

землю и навязывали на кресты, бабы подносили своихъ дѣтей... Только младенческій народъ такъ непосредственно умѣетъ цѣнить святость и истинную доброту человѣческую.

— Владычица! Упадетъ кормилецъ...

— Изъ гроба, чу, всталъ свѣтикъ нашъ...

— Охъ, матушки! Изъ гроба...

— Изъ дубовово, самъ, братцы, видѣлъ... и стружки въ ёмъ...

— Охъ, Господи! Касатикъ!

— Всѣ тамъ будемъ...

Архіерей, съ трудомъ пройдя площадь и вступивъ на царскій дворъ, обогнулъ дворецъ справа, чтобы подойти къ главному входу, съ фаса, обращеннаго къ рѣкѣ.

Подойдя къ подъѣзду съ опущенными въ землю глазами и потомъ поднявъ ихъ, архіерей остановился въ неподвижномъ изумленіи. На добромъ лицѣ его изобразились не то гнѣвъ, не то горечь и жалость... Дѣтски-кроткіе глаза заискрились, и онъ попятился назадъ.

— Святъ-святъ... что есть сіе!

На крыльцо выбѣжалъ Ягужинскій, чтобы встрѣтить владыку. Но тотъ стоялъ неподвижно, только голова его дрожала, и посохъ нервно ударялъ въ промерзлую землю...

— Идолы еллинскіе... Чертогъ царя, и кумиры идоложертвенные... Святъ-святъ, Господь Саваоѳъ!..

У входа во дворецъ стояли статуи. Особенно поражалъ своею величественностью Нептунъ съ трезубцемъ, болѣе другихъ любимый Петромъ классическій богъ. Тутъ же стояли Аполлонъ, Марсъ и Минерва.

Статуи эти соблазнили святителя, который считалъ «еллинскихъ идоловъ» неприличнымъ украшеніемъ для царскаго дворца. Архіерей былъ правъ со своей точки зрѣнія и сообразно византійскимъ преданіямъ, господствовавшимъ тогда въ нашей церкви.

— Куда ты меня привелъ?—и кротко, и въ то же время строго спросилъ онъ келейника.

Тотъ молчалъ. На добродушномъ лицѣ его выражалось смущеніе.

— Что это такое? Я тебя спрашиваю,—повторилъ святитель громче.

— Дворецъ, владыко...

— Не дворецъ царскій, а капище идольское...

— Ваше преосвященство!—смущенно заговорилъ Ягужинскій, приближаясь къ архіерею.—Его величество ждетъ...

Святитель вскинулъ на него своими чистыми, блестящими внутреннимъ огнемъ, глазами.

— Доложи его величеству, что служитель Бога живаго, предстоящій престолу его предвѣчному, не внидетъ въ капище языческое...

— Владыко... отецъ святой...

— Пойди и передай мои слова государю, юноша!—попрежнему кротко, но твердо сказалъ архіерей.

Ягужинскій убѣжалъ въ домъ. Архіерей продолжалъ стоять на дворѣ, опустивъ голову... Народъ, прорвавшись въ ворота, смотрѣлъ въ недоумѣніи на стоящаго у крыльца святителя...

Снова вышелъ Ягужинскій. Смущеніе и страхъ выражались на его живомъ, прекрасномъ лицѣ.

— Его величество повелѣлъ указать...—юноша совсѣмъ замялся и покраснѣлъ.

— Что повелѣлъ указать?

— Явиться къ нему... и—и (голосъ у Павлуши сорвался)—напомнить, что ожидаетъ... ослушниковъ...

— Скажи, юноша, его величеству, что я скорѣе явлюсь къ престолу Всевышняго, будучи преданъ лютой казни, чѣмъ переступлю порогъ капища сего! — громко, отчеканивая каждое слово, отвѣчалъ Митрофаній.—Я охотно приму мученическую смерть... Доложи царю, что и гробъ у меня готовъ уже...

И, быстро поворотившись, онъ вышелъ со двора, благословляя народъ... Словно море, заколыхалась площадь человѣческими головами...

Царь стоялъ у окна блѣдный, съ зловѣщими, страшными подергиваніями искаженнаго лица.

IV.

Народъ, сопровождавшій Митрофанія, былъ необыкновенно пораженъ тѣмъ, что онъ видѣлъ. Нѣкоторые видѣли только, что архіерей былъ чѣмъ-то остановленъ у входа въ царскій дворецъ и воротился назадъ съ особенной строгостью на добромъ, всепрощающемъ лицѣ, которое такъ было знакомо народу именно

въ смыслѣ всепрощенія. Другимъ удалось слышать протестующій голосъ владыки. Инымъ бросилось въ глаза изумленое и испуганное лицо юнаго царскаго денщика. Нѣкоторые, наконецъ, слышали самыя слова Митрофанія, хотя уловили ихъ безъ связи: «дворецъ»—«капище идольское»—«лютой казни»—«гробъ готовъ»... Что это такое? Кто на кого разгнѣвался? Кто кому угрожалъ? Кого ожидаетъ гробъ? Конечно того, кто менѣе силенъ въ этомъ столкновеніи. А что столкновеніе между царемъ и архіереемъ произошло, это было ясно какъ день. Но изъ-за чего? Конечно изъ-за этихъ мѣдныхъ «бѣсовъ», что поставлены при входѣ во дворецъ. Да и кто могъ не смутиться при видѣ этихъ огромныхъ мѣдныхъ дьяволовъ, что стоятъ тамъ! Еще когда только привезли ихъ откуда-то, да привезли не на простыхъ возахъ, а на какихъ-то огромныхъ каткахъ съ невиданно-толстыми колесами безъ ободьевъ и безъ спицъ, такъ и тогда народъ диву дался и недоумѣвалъ, что бы это было такое. Вѣдь шутка ли! Однѣхъ лошадей было впряжено въ эти дьявольскія колесницы по три тройки. Сначала думали было, что это царь, для потѣхи себѣ, велѣлъ привезти изъ Москвы царь-пушку да царь-колоколъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали увидѣть эти чудеса. Но когда чудеса эти корабельные плотники цѣлой артелью едва осилили стащить съ катковъ и когда стали освобождать ихъ отъ рогожъ, то изъ рогожъ показались ужасы! Тамъ нога мѣдная торчитъ, тамъ рука, да такой необычайной величины, что и не лѣть есть человѣку глаголати; плотники такъ и шарахнулись отъ нихъ съ ужасомъ, крестясь и чураясь: «чуръ-чуръ-чуръ меня! чуръ, нечистая сила!» А какъ нѣмецкіе мастера сняли рогожи съ верхнихъ частей этихъ чудищъ, и народъ увидалъ тамъ огромныя мѣдныя головы съ мѣдными волосами и мѣдными глазами безъ зрачковъ, такъ всѣмъ ясно стало, что это дьяволы, «идолы мѣдяны». Съ тѣхъ поръ такъ эти чудовища и пошли за мѣдныхъ бѣсовъ, и народъ боялся ихъ.

Теперь, когда что-то произошло между царемъ и архіереемъ, и когда архіерей, видимо хотѣвшій пойти къ царю, наткнулся на мѣдныхъ бѣсовъ и воротился назадъ, ясно стало, что все это изъ-за бѣсовъ. По городу, по рынкамъ и между рабочими артелями пошли толки самые разнообразные, самые невѣроятные. Бабы и тутъ, какъ и вездѣ, представляя собою матеріалъ болѣе воспріимчивый и болѣе горячій, оставляя въ своемъ болѣе впе-

чатлительномъ мозгу всегда свободное гнѣздилище для фантазіи, бабы уже разносили по городу цѣлыя легенды, съ неопровержимыми цитатами, что «сама-де своими глазыньками видѣла». Одна разсказывала, что «когда батюшка Митрофаній подошелъ къ мѣднымъ бѣсамъ, такъ они испужались его, угодничка, и мѣдными глазищами своими такъ и воззрились». Другая увѣряла, что когда Митрофаній «перекрестилъ ихъ, бѣсовъ, такъ у нихъ, у проклятыхъ, изъ ушей и изъ ноздрей полымя—полымя такъ и пышетъ». Третья разсказывала, что бѣсы, какъ увидали, что «къ нимъ идетъ самъ угодничекъ Митрофанушко, такъ отъ радости, мать моя, заплясали, да заплясамши-то и говорятъ: Нашъ еси, Митрофаній,—восляшемъ». Однимъ словомъ, толкамъ, догадкамъ и ужасамъ не было конца. Но все это сводилось къ одному страшному вопросу: «сказнитъ» царь Митрофанія или «не сказнитъ». Большинство было увѣрено, что «сказнитъ». Слова, сказанныя самимъ архіереемъ о «казни», о «готовомъ гробѣ», подтверждали возможность и даже неизбѣжность этого послѣдняго, трагическаго исхода.

Но еще въ большее изумленіе и ужасъ пришелъ народъ, когда къ вечеру услыхали, что самый большой колоколъ соборной колокольни ударилъ на «отходъ души». Всѣ невольно вздрогнули отъ этого звона: всѣ знали, что этотъ колоколъ звонитъ только на «отходъ священнической души». Кто же изъ поповъ соборныхъ умеръ? Недоумѣвали всѣ... За первымъ ударомъ, какъ это всегда бываетъ при звонѣ «на отходъ души», слѣдовалъ убійственно долгій промежутокъ: унылый, мрачный гулъ перваго удара все еще стоялъ, медленно замирая, въ вечернемъ воздухѣ. Ждали второго удара, напряженно ждутъ. Сколько-то разъ ударитъ? Чѣмъ больше ударовъ, тѣмъ старше попъ... Но вмѣсто повторенія удара на соборной каѳедральной колокольнѣ ударилъ колоколъ на крестовой архіерейской церкви!.. Ужасъ напалъ на богомольныхъ воронежцовъ и на весь пришлый, тысячами согнанный для корабельнаго дѣла народъ... Умеръ кто-то въ крестовой церкви; кому же больше, какъ не Митрофанію!.. Послѣ крестовой отходный колоколъ уныло ударилъ на колокольнѣ малаго собора, потомъ въ другой, въ третьей, въ четвертой церкви—всѣ воронежскія церкви ударили по разу, да такъ медленно-торжественно, пока не замиралъ послѣдній звукъ стонущаго колокола на предыдущей колокольнѣ. А тамъ снова за-

гудѣлъ большой соборный колоколъ... Опять ему отвѣтили всѣ церкви одна за другою, опять это страшное перекликанье глухо ревущей мѣди.

Что это такое? Народъ повалилъ толпами къ архіерейскому дому, слышно уже было, какъ выли и голосили бабы. Рабочіе, топоры которыхъ стучали на верфи до глубокой ночи каждый день, теперь покинули свои работы и кучами спѣшатъ на площадь. Площадь уже полна народу. Въ окнахъ архіерейскаго дома свѣтятся необычайные огни; видно, что зажжены свѣчи у всѣхъ паникадилъ, у всѣхъ образовъ. Мелькаютъ тѣни протопоповъ, поповъ и діаконовъ въ черныхъ ризахъ. Изъ самаго дома невнятно доносится погребальное, не то отходное пѣніе...

Умеръ Митрофаній, переставился угодничекъ Божій. Да и смотрѣлъ онъ уже мертвецомъ, не жильцомъ на бѣломъ свѣтѣ. Весь-то онъ уже былъ словно восковой, точь въ точь бѣлая свѣчечка восковая, и ручки-то восковыя да холодныя-холодныя! Только въ глазахъ и теплился огонекъ.

И царь въ недоумѣніи. Что за необычный звонъ на отходъ души? Чья душа отходитъ, да не мірская душа, а іерейская? Не таковъ звонъ, это звонъ большой, епископскій, это отходъ большой души, словно бы царской... Петръ невольно дрогнулъ... Подходитъ къ окнамъ—площадь залита народомъ, а въ архіерейскомъ домѣ зловѣщіе огни. Что тамъ творится?

Немедленно царь посылаетъ Ягужинскаго узнать, что дѣлается въ архіерейскомъ домѣ, по комъ это звонъ въ городѣ?

Сопровождаемый двумя рейтарами, Павлуша съ трудомъ пробивается сквозь живую стѣну мужичьихъ тѣлъ. На архіерейскомъ дворѣ тѣ же толпы, но только больше духовенства. «Посолъ отъ царя, посолъ отъ царя»! проносится глухой говоръ по площади и по двору. На лѣстницѣ также толпится духовенство, въ покояхъ тоже... Воздухъ пропитанъ куреніями... Въ крестовой идетъ служба...

— По указу его царскаго величества пропустите! — заявляетъ Павлуша своимъ отроческимъ, еще не сформировавшимся голосомъ.—Гдѣ преосвященный?.. Его величество указать изволилъ...

— Владыка въ крестовой... отходитъ, — отвѣчаетъ кто-то убитымъ голосомъ...

Кругомъ слышатся стенанія, то глухія, то неудержимыя.

— Отходитъ?.. Кончается?—растерянно спрашиваетъ Павлуша.

— Готовится на исходъ души...

Павлуша входитъ въ крестовую. Она полна духовенства. Всѣ стоятъ колѣнопреклоненные...

Юнаго царскаго посланца охватываетъ ужасъ... Среди церкви на архіерейскомъ возвышеніи стоитъ гробъ, а у гроба Митрофаній, колѣнопреклоненный, громко, предъ всею церковью, исповѣдуется въ грѣхахъ всей своей жизни и плачетъ. За нимъ плачетъ вся церковь...

— Заповѣдую вамъ, молю васъ! Тѣло мое грѣшное псамъ вверзите,—слышится Павлушѣ: это говоритъ Митрофаній.

Юноша не выноситъ этой, раздирающей душу, сцены. Еще недавно онъ самъ вынесъ жестокую горячку, которая подкосила его въ тотъ моментъ, когда неугомонный царь воздвигалъ крестъ на Котлинѣ, въ ознаменованіе закладки тамъ будущей грозной крѣпости; еще недавно метался онъ на могучихъ рукахъ царя, въ безумномъ бреду, переживая тѣ острыя боли постоянно бьющихъ по сердцу и по нервамъ впечатлѣній, неизбѣжныхъ въ присутствіи такой страшной, все опрокидывающей силы, какъ Петръ, и слишкомъ сильныхъ для такого хрупкаго организма, какъ организмъ юноши; еще не успѣлъ этотъ юноша отрѣшиться ни отъ глубокаго потрясенія, какое онъ испыталъ въ Украйнѣ, въ саду у Кочубея, при необыкновенной встрѣчѣ съ его дочкою, залитою цвѣтами, и съ этимъ смѣющимся сатиромъ съ лукавыми глазами, ни отъ сцены смерти Кенигсека, ни отъ кровавыхъ сценъ штурма Нієншанца, и вдругъ эта потрясающая сцена! Изможденный старикъ заглядываетъ въ свой гробъ... Но мало ему этого гроба: гробъ—это роскошь для него! «Вверзите псамъ тѣло мое!» Вотъ гдѣ успокоится изможденное тѣло...

Разбитый, подавленный этимъ впечатлѣніемъ, Павлуша возвращается къ царю блѣдный, растерянный...

— Ну, что тамъ? Что съ Митрофаномъ? Скончался?—спрашиваетъ Петръ, участливо глядя на своего любимца, котораго еще недавно онъ съ трудомъ отнялъ у смерти.

— Кончается, государь... У гроба исповѣдуется.. Велитъ тѣло свое собакамъ отдать... Всѣ плачутъ,—безсвязно отвѣчаетъ юноша.

— Такъ внезапно! Бѣдный старикъ, я огорчилъ его... Я хочу его видѣть...

— Нѣтъ, государь... да... успокой его...

Царь быстро проходитъ черезъ пріемную, гдѣ нѣмецкіе и голландскіе мастера-корабельщики ждутъ его съ своими докладами, чертежами, моделями, и они видимо торопятся, и они наэлектризованы неугомоннымъ кайзеромъ, куда дѣвалась нѣмецкая неповоротливость!

— Клейхъ, клейхъ, мине херенъ!—торопится царь.—Я скоро ворочусь!

— Ай-ай-ай!—диву даются нѣмцы.—Нунъ! Систъ орканъ! Ай-ай-ай!

А этотъ «ураганъ» уже несется по площади, на цѣлый аршинъ высится надъ всѣми голова великана, и народныя волны разступаются передъ «ураганомъ», площадь колышется... «Царь, царь идетъ»... Пока царь шелъ, шопотъ этотъ, обойдя всю площадь, проникъ и на архіерейскій дворъ, и въ архіерейскій домъ, и въ крестовую церковь. Понятно поэтому, что тамъ ждали царя, и когда онъ проходилъ по дому въ крестовую, то все разступалось передъ нимъ и склонялось, какъ трава подъ вѣтромъ. Но служба продолжалась; Петръ слышалъ, что въ церкви поютъ «отходъ души».

Царь вступилъ въ церковь и остолбенѣлъ отъ изумленія: на архіерейскомъ возвышеніи стоялъ гробъ, а мертвецъ, положенный въ гробъ, благословлялъ его, царя!

— Благословенъ грядый во имя Господне!—благословлялъ царя Митрофаній изъ гроба.

Царь не понималъ, что вокругъ него дѣлается; онъ видѣлъ только, что всѣ плачутъ, а тотъ, кого оплакиваютъ, глядитъ изъ гроба и благословляетъ своею мертвою рукой.

— Митрофанъ! Что есть сіе?—спросилъ Петръ, приблизившись къ гробу и глядя въ кроткое, какъ и всегда, лицо епископа.

— Творю волю цареву,—отвѣчалъ лежавшій въ гробу.

— Какую мою волю! Кто объявлялъ ее тебѣ?

— Твой денщикъ передъ лицомъ народа твоего.

— Но что онъ объявилъ тебѣ?

— То, что ослушника царевой воли ожидаетъ смерть... Я готовлюсь къ смерти, я долженъ умереть.

— Ты не долженъ этого дѣлать, жизнь твоя въ рукахъ Божіихъ.

— И въ царевыхъ... Ты изрекъ мнѣ смерть... Не мимо идетъ слово царево...

— Митрофанъ!—рѣзко сказалъ царь.—Ты смѣешься надо мной! Встань изъ гроба!

— Не встану!—отвѣчалъ старикъ.

— Встань, говорятъ тебѣ!

— Не встану!

— Послушай,—и лицо Петра исказилось,—вспомни митрополита Филиппа и царя Іоанна!

— Помню, царь... Большаго и ты не сдѣлаешь. Я умру...

Петръ отшатнулся отъ гроба. Онъ чувствовалъ, что желѣзная воля его встрѣтила волю болѣе упругую: изъ молота онъ самъ превращался въ кусокъ желѣза, и тяжкій молотъ билъ по немъ. Кто же былъ этотъ молотъ? Полумертвецъ... Петръ снова почувствовалъ, какъ чувствовалъ это утромъ на площади, что онъ безсильнѣе этой тѣни въ образѣ человѣка.

— Митрофанъ, епископъ воронежскій и задонскій!—грозно сказалъ царь.—Я повелѣваю тебѣ встать!

— И паки реку: не встану!.. Не мимо идетъ слово царево,—продолжалъ твердить упрямецъ.

— Въ послѣдній разъ говорю тебѣ, Митрофанъ... Слушай! Божіею милостію мы Петръ первый императоръ и самодержецъ всероссійскій повелѣваемъ тебѣ: встать! Это мой именной указъ...

— Именному указу я повинуюсь: я встаю,—сказалъ наконецъ Митрофаній.

Но встать онъ не могъ, силы покинули его. Онъ было приподнялся изъ гроба, перекрестился; но хилое, испостившееся и изморившееся тѣло не выдержало страшныхъ напряженій духа, и старикъ опрокинулся навзничь, ударившись головой о край гроба. Присутствующіе вскрикнули въ ужасѣ. Испуганный царь нагнулся къ несчастному и силился приподнять его...

— Прости меня, отче святый, прости!—шепталъ онъ, цѣлуя холодную руку подвижника.

— Богъ проститъ, Богъ проститъ...

— Я былъ не правъ передъ тобою... Я сказалъ необдуманное слово... Прости меня!

— Богъ да благословитъ тебя, сынъ мой.

Поддерживаемый царемъ, Митрофаній всталъ изъ гроба и, обращаясь къ присутствующимъ, сказалъ: «Отцы и братія! Царь даровалъ животъ мнѣ... Молитесь о здравіи царя». Потомъ, обращаясь къ Петру, сказалъ: «Не суди, царь, безуміе мое видимое... Ради тебя я не вступилъ во дворецъ твой: не идолы еллинскіе остановили меня, а невѣгласы... Помни, царь, на ихъ выяхъ зиждется крѣпость твоя, а я—пастырь ихъ... Крѣпко будетъ царство твое, доколѣ овцы будутъ слушать гласа пастыря своего»...

Въ ту же ночь, по приказанію царя, статуи, стоявшія у входа во дворецъ, были сняты. Это было первый разъ въ жизни Петра, что онъ покорился чужой волѣ. И кто же сломилъ этого желѣзнаго великана! Дряхлый, стоящій одною ногою въ могилѣ старичокъ.

Когда на другой день Митрофаній явился къ царю, то о вчерашнемъ происшествіи не было произнесено ни одного слова ни съ той, ни съ другой стороны. Петръ былъ еще болѣе внимателенъ къ старому святителю и казался нѣсколько задумчивымъ.

— Я хочу посовѣтоваться съ тобой, святой отецъ,—сказалъ царь.—Меня отягчаютъ и семейныя, и государственныя заботы, и я прошу твоей помощи.

Митрофаній сидѣлъ молча, наклонивъ голову и тихо перебирая чотки.

— У меня нѣтъ семьи, владыко, — продолжалъ царь.—Я одинокъ...

Митрофаній молча поднялъ на царя свои кроткіе глаза и ждалъ.

— У меня нѣтъ жены, а сынъ сердцемъ принадлежитъ не мнѣ, да онъ и не приноситъ мнѣ утѣшенія... Я помышляю вступить во второй бракъ, владыко... Благослови меня...

Митрофаній не сразу отвѣчалъ. Чотки въ рукахъ его усиленно перебирались.

— Если церковь благословитъ твой бракъ, то и я благословлю тебя, государь,—отвѣчалъ онъ наконецъ.

— Я и желаю, владыко, чтобъ церковь освятила мой бракъ...

— А кого ты избираешь царицею? Дщерь православной церкви?

— Нѣтъ, владыко...

На лицѣ Митрофанія выразилась горечь сожалѣнія... Онъ грустно покачалъ головой...

— Ошибки... все ошибки... Великія дѣла и великія погрѣшности... Величіе и слѣпота,—повторялъ онъ какъ бы про себя.— Господи, просвѣти очи царевы...

— О какихъ ошибкахъ говоришь ты, владыко?—нетерпѣливо спросилъ царь.

— Разогни книгу твоей жизни и ты увидишь ихъ,—отвѣчалъ Митрофаній.—Теперь новую ошибку хочешь вписать въ книгу жизни твоей... А ошибки царей, вѣдай, государь, кровію милліоновъ пишутся на скрижаляхъ исторіи...

— Я понимаю, владыко, о какой ошибкѣ говоришь ты,— перебилъ его царь.—Но ту, которую я намѣренъ царицею наименовать, я введу въ лоно православной церкви... Какія же другія ошибки ты разумѣешь? Не ты ли благословлялъ меня на дѣло просвѣщенія Россіи? Не ты ли однимъ словомъ твоимъ мудрымъ укрѣплялъ меня въ трудахъ моихъ? Не ты ли благословилъ борьбу мою съ Карломъ за возвращеніе земель предковъ моихъ? Не ты ли окропилъ святою водою первый корабль, который я построилъ здѣсь на твоихъ глазахъ? Не ты ли свѣтлымъ умомъ прозрѣлъ будущее величіе Россіи и поддержалъ меня, одинокаго, никѣмъ не понятаго? И я ли не любилъ тебя за это!

Петръ всталъ и нервно заходилъ по комнатѣ... Поразительный контрастъ представляла его мощная, гигантская фигура рядомъ съ тщедушнымъ тѣломъ архіеерея, который грустно покачивалъ головой, повидимому, далеко блуждая своей старческой мыслью.

— Я скоро, великій государь, предстану предъ лицомъ Бога моего... Се нынѣ здѣ, съ тобою бесѣдую, а на утро въ землю отыду, откуду же взятъ есмь... Творцу моему я повиненъ буду отчетъ дать въ томъ, все ли исполнилъ я на землѣ. Не все я исполнилъ ,государь... не все... и виною тому ты, великій государь.

— Въ чемъ же вина моя предъ тобою, владыко?—спросилъ царь.

— Имѣяй уши слышати—да слышитъ, имѣяй разумъ вѣдѣти—да вѣдаетъ, имѣяй очи сердечныя—да видитъ... А у тебя, царь, сердце слѣпотствуетъ..

— Говори же, въ чемъ?..

— Да ты не послушаешь гласа моего... Не пастырь я твой...

Петръ остановился передъ нимъ, вытянувшись во весь свой гигантскій ростъ. Лицо его дергалось, но въ огненныхъ глазахъ свѣтилась небывалая теплота.

— Послушай, владыко!—рѣзко сказалъ онъ, и голосъ его дрогнулъ.—Чего тебѣ надо отъ меня? Послушанія, любви? Да я ли не люблю тебя больше всего на свѣтѣ послѣ Россіи! Я ли не сынъ тебѣ? Я отца родного не любилъ такъ, какъ тебя люблю. Я не знаю, не вѣдаю, что это за сила въ тебѣ, духъ ли то Божій чуется мнѣ въ твоей кротости, умъ ли то божественный горитъ въ очахъ твоихъ смиренныхъ, но я всегда слушаю тебя трепетно. Ты одинъ не усыпляешь умъ мой лестію и ты одинъ—одинъ во всей державѣ моей понялъ меня, подкрѣпилъ, благословилъ... Такъ ты ли не пастырь мнѣ!

Онъ остановился, увидѣвъ, что старикъ плачетъ... Мелкія, мелкія, какъ роса утренняя,—крупныя уже давно выплаканы!—слезы, сбѣгая съ блѣднаго, худого лица, разбивались о чотки.

— Прости меня, царь,—тихо сказалъ Митрофаній,—я говорю съ тобою въ послѣдній разъ... Земля зоветъ сію земную оболочку мою (и онъ указалъ на свое изможденное тѣло),—я отхожу отъ міра сего, часъ мой приспѣ... Выслушай же меня, великій государь, Богомъ живымъ заклинаю, выслушай.

— Я слушаю,—покорно сказалъ Петръ.

— Великія бѣдствія, царь, готовишь ты державѣ твоей въ сердцѣ твоемъ: сердце твое отвратилось отъ сына, а онъ—не Авессаломъ. Помни это!—сказалъ Митрофаній.—Слезы нелюбимаго отольются горчайшими слезами на любимомъ. Въ новомъ бракѣ твоемъ, царь, я предвижу горе для сына твоего.

Царь слушалъ, задумчиво склонившись на руку и, повидимому, прислушиваясь къ стуку топоровъ и визгу пилъ, доносившихся съ пристани.

— Напрасно, владыко, я люблю Алексѣя,—сказалъ царь попрежнему задумчиво,—только онъ не любитъ моего дѣла.

— Оттого, что ты его не любишь.

— Не знаю, но онъ назадъ глядитъ, а не впередъ.

— А потому, что назади у него образъ матери...

Лицо Петра подернулось.

— Не напоминай мнѣ царицу Авдотью,—сухо сказалъ онъ.

— Я напоминаю тебѣ все, что велитъ мнѣ совѣсть моя, я иду отдавать отчетъ Богу и царю моему и твоему... Ты вспомнишь меня въ самые тяжкіе часы твоей жизни и тогда увѣруешь въ слова мои: въ кого ты душу свою положишь, царь, отъ того душа твоя прободена будетъ...

— Отъ кого же?—живо спросилъ царь.

— Я не знаю, я не пророкъ: я не имена говорю тебѣ, а заповѣди человѣческія.

Въ это время въ кабинетъ, гдѣ сидѣли царь и Митрофаній, вошелъ Павлуша Ягужинскій и остановился у двери. Лицо юноши было необыкновенно оживлено, на щекахъ игралъ румянецъ, въ глазахъ свѣтилось что-то особенное.

— Ты что, Павелъ?—спросилъ царь, пристально вглядываясь въ лицо своего любимца.

— Посланцы, государь, отъ гетмана Мазепы пріѣхали.

— Кого прислалъ онъ?

— Енеральнаго судью Василія Леонтьевича Кочубея съ бунчуковыми товарищами.

— Добро... Скоро приму ихъ... А ты что такой веселый?—неожиданно спросилъ царь.

Павлуша смѣшался, еще болѣе и покраснѣлъ и готовъ былъ провалиться сквозь землю.

— Я... ничего, государь... такъ,—бормоталъ онъ.

— Не такъ, я знаю тебя, ну!—настаивалъ царь.

— Я, государь, Диканьку вспомнилъ (Павлуша зналъ, что солгать царю нельзя было—допытается)... Тамъ въ саду такъ хорошо... и Кочубей тамъ, и Мазепа...

Но юноша не досказалъ: не Кочубей и не Мазепа—вспомнились ему въ этихъ цвѣтахъ,а Мотря; только о Мотрѣ онъ не сказалъ царю... А между тѣмъ эта Мотря прислала съ отцомъ поклонъ ему, Павлушѣ... Вотъ отчего горятъ его щеки...

Царь улыбнулся, а Митрофаній, глядя своими кроткими глазами на Павлушу, съ любовью шепталъ: «Дитя... сихъ бо есть царство Божіе»...

«Она не забыла меня», билось радостно сердце Павлуши, и щеки его еще пуще горѣли.

V.

Прошло три года послѣ описанныхъ нами событій. Петръ продолжалъ войну съ Карломъ XII; положеніе дѣлъ годъ-отъ-году становилось съ обѣихъ сторонъ напряженнѣе, и грозный, никому невѣдомый исходъ этой роковой борьбы тѣмъ болѣе обострялся, что напряженіе силъ и съ этой, и съ другой стороны, можно сказать, уже переходило за предѣлъ упругости; сталь событій, если можно такъ выразиться, не тамъ, такъ здѣсь должна была лопнуть. Петръ ни за что не думалъ уступать Балтійское море и лихорадочно работалъ надъ укрѣпленіемъ Петербурга и ключа къ нему—Котлина съ нововозведенной крѣпостью Кронштадтомъ. Для этой борьбы Россія должна была нести страшныя, небывалыя жертвы: для того, чтобы достать средства на войну, царь обложилъ налогами и землю, и воду, живыхъ и мертвыхъ. Обложена была податью даже борода—отъ 30 до 100 рублей, смотря по человѣку, что на наши деньги составляетъ тысячный налогъ на одну бороду. Рабочіе, приходившіе въ городъ для заработковъ, должны были платить по двѣ деньги всякій разъ, какъ входили въ городскія ворота и заставы или выходили изъ нихъ, если были съ бородами. Зипунъ, армякъ, чапанъ, однорядь—всякое русское платье, входившее въ городъ, платило 13 алтынъ 2 деньги, когда оно входило въ городъ пѣшимъ, и 2 рубля—коннымъ. Каждый мужикъ, идя въ городъ, долженъ былъ нести въ казну три камня для мощенія улицъ. Дубовые гробы были отобраны у продавцовъ и продавались четверною цѣною богатымъ и благочестивымъ людямъ для ихъ мертвецовъ. Рекрутскіе наборы чуть не превратились въ поголовщину.

Можно по этому судить о напряженіи народныхъ силъ.

Нравственное напряженіе отражалось и на каждой отдѣльной личности, а иныхъ привело къ роковому концу. Царь сталъ еще суровѣе, чѣмъ былъ. Отношенія его къ сыну сдѣлались еще болѣе натянутыми, особенно съ тѣхъ поръ, какъ царь сталъ подозрѣвать, что Алексѣй, руководимый лукавою теткою, царевною Софьею, успѣлъ тайно свидѣться съ матерью.

Царевна Софья недолго еще выжила въ своемъ грустномъ заточеніи, да тамъ же, въ Новодѣвичьемъ, и Богу душу отдала. Въ предсмертной агоніи она все отмахивалась отъ чего-то, съ ужасомъ глядя на окна своей кельи и безсвязно повторяя:

— Что вы мнѣ подаете ваши челобитья!.. Подавайте ихъ Господу Богу... вы повѣшены... переставились... Что глядите съ висѣлицъ ко мнѣ въ окна. Уйдите... не глядите на меня... не дражните мертвыми языками... я сама къ Богу уйду... уйдите!

Это вспоминались ей стрѣльцы, которыхъ когда-то царь повѣсилъ передъ ея окнами и далъ имъ въ мертвыя руки челобитныя, въ коихъ были написаны ихъ «повинки»...

Митрофаній такъ же недолго прожилъ послѣ того, какъ, вслѣдствіе царскаго гнѣва, велѣлъ звонить по себѣ «на отходъ души» и когда царь видѣлъ его лежащимъ въ гробѣ и благословляющимъ входящаго въ церковь грознаго монарха: онъ скончался черезъ нѣсколько недѣль послѣ разговора съ Петромъ, прерваннаго Павлушею Ягужинскимъ извѣстіемъ о прибытіи пословъ отъ Мазепы. Царь искренно плакалъ надъ гробомъ святителя и на своихъ богатырскихъ плечахъ, вмѣстѣ съ сановниками и Павлушею, перенесъ маленькое тѣло угодника въ его вѣчное успокоеніе.

— Какъ легки мощи угодника,—сказалъ Петръ, опуская въ могилу гроба Митрофанія,—точно тѣло младенца.

— Для того имъ легче будетъ, ваше величество, изъ земли изыти и истинными мощами стати,—замѣтилъ Кочубей, бывшій тутъ же на похоронахъ.

— Кочубей правду говоритъ,—сказалъ на это царь.—Одного токмо боюсь я, какъ бы намъ съ тобою, Василій Леонтіевичъ, не пришлось скоро опускать въ землю нашего любезнаго и вѣрнаго гетмана, сведутъ его со свѣту эти подагрическія да хиратрическія немощи.

Кочубей ничего не отвѣчалъ, только какой-то не уловимый свѣтъ пробѣжалъ по его чернымъ татарскимъ глазамъ и тотчасъ же потухъ. Павлуша Ягужинскій, ни на шагъ не отходившій отъ Кочубея во все время его пребыванія въ Воронежѣ и постоянно разспрашивавшій его о Диканькѣ, о тамошнемъ садѣ, о цвѣтахъ, о томъ, какіе цвѣты больше любитъ панна судіевна, одинъ Павлуша могъ прочитать въ татарскихъ глазахъ Кочубея отвѣтъ на опасенія царя о Мазепѣ: «ну, его чортъ не скоро еще возьметъ» и Павлушѣ это очень понравилось, потому что онъ почему-то съ перваго разу не взлюбилъ гетмана, особенно когда тотъ поцѣловалъ въ лобъ свою крестницу.

Дѣйствительно, чортъ не думалъ еще брать Мазепу. Въ то

самое утро, когда въ Воронежѣ царь опускалъ въ могилу маленькій гробикъ Митрофанія и думалъ о своемъ вѣрномъ гетманѣ, тоже, повидимому, стоявшемъ на краю могилы, въ это утро Мазепа на лихомъ арабскомъ конѣ мчался по снѣжному Батуринскому полю рядомъ съ своей хорошенькой крестницей.

Въ это утро гетманъ устроилъ у себя въ Батуринѣ охоту по порошѣ. Утро выдалось великолѣпное, яркое, морозное. Ровное, нѣсколько всхолмленное поле серебрилось первовыпавшимъ снѣгомъ. Вершины лѣса, тянувшагося съ одной стороны поля, также искрились брильянтомъ. Брильянтовые кристаллики носились и въ морозномъ воздухѣ, сверкая чудными иридіевыми искорками, словно бы огромная радуга, превращенная морозомъ въ кристаллъ, разбилась на мелкія пылинки и носилась по полю.

Въ этой брильянтовой пыли, обсыпаемые ею, мчатся Мазепа и Мотренька. На Мазепѣ темнозеленый кунтушъ, съ сивыми, какъ его усы и голова, смушковыми выпушками, высокая свѣтлосивая, свѣтлѣе даже его сивыхъ волосъ, шапка съ ярко-зеленымъ верхомъ. Черезъ одно плечо—маленькое двуствольное ружье съ блестящими серебряными насѣчками, черезъ другое—огромный турій рогъ въ изящной, итальянской работы, золотой оправѣ. На лукѣ сѣдла—шелковая, ярко-красная, какъ свѣжая кровь, нагаечка, которую на дняхъ привезла изъ Бѣлой Церкви пани Паліиха и подарила ее пану гетману съ самою любезною, но и съ самою лукавою улыбкою, какъ подарокъ работы самой пани полковниковой и какъ эмблему того, что пану гетману не мѣшало бы этою нагаечкою «выпендзиць» изъ лѣвобережной Украины всѣхъ молодыхъ польскихъ пахолятъ которые какъ мухи облѣпили дворъ пана гетмана. Конь подъ паномъ гетманомъ, какъ и самъ онъ, какъ и его шапка—тоже сивый: все въ немъ и на немъ и подъ нимъ сивое, сѣдое, блистающее серебромъ мудрости и лукавства.

Рядомъ съ паномъ гетманомъ, на высокомъ, тонконогомъ, съ круто-выпуклою шеею, бѣломъ какъ снѣгъ аргамакѣ, несется гетманская крестничка, панна Кочубеевна. На ней темномалиновый кунтушикъ, опушенный гагачьимъ пухомъ по разрѣзу, по подолу, по рукавамъ и вокругъ лебединой шейки. На черной головкѣ ея—барашковая бѣлая, бѣлѣе снѣга, шапочка съ яркомалиновымъ верхомъ—и изъ-подъ этой шапочки, словно изъ-подъ снѣгу, выглядываетъ смутлое, разрумянившееся личико и

черные ласковые глаза, которые у Павлуши Ягужинскаго и въ Воронежѣ съ ума нейдутъ и на Невѣ съ ума не выходили.

Въ сторонѣ, по ровной снѣговой возвышенности виднѣются другіе охотники—гости пана гетмана и его дворская молодежь, польскіе и малорусскіе пахолята да юные бунчуковые товарищи. Тамъ же, впереди всѣхъ, на огромномъ ворономъ конѣ, мчится гигантскихъ размѣровъ женщина, передъ массивною фигурою которой всѣ пахолята и бунчуковые товарищи кажутся дѣтьми. На этой гигантской амазонкѣ съ такою же какъ и на Мазепѣ барашковою опушкой куптушъ и смушковая шапка съ висячимъ въ видѣ мѣшка огромнымъ краснымъ верхомъ. Это пани Паліиха, которая, съ нагайкою въ зубахъ и съ двуствольнымъ ружьемъ наперевѣсъ, бѣшено мчится за волкомъ, выпугнутымъ доѣзжими изъ сосѣдняго лѣска и забирающимъ къ глубокой лѣсистой балкѣ.

— То пани пулковникова пендзи за своимъ старымъ менжемъ, — остритъ польскій пахолекъ, не поспѣвающій за Паліихой.

— Ни-ни! То она за московскимъ подъячимъ, что грамоту отъ царя привезъ,—остритъ юный Чуйкевичъ.

Мазепа и его хорошенькая крестница, напротивъ, преслѣдуютъ чернобурую лисицу, которая, едва ускользнувъ отъ пастей гончихъ, перемахнула черезъ оврагъ и наткнулась на гетмана съ его миловидной наѣздницей. Вотъ-вотъ настигнутъ они выбившуюся изъ силъ жертву, все меньшее и меньшее пространство отдѣляетъ ихъ отъ бѣднаго звѣря. Вотъ-вотъ изнеможетъ лисичка... Но близко и спасительный лѣсъ...

Мазепа, грузно навалившись къ лукѣ, забывъ подагру и хирагру, уже наводитъ свою двустволку на истомившагося звѣря и прищуриваетъ лукавый глазъ...

— Не треба, таточку, не треба!—испуганно шепчетъ рядомъ скачущая Мотренька.

Мазепа нѣжно оглядывается на нее, опускаетъ свою дубельтувку... «Чого, Мотрёнько, не треба»?

— Не бійте, тату, лисички!

— Ну, серденько, якъ-же-жъ можно!

И ужасная дубельтувка опять наводится на бѣдную лисичку; сивый гетманскій конь, почуявъ остроги у боковъ, прибавляетъ роковой рыси... Охъ, не уйти лисичкѣ!

Мотренька не отстаетъ отъ Мазепы... Вотъ-вотъ грянетъ дубельтувка!

— Тату! Тату! Я заплачу!—молится Мотренька и трогаетъ гетмана за плечо.

Гетманъ опускаетъ дубельтувку, вскидываетъ ее за плечи и пускаетъ поводья коня. Лисица скрывается въ ближайшемъ возлѣскѣ.

— Добрый! Любый татуню!—И Мотренька, перегнувшись на сѣдлѣ, ласково обнимаетъ стараго гетмана.

Мазепа сначала какъ бы отшатывается отъ дѣвушки, но потомъ руки его обвиваются вокругъ стана хорошенькой спутницы, и онъ, припавъ своими сивыми усами къ пупцовой щечкѣ, страстно заговорилъ:

— Серденько мое! Квите мій рожаный! Мотренько, моя кохапая!

— Охъ, тату, яки у васъ вусы холодни,—отстраняется дѣвушка.

— Люба моя! Зоренька ясная! Ясочка моя!

— Охъ, щекотно, тату... буде вже, буде...

— Мотренько! Рыбко моя! Я не хочу безъ тебе...

— Буде, тату, буде!.. Ой, вусы!

Дѣвушка не понимала, что съ ней дѣлается. Ей казалось, что это холодные усы гетмана щекочутъ ея пылающія щеки; но отчего же и въ сердцѣ какъ-то не то щекотно, не то страшно?.. А тато такой добрый—лисичку не убилъ... Надо татка ласкать, цѣловать... Да онъ и хорошенькій такой! Морозъ подрумянилъ его блѣдныя щеки, сивые усы такіе славные, хотя и холодные, и глаза добрые, и весь онъ добрый, лисичку простилъ... Онъ всегда былъ добрый и въ монастырь ласощи возилъ, и Мотреньку на колѣна сажалъ, про горобчика разсказывалъ...

Не успѣлъ онъ опомнится, какъ изъ ближайшей балки показалась красноверхая шапка массивной Палінхи.

— А онъ, тату, и пани полковникова,—шепчетъ дѣвушка, оправляясь на сѣдлѣ.

— А! Чортъ несе сего Голіафа въ юпци!—ворчитъ Мазепа.

А у Палінхи въ торокахъ уже болтается огромный сѣрый волкъ.

— Якъ ваша работа, пане гетмане? — спрашиваетъ Па-

ліиха, грузно опираясь на сѣдло.—Я вже вовка сироманця, мовъ татарина, у полонъ взяла.

— Добре, добре, пани... А мы ничего ще не взяли...

— Мы лисичку впустили,—пояснила Мотрецька.

— Такъ зайчика піймаете,—улыбнулась Паліиха.

Наѣзжаютъ другіе охотники со всѣхъ сторонъ. У кого въ торокахъ заяцъ болтается, у кого лиса, у кого сѣрая остромордая сайга. Начинается оживленный говоръ, похвальбы, разсказы о небывалыхъ случаяхъ. А вдали все еще то протрубитъ рогъ, то дружно затявкаютъ собаки, то раздастся глухой выстрѣлъ...

Около гетмана уже большой кружокъ не только дворской молодежи, но и знатной войсковой старшины: Филиппъ Орликъ, генеральный писарь, Апостолъ Данило, миргородскій полковникъ, Павло Полуботокъ, полковникъ черниговскій, молодой Войнаровскій, полковникъ полтавскій Иванъ Искра, и другіе.

— А! И у пана писаря лисичка, — обращается пани Паліева къ Орлику, серьезное лицо котораго и задумчивые сѣрые глаза, казалось, говорили, что онъ тутъ не по своей волѣ, а такъ, изъ политики.—Яка добра лисичка...

— А у пани добрый вовкъ,—лаконически отвѣчаетъ серьезный Орликъ.

— Симилія симилибусъ,—добродушно замѣчаетъ Мазепа.

— А панови гетманови василиска не достае? — платитъ тѣмъ же находчивая Паліиха.

Изъ лѣсу скачетъ казакъ въ ушастой волчьей шапкѣ и что-то машетъ руками. Это Охримъ, уже знакомый намъ, любимый хлопецъ стараго Палія. Онъ приближается къ панамъ и на всемъ скаку осаживаетъ коня.

— Ты що, хлопче?—спрашиваетъ Паліиха.

— Тамъ, у лиси, пани-маточка, наши хлопцы самого Карлу застукали,—радостно отвѣчаетъ Охримъ.

— Якого Карлу, дурню?

— Та самого-жъ шевція Карлу, двинадцятого читринадцятаго, чи-що ведмедя застукали...

Такому рѣдкому гостю, конечно, всѣ обрадовались, двинулись къ лѣсу. Впереди всѣхъ ѣхала Паліиха въ сопровожденіи Охрима, а за ними вся старшина съ молодежью. Мазепа не отпускалъ отъ себя ни на шагъ свою Мотреньку.

— А ты-жъ, доню, не злякаешься?—заботливо спрашивалъ онъ.

— Ни, съ таткою я ничего не боюсь, — отвѣчала дѣвушка.

Выѣхали на полянку, съ трехъ сторонъ окруженную густымъ лѣсомъ. Въ дальнемъ углу полянки стояли два казака съ длинными ратищами въ рукахъ, словно часовые. Недалеко отъ нихъ темнѣлась куча хворосту, наваленнаго у корней столѣтняго дуба. Сквозь хворостъ, присыпанный снѣгомъ, проходилъ не то дымокъ, не то паръ, то была берлога медвѣдя: отъ дыханія его шелъ тотъ паръ, который можно было принять за дымокъ.

Всѣ остановились, какъ вкопанные. Паліиха сдѣлала знакъ, что она желаетъ вступить въ единоборство съ «шевцемъ Карлою двѣнадцатымъ», такъ какъ это было ея неотъемлемое право. Мотренька было хотѣла протестовать, но Мазепа тихо остановилъ ее: «нехай, доню, вона и чорта сдуже»...

Паліиха сошла съ коня, отдала его Охриму, подозвала одного казака съ ратищемъ и взяла ратище изъ его рукъ. Сняла съ плеча двухстволку, осмотрѣла ея курки, осмотрѣла длинное трехгранное желѣзное остріе ратища и пошла прямо къ берлогѣ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берлоги, на полянкѣ, росла старая осина, подъ которою Паліиха и остановилась. Поднявъ затѣмъ комъ мерзлой земли, она швырнула имъ въ отверстіе берлоги, швырнула другимъ комомъ, третьимъ... Въ берлогѣ что-то засопѣло и завозилось. Захрустѣлъ хворостъ, и изъ берлоги высунулась черная остромордая голова, поводя ушами. Паліиха опять бросила мерзлымъ комомъ прямо въ морду звѣрю. Медвѣдь замоталъ головой, выскочилъ изъ берлоги и, рыча, пошелъ прямо на «Голіафа въ юбкѣ». Онъ шелъ быстро, переваливаясь всѣмъ грузнымъ тѣломъ своимъ и понуря голову, словно бы собирался драться съ бараномъ, лобъ объ лобъ. Паліиха стояла, какъ вкопанная, разставивъ ноги въ красныхъ съ подборами «сапьянцахъ» и приложивъ двухстволку къ правой щекѣ. Послѣдовалъ выстрѣлъ. Пуля, задѣвъ верхнюю часть головы медвѣдя, у праваго уха, засѣла гдѣ-то въ шеѣ. Медвѣдь страшно заревѣлъ и сталъ на заднія ноги, раскрывъ переднія мохнатыя лапы словно для дружескихъ объятій. Страшно было видѣть это двуногое чудовище на короткихъ мохнатыхъ ногахъ, ступавшихъ такъ, какъ ступаютъ малыя дѣти, съ перевалкою, но

плотно, грузно. Плотно стояла на своемъ мѣстѣ и Паліиха, держа длинное ратище на перевѣсъ. Едва медвѣдь приблизился на разстояніе ратища, какъ сильная рука Паліихи уже всадила его въ грудь звѣря. Звѣрь зашатался было, но въ тотъ же моментъ, схвативъ древко ратища передними лапами, самъ какъ бы началъ вдавливать его въ себя, такъ что оно прошло насквозь его тѣла и вышло въ спину... Медвѣдь двигался по ратищу, нанизывая на него свое страшное тѣло... Вотъ лапы его уже не далеко отъ рукъ Паліихи... вотъ-вотъ обнимутъ ее... Но страшная баба разомъ выпускаетъ изъ рукъ конецъ ратища, медвѣдь падаетъ съ нимъ на четвереньки, а Паліиха новымъ выстрѣломъ изъ двухстволки пробиваетъ черепъ своего противника... Медвѣдь не устоялъ и, ткнувшись мордой въ землю, распластался, словно копна черной шерсти.

Мотренька съ испугомъ ухватилась за руку Мазепы... «Охъ, таточко!»

Тутъ только присутствующіе опомнились, какъ бы очнувшись отъ временнаго оцѣпенѣнія, и бросились поздравлять побѣдительницу. А Паліиха, «низенько вклоняясь» панамъ и обращаясь къ Мазепѣ, сказала:

— Прошу пана гетьмана не погордувати моимъ подарункомъ: нехай кожухъ оцего дядьки буде грити гетманьскіи педагрическія нижки.

Мазепа моргнулъ сивымъ усомъ, поморщился, но любезно отвѣчалъ: «Падамъ до ножекъ паньскихъ»...

— Те-те-те!—засмѣялась Паліиха.—Я не ляховка, не пани Фальбовска... У мене ноги велики, а панъ гетьманъ любе нижки малюсеньки...

Всѣ засмѣялись, не зная только, на какую пани Фальбовскую намекаетъ Паліиха; но Мазепа зналъ: онъ догадался, что злобная баба не даромъ язвитъ его, намекая на давно забытый грѣхъ молодости, когда... когда...

И передъ старыми глазами его встала картина давно забытой молодости, цѣлый рядъ картинъ, отодвинутыхъ отъ него на десятки лѣтъ, на полное полстолѣтіе!..

Эхъ, молодость, молодость! Безумная молодость!..

Кто этотъ юный, ловкій, гибкій, какъ червонная таволога, на черномъ конѣ, освѣщенный майскою луной украинской ночи, пробирается къ темному саду пана Фальбовскаго? Привычная

лошадь чуть слышно, словно кошечка на бархатныхъ лапкахъ, пробирается къ калиткѣ сада и останавливается, какъ вкопанная. Съ шитаго шелками сѣдельца соскакиваетъ гибкій юноша, и когда луна упала на его лицо, то освѣтила тѣ же самыя изогнутыя брови надъ тѣми же самыми ласковыми, не то черезчуръ добрыми, не то лукавыми глазами, которые теперь смотрятъ на убитаго медвѣдя, только тѣ глаза, и брови, и все лицо, и русые усики, освѣщенные луной, на пятьдесятъ лѣтъ моложе этихъ, что смотрятъ на убитаго медвѣдя и на Паліиху.

Да, это все онъ же подъѣхалъ къ саду пана Фальбовскаго, онъ, Мазепа, но только не гетманъ съ семьюдесятью годами и цѣлымъ историческимъ, именно «мазепинскимъ» цикломъ украинской исторіи на плечахъ, съ подагрою и хирагрою въ придачу къ этому циклу, съ дружбою могучаго Петра новороссійскаго на тѣхъ же плечахъ, съ цѣлымъ коробомъ лукавства, обмановъ, козней, казней, кровавыхъ битвъ и клятвопреступленій, Мазепа-пажъ, ловкій, дерзкій, лживый, только что удаленный отъ двора Іоанна-Казиміра за шляхетскій гоноръ не у мѣста, за горячность, за буйство, за обнаженіе сабли въ королевскихъ покояхъ...

Какъ гибокъ тѣломъ тотъ — пажъ, и какъ лукавъ умомъ этотъ—гетманъ, что стоитъ рядомъ съ Мотренькою и глядитъ на убитаго медвѣдя!..

Передъ пажомъ какъ бы сама-собой открывается настежь калитка сада. Пажъ входитъ въ прямую освѣщенную луной аллею и поворачиваетъ въ узкую, боковую аллейку. На встрѣчу ему идетъ что-то закутанное легкой тканью. При приближеніи пажа ткань спадаетъ съ этого чего-то, и луннымъ свѣтомъ освѣщается прелестнѣйшая чернокудрая головка... «Сердце мое! Душа моя»!..

И тихо-тихо въ саду, тихо всю ночь до зари — только лягушки проквакали до утра въ ближнемъ пруду, да соловей, самъ не вѣдая зачѣмъ, а можетъ просто отъ безсонницы, надрывался всю ночь въ густомъ кусту крыжовника, да въ голубомъ павильонѣ слышались иногда не то стоны, не то шопотъ страстный, не то жаркіе поцѣлуи — не то все это вмѣстѣ... О, безумная молодость!

А вотъ и другая такая же ночь проносится передъ семидесятилѣтними очами гетмана...

Тотъ же панъ Мазепа пробирается къ тому же саду. Все также свѣтитъ луна-сводница, все также квакаютъ лягушки въ пруду, все также не спится соловью, и онъ трещитъ-надрывается... Вотъ Мазепа уже у калитки—сходитъ съ коня... «Кто идетъ!» кричитъ кто-то надъ самымъ ухомъ юноши, и шесть, а то и болѣе сильныхъ рукъ схватываютъ его, словно клещами... «А, негодяй! Ты къ моей женѣ!» узнаетъ Мазепа голосъ пана Фальбовскаго. «Нѣтъ, нѣтъ!» отрицаетъ несчастный...

И юный пажъ, раздѣтый до нога, привязанный на спину своей лошади головою къ хвосту, мчится по степи, освѣщаемый майской луной... О, безумная молодость!..

Мазепа гетманъ вздрагиваетъ...

— Вамъ холодно, тато? — участливо спрашиваетъ Мотренька.

— Холодно, доню, — отвѣчаетъ гетманъ, отмахиваясь отъ воспоминаній молодости.—И скучно якось, серденько мое, охъ, скучно!

— Чого жъ бы вамъ, тату, скучно?

— Охъ, доню, доню! Одинъ я, якъ перстъ...

— А я то у васъ, татуню?

— Э! Ты не моя... тебе скоро визмутъ у мене... И останусь я, мовъ ота былинка въ поли...

Они тихо ѣхали снѣжнымъ полемъ, и Мазепа указалъ на сухой стебель травы, одиноко торчавшій изъ-подъ снѣгу: «Ото я, доненько, ота былиночка»... Дѣвушкѣ невыразимо стало жаль его, такъ хотѣлось плакать, охвативъ эту сѣдую, одинокую, какъ былинка, голову и плакать, плакать, надъ нею...

— А про яку то пани Фальбовску, тато, казала Паліиха?— спросила дѣвушка помолчавъ.

— Та то вона такъ, серденько, сама не зна що меле.

И въ лукавыхъ глазахъ гетмана выразилось что-то большее чѣмъ лукавство, что-то холодное и злое. Кто зналъ эти глаза, тотъ навѣрное догадался бы, что рано-ли, поздно-ли не сдобровать тому, кто вызвалъ на глаза гетмана этотъ злой холодъ, что этимъ взглядомъ въ его сердцѣ уже подписано роковое рѣшеніе: выкопать исподволь глубокую-глубокую яму и столкнуть въ нее и Паліиху за ея намеки и гордость, и ея мужа, стараго Палія, ставшаго гетману на дорогѣ, столкнуть такъ, какъ онъ столкнулъ своего благодѣтеля, гетмана Самойловича.

VI.

Съ того дня, какъ Петръ въ Воронежѣ опустилъ въ могилу гробъ Митрофанія и оплакалъ его, а Мазепа въ Батурнѣ, на охотѣ, признался крестницѣ своей, Мотренькѣ Кочубеевой, что любитъ ее, но какъ — дѣвушка этого не поняла, — съ того дня, въ теченіе трехъ лѣтъ, многое измѣнилось и на Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра.

Правобережная Украина, вызванная къ жизни народнымъ геніемъ Палія, давно осиротѣла; не стало у нея ея «батька», стараго, не стало съ нимъ и доброй «пани-матки», которая одна ходила на медвѣдя и на тура. Правобережною Украйною распоряжались уже, попеременно, то поляки, то шведы, то русскіе, смотря потому, кто кого выгонялъ оттуда силою оружія.

Куда же дѣвался старый «батько», оплакиваемый казаками?

А вонъ послушаемъ, что говоритъ народъ, толкающійся на рынкѣ въ Бѣлой Церкви. Рынокъ пестрѣетъ народомъ, какъ поле цвѣтами: тутъ и истые украинцы-казаки, и польскіе жолнеры, и московскіе рейтары, слоняющіеся отъ группы къ группѣ, отъ шинка къ шинку, и скучающіе по родинѣ...

— Эхъ! Кабы да не этотъ шведъ проклятый, давно бы мы дома были!

— Да, толкуй! Ево, чорта, и ладономъ не выкуришь...

Вниманіе скучающихъ рейтаровъ привлекаетъ одинъ украинецъ, совсѣмъ голый, но въ высокой смушковой шапкѣ на бекрень. Вмѣсто рубахи и штановъ на немъ красуется полотенце, расшитое красными узорами и обмотанное вокругъ голаго тѣла такъ, какъ это принято у новозеландцевъ. Онъ стоитъ около сидящаго на землѣ слѣпого нищаго съ бандурою въ рукахъ и въ чемъ-то упрашиваетъ его. Рейтары тоже подходятъ.

— Та заспивай бо, старче Божій! — упрашиваетъ голякъ.

— Та про кого?—спрашиваетъ слѣпецъ.

— Та про батька жъ, Палія заспивай, голубе сивый!

— Та спивайте бо, дядьку! Чого боитесь! — упрашиваютъ другіе, собравшіеся кучкой около старца, — Мазепа не почуе, а почуе, такъ послуха...

— Та намъ що Мазепа! Мазепа не нашъ, винъ тогобочный! — протестуютъ новые голоса. — Спивайте, дядьку! Онъ и

москали послухають (это къ рейтарамъ: ретары улыбаются дружелюбно).

— Спой, дѣдушка, не бойся: мы свои люди! — говоритъ одинъ рейтаръ.

— Вашей вѣры мы, православные,—подтверждаетъ другой.

Слѣпой нищій, это тотъ лирникъ, котораго мы уже видѣли въ Батуринѣ на дворѣ у Кочубеевъ, не поднимая свой старой, слѣпой головы, тихо перебираетъ пальцами по струнамъ бандуры. Вдругъ онъ начинаетъ мотать головой изъ стороны въ сторону, словно бы плакать ему захотѣлось, быстро перебѣгаетъ лѣвой рукой по ладамъ бандуры и скрипучимъ старческимъ голосомъ заводитъ:

Ой, не знавъ, не знавъ проклята Мазепа, якъ Палія взяти,
Ой, ставъ же, ставъ проклята Мазепа на бенкетъ запрошати:
«Ой, прошу тебе, Семене Палію, по чаши вина пити».
—«Ой, брешешь, брешешь, вражій сыну, хочешь мене згубити»

— У! Иродова Мазепа!—не вытерпѣлъ голякъ, нашъ старый знакомый, казакъ Голота, до сихъ поръ оплакивающій свою Хиврю и пропивающій все, что бы ни попалось ему подъ руку.— А таки изгубивъ, бисивъ сынъ!

Другіе слушатели посмотрѣли на Голоту, сочувственно покачали головами, но молчали. Въ нѣмомъ молчаніи ихъ держала бандура лирника, который продолжая качать головою, вытренькивалъ на своихъ говорливыхъ струнахъ то, что сейчасъ пропѣлъ горломъ. Затѣмъ опять тотъ же говорокъ:

А тамъ Максимъ Искра сидитъ, про Мазепу добре знае,
Паліеви Семенови оттакъ промовляе:
«Ой, годи, Семене Палію, въ Мазепы вина пити,
Ой, хоче Мазепа проклята тебе вбити».

Снова умолкаетъ старый голосъ и снова слышится только треньканье бандуры.

Кто не слыхалъ пѣнія кобзаря въ Малороссіи, гдѣ-нибудь на рынкѣ или, въ праздничный день, на улицѣ, на свободной громадской сходкѣ, тотъ не въ состояніи будетъ представить себѣ, какое неотразимое вліяніе имѣетъ эта простая, дѣтски-наивная поэзія на слушателей, какъ могущественно властвуетъ надъ сердцемъ толпы безхитростное слово пѣсни; а въ особенности ея музыка. Это особенная музыка, не пѣсенная, не хоро

водная, не уличная, а музыка «думъ» и «духовныхъ стиховъ»: въ ней большею частью звучитъ глубокая грусть; въ ней для каждаго слушателя отчетливо плачетъ его собственное горе, а у кого въ жизни не сидѣло оно на вороту въ той или иной формѣ!.. Мазепа погубилъ Палія: каждому жаль Палія; но въ плачѣ кобзаря о Паліѣ каждому слышится и свой плачъ: всѣ изъ этой толпы когда-либо плакали, и въ плачѣ кобзаря непремѣнно прозвучитъ для каждаго хоть одна нота этого, для каждаго «своего» плаканья...

Вотъ почему такъ горько плачетъ Голота, конечно спьяну немножко, но и не пьяному нельзя не плакать... Другіе не плачутъ потому, что стыдно; а пьяному не стыдно: за него плачетъ его пропащая жизнь, пропащая голова... Въ погибели Палія онъ переживаетъ похороны своей Хиври, когда и онъ былъ человѣкомъ, а не пропойцемъ...

А кобзарь, передохнувъ маленько, да покачавшись, да побренькавъ струнами безъ словъ, опять выговариваетъ:

Ой пье Палій, ой пье Семенъ, да головоньку клонить,
А Мазепинъ чура Палію Семену кайданы готовить...

Толпа все больше и больше надвигается къ кобзарю. Уже затерялись въ ней и московскіе рейтары, и плачущій казакъ Голота. Всѣмъ хочется послушать этой «новой думы»—дума эта плачетъ о человѣкѣ, котораго многіе видѣли здѣсь и въ Бѣлой Церкви, знали его, любили... Не видать уже его сивой головы въ церкви, гдѣ онъ обыкновенно самъ пѣлъ на клиросѣ; не развѣвается его сивый усъ и на крѣпостной стѣнѣ, не слышно больше его голоса... Слышится только голосъ кобзаря:

Не давъ гетьманъ Палію Семену ни пяти, ни пяти,
Докиль не выславъ проклята Мазепа на столицю листы;
«Отто жъ тоби, промовляе, царю есть Палій измѣнникъ,
Винъ тебе хоче вже отступати, въ пень Москву рубити,
А самъ хоче вже на станици царемъ царю-вати»...

Куда же, въ самомъ дѣлѣ, исчезъ Палій, о которомъ уже успѣла сложиться народная дума?

А вотъ гдѣ онъ, благодаря лукавству Мазепы, который успѣлъ-таки столкнуть его въ яму: въ Сибири, въ Енисейскѣ, въ самомъ отдаленномъ изъ извѣстныхъ въ то время мѣстъ ссылки; на этомъ, буквально, концѣ свѣта, у выѣзда изъ го-

рода стоитъ жалкая избушка, обнесенная высокимъ частоколомъ съ заостренными верхушками. Въ избушкѣ всего два окошечка, да и тѣ обращены куда-то на сѣверъ, въ невѣдомую для тогдашняго украинца область вѣчныхъ снѣговъ и вѣчной ночи. Недаромъ въ Украйнѣ говорили, что царь, по доносу «проклятаго» Мазепы, заточилъ Палія въ такую темницу, до которой только вороны разъ въ году долетаютъ на Спаса, куда солнце доходитъ только разъ въ году на Купалу, заточилъ его въ эту темную темницу, а ключи отъ нея бросилъ въ море...

Избушка, въ которой поселили Палія въ Енисейскѣ, состоитъ изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ сѣнцами. Въ той и другой половинѣ помѣстился сначала самъ Палій съ своимъ пасынкомъ Семашкою, котораго тоже постигла ссылка; а когда къ старику вмѣстѣ съ вѣрнымъ Охримомъ пріѣхала въ Сибирь и его мужественная «пани-матка», то Семашко свое мѣсто у вотчима уступилъ своей матери, а самъ съ Охримомъ перебрался на другую, кухонную половину избушки.

Мучительно-тоскливую жизнь проводилъ въ своемъ заточеніи бѣдный старикъ, у котораго было отнято все: и родина, и родные, и его не родные, но дорогіе ему «дѣтки»—казаки, которыхъ онъ выростилъ, выкормилъ, на коней посадилъ. Цѣлый край отняли у старика, край, имъ созданный на мѣстѣ кладбища, вызванный къ жизни изъ могилы, которая даже уже быльемъ поросла. Это было хуже плѣненія вавилонскаго; уведенные въ вавилонскій плѣнъ евреи не сами создали и оживили обѣтованную землю; они получили ее въ наслѣдство отъ предковъ; а Палій самъ создалъ и оживилъ правобережную Украйну на мѣстѣ ужаснѣйшей пустыни, тѣмъ болѣе ужасной, что это была не Богомъ созданая пустыня, а «руина», усѣянная развалинами городовъ, крѣпостей, церквей и усыпанная костями человѣческими, украинскими костями.

Въ далекой ссылкѣ старику ничего не оставили на память о родной сторонѣ, даже одежды; его одѣли въ одежду ссыльнаго. Только какимъ-то чудомъ уцѣлѣла у него «хусточка», вышитая украинскими узорами, и уцѣлѣла потому только, что когда въ Москвѣ, въ малороссійскомъ приказѣ, плѣннаго старика одѣвали въ московское арестантское платье, онъ плакалъ и этою «хусточкою» утиралъ себѣ слезы... Въ Енисейскѣ, въ своей ссыльной избушкѣ, онъ повѣсилъ эту «хусточку» подъ

образомъ Богородицы, «утоли моя печали» и молился этому образу.

По цѣлымъ днямъ, бывало, старикъ и его товарищъ по изгнанію, молодой Семашко, сидятъ на берегу Енисея и вспоминаютъ о далекой родинѣ... Хоть бы птица залетѣла оттуда! Хоть бы пѣсню родную вѣтеръ принесъ съ Украйны, нѣтъ, ничего не слыхать...

— На рѣкахъ вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ,— часто бывало вспоминаетъ старикъ этотъ стихъ изъ ветхозавѣтной поэзіи, и ему вспоминался другой старикъ, что тоже пятнадцать лѣтъ выжилъ въ Сибири и, возвращаясь на родину, за Дунай, благословилъ его, Палія, на «оживленіе костей человѣческихъ»...

И онъ оживилъ ихъ, а его самого, живого, заточили въ могилу...

— Да, истину, великую истину говорилъ Крижаничъ Юрій про Москву,—самъ съ собою разсуждалъ бывало старикъ.

Добровольный пріѣздъ въ ссылку жены и Охрима оживилъ старика. «Пани-матка» привезла цѣлую «скриню» всякаго добра изъ Украйны, а что всего было отраднѣе—это книги и разные хронографы малороссійскіе, до которыхъ Палій былъ такой охотникъ. Чтеніе и слушаніе этихъ хронографовъ наполняли теперь всю жизнь ссыльнаго героя... Онъ любилъ слушать, когда читали, потому что старые глаза уже отказывались ему служить, хотя въ полѣ, на конѣ, онъ бы еще видѣлъ далеко, узналъ бы сразу и ляха, и татарина, и мушкетъ его промаху бы не далъ... А въ книгѣ ужъ онъ ничего не видитъ...

Вонъ и теперь они сидятъ въ своей избушкѣ за какими-то тетрадками: это рукописныя «нотатки», писанныя то тѣмъ, то другимъ книжнымъ человѣкомъ, будущіе источники украинской исторіи.

— А ну, любко, почитай бо, якъ той чоловикъ пише про нашу Вкраину, коли вона була еще «руиною»,—говоритъ онъ, обращаясь къ женѣ, желая воскресить въ своей памяти незабываемую имъ сцену встрѣчи съ Юріемъ Крижаничемъ.

— Се що бъ тоди, якъ я не була ще твоєю малжонкою?— спрашиваетъ пани-матка, перебирая лежащія на столѣ тетрадки и книжки.

— Та объ руини же, яка вона була до насъ съ тобою.

 (Кн. 9)

— Добре, добре, чоловиче.

И пани-матка, насадивъ на свой орлиный носъ огромныя, круглыя очки, напоминавшія стекла телескопа, развертываетъ одну тетрадку, перелистываетъ ее, шепчетъ что-то, головой качаетъ... А и въ этой мужественной головѣ, въ густыхъ волосахъ, протянулись уже серебряныя нити... А все Мазепа!..

— Ось! Найшла...—И, поправивъ очки, пани-матка начала читать такимъ тономъ, какимъ въ церкви читаются только «страсти».

«И проходя тогобочную, иже отъ Корсуни и Бѣлой Церкви Малороссійскую Украйну, потимъ на Волынь и далѣй странствуя, видѣхъ многіе грады и замки безлюдные и пустые, валы, негдысь трудами людськими аки холмы и горы высыпанные и тилько звѣремъ дикіимъ прибѣжищемъ и водвореніемъ сущіи. Муры зась, яко-то въ Чолганскомъ, въ Константиновѣ, въ Бердичевѣ, въ Збаражѣ, въ Сокалю, що тилько на шляху намъ въ походѣ войсковомъ лучилися, видѣлъ едни малолюдные, другіе весьма пустіи, разваленіи, къ землѣ прилипувшіе, заплеснялые, непотребнымъ быліемъ зарослы тилько гнѣздящихся въ себѣ зміевъ и разныхъ гадовъ и червей содержащіе. Поглянувши паки, видѣхъ пространные, тогобочные, украино-малороссійскіи поля и разлеглые, долины, лѣса и обширные садове, и красныя дубравы, рѣки, ставы езера запустѣлыя, мхомъ, тростіемъ и непотребною лядиною зарослые. И не всуе поляки жалѣючи утраты Украйны оноя тогобочныя, раемъ свѣта польскаго въ своихъ универсалахъ ее нарицаху и провозглашаху, понеже оная предъ войною Хмѣльницкаго бысть аки вторая земля обѣтованная, медомъ и млекомъ кипящая. Видѣхъ же къ тому на разныхъ тамъ мѣстцахъ много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, тилько небо покровъ себѣ имущихъ, и рѣкохъ во умѣ: «кто суть сія».

— О, бидна, бидна Украйна!—шепчетъ старикъ подъ чтеніе этихъ украинскихъ «страстей», а Охримъ, сидя въ углу, на лавкѣ, и думая, что въ самомъ дѣлѣ читаютъ «святе письмо», набожно крестится.

«Тѣхъ всѣхъ, еже рѣхъ, пустыхъ и мертвыхъ—продолжаетъ читать пани-матка—насмотрѣвшися, поболѣхъ сердцемъ и душею яко красная и всякими благами прежде изобиловавшая

земля и отчизна наша Украйна Малороссійская, въ область пустынѣ Богомъ оставлена, и насельницы ея. славніи предки наши, безвѣстни явишася»...

— Такъ, такъ... Оттака жъ вона була, ся руина, якъ я вперше посетивъ іи и того Крижанича зустривъ,—сказалъ Палій, качая сивою головой.—Така-жъ, така... тихо було, голосу, чоловическього нечути, тилько небо сине та могилы зъ витромъ размовляли.

— А теперь, яке добро!—съ горечью замѣтила пани-матка.

— Добро-то воно, мамо, добро, та коли бъ Мазепа его зновъ руиною не зробивъ,—пояснилъ Семашко, который, сидя у открытаго окошечка, задумчиво глядѣлъ на Енисей.

Наступила опять тишина въ избушкѣ; слышно было только, какъ вздыхалъ Охримъ, которому тѣсно и душно было въ этой клѣткѣ и которому даже во снѣ грезилось постоянно, какъ они, бывало, тихонько отъ батька Палія на ляховъ ходили.

Но вдругъ Охримъ захохоталъ. Всѣ посмотрѣли на него съ удивленіемъ: ужъ не съ ума ли онъ сошелъ отъ тоски? Сидитъ себѣ въ углу и хохочетъ, ухватившись за бока.

— Ты чого, Охриме?—спросила пани-матка.—Здуривъ?

— Та я нычого, пани-матка, такъ...—И хохолъ снова залился самымъ искреннимъ смѣхомъ.

— Та чому ты радый, дурню?—удивлялась Паліиха.

— Та Голоту згадавъ.

— Ну? Що жъ Голота? Голота добрый чоловикъ, хоча й льяный.

— Та не гоже казати, пани-матка.—И Охримъ застыдился.—Се я, бачъ, такъ, здуря.

— Отъ дурный! А ще козакъ...

— Та я нычого,—оправдывался тотъ.—Онъ вони, батько, знаютъ,—и онъ указалъ на Палія.

— Що таке, Охриме?—спросилъ тотъ.—Що я знаю?

— Та якъ Голота ляхамъ дорогу показувавъ.

Палій тоже улыбнулся, и Охримъ былъ радъ, что развеселилъ старика, на лицѣ у котораго давно никто не видалъ улыбки. Это заинтересовало и Паліиху.

— А якъ-же-жъ винъ показувавъ?—спросила она мужа.

— Та по козацьки... Ишовъ польскій регументъ пидъ Хвастовымъ; та не знавъ дороги. А Голота зъ козаками сино косивъ,

стоги вершили, такъ винъ на стогу стоявъ. Его й пытаютъ ляхи: де дорога на Лабунь. А Голота й показавъ де-що таке, що ляхи его трохи не вбили за те, та други козака не дали...

Охримъ не утерпѣлъ и опять покатился со смѣху.

— Ото дурный!—смѣялась и Паліиха.

— Не винъ дурный,—замѣтилъ старикъ,—а панъ региментарь: винъ до мене универсаль приславъ, що Голота ему— «juxta suam barbariam rusticam, in honeste tergiversionem ostendit» — такъ въ универсали и написавъ, мовъ Цесарь сенату.

— Ну-вже я вашои бурсацькои речи не розумію,—сказала Паліиха.

Въ это время въ сѣняхъ что то застучало и высморкалось. Всѣ взглянули на дверь: кому бы тамъ быть? Охримъ схватился съ лавки, подошелъ къ двери, но дверь сама отворилась, и на порогѣ показалась лысая голова съ остатками сѣдыхъ болтающихся за ушами косичекъ. Вошедшій былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, съ лицомъ, обезображеннымъ оспою, съ глазами, косившими такъ, что никто никогда не зналъ, куда они глядятъ и что видятъ. Одѣтъ онъ былъ въ желтый нанковый кафтанъ, подпоясанный широкимъ, какъ у попа, кушакомъ, въ нанковыя же грязно-зеленыя штаны, убранныя въ сапоги изъ некрашеной юфти. Войдя въ избу, онъ, повидимому, глядя въ лѣвый уголъ, перекрестился на правый, передній, гдѣ въ углу, въ золотой ризѣ, блисталъ образъ Покрова Богородицы, увѣшанный узорчатыми полотенцами. Кланяясь образу, онъ сильно встряхивалъ косичками и тоже дѣлалъ, привѣтствуя хозяина и хозяйку.

— Миръ дому сему и здравіе,—сказала лысая голова, глядя не то въ потолокъ, не то подъ лавку.

— Дякуемъ... благодаримо на добромъ словѣ, батюшка Потапычъ,—поспѣшила Паліиха.—Просимо жаловати и сѣсти, гостемъ будете.

— Не до гостинъ, матушка полковница, — отвѣчалъ лысый.—По дѣльцу пришелъ къ батюшкѣ, Семенъ Иванычу, отъ воеводскаго товарища.

Всѣ встрепенулись, переглянулись, снова оглядѣли пришедшаго съ ногъ до лысой маковки, какъ бы желая въ его фигурѣ прочесть—на истыканномъ оспою лицѣ и въ бродячихъ гла-

захъ прочесть было нечего—съ добрыми или худыми вѣстями пришелъ онъ. На ветхомъ, иконномъ ликѣ Палія только осталось прежнее выраженіе—застывшая въ рѣшимость покорность всему, что бы ни случилось, потому что отъ судьбы, какъ и отъ жизни, уже ждать нечего. На мужественномъ лицѣ пани-матки, умягченномъ несчастіями, засвѣтилась другая рѣшимость—рѣшимость борьбы, словно бы предстояло единоборство съ туромъ или медвѣдемъ. На молодомъ лицѣ Семашки блеснула надежда. Добродушное лицо Охрима выразило то, что оно всегда выражало при видѣ москаля; «зъ москалемъ дружи, а камень за пазухою держи».

— А по какому дѣлу, Потапычъ?—спросилъ Палій, немного помолчавъ.

— Да оно, дѣльцо-то, батюшка, Семенъ Иванычъ, безъ касательства, безо всякаго касательства... Привели къ воеводѣ это понѣ нѣкоего яко-бы бродягу, сказать бы варнакъ, такъ нѣтъ, ноздри не рваны и клеймъ на емъ никакихъ не обрѣтается, а все сумнительный человѣкъ.

— Такъ какое жъ мое къ одному бродягѣ касательство есть?

— Не касательство, батюшка, не касательство, а единственно для ради той причины, что оный реченный бродяга рѣчію своею явѣ себя творитъ, яко бы онъ черкасской породы.

— А какъ зоветъ себя?

— Въ томъ то, батюшка Семенъ Иванычъ, и загогулника: оный неведомый старецъ именуетъ себя гетманомъ малороссійскимъ и запорожскимъ.

— Гетманомъ!—не утерпѣла пани-матка,—Мазепою? Да якъ же такъ?

— Не вѣдаю, матушка... А древній, зѣло древенъ мужъ.

— И очи, якъ у василиска и аспида?

— Не видывалъ, матушка, ни аспида, ни василиска, а токмо въ священномъ писаніи челъ: «на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія»...

У пани-матки глаза метали искры: воображаемый врагъ стоялъ передъ нею. И Палій казался встревоженнымъ.

— Дакъ что жъ я-то до него и онъ до меня?—спросилъ онъ въ раздумьи.

— Можетъ, батюшка Семенъ Ивановичъ, признаешь его

личину, кто таковъ есть онъ,—отвѣчалъ лысый, шмыгая косыми глазами по угламъ избы.

— Добре. Ходимо до воеводы.

— Онъ не у воеводы, батюшка, а въ воеводской канцеляріи, за приставы.

Палій сталъ собираться: накинулъ на себя кунтушъ, привезенный женою изъ Украйны, взялъ палку, шапку, перекрестился и направился къ дверямъ.

— И я, Потапычъ, съ вами,—нерѣшительно сказала Палиха—чи можно жъ?

— Можно, можно, матушка,—отвѣчалъ подъячій.—Дѣло не секретное. Да у насъ тута, въ Сибири, не то что въ Москвѣ—у! Тамъ звѣри, а не люди... Въ оно время, еще при блаженной памяти царѣ и великомъ государѣ всея Русіи, при государѣ Алексій Михайловичѣ, бывалъ я на Москвѣ—соболей возили въ казну,—такъ видѣлъ московскіе приказные порядки—и не приведи Господь Богъ!—Оберутъ, какъ липку, да и лапотки изъ тебя сплетутъ, да еще и наглумятся: «лапотокъ-де ты, лапоточекъ плетеный, ковыряный»... А у насъ, въ Сибири—рай не житье: живи вольно, никто тебя перстомъ не тронетъ...

Охримъ при этихъ словахъ даже плюнулъ съ досады.

— Бывалъ я на Москвѣ и при царевнѣ Софѣй Алексѣвнѣ съ дьякомъ сибирскаго приказу Семишкуровымъ, и оную царевну зрѣлъ, въ ходахъ шла,—продолжалъ словоохотливый подъячій.—Красавица изъ себя! Лицомъ бѣла, станомъ полна, ажи круничата, матушка, и глаза съ поволокой... И бывалъ я, государи мои, на Москвѣ и ранѣй того, блаженныя памяти при царѣ Алексій Михайловичѣ всея Русіи: въ ту пору еще вашего гетмана Демка Игнатенкова Многогрѣшнова къ намъ, въ Сибирь, провожали, народу на Москвѣ онаго, яко измѣнника, показывали, Охотнымъ рядомъ водили, и Охотный рядъ на его плевалъ, и «гетманинкой» и всякими скверными и неподобными словами ругалъ... А у насъ здѣсь не то, у насъ рай...

Такъ проболталъ подъячій всю дорогу, вплоть до воеводской канцеляріи.

Войдя въ канцелярію, Палій остановился: онъ пораженъ былъ тѣмъ, что увидѣлъ; голова его затряслась, все тѣло его дрожало, и онъ, казалось, готовъ былъ упасть...

— Кого я вижу, Боже всесильный!—съ ужасомъ проговорилъ онъ.—Ты ли это, Ивасю, друже мой искренній?

— Я—божою милостію Іоаннъ Самуйловичъ, Малороссіи обѣихъ сторонъ Днѣпра и Запороговъ великій гетьманъ!—отвѣчалъ тотъ важно, гордо поднимая голову.

Палій со слезами бросился обнимать его, бормоча: «Боже праведный! Боже! Ивасю мій»!..

Странный видъ представляла та невѣдомая личность, которая назвала себя гетманомъ Самойловичемъ и которая такъ поразила Палія.

Это былъ очень ветхій, дряхлый, согнувшійся старикъ, хотя широкія плечи и кости, обтянутыя желтой, испаленной солнцемъ кожею, обнаруживали, что это останки чего-то крѣпкаго, коренастаго, нѣкогда мускулистаго и мужественнаго. Высокій лобъ, на половину закрытый космами сѣдыхъ, спутавшихся волосъ; сѣрые съ какимъ-то блуждающимъ огнемъ глаза, смотрѣвшіе изъ-подъ нависшихъ, какъ у старой собаки, сѣдыхъ бровей; сѣдые усы, длиннѣе чѣмъ такая же сѣдая борода, бѣлыми жгутами спадавшіе на грудь, прикрытую рубищемъ; мертвенно-худое лицо, оживленное быстрыми, гордыми, какими-то повелительными глазами,—все это вмѣстѣ съ лохмотьями и огромнымъ чекмаремъ въ правой рукѣ невольно поражало.

При видѣ сцены, послѣдовавшей за входомъ Палія, изумленіе приковало къ мѣсту и косого подъячаго, который стоялъ у порога, растопыривъ руки и пальцы и не зная на чемъ остановить свои бродячіе глаза;—и часового, стоявшаго у дверей съ старинною, ржавою до коричневости алебардою; и приземистаго, съ двойнымъ подбородкомъ и двойнымъ животомъ на широкоразставленныхъ ногахъ воеводскаго товарища, вышедшаго изъ другой двери и остановившагося съ разинутымъ ртомъ... Тутъ же стояла Паліиха и крестилась...

— Иванъ Самуйловичъ! Что съ тобою приключилося? Ты живый еще, дяковати Бога! — говорилъ Палій, протягивая руки.—Обнимемся, друже!

Странный старикъ продолжалъ сидѣть, держа чекмарь въ правой рукѣ.

— Обнимемося, обнимемося, Семене,—сказалъ онъ, наконецъ, спокойнымъ голосомъ.—Подержи булаву!—обратился онъ

повелительно къ часовому, протягивая чекмарь.—Сей есть клейнотъ войсковый.

Часовой повиновался, изумленно поглядывая то на воеводскаго товарища, то на косого подъячаго.

—Теперь обними мене, Семене... Ты давно съ Запороговъ? Что мои козаки? Повертаются изъ Крыму? Гдѣ обрѣтается нынѣ съ войскомъ московскимъ бояринъ князь Василій Василіевичъ Голицынъ? Какіе указы, слышно, получено отъ великихъ государей Іоанна и Петра Алексѣевичей и правительницы царевны Софіи Алексѣевны? — спрашивалъ странный старикъ, обнявъ Палія и вновь принимая чекмарь изъ рукъ часового.

Палій понялъ, что предъ нимъ только тѣнь его школьнаго товарища и друга, впослѣдствіи славнаго гетмана Ивана Самойловича, тѣнь, живущая памятью прошлаго, слѣпая и глухая ко всему, что теперь ее окружало... Счастливое безуміе! Завидно несчастному это безуміе, безуміе, когда память и потерянный разсудокъ застылъ на картинахъ счастливаго прошлаго, на воспоминаніяхъ золотой поры молодости и съ ней могущества и славы... И въ умѣ Палія горько прозвучали слова, за нѣсколько часовъ до этого прочитанныя ему женой въ рукописной тетрадкѣ «лѣтописцевъ козацкихъ», въ которыхъ говорится о превратностяхъ судьбы бывшаго гетмана Самойловича: «и за тую гордость и пыху скаранъ отъ Господа, зосталъ же перше отъ чести великой отдаленъ и якъ якій злочинца зъ безчестіемъ на Москву голо проваженъ, а потомъ маетности и скарбы, которые многіе были, усе отобрано, въ которыхъ мѣсто великое убожество осталося, вмѣсто роскоши—строгая неволя, вмѣсто каретъ дорогихъ и возниковъ—простой возокъ, телѣжка московская съ поводникомъ, вмѣсто слугъ нарядныхъ—сторожа стрѣльцовъ, вмѣсто музыки позитивовъ—плачъ щоденный и нарекапія на свое глупство пыхи, вмѣсто усѣхъ роскошей панскихъ—вѣчная неволя»...

Палій заплакалъ. Чужое горе, и притомъ такое, было для него жесточе его собственнаго.

Онъ не зналъ, что отвѣчать на эти вопросы своего безумнаго друга, и молчалъ, не отнимая отъ глазъ «хусточки», которую подала ему жена.

— Такъ ты, полковникъ Семенъ Ивановичъ Палій, признаешь сего человѣка?—спросилъ воеводскій товарищъ. под-

ходя къ плачущему старику и кладя ему на плечо свою жирную, съ сердоликовымъ въ алтынъ величиною на указательномъ пальцѣ перстнемъ, и красную руку...

Палій отнялъ отъ глазъ платокъ и, казалось, не понималъ, что ему говорили. Глаза были заплаканы.

— Признаешь сего человѣка?—повторилъ воеводскій товарищъ, показывая головою на страннаго старика.

— Признаю, бояринъ,—тихо отвѣчалъ Палій.

— Кто жъ онъ таковъ есть имянемъ и званіемъ?

— Бывый малороссійскій гетманъ Іоаннъ Самуйловичъ.

— Какъ бывый, Семене? — перебилъ безумецъ.—Божою милостію Іоаннъ Самуйловичъ, Малороссіи обѣихъ странъ Днѣпра и Запороговъ великій гетманъ.

— Гетманъ, точно великій гетманъ,—повторилъ Палій, горестно качая головой.

— Онъ былъ сосланъ въ Сибирь?—продолжалъ воеводскій товарищъ.

— Сюда, въ Сибирь, а въ какой городъ оной, то мнѣ невѣдомо, бояринъ.

— А давно ли то было?

— Давно... о, вельми давно... Я тогда былъ еще въ Запорогахъ...

— То было року тысяща шестьсотъ-восемьдесить-седьмого,—добавила Паліиха.

— О! Девятый-на-десять годъ уже, давно, давно,—говорилъ воеводскій товарищъ, качая головой.—Но невѣдомо, какъ онъ попалъ сюда.

Потомъ, обращаясь къ самому Самойловичу, онъ спросилъ: «Господинъ гетманъ! Въ какомъ городѣ находился ты въ ссылкѣ?»

— Какъ въ ссылкѣ? Кто меня ссылалъ?—отвѣчалъ тотъ гордо. — Меня еще недавно государыня царевна Софія Алексіевна грамотою похваляла.

— А гдѣ ты былъ теперь?—продолжалъ воеводскій товарищъ.

— Мы съ бояриномъ князь Василіемъ Василіевичемъ Голицынымъ въ Крымъ ходили.

— А нынѣ гдѣ твоя милость обрѣтается?

— Нынѣ... нынѣ, я не знаю... вчера мы у Великому Лузи

были, и я сына Грицька выслалъ на той бокъ Днѣпра до Сѣчи зъ войскомъ,—бормоталъ несчастный, силясь что-то припомнить, вѣроятно то, что произошло послѣ этого рокового «вчера», и не могъ; на этомъ роковомъ днѣ обрывалась нитка его памяти и его разсудка.

Только Палій и его жена знали событія этого рокового дня, слѣдовавшаго за роковымъ «вчера». Нѣсколько часовъ назадъ еще, сегодня же, Палій, грустно качая головой, слушалъ, какъ пани-матка черезъ свои огромныя очки нараспѣвъ читала «лѣтописца козацкаго»:

«И якъ прійшло войско малороссійское на Кичету, и тамъ старшина козацкая — обозный, асаулъ и писарь войсковый Иванъ Мазепа и иные преложеныя, видячи непорядокъ гетманскій у войску и кривды козацкія же великіе драчи и утѣсненія арендами, написали челобитную до ихъ царскихъ величествъ, выписавши усѣ кривды свои и людскіе и зневагу, якую мѣли отъ сыновъ гетманскихъ, которыхъ онъ постановлялъ полковниками, и подали боярину Василію Василіевичу Голицыну, просячи позволенія перемѣтити гетмана Ивана Самуйловича, которую заразъ принявши, бояринъ скорымъ гонцомъ послалъ на Москву до ихъ царскихъ величествъ. На которую челобитную прійшелъ указъ отъ ихъ царскихъ величествъ и войско засталъ на Коломацѣ, гдѣ бояринъ ознаймилъ старшинѣ козацкой и народившися зъ собою, оточили сторожею доброю гетмана на ночь; а на свѣтанню, прійшовши старшина козацкая до церкви, и уязли гетмана зъ безчестіемъ, ударивши, и отдали Москвѣ. И заразъ сторожа московская, усадивши на простыя колеса московскія, а сына гетманскаго Якова на конницю худую охлянъ безъ сѣдла, и проводили до московскаго табору до боярина, и тамъ узяли за сторожу крѣпкую... И такъ того часу скончалося гетманство Ивана Самуйловича поповича и сыновъ его, который на урядъ гетманство роковъ пятнадцать зоставалъ и мѣсяцъ»...

— Видишь самъ, бояринъ, въ какомъ онъ несчастномъ состояніи ума? — тихо спросилъ Палій, показывая на Самойловича.

— Вижу, полковникъ, вижу, не въ своемъ умѣ.

— Что жъ вы съ нимъ учините?

— Самъ не знаю... Отпишу обо всемъ на Москву, буду ждать указа.

— Такъ, такъ... А какъ попалъ сюда?

— Найденъ бекетами и доставленъ въ Енисейскъ.

— А далеко найденъ и какъ?

— Верстъ за сто, а то и болѣ будетъ... Сказывалъ бекетнымъ, что заблудился якобы у Запорожья и ищетъ свое войско...

Палій грустно покачалъ головой. А Самойловичъ, задумчиво вертя въ рукахъ чекмарь—воображаемую гетманскую булаву, бормоталъ про себя: «Одна надія у меня на писаря, на Мазепу... розумна и правдива голова... Мы съ нимъ у шоры уберемъ прокляту Москву»...

— А поки до указу, бояринъ, отдай его мнѣ на поруки,— попрежнему тихо сказалъ Палій.

— Винъ, небога, може, давно голодный,—пояснила Паліиха.

— Такъ, такъ,—соглашался бояринъ, — по человѣчеству жаль его.

— Коли не жаль! Подивиться на его...

А несчастный продолжалъ бормотать, витая своимъ безуміемъ въ прошломъ: «Мазепа и сыновъ моихъ добру и письму научилъ... Мазепа и се, и те... О! Голова Соломоновой мудрости»!..

— Такъ вы его одпустите до насъ, господинъ бояринъ?— не отставала пани-матка.

— Отпущаю, матушка, отпущаю: поберегите его...

— Мы доглядимо, никуды не пустимо.

— Да и куда ему, матушка, отсель уйтить! Сторонка не близкая...

— Такъ, де вже ему уходить! Хиба въ домовину...

— Ну, матушка, до домовины ему далеко, поди, тысячъ шесть верстъ будетъ...

Пани-матка улыбнулась.—Домовина—се гробъ по нашему,— сказала она.

— А!—удивился бояринъ.—Вотъ языкъ чудной! Гробъ у нихъ домовина... Да оно и вправду, матушка, гробъ есть наша вѣчная домовина...

Самойловича увели, наконецъ, прибѣгнувъ къ маленькому обману. Палій показалъ видъ, что передъ нимъ настоящій гетманъ и постоянно обращался къ нему съ словами: «пане-гет-

мане», «ясновельможный», «батьку козацкій» и т. п. Онъ поддерживалъ въ немъ его тихое, спокойное заблужденіе, что они теперь находятся въ Украинѣ, на Днѣпрѣ, недалеко отъ Запорожской Сѣчи, и именно на хуторѣ у Палія. На Енисей безумецъ смотрѣлъ, какъ на Днѣпръ...

— А, Днипро батьку, здоровъ бувъ—привѣтствовалъ онъ голубую, широкую ленту воды при видѣ Енисея, когда подходили къ невольному жилію Палія.—Ото добре будетъ, какъ поплывутъ тутъ чайки козацкія да въ море выйдутъ! Они тамъ будутъ Царь-градъ мушкетнымъ дымомъ окуривать, а мы тутъ у Крыму ордѣ чосу задамо.

— Задамо, задамо,—подтверждалъ Палій, грустно опуская сѣдую голову.

Они вошли въ избу. «Вотъ и курень мой, пане гетмане», говорилъ Палій. «Добрый, добрый курень», бормоталъ безумецъ. Ему представили Семашка и Охрима.

— А Мазепа гдѣ?—спохватился безумный.

Палій смѣшался было, вопросъ засталъ врасплохъ. Но паниматкa выручила своею находчивостью:

— Мазепа универсалы пише, пане гетмане,—сказала она.

— А! Универсалы... добре, добре... У Мазепы перо соловьиное, у, мастеръ писать, собачій сынъ!.. На тотъ часъ какъ мы съ Дорошенкомъ на перахъ войну вели, Мазепа золото былъ для мене: такого, було, спотыкача у листу надряпа, що у Дорошенка, було, ажъ шкура заболитъ... «Ознаймучи», було, вверне, да «здирства вшеляки», да латинською речію, мовъ перцемъ, пересыплетъ, такъ у вражого сына Дорошенка одъ такого листа ажъ очи рогомъ... Золото, а не писарь Мазепа...

Палій замѣтилъ, что въ памяти несчастнаго прошлое сохранилось не тронутымъ и представлялось въ послѣдовательномъ и логическомъ порядкѣ, въ картинахъ прошлаго воскресалъ и потерянный разсудокъ его, сказывалась и ясность представленій; но въ настоящемъ былъ хаосъ и полное забвеніе всего, что происходило уже за предѣлами этого свѣтлаго круга. Старики вспомнили даже, какъ они юношами учились въ кіевской коллегіи и какъ, не смотря на дружбу, на глубокую, можно сказать, взаимную привязанность, они были непримиримыми врагами тамъ, гдѣ дѣло касалось первенства: и тотъ и другой хотѣлъ быть первымъ въ коллегіи и потомъ на всей Украйнѣ. Будучи оба

сдарены богатыми способностями, они быстро усваивали все, что касалось знанія, обогащенія памяти научными свѣдѣніями, и вѣчно воевали изъ-за перваго мѣста въ классѣ.

— Цесарь, Цесарь, собачій сынъ, этотъ Мазепа,—бормоталъ Самойловичъ, который въ ссылкѣ, повидимому, совсѣмъ усвоилъ велико-русскую рѣчь и все на нее сбивался,—настоящій Цесарь: veni, vidi, vici...

— А помнишь, друже, какъ мы съ тобой въ коллегіи хотѣли оба бути цесарями?—наводилъ Палій на прошлое.

— Какъ не помнить! «Лучше быть первымъ на Украинѣ, чѣмъ вторымъ за партою въ коллегіи» это ты жъ выгадалъ,—задумчиво улыбался Самойловичъ, не разставаясь съ своимъ чекмаремъ.

— Я, я... Только не удалось мнѣ быть первымъ на Украинѣ,—продолжалъ Палій, тоже впадая въ русскую рѣчь.—А вотъ ты былъ первымъ...

— Какъ былъ? Я и поднесь первымъ остаюсь: Дорошенка отправилъ туда, гдѣ козамъ рога правятъ.

Палій спохватился, понявъ свою ошибку.

— Такъ, такъ, точно первый ты на Украинѣ, пане-гетьмане...

— Ты, признайся теперь, Семене, съ досады на меня и на тотъ бокъ Днѣпра ушелъ? А?—лукаво допрашивалъ безумецъ.—Не осилилъ Іоанна Самуйловича? А?

— Правда, правда, по зависти ушелъ...

— И скучна, пустынна, должна быть, оная «руина»? А?

— Была пустынна, теперь тамъ рай земный, страна обѣтованная, текущая медомъ и млекомъ... Тамъ бы и умереть...

И у Палія защемило сердце отъ одного воспоминанія объ отнятомъ у него краѣ, о новомъ царствѣ Украинскомъ... Хвастовъ, Паволочь, Погребищи, Бѣлая-Церковь—эта «новая Троя», какъ ее назвалъ Рейнгольдъ Паткуль, все это, какъ пестрая лента, протянулось въ памяти старика и выдавило слезы изъ глазъ.

— А вотъ что, Семене,—снова началъ безумецъ,—мы съ тобою отвоюемъ эту правобережную Украину у ляховъ, а потомъ (безумецъ оглядѣлся по сторонамъ—не подслушалъ бы его кто) отложимся отъ проклятой Москвы, поставимъ новое царство Украинское: я буду царемъ сегобочнаго царства Украинскаго, ты же, Семене, царемъ тогобочнымъ, какъ бывало въ

коллегіи за партою: и я, и ты первый... И будетъ у насъ два царства, како двѣ Іудеи, либо царство Римское и Византійское... А Москва намъ не помѣха: она нынѣ сама съ собою не справится... Да и у нея на сей часъ два царика, два младенца— Іоаннъ да Петръ, коими баба, дѣвчина, заправляетъ, аки мамка...

Слушая безумца, Палій горестно улыбался: пусть-де утѣшается передъ смертью несчастный, у котораго горе вычеркнуло изъ жизни и изъ памяти двадцать лѣтъ страданій, двадцать долгихъ лѣтъ, въ продолженіе коихъ у Палія и у Самойловича успѣли пожелтѣть сивыя бороды, а изъ младенца Петра выросъ великанъ, который топчетъ своими побѣдоносными ногами не только сегобочную и тогобочную Украину, но и все балтійское и варяжское побережье съ Кореліею и Ингерманландіею... Куда безумнымъ старцамъ тягаться съ этимъ великаномъ, у котораго и силы, и замыслы непомѣрны, какъ его ростъ!

Пани-матка, между тѣмъ, и добрый Охримъ хлопотали по хозяйству, чтобы успокоить и накормить дорогого гостя, безумнаго гетмана своего. Съ него сняли лохмотья и дали ему чистую сорочку и иную одежду, взятую у Семашка, такъ какъ платье тщедушнаго и маленькаго тѣломъ, хотя могучаго духомъ Палія было не по плечу коренастому, хотя тоже теперь сгорбленному и пригнутому къ землѣ, нѣкогда гордому вельможному гетману. Семашко притащилъ живой рыбы на обѣдъ, досталъ у рыбаковъ на Енисеѣ. А безумецъ все не разставался съ своимъ чекмаремъ-булавою даже тогда, когда Палій переодѣвалъ его... «Украдетъ, украдетъ этотъ собачій сынъ, Петрушка Дорошонокъ, какъ его покойный царь Алексѣй Михайловичъ въ грамотѣ облаялъ, хочется ему моей булавы», пояснялъ несчастный.

Увидавъ на столѣ неприбранную по нечаянности тетрадку «лѣтописцевъ казацкихъ», Самойловичъ взялъ ее и, щурясь старческими своими близорукими глазами, началъ перелистывать.

— А, «лѣтописецъ козацкій»... Того жъ року, того же року дима велика была,—шепталъ онъ, перелистывая тетрадку.— А! Вотъ и обо мнѣ пишутъ—гетманъ Иванъ Самуйловичъ... Такъ, такъ... «Того жъ року тысяща-шесть-сотъ-семьдесятъ-восьмого»—о! Давно сіе было, десять лѣтъ назадъ. Ну, ну, почитаемъ: «Того жъ року, іюля 10-го, войска великія подступили турецкія съ визиремъ Мустафою подъ Чигиринъ съ тяжарами

великими»... Такъ, такъ, это объ чигиринскомъ походѣ, когда проклятый Дорошенко турокъ на Украину призвалъ... Ну— «а войско его царскаго величества съ княземъ Ромодановскимъ и гетманомъ Иваномъ Самуйловичемъ переправилися того часу черезъ Днѣпръ, нижей Бужина, на поля чигиринскія»... О, помню, помню: трудное то было время, не мало полегло въ полѣ козаковъ... А все проклятый Дорошенко, да и Юрасько Хмельницкій тамъ былъ...

Перелистывая тетрадку, онъ прищурился къ одной страничкѣ и задумался.

— Объ комъ бы сіе писано было, о какомъ гетманѣ?—удивлялся онъ.

— Что такое, пане-гетьмане?—тревожно спросилъ Палій, догадываясь съ ужасомъ, что безумецъ наткнулся на ту именно роковую страницу, гдѣ описывалось его собственное, Самойловича паденіе.—Что тамъ писано? Да будетъ тебѣ, пане-гетьмане, читать, поговоримъ лучше.

И Палій хотѣлъ какъ-нибудь тихонько стащить эту злосчастную тетрадку.

— Нѣтъ, постой, постой, Семене,—не давалъ безумецъ,— о комъ бы сіе писаніе?.. «И оточили сторожею доброю гетмана на ночь (читалъ онъ, водя пальцемъ по строкамъ), а на свѣтаннѣ, прійшовши старшина козацкая до церкви, и узяли гетмана зъ безчестіемъ, ударивши, и отдали Москвѣ. И заразъ сторожа московская, усадивши его на простыя колеса московскія, а сына гетманскаго Якова на коницю худую охляпъ безъ сѣдла, и провадили до московскаго табору»...

Несчастный остановился и смотрѣлъ на Палія безумными глазами. Онъ, казалось, хотѣлъ что-то припоминать и не могъ... Вотъ, вотъ-вотъ, кажется, что-то припоминаетъ... Ночь такая жаркая... Слышатся окрики часовыхъ... А тамъ утромъ шумъ на площади, крики: «давай гетмана, сучого сына! Кіями его, злодѣя!»... лошадь—кого-то тащутъ—кто-то бьетъ въ ухо: кажется, это его бьютъ, гетмана Ивана Самуйловича... Нѣтъ, это сонъ!.. И телѣжка московская сонъ...

Несчастный мучительно силится припомнить что-то, и мозгъ его не слушается, память отлетѣла... Какіе-то осколки въ памяти: жаркая ночь и крики, только... Что-жъ послѣ было, утромъ? Кого везли на телѣжкѣ?.. Кого били по уху и по щекѣ?

Его, божою милостію гетмана Іоанна, нѣтъ, не можетъ быть!.. А кажется били... щека и теперь какъ будто горитъ...

— А красная у меня, Семене, лѣвая щека?—дико глядя на Палія, спрашиваетъ несчастный...

— Нѣту, пане гетьмане, не красная,—дрожа всѣмъ тѣломъ, отвѣчаетъ Палій.

— То-то... а горитъ... это я сегодня во снѣ видѣлъ, что меня кто-то въ щеку ударилъ... на московской телѣжкѣ везли меня... Вотъ какой сонъ!

— Всякіе сны бываютъ, пане гетьмане.

— Да, да... а горитъ щека...

Въ это время въ избу вошла пани-матка, вся раскраснѣвшаяся, съ засученными за локти рукавами шитой сорочки. Она «поралась» въ кухнѣ, готовила обѣдъ дорогому гостю, ясневельможному гетману обѣихъ половинъ Украины.

— А я вже и обидати наварила, пане-гетьмане!—весело сказала она.—Заразъ буду дорогого гостя частувати, чимъ Богъ пославъ у московскій неволи...

Палій строго взглянулъ на жену, и она, спохватившись, прикусила свой говорливый, бойкій языкъ. Она тотчасъ же собрала на столѣ все, что на немъ лежало, въ томъ числѣ и предательскаго «лѣтописца козацкаго».

Несчастный гетманъ, впрочемъ, услыхавъ слово «обидати», забылъ опять все: и прошедшее и настоящее; онъ ощутилъ только одно чувство теперь—это мучительное, чисто животное чувство голода, который томилъ его, онъ и самъ не помнитъ, сколько ужъ дней и ночей... Въ безумцѣ проснулось животное, и онъ жадно ждалъ обѣда...

За обѣдомъ ѣлъ онъ съ алчностью идіота, молча и какъ будто со злобой пожирая огромные куски хлѣба, рыбы, обжигаясь горячимъ и давясь неразжевываемою беззубымъ ртомъ пищею. Съ свѣсившимися на лицо прядями сѣдыхъ волосъ, пасмы коихъ полузакрывали его впалыя, какъ у мертвеца, щеки; съ глазами, горѣвшими безумнымъ огнемъ изъ-подъ сѣдыхъ, длинныхъ, словно собачьихъ бровей; со ртомъ, набитымъ пищею, онъ походилъ на звѣря или озвѣрѣвшаго, одичалаго человѣка...

И Палій, и пани-матка, и Семанко, и Охримъ съ глубокимъ сожалѣніемъ и какою-то боязнью смотрѣли украдкой на не-

счастнаго и почти ничего не ѣли. Подъ конецъ обѣда онъ сталъ ѣсть спокойнѣе, не такъ торопливо. Блѣдное лицо немножко утратило свою мертвенную безцвѣтность. Глаза стали добрѣе, осмысленнѣе.

— А теперь выпьемо по чарци сливянки за здоровіе панагетьмана!—провозгласила пани-матка. — Я зъ Украины привезла-таки сіеи доброи горилки не одну плашечку... Охримъ, щобъ не отняли іи москали, визъ пляшечки за пазухою.

— Та въ штаняхъ,—пояснилъ добросовѣстный Охримъ.

Палій опять сдѣлалъ женѣ глазами знакъ насчетъ «Украины» да «москалей». Пани-матка поняла намекъ и замолчала.

Выпили по чаркѣ. Самойловичъ совсѣмъ ожилъ, даже какъ будто выпрямился, выросъ. Выпили по другой, и гетманъ тотчасъ же охмѣлѣлъ: усталость, голодъ, теперь съ избыткомъ удовлетворенный, и душевное истомленіе взяли свое... Старикъ скоро уснулъ, сжавъ свою воображаемую булаву обѣими руками, и долго спалъ, иногда бормоча во снѣ безсвязныя рѣчи: «Мазепа золото—не писарь» «Украинское тогобочное царство» «украинскій царь», «щека горитъ»...

Проснувшись, онъ не скоро узналъ Палія, все какъ-то дико всматривался въ него, потомъ спросилъ, гдѣ онъ, гдѣ Мазепа, и успокоился, когда ему отвѣчали, что Мазепа универсалы пишетъ. Подойдя къ окошку и увидавъ Енисей, спросилъ, что за рѣка? Ему опять отвѣчали, что Днѣпръ. Онъ сказалъ, что хочетъ пойти на берегъ посмотрѣть, скоро ли «козаки на чайкахъ приплывутъ, чтобъ итти Крымъ и Царь-градъ плюндровать»...

Вышли на берегъ. Лѣтнее солнце клонилось уже къ западу. За Енисеемъ далеко тянулись темные лѣса, высились сѣрыя съ темною же зеленью горы. Надъ рѣкою носились и «кигикали» чайки, точно въ самомъ дѣлѣ это Днѣпръ... То же голубое небо, то же теплое даже жаркое, какъ у Перекопа солнце, та же трава подъ ногами, что и въ Кіевѣ, у Крещатицкаго спуска... Все то же, тотъ же одинъ невѣдомый Богъ раскинулъ и надъ Кіевомъ съ Днѣпромъ, и надъ Енисейскомъ съ Енисеемъ этотъ голубой шатеръ, убралъ землю свою зеленью, набросалъ въ нее цвѣтовъ, а съ цвѣтами набросалъ помежъ людей счастья, горы счастья, а дьяволъ, тотъ что въ Печерскомъ монастырѣ, «во образѣ ляха», бросалъ на не молящихся людей свои цвѣты—«лѣпки», этотъ

завистникъ отъ вѣка набросалъ помежъ людей горя горстями, цѣлыя горы горя набросалъ...

Гетманъ въ нѣмомъ умиленіи остановился надъ рѣкою, глядитъ на небо, на далекое зарѣчье, на рѣку, на воду, на водныя струи, катящіяся къ сѣверу!.. Къ сѣверу!..

— Что это такое дѣлается?—съ изумленіемъ и ужасомъ сказалъ гетманъ, глядя на воду, а потомъ глянулъ на небо, на солнце, опять на воду.—Что это?!.. Днѣпръ не туда побѣжалъ... не на полдень, а на полночь... Господи! Что жъ это такое?

Палій поблѣднѣлъ и задрожалъ на мѣстѣ... Гетманъ глянулъ на него, на свой чекмарь, оглядѣлся кругомъ... Палію казалось, что онъ видитъ, какъ у безумца волосы на головѣ шевелятся... Онъ ужъ, кажется, опять не безумецъ... понялъ все... все все вспомнилъ...

— Такъ это былъ не сонъ... не сонъ... Меня били въ щеку, гетмана били... Вотъ уже двадцать годовъ горитъ отъ пощечины щека гетманская... О! проклятый Мазепа!.. Это онъ...

И Самойловичъ, уронивъ чекмарь, упалъ ничкомъ, какъ ребенокъ, стукнулся головою въ песчаный берегъ и зарыдалъ...

— О мои дѣтки! О проклятый Мазепа—о-о!

Палій, поднявъ глаза къ небу, перекрестился и безнадежно махнулъ рукой... А небо было такое же голубое, какъ и надъ Украиною, надъ Кіевомъ, надъ Мазепою...

VIII.

Что же дѣлалъ въ это время Мазепа, котораго гдѣ-то въ далекой Сибири, въ невѣдомомъ ему городѣ, проклинали люди, занимавшіе не послѣднее мѣсто въ воспоминаніяхъ его долгой, какъ дорога до Сибири, жизни?

Что думалъ онъ въ то время, когда одинъ изъ этихъ проклинавшихъ его, самый несчастный, колотился головой о песчаный берегъ Енисея и тщетно звалъ къ себѣ тѣни дорогихъ сыновъ своихъ, тоже погубленныхъ Мазепою?

Мазепа думалъ о скорой женитьбѣ своей, о хорошенькой Мотренькѣ, о томъ, какія у нихъ пойдутъ дѣти отъ этого «малжонства», о томъ, какъ онъ надѣнетъ на свою сивую семидесятилѣтнюю голову и на черненькую головку Мотреньки вѣнцы, да

не церковные, не вѣнчальные, а маестатные, настоящіе владѣтельные вѣнцы... И дѣтки его отъ Мотреньки будутъ рости въ порфирахъ да виссонахъ... Вѣдь она его любитъ, «сама сказала и рученьку биленькую дала»...

Задумавъ жениться и не получивъ еще согласія на этотъ бракъ родителей невѣсты, онъ по какому-то сродственному сцѣпленію мыслей вспомнилъ, что у него есть мать, о которой онъ рѣдко думалъ, хотя и продолжалъ побаиваться—единственное существо въ мірѣ, которому Мазепа не могъ смотрѣть прямо въ глаза, и робость передъ которой не вышибли изъ него долгія семь съ половиною десятилѣтій жизни. Можетъ быть, онъ потому побаивался матери, что это опять-таки было единственное существо въ мірѣ, которое знало, что Мазепа всю жизнь фальшивилъ и лукавилъ, лукавилъ отъ первыхъ проблесковъ въ немъ сознанія, лукавилъ отъ колыбели. Она замѣтила начала этого лукавства въ своемъ «Ивасѣ» еще тогда, когда «Ивася» спалъ въ колыбелькѣ, убаюкиваемый усыпительными дѣтскими пѣсенками и еще не имѣлъ своей кроватки. Она замѣтила, что «Ивась» не любилъ засыпать подъ колыбельную пѣсню, а любилъ, лежа въ своей «колисочкѣ», играть золотыми мишурными кистями, спускавшимися отъ верха колыбели и развлекавшими его. Мать часто наблюдала за ребенкомъ и подсмотрѣла, что когда его начинали качать и монотонно пѣть—«у котика, у кота колисочка золота»,—онъ скоро закрывалъ глаза и повидимому засыпалъ; но тотчасъ же оказывалось, что онъ притворялся, чтобъ только скорѣй перестали его качать и оставили его съ любимыми «цяцями»-кистями. Притворство и лукавство росли въ «Ивасѣ» съ годами, и эти качества тѣмъ болѣе укоренялись въ немъ, что развитіе ребенка совершалось подъ двумя несходными нравственными вліяніями: отецъ, старый шляхтичъ Мазепа души не чаялъ въ своемъ «Ивасѣ Коновченкѣ», какъ онъ называлъ будущаго казацкаго «лыцаря», и до крайности баловалъ его; а мать, вспоенная немножко молокомъ польской культуры, мечтала выработать изъ своего сынка «уродзонего панича» съ лоскомъ, граціей и манерами отборнаго паньства. Способный и смѣтливый мальчикъ гнулся и въ ту, и въ другую сторону, словно угорь, обманывалъ мать, которыя была баба не промахъ, попадался въ просакъ, вился передъ нею, какъ змѣенышъ, а потомъ, когда мать окончательно пристроила его ко двору короля Яна-Кази-

міра, гдѣ тоже приходилось виться и такъ и этакъ, юный Мазепа окончательно превратился въ нравственно-безпозвоночное существо. Лукавить, притворяться, лгать—стало его природой, и онъ такъ выхолилъ въ себѣ лукавую душу, что самъ иногда не сознавалъ, лукавитъ онъ или дѣйствуетъ искренно. Эта внутренняя приросшая къ душѣ лукавость въ свою очередь выработала и внѣшніе органы для своего проявленія, превративъ образъ Мазепы въ какіе-то неуловимые лики, именно лики, нѣсколько ликовъ, а не лицо: ликъ кротости, цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви передъ сильными міра сего, ликъ добродушія и даже простоватости передъ равными и ликъ милаго бѣса, котораго не отличишь отъ ангела—передъ прекраснымъ поломъ; и только старость уже наложила на эти лики печать какой-то угрюмости, да и то въ моменты лишь его одиночества и раздумья. Оттого Петру онъ казался добрымъ, умнымъ и преданнымъ старикомъ, полякамъ казался своимъ братомъ шляхтичемъ, а женщины были отъ него безъ ума,—и только народъ, дѣти и собаки сторонились отъ его глазъ, какъ ни старался онъ сдѣлать ихъ добрыми и ласковыми. Одна мать хорошо видѣла эту бѣсовскую тріипостасность своего чадушка подъ всѣми соусами, потому что изучила съ пеленокъ этого чадушка, и чадушка побаивался своей матушки. Зато вдали отъ матушки, а онъ былъ всегда вдали отъ нея, онъ лукавилъ вездѣ и всегда: передъ москалями—прикидываясь ихъ покорнымъ и строгоисполнительнымъ орудіемъ, передъ поляками—рисуясь своими симпатіями къ польской культурѣ, передъ православнымъ духовенствомъ—воздвигая храмы и давая на монастыри большіе вклады, передъ католиками—лаская ихъ таинственными недомолвками. Онъ лукавилъ и передъ собой, и передъ Богомъ, лукавилъ на молитвѣ, стоя дольше на колѣняхъ передъ образами, чѣмъ того желало бы его лукавое сердце и подагрическія ноги. Зная это, хитрая старуха-мать, увидавъ, бывало, своего сынка-гетмана, какъ онъ, заходя иногда въ Фроловскій монастырь, гдѣ его матушка была игуменьей, распинается на людяхъ передъ Спасителемъ въ терновомъ вѣнцѣ, бывало, нѣтъ-нѣтъ да и шепнетъ, проходя мимо молящагося гетмана: «Ивасю! Али ты не знаешь, что у Бога очи лучше моихъ? Я и то вижу, а онъ»...

Вотъ и теперь передъ женитьбой онъ надумалъ навѣстить эту вѣдьму-матушку и испросить у нея родительскаго благосло-

венія, тѣмъ болѣе, что, возвращаясь изъ похода съ правобережной Украины на лѣвобережную, онъ заѣхалъ въ Кіевъ какъ для свиданія съ кіевскимъ воеводою княземъ Димитріемъ Голицынымъ, такъ и для закупки подарковъ и приданаго для своей невѣсты.

Мазепа пріѣхалъ въ монастырь въ богатой берлинѣ съ двумя сердюками позади. Лицо его послѣ продолжительнаго похода по Заднѣпровской Украйнѣ для возстановленія покорности въ бывшей Паліивщинѣ казалось усталымъ, несмотря на густой загаръ, наложенный на него южнымъ солнцемъ, что еще болѣе выдавало сивизну его головы и усовъ, ставшихъ въ послѣдніе три года совсѣмъ бѣлыми, чисто серебряными. Такимъ же серебромъ отливала пара отличныхъ сѣрыхъ коней, запряженныхъ въ берлину, обитую внутри малиновымъ бархатомъ, къ которому и была прислонена лукавая сивая голова гетмана.

Выйдя изъ берлины, онъ направился по монастырскому двору, пестрѣвшему всевозможными цвѣтами, прямо къ кельѣ игуменьи. Встрѣчавшіяся ему монашенки робко и низко кланялись, не глядя на него, а попавшаяся на пути кудластая черная собака, взглянувъ въ добрые глаза гетмана, поджала хвостъ и, словно укушенная августовскою мухою, бросилась подъ ближайшее крыльцо. Далѣе попалась молоденькая черничка съ большими черными глазами, хотѣла, повидимому, ихъ спрятать, но не успѣла: вспыхнула, поклонилась и тоже, какъ собака, юркнула въ сторону. Мазепа проводилъ ее глазами и вступилъ на знакомое крыльцо.

Въ сѣняхъ не оказалось никого, въ первой просторной кельѣ—тоже. Окна открыты въ садъ. Пахнуло запахомъ цвѣтущей липы и листьями увядающей розы, это на окнѣ, на листѣ синей бумаги, сушились розовые лепестки на солнышкѣ. Въ сосѣдней кельѣ сквозь полуоткрытую дверь слышны голоса.

— Я, бабусю, принесу кутику червоную ленточку на шею,—щебечетъ дѣтскій голосокъ.

— Червоную нельзя, дитятко, — отвѣчаетъ старческій голосъ.

— Отчего, бабусю?

— Котикъ живетъ въ монастырѣ, а въ монастырѣ ничего червонаго нѣтъ.

— А цвѣты, бабусю?

— То цвѣты божьи сами червоные, а носить на себѣ червонаго нельзя.

— Та котикъ же, бабусю, не монахъ...

Мазепа улыбнулся и тихо отворилъ дверь, онъ все дѣлалъ тихо, какъ-то неожиданно, словно пугалъ.

— Те-те-те! Старе и мале котикомъ забавляются,—сказалъ онъ, входя во вторую келью.

Въ этой кельѣ, просторной, свѣтлой, съ богатыми образами въ переднемъ углу и съ цвѣтами на окнахъ, въ глубокомъ креслѣ, на подобіе ниши, сидѣла старушка, повидимому, глубокой старости. Она была въ монашескомъ одѣяніи, хотя по келейному, но съ перламутровыми чотками на правой рукѣ, и вязала чулокъ. Маленькое, отъ старости сжавшееся личико было необыкновенно бѣло, такъ что едва отличалось отъ такихъ же бѣлыхъ, сухихъ и мягкихъ, какъ ленъ, волосъ, выбившихся изъ подъ чернаго платочка, охватывавшаго всю голову. Сухой, горбатый, какъ у кончика носъ, острый, кверху поднявшійся подбородокъ, полное отсутствіе губъ, давно и безвозвратно втянутыхъ беззубымъ ртомъ, и небольшіе сѣрые, круглые, какъ у птицы, глаза невольно приковывали вниманіе къ этимъ живымъ останкамъ человѣка. Но что особенно било въ глаза, такъ это черныя брови, непонятнымъ образомъ уцѣлѣвшія среди общаго отцвѣтанія этого ветхаго существа и придававшія какую-то молодую живость птичьимъ глазамъ.

У ногъ старушки забавлялся огромнымъ клубкомъ черный котикъ, а около него на полу же сидѣла дѣвочка лѣтъ двѣнадцати-тринадцати, одѣтая по городскому: въ бѣлой съ узорами сорочкѣ и въ голубой юбкѣ.

Послѣ перваго восклицанія Мазепа подошелъ къ старушкѣ, низко наклонилъ голову и подставилъ почти къ самому носу маленькаго съежившагося существа обѣ ладони пригоршней для благословенія.

— Благословите, мамо и матушка игуменья,—сказалъ онъ тихо, опустивъ глаза.

Старушка подняла свои, сдѣлала головой движеніе, какъ бы клюнула клювомъ Мазепу, положила на колѣна чулокъ, снова клюнула и благословила, гремя четками.

— Во имя Отца и Сына... Богъ благословитъ...

— Живеньки-здоровеньки, мамо?—спросилъ гетманъ, цѣлуя руки матери.

— Живу... Вотъ послѣднія панчошки плету себѣ для дороги на тотъ свѣтъ,—и она указала на чулокъ.—Далекая дорога!

— Далекая, мамо, далекая... только, Богъ дастъ, еще поживемъ.

Старушка махнула сухой ручкой.—Что ужъ объ насъ! А вотъ какъ ты, сынку, живешь?

— Да я, матушка, сейчасъ изъ походу, до Львова доходили, всю тогобочную Украину ускромнили, а то Палій ее избаловалъ ни на что... Заѣзжалъ и до дому до вашихъ маетностей...

— А! Пусто тамъ?

— Нѣтъ... Только хлопы того дуба срубали, что вы посадили въ день моего рожденія.

Старушка вздохнула и молчала. Мазепа тотчасъ перемѣнилъ разговоръ.

— А! И Оксанка тутъ! — ласково обратился онъ къ дѣвочкѣ.—У! Какая большая стала дивчина... А очи, ай батюшки, еще больше стали... Ухъ, боюсь-боюсь Оксанкиныхъ очей...

Дѣвочка разсмѣялась, взяла кошку на руки и стала ее гладить.

— Такъ червоную ленточку ему нельзя?—улыбаясь шутилъ Мазепа.

— Нельзя, грѣхъ... А я ему бѣленькую, шелковую стричечку принесу,—заговорила дѣвочка.

— Ну, добре. А что батько, старый Хмара?

— Татко до Запорожжа поихали съ козаками.

— А мати въ городѣ?

— Мама дома.

— Ну, скажи матери, что я буду къ ней въ гости: пускай ковбаски готовитъ.

Болтая съ дѣвочкой, Мазепа украдкой поглядывалъ на мать. Та, съ своей стороны, молча вяжучи чулокъ, нѣтъ-нѣтъ, да и клюнетъ сынка, да опять въ чулокъ спрячетъ свои птичьи глаза.

Но надо было начать о дѣлѣ, а при дѣвочкѣ нельзя, не годится о такомъ важномъ дѣлѣ при постороннихъ говорить. Мазепа взглядываетъ сначала на мать, потомъ на дѣвочку. Ждать некогда...

— Ну, Оксанка,—говоритъ онъ ласково, — возьми, дивчинко, котика да пойди, поиграй съ нимъ у садочку.

Дѣвочка поднимаетъ на него свои большущіе сѣрые глаза.

— У! Яки очи велики! Боюсь-боюсь ихъ! Бѣги отсюда.

Дѣвочка съ котомъ на рукахъ выбѣжала изъ кельи, а мать Мазепы, положивъ чулокъ на колѣна, устремила на сына безмолвный, вопросительный, скорѣе испытующій взоръ... «Что онъ задумалъ? О чемъ намѣренъ лгать и для чего? Или въ первый разъ въ жизни хочетъ правду сказать?» говорили пытливые глазки матери-игуменьи.

Мазепа пододвинулъ къ ногамъ матери складную кожаную табуретку и опустился на нее. Съ минуту и тотъ, и другая молчали. Мазепа сидѣлъ, опустивъ голову и устремивъ глаза на колѣна матери, на чулокъ, бѣлѣвшійся на нихъ. Въ памяти у него мелькнуло свѣтлой искоркой, какъ онъ маленькимъ сидѣлъ, бывало, на этихъ колѣняхъ и игралъ дорогими ожерельями, блестѣвшими на бѣлой точеной шеѣ матери. Какъ давно это было! Не видать теперь и шеи бѣлой, да и какая она теперь!.. А мать, глядя на сѣдую, наклоненную голову сына, тоже вспомнила бѣлокуренькую головку Ивася... Сѣдая ужъ и она, да какъ сѣда!.. Такъ и сжалось старое сердце—руки дрогнули...

Мазепа наклонился, взялъ эти маленькія, сухія, сморщенныя руки и молча сталъ цѣловать ихъ... Еще больше дрогнули руки.

— Что, Ивасю? Что съ тобой, сынокъ? — дрогнулъ голосъ у старушки.

«Ковалику-ковалику! Скуй мени пичку, таку невеличку»... доносился со двора веселый напѣвъ Оксанки.

Мазепа выпрямился и глянулъ въ глаза матери. Онъ прочелъ въ нихъ давно, почти никогда невиданную нѣжность, и въ сердцѣ у него шевельнулось что-то острое... «И я бы былъ добрѣе, еслибъ эти глаза добрѣе были», сказалось у него въ душѣ какъ-то невольно.

— Матушка! Благослови меня на доброе дѣло,—выговорилъ онъ, наконецъ, нерѣшительно.

— На доброе дѣло я всегда благословлю тебя,—отвѣчала игуменья.—Какое-жъ это дѣло, сынку?

— Я хочу въ малжонство вступить, жениться.

— Жениться! Въ твои годы!.. А сколько тебѣ?

И старушка стала нетерпѣливо перебирать чотки, какъ бы считая годы, десятилѣтія. Голова ея дрожала, впалый ротъ жевалъ что-то, круглые глазки стали еще круглѣе... У Мазепы межъ бровями прошла складка, та историческая складка, которую замѣтилъ разъ и царь Петръ Алексѣевичъ, когда во время одного буйнаго пира, разгоряченный виномъ и неловкимъ замѣчаніемъ Мазепы, онъ дернулъ гетмана за сивый усъ; замѣтилъ эту складку и Палій передъ тѣмъ, какъ Мазепа велѣлъ его заковать въ желѣза... Онъ не отвѣчалъ на вопросъ матери.

— Восьмой десятокъ давно... не поздненько ли, сынку?— продолжала старушка.

— Не въ лѣтахъ, матушка, дѣло... Аще въ силахъ, говоритъ святое письмо... Могій вмѣстити, да вмѣститъ,—сказалъ онъ рѣзко.

— Такъ-то такъ... Ну, да это твое дѣло... Ты не мала дитина, обдумалъ, поди... Тебѣ жить.... — Старушка какъ-будто смягчилась и снова взяла чулокъ въ руки.—А кого вздумалъ взять?

— Кочубеивну...

Старушка откинулась назадъ, заторопилась и спустила петлю. Сначала она не знала, что сказать—и то глядѣла на сына, то на чулокъ, какъ бы со стороны ожидая разрѣшенія своего недоумѣнія.

— Кочубеивну!.. Дочку Кочубея Василія!.. Да онъ самъ тебѣ въ дѣти годится...

— А хоть бы и во внуки... Моя воля...—У Мазепы голосъ становился рѣзче, и складка между бровями обозначилась явственнѣе: лицо его превращалось въ тотъ ликъ, котораго пугались дѣти и собаки.

— А которую это изъ нихъ?

Мазепа на это не отвѣчалъ, а точно оборвалъ басовую струну у гитары: «Матрону!»

Старуха рванулась было встать, но ноги ея не слушались, она ихъ только поджала подъ кресла.

— Да ты Лотъ, что ли?—оборвала въ свою очередь старуха.

— Не Лотъ—Лотъ былъ святой человѣкъ, а я просто Мазепа гетманъ,—отвѣчалъ онъ ужъ съ спокойной злостью.

— Дочь-то свою брать себѣ въ жены?

— Она мнѣ не дочь, а крестница.

— Все равно, грѣхъ... она твоя духовная дщерь...

Мазепа всталъ и началъ ходить по кельѣ. Лицо его было сурово. Глаза, смотрѣвшіе исподлобья, изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей, казалось, были не его, да и смотрѣли все какъ то въ бокъ, точь-въ-точь глаза собаки, которую рванули сзади за икры, а она, не успѣвъ отмстить врагу, косо озирается, какъ бы ища, на комъ сорвать злость.

— Боже мой! Боже мой!—говорила сама съ собой старушка.—И когда умретъ въ немъ эта похотливость проклятая!.. Съ дѣтства такой: покоювкамъ ни одной не давалъ проходу... Тамъ съ этой Фальбовской связался... Еще милостивъ былъ панъ Фальбовскій, не къ хвосту конскому привязалъ, а на спину...

— Да что вы, матушка, изъ могилъ людей выкапываете!—остановился онъ передъ матерью.

— Какъ не выкапывать!.. Отца бы твоего выкопать, пусть бы порадовался на своего сынка...

— И порадовался бы... Изъ нашего и вашего роду кто былъ гетманомъ? Кто водилъ дружество съ царями и владыками? Я одинъ... Моего батюшки могила никому невѣдома, козы по ней ходятъ и траву щиплятъ; а объ сынѣ его и вашемъ, объ Иванѣ Мазепѣ лѣтописцы уже пишутъ, какъ вонъ писали о Мономахѣ да о другихъ владыкахъ земли... И твое имя, матушка инокиня Магдалина, по мнѣ воспомянутъ будучіе лѣтописцы. Ради меня ты и игуменство получила, а не будь у тебя сына Ивана, тебя бы давно Паліева голутьба на поругу изъ твоихъ маетностей собаками выуськала, а то можетъ и по тебѣ бы давно козы паслись, какъ пасутся на батюшкиной могилѣ... Для тебя одной сынъ Иванъ—не сынъ: онъ-де стыдъ и поношеніе нашему роду... Знаю я тебя! Всю жизнь точила ты меня, какъ червь старую осину: можетъ, оттого и сидитъ во мнѣ этотъ червь, котораго никто кромѣ меня не чуетъ... А каково жить-то съ этой червоточиной въ сердцѣ... Вотъ часомъ оглянешься на свою прошлую жизнь, какъ собака на червивый хвостъ глядитъ, и что-жъ увидишь тамъ? Кто меня любилъ? Никто! Мать родная не любила! А за что? За то что мать—шляхтянка, молокомъ матери шляхтянки да католички отравленная, и у сына—на вонъ! Не панская кровь, а казацкая, батьковская... Да ты и эту кровь запсутила—ни я козакъ, ни я ляхъ, а выродокъ какой-то, я хуже Измаила...

Того отецъ выгналъ въ пустыню, но у него осталась мать Агарь... А у меня не было и Агари, у меня никого не было! Я думалъ сынъ, сынъ у меня будетъ, будетъ-де кому, умираючи, передать и добро мое, и имя. Такъ нѣтъ у меня и сына! Некому меня любить... Одна душа добрая нашлась, дитя чистое, такъ и ту хотятъ отнять у меня... Нѣтъ! Не бывать этому! До патріарха вселенскаго дойду: онъ дастъ благословеніе...

Мазепа остановился; онъ былъ страшенъ и силенъ. Но и предъ нимъ былъ кремень, хотя уже до половины закопанный въ могилу. У старухи все лицо ходенемъ ходило.

— Патріархъ дастъ, такъ я не дамъ своего благословенія!— какъ-то долбанула она своимъ птичьимъ клювомъ и застучала клюкой, стоявшей у кресла.—Не дамъ!

— Такъ и не нужно мнѣ твоего благословенія!

Старуха швырнула на полъ чулокъ, оперлась на клюку-посохъ и встала, дрожа всѣмъ тщедушнымъ, изсохшимъ тѣломъ...

— Не нужно?.. Тебѣ материнскаго благословенія не нужно, змѣенышъ?—И она подняла посохъ.—Такъ вотъ же тебѣ, на!

Она, шатаясь и дрожа, пошла на него съ посохомъ. Мазепа отступалъ. Старушка запуталась въ чулкѣ, слабыя ноги не выдержали, и она клюнулась носомъ объ полъ, упавъ безшумно, словно мѣшокъ со старымъ хламомъ...

— Будь же ты проклятъ, аспидово отродье! Проклятъ, проклятъ, про-оклятъ!..

— Матушка!..

— Буди проклятъ, проклятъ!.. Аминь, буди проклятъ!

— Мамо! Мамо!—Онъ хотѣлъ поднять ее.

— Прочь, прочь, проклятый! Сгинь съ очей моихъ.

Мазепа вышелъ, не оглядываясь болѣе на свою мать. Въ ушахъ у него звенѣло проклятіе...—Мене бить... гетмана... какъ послѣднюю собаку... сего еще не доставало!..

— А мати Галина котику рыбки давала!—зазвенѣлъ ему навстрѣчу голосокъ и тотчасъ же смолкъ: Оксанка испугалась очей гетмана...

IX.

Съ проклятіемъ матери и съ горькимъ чувствомъ глубокаго одиночества и сиротства воротился Мазепа въ свою столицу, въ Батуринъ. Теперь онъ еще болѣе чувствовалъ то, что въ по-

слѣдній разъ высказалъ матери, что его кто-то проклялъ отъ колыбели, наложивъ на всю его жизнь, какъ на братоубійцу Каина, печать отчужденія. Но онъ, Мазепа, не убивалъ брата, да у него и не было брата... И онъ перебиралъ всю свою жизнь... Но и тамъ ничего кромѣ старыхъ ранъ, ничего, надъ чѣмъ бы поплакала усталая память сладкими слезами.

Тутъ, во всей этой Малороссіи, онъ чувствуетъ себя чужимъ, отгороженнымъ отъ сердца народа, какъ онъ всю жизнь былъ отгороженъ отъ сердца матери: народъ не любилъ его, не вѣрилъ ему, чуждался его; у него одинъ кумиръ, какъ тотъ израильскій змій въ пустынѣ,—и этотъ змій Палій. И казаки, и старшина не любятъ Мазепы; онъ это видитъ, чувствуетъ, подмѣчая въ глазахъ всѣхъ ту искорку недовѣрія, какую можно видѣть у чужой собаки, которая можетъ и укусить... Тамъ, въ тогобочной Малороссіи, онъ и подавно чужой: надъ каждой хаткой, надъ вновь запаханными нивами, надъ вновь выросшими изъ «руины» городами витаетъ тѣнь того же змія пустыни, а на Мазепу всѣ смотрятъ, какъ евреи смотрѣли на Фараона...

Да и Москва, царь и Польша смотрятъ на него только какъ на сторожевую собаку, которая прикована на цѣпь около ихъ, чужого, добра и должна лаять по ночамъ...

Сгинула бы совсѣмъ эта проклятая, безмозглая хохлатчина!..

И онъ невольно припоминаетъ стихи, когда-то сочиненные имъ:

Вси покою щире прагнуть,
Та не одинъ гужъ вси тягнуть—
Той направо, той наливо...

А вотъ и здѣсь на сердцѣ одна была у него услада, одна надежда, такъ и ту отнимаютъ. Кочубеи и слышать не хотятъ о замужествѣ на ихъ дочери, когда гетманъ формально посватался, самъ богатые ручники и подарки привезъ изъ Кіева. А все эта проклятая Кочубеиха Любка, запорожецъ въ юбкѣ! Такой же запорожецъ, какъ и сажонная Палиха... Ну, да та теперь далеко—въ Енисейскѣ гдѣ-то, гдѣ холодное небо съ снѣжною сибирною землею сходится... Тамъ и Самойловичъ згинулъ... Всѣхъ сломилъ Мазепа, одну эту Кочубеиху Любку не сломить. Эко Салтанъ-Гирей какой завелся на Украйнѣ! Нельзя, говоритъ, жениться на крестницѣ, земля де пожретъ обоихъ въ первую же ночь послѣ вѣнца... Вздоръ какой, «нисенитница»! А она-де, го-

воритъ, Мотря, еще «мала дитина»... Мала! Чуть ли не девятнадцатый годъ...

А сама Мотренька? О! Да она безумно любитъ стараго, никѣмъ не любимаго, одинокаго среди своего величія и роскоши гетмана. Можетъ быть, за это одиночество, за это сиротство и привязалось къ нему чистое, еще никого кромѣ «тата» да «мамы» не любившее дѣвичье сердце... Все время послѣ той охоты по порошѣ, когда Паліиха убила медвѣдя, и когда потомъ гетманъ съ войскомъ ушелъ въ походъ на тотъ бокъ Днѣпра, въ Польшу, дѣвушка не переставала думать о немъ. Окруженный ореоломъ могущества и славы, полновластный владыка цѣлой страны, могучій умомъ и волею, какимъ онъ казался всѣмъ и ей самой, онъ въ то же время въ мечтахъ дѣвушки рисовался грустнымъ, одинокимъ, какимъ не могъ казаться самый послѣдній нищій, такимъ сиротствующимъ, которому, какъ въ тотъ день, когда онъ особенно былъ грустенъ, и когда Мотренька приносила ему цвѣты, ничего не оставалось въ этой жизни, какъ искать своей могилы. И молодое сердце дѣвушки разрывалось на части при мысли, что никто, никто въ мірѣ не можетъ утѣшить его, что нѣтъ въ свѣтѣ существа, на груди котораго онъ могъ хоть бы выплакать свои никому, кромѣ ея одной невидимыя слезы, существа, которое могло бы приласкать эту сѣдую, такъ много и такъ горько думавшую голову и отвѣчать любящими слезами на его горькія, одинокія слезы. И Мотренька плакала иногда, какъ безумная, думая о немъ, особенно послѣ того, какъ онъ сказалъ, что она одна составляетъ радость его жизни, яркое солнышко въ его мрачной старости, и что это солнышко скоро закатится для него. Первое ея чувство, изъ котораго выросла потомъ страсть, была жалость къ нему, о, какая жгучая жалость! Такъ бы, кажется, и истаяло, изошло слезами молодое сердце.

Когда Мазепа во главѣ своей свиты: войскового обознаго, асаула, генеральнаго судьи, войскового писаря, полковниковъ разныхъ полковъ и другой казацкой старшины, окруженный блестящимъ эскортомъ изъ золотой украинской молодежи, бунчуковыми товарищами и сердюками, въѣзжалъ въ Батуринъ подъ звуки трубъ и котловъ, подъ звонъ колоколовъ и при многочисленномъ стеченіи народа, Мотренька не вышла вмѣстѣ съ другими навстрѣчу гетмана и отца и притаилась въ своемъ саду, мимо котораго слѣдовалъ торжественный кортежъ, и когда изъ

блестящей свиты выдѣлилось сѣдоусое, понурое и болѣзненно-угрюмое лицо Мазепы рядомъ съ черноусымъ и моложавымъ лицомъ Кочубея, дѣвушка, прикрытая зеленью сада, восторженно упала на колѣни и перекрестила эти двѣ головы—голову отца и Мазепы; но въ душѣ она крестила только послѣдняго, а тату своего мысленно цѣловала и дергала за черный усъ, что она, перебалованная имъ до-нельзя, очень любила дѣлать. Это движеніе видѣла лишь старая няня, слѣдившая за панночкой, и заплакала отъ умиленія, глядя на свою вскормленницу и благоговѣйно бормоча: «отъ дитина добра... божа дитина»...

Въ тотъ же день вечеромъ Мазепа навѣстилъ Кочубеевъ, явившись къ нимъ съ полдюжиною сердюковъ, которые принесли цѣлые вороха подарковъ для самой пани судіихи и для панночекъ, которыхъ у Кочубеевъ, кромѣ Мотреньки было еще двѣ. Гетманъ былъ особенно любезенъ съ хозяйкою, разсказывалъ о своемъ походѣ, описывалъ яркими красками то цвѣтущее положеніе, въ какомъ онъ нашелъ Паліивщину, ту часть тогобочной Украйны, которую вызвалъ къ жизни Палій. Говорилъ о новыхъ милостяхъ, оказанныхъ ему царемъ какъ въ видѣ дорогихъ подарковъ, такъ и любезныхъ писемъ, и о слухахъ, ходившихъ насчетъ шведскаго короля, о его беззавѣтной храбрости, о простотѣ его жизни, ничѣмъ не отличающейся отъ жизни солдатъ. Разсказъ его былъ живъ, увлекателенъ, остроуменъ. Между серьезной рѣчью блистали остроты, каламбуры, словесныя «жарты», которыя такъ любитъ украинскій умъ. Онъ пересыпалъ свою рѣчь удачными пословицами, стихами, польскою солью. Панночки слушали съ величайшимъ удовольствіемъ, а Мотренька украдкой любовалась имъ и болѣла за него, зная, догадываясь, что подъ этой веселой, живой наружностью таится глубокая тоска, переживается тяжкое одиночество.

— А все мои старыя кости не нашли своей домовины,—неожиданно и съ горечью заключилъ онъ свою живую и восхитительную бесѣду.

Это было сказано такъ, что Мотренька, прибѣжавъ въ свою комнату, бросилась на колѣна передъ образомъ и зарыдала.

Немного спустя, Мазепа отыскалъ ее въ саду съ заплаканными глазами. Это было поводомъ къ роковому объясненію между ними, объясненію, положившему начало той страшной исторической драмѣ, которая, черезъ три года, закончилась кровавыми

актами — трагической кончиной отца дѣвушки, пораженіемъ Карла XII подъ Полтавой и не менѣе трагической кончиной Мазепы, котораго прокляла вся Россія и втайнѣ оплакало лишь одно существо, одно, любившее эту анаѳематствованную церковью крупную историческую личность, когда ее, повидимому, ненавидѣли всѣ, и свои и чужіе.

Увидѣвъ свою крестницу заплаканною, гетманъ спросилъ ее о причинѣ ея слезъ. Дѣвушка сначала молчала, сидя на скамейкѣ подъ дубомъ и разсматривая дубовый листъ отъ вѣтки этого развѣсистаго зеленаго гиганта, свѣсившейся къ самой ручкѣ высокой скамьи. Старикъ сталъ гладить ея голову, допытываясь о причинѣ слезъ. Дѣвушка продолжала молчать, теребя листокъ, какъ это дѣлаютъ дѣти, собирающіяся вновь заплакать, и по всему видно было, что она собиралась разревѣться. Мазепа отнялъ отъ ея рукъ вѣтку, взялъ за подбородокъ, какъ ребенка и хотѣлъ приподнять ея лицо. Дѣвушка упиралась, Мазепа тихо-тихо и грустно назвалъ ее по имени. Снова молчаніе, только на руку ему скатились двѣ горячія слезы... «Что съ тобою, дитятко мое?» съ испугомъ спросилъ онъ. «Васъ жалко»... И дѣвушка, припавъ къ плечу гетмана, горько, неудержимо плакала. Мазепа тихо привлекъ ее къ себѣ и, одною рукою придерживая станъ, другою гладя бившуюся у него на груди горячую головку, долго сидѣлъ молча, пока она не выплакалась, и пока грудь ея не стала ровнѣе и покойнѣе биться на его груди. Тогда онъ отвелъ отъ себя ея заплаканное лицо и, глядя въ дѣтски свѣтлые глаза, которыхъ никакъ не могъ забыть Павлуша Ягужинскій, тихо спросилъ: «Ты обо мнѣ плачешь?» «Объ васъ». «О томъ, что я одинокъ, въ могилу гляжу?»—«О, тату!» Мазепа помолчалъ, какъ бы собираясь съ силами... «Хочешь быть моею?» дрожа и почти шепотомъ спросилъ онъ. «Я давно твоя»... Мазепа стиснулъ ея руки... «Я говорю: хочешь ли ты быть вся моею?» Дѣвушка молчала, глядя на него безумными глазами... «Хочешь ли быть малжонкою стараго гетмана передъ людьми и Богомъ?» Дѣвушка снова упала къ нему на грудь съ страстнымъ шепотомъ: «Возьми мене... неси мене хочъ на край свита... я твоя, твоя!..

Непостижима душа человѣческая!.. Въ этотъ самый моментъ передъ глазами ея пронеслось какое-то видѣніе: яркое весеннее утро, садъ и земля, усыпанная розовымъ цвѣточнымъ снѣгомъ и

юноша съ заплаканными, такими мягкими, теплыми какими-то глазами... «Мнѣ восемнадцать уже исполнилось», говоритъ юноша.

Когда на другой день Мазепа объявилъ о своемъ сватовствѣ, Кочубеи рѣшительно отказали ему. Гетманъ былъ глубоко поражепъ. Дѣвушка плакала безутѣшно. Но она уже не могла жить безъ того, кого давно полюбила. Между нею и Мазепою начались почти каждодневныя тайныя свиданія по ночамъ то въ саду Кочубеевъ, то въ саду гетмана. Старикъ охваченъ былъ всепожирающею страстью. Никогда въ жизни не любилъ онъ такъ, какъ полюбилъ теперь, хотя любить ему приходилось не разъ и въ самую раннюю весну своей жизни, еще при дворѣ Яна-Казиміра, а потомъ въ саду у папа Фальбовскаго и въ самомъ зрѣломъ возрастѣ. Зато никогда не встрѣчалъ онъ и такой женщины, такого чуднаго и обаятельнаго ясностью и полнотою духа существа и съ такимъ глубокимъ и серьезнымъ складомъ чувства, какое онъ нашелъ въ этой своей предмогильной привязанности. Онъ и въ молодости не испыталъ того, что теперь въ первый разъ испытывалъ: это обаяніе и опьяненіе цѣломудреннаго, робкаго какого-то чувства, въ которомъ господствовали болѣе чистые порывы духа. Можетъ быть это чувство очищалось чистотою той, которая вызвала его; но Мазепа чувствовалъ глубоко, что онъ самъ переродился съ этой привязанностью; въ немъ проснулась невѣдомая для него сила—доброта... Ему въ первый разъ въ жизни стало жаль погубленныхъ имъ жертвъ—Самойловича, Палія и легіона другихъ, забытыхъ имъ. Въ сердцѣ его въ первый разъ шевельнулась холодная змѣя—совѣсть, стыдъ за свое прошлое, чувство брезгливости своихъ собственныхъ мерзкихъ дѣлъ, которыя до этой роковой минуты не казались ему гадкими. Руки его дрожали, когда въ темнотѣ ночи онѣ ловили руки дѣвушки, трепетно ждавшей его, и дрожали боязнью, что вотъ-вотъ и ночью, во мракѣ, лаская его, она увидитъ на этихъ рукахъ невинно пролитую кровь, ощутитъ слезы, которыя заставили вылиться изъ множества глазъ эти сжимаемыя нѣжными пальчиками дѣвушки, жесткія, злодѣйскія руки. «Прости, прости меня, чистая!» шепталъ онъ невольно, обнимая колѣни дорогого ему существа. А дѣвушка, страстно обнимая и цѣлуя сѣдую голову, надрывалась, плакала: «Головонько моя! Серденько... На горенько я съ тобою спозналася»...

Но скоро объ этихъ свиданіяхъ провѣдала мать Мотреньки, и тогда для послѣдней адомъ сталъ ея родительскій домъ. За несчастной учредили строгій надзоръ. Суровая, гордая, несдержанная на языкъ Кочубеиха поѣдомъ ѣла дочь, язвя ее своимъ змѣинымъ языкомъ съ утра до ночи. Дѣвушка выслушивала такія замѣчанія, такіе оскорбительные намеки, отъ которыхъ кровью обливалось ея тоскующее сердце. Но что было мучительнѣе всего—это ничѣмъ несдерживаемая брань, которая сыпалась на голову Мазепы. Ему приписывалось все, что только можетъ быть унизительнѣе для человѣка...

Но дѣвушка не плакала , она точно окаменѣла. По цѣлымъ часамъ она сидѣла въ своей комнатѣ, не двигаясь съ мѣста и прислушиваясь къ вспышкамъ домашней бури и только тогда, когда матери не было дома, она со стономъ бросалась на полъ и страстно молилась... И опять-таки молилась за него... Она видѣла свое горе, знала, какъ переносить его; но его горя она не видала, а не виданное такъ страшно...

Что дѣлаетъ онъ? Какъ онъ выноситъ свое горе?.. До дѣвушки доходятъ слухи, что онъ боленъ. Она представляетъ себѣ его одиночество, безпомощность... Отъ нея не отходитъ его образъ, тоскливый, скорбный... И она готова на казнь итти, лишь бы увидѣть его, утѣшить...

Самое могучее чувство женщины не любовь, а жалость. Когда жалость закралась въ сердце женщины, въ ней просыпаются неслыханныя силы, слагаются рѣшенія на неслыханныя дѣла и подвиги: тутъ ея самопожертвованія не знаютъ предѣловъ, героизмъ ея достигаетъ величія...

Послѣ долгихъ, мучительныхъ дней въ сердцѣ Мотреньки сложилось, наконецъ, послѣднее безповоротное рѣшеніе: она должна итти, чтобы взглянуть на него! Отъ этого не остановятъ ее ни позоръ, ни смерть...

И вотъ ночью, когда всѣ въ домѣ спали, и когда старая няня Устя, наплакавшись надъ своею панночкой, которая въ нѣсколько недѣль извелась ни на что, тоже глубоко уснула, скукожившись на полу у постели своей панночки, Мотренька тихо сошла съ своего ложа, перешагнувъ черезъ спящую старушку, тихо въ темнотѣ одѣлась, отворила окно въ садъ и исчезла...

Тѣнистымъ садомъ она прошла до того мѣста, гдѣ ихъ садъ сходился съ садомъ гетмана и сквозь отверстіе, сдѣланное еще

прежде въ частоколѣ и закрытое густымъ кустомъ бузины, вошла въ гетманскій садъ. Но какъ войти въ домъ? Какъ пройти мимо часовыхъ, мимо разставленныхъ вездѣ сердюковъ и стрѣльцовъ, которые, хотя и дремали по ночамъ, но около нихъ не дремали собаки? Дѣвушка приглядывалась сквозь темную зелень, не свѣтится ли огонекъ въ рабочей комнатѣ гетмана. Можетъ быть, онъ сидитъ еще, работаетъ... Нѣтъ, онъ, вѣроятно, боленъ, бѣдненькій, лежитъ одинокій, всѣми покинутый, хоть покой его и оберегаетъ свора этихъ сердюковъ и московскихъ красныхъ кафтановъ... Страшно въ темной глубинѣ сада. Гдѣ-то межъ старыми дубами филинъ стонетъ, пугачъ страшный: «пу-гу, пу-у-ггу!» А изъ-за этого птичьяго стона слышится, какъ за садомъ, должно быть, на выгонѣ, свиститъ «вивчарикъ», котораго никогда Мотренька не видала, но знаетъ его ночной свистъ, не то свистъ птички, не то звѣрька. А еще выше, изъ-за вершинъ липъ и серебристыхъ тополей глядятъ чьи-то далекія очи-божьи, всевидящія: они смотрятъ на Мотреньку, слѣдятъ за каждымъ ея шагомъ, даже за біеніемъ ея сердца... Но она вѣдь ничего дурного не сдѣлала: она исполняетъ евангельскую заповѣдь, ей жаль больного, страдающаго... Мотренька двигается дальше, трепетно прислушиваясь къ чему-то: что-то стучитъ около нея, не то идетъ за нею, крадется... «токъ-токъ-токъ»... Господи! Что это такое? Дѣвушка останавливается, прислушивается... Все стучитъ, все идетъ: «токъ-токъ-токъ»... Охъ! Да это стучитъ у нея внутри, это «токаетъ» сердце въ ребра, вотъ тутъ, подъ сорочкой...

Но Боже! Что-то движется, кто-то идетъ по аллеѣ... Дѣвушка такъ и затрепетала на мѣстѣ... Куда двинуться? Гдѣ скрыться?.. Кто-то говоритъ, точно самъ съ собою... «Можетъ Карлъ, можетъ, Петръ... кто сломитъ... а мнѣ куда? Для кого, да и на что!.. Эхъ, Мотренько!.. Мотренько!» Огнемъ опалило дѣвушку: это голосъ гетмана... «Тату-тату! Любый»... Мазепа остолбенѣлъ на мѣстѣ, раскрылъ руки... Дѣвушка всѣмъ тѣломъ упала къ нему на грудь, обвилась вокругъ него, шепча что-то, и тихо, безъ чувствъ опустилась у ногъ оторопѣвшаго гетмана... Онъ хотѣлъ вскрикнуть и не могъ. Дорогое существо лежало безъ движенія... Дрожа всѣмъ тѣломъ, старый гетманъ упалъ на колѣна, припалъ къ дорогому, какъ-то безпорядочно брошенному на земь неподвижному тѣлу дѣвушки и, обхвативъ ее дрожащими руками.

прижалъ къ себѣ, какъ маленькую, какъ бывало онъ наливалъ ее еще въ свивальничкахъ, спящую, и, цѣлуя ея лицо, волосы, шею, понесъ въ домъ, не чувствуя не только «подагрическихъ» и «хираргическихъ» болей, но даже забывъ, что ему далеко за семьдесятъ...

Мимо двухъ стрѣльцовъ, которые съ удивленіемъ видѣли что-то несущаго на рукахъ гетмана «не то ребенка махонькаго, не то собаку, темень, не видать-ста», Мазепа вошелъ въ домъ, прошелъ въ свой кабинетъ и бережно опустилъ свою ношу на широкій турецкій диванъ. Но только что онъ хотѣлъ подложить подъ голову дѣвушки подушку, чтобъ не скатывалась голова, какъ Мотренька открыла глаза.

— Тату, тату! Я у тебе! Любый мій,—и руки ея обвились вокругъ шеи стараго гетмана, который, стоя у дивана на колѣняхъ, плакалъ отъ счастья.

— Якъ-же-жъ ты змарнила, дитятко мое, сонечко мое!.. Личко худенькое... очици запали...—шепталъ онъ, заглядывая ей въ лицо.

— Ничого, таточку, тепер я съ тобою... буде вже, буде!

— Рыбонько моя... ясочко...

Въ этотъ моментъ гдѣ-то тревожно ударили въ колоколъ. Мазепа вздрогнулъ. Начались учащенные удары, безпорядочные, набатные. Только во время пожаровъ и бунтовъ такъ отчаянно кричатъ колокола. Что это? Не бунтъ-ли? Не встали-ли казаки и мѣщане на стрѣльцовъ, на самого гетмана? Недаромъ такъ косо они смотрѣли всегда на московскихъ людей. А можетъ быть пожаръ...

Нѣтъ, въ окна не видать зарева, а набатъ усиливается. И гетманъ, и дѣвушка тревожно смотрятъ другъ на друга, въ глазахъ послѣдней испугъ...

— Не лякайся, дитятко мое, я заразъ узнаю,—успокаиваетъ ее гетманъ.

Онъ хлопнулъ два раза въ ладоши, и въ дверяхъ показался хорошенькій мальчикъ, «пахолокъ», одѣтый въ польскій кунтушикъ. Онъ стрункой вытянулся у дверей. Большущіе сѣрые глаза его выражали больше, чѣмъ изумленіе: въ нихъ былъ ужасъ... У пана гетмана вѣдьма, русалка, мавка»... Но скоро глаза «пахолка» блеснули радостью: онъ узналъ панночку.

— Покличь, хлопче, московскаго полковника Григора Анненка,—сказалъ гетманъ.

— Анненко самъ тутъ, ясневельможный пане,—бойко отвѣчалъ пахолокъ.

— Тутъ? Чого єму? До мене?

— До ясневельможного пана гетьмана.

— Такъ покличь заразъ...

Мотренька между тѣмъ, незамѣтно выйдя въ образную, упала на колѣна и горячо молилась.

Вошелъ Анненковъ, Григорій, начальникъ московскаго отряда, состоявшаго при гетманѣ для охраненія какъ особы гетмана, такъ и его столицы Батурина. Анненковъ былъ мужчина уже не молодой, полный, свѣтлорусый, съ голубыми глазами на выкатѣ.

— Что случилось въ городѣ, господинъ полковникъ?—спросилъ Мазепа чисто по-русски.—Что за сполохъ? Пожаръ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство! Это генеральный судья звонитъ.

Въ глазахъ Мазепы блеснуло что-то холодное. Онъ понялъ, что тамъ объявляли войну.

— Что жъ онъ въ звонари, что ли, записался? Давно бы пора!

— У него, ваша ясновельможность, дочь дѣвка сбѣжала.

— Сбѣжала?—нахмурился гетманъ. — Али она собака?.. Сбѣжала!—говорилъ онъ съ неудовольствіемъ.

— Ушла отай, ваша ясновельможность.

— Такъ онъ и намѣренъ звонить всю ночь, никому спать не давать? А?—Гетманъ сердился, правый усъ его нервно подергивался.

Анненковъ зналъ Мазепу и зналъ, что это дурной знакъ. Быть бурѣ.

— Я сносылалъ къ нему Чечела, — сказалъ онъ скороговоркой, чтобъ остановить его;—такъ говоритъ: пока-де дочь мою не найдутъ, буду звонить хоть до Покрова.

— А если я заставлю его звонить кандалами, да не до Покрова, а до могилы,—сказалъ гетманъ тихо, понизивъ голосъ; но въ этомъ пониженіи звучало еще болѣе угрозы.

Потомъ онъ задумался и заходилъ по комнатѣ. Тусклый свѣтъ нагорѣвшихъ восковыхъ свѣчей въ серебряныхъ канде-

лябрахъ падалъ по временамъ на какое-нибудь одно мѣсто его сѣдой головы, то на високъ, то на затылокъ и казалось, что эта гладкая голова покрыта фольгой.

— Мотренька! — вдругъ сказалъ онъ, подойдя къ двери образной.—Выйди сюда, дочко.

Дѣвушка вышла, блѣдная, заплаканная, но спокойная: она видѣла того, по комъ тосковала... Онъ не боленъ... Анненковъ почтительно поклонился, не безъ смущенія взглянувъ на гетмана.

— Вотъ гдѣ обрѣтается дщерь генеральскаго судьи, ея милость Мотрона Леонтьевна Кочубей,—сказалъ Мазепа, обращаясь къ Анненкову.—Она у гетмана... Ея милость не сбѣжала и не отай ушла изъ дома родительскаго... Она пришла просить моего покровительства, и я по долгу службы и по знаемости, како крестный отецъ Мотроны Леонтьевны и гетманъ, принялъ ее подъ свою защиту.

Между тѣмъ набатный звонъ не умолкалъ. Видно было, что Кочубей, настроенный женою, намѣревался привести въ исполненіе свою угрозу—звонить до Покрова. Мазепа подошелъ къ крестницѣ, стоявшей у стола, и положилъ ей руку на плечо.

— Доню!—сказалъ онъ съ нѣжностью въ голосѣ,—чуешь звонъ?

— Чую, тату,—едва слышно отвѣчала дѣвушка.

— Се родители твои зовутъ тебе до себе, — продолжалъ гетманъ.

Дѣвушка молчала. Видно было только, что золотой крестъ, который висѣлъ у нея на груди, дрожалъ.

— Доню, дитятко моё! Що я маю робити съ тобою?—еще съ большей нѣжностью и грустью спросилъ Мазепа.

Дѣвушка подняла на него заплаканные глаза, рѣсницы дрогнули; но она опять не сказала ни слова.

Мазепа подошелъ къ Анненкову и, указывая на дѣвушку, сказалъ:—Видишь, полковникъ, она пришла искать суда, она, дочь генеральнаго судьи малороссійскаго... Кто повиненъ разсудить ее съ родителями?

— Никто, кромѣ Бога, ваше высокопревосходительство!—отвѣчалъ Анненковъ.

— Но Богъ судитъ на томъ свѣтѣ,—возразилъ гетманъ,—это Божій судъ. Но ея милость ищетъ суда людского. Меня Богъ и люди поставили судьею надъ малороссійскимъ народомъ. Я

посему повиненъ разсудить и ея милость Мотрону Леонтьевну съ ея родителями. Я и разсужу ихъ, и горе неправымъ!

Голосъ его прозвучалъ грозно, словно бы посылалъ въ битву свои полки. Сѣдая голова поднялась высоко. Но набатъ не унимался.

— Доню!—снова заговорилъ Мазепа.—Се твои родители жалуются на насъ Богу, до Бога кричатъ миднымъ языкомъ... Повинись родителямъ, дитятко! Вернись до дому.

— Тату! Не гонить мене!

— Доненько моя! Я не гоню тебе, я прошу тебе: повинись теперь закону. А тамъ я покажу имъ, кто я!

Затѣмъ, обращаясь къ Анненкову, Мазепа сказалъ:—Тебѣ, полковникъ Григорій, я поручаю съ честію и съ великимъ береженіемъ проводить ихъ милость Мотрону Васильевну Кочубей въ домъ генеральнаго судьи, ея родителя. Скажи Кочубею мою властную и непремѣнную волю: если съ сего часу я узнаю, что онъ дозволитъ себѣ или женѣ своей сдѣлать хотя бы то наималѣйшее утѣсненіе, либо огорченіе дочери своей родной, а мнѣ духовной, то я, гетманъ, не токмо дщерь его силенъ взяти, но и жену отъяти у него не премину. Скажи это ему!

Потомъ онъ подошелъ къ Мотренькѣ, поцѣловалъ ее въ голову и перекрестилъ.

— Се мое благословеніе тебѣ, дщерь моя любимая! Прощай, моя дочечко! Господь да пошлетъ тебѣ своего ангела хранителя, а я не оставлю тебя и не забуду... Забвенна буде десница моя!

Дѣвушка молча поцѣловала его руку и, взглянувъ полными слезъ глазами въ глаза Мазепы, направилась къ Анненкову. Мазепа остался среди комнаты угрюмый и безмолвный: казалось, что въ этотъ моментъ онъ постарѣлъ нѣсколькими годами.

Выйдя въ другую комнату какъ-то машинально, ничего не понимая, Мотренька замѣтила, что у двери стоитъ молоденькій пахолокъ и плачетъ.

— Ты объ чемъ это, хлопчикъ?—спросилъ его Анненковъ.

— Панночку жалко!—И пахолокъ совсѣмъ расплакался.

X.

Прошло еще два года. Борьба Петра съ Карломъ XII принимала такой острый характеръ, что со дня на день слѣдовало ожидать кризиса, и, повидимому, рокового для Россіи. Союзникъ Петра, Августъ, король польскій, былъ раздавленъ коронованнымъ варягомъ, который, казалось, пришелъ съ своего далекаго полуострова, изъ-за Варяжскаго моря, на континентъ, чтобы повторить въ новѣйшей исторіи Россіи и Польши роль предковъ своихъ, какими историки называютъ старыхъ варяговъ Рюрика, Синеуса и Трувора. Вѣрнаго слугу Петра и Августа, бойкаго и ловкаго Рейнгольда Паткуля, котораго Палій часто вспоминалъ въ Сибири, этотъ коронованный варягъ на польской, униженной и разоренной имъ землѣ колесовалъ самымъ ужаснымъ образомъ, приставивъ въ палачи поляка, не умѣвшаго колесовать, а потомъ растерзанныя части его тѣла выставилъ, какъ указательные знаки, на пяти колесахъ по дорогѣ изъ Варшавы въ Москву! По этой дорогѣ Карлъ гнался за Петромъ, убѣгавшимъ изъ Польши въ Москву, въ эту постылую Москву, не научившую въ теченіе столѣтія своихъ солдатъ драться и побѣждать варяговъ. Петръ бѣжалъ въ Москву затѣмъ, чтобы вывезти изъ нея всѣ казенныя и церковныя сокровища на Бѣлоозеро, подальше отъ страшнаго варяга, а оттуда бѣжать въ свой новый «парадизъ» и защищаться тамъ отчаянно или пасть, но только не въ Москвѣ, а тамъ, въ Петербургѣ, поближе къ дорогому морю.

Но куда прежде бросится страшный варягъ, на Москву или на Петербургъ, или кинется на югъ, въ Украйну?

Вотъ что долженъ былъ рѣшить царь, когда къ нему, успѣвшему въ побѣгѣ отъ варяга достигнуть Витебска, привезли Кочубея, Искру и нѣсколькихъ другихъ украинцевъ съ неожиданною вѣстью: гетманъ съ Малороссіею передается на сторону Карла!.. Перо хрустнуло въ рукѣ Петра, начавшей было писать какой-то указъ съ любимаго царемъ «понеже», въ тотъ моментъ, когда ему принесли вѣсть объ измѣнѣ Мазепы; а въ глазахъ тутъ же находившагося Павлуши Ягужинскаго Головкинъ, Гаврило Ивановичъ, принесшій царю эти вѣсти о Мазепѣ и Кочубеѣ, при имени послѣдняго замѣтилъ что-то необычайное, но какъ будто бы радость...

Царь ни за что не хотѣлъ вѣрить, чтобы Мазепа измѣнилъ ему. Уже не разъ на него доносили по злобѣ или по зависти, и всякій разъ оказывалось, что доносы были ложны. Такъ не подтвердился еще почти двадцать лѣтъ назадъ доносъ нѣкоего инока Соломона, подосланнаго врагами Мазепы съ извѣтомъ, будто бы гетманъ хочетъ отдать Малороссію Польшѣ, и царь выдалъ доносчика головою Мазепѣ же. Такъ оказался ложнымъ доносъ въ формѣ подметнаго письма на «злого и прелестнаго» Мазепу, письма, повидимому, сочиненнаго родственниками бывшаго гетмана Самойловича, гадячскимъ полковникомъ Самойловичемъ, княземъ Юріемъ Четвертинскимъ, полковникомъ Дмитрашкою Райчею и Леонтіемъ Полуботкомъ; и этихъ Петръ выдалъ головою своему любимцу-гетману, какъ и инока Соломона. Того же самаго ожидалъ царь и отъ доноса Кочубея; но при всемъ томъ велѣлъ Головкину разслѣдовать это дѣло тщательнѣе, «по розыску». Это уже пахло застѣнкомъ...

И Гаврило Ивановичъ работаетъ надъ этимъ дѣломъ день, другой, третій, работаетъ недѣлю, другую... Работаетъ съ нимъ и Павлуша Ягужинскій, которому царь велѣлъ пріучаться къ «сыскнымъ дѣламъ», узнавъ вѣрность его глаза, его необыкновенную смѣтку и находчивость, такую находчивость, подмѣченную имъ только въ евреяхъ, что онъ, кажется, и въ пудѣ пороха нашелъ бы маковое зерно. Впрочемъ, Павлуша давно уже не Павлуша, а Павелъ Ивановичъ: ему пошелъ двадцать четвертый годъ, хотя Головкинъ доселѣ никакъ не можетъ привыкнуть къ этому: все зоветъ его Павлушею.

Вотъ и теперь въ Витебскѣ, въ главной походной квартирѣ царя, сидя въ просторной комнатѣ, у стола, заваленнаго бумагами, молодой Ягужинскій перебираетъ какія-то письма, приложенныя къ показаніямъ Кочубея. А самъ Гаврило Ивановичъ «на розыскѣ», пытаетъ доносителей... Лицо Ягужинскаго такое печальное. Нѣтъ-нѣтъ да и откинется отъ стола его красивая голова съ блѣднымъ лицомъ и черными, ласково-грустными глазами, и на этомъ лицѣ выражается не то тоска, не то физическая боль... Онъ, кажется, прислушивается къ чему-то, хотя ничего не слышно, кромѣ имъ же производимаго шороха бумаги. Но ему какъ будто слышится стонъ, долгій-долгій такой, какой—онъ это слышалъ уже—пытаемые издаютъ на дыбѣ или на «вискѣ» Вѣдь пытаютъ его, отца той, въ цвѣтахъ, кораллахъ и дивной

зелени диканькинскаго сада, которой вотъ уже пять лѣтъ не можетъ забыть Павлуша: пытаютъ Кочубея, отца Мотреньки... «Мотря» имя, котораго Павлуша не встрѣчалъ во всей Россіи... Гдѣ она теперь бѣдненькая? Что съ нею? Тогда ей было пятнадцать лѣтъ, а теперь ужъ двадцать... Помнитъ ли она Павлушу, какъ онъ плакалъ у нихъ въ саду, уткнувшись носомъ въ траву? Нѣтъ! Гдѣ помнить! Можетъ быть, она давно ужъ замужемъ...

Вдругъ глаза Ягужинскаго съ нѣмымъ удивленіемъ остановились на бумагѣ, что лежала передъ нимъ въ кипѣ другихъ бумагъ. Что это такое? Глаза его расширились... Онъ схватилъ бумагу, руки дрожатъ... Это ея имя, имя Мотреньки; но кто ей пишетъ и что?

«Мое сердце коханое, Мотренько,—жадно читаетъ Ягужинскій.—Сама знаешь, якъ я сердечно, шалене люблю вашу милость»...

— Люблю... «шалене»: безумно что-ли это значитъ, чортъ бы его побралъ!—шепчетъ Ягужинскій, скрипя зубами отъ злости.—Кто это, дьяволовъ сынъ, ну...

«Еще никого на свѣтѣ не любивъ такъ. Мое-бъ тое счастье и радость, щобъ нехай ѣхала до мене, тилько-жъ я уваживъ, якій конецъ съ того можетъ бути, а звлаща при такой злости и заедлости твоихъ родичовъ. Прошу, моя любенько, не одмѣняйся ни въ чемъ, яко южъ не поеднокротъ слово свое и рученьку дала есь, а я взаемне, пока живъ буду, тебе не забуду».

— Кто-жъ этотъ злодѣй?.. Нѣту подписи подъ письмомъ... Кому она это слово и рученьку дала?..

Ягужинскій такъ сжалъ листокъ, что онъ превратился въ комокъ, и хотѣлъ было швырнуть его въ открытое окно; но опомнился: письмо это приложено къ дѣлу по доносу малороссійскаго генеральнаго судьи Василія Кочубея съ прочими на гетмана Ивана Степановича Мазепу, якобы о измѣнѣ онаго *)... Его бросать нельзя—за это самого въ застѣнокъ поведутъ.

Но вотъ другое письмо, писанное тою же, повидимому, старческою рукою. Ягужинскій читалъ:

«Мое серденько! Зажурилемся, почувши отъ дѣвки такое

---

*) Приводимыя здѣсь письма Мазепы къ любимой имъ дѣвушкѣ, къ Мотронѣ Кочубей—суть историческіе документы: они доселѣ хранятся въ московскомъ коллежскомъ архивѣ... Печальное историческое безсмертіе! Клочки бумаги пережили людей, которымъ дороги были эти клочки.

слово, же ваша милость за зле на мене маешъ, иже вашу милость при себѣ не задержалемъ, але одослалъ до дому. Уважъ сама, що бъ съ того выросло. Першая: щобъ твои родичи по всѣмъ свѣтѣ разголосили, же взявъ у насъ дочку у ночѣ гвалтомъ и держитъ у себѣ мѣсто подложницѣ. Другая причина: же, державши вашу милость у себе, я бымъ не моглъ жадною мѣрою вытримати, да и ваша милость такъ же: мусѣли-бы-смо изъ собою жити, якъ малженство кажетъ, а потомъ пришло бы неблагословеніе отъ церкви и клятва, жебы намъ съ собою не жити. Гдѣ жъ бы и на тотъ часъ подѣлъ? И мнѣ бъ же чрезъ тое вашу милость жаль, щобъ есь на мене напотомъ не плакала».

— Проклятый!.. Значитъ, она-то была у него ужъ, а онъ отослалъ ее къ родителямъ, и она, знать, печалуется объ немъ... У! Аспидъ!.. Ночью гвалтомъ взялъ... подложница... она-то! Голубица чистая... Да еще «жить» съ нимъ, малженство... Господи!

Ягужинскій схватился руками за голову... То, о чемъ онъ думалъ пять лѣтъ, что не выходило изъ его памяти и сердца ни подъ гулъ пушекъ въ виду шведскихъ войскъ, ни подъ стукъ топоровъ на стройкѣ кораблей, ни подъ рѣзкій скрипъ неугомоннаго царскаго пера, ни въ церкви при пѣніи клира, теперь это дорогое, далекое милое разомъ разбилось... Остались только эти проклятыя бумаги, перья...

— Но, можетъ быть, она не любитъ его. Да и какъ, еслибъ любила, письма отъ любимаго человѣка попали бы въ это проклятое дѣло? Да и зачѣмъ они тутъ? Зачѣмъ Кочубей привезъ ихъ съ собою? Не хотѣлъ же онъ срамить свою дочь.

Какъ ни былъ находчивъ Ягужинскій, который, по увѣренію царя, могъ найти маковое зерно въ пудѣ пороха, но тутъ онъ растерялся. Дѣло касалось его самого, его сердца, его тайныхъ думъ. А онъ такъ долго ждалъ, все надѣялся, авось царь повернетъ Малороссію или его пошлетъ за чѣмъ-нибудь туда, въ этотъ цвѣточный рай, въ Диканьку... И вдругъ, что-жъ это такое!

Но живуча человѣческая надежда: это самое живучее въ мірѣ животное, живучѣе, кажется, чумнаго яда...

Ягужинскій опять схватился за письма, опять читаетъ:

«Мое серденько, мой квѣте рожаной! Сердечне на тое болѣю, що на далеко одъ мене ѣдешъ, а я не могу очицъ твоихъ и личика бѣленького видѣти. Черезъ сее письменко кланяются и вси члонки цѣлую любезно»...

— Всѣ «члонки»—дьяволъ!.. А что-жъ нѣтъ ея писемъ... Нѣтъ ли дальше?

И Ягужинскій перелистываетъ лежащую передъ нимъ кипу писемъ, ищетъ; но все видитъ одинъ этотъ проклятый почеркъ да рѣжущія глазъ слова: «Мотренько», «коханая», «серденько», «личко бѣленькое», «ручки», «ножки»... Голова идетъ кругомъ!

Нѣтъ, надо читать все по порядку. Можетъ такъ и сыщется правда. И онъ скрѣпя сердце читаетъ:

«Мое сердечко! Уже ты мене изсушила краснымъ своимъ личикомъ и своими обѣтницами. Посылаю теперь до вашей милости Мелашку, щобъ о всѣмъ размовилася съ звашею милостью. Не стережися си ни въ чемъ, бо есть вѣрная вашей милости и минѣ во всемъ. Прошу и вельце, за ножки вашу милость, мое серденько, облапивши, прошу не откладай своеи обѣтници»...

— За ножки облапивши... Медвѣдь проклятый! Проситъ объ чемъ-то: что-то она ему обѣщала...

Ягужинскій съ горемъ и бѣшенствомъ падаетъ головою на бумаги, которыя капля по каплѣ брызгали ядомъ на его молодое, въ первый разъ полюбившее сердце...

Въ эту минуту въ дверяхъ показалась колоссальная фигура царя, который, сильно нагнувшись, чтобъ не стукнуться своею высоко посаженною головою о косякъ низкой двери, теперь выпрямился во весь свой исполинскій ростъ и съ удивленіемъ глядѣлъ на лежащую на кипѣ бумагъ чернокудрую голову юнаго царедворца. Въ глазахъ его мелькнулъ какъ-будто гнѣвъ, такъ часто эта искра, не всегда, впрочемъ, гнѣвная, свѣтилась въ пронизывающемъ взорѣ, тогда какъ губы передернулись улыбкой.

— Что, Павелъ, уснулъ надъ дѣлами?—сказалъ онъ, дѣлая шагъ впередъ.

Ягужинскій вскочилъ, какъ ужаленный. Блѣдное лицо его залилось румянцемъ.

— Я не сплю, государь!—сказалъ онъ быстро, глядя въ глаза царя.—Я задумался надъ этими письмами.

— Надъ какими это?—И царь подошелъ къ столу.

— Въ дѣлѣ по доносу на гетмана... Я еще не всѣ, государь, сіи письма прочелъ и не нахожу подписи, чьи они быть должны.

Царь взглянулъ на письма.

— А! Рука гетмана... Тебѣ она не вѣдома, поди: ты недавно

у дѣлъ... Сіи письма писаны, я знаю о томъ, писаны имъ Кочубеевой дочери... Всѣ прочелъ со вниманіемъ?

— Не всѣ еще, государь, читаю только.

— Уликъ не сыскалъ, поди? Намековъ какихъ?..

— Улики есть, государь!—отвѣчалъ Ягужинскій смущенно и думая о чемъ-то: онъ зналъ теперь, кто его злѣйшій врагъ, кто отнялъ у него самое дорогое въ жизни; онъ вспомнилъ теперь и выраженіе лица Мазепы, когда въ саду Диканьки онъ ехидно смѣялся: «у васъ-де не до жартъ»...

— Какъ? Улики, говоришь?—встрепенулся царь, и лицо его разомъ сдѣлалось страшно, похожее на то, давно когда-то, Павлуша былъ еще маленькимъ тогда, четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ и жилъ у Головкина, когда въ Преображенскомъ рубили головы стрѣльцамъ. Ягужинскій растерялся.

— Улики! Докажи! Такъ ли ты понялъ?

— Да вотъ, ваше величество, и изъ сего письма явствуетъ,— указалъ Ягужинскій на лежавшее сверху письмо, краснѣя и запинаясь.

«Мое сердечне кохане! Прошу и вельце прошу, рачь за мною обачитися для устнои размовы. Коли мене любишь, не забувай же; коли не любишь, не споминай же! Спомни свои слова, же любить обѣщала, на що жъ минѣ и рученьку бѣленькую дала. И повторе и постокротне прошу, назначи хочъ на одну минуту, коли маемо зъ тобою видѣтися для общаго добра нашого, на которое сама жъ прежде сего соизволила есь была. А нимъ тое будетъ, пришли намисто зъ шіи своей, прошу»...

Кончивъ читать, царь вопросительно посмотрѣлъ на Ягужинскаго, который стоялъ, какъ вкопанный.

— Тутъ ничего не нахожу я,—говорилъ царь,—простая любовная цидула...

— Онъ прямо признается ей въ своей любви, государь,— бормоталъ Ягужинскій,—сіе ясно.

— Что-жъ! Любовь—не измѣна отечеству... И я люблю, и ты можетъ любишь,—улыбаясь уже говорилъ царь.—Гдѣ-жъ тутъ измѣна?

Ягужинскій совсѣмъ смѣшался и стоялъ красный, какъ ракъ.

— И я, государь, измѣны гетмана не вычелъ изъ писемъ,— почти шепталъ онъ.

— Какія-жъ улики ты поминалъ?

— Про любовь, государь, улики...

— А! Про любовь токмо... Ну, сіе не важно, понеже любить и Христосъ велѣлъ... Ну, братъ, Павелъ, осрамился ты въ повяхъ-то, на первомъ сыскномъ дѣлѣ: любовныя цидулы принялъ за измѣнныя письма...

Царь говорилъ это совсѣмъ спокойно и весело. Сегодня онъ получилъ вѣсти, что Карлъ уже не гонится за нимъ, а самъ застрялъ въ Литвѣ, въ Родошковичахъ, ожидая корпуса Левенгаупта изъ Лифляндіи, и потому царь былъ въ духѣ.

— Осрамился, осрамился, братъ!—повторялъ онъ, глядя на раскраснѣвшагося будущаго воротилу, который впослѣдствіи уже не краснѣлъ и не блѣднѣлъ даже передъ плахой.—А ну, что онъ тутъ еще пишетъ своей Матресѣ, старый? А, каковъ! За семьдесятъ ужъ давно перевалило, а поди на! Меня за поясъ заткнетъ, старый хрѣнъ... Еще, значитъ, поживемъ: мы съ нимъ и Карлушу уложимъ... А то на! Измѣна... да я на него, на вѣрнаго Мазепу, какъ на каменную гору надѣюсь... Молодецъ, молодецъ, люблю и за это: быль молодцу не укоръ...

И царь торопливо перелистывалъ письма. Ему пришло на мысль, что и онъ сегодня писалъ такое же любительное письмо къ своему «другу сердешному Катеринушкѣ», въ отвѣтъ на ея письмо, въ которомъ она, «мудеръ-матка оповѣщала» своего «Петрушеньку», что дочки его—пишечки Катюша да Аннушка во здравіи обрѣтаются, а Катюша-де второй зубокъ выдуваетъ, слюнтявочки поминутно мѣнять приходится»...

— А ну-ну, старый... «Мое серденько!—читаетъ царь.—Тяжко болѣе на тое, що самъ не могу съ вашею милостью обширне поговорити, що за одраду ваша милость въ теперешнемъ фрасунку»—печали, сирѣчь, польское слово (пояснилъ Петръ)—«фрасунку учините. Чого ваше милость по мнѣ потребуешъ, скажи все сій дѣвцѣ. Въ отставку, коли они, проклятіи твои»—это родители, полагать должно—«тебѣ цураются, иди въ монастырь, а я знатиму, що на той часъ зъ вашею милостью чинити. Чого потреба и повторе пишу, ознайми мнѣ ваша милость!»

При словѣ «монастырь» глаза Ягужинскаго нѣсколько оживились, а Петръ покачалъ головой.

— Бѣдная дѣвка! Не весело, полагаю, жилось ей у родителей... А ты ее видѣлъ, Павелъ?—вдругъ обратился онъ къ Ягу-

жинскому.—Помнишь, съ бумагами посыланъ былъ отъ меня при Кочубеѣ?

— Помню, государь,—нерѣшительно отвѣчалъ тотъ.

— Такъ видалъ дѣвку?

— Видалъ, государь.

— Какова она видимостью и персоною показалася тебѣ?

— Она, государь, чорнокоса, лицомъ бѣла, глаза тако жъ черны, вся въ цвѣтахъ была.

— А персоною какова?

— Такой, государь, и не видывалъ.

— Да, по отцу судя...—И царь задумчиво перелистывалъ лоскутки бумаги, на которыхъ пестрѣли признанія Мазепы въ любви и его сожалѣнія.—Жаль старика... «Моя сердечне коханая (почти про себя читалъ онъ) тяжко зафрасовалемся, почувши, же тая катувка»—палачка, то есть, мать, надо думать—«не перестаетъ вашу милость мучити, яко и вчора тое учинила. Я самъ не знаю, що зъ нею, гадиною, чинити. То моя бѣда, що зъ вашею милостью слушного не мамъ часу о всѣмъ переговорити. Большъ одъ жалю не могу писати, тилько тое яко жъ кольвекъ станеться, я, поки живъ буду, тебѣ сердечне любити и зычити всего добра не перестану, и повторе пишу, не перестану, на злость моимъ и твоимъ ворогамъ!»

За дверями послышались шаги и шорохъ бумаги. Царь быстро оглянулся. На порогѣ показался прежде всего большой лысый лобъ со сползшимъ на маковку парикомъ, а потомъ и цѣлая фигура въ темно-коричневомъ камзолѣ съ огромными мѣдными пуговицами, въ башмакахъ съ такими же огромными пряжками, словно отъ конской сбруи, и на козьихъ тонкихъ икрахъ, обтянутыхъ красными чулками. Бритое лицо съ красноватыми подкожными жилками смотрѣло обрюзгло; на немъ горбоватый носъ словно кадыкъ, помѣстившійся выше тонкогубаго рта и такой же горбоватый кадыкъ ниже подбородка съ висячими, какъ у индюка складками; каріе съ желтизной, зоркіе и юркіе глаза, точно тараканы постоянно прятавшіеся въ щели, все это глядѣло непривлекательно и не возбуждало къ себѣ ни нѣжнаго чувства, ни особеннаго довѣрія. Пришедшій, держа въ лѣвой рукѣ связку бумагъ, еще на порогѣ низко поклонился, опустивъ правую руку къ башмакамъ, какъ бы стараясь достать пальцами пола, какъ это дѣлаютъ передъ иконой.

— А, Гаврило Иванычъ... въ красныхъ чулкахъ: изъ застѣнка, значитъ,—сказалъ царь, быстро окинувъ взоромъ вошедшаго.—Въ красненькихъ чулочкахъ, у князя-кесаря Ромодановскаго перенялъ, чтобы кровушки на ногахъ не видно было...

— Истину изволитъ молвить великій государь,—отвѣчалъ вошедшій (это былъ Головкинъ),—дабы кровушки въ нашемъ-то заплечномъ мастерствѣ не видать было.

— Ну что, винится доноситель?

— Винится, государь; сразу повинился, какъ только дыбу спозрѣлъ.

— А! Что-жъ открываетъ?

— Сказываетъ, государь: писалъ-де на гетмана ложно, изблевомъ, по злобѣ, а мыслилъ-де, что великій государь безъ распросу вѣру его извѣтнымъ рѣчамъ дастъ... Въ такомъ-то великомъ государевомъ дѣлѣ да безъ распросу, безъ сыску!.. Я и искалъ, и доискался правды: по злобѣ-де ложь затѣялъ, облыжно писалъ.

— А Искра?

— Искра, государь, на него же все дѣло сматываетъ, на этотъ самый клубокъ нитку мотаетъ: его вся эта, Кочубеева, извѣстная затѣя, онъ, Кочубей, и Искру подучалъ... Обнадеживалъ его: государь-де милостію за сіе пожалуетъ... Я Искрѣ, государь, по твоему государеву указу, велѣлъ дать десять, такъ и подъ кнутомъ утвердился на первыхъ рѣчахъ: ничего-де измѣннаго за гетманомъ не вѣдаетъ, а слышалъ-де отъ Кочубея. А какъ Кочубея стали раздѣвать...

Ягужинскій при этихъ словахъ Головкина вздрогнулъ.

— Что, Павелъ?—спросилъ царь, замѣтивъ эту дрожь въ своемъ любимцѣ.

— Зпобитъ какъ будто, государь: отъ окошка должно быть.

— Ну?—обратился царь къ Головкину.—Раздѣлъ-таки и Кочубея?

— Раздѣлъ, государь, а онъ изъ-за пазухи и вынимаетъ вотъ сіе рукописаніе и говоритъ: покажь-де оное великому государю, онъ-де помилуетъ горестью удрученнаго отца о погибели дщери своея.

Ягужинскій опять вздрогнулъ и прислонился къ стѣнѣ: онъ, казалось, готовъ былъ упасть. Головкинъ съ низкимъ поклономъ

подалъ царю пакетъ. Государь, молча разорвалъ конвертъ, сталъ пробѣгать глазами написанное въ бумагѣ.

— Да, такъ и есть: все изъ-за дочери,—сказалъ онъ наконецъ.—Пишетъ, якобы гетманъ обольщалъ ее. «На день святого Николая, пишетъ, присылалъ Мазепа Демьянка, приказуючи, жебы зъ нимъ видѣлася дочка моя, а объявилъ тое, же дирка въ огородѣ межи частоколомъ противъ двора полковницкаго есть проломана, до которой дирки абы конечне вечеромъ пришла для якогось разговору. Якая присылка частократне бывала, якимъ способомъ крайніи намъ учинилися оболга и поруганіе и смертельное безчестье»... А все жъ это не измѣна,—пояснилъ царь.

— Не измѣна, великій государь,—подтверждалъ Головкинъ.

— Посмотримъ дальше... «Въ день святаго Савы,—читалъ Петръ,—прислалъ его милость гетманъ зъ Бахмача рыбъ свѣжихъ чрезъ Демьянка, а за тоею оказіею тотъ Демьянко говорилъ Мотронѣ на самотѣ, же усильно панъ жадаетъ, абы для узреняся къ ему прибыла, а обѣцуетъ 3.000 червонныхъ золотыхъ. А потомъ того жъ дня, поворочиваючися зъ Бахмача, прислалъ того жъ Демьянка, приказавши наговаривати Мотрону, же панъ 10.000 червонныхъ золотыхъ обѣцуетъ дати, абы тилько такъ учинила, а коли въ томъ она отговоровалася, тогда просилъ тотъ хлопецъ словомъ пана своего, щобъ часть волосъ своихъ урѣзала и послала пану на жаданье его»... Ишъ, старый!—улыбнулся царь.—Волоски ему понадобились...

— Какъ же, государь, нельзя безъ этого: все же легше,—шутилъ и Головкинъ, дѣлая скверные глаза.

Одинъ Ягужинскій стоялъ молча, и какъ онъ въ постоянной близости царя ни вымуштровалъ свое лицо, оно все-таки выдавало его глубокую тревогу.

— Ахъ, старый, старый,—качалъ головою Петръ, читая показаніе Кочубея, — словно парсенекъ молоденькій... «Присылаючи,—читалъ онъ дальше,—гетманъ бравъ сорочку Мотроны зъ тѣла зъ потомъ килько разъ, до себе. Бравъ и намисто зъ шіи килько разъ, а для чого, тое его праведная совисть знаетъ»...

— А самъ, поди, и чулочки, и подвязочку у своей-то Любушки бирывалъ,—скверно, плотоядно хихикалъ Головкинъ, семеня красными икрами, словно гусь около царя.

— Да, да,—подтверждалъ царь,—а все я никакой измѣны

тутъ не нахожу... Развѣ въ письмахъ самого Мазепы къ оной дѣвицѣ: да я ихъ челъ и ничего не вычелъ.

И царь снова пододвинулъ къ себѣ письма Мазепы. Ягужинскій лихорадочно слѣдилъ за нимъ.

— Вотъ большое письмо, нѣтъ ли тутъ чего?.. «Моя сердечне каханая, наймильшая, наилюбезнѣйшая, Мотроненько! Впередъ смерти на себе сподѣвася, нѣжъ такой къ сердцу вашемъ одмѣны. Спомни тилько на свои слова, спомни на свою присягу, спомни на свои рученьки, которыя минѣ не поеднокротъ давала, же мене, хочъ будешъ за мною, хочъ не будешъ, до смерти любити обѣцала. Спомни на остатокъ любезную нашу бесѣду, коли есь бувала у мене въ покою. Припомни тилько слова свои, подъ клятвою мнѣ данныя на тотъ часъ, коли выходила есь зо покою мурованого одъ мене, коли далемъ тобѣ перстень діаментовый, надъ который найлѣпшого, найдорогшого у себе не маю, же хочъ сякъ, хочъ такъ будетъ, а любовь межи нами не одмѣнится. Нехай Богъ неправдивого карастъ, а я, хочъ любишъ, хочъ не любишъ мене, до смерти тебе подлугъ слова свого любити и сердечне кохати не перестану на злость моимъ ворогамъ. Прошу, и вельце, мое серденько, якимъ-кольвекъ способомъ обачься зо мною, що маю зъ вашею милостью далей чинити, бо южъ большъ не буду ворогамъ своимъ терпѣти, конечно, одомщеніе учиню, а якое, сама обачишь. Счастлившіи мои письма, що въ рученькахъ твоихъ бываютъ, нежели мои бѣдные очи, що тебѣ не оглядаютъ!»

Царь остановился. Рука его машинально перебирала бумаги, тогда какъ въ головѣ видимо созрѣвала новая мысль, заставляя нервно подергиваться мускулы на его подвижномъ лицѣ и зажигая новыя искры въ глазахъ. И Головкинъ, и Ягужинскій, напряженно слѣдя за этой работой мысли, оба ожидали чего-то, но только не съ одинаковыми чувствами.

— Понеже...—началъ было царь, но потомъ, какъ бы опомнившись, продолжалъ,—вотъ что, Гаврило Ивановичъ, кончай ты съ этимъ розыскомъ скорѣе, я вижу, что тутъ измѣна вѣрнаго гетмана примазана безлѣпично... Жаль мнѣ и Кочубея, а наипаче жаль Мазепу... Каково отнять у старика послѣднюю радость! А ежели она, дѣвка-то, любитъ его горемычная? Каково ей? А она любитъ его, сіе несумнительно. Такъ быть по сему, отошли ты Кочубея, Искру и прочихъ доносителей къ Мазепѣ на его волю: хочетъ казнить, хочетъ помилуетъ. А на этой краса-

вицѣ я самъ его женю, самъ и сватомъ буду и посаженнымъ отцомъ. Я хочу, чтобы Россія имѣла сына отъ Мазепы: доблестный и вѣрный родъ Мазепы не долженъ угаснуть, это моя воля!

Что выражало при этомъ блѣдное, безъ кровинки лицо Ягужинскаго, трудно передать... Бѣдный Павлуша...

XI.

Въ концѣ іюня 1708 года по Днѣпру, недалеко отъ впаденія въ него Тетерева, плыла небольшая парусная галера, тихо подгоняемая сѣвернымъ вѣтеркомъ, который едва-едва надувалъ парусъ и лѣниво поскрипывалъ флюгеромъ, изображавшимъ стрѣлу, пробивающую полумѣсяцъ. День выдался жаркій, безоблачный, и хотя солнце повернуло уже на западъ, но зной все еще не спадалъ, и близость воды не приносила прохлады. Галера была вооружена двумя небольшими чугунными пушками. Въ передней части ея расположилась группа солдатъ и стрѣльцовъ, изъ коихъ одни спали, раскинувшись кто кверху носомъ, кто книзу, другіе играли въ какую-то замысловатую игру и то и дѣло били другъ друга по ладонямъ концомъ толстой смоленой снасти, а третьи вели между собой бесѣду о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе.

— Знамо, сторона она чужая, черкаская, а все не то, что свейская. Вонъ я, примѣромъ сказать, у этихъ самыхъ свеевъ въ ту пору, послѣ ругодивской громихи-то, въ полону былъ, такъ и не приведи Богъ! Слова русскаго не услышишь: все одна тебѣ собачья рѣчь, индо одурь возьметъ слухаючи, какъ они тамъ промежъ себя лопочутъ по-собачьи. Ну, а у этихъ, у черкасовъ, ничего, можно жить: такъ малость какая не подходитъ къ нашей рѣчи, не вмоготу имъ, черкаскимъ людемъ, говорить по нашему, потому языкъ у нихъ слабый самый, суконный сказать бы, крѣпости въ емъ нашей нѣту, а то все понятно, только, сказать бы, маленько попорчено: у насъ вотъ, примѣромъ бы сказать, дѣвка, а у ихъ дѣвчина, у насъ это парень, а у нихъ будетъ либо паруборъ, либо хлопецъ, а вино у ихъ—горѣлка.. Да и вправду, братецъ ты мой, горѣлка она у нихъ, не то что у насъ на Москвѣ, на кружечныхъ дворахъ, Москвой-рѣкой она разбавлена: не водку пьешь, а Москву-рѣку, сказать бы, лакаешь. А у черка-

совъ—ни-ни! Водка какъ есть водка, огонь, такъ и горитъ въ нутрахъ горѣлка-та ихняя... А ужъ и попили мы ее, братцы, горѣлки-то этой въ Диканькѣ, вонъ у его въ гостяхъ...

И разсказчикъ, стрѣлецъ, скуластый и коротконогій, почти безъ лба и съ калмыковатымъ разрѣзомъ глазъ, увалень, чудомъ спасшійся отъ висѣлицы, когда стрѣльцы шли за царевну Софію, и потомъ вмѣстѣ съ другими стрѣльцами высланный въ украйные города, а послѣ въ Батуринъ, въ полкъ Григорія Анненкова, на службу Мазепѣ, кивнулъ головой по направленію къ казенкѣ, у которой въ тѣни полога виднѣлись двѣ человѣческія фигуры, прикрытыя рогожами, а по сторонамъ ихъ, на свернутыхъ канатахъ, сидѣли два рейтара съ ружьями и дремали.

— А ты нешто бывалъ у него?—спросилъ одинъ изъ игравшихъ въ замысловатую игру съ жгутомъ.

— А какъ же, за его хозяйкой насъ посылалъ весной Григорій Анненковъ съ Трощинскимъ полковникомъ, да съ волохами.

— Такъ, стало, Кочубейшу взяли?

— Вѣстимо взяли... И, братецъ ты мой, вотъ яга-баба! Отъ міру отведенная. Прибѣжали мы это въ Диканьку утреемъ, только что раннюю обѣдню отпѣли. Спрашиваетъ полковникъ, гдѣ панія будетъ? Въ церкви, говорятъ. Мы въ церкву; караулъ вокругъ поставили. Входимъ, а она стоитъ на колѣняхъ у мѣстныхъ образовъ да поклоны кладетъ. Полковникъ, перекрестившись, какъ слѣдъ, говоритъ: «по приказу-де гетмана, я пріѣхалъ за тобою, имать тебя за приставы». «Плевать-де я, гыть, хотѣла на вашего гетманишку-измѣнника. Я, гыть, знаю одного царя-батюшку, какъ-де онъ повелитъ, на томъ-де я стану». А полковникъ и говоритъ: «нашъ-де, гыть, гетманъ по указу его царскаго величества тебя имать приказалъ». «Не слушаю-де я, гыть, она, вашего гетманишки, бездѣльника бл...ина сына: покажь царскій указъ». А полковникъ-отъ намъ и мигаетъ: возьмите-де вѣдьму! Мы къ ей, а она, ужъ и ѣшь ее мухи, Бога не побоялась: возьми да прямохенько царскими-то вратами да въ самый алтарь! Мы такъ и ахнули. Боже милостивый! Баба въ алтарь! Ужъ это какъ есть послѣднее самое дѣло, баба въ алтарѣ...

— Это что и говорить!—подтвердили слушатели.—Церковь баба опоганила.

— Ну, она это въ алтарь, и мы въ алтарь: знамо, приложи-

лись допрежъ къ мѣстнымъ образамъ. Входимъ, а она за алтарь шмыгнула, да какъ крикнетъ: «не пойду съ церкви! Нехай, постражду межъ алтаремъ, какъ Захарія!»

— Это кто жъ Захарій-то?

— Запорожецъ, сказывали, былъ такой: поляки его въ церкви изрубили.

— Ну, и что-жъ, взяли медвѣдицу?

— Имали... Хотѣли было эдакъ подъ ручки, такъ куда! Словно волчица въ лѣсу: «не трошь меня, гыть, погаными руками, сама пойду на плаху!» Ну, и пошла, а мы за ей, да на дворъ. А на дворѣ назавстрѣчь къ намъ дочка ейная идетъ, красавица писаная, Мазепина, сказываютъ, крестница. Ужъ и красавица же, братцы! Черноокоса, что твоя волошка, бѣлолица, словно свѣчечка воску бѣлаго. Идетъ и плачетъ, а за ей, братецъ ты мой, птица всякая валитъ: и куры, и гуси, и индѣйки, журавли, братецъ, словно робятки, за ей идутъ да въ глаза заглядываютъ. А она только ручкой машетъ: нѣту-де у меня ничего, самое-де берутъ... Жалко ее стало, страхъ какъ жалко! А за ей идетъ старушка старенька, нянька сказать бы, либо мамка ейная, и въ голосъ голоситъ. Вотъ тутъ мы и попили горѣлки этой, въ мертву голову пили, потому погребъ казаки ихніе, черкаскіе, распоясали: «пей, говорятъ, братцы, кочубеевскую горѣлку: онъ-де супротивъ нашего батьки гетмана пошелъ измѣной»... Ну, и попили!

— А ихъ куда же Кочубейшу-ту съ дочкой?

— Въ Батуринъ за приставы привезли.

Солнце клонилось все ниже и ниже, тѣни отъ берговъ и берегового лѣсу становились длиннѣе, досягая чуть не до половины Днѣпра. Вѣтерокъ совсѣмъ упалъ, а вмѣстѣ съ нимъ упалъ и парусъ, лѣниво болтаясь на снастяхъ. По знаку рослаго мужика, стоявшаго у руля, солдаты и стрѣльцы, бросивъ свою интересную игру, убрали парусъ. Галера стала двигаться еще медленнѣе, ее несло только теченіемъ.

По берегамъ Днѣпра то тамъ, то здѣсь вытыкалось жилье, бѣлѣлись изъ-за зелени чистенькія хатки, пестрѣли разными цвѣтами да подсолнухами огороды. Кой-гдѣ паслись стада. По Днѣпру скользили иногда маленькія лодочки-душегубки и, завидя московскую галеру съ пушками, спѣшили къ берегу.

— Тихая сторона, не то, что у насъ на Волгѣ,—говоритъ скуластый стрѣлецъ, поглядывая на берегъ.

— А ты нешто и на Волгѣ бывалъ?—спрашивалъ его молодой рейтаръ съ сросшимися бровями.

— Бывывалъ и на Волгѣ... А ты спроси, гдѣ я не былъ! И въ полону у свеевъ былъ, да убѣгъ, и въ Польшѣ былъ, и съ Мазепой къ Запорогамъ хаживалъ, и въ Астрахани съ Шереметевымъ бояриномъ смуту усмиряли.

— А съ чего смута была?

— Да все изъ-за бородъ, да изъ-за взятковъ: стали это брать съ ихъ банныя деньги, съ бани по рублю, да съ погребовъ, да причальныя, да отвальныя пошлины, да съ гробовъ дубовыхъ, ну, и заартачились астраханцы. А мы какъ приплыли Волгой да сыпанули изъ пушекъ чугунными арбузами... Ужъ и арбузы же тамъ, братецъ, дыни астрахански!..

У казенки, подъ рогожами, зазвенѣли желѣза; изъ-подъ рогожки показалась черная съ сильною сѣдиною голова и съ длинными тоже посеребренными сѣдиною усами. Давно небритый подбородокъ также чернѣлъ и серебрился густою щетиною.

Трудно было узнать въ этомъ лицѣ Кочубея, до того измѣнился онъ; а это былъ онъ, отецъ Мотреньки, выдержавшій не одну пытку въ застѣнкѣ Головкина и до этого еще прошедшій не одну нравственную пытку съ тѣхъ поръ, какъ въ домѣ у него поселилось горе, и его любимая дочка гасла, какъ свѣчка. Кочубей приподнялся, перекрестился, насколько позволяли ему ручные кандалы. Онъ оглянулся на небо, на берега Днѣпра. Онъ соображалъ, повидимому, гдѣ они плывутъ, далеко ли еще осталось до конца. Да, конецъ приближается... Давно они уже плывутъ изъ Смоленска родною, дорогою рѣкою, по которой когда-то плавали на волѣ, на казацкихъ чайкахъ. Какъ это давно было! Еще при Дорошенкѣ и Самойловичѣ; но и ихъ давно нѣтъ.

Что-то дома дѣлается? Что жена, дѣти, бѣдная Мотренька?.. А все изъ-за нея это... А чѣмъ она виновата? Виновата «личкомъ биленькимъ, станомъ тоненькимъ, карими очами, черными бровами»...

Солнце все ниже и ниже. Галка летитъ Днѣпромъ, опережая галеру... «Ой, полети ты, черненькая галко, та до дому рыбы исти, ой, принеси ты, галко, та въ родины висти»... Улетѣла и галка.

А какъ спина болитъ отъ пыточныхъ ударовъ! «Боже правый!..»

Изъ-подъ рогожки выглядываетъ и другое лицо, тоже съ трудомъ узнаваемое. Это Искра, тотъ веселый Искра-Иванъ, что такъ любилъ «жарты»... Ничего не осталось ни отъ Искры, ни отъ Кочубея: и платье на нихъ арестантское, сермяжное, а ихъ дорогіе кунтуши и перстни, какъ и всѣ маетности, въ казну взяты.

— Ты спавъ, Иване?—спрашиваетъ Кочубей.

— Заснувъ трохи... хоть сонною думою дома, у Полтави, побувавъ...

— А мене и сонъ не бере... Десь тамъ выспимось... голова буде спати сама собою, а тило само собою.

Отворилась дверца въ казенкѣ, и оттуда вышелъ пожилой мужчина въ синемъ кафтанѣ, худой и морщинистый. Это былъ стольникъ Вельяминовъ-Зерновъ, которому царь приказалъ доставить Кочубея и Искру къ Мазепѣ, находившемуся въ то время съ запорожскимъ войскомъ за Днѣпромъ, въ Паліивщинѣ.

Вельяминовъ-Зерновъ зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ, отѣнилъ маленькіе свои глазки ладонью и приглядывался къ синѣющей дали и къ золотящимся отъ садившагося за горы солнца берегамъ Днѣпра.

— А далеко еще до Кіева?—спросилъ онъ, взглянувъ на Кочубея и Искру, сидѣвшихъ въ своемъ арестантскомъ углу.

— Завтра надо бы быть тамъ,—отвѣчалъ Кочубей.

— Завтра, на день апостоловъ Петра и Павла; это изрядно,—какъ бы про себя проговорилъ стольникъ.

Потомъ онъ прошелся вдоль галеры, сдѣлалъ кое-какія замѣчанія солдатамъ и стрѣльцамъ, постоянно позѣвывая и крестя ротъ. Онъ, видимо, скучалъ этой долгой волокитой отъ Смоленска до Кіева, спалъ до одурѣнія и все никакъ не могъ скоротать времени. Добредя потомъ до рулевого, онъ сѣлъ на скамейку, зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и затянулъ вполголоса «Свѣте тихій»!..

Вечерѣло. Воздухъ становился прохладнѣе. Солнце не золотило уже ни береговъ, ни вершинъ лѣса, ни горъ: оно само давно спряталось за гору. И даль, и поверхность Днѣпра, и зелень, все мало-по-малу теряло цвѣтность, окутывалось невидимою дымкою. Съ берега доносилось иногда блеянье овецъ, ревѣли коровы: это стада возвращались съ полей къ жилью.

Стольнику надоѣло, повидимому, тянуть и «Свѣте тихій»...

— А пора бы, кажись, и къ берегу... Завтра въ Кіевъ, поди, рано приплывемъ,—сказалъ онъ рулевому.

— Богъ дастъ рано управимся, бояринъ: къ обѣднямъ поспѣемъ,—отвѣчалъ рулевой, не спуская глазъ съ кормы.

— Такъ чаль, вонъ приглубый бережокъ, и рыбки молодцы къ ужинѣ, поди, наловятъ.

Галера привернула къ лѣвому берегу. Заякорились, бросили сходцы на берегъ и стали выходить.

— Ну, ребята, раскладывай костеръ, да бредешкомъ забредите, можетъ, стерлядочекъ зацѣпите, али окуньковъ хорошенькихъ, бычковъ, прескусная рыбица,—оживился стольникъ, ходя по берегу и разминая залежавшіеся члены.

Одни арестанты остались на своемъ мѣстѣ, на галерѣ, да часовые, которые караулили ихъ.

Солдаты и стрѣльцы бросились собирать сухой валежникъ, разложили и разожгли костеръ, поставили огромный треногъ съ висячими крючками, подвѣсили котелки съ водой... Говоръ такой на берегу, весело! Повеселѣлъ и стольникъ, большой охотникъ до рыбки, особливо же, ежели ее теперича поймать свѣженькую да прямо изъ воды да въ котелокъ, да лучку туда, да перчику, да лавроваго листу, да щавельку свѣжаго, да сольцы въ мѣру, да такъ на воздусѣхъ, подъ божьимъ покровомъ, и трапезовать: то-то любо-дорого.

Костеръ распылался на славу—фу да ну!—а кругомъ отъ зарева темень, и небо темнѣе стало, звѣзды высоконько да далеконько помигиваютъ, и на галеру зарево костра падаетъ, а изъ галеры, изъ арестантскаго угла выглядываютъ два блѣдныхъ лица, тоже глядятъ на костеръ.

Скуластый стрѣлецъ, что бывалъ и у свеевъ въ полону и на Волгѣ, и молодой рейтаръ съ сросшимися бровями раздѣлись до нага, голыя тѣла такъ ярко освѣщены заревомъ костра, захватили бредешокъ и тихо сошли въ воду, бережно ощупывая глубину у берега. И стольникъ тутъ: руками машетъ, шикаетъ.

— Шшъ... тише... глубже забирай; водой не плещи...

Бредутъ, долго бредутъ, а стольникъ за ними по берегу идетъ. «Заходи; рейтаръ, становись; стрѣлецъ, вытаскивай живѣй: улю-лю-лю! улю-лю-лю! ловись, рыбка; гоните ее; святые угодничники Петры-Павла, въ бредешокъ»...

Вытащили, трепыхается рыбка, и крупненькая, и махонькая... «Давай ведро! Живѣй, ребята!»—командуетъ стольникъ, подпимая полы и засучивая рукава камзола. «Ай да рыбка, рыбина божья! Ишь трепыхается... а вотъ и рачокъ соколикъ, другой... Те-те-те! Окунище знатный, ишь, бояринъ какой! Улю-лю-лю! Рыбина божья»... присѣвъ на корточки, радуется стольникъ, хватая то окунька, то ершика.

И долго еще радовался стольникъ, суетясь потомъ около костра, заглядывая въ котелки, пробуя ушицу божью, потомъ смакуя ее и рыбину сердешную, скуспую, подсаливая ее, да запивая потомъ ренскимъ, да славословя Бога, насытившаго его земныхъ благъ въ чаяніи не лишити и небеснаго царствія...

Ѣли потомъ и рейтары, и стрѣльцы, освѣщаемые костромъ и похваливая уху и рыбку.

А изъ угла галеры виднѣлись два блѣдныхъ лица, да мигали съ неба блѣдныя звѣзды.

Утромъ въ день Петра и Павла галера подплыла къ Кіеву. Чудное утро выдалось, радостное. Кіевъ такъ весело, празднично смотритъ. Зазваниваютъ къ обѣднямъ. Послѣ обѣденъ люди разговляться будутъ, въ гости другъ къ дружкѣ ходить; молодежь любиться будетъ жарче, жарче втихомолку цѣловаться станутъ... Сколько поцѣлуевъ будетъ украдено у жизни, у старости всезапрещающей, у вѣчнаго, глазастаго цензора «нельзя»!..» Эхъ, хороша ты, жизнь проклятая! Какъ же не хороша? Вонъ дѣти купаются въ Днѣпрѣ: сколько счастья на ихъ невинныхъ личикахъ.

— Докійко! Докійко!—кричитъ дѣвочка, выставивъ изъ воды черную головку съ распущенною косою.—Я поплыву онъ до того великого човна.

— Охъ, панночко! Не плывайте, втонете!—кричитъ другая дѣвочка, ныряя въ воду, какъ утка.

— Ни, Докійко, поплыву, пливи за мною.

И дѣвочки, словно русалки, быстро подплываютъ къ галерѣ и съ испугомъ останавливаются на водѣ: они узнаютъ на галерѣ два лица, но какія страшныя эти лица!

— Охъ, Докійко,—шепчетъ первая дѣвочка, отплывая съ испугомъ отъ галеры,—та тожъ Кочубея москали везуть, Мотреньчиного тату... Я такъ злякалася, трохи не втонула.

— То-то, панночка, втонете вы коли небудь.

— Бидна Мотренька... Ходимъ, Доко, подивимось, якъ ихъ поведуть.

Это та дѣвочка, Оксанка Хмара, которую мы видѣли съ котикомъ на рукахъ въ кельѣ игуменьи Магдалины, матери Мазепы, когда гетманъ приходилъ просить ея благословенія.

Не успѣли дѣвочки выйти изъ воды и одѣться, какъ галера пристала къ берегу, и арестантовъ повели прямо въ Печерскую крѣпость.

Черезъ двѣ недѣли Кочубей и Искра были уже въ обозѣ Мазепы, который со всѣмъ малороссійскимъ и запорожскимъ войскомъ стоялъ за Бѣлою церковью, на Борщаговкѣ.

Съ ранняго утра собраны были войска на площадь около церкви. Скоро прибылъ на площадь и Мазепа, окруженный блестящею свитою: Филиппъ Орликъ, Данило Апостолъ, Павло Апостолъ, Павло Полуботокъ, Иванъ Скоропадскій, Войнаровскій, Гамалія, Лизогубъ, Галаганъ—все это на добрыхъ коняхъ, въ богатой одеждѣ. На Мазепѣ голубая андреевская лента—рѣдчайшая въ то время въ цѣлой Россіи. Голубой цвѣтъ ея, играя на солнцѣ, придаетъ какую-то мертвенную блѣдность щекамъ гетмана. Съ тѣхъ поръ, какъ мы его видѣли въ послѣдній разъ съ Мотренькой, когда онъ подъ набатный звонъ передавалъ ее Григорію Апенкову для сопровожденія къ родителямъ, Мазепа еще болѣе осунулся, и лицо его стало напоминать что-то хищное, птичье; то, что было въ лицѣ его матери: брови больше спустились на глаза, что оттѣняло ихъ особенно сильно и придавало имъ черноту и блескъ; усы тоже свисли и какъ бы еще болѣе оттянули книзу углы губъ. Орликъ иногда поглядывалъ на него исподлобья, постоянно вдумываясь въ что-то и словно высчитывая умомъ и за, и противъ. Скоропадскій тоже о чемъ-то думалъ... Да и нельзя было не думать! Его хорошенькая жиночка Настя такъ настойчиво провожала его въ походъ словами «хочу бути гетьманшею»... А вотъ что значитъ слушаться «жинокъ», вонъ Кочубей изъ-за жены да изъ-за дочки погибаетъ...

Но вотъ ударили въ бубны и котлы. Встрепенулись казаки и старшина. Всѣ оборачиваютъ головы, ждутъ. Изъ-за звуковъ бубенъ слышатся позвякиванья желѣзъ: тилимъ-тилимъ, тилимъ-тилимъ... Глаза Мазепы совсѣмъ исчезаютъ подъ бровями. Онъ жадно прислушивается къ этому пилящему по душѣ тилимъ-ти-

лимъ... «За кари очи, та за черни брови... Охъ, сколько народу изъ-за васъ пропало»!..

«Ведутъ! Ведутъ!» прошелъ шопотъ по рядамъ казаковъ. Иные крестятся, взглядывая на церковь, на крестѣ которой сидитъ ворона и каркаетъ... «На кого она проклятая каркаетъ?» думается Мазепѣ.

Ряды раздвигаются и пропускаютъ арестантовъ. Впереди отряда стрѣльцовъ, конвоирующихъ осужденныхъ, идетъ скуластый стрѣлецъ, усердно выбивая подъ бубенъ тактъ запыленными ногами. Стольникъ Вельяминовъ-Зерновъ въ новомъ камзолѣ переваливается съ боку на бокъ и какъ бы повторяетъ мысленно подъ тотъ же бубенъ: «улю-лю-лю... ловись, рыбка божья, ловись»...

Показываются и сермяжные чапаны, подпоясанные мочалками. Это Кочубей и Искра съ непокрытыми головами, съ нависшими на лбы волосами и съ глазами, опущенными долу, какъ будто бы глаза эти ищутъ дороги, какъ бы не сбиться съ нея, не угодить туда, въ яму невидимую... а можетъ скоро и увидятъ... На ногахъ арестантскіе казенные коты и бѣлыя суконныя онучи, обхваченныя желѣзными кольцами, отъ которыхъ идутъ такія же желѣзныя звенья къ поясу... Арестантовъ ввели въ старшинскій кругъ и поставили лицомъ къ церкви. Глаза ихъ не сразу охватили и узнали все, что было въ этомъ почетномъ кругу; а въ кругу вотъ что было: бѣлыя сосновыя доски, настланныя въ видѣ стола; два какіе-то холстовые мѣшка на этомъ помостѣ со ступеньками; тутъ же два новыхъ, наскоро сколоченныхъ гроба.

Отъ этихъ досокъ и гробовъ Кочубей поднялъ глаза, и они упали на голубую ленту, потомъ и встрѣтились съ глазами Мазепы... Филиппъ Орликъ махнулъ рукой, и бубны умолкли... Тихо стало, такъ тихо, что слышно, какъ дышутъ казаки.

— Помни, Иване Мазепо, я иду до Бога!—громко сказалъ Кочубей, показывая на церковь.

— Съ Богомъ, Василе, съ Богомъ, иди!—хрипло отвѣчалъ Мазепа, сверкнувъ глазами.

— Помни, Мазепо, я зову тебя на страшный судъ...

— Помню, помню...

— Буди проклято чрево, носившее тя, и сосца, яже еси сосалъ!—не выдержалъ Искра, топнувъ закованною ногою.

Мазепа самъ думалъ то же, потому что въ этотъ моментъ въ памяти его пронеслось послѣднее свиданіе съ матерью, съ котораго, повидимому, и начались всѣ несчастія, а тамъ и потеря существа, которое одно въ жизни онъ любилъ искренно. Но въ это время Орликъ подалъ знакъ, загудѣли бубны и все собой покрыли. Затѣмъ Орликъ развернулъ бумагу и снялъ шапку. За нимъ обнажили головы старшина и все войско.

«По указу его царскаго пресвѣтлаго величества и по приговору войска малороссійскаго запорожскаго», началъ читать Орликъ, когда умолкли бубны. Въ приговорѣ упоминалось и «ложное доношеніе», и «посяжка на гетмана», и «изблеваніе клеветы» на все войско и иныя преступленія.

Кочубей тихо качалъ головой, беззвучно шевеля губами.

— Бреше, сучій сынъ! — крикнулъ Искра при словахъ «изблеваніе клеветы на войско».—Мы на казакивъ не блювали.

— Шкода! Шкода!—закричали казаки за спинами старшинъ.

Опять машетъ Орликъ рукой, опять колотятъ бубны... Къ осужденнымъ подходитъ священникъ съ крестомъ. Осужденные падаютъ ницъ, звеня кандалами, потомъ поднимаются, крестятся. Священникъ ихъ напутствуетъ только имъ однимъ слышными словами и даетъ цѣловать крестъ.

Осужденные остаются на колѣняхъ: они знаютъ казацкіе обычаи и не хотятъ въ послѣдній разъ въ жизни ударить передъ казаками лицомъ въ грязь. Снова Орликъ машетъ рукой. Изъ-за стрѣльцовъ выходитъ низенькій, широкоплечій, татарскаго облика «катъ» съ блестящимъ топоромъ въ рукахъ. Молніей блеснуло желѣзо въ глаза осужденнымъ. Палачъ положилъ топоръ на помостъ и взялъ оттуда бѣлый мѣшокъ: это былъ саванъ, что-то длинное, словно поповская риза безъ рукавовъ. Когда палачъ подошелъ къ Искрѣ, чтобы связать ему руки висѣвшею у пояса веревкою, Искра оттолкнулъ его.

— Геть!—крикнулъ онъ съ силой.—Я не хочу йти до Бога злодіемъ... не рушъ моихъ рукъ.

Палачъ глянулъ на Мазепу. Тотъ сдѣлалъ знакъ, чтобы Искрѣ не связывали рукъ. Тогда палачъ накинулъ саванъ сначала на него, потомъ на Кочубея. Оба осужденные поднялись съ земли, бодро взошли на помостъ, повернулись къ казакамъ,

сдѣлали имъ по глубокому поклону и стали на колѣни, вытянувъ впередъ головы, чтобы удобнѣе было палачу рубить имъ шеи.

Палачъ взялъ топоръ и, поглядывая на Мазепу, ожидалъ знака. Желтая, съ золотистыми крыльями бабочка, порхавшая надъ помостомъ, спустилась и сѣла на помостъ какъ разъ передъ осужденными, расправляя свои блестящія крылышки. Искра, высвободивъ изъ-подъ своихъ колѣнъ подолъ савана, махнулъ имъ на бабочку, и она снова закружилась надъ помостомъ.

Мазепа сдѣлалъ знакъ. Топоръ блеснулъ въ воздухѣ, и голова Кочубея стукнулась лбомъ объ помостъ вмѣстѣ съ туловищемъ. Голова не отлетѣла отъ шеи, а держалась на ней небольшой полосой кожи. Искра, поднявъ голову, страшно глянулъ на палача.

— Собака! Ты рубать не вмієшь! — грозно сказалъ онъ, снова протягивая свою воловью шею.

— Отъ побачишь!—огрызнулся палачъ.

— Рубай, я подивлюсь...

Но ему уже не удалось «подивиться» на искусство палача и на то, какъ упрямая голова широкимъ лбомъ хлобыснулась объ помостъ, а туловище все еще стояло, какъ бы не хотѣло падать... Но и оно грохнулось, изливая фонтаномъ горячую кровь.

— Погибе память ихъ съ шумомъ!—сказалъ Мазепа и поворотилъ своего коня.

Въ это время ударили къ обѣднѣ, словно бы то былъ звонъ на отходъ души. Но это былъ звонъ не похоронный, а скорѣй, частый, какъ бы радостный: то звонили для живыхъ, которые должны были молиться и за себя, и за усопшихъ.

Казаки, и конные, и пѣшіе, по отъѣздѣ гетмана и старшины, понадвинулись къ казненнымъ и долго смотрѣли на нихъ. Ни на одномъ лицѣ не видно было ни осужденія, ни какого-либо иного укора; напротивъ, всѣ смотрѣли строго, жалостливо, иногда съ ужасомъ, боязнью, но болѣе всего съ какою-то тайною загадкою во взорѣ, съ неразрѣшимымъ вопросомъ и относительно себя, и относительно вотъ ихъ, лежащихъ на помостѣ такъ страшно-картинно: Кочубей уткнулся въ кровавую лужу, словно кланяется церкви, хотя голова его лежитъ бокомъ къ полу, а усы и ротъ мокнутъ въ крови, точно пьютъ ее; Искра

же растянулся во всю длину и какъ бы тянется всѣмъ своимъ массивнымъ тѣломъ къ головѣ, которая откатилась отъ туловища и закрыла глаза, точно прислушиваясь: сразу отрубятъ ее отъ тѣла или не сразу.

А желтая бабочка опять тутъ: то на Кочубея сядетъ, то на Искру, расправляетъ крылышки, приближается къ крови и снова поднимается... Ее занимаютъ, повидимому, эти бѣлые, обрызганные кровью, саваны...

— Якій метеликъ, дивиться, хлопцы,—говоритъ одинъ казакъ, указывая на бабочку,—то може душа Кочубеева прилинула... Онъ якъ коло головы его крыльцями віе...

— А може се дочка до его прилетѣла, убивается по батькови,—замѣтила баба-богомолка, возвращавшаяся изъ Кіева;—онъ якъ лине до батенька...

— Яка, бабусю, дочка?

— Та Матроною, кажуть, зовуть. Вона, кажуть... Мазепа до неи, та щось не теэ...

Богомолка не договорила. Бабочка опять опустилась на трупъ Кочубея и поползла по его савану, расправляя крылышки.

— Та вона жъ, се вона... бидна дитина... — богомолка утерла слезы,—отъ и поплакати никому...

Только по окончаніи обѣдни трупы казненныхъ были положены въ гробы и повезены въ Кіевъ, на родину, поближе къ своимъ... Богомолка была права: тутъ надъ ними некому было плакать

XII.

Прошло лѣто, прошла осень, прошла и половина суровой зимы. Наступилъ 1709 годъ, скоро весна...

По снѣжной равнинѣ, раскинувшейся бѣлымъ саваномъ къ востоку отъ Сумъ до Сейма, гладкою возвышенностью ѣдетъ группа всадниковъ. Нѣсколько впереди всѣхъ, на полкорпуса лошади, высокаго и тонконогаго, чернаго съ бѣлою звѣздою во лбу скакуна, рѣзко выдѣляется изъ группы и своею осанкою, и своимъ усѣстомъ на богатомъ сѣдлѣ фигура молодого человѣка въ войлочной трехъуголкѣ съ зрительною трубою и съ огромнымъ палашемъ у бедра.

Что-то странное, непонятное въ лицѣ у этого молодого человѣка! Необыкновенно круто вскинутыя брови; нѣсколько при-

поднятые съ концами бровей внѣшніе углы глазъ; въ томъ же направленіи приподнятые углы дерзко-насмѣшливыхъ губъ; носъ, какъ-то упрямо выдающійся на этомъ какомъ-то черствомъ, загрубѣломъ лицѣ; ноздри, постоянно раздувающіяся, какъ у горячей, норовистой лошади, и въ особенности сѣрые, съ неподвижными, какъ у безумца или мономана, какіе-то жесткіе, упрямые, стоячіе глаза, все это такъ рѣзко выдвигало лицо этого молодого человѣка изъ группы другихъ лицъ, что при видѣ его встрѣчный невольно пятился назадъ съ вопросомъ внутри себя: что это такое, или это злодѣй, или необыкновенный человѣкъ?.. А между тѣмъ одѣтъ этотъ необыкновенный человѣкъ очень просто, даже бѣдно и нечисто: военный однобортный кафтанъ потертъ, вывалянъ въ сѣнѣ; металлическія пуговицы на немъ заржавѣли; старый черный галстухъ обмотанъ вокругъ шеи неловко, небрежно; высокіе, выше колѣнъ сапоги неизвѣстно, когда чищены; огромныя шпоры тоже носятъ на себѣ слѣды ржавчины. Зато конь убранъ богато, по-царски; да и конь рѣдкой породы и необыкновенно выхоленный.

Рядомъ съ нимъ, тоже на кровномъ скакунѣ, стараясь держать своего коня нога въ ногу съ первымъ всадникомъ, ѣдетъ розовый мальчикъ, не спускающій глазъ съ перваго и нервно слѣдящій за каждымъ его движеніемъ. Розовыя щеки его обвѣтрены, но юношескій, какъ на персикѣ, пушокъ еще не сошелъ съ нихъ, а чистые свѣтло-голубые глаза такъ ясны, что никогда, кажется, до смерти не обвѣтрѣютъ. Юноша также одѣтъ по военному и съ такимъ же большимъ палашомъ, который, кажется, своею тяжестью гнетъ его на сторону.

По другую сторону перваго всадника на бѣломъ конѣ, на высокомъ казацкомъ сѣдлѣ, грузно сидитъ знакомая намъ, нѣсколько сутуловатая и понурая фигура, съ такимъ же понурымъ лицомъ, съ понурыми бровями и понурыми сѣдыми усами. Это Мазепа въ своей сивой смушковой шапкѣ, мало отличающейся отъ сивой головы гетмана.

Далѣе, почти въ рядъ, слѣдуютъ и незнакомыя намъ въ незнакомыхъ костюмахъ лица, и давно знакомый намъ старшина малороссійскій—Филиппъ Орликъ съ своими сѣрыми серьезными глазами, Войнаровскій и другіе.

Первый всадникъ съ какою-то неподвижною задумчивостью глядѣлъ вдаль, какъ бы силясь прозрѣть, что тамъ далеко-да-

леко за этимъ бѣлымъ пологомъ, точно разостланномъ чистою скатертью до невѣдомаго царства, до невѣдомыхъ людей.

— А отсюда, ваше величество, и до Азіи недалеко, всего только нѣсколько миль,—не то съ ироніей, не то съ придворной лестью заговорилъ Мазепа на чистомъ латинскомъ языкѣ.

— Да?—круто повернувшись на сѣдлѣ, спросилъ первый всадникъ, странный на видъ молодой человѣкъ, который былъ не кто иной, какъ Карлъ XII.

— Точно, ваше величество, — отвѣчалъ гетманъ. — Вотъ какъ далеко проникло ваше побѣдоносное оружіе!

— Sen non conveniunt geographi (географы на-двое сказали),—не то отшутился, не то повѣрилъ Карлъ.

— Сѣверный Донецъ, ваше величество, нѣкоторые географы считаютъ этой границей, а Донецъ недалеко отсюда,—продолжалъ Мазепа.

Карлъ нервно приподнялся на сѣдлѣ, оглянулся на свиту, отыскалъ глазами худого съ сухимъ носомъ и такими же сухими, точно никогда не смѣявшимися глазами старика съ большимъ орденомъ на шеѣ и громко сказалъ:

— Слышите, Реншильдъ, мой старый другъ? Мы скоро доберемся до Азіи, не далеко ужъ.

— Съ вами, ваше величество, и до аду не далеко,—уклончиво отвѣчалъ хитрый фельдмаршалъ.

У Мазепы невольно дрогнулъ сивый усъ, а лукавые глаза его только одному Орлику знакомымъ языкомъ добавили: «туда вамъ и дорога».

— Я хочу быть въ Азіи!—продолжалъ упрямый король.— Если мои предки, варяги, съ ихъ смѣлыми конунгами ходили въ Византію, то и мы пройдемъ до Азіи.

Розовый мальчикъ, ѣхавшій рядомъ съ нимъ, глядѣлъ на него съ восторгомъ и благоговѣніемъ.

— О, ваше величество!—воскликнулъ онъ.—Вы идете по слѣдамъ Александра Македонскаго.

— Ахъ, мой милый Максъ! — улыбнулся Карлъ.—Здѣсь даже и онъ не ходилъ... нѣтъ тутъ его слѣдовъ...

И странный король показалъ на снѣжную равнину, по которой ихъ кони дѣлали первые слѣды. Юноша вспыхнулъ. Это былъ юный Максимиліанъ, герцогъ виртембергскій, который, будучи очарованъ небывалою военною славою дерзкаго короля

Швеціи, явился къ нему въ лагерь въ качествѣ ученика военнаго генія Карла и просилъ его принять въ число другихъ дружинниковъ этого новаго варяжскаго конунга. Карлъ принялъ его; томилъ юношу тою суровою жизнью солдата, какую самъ велъ: скакалъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ отъ отряда къ отряду, спалъ вмѣстѣ съ нимъ на сѣнѣ и на голой землѣ, и юноша боготворилъ своего суроваго учителя.

— О, ваше величество!—восторженно, съ яркою краскою на загорѣлыхъ и обвѣтренныхъ, но все еще нѣжныхъ щекахъ сказалъ Максимиліанъ.—Вы въ Азіи найдете слѣды Александра Македонскаго и затопчите ихъ вашими ногами, вашею славою...

— Хорошо, хорошо, мой храбрый Максъ, затопчемъ ихъ.

Мазепа продолжалъ помаргивать сивымъ усомъ, думая о чемъ-то другомъ, а Орликъ сердито поглядывалъ на него, какъ бы желая сказать: «охота тебѣ было, пане гетмане, нагадать козѣ смерть—раздразнить этого короля гульвису: онъ теперь заберетъ себѣ въ упрямую башку Азію да этого пройди-свѣта Александра, а Украина пропадай!»

А Карлъ дѣйствительно уже забралъ себѣ въ голову. Онъ снова повернулся на сѣдлѣ и, отыскавъ глазами другого всадника, бѣлоглазаго съ льняными волосами плотнаго мужчину не молодыхъ лѣтъ, крикнулъ:

— Любезный Гилленкрукъ! Наведите справки о путяхъ, ведущихъ къ Азіи.

— Справиться не трудно, ваше величество, но дойти до Азіи не легко,—сердито отвѣчалъ бѣлоглазый мужчина.

— Вы всегда скучны со мною, старый дружище!—засмѣялся король.—Только я все-таки хочу добраться до Азіи: пусть Европа знаетъ, что и мы въ Азіи побывали.

— Ваше величество все изволите шутить, а не серьезно помышляете о такомъ важномъ дѣлѣ, — попрежнему сердито отвѣчалъ Гилленкрукъ.

— Я вовсе не шучу!—оборвалъ его король.

Въ сумасбродной, «желѣзной головѣ» короля-варяга, какъ его тогда называли нѣкоторые, зароились дерзкія, безумныя мечты о будущемъ, и поэтическія, полныя суроваго очарованія воспоминанія о далекомъ, сѣдомъ прошломъ и картины своего далекаго, суроваго, но милаго скандинавскаго сѣвера, и этотъ вотъ, что растилался передъ его глазами, безбрежно какъ океанъ

степного «сарматскаго» юга. Изъ этого сѣдого прошлаго выступаютъ тѣни великановъ сумрака, но сумрака славнаго, полнаго яркихъ личностей, громкихъ дѣлъ, и эти великаны проходятъ передъ нимъ, передъ своимъ потомкомъ, сумрачными рядами. И они, какъ и онъ, топтали своими ногами и копытами своихъ коней эти необозримыя степи Сарматіи, водя свои дружины вмѣстѣ съ ратями полянъ, курянъ, кривичей и дреговичей на половцевъ и печенѣговъ. Они, старые конунги съ варягами, бороздили своими лодками воды Днѣпра, по которымъ и онъ, ихъ потомокъ, плавалъ уже и снова съ весной поплыветъ на югъ, къ Азіи... А давно уже не бродили тутъ ноги варяговъ, отвыкли эти ноги отъ дальнихъ походовъ, приросли подошвами къ родной Скандинавіи; а тѣмъ временемъ въ теченіе столѣтій эта сарматская Русь выскользнула изъ варяжскихъ рукъ и вонъ какъ ширится! Раскинулась и на востокъ, и на югъ, и на западъ и на сѣверъ, а теперь вонъ въ лицѣ этого великорослаго коронованнаго дикаря протянула свою ненасытную руку и къ Варяжскому морю... О! Никогда не бывать этому! Скандинавія проснулась, проснулись древніе варяги вмѣстѣ съ своимъ конунгомъ, и горе сарматской Руси съ ея великорослымъ дикаремъ! Съ сѣвера пахнуло стариной, и опять варяги приберутъ къ своимъ рукамъ эту Русь, эту Московію-Сарматію, которая доселѣ «велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ»... «Идите вновь, варяги, володѣть и править нами»...

— А до Запорожской Сѣчи далеко еще?—встрепенувшись вдругъ, спросилъ «желѣзная голова» Мазепу.

— Далеко, ваше величество,—попрежнему о чемъ-то думая, отвѣчалъ Мазепа.

— Но не дальше Азіи?

— Дальше, ваше величество.

И Мазепа опять о чемъ-то задумался, глядя въ безбрежную даль. Не весело ему, да и давно уже ему не весело, а въ послѣднее время чѣмъ-то безнадежнымъ пахнуло на него, и послѣдніе лепестки надеждъ на будущее, которые еще оставались въ душѣ его, словно листья дуба свернулись отъ мороза и унесены куда-то холоднымъ вѣтромъ. Онъ чувствовалъ, что его положеніе день ото дня становилось все болѣе безысходнымъ. Сегодня прибылъ въ шведскій станъ его вѣрный «джура» Демьянко—и сколько горькаго и тяжкаго поразсказалъ онъ! Демьянко

все сообщилъ, что происходило въ той части Малороссіи, которую покинулъ Мазепа, передавшись Карлу, и какъ скоро отреклась отъ него Малороссія! Одинъ Батуринъ еще держался нѣсколько дней, но и тотъ москали взяли и разгромили. Взятъ былъ и вѣрный Чечелъ, полковникъ надъ сердюками. Разгромлена вся столица Мазепы и сожжена, камня на камнѣ не осталось. Какъ лютовали москали надъ роскошнымъ дворцомъ гетмана, надъ всѣми его пожитками и челядью! Гетманскихъ любимцевъ—и громаднаго барана, и огромнаго «цапа», которые, бывало, своимъ единоборствомъ развлекали старика и тѣшили дворцовую молодежь, казачковъ да пахолковъ,—и барана, и козла москали середь гетманскаго двора изжарили на вертелахъ и тутъ же съѣли, запивая виномъ изъ гетманскихъ погребовъ. Богатый садъ Мазепы выломали, вытрощили все въ немъ и протоптали московскими сапожищами всѣ дороженьки, по которымъ когда-то хаживалъ Мазепа съ Мотренькою, и на которыхъ еще остались слѣды ея маленькихъ крошекъ, «ножекъ биленькихъ». Замела и эти дорогіе слѣды проклятая Москва! «Жиночокъ и диточокъ», прислугу гетманскую, что оставалась въ батуринскомъ дворцѣ и замкѣ, въ Сеймъ побросали и потопили.

А что было въ Глуховѣ, на радѣ, при избраніи новаго гетмана вмѣсто него, Мазепы! Что было послѣ рады! Вмѣсто Мазепы избрали этого губошлепа Скоропадскаго, который и козакувалъ и полковничалъ, и Богу молился изъ-подъ башмака своей Насти. Дождалась таки Настя гетманства! Теперь ее, поди, и съ коня рукой не достанешь... Фу, какая тоска! Какъ тошно жить на свѣтѣ!

Еще разсказывалъ Демьянко про молебствіе въ Глуховѣ, когда его, Мазепу, проклинали... Царь стоитъ такой сердитый, заряженый, высокій, какъ колокольня въ Ромнахъ, и страшно озирается по сторонамъ; а лицо такъ и дергается, вотъ-вотъ увидитъ Демьянка! А попы, архіереи, протопопы, дьяки и самъ царь выкрикиваютъ надъ Мазепинымъ портретомъ, поставленнымъ на эшафотѣ: «клятвопреступнику, измѣннику и предателю вѣры и своего народа, трепроклятому Ивашкѣ Мазепѣ—анафема! анафема! анафема!» Ажно собаки жалобно и боязно завыли по Глухову отъ этого страшнаго пѣнія... И вездѣ теперь, по всей Украинѣ, поютъ эту новую пѣсню про Мазепу—«анафема! анафема!».

А тамъ «катъ» привязалъ веревку къ портрету и потащилъ его черезъ весь Глуховъ на висѣлицу—и повѣсилъ... Далеко видна голубая андреевская лента на повѣшенномъ подъ висѣлицею портретѣ... Долго висѣлъ тамъ портретъ, и вороны и «круки» слетались къ портрету, думая клевать мертвое тѣло Мазепы. Нѣтъ, оно еще не мертвое! Вонъ на бѣломъ конѣ грузно сидитъ, сивымъ усомъ подергиваетъ.

Да, не весело Мазепѣ, очень не весело. Ужъ и прежде, давно, онъ чувствовалъ себя одинокимъ, осиротѣлымъ; а теперь, здѣсь, около этого коронованнаго гайдамака, около короля пройди-свѣта, онъ увидалъ себя окончательно всѣми покинутымъ. Почти всѣ передавшіеся съ нимъ этому шведскому чумаку полковники бѣжали отъ него къ Петру: и Апостолъ Данило, и Галаганъ, и Чуйкевичъ, и Покотило, и Гамалія, и Невинчанный, Лизогубъ, и Сулима, всѣ бѣжали къ царю... Все повернулось вверхъ дномъ, и счастье Мазепы опрокинулось дномъ кверху и разсыпалось пылью... Что было вверху—стало внизу, а нижнее до облаковъ поднялось... Вонъ на какую высоту поднялась вдова Кочубеиха, обласканная царемъ; а онъ, Мазепа, упалъ съ высоты и разбился. Вонъ и эти бродяги-шведы, видимо, ужъ не вѣрятъ ему, слѣдятъ за нимъ. Мазепа это чуетъ своимъ лукавымъ сердцемъ, видитъ своими лукавыми глазами, хоть самъ король пройди-свѣтъ и вѣритъ еще ему, да что въ томъ толку! Мазепа ужъ себѣ не вѣритъ!

А она, голубка сизая, что съ нею? Гдѣ она? Демьянко говоритъ, что видѣлъ ее въ Кіевѣ, въ Фроловскомъ монастырѣ: вся въ черномъ она стояла въ церкви на колѣняхъ рядомъ съ игуменьею матерью Магдалиною, а когда проклинали Мазепу, вздрогнула и, припавъ головой къ церковному помосту, горько плакала... О комъ? О чемъ?

— Что безпокоитъ мудрую голову гетмана? — спросилъ вдругъ Карлъ, замѣтивъ молчаливость и угрюмость Мазепы.

Захваченный врасплохъ съ своими горькими думами, которыя далеко унесли его отъ этой однообразной картины степи, съ вечера присыпанной яркимъ, послѣднимъ подвесеннимъ снѣгомъ, Мазепа не сразу нашелся, что отвѣчать на вопросъ короля, какъ ни былъ находчивъ его лукавый умъ.

— Мою старую голову безпокоитъ молодая пылкость вашего

величества,—отвѣчалъ, наконецъ, онъ медленно, налегая на каждое слово.

— Какъ! Quomodo, tantum?—встрепенулся Карлъ.

— Вашему величеству угодно было лично отправиться въ поле на поиски за непріятелемъ, и мы не посмѣли отпустить васъ одного въ сопровожденіи его свѣтлости, принца Максимиліана и нѣсколькихъ дружинниковъ—вѣдь это не охота за зайцами, ваше величество... Мы можемъ наткнуться на московитовъ или на донскихъ казаковъ...

— О, dux Sarmatiae!—засмѣялся молодой король.—Для меня достаточно одного моего богатыря Гинтерсфельта, чтобы не бояться цѣлой орды дикихъ московитовъ... Гетманъ видѣлъ моего богатыря? Вонъ онъ ѣдетъ рядомъ съ старымъ Ренншильдомъ.

И Карлъ показалъ на бѣлобрысаго, коренастаго шведа съ бѣлыми вѣками и краснымъ носомъ, глядѣвшаго какимъ-то бѣлымъ медвѣдемъ.

— Этотъ добрякъ Гинтерсфельтъ удивительный чудакъ,—продолжалъ Карлъ.—Однажды, еще подъ Нарвой, будучи тогда простымъ солдатомъ, онъ долженъ былъ стоять на часахъ около своей батареи, но, соскучившись, забрался въ шалашъ маркитантши, да и запьянствовался тамъ. Я дѣлалъ ночной объѣздъ патруля и часовыхъ и наткнулся на его батарею... Вдругъ слышу, кто-то у шалаша испуганно говоритъ: «король! король!». И что же я вижу! Изъ шалаша выбѣгаетъ Гинтерсфельтъ, схватываетъ пушку съ лафета и дѣлаетъ мнѣ пушкой на караулъ! Ружье-то онъ у маркитантши забылъ впопыхахъ... Каково! Пушкой на караулъ!

Мазепа съ удивленіемъ посмотрѣлъ на богатыря, хотя и полагалъ, что Карлъ, по свойственной ему пылкости, преувеличиваетъ, но отвѣчать ничего не отвѣчалъ, а только выразилъ нѣмое удивленіе...

— А въ дѣлѣ мой богатырь просто кладъ! — продолжалъ увлекающійся король, — онъ обыкновенно пронизываетъ своего противника мечемъ и перекидываетъ черезъ голову. А разъ въ Стокгольмѣ, проѣзжая подъ сводами городскихъ воротъ, онъ ухватился рукой за вдѣланный въ сводахъ крюкъ и приподнялъ себя вмѣстѣ съ лошадью!

— Ахъ, какъ смѣшно, я думаю, болтала бѣдная лошадь ногами въ воздухѣ!—не вытерпѣлъ юный Максимиліанъ.

— О, нѣтъ, мой Максъ, далеко не смѣшно: она взбѣсилась съ испугу и помяла нѣсколькихъ солдатъ. Съ тѣхъ поръ я и не велѣлъ моему геркулесу такъ опасно шалить... Но какъ долго зима стоитъ у васъ въ Сарматіи, точно у меня въ Скандивіи,— нетерпѣливо обратился Карлъ къ Мазепѣ.

— Да, ваше величество, это небывалая зима: я такой и не запомню у насъ въ Малороссіи; а живу уже я давно... Вотъ ужъ скоро апрѣль, а поле вновь покрылось снѣгомъ точно зимою, невиданная зима!

— Скорѣе бы тепло! А то мои люди болѣютъ и мрутъ отъ этой стужи, хоть они и привычны ко всему... Скорѣе бы до Запорожья добраться, а тамъ и крымцевъ перетянутъ на свою сторону, и ужъ тогда, побывавъ въ Азіи, затоптавъ слѣды Александра Македонскаго, какъ выражается мой юный другъ Максъ, мы изъ Азіи ринемся на Москву, а изъ Москвы къ Невѣ и съ береговъ Невы загонимъ нашего любезнаго братца Петра въ Сибирь, на берега Иртыша, пусть онъ тамъ владѣетъ царствомъ Кучума, которое завоевалъ для его прапрадѣда храбрый Ермакъ... Я хочу быть для Москвы новымъ Тамерланомъ и буду! Я не потерплю, чтобы Петръ распоряжался въ моихъ наслѣдственныхъ земляхъ. Я сажу его съ престола, какъ ссадилъ Августа съ трона Пястовъ. Я напомню ему, что не онъ потомокъ Рюрика, а я!

Карлъ былъ сильно возбужденъ. Ломаныя брови его поднялись еще выше, глаза остоячились, онъ былъ весь нетерпѣніе. Приближенные его знали упрямую порывистость своего короля, знали, что противорѣчіе и даже спокойное совѣтываніе ему того или другого толкало эту упругую волю неугомоннаго варяга на совершенно противоположныя рѣшенія, и молчали: еслибъ ему сказали, что это невозможно, то непремѣнно получили бы отвѣтъ: «я именно и хочу сдѣлать невозможное».

Въ это время Орликъ, отдѣлившись отъ общей группы и дѣлая какіе-то знаки Мазепѣ, поскакалъ къ виднѣвшейся въ сторонѣ «могилѣ», высокому степному кургану.

— Что онъ? Куда поскакалъ? — спросилъ удивленный Карлъ, обращаясь къ Мазепѣ.

— Къ кургану, ваше величество, чтобы съ возвышенія осмотрѣть окрестности.

— А какіе знаки онъ дѣлалъ руками?

— Онъ просилъ ваше величество остановиться на минуту.

— Хорошо... Но и я самъ хочу видѣть то, что онъ увидитъ,—упрямился Карлъ.

— Конечно, ваше величество... Но вамъ неизвѣстны наши казацкіе пріемы въ подобныхъ случаяхъ.

— А что? Какіе пріемы?

— Вонъ изволите видѣть...

И Мазепа показалъ на Орлика. Этотъ послѣдній, подскакавъ къ кургану, соскочилъ съ лошади, забросилъ поводья за сѣдѣльную луку и самъ ползкомъ сталъ взбираться на курганъ. Всѣ остановились и ждали, что изъ этого выйдетъ. Доползши до вершины, Орликъ вынулъ изъ крамана что-то бѣлое, въ родѣ полотенца, и накрылъ имъ свою голову.

— Это, ваше величество, чтобы голова не чернѣла, чтобъ издали отъ снѣга нельзя ее было отличить,—пояснилъ Мазепа.

Нѣсколько минутъ Орликъ оставался въ лежачемъ положеніи съ нѣсколько приподнятою головой. Наконецъ, онъ сдѣлалъ какое-то движеніе, оглядѣлся во всѣ стороны и опять ползкомъ спустился съ кургана.

— Что намъ скажетъ почтенный скриба войсковой? — съ улыбкой спросилъ Карлъ, когда Орликъ снова прискакалъ къ группѣ.

— Я замѣтилъ въ отдаленіи нѣчто въ родѣ отряда, ваше величество,—почтительно отвѣчалъ Орликъ, какъ и Мазепа, на хорошемъ латинскомъ языкѣ.

— Отрядъ? Тѣмъ лучше!—обрадовался неугомонный варягъ.—Arma! arma!..

— Arma virumque cano, ваше величество! — улыбаясь своими серьезными глазами, добавилъ Орликъ.

— О! Это начало Виргиліевой «Энеиды»... Прекрасно, почтенный скриба (Карлъ любилъ цитаты изъ классиковъ, и Орликъ съ умысломъ сослался на Виргилія).—Вы хорошо владѣете языкомъ Цезаря: я не забылъ вашей латинской прелиминарной договорной статьи, присланной моему министру графу Пиперу...

Орликъ поклонился. Мазепа снова угрюмо молчалъ, косясь

на Карла. Его безпокоило привезенное Орликомъ извѣстіе о появленіи какого-то отряда.

— Такъ прикажете, ваше величество, намъ ближе разсмотрѣть что это за отрядъ,—не утерпѣлъ онъ;—можетъ статься, это непріятель.

— Тогда мы на него ударимъ,—поторопился нетерпѣливый король.

— Непремѣнно, ваше величество, только прежде узнаемъ его силу.

— Я никогда не считаю враговъ! — заносчиво оборвалъ Карлъ.

— Но, быть можетъ, это наши друзья, ваше величество,— вмѣшался старый Реншильдъ.

— Хорошо. Такъ узнайте.

Тогда Мазепа, Орликъ, принцъ Максимиліанъ, Гилленкрукъ и бѣлый медвѣдь Гинтерсфельдъ отдѣлились отъ группы и поскакали къ стогу сѣна, чернѣвшемуся въ томъ направленіи, куда указалъ Орликъ. Юный Максимиліанъ со слезами на глазахъ умолялъ короля позволить ему участвовать въ этой нежданной маленькой экспедиціи, и Карлъ отпустилъ его. Прискакавъ къ стогу, они увидѣли, что ниже, въ пологой ложбинѣ, бурлитъ рѣчка, которой они издали не могли замѣтить, и что хотя ночью и выпалъ снѣгъ, а къ утру подморозило, однако, рѣченка не унималась и дѣлала переправу на ту сторону невозможной. Рѣчка эта, повидимому, изливалась въ верховье Сейма, по ту сторону котораго лежалъ путь отъ Воронежа на Глуховъ, пересѣкая Муравскій шляхъ.

Скоро изъ засады, изъ-за стога сѣна, можно было различить, что по ту сторону рѣчки по гладкой равнинѣ дѣйствительно пробирался небольшой отрядъ. Зоркій глазъ Орлика тотчасъ же уловилъ то, что было нужно знать: въ отрядѣ виднѣлись и донскіе казаки съ заломленными на бекрень киверами, и московскіе рейтары. Они сопровождали пару большихъ колымагъ. Скоро этотъ отрядъ съ колымагами такъ приблизился къ рѣкѣ, что изъ засады можно было даже различать уже лица этихъ невѣдомыхъ проѣзжихъ. Въ передней колымагѣ сидѣлъ ветхій старикъ, высунувшій голову и, повидимому, глядѣвшій на бурливую рѣчку. Изъ-за его головы виднѣлась голова женщины.

Орликъ вздрогнулъ даже, увидавъ старика.

— Та се самъ сатана!—невольно вырвалось у него восклицаніе.

— Хто, Пилипе?—съ неменьшимъ удивленіемъ спросилъ Мазепа.

— Та сатана жъ: Палій!

Мазепа задрожалъ на сѣдлѣ и тотчасъ схватился за «дубельтувку», коротенькую двухстволку, висѣвшую у него на лѣвомъ плечѣ. Взведя курокъ, онъ выѣхалъ изъ засады: за нимъ выѣхали и другіе. Казаки, сопровождавшіе колымаги, увидавъ засаду, осадили коней.

Мазепа ясно увидѣлъ, что изъ колымаги на него смотритъ Палій! Какъ ни было велико между ними разстояніе, но враги узнали другъ друга.

— Га! Здоровъ бувъ, Симене! — хрипло закричалъ Мазепа.—А ось тоби гостинецъ!

Дубельтувка грянула. Мазепа промахнулся.

— Га! Сто чортивъ тоби та пекло!—бѣшено захрипѣлъ онъ и снова выстрѣлилъ, и снова промахнулся, проклиная воздухъ.

На выстрѣлы съ той стороны отвѣчали выстрѣлами, но тоже безполезно: слишкомъ велико было разстояніе для тогдашняго плохого оружія.

На выстрѣлы прискакалъ Карлъ съ своею свитою. Но было уже поздно: колымаги и сопровождавшіе ихъ конники скрылись за небольшимъ пригоркомъ.

Мазепа молча погрозилъ въ воздухъ невидимо кому...

XIII.

Квартируя съ своимъ войскомъ въ Малороссіи всю зиму 1708—9 года, Карлъ постоянно порывался то пробраться на югъ, въ Запорожье, въ союзѣ съ запорожцами и крымцами, пройти потомъ съ огнемъ и мечемъ вдоль и поперекъ Московіи, столкнувъ Петра, какъ лишнюю фигуру, съ шахматной доски; то, загнувъ въ самую Азію, оттуда прошибить желѣзнымъ клиномъ владѣнія Петра и прищемить его опять къ стѣнамъ Нарвы, какъ чернаго таракана, то, наконецъ, волкомъ забраться въ его овчарню, въ корабельное гнѣздо, въ Воронежъ и тамъ придавить его вмѣстѣ съ его игрушечными кораблями. И въ этихъ-то мечтаньяхъ безпокойный варягъ и теперь, въ тотъ день, какъ мы

увидѣли его съ Мазепой, Орликомъ и другими, далеко отбился отъ своего войска съ небольшимъ отрядомъ, для того чтобы облегчить свою безпокойную душу и охолодить немного свою горячую желѣзную башку хотя тѣмъ, что вотъ-де понюхалъ таки онъ, чѣмъ это тамъ поближе къ корабельному гнѣзду пахнетъ, и какая это тамъ Сарматія. Въ эту-то безумную, безполезную экскурсію свита его и натолкнулась на Палія, который, будучи возвращенъ Петромъ изъ ссылки съ Енисея и обласканный имъ въ Воронежѣ, возвращался теперь на свою дорогую Украйну, которой онъ уже не чаялъ видѣть у преддверія своей могилы.

Нечаянная встрѣча съ Паліемъ заставила задуматься и Карла, и Мазепу. Если Палій возвращенъ царемъ изъ ссылки, то какъ онъ очутился въ этой половинѣ Малороссіи, въ самой восточной? Почему онъ не слѣдовалъ изъ Сибири на Москву, а оттуда на Глуховъ или прямо на Кіевъ? Что заставило его проѣхать гораздо ниже и перерѣзать Муравскій шляхъ? Одно, что оставалось для рѣшенія этихъ вопросовъ, это то, что самъ царь теперь гдѣ-нибудь тутъ, въ этой сторонѣ, и скорѣе всего что онъ въ Воронежѣ. Очень можетъ быть, что онъ съ этой стороны намѣренъ съ весны начать наступленіе, и тогда надо, во что бы то ни стало, занять крѣпкую позицію на Днѣпрѣ, упереться въ него и сдѣлать его базисомъ операціонныхъ дѣйствій. Мазепа такъ и дѣйствовалъ: онъ говорилъ, что надо укрѣпиться въ Запорожьѣ. «Это гнѣздо, изъ котораго всегда вылетали на московскую землю черные круки, а теперь изъ этого гнѣзда вылетитъ самъ орелъ», пояснилъ Мазепа, называя орломъ Карла. Карлу и самому нравилась эта мысль; но какая-то варяжская непосѣдность, жажда славы и грому подмывала его побывать и нагремѣть разомъ вездѣ и въ Европѣ, и въ Азіи, и пожалуй за предѣлами вселенной.

«Вотъ чадушко!»—думалъ иногда Мазепа, глядя на безпокойное, дерзкое лицо Карла съ огромнымъ далеко оголеннымъ лбомъ и съ высоко вздернутыми бровями, какія рисуются только у чорта: «вотъ чадо невиданное! И лобъ-то у него, точно у моего цапа, что проклятые москали съѣли въ Батуринѣ, этимъ лбомъ онъ бы и барася моего сшибъ съ ногъ... Вотъ ужъ истинно мѣдный лобъ»!

Далеко за полдень воротился Карлъ съ своею свитою изъ описаной выше сумасбродной экскурсіи. Подъѣзжая къ своему

лагерю, онъ замѣтилъ въ немъ необыкновенное движеніе, особенно же въ лагерѣ Мазепы, расположенномъ бокъ-о-бокъ съ палатками шведскихъ войскъ. Видно было, что казаки и шведскіе солдаты бросали въ воздухъ шапки и шляпы, что-то громко кричали, смѣялись, обнимались съ какими-то всадниками, спѣшившимися съ коней. Гулъ надъ лагеремъ стоялъ невообразимый. Лошади ржали какъ бѣшеныя, точно сговорились устроить жеребячій концертъ.

— Что это такое?—съ удивленіемъ спросилъ Карлъ, осаживая коня.

— Я и самъ не знаю, ваше величество, что оно означаетъ,—съ неменьшимъ недоумѣніемъ отвѣчалъ старый гетманъ.—Развѣ пришло изъ Польши ваше войско, такъ нѣтъ: это, кажется, не шведы. Не пришло ли подкрѣпленіе отъ турокъ?

— Нѣтъ, султанъ что-то ломается, должно быть, Петра боится.

— Такъ крымцы...

— Не гоги ли и магоги пришли мнѣ на помощь противъ Александра Македонскаго?—шутилъ Карлъ, который вѣчно шутилъ, даже тогда, когда велъ тысячи своихъ солдатъ на вѣрную смерть.

— О, намъ бы и гоги и магоги пригодились,—пасмурно отшатнулся Мазепа.

Орликъ, не дожидаясь разъясненія загадки, пришпорилъ коня, понесся было впередъ, свѣтя краснымъ верхомъ своей шапки, но, проскаквъ нѣсколько и приблизясь къ группѣ всадниковъ, ѣхавшихъ къ нему навстрѣчу, онъ всплеснулъ руками и остановился, какъ вкопанный: прямо на него скакалъ какой-то рыжеусый дьяволъ и широко раскрылъ руки словно птица на полетѣ.

— Пилипе! Друже!—кричалъ рыжеусый дьяволъ.

— Костя! Се ты!

— Та я колись бувъ, голубе.

— Братику! Голубе!

И, не слѣзая съ коней, пріятели перегнулись на сѣдлахъ, обнялись и горячо поцѣловались. Только кони подъ ними, какъ оказалось, не были пріятелями: они заржали, одыбились и, какъ черти, грызли другъ дружку.

Подскакалъ и Мазепа, котораго подмывало нетерпѣніе...

— Гордіенко! Батьку отамане кошовый!—закричалъ онъ радостно.

— Пане гетьмане! Батьку ясневельможный!—отвѣчали ему.

— Почоломкаемось, братику!

— Почоломкаемось...

И они начали цѣловаться, несмотря на грызню бѣшеныхъ коней.

— Якъ! До насъ съ Запорогивъ!

— До васъ, пане гетьмане, до вашои коши...

Подъѣхалъ и Карлъ со свитой. Мазепа тотчасъ же представилъ ему усатаго дьявола, повидимому, большого охотника цѣловаться хоть съ казаками. Да и не удивительно: усатый дьяволъ былъ запорожецъ, а у нихъ насчетъ бабьяго тѣла строго... Поцѣловалъ только бабу, либо ущипнулъ, либо за пазуху ненарокомъ забрался, заразъ «товариство» кіями накормитъ: потому законъ такой на Запорожьѣ, этакого скоромнаго, бабьятины, чтобы ни-ни! Ни Боже мой!

— Имѣю счастіе представить высочайшей потенціи вашего королевскаго величества кошевого атамана славнаго войска запорожскаго низового, Константина Гордіенко,—сказалъ Мазепа церемонно, офиціальнымъ тономъ.

Гордіенко, осадивъ коня, сидѣлъ на сѣдлѣ, словно прикованный къ нему, жадно вглядываясь своими маленькими, узко разрѣзанными, какъ у калмыка, глазками въ того, кому его представляли. Лицо Гордіенко смотрѣло такъ добродушно, и не шло къ нему другое имя, какъ Костя: немножко вздернутый кирпатый носъ изобличалъ какую-то дѣтскость и веселость; загорѣлыя круглыя щеки скорѣе, кажется, способны были покрываться у него краской стыдливости, чѣмъ гнѣва; только рыжіе усища, спадавшіе на широкую грудь длинными жгутами, какъ-то мало гармонировали съ этимъ добродушнымъ лицомъ и точно говорили: по носу—добрый человѣкъ, а по усищамъ—у! бѣдовый козарлюга!—самому чортякѣ хвостъ узломъ завяжетъ...

Сказавъ первую фразу къ лицу короля, Мазепа повернулся къ кошевому и спросилъ по-украински:

— Кланяешься, батьку отамане, его величеству королю славнымъ войскомъ запорожскимъ?

— Кланяюсь,—былъ отвѣтъ. И кошевой низко склонилъ голову передъ Карломъ.

— Dux Zaporogiae Константинъ Гордіенко кланяется вашему величеству славнымъ войскомъ запорожскимъ! — торжественно перевелъ Мазепа королю поклонъ кошевого.

— Душевно радъ! Душевно радъ!—весело, съ необычайнымъ блескомъ въ сухомъ взорѣ, отвѣчалъ Карлъ.—А сколько у васъ налицо славныхъ рыцарей?—спросилъ онъ, обращаясь къ кошевому.

Тотъ молчалъ, наивно поглядывая то на короля, то на Мазепу, то на Орлика, какъ бы говоря: «вотъ загнулъ загадку, собачій сынъ!».

— Онъ, ваше величество, понимаетъ только свою родную рѣчь,—поспѣшилъ на выручку Мазепа.

Шумъ усиливался. Запорожцы, цѣловавшіеся съ своими пріятелями казаками-мазепинцами, замѣтивъ или скорѣе догадавшись, что это король пріѣхалъ, и увидавъ знакомыя лица Мазепы и Орлика, шумно закричали: «Бувай здоровъ, королю! Бувай здоровъ на многая лита!».

— Это они привѣтствуютъ ваше величество,—пояснилъ Мазепа.

Карлъ, у котораго лицо дергалось отъ волненія, и брови становились совсѣмъ торчмя, двинулся къ запорожцамъ въ сопровожденіи графа Пипера, старшаго Реншильда, бѣлоглазаго Гилленкрука, медвѣдковатаго Гинтерсфельта и розоваго Максимиліана, обводя глазами нестройныя толпы храбрыхъ дикарей и привѣтствуя ихъ движеніемъ руки.

Пришельцы, дѣйствительно, смотрѣли не то дикарями, не то чертями: всѣ, повидимому, на одинъ ладъ, но какое разнообразіе въ частностяхъ! Шапки—невообразимыя, невообразимыхъ размѣровъ, высотъ, объемовъ и цвѣтовъ, и между тѣмъ это нѣчто въ родѣ цвѣтущаго макомъ поля, что-то живое, красивое. А кунтуши какихъ цвѣтовъ, а штанищи какихъ цвѣтовъ, широтъ и долготъ! Это что-то пестрое, болтающееся, мотающееся, развѣвающееся по вѣтру, бьющее эффектомъ... А шаблюки, а ратища, а самопалы, а чоботы всѣхъ цвѣтовъ юхты и сафьяну!.. Только настоящая воля и полная свобода личности могла выработать такое поражающее разнообразіе при кажущейся стройности и гармоничности въ цѣломъ... Тутъ есть и оборванцы; но и оборванецъ чѣмъ-нибудь бросается въ глаза, поражаетъ: или уси-

щами необыкновенными, или невиданными чоботищами, или ратищемъ въ оглоблю, или чубомъ въ лошадиную гриву...

Карлъ радовался, какъ ребенокъ. Ему казалось, что онъ видитъ настоящихъ Геродотовыхъ сарматовъ, рожденныхъ львицами пустыни, вскормленныхъ львинымъ молокомъ. Что бы было, еслибъ такихъ чертей увидала Швеція, Европа; и эти черти сами пришли къ нему...

— Что, старый Пиперъ? Что, Гинтерсфельтъ? Вотъ съ кѣмъ потягаться!—обращался онъ то къ Пиперу, то къ своему бѣлому медвѣдю Гинтерсфельту, то къ сухопосому Репшильду.

А что касается до юнаго Максимиліана, такъ онъ глазъ не сводилъ съ невиданныхъ усищъ Кости Гордіенка, да съ одного страшеннаго чуба, который казался чѣмъ-то въ родѣ лошадинаго хвоста, торчавшаго изъ-подъ смушковой конусообразной шапки запорожца въ желтой юбкѣ... Но это была не юбка, а штаны, на которые пошло по двѣнадцати аршинъ китайки, на каждую штанину.

На радостяхъ Карлъ приказалъ задать пиръ запорожцамъ на славу. Тутъ же среди лагеря поставили нѣчто вродѣ столовъ—доски на бревнахъ, изжарили на вертелахъ почти цѣлое стадо барановъ, недавно отбитое у москалей, выкатили нѣсколько бочекъ вина, нанесли всевозможныхъ ковшей, мисъ и чаръ для питья, и началось пированье тутъ же, на воздухѣ, тѣмъ болѣе, что солнце стало порядочно грѣть, и весна брала свое.

Тутъ же помѣстился и Карлъ съ своимъ штабомъ и со всею казацкою и запорожскою старшиною.

Обѣдъ вышелъ необыкновенно оживленный. Карлъ былъ веселъ, шутилъ, перекидывался остротами съ графомъ Пиперомъ, трунилъ надъ старымъ Репшильдомъ, заигрывалъ посредствомъ латинскихъ каламбуровъ съ Мазепой и Орликомъ, которые очень удачно отвѣчали то стихомъ изъ Горація, то фразой изъ Цицерона; шпиговалъ своего бѣлаго медвѣдя, который, не обращая вниманія на шпильки короля, усердно налегалъ на вино. Даже Мазепа повеселѣлъ и когда увидѣлъ, что около одного изъ отдаленныхъ столовъ какой-то ранній запорожецъ уже выплясываетъ, взявшись въ боки, и приговариваетъ:

Хòде панъ, хòде
И задкомъ и передкомъ,
Ходе панъ, ходе,
Наню зà хвистъ воде,—

развеселившійся гетманъ, указывая на плящущаго казака, сказалъ Карлу:

— Да, ваше величество,

Nunc est bibendum,
Nunc pede libero
Pulsanda tellus...

Плящущій за королевскимъ столомъ запорожецъ особенно понравился Карлу. Желая выразить въ лицѣ плясуна свое монаршее благоволеніе всему свободному запорожскому рыцарству, король самъ наполнилъ венгерскимъ отромную серебряную стопу работы Бенвенуто Челлини и приказалъ Гинтерсфельту поднести ее импровизированному свободному художнику въ широчайшихъ штанахъ на «очкурѣ» изъ конскаго аркана. Когда Гинтерсфельтъ, переваливаясь какъ медвѣдь, приблизился къ плясуну, выдѣлывавшему ногами удивительнѣйшія штуки, и протянулъ къ нему руку съ стопою, запорожецъ остановился фертомъ и ждалъ.

— Чого тоби?—спросилъ онъ вдругъ, видя, что шведъ молчитъ.

— Та пій же, сучій сынъ!—закричали товарищи.

Запорожецъ взялъ стопу, взглянулъ на Гинтерсфельта веселыми, какъ у ребенка, глазами и, сказавъ—«на здоровьечко, пане», опрокинулъ стопу въ ротъ, словно въ пропасть. Потомъ, полюбовавшись на стопу и лукаво пояснивъ «у шинокъ однесу», опустилъ ее въ широчайшій карманъ широчайшихъ штановъ, откуда у него торчала люлька и болталась «китиця» отъ кисета съ тютюномъ, тщательно обтеръ ротъ и усы рукавомъ и полѣзъ цѣловаться со шведомъ...

— Почоломкаемось, братику!

— Добре! Добре, Голото!—кричали пирующіе.—Ще вдарь, ще загни, нехай винъ подивиться!

И Голота, это былъ онъ, «вдарилъ» и «загнулъ», снова «вдарилъ», и ну «загинать» спиной, ногами, каблуками, всѣмъ казакомъ «загиналъ»!.. А Гинтерсфельтъ, неожиданно поцѣлованный запоржцемъ, стоялъ съ разинутымъ ртомъ и только хлопалъ глазами, поглядывая на казацкіе штаны, въ которыхъ громыхала королевская стопа... «Вотъ тебѣ и стопа, вотъ тебѣ и тостъ!»—выражало смущенное лицо шведа.

А Голота, увлекаясь собственнымъ талантомъ, вошелъ въ

такой азартъ, что вмѣсто ногъ пустилъ въ ходъ руки и, опрокинувшись торчмя внизъ головой, такъ что чубъ его стлался по землѣ, сталъ ходить и плясать на рукахъ, выкидывая въ воздухѣ ногами невообразимые выкрутасы и хлопая красными, донельзя загрязненными чоботами другъ о дружку.

Во время этихъ операцій изъ кармана штановъ его посыпались на земь кремень и «кресало», люлька и кисетъ, моченый горохъ, которымъ онъ раньше лакомился, и сушеныя груши. Вывалилась изъ кармана и королевская стопа. Гинтерсфельтъ, увидавъ ее, нагнулся было, чтобы поднять драгоцѣнный сосудъ, но Голота остановилъ его словами: «не рушъ, братику» и, собравъ съ земли свои сокровища, снова пустился въ плясъ, но только уже не на рукахъ, а на ногахъ.

Не утерпѣли и другіе казаки, повскакали съ земли, расправили усы, подобрали полы, взялись въ боки, и ну садить своими чоботищами землю. Тутъ были и молодежь, и сѣдоусые старики. Тѣмъ поразительнѣе была картина этого необыкновеннаго пляса, что старики вывертывали ногами всевозможные выкрутасы молча, посапывая только, и съ серьезнѣйшимъ выраженіемъ на своихъ смурыхъ, сѣдоусыхъ лицахъ, словно бы этотъ плясъ составлялъ для нихъ нѣчто въ родѣ исполненія общественнаго, громадскаго долга, и словно бы они, выкидывая своими старыми, но еще крѣпкими ногами трепака, должны были показать этимъ молодежи въ вѣчное назиданіе, что вотъ-де такъ-то пляшутъ гопака старые люди, что такъ-де плясали его отцы и дѣды, испоконъ-вѣка, какъ и земля стоитъ, и что такъ-де слѣдуетъ выбивать этого гопака «поки свитъ сонця».

— Оттакъ, дитки! Оттакъ треба! — приговаривали они, свѣтя то лысыми головами, то сѣдыми усами, «бо шапокъ чортма», шапки давно на утоптанной землѣ валяются. «Оттакъ, хлопци! Оттакъ, дитки!».

А «дѣтки»—и не приведи Владычица!—не только не отстаютъ отъ «батьковъ», но, конечно, за поясъ ихъ затыкаютъ легкостью своихъ ногъ, живостью и упругостью мускуловъ и прочаго казацкаго добра.

А ужъ сбоку тутъ же, на кучѣ конскихъ сѣделъ и прочей сбруи, сваленной кучею, примостился одноглазый казакъ «сиромаха» Илько, страстный музыкантъ и поэтъ въ душѣ, на этой самой музыкѣ и глазъ потерявшій, потому что разъ какъ-то въ

недобрую годину онъ такъ натянулъ витую проволокой струну на своей бандурѣ, что растреклятая струнища возьми да и лопни, да и выхлестнула сиромаху Ильку лѣвый глазъ, оставивъ правый для стрѣльбы изъ мушкета въ ляха да татарина. Примостился кривой Илько съ своей бандурой, заходилъ по ней пальцами, заерзалъ по ладамъ, и бандура «загула-загула»...

И около короля возрастаетъ оживленіе. Молчаливый кошевой, доселѣ не проронившій ни единаго слова, но запившій изрядно всѣ предложенные ему Карломъ кубки, уже подергивается на мѣстѣ отъ нетерпѣнія, а серьезный Орликъ, съ улыбкою глядя на своего друга Костю, нарочно подмигиваетъ ему, что «вонъ-де тамъ такъ настоящій праздникъ, по людськи-де умѣютъ веселиться товариство»... Увлеченный картиною общаго оживленія, Карлъ уже настойчиво требуетъ отъ Гилленкрука, чтобы онъ составилъ маршрутъ и планъ похода въ Азію и доложилъ проектъ военному совѣту изъ шведскихъ, украинскихъ и запорожскихъ военачальниковъ.

— Помилуйте, ваше величество, вѣдь мы живемъ не во время Шехеразады,—отбивался Гилленкрукъ, боясь, чтобы сумасбродный король въ самомъ дѣлѣ не забралъ себѣ въ желѣзную башку этой шальной идеи.

— А я хочу повторить Шехеразаду!—настаиваетъ желѣзная голова.—Я хочу, чтобы Европа прочла «тысяча вторую сказку Шехеразады».

Въ это время подошелъ смущенный Гинтерсфельтъ, не смѣя взглянуть въ глаза королю.

— Что, мой богатырь?—спросилъ этотъ послѣдній.

— Я поднесъ ему кубокъ, ваше величество, но онъ его въ карманъ положилъ,—отвѣчалъ смущенный богатырь.

— Какъ въ карманъ положилъ? Не выпивши вина?—засмѣялся Карлъ.

— Нѣтъ, ваше величество, онъ вино выпилъ, поцѣловалъ меня и кубокъ положилъ въ карманъ.

— Ну, и прекрасно, я ему жалую этотъ хорошій кубокъ какъ своему союзнику,—весело сказалъ Карлъ.

Мазепа, глянувъ своими хитрыми глазами на ничего не понимавшаго кошевого Костю, поднялся съ мѣста и, улыбаясь своею кривою и тонкою верхнею губою безъ участія нижней, торжественно произнесъ:

— Ваше королевское величество! Вы оказали величайшую милость всему запорожскому войску вашимъ драгоцѣннымъ подаркомъ.

— Очень радъ,—отвѣчалъ Карлъ,—желалъ бы сдѣлать имъ еще большій подарокъ.

— И этого много, ваше величество: они пропьютъ его всѣмъ кошемъ за ваше драгоцѣнное здоровье.

— Тѣмъ больше радъ... Виватъ, мои храбрые союзники и ихъ доблестный полководецъ, кошевой Константинъ Гордіенко!—воскликнулъ онъ, подымая кубокъ.

Добродушный Костя кошевой, услыхавъ свое имя, единственно понятное ему въ рѣчахъ короля, всталъ и закричалъ такимъ голосомъ, котораго хватило бы на десять здоровенныхъ глотокъ.

— Гей, казаки братци! Панове товариство! А нуте многая лита его королевскому величеству! Многая, многая лита!

— Многая лита! Многая лита!—застонало все Запорожье, плясавшее и не плясавшее, ѣвшее и пившее, кругомъ, цѣловавшееся и спорившее безъ умолку.

Пиръ приходилъ къ концу. Многіе запорожцы были уже совсѣмъ пьяны: они обнимались со шведами, иные дружески боролись съ ними, пробуя свои силы, и то шведъ слеталъ черезъ голову ловкаго запорожца, то дюжій шведъ сминалъ подъ себя неловкаго мѣшковатаго казака.

Юный Максимиліанъ, увидавъ эту борьбу, бросился къ ратоборцамъ и увлекъ за собою силача Гинтерсфельта. Послѣдняго, выпившаго порядкомъ, шибко подзадорило то, что онъ увидѣлъ, и онъ пошелъ пробовать силу: ставъ въ боевую позицію, онъ показывалъ видъ, что ищетъ охотника побороться, засучивая рукава. Охотникъ тотчасъ же нашелся. Наплясавшись вдоволь и увидалъ своего новаго пріятеля, топтавшагося шведа, якобы подарившаго ему кубокъ, Голота подступилъ къ нему съ ясными признаками, что хочетъ съ нимъ потягаться, т. е. поплевывая и фукая въ ладони.

— А ну, братику, давай!—говоритъ онъ, разставляя ноги и протягивая впередъ руки.

Гинтерсфельтъ понялъ, что его приглашаютъ на единоборство, и немедленно облапилъ своего противника. Началась борьба. И Голота, и Гинтерсфельтъ, согнувшись въ пахахъ и

обхвативъ другъ друга, стали медленно топтаться и кружить на мѣстѣ, широко разставляя ноги и нагибая другъ дружку то въ ту то въ другую сторону. Ноги такъ и дѣлаютъ борозды по землѣ, все напряженнѣе и напряженнѣе становятся мускулы рукъ и затылковъ единоборцевъ, но ни тотъ, ни другой еще не дѣлаютъ послѣднихъ усилій. Наконецъ, Голота сдѣлалъ отчаянное напряженіе и приподнялъ шведа, словно отодралъ отъ земли прикованныя къ ней могучія ноги богатыря; но ни перекинуть черезъ голову, ни смять подъ себя не могъ. Снова ставъ ногами на землю, шведскій богатырь въ свою очередь сдѣлалъ усиліе, подогнулся немножко, колѣнками къ землѣ, подъ своего неподатливаго противника, и не успѣли казаки, обступившіе борцовъ, мигнуть очами, какъ Голота, перелетѣвъ черезъ голову шведа и зацѣпивъ подборами двухъ-трехъ казаковъ, валялся уже недалеко за спиною ловкаго варяга, трепыхая въ воздухѣ своими красными чоботами.

— Ого-го-го!—застонали запорожцы.

— Голла! Голла!—захлопали въ ладоши шведы, а болѣе всѣхъ «маленькій принцъ».

Честь запорожцевъ была затронута. Голота, приподнявшись на четвереньки, растрепанный, запачканный, красный, и, обводя вокругъ себя изумленными глазами, старался подобрать высыпавшіяся у него изъ кармана сокровища: горохъ, сушеныя груши, огниво и люльку.

— Задери-Хвистъ! Дядьку Задери-Хвистъ!—кричали запорожцы.—Кете, сюды, дядьку!

Изъ толпы выползъ плечистый, коренастый запорожецъ съ короткими руками, обрубковатыми ногами, съ короткою и толстою, какъ у вола, шеею и съ добрымъ лѣнивымъ лицомъ.

— Что вы, вражи дити?—сонно спросилъ онъ, оглядывая товариство.

— Та онъ Голоту побороли... Онъ винъ рачки лазить, горохъ сбирае,—пояснили «вражи дити».

Мѣшковатый запорожецъ свиснулъ... Фю-фю-фю! Овва! Хто-жъ се его такъ?

— Та онъ той бугай, вернигора...

Мѣшковатый запорожецъ, подойдя къ Гинтерсфельту, смѣрялъ его глазами и опять свиснулъ.

— Ну, давай! — лаконически бухнулъ онъ и отбросилъ шапку.

Противники молча обнялись. Можно было думать, что это нѣмая встрѣча друзей, нѣмыя объятія или что это соединило ихъ безмолвное горе. Стоятъ, и ни съ мѣста, только нѣтъ-нѣтъ да и пожмутъ другъ друга. А лица все краснѣе становятся, слышно, какъ оба сопятъ и нѣжно жмутъ одинъ другого въ объятіяхъ. Но вотъ они начинаютъ медленно-медленно переставлять ноги и какъ-то всегда разомъ обѣ, боясь остаться на одной опорѣ. Вотъ уже запорожецъ подается, гнется... Вотъ-вотъ опять сломитъ шведскій бугай... Пропало славное войско запорожское! Срамъ! Осрамилъ дядько Задери-Хвистъ всю козаччину! Это вѣрно не то что тогда, какъ онъ настоящаго разъяреннаго бугая удержалъ за хвостъ и посадилъ на земь, за что и прозвали его «Задери-Хвистъ»... Эхъ, пропалъ дядьку!.. Но дядько, во мгновеніе ока припавъ на одно колѣно, такъ тряхнулъ шведа, что тотъ своимъ толстымъ животомъ саданулся объ голову запорожца, страшно охнулъ и растянулся, какъ пластъ, пятками къ козакамъ... А запорожецъ уже сидѣлъ на немъ верхомъ и, доставъ изъ-за голенища рожокъ съ табакомъ, преспокойно нюхалъ, похваливая: «у! добра кабака»...

Храбрый Гинтерсфельтъ не скоро очнулся...

Тѣмъ временемъ въ другомъ мѣстѣ запорожцы успѣли затѣять съ шведами уже настоящую ссору. Перепившись до безобразія, эти дѣти степей и раздолья, подобно Голотѣ, начали тащить со столовъ всякую посуду, и серебряную, и оловянную. Шведы хотѣли было остановить дикарей, замѣчали, что не годится такъ грабить, отнимали добычу. Запорожцы за сабли, и пошла писать!

— Се ваше и наше, ащо ваше те наше!—кричали низовые экономисты.

— А наше буде ваше, отъ що,—подтверждали другіе.

— У насъ усе громадьске, кошове! Нема ни паньского, ни козацького.

Шведы не понимали новой экономической теоріи своихъ союзниковъ и стояли на своемъ, защищая столы съ посудой.

— Намъ у шинокъ ничого дати,—пояснили нѣкоторые болѣе спокойные запорожцы; но упрямые шведы и этимъ не внимали.

Тогда запорожцы бросились на шведовъ и одного тутъ же зарубили. Сдѣлалась суматоха. Шведы также обнажили сабли и кинулись на зачинщиковъ. Начиналась уже свалка, скрещивалась и визжала сталь, усиливались крики. Но въ этотъ моментъ прибѣжали кошевой, гетманъ и другая старшина.

— Назадъ! Назадъ! Якого вы биса! Отъ чорты!—заревѣлъ страшный голосъ Кости Гордіенка.

Это былъ уже не тотъ добродушный, застѣнчивый Костя съ дѣтскими глазками, что сидѣлъ за королевскимъ столомъ: это былъ звѣрь, котораго знали запорожцы и трепетали. Они остолбенѣли, услыхавъ его ревъ. Сабли ихъ такъ и остановились въ воздухѣ съ застывшими руками.

Пришелъ на шумъ и Карлъ со свитою. На землѣ валялся обезображенный сабельными ударами трупъ злополучнаго защитника права собственности. Нѣсколько въ сторонѣ лежалъ лицомъ кверху массивный Гинтерсфельтъ, безсмысленно поводя глазми, а около него, тутъ же на землѣ, сидѣлъ его противникъ и никакъ не могъ насыпать себѣ на хитро сложенные дулей пальцы понюшку табаку, насыпая все мимо да мимо.

— Что тутъ случилось? — спросилъ Карлъ строго. — Убійство?

— Пошалили дѣти, ваше величество, и вотъ одному досталось,—поторопился отвѣтить Мазепа.

Карлъ увидѣлъ Гинтерсфельта и попятился назадъ.

— Это еще что?—грозно крикнулъ онъ.—Моего могучаго Гинтерсфельта! Кто его?

— Се я его... поборовъ,—бормоталъ совсѣмъ опьянѣвшій запорожецъ, силясь засунуть рожокъ за голенище.

— Они боролись, ваше величество,—пояснилъ Мазепа недоумѣвающему Карлу,—и вотъ этотъ пьяница поборолъ и зашибъ вашего богатыря.

Карлъ ничего не отвѣчалъ. Онъ понялъ, съ какими людьми столкнула его судьба.

XIV.

Наступило лѣто 1709 года. Близилась роковая развязка для всѣхъ дѣйствующихъ лицъ исторической драмы, избранной предметомъ нашего повѣствованія.

Что дѣлала въ это время та, нѣжная рука которой такъ же-

стоко, хотя невольно разбила и гордыя политическія мечты Мазепы, и его личное счастье, отнявъ у него и покойную смерть старости, и мѣсто на славномъ историческомъ кладбищѣ его родины? Что дѣлала и что чувствовала несчастная дочь Кочубея?

Послѣ ужасной смерти отца, она вмѣстѣ съ матерью и другими сестрами находилась нѣсколько времени подъ арестомъ; но потомъ они были освобождены.

Что пережила бѣдная дѣвушка за все это время, извѣстно только ей одной, и только необыкновенная живучесть молодости, да страшно богатый запасъ здоровья, которымъ такъ щедро, такъ по-царски надѣлила ее чудная, благодатная природа Украйны, спасли ее отъ смерти, отъ безумія, отъ самоубійства въ порывѣ тоски и отчаянія, охватывавшихъ ее порою такъ, что она готова была искать забвенія въ мотилѣ, въ глубокой рѣкѣ, въ самоудавленіи... Вѣдь она страстно любила и отца, котораго сама же погубила, и мать, которая прокляла ее и не хотѣла видѣть до смерти. Она любила и того, котораго, какъ и отца, потеряла на вѣки...

Проклятая и изгнанная съ глазъ матери, она пріютилась у матери того, котораго продолжала любить и любила съ новою, небывалою нѣжностью, любила его, далекаго, потеряннаго для нея навсегда, одинокаго и славнаго въ ея сердцѣ, въ ея памяти, и проклятого всѣми, какъ и она проклята матерью. Тамъ, въ монастырѣ, у матери Мазепы, она съ безумной тревогой въ сердцѣ разспрашивала бывало старушку объ ея Ивасѣ, съ котораго та теперь въ глубинѣ своей души сняла материнское проклятіе въ тотъ день, какъ его начала проклинать церковь. Она постоянно бывало просила мать Магдалину разсказывать ей о томъ времени, когда курчавенькій Ивась Мазепинька былъ маленькимъ, какъ онъ росъ, что любилъ, какъ шалилъ, какъ учился. И старушка въ долгіе зимніе вечера разсказывала ей о своей молодости, о жизни при дворѣ польскихъ королей, о томъ, какъ у нея родился Ивась, какъ она его лелѣяла и холила, и какой это былъ странный, неразгаданный мальчикъ. Слушая разсказы матери Мазепы, Мотренька чувствовала, что ея горе становится какъ будто менѣе острымъ и что тутъ, при этихъ разсказахъ, присутствуетъ его душа, его мысль, его память объ ней...

Съ наступленіемъ весны Мотренька начала иногда посѣщать могилу своего отца, котораго вмѣстѣ съ Искрой похоронили

въ лаврѣ... Какъ часто дѣвушка перечитывала скорбную надпись, высѣченную на камнѣ надъ братскою могилою ея дорогого татка и милаго, жартливаго дяди Искры!.. Вотъ эта горькая надпись:

«Кто еси мимо грядый, о насъ невѣдущій,
Елицы здѣсь естесмо положены сущи?
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати:
И за правду и вѣрность къ монарсѣ нашу
Страданія и смерти испіймо чашу.
Злуданьемъ Мазепы всевѣчно правы,
Посѣченны зоставше топоромъ во главы,—
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матерѣ Владычнѣ,
Подающія всѣмъ своимъ рабамъ животъ вичный.

«Року 1708, мѣсяца іюля 15 дня, посѣчены средь обозу войскового, за Бѣлою Церковію, на Борщаговцѣ и Ковшевомъ благородный Василій Кочубей, судія генеральный, и Іоаннъ Искра, полковникъ полтавскій».

— Ахъ, тато, тато!—думалось Мотренькѣ при чтеніи этой эпитафіи.—Зачѣмъ же злуданьемъ Мазепы? Развѣ онъ виноватъ во всемъ, что случилось?.. Я, проклятая, виновата: я погубила и тебя, и Мазепу, и всю Украйну... Не встать ей теперь больше никогда. А всему я, проклятая, виною... На что я родилась, кому на счастье, на утѣху? Никому, никому таки на свѣтѣ! На одно горечко да на зло родила меня недоля, родила на недолю всѣмъ. Не родись я на свѣтъ божій, не зналъ бы меня маленькою мой гетманъ милый, не крестилъ бы меня въ купели на горе, не носилъ бы меня на рукахъ вмѣстѣ съ булавою, не полюбилъ бы меня, проклятую гадюку... А то полюбилъ, и я полюбила его, душу мою въ него положила... Думали и такъ и такъ, и то и это загадывали, и далеко и высоко—охъ высоко загадывали... А вонъ что вышло... Теперь и этотъ шведъ сюда пришелъ, и царь нагрянулъ, а все изъ-за моей недоли, все изъ-за меня, окаянной: не будь меня на свѣтѣ, не будь этой косы гаспидской (и дѣвушка горько улыбнулась, взявъ изъ-за плеча свою толстую, мягкую косу и перебирая ее пальцами), не будь этой косы, не будь меня, гетманъ не полюбилъ бы меня, не пошелъ бы противъ воли мамы и татка, а татко не пошелъ бы къ царю... А вышло вонъ оно какъ: пропалъ татко, и гетману приходилось пропасть, а все изъ-за меня... Что жъ ему оставалось дѣлать? Итти къ Карлу, чтобъ онъ заслонилъ за собою Украйну

отъ царя, и онъ заслонилъ, и гетмана моего милаго взялъ... А кто теперь верхъ возьметъ? Возьметъ царь, не станетъ моего гетмана; возьметъ Карлъ, что тогда будетъ?.. Эхъ, татко, татко! Зачѣмъ ты все это сдѣлалъ? Да это не ты, а мама; ты бы отдалъ меня моему гетману, такъ мама не схотѣла... «Не хочу, говоритъ, завязать тебѣ свѣтъ—отдать за стараго гетмана: выходи, говоритъ, за молодого, за Чуйкевича». А на что мнѣ Чуйкевичъ, хоть онъ и молодой? На что мнѣ былъ этотъ «козипячій лыцарь», какъ его всѣ называли съ той поры, какъ онъ отъ гетманскаго цапа меня спасъ? Что я ему? Такъ только, счастье мое разбилъ, долю мою по вѣтру пустилъ, да пылью развѣялъ. А на что ему была моя доля, моя краса дѣвичья? Вонъ женился же онъ на Цяцѣ нашей: значитъ, ему все равно было: что я, что Цяця.

Недолго пришлось Мотренькѣ прожить и въ монастырѣ, у матери Мазепы. Весною этого года мать Магдалина тихо скончалась. Передъ смертью она все вспоминала и звала къ себѣ своего сына. «Ивасю мой, гетмане, гдѣ ты? Не увижу я тебя больше на этомъ свѣтѣ»... Умирая, она благословляла и Мотреньку, и еще другую дѣвочку, Оксану Хмару, что была тутъ же, и говорила качая головой: «охъ, не будетъ вамъ доли на свѣтѣ, дѣточки, не будетъ... Не такъ вы смотрите... Краса ваша погубитъ васъ... Красота, дѣточки, это великое несчастіе: красота—это цѣлое царство, на волоскѣ висящее... дунулъ вѣтеръ—фу! и нѣту царства... А потомъ все будетъ казаться, что корона на головѣ; а короны уже нѣтъ—одни сѣдые волосы»...

Со смертью игуменьи Магдалины Мотренька вмѣстѣ съ своею неразлучною нянею Устею переѣхала изъ Кіева поближе къ своему родному дому, къ Диканькѣ. Но въ Диканькѣ она не смѣла жить, тамъ сама Кочубеиха вдова жила; а она не хотѣла и на глаза пускать къ себѣ несчастную дочь. Мотренька поселилась въ Полтавѣ, у своей тетки, вдовы казненнаго Искры. Эта добрая женщина, и прежде любившая свою бойкенькую племянницу «съ оченятами карими да бровенятами на шнурочку», какъ называлъ ее покойный «жартливый» Искра, теперь еще болѣе привязалась къ дѣвушкѣ, справедливо сознавая, что не она, не Мотренька, была причиною гибели мужа ея и Кочубея, а что сами они, Кочубей и Кочубеиха, по упрямству своему погубили всѣхъ, въ томъ числѣ и лучшую изъ своихъ дочерей.

«Вотъ диво какое, невидаль, что Мазепа держалъ ее, дитятку малую, на рукахъ послѣ купели, отчего бъ не держать ему ее и послѣ у себя на колѣняхъ, какъ малжонку властную»!—говорила она иногда, осуждая Кочубеевъ за то, что «свѣтъ завязали своей дочери».

Съ самой весны въ Полтавѣ поговаривали, что шведы гдѣ-то недалеко, чуть ли не въ Опошнѣ, и что видѣли тамъ и самого Мазепу вмѣстѣ съ королемъ: старый гетманъ, не смотря на проклятіе, все такимъ же, говорятъ, молодцомъ смотритъ, постоянно на конѣ и постоянно съ королемъ разъѣзжаетъ. А куда они двинутся, никто не зналъ: одни говорили, что на Кіевъ пойдутъ, другіе—что на Запорожье, третьи—что будто бы прямо на Москву, какъ только сойдутъ рѣки.

Мотренька слышала эти толки, и въ сердцѣ ея зарождались надежды, которыхъ она никому на свѣтѣ не довѣрила, развѣ только тому, о комъ она день и ночь думала и чье имя ставила на молитвѣ рядомъ съ именемъ отца, только нѣмой молитвѣ довѣряя свою тайну.

Разъ въ воскресенье, возвращаясь отъ обѣдни, она увидѣла, что какой-то москаль-коробейникъ, проходя мимо дома Искры съ своимъ коробомъ, помахиваетъ подожкомъ и звонко распѣваетъ:

Эй тетки-молодки,
Бѣлыя лебедки,
Красныя дѣвчаты—
Червоныя шаты,
Заплетены косы,
А ноженьки босы,
Идите до храму,
Нововo товару
Принесъ купецъ Сашка—
Миткальна рубашка—
Стрѣчекъ да мониста
Алтыновъ на триста...

Поровнявшись съ Мотренькой, онъ вдругъ, понизивъ голосъ, назвалъ ее по имени.

— Матрена Васильевна, панночка-боярышня! Я вамъ поклонъ принесъ.

Дѣвушка невольно остановилась. Въ сердцѣ ея шевельнулось что-то давнишнее, давно тамъ какъ-бы насильно задушенное—и дорогое, и страшное. Ей показалось даже, что она слышала гдѣ то этотъ голосъ вкрадчивый, съ которымъ обра-

тился къ ней коробейникъ. Она смотрѣла на него своими большими изумлеными глазами и молчала.

— Поклонъ принесъ я вамъ, хорошая панночка,—еще тише повторилъ коробейникъ, и сердце у дѣвушки дрогнуло.

— Отъ кого?—чуть слышно спросила она, блѣднѣя.

— Отъ Ивана Степаныча, отъ етмана.

Мотренька съ испугомъ отступила назадъ: сказанное коробейникомъ имя было такъ страшно здѣсь, во всей Украйнѣ. Еще и сегодня его проклинали въ церкви, откуда возвращалась Мотренька.

— Вы меня, боярышня, не узнали, оттого и испугались,— продолжалъ коробейникъ,—я Демьяшка, помните Демку, что отъ етмана вамъ гостинцы изъ Бахмача важивалъ, да еще въ послѣдній разъ онъ, етманъ, велѣлъ мнѣ передать вашей милости на обновки десять тысячъ червонцевъ, а у вашей милости выпросилъ для его, для етмана, прядочку вашей дѣвичьей косы на поглядѣнье... Я и есть тотъ Демьянка.

При послѣднихъ рѣчахъ коробейника дѣвушка зардѣлась... Да, онъ правду отчасти говоритъ: когда ей запрещено было свиданіе съ гетманомъ, то онъ однажды дѣйствительно, встосковавшись по ней, прислалъ нянѣ Устѣ десять тысячъ червонцевъ, чтобъ только она прямо съ ея Мотренькина тѣла сняла сорочку или урѣзала небольшую прядочку косы и прислала бы къ гетману, по кажется, не съ Демьянкомъ, а съ Мелашкою.

Да, это, точно, Демьянко, Мотренька теперь узнала его, вспомнила; только прежде онъ одѣвался не по московски, а по украински, когда служилъ у Мазепы.

— А вотъ, вашей милости и перстенекъ алмазной отъ етмана. — Коробейникъ подалъ ей перстень, блеснувшій на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги.—Это чтобъ вы мнѣ вѣрили, не сумлѣвались... Я всегда у его милости етмана былъ вѣрный человѣкъ.

— А гдѣ теперь гетманъ?—спросилъ Мотренька съ большимъ довѣріемъ; однако голосъ ея дрожалъ, какъ слабо натянутая струна.

— Они теперь не далече будутъ, съ свейскимъ королемъ васъ, боярышня, ищутъ.

Краска снова залила блѣдныя щеки дѣвушки. Она чув-

ствовала приливъ глубокой радости, такой радости, что готова была заплакать.

— А какъ его здоровье?—спросила она, не поднимая глазъ.

— Его милость въ здоровьѣ, только о вашей милости гораздо убиваются. А какъ узнали, что вы въ Полтавѣ здѣсь, такъ и послали меня провѣдать, точно ли ваша милость тутотка; а коли-де ваша милость тутотка, такъ етманъ наказали мнѣ: «когда-де ты, Демьянъ, увидишь Матрену Васильевну, такъ скажи ей наединѣ, съ глазу на глазъ, что я-де етманъ, вмѣстѣ съ свейскимъ королемъ, приду подъ Полтаву, и Полтаву-де возьму; такъ чтобъ-де Матрена Васильевна не пужалась; я-де за ней иду и ей-де никто никакого дурна не учинитъ»... Такъ вотъ я, боярышня, для-ради этого, чтобы изъ свейскаго обозу пройти въ Полтаву, и нарядился коробейникомъ. Да мнѣ и не привыкать стать: допрежъ сего я и въ Россеи у себя съ коробомъ хаживалъ, а опосля у Меньшикова Александръ Данилыча въ комнатахъ служилъ, да какъ меня хотѣлъ царь въ матросы взять, я и сбѣжалъ съ Москвы къ вашимъ черкасамъ, въ Запороги, а оттедова ужъ его милость етманъ взялъ меня къ себѣ въ ѣздовые.

Мотренька слушала его съ смѣшаннымъ чувствомъ тревоги и счастья. Все это случилось такъ неожиданно, окутано было такою волшебною дымкою, что она думала, не сонъ ли это. Такъ нѣтъ, не сонъ: она чувствовала у себя въ ладони что-то дорогое, что напоминало ей то время, когда по ея душѣ не прокатилось еще это страшное колесо судьбы, раздавившее ея жизнь, ея молодыя грезы.

— Мотю! А Мотю!—раздавался вдругъ чей-то голосъ.

Мотренька встрепенулась и испуганно взглянула на коробейника. Тотъ понялъ, что пора прекратить тайную бесѣду.

— Счастливо оставаться, боярышня! Такъ ничего не купите?—сказалъ онъ скороговоркой.

Дѣвушка ничего не отвѣчала. А коробейникъ, вскинувъ за плечи свою ношу, зашагалъ вдоль улицы, звонко выкрикивая «эй тетки-молодки, бѣлыя лебедки, красныя дѣвчата»...

Оказалось, что Мотреньку окликнула ея «титочка», вдова Искриха.

— Ты не забула, Мотю, що у насъ на двори Купало?—

сказала она, показываясь въ воротахъ, вся красная, и съ ложкою въ рукахъ.

Все это утро пани Искра вмѣстѣ съ старою Устею и маленькою покоювкою Орисею занята была серьезнымъ дѣломъ—приготовленіемъ на зиму разныхъ «павиделъ» и другихъ прелестей изъ вишенъ, малины, полуницы и всякой ягоды, какія только производитъ благодатная природа Украйны. По этому случаю середи двора весь день горѣлъ очагъ—варенье всегда лучше варить на воздухѣ, вкуснѣе выходитъ—и пани Искра совсѣмъ испекалась на очагѣ, тогда какъ у Ориси даже правое ухо было все въ вареньѣ отъ усерднаго лизанья тарелокъ и кастрюлекъ съ пѣнками.

— Забула Купалу?—спросила добрая женщина, ласково глядя на Мотреньку, которая казалась и встревоженною и разсѣянною.

— Ни, титочко, не забула,—отвѣчала дѣвушка думая о чемъ-то своемъ.

— То-то—ни... Вечеромъ, хочешь не хочешь, а я прогоню тебе съ Орисею подивитися, якъ на Ворскли дивчата та парубки будуть черезъ огонь скакати, та купальскихъ писень спивати; а то онъ-яка ты все сумна та невесела.

— Та мени, титуню, не до Купалы.

— Ни вже—годи все плакати та сумовати... не вернешь его, уплыло...

Искриха настояла-таки на своемъ. Вечеромъ Мотренька, сопровождаемая Орисею, пошла за городъ, гдѣ, на берегу Ворсклы, происходили купальскія игры.

Вечеръ былъ великолѣпный. Западная часть неба еще не успѣла окутаться темною синевою, которая боролась съ потухающею зарей; но мало-по-малу эта синяя темень надвигалась все ниже съ середины неба къ западному горизонту, сгоняя съ запада и его блѣдную розоватость и прозрачную ясность воздуха. Показывались звѣзды, которыя какъ-то слабо, неровно мигали. Но когда взоръ отъ неба переносился къ землѣ, въ сторону, противоположную той, гдѣ гасла заря, то глаза прямо тонули во мракѣ, и этотъ мракъ становился еще плотнѣе оттого, что въ нѣсколькихъ шагахъ впереди по берегу рѣки пылали костры, отражаясь золото-красными бликами то на рѣкѣ, то на бѣлыхъ, какъ будто сѣдыхъ листьяхъ серебристыхъ тополей,

кое-гдѣ темнѣвшихъ у костровъ и освѣтившихся только красными, обращенными къ огню пятнами. У костровъ то мелькали тѣни, на мгновеніе заслоняя огонь, то двигались какія-то красныя пятна—бѣлыя сорочки, лица, плахты, руки, освѣщаемыя красноватымъ заревомъ.

Отъ костровъ доносилось пѣніе, странная, солидная какая-то, словно застывшая во времени мелодія котораго всегда почему-то переноситъ воображеніе въ сѣдую глубочайшую древность, когда вотъ также пѣли поляне, кружась то вокругъ истукана Перуна, то вокругъ Ярилы, совершая эти игрища не какъ простыя игры, а какъ моленіе, обрядовое торжество и славословіе силъ природы въ образѣ многоразличныхъ боговъ и полубожковъ...

Купала на Йвана,
Купався Иванъ
Та въ воду упавъ...

«Иванъ... упалъ въ воду, сгинулъ на вѣки», думалось Мотренькѣ подъ это монотонное пѣніе: «а завтра Иванъ—завтра онъ, гетманъ именинникъ... Гдѣ-то и съ кѣмъ завтра будетъ онъ праздновать свои имянины? Вспомнитъ ли обо мнѣ, вспомнитъ ли, какъ въ третьемъ году мы вмѣстѣ съ нимъ смотрѣли въ Батуринѣ на купальскіе огни у берега Десны»?

По мѣрѣ приближенія къ кострамъ темнота кругомъ, и на землѣ и въ небѣ, становилась непроглядѣе, но зато тѣни двигавшіяся у огней выступали рельефнѣе, ярче, грубѣе; то блеснетъ надъ огнемъ красноватый дискъ круглаго молодого лица съ свѣтящимися глазами и смѣющимися щеками; то вспыхнетъ пламенемъ бѣлая сорочка съ искрящимися на груди монистами; то огонь отразится на гирляндѣ цвѣтовъ, обвивающихъ голову. Что-то волшебное чарующее въ этой картинѣ... А вокругъ костра медленно двигаются, схватившись за руки, убранныя цвѣтами дѣвушки, плавно и въ тактъ пѣнію покачиваясь изъ стороны въ сторону, а красное пламя попеременно освѣщаетъ то то, то другое лицо, по мѣрѣ движенія ихъ вокругъ костра.

— Пидемъ и мы, панночка, у коло,—говоритъ, дрожа отъ восторга, Орися, которая давно отмыла свои щеки и уши отъ варенья и «заквѣчала» свою черную головку всевозможными цвѣтами, такъ что вся голова ея походила на громадный сплошной букетъ, а розовое личико съ загорѣлыми щеками и свѣтя-

щимися глазами представляло подобіе маленькаго живого портбукета.—Пидемъ, панночко.

— Та йди жъ, Орисю,—задумчиво отвѣчала Мотренька.

— А вы жъ, панночко?

— Я постою, подивлюсь.

Орися юркнула въ «коло», и черезъ секунду ея маленькая, чудовищно утыканная цвѣтами голова уже торчала между шитыми рукавами двухъ «дивчатъ», достигая имъ только до поднятыхъ немного локтей.

Мотренька остановилась подъ тополемъ недалеко отъ одного изъ костровъ, но такъ что ей разомъ видно было два «кола», которыя «вели танокъ»—кружились то есть—то въ ту, то въ другую сторону, или, говоря по-старорусски, «посолонь», или противъ хода солнца. Съ правой стороны чернѣла вода Ворсклы, отражая длинныя полосы купальскихъ огней, а влѣво за кострами разстилалась темень до самаго горизонта и даже далѣе, до неба и на небо, которое чуть-чуть синѣло, особенно тамъ, гдѣ моргали звѣзды Воза, созвѣздіе Большой Медвѣдицы. Еще лѣвѣй, къ городу, высились крѣпостные валы, на которыхъ иногда слышались окрики часовыхъ.

И эти ночные окрики, и это пѣніе у костровъ, иногда звонкій смѣхъ дивчины и грубоватый хохотъ парубка-казака, все это наводило Мотреньку еще на большее раздумье... Вспоминался ей и покойный отецъ, и Мазепа, «ищущій могилы себѣ» и этотъ Чуйкевичъ, какимъ-то разрывъ-зельемъ вошедшій въ ея жизнь, и этотъ хорошенькій, плачущій на травѣ въ Диканькѣ «москаликъ» Павлуша Ягужинскій... Гдѣ-то онъ теперь? Что съ нимъ?.. А какъ это было давно! Какія они тогда еще дѣти были!..

Вонъ звѣздочка прокатилась по небу!.. Это чья-нибудь жизнь скатилась въ вѣчность, свѣчечка погасла, и не будетъ ужъ этой звѣздочки на небѣ... А еще гетманъ говорилъ, что это такія же земли, какъ вотъ и эта земля, гдѣ купальскій вечеръ справляютъ люди, а другіе плачутъ... И тамъ вѣрно плачутъ...

Купала на Йвана,
Купався Иванъ...

Да такъ всю ночь изъ головы не выйдетъ это пѣніе... А вонъ Орися какъ веселится... Счастливая! Она черезъ огонь прыгаетъ, какъ козочка перелетѣла...

А что это словно тѣни какія-то движутся отъ степи? Да, что-то метлешится во мракѣ, что-то высокое-высокое, какъ будто бы и не люди, а что-то большее, чѣмъ люди... На темной синевѣ вырѣзываются, но такъ неясно, двѣ-три, даже четыре большія тѣни, и все ближе и ближе... Можетъ быть, это казаки откуда-нибудь ѣдутъ; только зачѣмъ же безъ дороги, тамъ нѣтъ дороги: дорога идетъ лѣвѣе, мимо самыхъ крѣпостныхъ палисадовъ... Да это конные...

Еслибъ не это пѣніе «Купала на Йвана», не смѣхъ и не жарты у рѣки, и еслибъ Мотренька стояла немного къ степи поближе, то она могла бы разслышать даже шепотъ на незнакомомъ ей языкѣ, на томъ языкѣ, который она, впрочемъ, слышала въ польскихъ костелахъ, на латинскомъ...

— Довольно, ваше величество, опасно дальше двигаться... Вы видите, что это не бивачные огни: это полтавская молодожь затѣяла свои обычныя игры наканунѣ Іоанна Крестителя... Это праздникъ Купалы,—шепчетъ одинъ кто-то.

— Такъ я хочу посмотрѣть на этого Купалу,—отвѣчаетъ другой шепотъ.

— Но вы рискуете собой, ваше величество,—снова шепчетъ первый.

— Я, любезный гетманъ, и люблю рискъ, — отвѣчаетъ второй.

— Но тутъ близко крѣпостной валъ, часовые тамъ могутъ замѣтить...

— Пустяки, гетманъ! Я знаю, часовые далеко.

Все ближе темныя фигуры. Это всадники. Они скоро приблизятся къ линіи свѣта отъ костровъ. Вотъ они выступаютъ въ эту область свѣта, но такъ тихо-тихо... Видны уже лошадиныя морды, кое-гдѣ искорками блеститъ сбруя, тамъ свѣтъ упалъ на стремя... Еще ближе, свѣтъ костра падаетъ на лица... Одно лицо, молодое, впереди—въ какой-то странной шляпѣ... Еще лицо... усы бѣлѣются...

Боже!.. Мотренька узнала его!.. Это онъ, гетманъ...

Она невольно вскрикнула... Всадники встрепенулись... Мазепа тоже узналъ ее...

Вдругъ на крѣпостномъ валу забили тревогу. Всадники шарахнулись отъ костровъ въ степь, въ темь... Съ вала раздались выстрѣлы... Вдали, во тьмѣ, раздавался конскій топотъ...

Все всполошилось у костровъ. Пѣніе прекратилось. Послышались визги, оханья, все бросилось бѣжать въ городъ, оставляя купальскіе огни на произволъ судьбы.

Когда испуганная Орися подбѣжала къ своей панночкѣ, панночка лежала безъ чувствъ... Она «зомлила»...

XV.

Таинственные всадники, подъѣзжавшіе къ купальскимъ огнямъ подъ Полтавой, были Карлъ, Мазепа, юный принцъ Максимиліанъ и генералъ Левенгауптъ, недавно присоединившійся къ королю съ своимъ отрядомъ.

Карлъ, овладѣвъ въ іюнѣ Опошнею и ожидая подкрѣпленій изъ Польши, на которыя, впрочемъ, сомнительно было разсчитывать, зарядился вдругъ по обыкновенію безумною мыслью—завладѣть Полтавою. Мысль эта, надо сказать правду, не сама забралась въ желѣзную голову, а натолкнулъ на нее какъ бы нехотя и случайно лукавый бѣсъ—Мазепа. Этотъ «полуденный бѣсъ», какъ называла его хорошенькая молодая гетманша, Настя Скоропадчиха, прослышавъ, что его «ясочка коханая» Мотренька находится въ Полтавѣ, безумно захотѣлъ хоть еще разъ въ жизни взглянуть на нее, услыхать ея голосокъ, ея соловьиное щебетанье; и живучи были надежды, упряма была его желѣзная воля!—бокъ-о-бокъ съ нею итти къ своей цѣли, добиться короны герцогской,—что уже между нимъ и Карломъ порѣшено было,—и вмѣстѣ съ Мотренькою потомъ взойти на ступени герцогскаго трона. Подъ давленіемъ этой двойной страсти онъ и забросилъ въ шальную голову Карла мысль взять Полтаву, гдѣ должны были храниться огромные запасы провіанта и боевыхъ припасовъ, въ которыхъ шведы чувствовали ужасающій недостатокъ: шведскіе солдаты умирали съ голоду въ благодатной Украйнѣ, а порохъ ихъ за зиму былъ подмоченъ и почти не стрѣлялъ... Полтава и должна была дать все это Карлу...

Зарядившись этой мыслью, король-варягъ уже не слушалъ совѣтовъ своихъ полководцевъ и министровъ.

— Что за безумная мысль пришла ему въ голову брать Полтаву? — ворчалъ Гилленкрукъ, допрашивая Реншильда,

когда Карлъ сказалъ, что сегодня, 23 іюня, онъ хочетъ ѣхать ночью осматривать укрѣпленія Полтавы.

— Король хочетъ, пока не придутъ поляки, немножко потѣшиться, s'amuser, «повозиться», какъ онъ юношей любилъ «возиться» съ фрейлинами, а потомъ съ волками и медвѣдями на охотѣ, теперь съ московитами,—съ улыбкой отвѣчалъ старый фельдмаршалъ, хорошо изучившій своего коронованнаго ученика.

— Сегодня ночью цвѣтетъ папоротникъ, я хочу найти этотъ цвѣтъ,—съ своей стороны говорилъ Реншильду этотъ коронованный ученикъ его.

Осторожный Гилленкрукъ и голову повѣсилъ. Даже храбрый Левенгауптъ задумался: «у него все шутки... онъ такъ же играетъ Швеціей и своей короной и своею жизнью, какъ маленькимъ игралъ въ Александра Македонскаго»...

Вотъ за этимъ-то цвѣтомъ папоротника онъ и явился подъ Полтаву, къ самымъ купальскимъ кострамъ, принявъ ихъ за огни бивуаковъ. И онъ нашелъ волшебный цвѣтъ: одна пуля, пущенная съ крѣпостного вала вдогонку неизвѣстнымъ всадникамъ, угодила Карлу прямо въ пятку лѣвой ноги, прошла сквозь всю лапу и застряла между пальцами. Упрямый варягъ даже не вскрикнулъ, не промолвилъ слова, даже замѣтить никому не далъ, что онъ раненъ. Напротивъ, этотъ безумецъ былъ счастливъ, радовался этой ранѣ! Да и какъ не радоваться! На языкѣ древнихъ варяговъ-викинговъ рана называлась «милость», отличіе—faveur, и ее не слѣдуетъ перевязывать раньше какъ черезъ сутки... Вѣдь сага Фритіофа въ пѣснѣ XV-й говоритъ:

Рана—прибыль твоя: на груди, на челѣ—то прямая украса мужамъ;
Ты чрезъ сутки не прежде ее повяжи, если хочешь собратомъ быть намъ...

— Господи! Помоги намъ!—въ ужасѣ воскликнулъ Левенгауптъ, увидавъ по возвращеніи въ лагерь, что изъ сапога короля льетъ кровь.—Случилось именно то, чего я всегда боялся, и что я предчувствовалъ!

— Жаль, что рана только въ ногѣ!—отвѣчалъ безумецъ съ сожалѣніемъ.—Но пуля еще въ ней, и я велю вырѣзать ее на славу.

Хмурый гетманъ только головою покачалъ: ему было не до

Карла, не до его раны, онъ самъ сегодня разбередилъ свою старую, страшную рану, которая сведетъ его въ могилу... Онъ ее видѣлъ...

Но упрямый король, счастливый и гордый своею раною, истекая кровью, все-таки не прямо отправился въ свою главную квартиру, а поскакалъ по лагерю посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Рана между тѣмъ дѣлала свое дѣло. Нога воспалилась, страшно распухла, и нужно было разрѣзывать сапогъ. Оказалось, что кости въ лапѣ были раздроблены; нужно было вынимать осколки костей и дѣлать глубокіе разрѣзы въ ступнѣ. А онъ, какъ ни въ чемъ не бывало: веселъ!

— Рѣжьте, рѣжьте, живѣе, ничего!—ободрялъ онъ хирурга, любуясь операціей.

— Отъ чадушко! И бисова жъ дитина!—невольно проворчалъ по своему, по-украински, Мазепа, дивуясь на эту «бисову дитину».

— Что говоритъ гетманъ?—спрашиваетъ чадушко.

— Благоговѣетъ передъ вашимъ величествомъ!—былъ латинскій отвѣтъ, замѣнившій «бисову дитину».

Въ это время въ палатку, гдѣ происходила операція, заглянулъ Орликъ, знаками приглашая Мазепу выйти. Гетманъ вышелъ. У палатки стоялъ знакомый намъ коробейникъ.

— Ну, что, былъ?—нетерпѣливо спросилъ Мазепа.

— Были-съ, ваша милость,—тряхнулъ волосами коробейникъ.

— И ее видѣлъ?

— Какъ-жъ-съ, видали-ста... Приказали кланяться и на подарочкѣ благодарить.

— И она здорова?

— Ничего-съ, слава Богу, во здравіи... только объ вашей милости больно убиваются.

У Мазепы усъ дрожалъ, и пальцы хрустнули, такъ онъ стиснулъ одну руку другою.

— А что москали?—спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Царя ждутъ въ городъ... Онамедни, сказываютъ, боньбу изъ-за Ворсклы бросилъ въ городъ, а она, боньба, пустая, а въ боньбѣ грамоту нашли: что потерпите-де, молъ, маленько, на выручку иду.

Мазепа задумался на минуту.

— Ладно, ступай въ мою ставку,—сказалъ онъ и вошелъ въ палатку короля.

Карлъ, которому въ это время перевязывали ногу послѣ операціи, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, видимо искаженнымъ страданіями, которыхъ онъ, однако, не хотѣлъ изъ упрямства обнаружить, съ блестящими лихорадочнымъ огнемъ глазами разсматривалъ только что выпутую изъ ноги пулю.

— Какая славная пуля!—говорилъ онъ словно въ бреду.— А помялась немножко... Посмотри, Реншильдъ, какой дорогой алмазъ...

Реншильдъ нагнулся и ничего не сказалъ. Онъ только вздохнулъ.

— Проклятый кусокъ!—проворчалъ Левенгауптъ, тоже нагибаясь къ черному кусочку свинца, помятому и окровавленному.

— Зачѣмъ проклятый, фельдмаршалъ?—возразилъ безумный юноша.—Я велю оправить ее въ золото и буду носить въ перстнѣ, это моя гордость, мой драгоцѣнный алмазъ.

— Да, ваше величество, это великая истина,—подтвердилъ Мазепа, тоже всматриваясь въ пулю.—О! Это королевская регалія... Только это не нашего, не казацкаго литья, а московскаго... Эту пулю, ваше величество, надо вдѣлать не въ перстень, а въ корону... это драгоцѣннѣйшій діаментъ въ коронѣ Швеціи, онъ будетъ свѣтить вѣчно во славу Карла XII.

Карлъ даже приподнялся на постели и глядѣлъ безумными глазами на Мазепу.

— О, да! Мой гетманъ правъ!—воскликнулъ онъ восторженно, хотя слабымъ голосомъ.—Мой мудрый Сократъ всегда скажетъ что-нибудь умное... Да... да... эту пулю надо вдѣлать въ мою корону, въ корону Швеціи... это лучшій перлъ въ исторіи Швеціи...

— И съ кровью, ваше величество,—прибавилъ гетманъ.

— Какъ съ кровью?—Онъ глядѣлъ на Мазепу, видимо не понимая, почти въ бреду.

— Съ кровью вашего величества пуля эта должна быть вдѣлана въ корону Швеціи.

— Да... да-да... О, великій умъ у гетмана, великій!—бормоталъ король, все болѣе слабѣя.

— И вокругъ этой окровавленной пули,—продолжалъ Мазепа,—будетъ вырѣзана, ваше величество, надпись: «Sanguis regis Caroli Duodecimi sanctissima, pro Scandinaviae et omnium regionum septentrionalium gloria cum virtute heroica effusa».

— Да!.. Да!.. pro gloria, pro gloria aeterna... in omnia saecula saeculorum...

Далѣе онъ не могъ говорить. Желѣзная голова опрокинулась на подушку, Карлъ лишился сознанія.

Когда черезъ нѣсколько минутъ его привели въ чувство, докторъ сказалъ: «Вашему величеству нѣсколько дней строго запрещается всякое умственное занятіе и физическое движеніе... Это запрещаю не я, а медицина»...

— Медицина мнѣ не бабушка!—возразилъ упрямый король.—Слава Швеціи для меня старше медицины.

— Такъ слава Швеціи запрещаетъ вамъ это!—строго сказалъ старый Реншильдъ.

— Хорошо, славѣ Швеціи я повинуюсь,—уступилъ упрямый шведъ,—но что я буду дѣлать?

— Лежать и сказки слушать.

— Да-да, сказки... я люблю сказки о богатыряхъ... Такъ пошлите ко мнѣ моего стараго Гультмана: пусть онъ разсказываетъ мнѣ сагу о богатырѣ Рольфѣ Гетриксонѣ, какъ онъ одолѣлъ русскаго волшебника на островѣ Ретузари и завоевалъ Данію и всю Россію...

Мазепа только головой покачалъ... «Ну вже жъ и чортиня!.. Изъ одного, десь, куска стали выковавъ коваль и сего, маленькаго, и того—великаго... Ой-ой-ой! Кто кого—кто кого?»—саднило у него на сердцѣ.

Вошелъ Гультманъ, нѣчто безцвѣтное, грязноволосое, красноносое и съ отвисшею нижнею губою. Глянувъ на короля, Гультманъ укоризненно покачалъ головой.

— Ты что такой сердитый?—весело спросилъ его Карлъ.

Гультманъ не отвѣчалъ, а, ворча что-то подъ носъ, началъ сердито комкать и почти швырять платье короля, разбросанное въ разныхъ мѣстахъ палатки. Карлъ улыбнулся и подмигнулъ Реншильду.

— Гультманъ! А Гультманъ! Ты что не отвѣчаешь, старина?—снова спросилъ король.

Гультманъ, не поворачивая головы, отвѣчалъ тономъ ворчливаго лакея: «Да съ вами послѣ этого и говорить-то не стоитъ— вотъ что!».

— Что такъ, старина? (Карлъ видимо подзадоривалъ его). А?

Гультманъ, порывисто повернувшись къ Реншильду и не глядя на короля, заговорилъ обиженнымъ тономъ.—Вотъ и маленькимъ былъ все такимъ же сорви-головой: то онъ на оленѣ скачетъ, то спитъ на полу съ собаками, а платья на него не припасешь... Хуже послѣдняго рудокопа, а еще королемъ называется! Я и тогда говорилъ ему, маленькому: не сносить вамъ, говорю, головы... Такъ вотъ—на поди!.. Эхъ!

— Полно-полно, старина! — успокаивалъ его Карлъ. — Знаешь, сегодня вѣдь канунъ Иванова дня, когда цвѣтетъ папоротникъ, я нашелъ этотъ самый цвѣтъ...—И онъ показалъ Гультману пулю.

А Мазепа все раздумывалъ, глядя на высокій, гладкій, словно стальной лобъ короля: «Охъ! Кто кого, кто кого?.. А если тотъ этого»?..

А въ это самое время тотъ, о которомъ думалъ Мазепа, въ свою очередь думалъ о Мазепѣ. Онъ только что воротился въ свою палатку изъ осмотра ночныхъ работъ по возведенію шанцевъ на полтавскомъ полѣ, которое въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ дней стало спорнымъ полемъ между Петромъ и Карломъ. Петръ, прибывъ къ Полтавѣ съ лѣвой стороны Ворсклы, со дня на день ожидалъ нападенія Карла на городъ, и въ виду этого, извѣстивши посредствомъ брошенной въ крѣпость пустой бомбы (о которой передавалъ Мазепѣ и его шпіонъ-слуга, коробейникъ Демьянко, и въ которую было вложено царемъ письмо)—извѣстивши полтавскаго коменданта о приближеніи своемъ съ войскомъ,—Петръ сталъ по ночамъ переправлять отдѣльныя его части на правый берегъ Ворсклы отчасти въ тылъ и къ лѣвому крылу арміи Карла. Когда послѣдній, увидавъ купальскіе огни, поскакалъ съ Мазепой и Левенгауптомъ удостовѣриться, не бивуачные ли это огни арміи царя, и получилъ ахиллесовскую рану въ пятку, царь въ это самое время, позже, находился недалеко, на другой сторонѣ Ворсклы, потому что и онъ, какъ и Карлъ, принялъ купальскіе огни за бивачные огни своего противника. Вмѣстѣ съ Шереметевымъ, Меньшиковымъ

и Ягужинскимъ царь тихо подъѣхалъ къ Ворсклѣ и, окутанный мракомъ ночи и кустами верболоза, видѣлъ все, что происходило по ту сторону рѣчки; только онъ не видалъ того, что видѣла Мотренька — Карла и Мазепы, потому что ихъ закрывали густыя вѣтви тополя, прислонившись къ стволу котораго стояла Мотренька. Ее-то царь, правда, видѣлъ и даже полюбовался этимъ освѣщеннымъ красными огнями, строгимъ, задумчивымъ, единственно серьезнымъ женскимъ личикомъ среди оживленныхъ, веселыхъ и смѣющихся лицъ другихъ дивчатъ; но онъ и не догадывался, что это дочь того Кочубея, который почти годъ назадъ погибъ вслѣдствіе своей роковой ошибки, сдѣланной имъ въ пылу гнѣва на Мазепу за честь якобы дочери, но главное подъ давленіемъ сварливаго характера своей жены, Кочубея, котораго теперь часто вспоминалъ царь съ чувствомъ искренняго сожалѣнія. Зато Ягужинскій узналъ Мотреньку и едва не вскрикнулъ отъ изумленія и радости. Онъ кинулся было къ рѣкѣ, забывши и осторожность, и присутствіе царя; но въ этотъ моментъ послѣдовали выстрѣлы съ крѣпостного вала, крики и суматоха среди молодежи, кружившейся около огней, и всѣ были крайне изумлены: царь было подумалъ уже, что это шведы начинаютъ приступъ, и уже готовъ былъ скакать къ своему войску; но послѣдовавшая затѣмъ тишина на томъ берегу рѣки успокоила его, онъ догадался, что это были шведскіе развѣдчики. Только Ягужинскій съ ужасомъ вскрикнулъ:

— Боже мой! Это ее убили!

— Кого убили! Что ты, Павелъ?—съ недоумѣніемъ спросилъ царь, увидавъ блѣдное лицо Ягужинскаго.

— Ее, государь... дочь Кочубея... я узналъ... она стояла подъ деревомъ, а теперь лежитъ...

Дѣйствительно, царь увидѣлъ, что дѣвушка, которою онъ любовался издали, лежала на землѣ, а около нея, стоя на колѣняхъ, ломала руки маленькая дѣвочка съ копной цвѣтовъ на головѣ...

— Такъ это она, бѣдная?—сожалѣлъ царь.

— Она, государь, что Мазепа проклятый погубилъ.

— Ахъ, бѣдная, бѣдная!.. А ты ее все помнишь, угадалъ?

— Угадалъ, государь,—дрожа всѣмъ тѣломъ, говорилъ Ягужинскій.

Но скоро они увидѣли, что дѣвушка приподнялась, тихо

встала и медленно пошла въ городъ, ведомая дѣвочкой. Царь также ускакалъ къ своимъ шанцамъ: онъ и не зналъ, что сейчасъ находился почти лицомъ къ лицу съ своимъ непримиримымъ и непобѣдимымъ врагомъ, котораго онъ считалъ такимъ страшнымъ, и который такъ беззаботно игралъ и своею жизнью, и своею храброю арміею, и всею Швеціею, игралъ, по выраженію ворчливаго Гультмана, «словно деревенскій мальчишка мячикомъ»...

— Охъ, надо, надо съ Божіею помощію готовиться къ генеральной баталіи,—говорилъ самъ съ собою царь, осматривая шанцевыя работы,—а то онъ, отъ чего сохрани Боже, не сегодня завтра къ штурму прибѣгнетъ... Только вотъ все нѣтъ калмыцкаго войска, а безъ него боюсь начинать...

Воротившись къ своей палаткѣ, царь, несмотря на темноту, разглядѣлъ среди множества толпившихся тамъ генераловъ и полковниковъ малороссійскихъ войскъ маститую фигуру Палія и подошелъ къ нему, сойдя съ коня и отдавъ его въ руки ординарца.

— Ну, что, мой вѣрный Палій, какъ нашелъ ты мое доблестное войско?—спросилъ онъ старика.

— Орлы, государь, истинные орлы, — прошамкалъ старый рубака, гроза крымцевъ и турокъ.

— А малороссійскіе полки?

— Оные, государь, полки за тебя и въ огонь, и въ воду, да и самому Люциперу себя знати дадутъ.

— А какъ ты себя на конѣ носишь?

— Погано, ваше царское величество: мое дѣло старое... А все-жъ таки проклятому Мазепѣ сала за шкуру налити не премину.

Царь улыбнулся. Онъ самъ видѣлъ, что пять лѣтъ ссылки и тоска по родинѣ наложили страшную печать разрушенія на старика, и безъ того ветхаго.

Отдавъ нѣкоторыя приказанія начальникамъ отдѣльныхъ частей, царь вошелъ въ палатку въ сопровожденіи неразлучнаго своего Павлуши, теперь уже Павла Ягужинскаго. Въ палаткѣ на походномъ столѣ лежали планы, бумаги и пакеты, привезенные курьерами изъ Москвы, Петербурга, Воронежа и другихъ мѣстъ обширнаго царства. Нѣкоторые, болѣе важные и

спѣшные, были уже распечатаны и прочитаны; оставались только домашнія письма, бабья переписка.

— Что-то моя матка пишетъ, мудеръ Катеринушка? — говорилъ царь, взявъ одно письмо и распечатывая его. — «Всемилостивѣйшій государь, дорогой хозяинъ мой, батюшка! Доношу милости твоей, что я съ дочуркою нашею Аннушкою благостію Всевышняго Бога въ добромъ здравіи, только лапушка наша нынѣ скорбитъ зубками, понеже еще одинъ зубокъ выдуваетъ, и оттого слюнки текутъ во множествѣ. А впротчемъ, государь хозяинъ, не изволь сомнѣватца. А за то, государь, что изволилъ прислать мнѣ съ Азовскаго моря устерсы да матерію по голубой землѣ цвѣтъ лазоревъ, и за то тебѣ, государю моему, земно кланяюсь, и тебя въ ономъ новомъ голубомъ капотѣ обнять страхъ желаю, красавца моего свѣтъ Петрушеньку...»

Царь, приподнявшись надъ письмомъ, весело встряхнулъ своею курчавою гривою.

— Ахъ ты, мудеръ-мудеръ Катеринушка! Не даромъ я тебѣ оный пароль далъ, — радостно говорилъ онъ самъ съ собою.— Ну-ну, что далѣ? «А обо мнѣ, для-Бога, не печалься: мнѣ тѣмъ наведешь мнѣнье. При семъ посылаю тебѣ, государю моему, ящикъ съ анисовкою и цедреоли шесть скляпицъ, а есть ли бы у меня у горькой крылья были, и я бы сама къ тебѣ прилетѣла, другу моему. А что о царевичѣ Алексіи Петровичѣ изволишь писать, государь, что яко-бы онъ тайнымъ способомъ, отъ тебя, государя, таясь, къ матери своей, старицѣ Ольгѣ, въ Суздаль ѣздилъ, и то, государь, онъ самъ мнѣ, предъ Господомъ кающись и прося у тебя, государя своего, родительскаго прощенія, со откровенностью повѣдалъ. И ты, всемилостивѣйшій государь, молю слезно, сына своего, для Бога, прости, понеже не онъ то своею волею учинилъ, а умысломъ покойной царевны Софіи Алексѣевны: она его тому научила»...

Царь быстро откинулся отъ стола, и лицо его нервно задергалось.

— У! Зелье — сестрица Софьюшка! И изъ гроба-то мнѣ покою не даешь! — съ волненіемъ проговорилъ онъ. — Мало со стрѣльцами да съ бородачами-раскольниками намутила, а вонъ и въ наслѣдство мысль свою змѣиную сыпку моему дурачку оставила... У, зелье московское!

Онъ всталъ и заходилъ по палаткѣ. Какъ ни великъ былъ

шатеръ царскій, но и въ немъ великану шагать двухъ-аршинными шагами было тѣсно. Онъ опять присѣлъ къ столу и сталъ читать письмо:

«А я тебѣ, другу моему сердешному, Петрушенькѣ, хоша и стыдно мнѣ вельми и алая кровь со стыда къ щекамъ приливаетъ, на ушко другу моему шепну: у меня, другъ мой, тамъ во чревѣ подъ сердцемъ твоя шишечка возится, къ Рождеству Христову, можетъ, и сына тебѣ дамъ».

Петръ вскочилъ и вытянулся во весь свой исполинскій ростъ. Въ глазахъ его мелькнула не то безумная радость, не то гнѣвъ.

— Павелъ! — громко окликнулъ онъ.

Въ другомъ отдѣленіи палатки, которая разбита была пологами на нѣсколько комнатъ, послышался шорохъ бумаги и быстрый отвѣтъ: «Сейчасъ, государь!». Это отвѣчалъ Ягужинскій, который, войдя съ царемъ въ палатку, тотчасъ прошелъ въ свое отдѣленіе и сталъ писать письма, раньше заказанныя ему царемъ. Ягужинскій вышелъ изъ-за полога и остановился, ожидая приказаній.

— Мнѣ Богъ сегодня радость послалъ, — сказалъ царь необыкновенно весело,—такъ я хочу и тебѣ радость учинить.

Онъ остановился и, ласково улыбаясь, глядѣлъ на своего смущеннаго любимца. Тотъ стоялъ блѣдный и смутный, словно статуя, съ лицомъ изъ бѣлаго воска.

— Я давно замѣтилъ, что у тебя въ сердцѣ зазноба есть, а? Правда? — спросилъ царь, продолжая улыбаться и кладя руку на плечо молодого человѣка.

Ягужинскій молчалъ. Царь чувствовалъ, что онъ дрожитъ.

— Ты не бойся, Павелъ... Говори мнѣ правду: любишь эту черненькую Кочубеевну?

— Люблю, государь, — чуть слышно отвѣчалъ тотъ, не поднимая глазъ и чувствуя, что краснѣетъ.

— То-то же, я это и нынѣ замѣтилъ: малый чуть въ воду не кинулся, когда увидалъ, что дѣвка упала съ испугу... Такъ хочешь, я тебя женю на ней, когда одержу викторію надъ Карломъ?

Ягужинскій упалъ на колѣни и сталъ цѣловать руки царя.

— Ну, полно, полно... Самъ сватомъ буду... А дѣвка,

сдается мнѣ, лицомъ благообразна... Недаромъ этотъ проклятый сатиръ Мазепа такія епистоліи къ ней писалъ... Встань!

Ягужинскій всталъ весь красный.

— У! Попадись мнѣ этотъ домовой старый, сто стрѣлецкихъ казней я учиню надъ нимъ, и то ему мало! — гнѣвно говорилъ царь, снова зашагавъ по палаткѣ. — А тебя женю на этой черкашенкѣ... какъ ее зовутъ, не знаю...

— Мотря, государь.

— Мотря, какое хорошее имя... Мотря-Мотрюшка, хорошо, зѣло хорошо... У насъ такого имени нѣтъ... Да и такъ говоря, мнѣ украинская здѣшняя рѣчь зѣло по душѣ, благозвучія въ ней много... Какъ приведу здѣсь все къ желанному концу, заведу школы по городамъ, дабы въ оныхъ ученіе преподавалось ихъ же малороссійскою рѣчію, — говорилъ царь какъ бы самъ съ собою, ходя по палаткѣ. — Такъ всѣ мудрые государи, какъ то изъ исторіи видно, поступали, понеже отнимать у народа языкъ, Богомъ ему данный, и Богу противно, и безумно есть... теперь я подлинно вѣдаю, что и Мазепа всего своего потентату лишился ради того, что склонность имѣлъ болѣе къ польскимъ правамъ и къ польской рѣчи, чѣмъ къ малороссійской... Такъ ступай, Павелъ, кончай съ письмами и ложись спать: завтра у насъ дѣла будетъ изрядно.

Ягужинскій ушелъ въ свое отдѣленіе, а царь, сѣвъ къ столу, глубоко задумался надъ письмомъ своей «матки Катерипушки». Письмо это заставило его безпокойный мозгъ работать въ томъ направленіи, какого онъ самъ не ожидалъ. Онъ видѣлъ рядомъ съ постылымъ сыномъ отъ постылой женщины другого сына, и передъ этимъ послѣднимъ нюня Алексѣй казался такимъ жалкимъ, недостойнымъ того призванія, которое выпало ему на долю актомъ рожденія... А что если изъ его безсильныхъ рукъ, которыя способнѣе держать кадило, чѣмъ скипетръ, выскользнетъ все, что пріобрѣтено вотъ этими мозолистыми руками (царь невольно раскрылъ свои массивныя ладони: мозоли плотника, мозоли отъ топора, отъ молота—всѣ ладони въ мозоляхъ, словно бы это были ладони рудокопа), все, что добыто годами тяжкаго труда, безсонными ночами, подъ удары этого страшнаго молота—этого новаго Карла-Мартела!.. Нѣтъ, не бывать этому! Этотъ постылый сынъ долженъ уступить мѣсто будущему брату...

Но чѣмъ еще кончится предстоящая баталія? Страшно подумать, если Полтава будетъ второй Нарвой... Страшно!..

Но и послѣ второй Нарвы можно будетъ стать на ноги. Вонъ Нева ужъ взята... Не сидѣть постылому Алексѣю на престолѣ въ Петербургѣ, довольно Алексѣевъ! Пусть Петры только будутъ царствовать въ Россійской землѣ!..

И царь невольно вздрогнулъ: ему представился гробъ, а въ гробу лежитъ Митрофаній и грозитъ пальцемъ...

XVI.

Утро 27 іюня 1709 только начинаетъ брежжиться. Полтава еще окутана дымкой ночи, и только на верхнихъ частяхъ ея крѣпости да на верхушкахъ и крестахъ церквей отражается бѣлесоватый свѣтъ отъ блѣдной полосы неба, все болѣе и болѣе расширяющейся вдоль восточнаго горизонта. Звѣзды еще свѣтятся, мигаютъ, но это миганіе уже какое-то слабое, трепетное, словно вѣки выглядывающихъ съ неба чьихъ-то невѣдомыхъ глазъ, которые все чаще смежаются.

Между тѣмъ выше Полтавы, вдоль нагорнаго берега, по всхолмленной равнинѣ, кое-гдѣ за холмами торчатъ, словно изъ земли, какія-то темныя точки и иногда какъ бы дрожатъ, движутся, обнаруживая при ближайшемъ разсмотрѣніи то высокую казацкую шапку, то длинное ратище копья, то стволъ мушкета. Это передовые сторожевые пикеты лѣваго крыла шведскаго войска.

Востокъ, луговое Заворсклье, глядитъ все яснѣе и яснѣе, и Полтава мало-по-малу словно изъ земли выползаетъ, сбрасывая съ себя темное покрывало. По нагорному возвышенію отъ Ворсклы движется какая-то одинокая тѣнь. Это человѣческая фигура. Бѣлѣющій востокъ слабо освѣщаетъ наклоненную подъ высокой казацкой шапкой голову, сѣдой чубъ, свѣсившійся на глаза, и сѣдые усы, тлядящіе въ землю, словно имъ уже не ко времени торчать молодецки кверху, а пора-де въ могилу смотрѣть. По мѣрѣ движенія этого стараго путника темная шапка за ближайшимъ холмомъ нагибается все ниже и ниже и, наконецъ, совсѣмъ прячется.

— А бисивъ сонъ! Уже й ранокъ, а винъ не йде! — бормочетъ самъ съ собою старый путникъ. — Не спилять стари очи...

Старикъ останавливается и съ удивленіемъ осматривается— гдѣ онъ?

— Отъ, старый собака! Де се я бреду? Чи не до шведа втрапивъ?—изумленно спрашиваетъ онъ самого себя, наткнувшись почти на самый холмъ.

Изъ-за холма опять показывается шапка и стволъ мушкета, и украдкой двигается къ задумавшемуся и опустившему къ землѣ голову старику.

— Охъ, лишечко! Та се жъ батько Палій!—невольно вскрикиваетъ шапка съ мушкетомъ.

Старикъ вздрагиваетъ и оглядывается, не понимая, гдѣ онъ и что съ нимъ...

— Батьку! Батьку ридный! — радостно говоритъ шапка съ мушкетомъ; не шапка, а ужъ цѣлый запорожецъ въ желтыхъ широчайшихъ китайчатыхъ штанахъ.

— Да се ты, сынку?—изумляется старикъ.

— Та я-жъ, батьку, я, Голота...—И онъ бросается къ старику. — Такъ вы живи, не вмерли тамъ?

— Живый ще, сынку... А ты що?

— Та у шведа съ запорозцями.

— У шведа? О бодай тебе!

— А вы, батьку?

— Я въ царя, винъ мене съ Сибиру вызволивъ...

Вдругъ со стороны, гдѣ расположенъ былъ шведскій лагерь, что-то грохнуло, стукнуло и покатилось въ утреннемъ воздухѣ, отозвавшись эхомъ и въ Полтавѣ, и за Ворсклой. Голота и Палій встрепенулись. Это пушечный выстрѣлъ — вѣстовой сигналъ къ наступленію, къ битвѣ.

— Тикайте, батьку! Тикайте хутко до себе, а то вбьютъ!— торопливо говоритъ Голота. — Тикайте до царя, а мы вси запорозци до васъ перекинемось одъ бисового шведина...

На первый грохотъ отвѣтили въ другихъ мѣстахъ. Ясно, что шведы начинаютъ... Голота скрылся за холмомъ, а къ Палію съ другой стороны, отъ московскаго войска, подскакалъ, держа въ поводу другую осѣдланную лошадь, какой-то казакъ... То былъ Охримъ...

— Сидайте, батьку, на коня, бо в и н ъ, проклятый, сдається кашу варити зачина.

И онъ помогаетъ старику сѣсть на лошадь.—Не тотъ ужъ это Палій, самъ ужъ и на коня не сядетъ...

Битва, дѣйствительно, зачиналась... Карлъ не вытерпѣлъ: надоѣло ему лежать въ постели, да слушать сказки Гультмана о Рольфѣ Гетриксонѣ, слушать ворчанье стараго слуги, да ждать-ждать, пока заживетъ эта проклятая нога... А между тѣмъ лазутчики изъ казаковъ донесли ему, что царь со-дня-на-день ждетъ двадцатитысячнаго калмыцкаго корпуса... Гдѣ жъ тутъ ждать!

— На пиръ! На пиръ кровавый, мой храбрый Реншильдъ!— метался больной король въ безсонницѣ. — На пиръ, мой мудрый гетманъ! Повторимъ Нарву!

Рослые драбанты вынесли его изъ палатки на качалкѣ и внесли на высокій курганъ.

— Вотъ здѣсь и дышется легче... Сна мнѣ нѣтъ... но подъ побѣдный грохотъ пушекъ и подъ побѣдные крики моихъ богатырей я усну въ этой качалкѣ какъ подъ колыбельную пѣсню... Несите же смерть врагамъ, а мнѣ мой сонъ.

И онъ въ горячечномъ жару махнулъ рукою, и грохнула вѣстовая пушка, за ней другая, третья...

Какъ изъ земли, изъ палатокъ, изъ-за шанцевъ, изъ-за холмовъ и изъ рвовъ выростали люди и смыкались въ стройные ряды, рядъ къ ряду, колонна къ колоннѣ, словно живые параллелограмы, покрытые синею краскою, это утренній блѣдноватый свѣтъ падалъ на синія груди шведскихъ войскъ, строившихся въ колонны и развертывавшихся внизу по равнинѣ передъ лихорадочно блестѣвшими глазами желѣзнаго полководца въ горячкѣ. Свѣтъ уже отражается на оружіи, на копьяхъ, на латахъ; а по бокамъ, словно разноцвѣтная бахрома, не стройно, но внушительно волнуется и строится конница на нетерпѣливыхъ коняхъ: это малороссійскія Мазепинскія войска, сильно порѣдѣвшіе, казацкіе полки въ своихъ невообразимыхъ шапкахъ и разноцвѣтныхъ кунтушахъ, и дикое, нестройное, но страшное и пугающее глазъ этой самой нестройностью запорожское «лыцарство», пестрое до боли глазъ, разношерстное, богатое и бѣдное, цвѣтно разукрашенное и ободранное какъ липка, на коняхъ всевозможныхъ мастей и породъ и въ кунтушахъ, свиткахъ и штанахъ всевозможныхъ цвѣтовъ, какъ цвѣты этого полтавскаго поля, уже притоптаннаго тамъ и сямъ конскими копытами.

Когда Карлъ махнулъ рукою и откинулся на своей качалкѣ, съ холма, какъ бѣшеные, понеслись вѣстовые, его дружинники и казаки къ отдѣльнымъ командирамъ и частямъ войскъ, а за ними окруженные своими штабами спустились сами военноначальники — Реншильдъ, Левенгауптъ, Гилленкрукъ съ одной стороны, и Мазепа, Орликъ, Костя Гордіенко—съ другой.

Въ то время, когда войска смыкались въ ряды и передвигались какъ огромныя синія шашки по неровной шахматной доскѣ, артиллерія, расположенная на холмахъ, бороздила воздухъ и взрывала землю ядрами, выбрасывая огромные клубы бѣлаго дыма, какъ будто бы это дымилась и курилась вздувшаяся холмами и пригорками земля. Впереди всѣхъ, какъ стройная стая волковъ передъ овцами, двигается отборный легіонъ Карловыхъ дружинниковъ — въ блестящихъ рыцарскихъ латахъ, съ блестящимъ оружіемъ, на отборныхъ, привычныхъ къ бою, словно къ игрѣ, коняхъ. Виднѣется и коренастая фигура Гиптерсфельта и рядомъ съ нимъ жиденькая фигурка юнаго принца Макса.

И Мазепа, блѣдный, сумрачный, сосредоточенный, подъѣхалъ къ своимъ полкамъ и, указывая на Полтаву, гдѣ маковки и кресты церквей уже золотились веселымъ солнышкомъ, сказалъ:

— Туда, хлопци! Тамъ ваше добро, ваши жены, ваши дѣти! Вызволимо ихъ изъ московской неволи, бо московска неволя гирша неволи турецькои! Вызволимо Украину неньку!

И вѣчно серьезный Орликъ тоже блѣденъ... «Чортъ ихъ несетъ на эту Полтаву!» думается ему нерадостно: «обломаемъ мы объ нее послѣдніе зубы, а все этотъ старый дьяволъ!»

И Костя Гордіенко, «батько кошовый», подъѣзжаетъ къ своему «товариству», къ запорожцамъ. Всѣ готовы къ бою: шапки насунуты на самыя очи, чтобы на скаку не спадали, чубы расправлены, мушкеты и ратища наготовѣ, только гикнуть да гаркнуть, и пошли въ сѣчку чортовы дѣти, пошли задавать москалю рѣзака да чесака знатнаго.

Маленькіе глазки у батька кошевого веселы, радостью и отвагой свѣтятся; курносая «кирпа» такъ и раздуваетъ ноздри, мушкетнаго дыму нюхать хочетъ; усища подобраны, за плечи закинуты, словно косы дѣвичьи, чтобъ не мѣшали казаку «колоти та стриляти, та у-пень Москву рубати»...

И Голота тутъ. Но это уже не тотъ Голота, что когда-то въ Паволочи пропилъ штаны и сорочку и ходилъ голый, что бубенъ, въ чемъ мать родила, плачучись московскому попу Лукьянову на свое сиротство, на то, что его мастерицы Хиври не стало, ясны оченьки грошами мѣдными закрыты, бѣлы рученьки накрестъ сложены, черны брови и уста щебетучія, да ноженьки ходючія землею присыпаны... Нѣтъ: этотъ Голота уже на добромъ конѣ, въ желтыхъ шароварахъ, не пьянъ, а такой задумчивый, «сумный та думный» думаетъ, какъ бы все товариство отъ проклятаго Мазепы отвернуть, да до стараго батька Палія привергнуть... Широкое дѣло задумалъ Голота, большое, удастся ли только до добраго конца его довести?

Тутъ и дядько Задери-Хвистъ. И онъ думаетъ то же, что казакъ Голота думаетъ; Голота успѣлъ шепнуть ему, что батько Палій живъ, что царь воротилъ его изъ «Сибиру», что онъ будетъ биться съ «проклятымъ Мазепою», такъ не дурно-бъ было «биднымъ невольникамъ» казакамъ махнуть до батька Палія, «бо дуже добрый батько, щирый козацькій батько, не смердитъ лядскимъ духомъ, якъ просмердивъ Мазепа».

И дядько Тупу-тупу-табунецъ-Буланый тутъ. И онъ думаетъ заодно съ Голотою и съ дядькомъ Задери-Хвостомъ. У батька Палія было бы лучше, чѣмъ у проклятаго Мазепы. Да и пани-матка: бывало, позволяла казакамъ, тихонько отъ стараго, погулять въ полѣ, ляшковъ-панковъ пощупать по панскимъ хоромамъ да жидовскіе капшуки порастрясти... Надо-надо перемахнуть до батька Палія...

И загремѣло же, загуркотало все поле, когда Москва заговорила изъ своихъ пушекъ. Видно, какъ онѣ, черныя, зѣвластыя, словно старухи какія пузатыя, стоятъ окарачъ на холмахъ да рыгаютъ въ шведа и въ казаковъ дымомъ и огнемъ пекельнымъ, да ядрами съ картечью, жарко бьютъ!

Но что это несется вдоль рядовъ московскаго войска, такое большое, словно дубъ, либо яворъ на конѣ? Фу! Какое большое да страшное. И конина подъ нимъ страшенная... Да это-жъ онъ самъ, самъ москаль, самый большой и старшой изъ всѣхъ москалей, это батько москалячій, царь московскій... У! Какая дѣтина здоровенная! — дивуются казаки-мазепинцы.

— А за нимъ — казакамъ это видно съ высокой «могилы» — за нимъ трюхъ-трюхъ-трюхъ кто-то — невеличекъ,

сгорбленный, и чубъ и усъ серебрятся на солнцѣ... Не поспѣваетъ за царемъ, куда поспѣть!.. Да это, братцы, самъ батько Палій, онъ, онъ, родимый, онъ, дѣдусь добрый!..—Такъ и задрожало сердце у казаковъ, у тогобочныхъ да у охочекомонныхъ при видѣ ихъ любимаго дѣдуся.

Битва страшно разгорается. И шведъ крѣпко напираетъ на москаля, и москаль на шведа: въ одномъ мѣстѣ сшиблись ряды, въ другомъ сшиблись, ужъ сотни валяются по полю мертвыхъ, раненыхъ, съ перебитыми и переломленными костями, съ размозженными головами... Сшибутся-сшибутся, смѣшаются въ кучу, а тамъ разойдутся, живые, побросавъ мертвыхъ, а все ни чья не беретъ... Ряды опять расходятся.

А царь, проскакавши передъ рядами, остановился, снялъ шляпу и перекрестился на полтавскія церкви. Перекрестились и ряды, несмотря на адскій огонь шведской артиллеріи и пѣхоты...

— Дѣти мои! Сыны Россіи!—громко, голосно сказалъ царь, да такъ голосно, что ни гулъ орудій, ни трескъ и лопотанье ружей не въ силахъ были заглушить этого голоса.—Помните, что вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное... Вы сражаетесь за свои кровы, за дѣтей, за Россію; а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Русь, слава, честь и благосостояніе ея!

Въ этотъ моментъ пуля съ визгомъ пронизываетъ его шляпу. Онъ снимаетъ шляпу и снова крестится.

— Борисъ, и ты, Александръ! — говоритъ онъ Шереметеву и Меншикову. — Думайте только о Россіи, а меня забудьте... Коли я нуженъ для блага Россіи, меня спасетъ Богъ... А убьютъ, не падайте духомъ и не уступайте поля врагу... Изгоните шведовъ изъ моего царства и погребите тѣло мое на берегахъ моей Невы, это мое послѣднее слово!

Опять запищала пуля и впилась прямо въ грудь царя, на которой висѣлъ золотой крестъ.

— Государь! — съ ужасомъ вскрикнулъ Меншиковъ.

— Ничего, Богъ хранитъ меня, пуля какъ воскъ сплюснулась...

И съ обнаженною шпагою царь скачетъ впередъ.

Увидѣвъ царя впереди всѣхъ, Москва буквально осатанѣла:

съ какимъ-то ревомъ бросилась она по полю, спотыкаясь черезъ трупы товарищей и враговъ.

Карлъ видѣлъ все это съ холма и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Несите меня туда, къ этомъ великану! — закричалъ онъ, порываясь броситься съ носилокъ.

Драбанты сбѣжали съ холма, подняли носилки съ королемъ выше головы, словно плащаницу, и понесли вдоль войска...

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ—

Вотъ какимъ, по словамъ поэта, явился онъ впереди своихъ дрогнувшихъ было и остановившихся синихъ, уже окровавленныхъ рядовъ... Но эта плащаница шевелится, приподымается... Карлъ ожилъ, и—

И слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

Шведы, увидавъ своего идола, блѣднаго, простирающаго впередъ руки, какъ бы съ желаніемъ схватиться съ тѣмъ великаномъ, что издали виднѣлся на бѣломъ конѣ, шведы пришли въ звѣриную ярость и сдѣлали нечеловѣческія усилія... Но и они встрѣтили то, чего не ожидали: они увидѣли передъ собою—

Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ...

Но какъ ни незыблемъ былъ этотъ рядъ, какъ ни стойки были московскія рати, какъ ни старались разстроить шведскія, словно скованныя цѣпями колонны, малороссійскіе полки, врѣзывавшіеся въ самую гущину шведскаго живого бора, ничего не помогало... Страшная плащаница, носимая надъ головами сражающихся, осиливала...

Московскіе ряды дрогнули... Дрогнуло лѣвое крыло арміи, гдѣ командовалъ Меншиковъ... Какъ полотно побѣлѣлъ «счастья баловень безродный, полудержавный властелинъ» и выстрѣлилъ въ перваго попятившагося назадъ...

Но въ эту минуту, откуда ни возьмись, Палій, обхвативъ руками шею коня, чтобъ не упасть, сопровождаемый Охримомъ, безъ шапки, съ развѣвающимся по вѣтру словно грива сивымъ чубомъ, съ громкимъ воплемъ, врѣзался въ правое крыло шведскаго войска, которое составляли запорожцы...

— Ой! Дитки! Дитки! — отчаянно кричалъ онъ съ плачемъ.—Убійте вы мене, диточки! Убійте стараго собаку! Я не хочу, щобъ мои очи бачили поругу Украины... Поругавъ іи ляхъ, поругавъ татаринъ, теперь шведъ наругается...

— Палій! Палій! — прошло по рядамъ.

— Не дамо на поругу Украину! Не дамо ни шведу, ни татарину! — зазвучалъ зычный голосъ Голоты.

— Не дамо! Не дамо! — дрогнуло по всему правому крылу.

И въ одно мгновеніе нѣсколько сотъ запорожцевъ, повернувъ коней, съ тылу врубились въ шведскіе ряды. За ними махнули другія сотни... Шведскія разомкнулись, разстроились...

— Зрада! Зрада! — закричали мазепинцы. — Запорозцы своихъ бьють.

— Бійте шведа! Рубайте Мазепу проклятаго! — отвѣчали запорожцы.

Дрогнувшіе было, ободрились московскіе полки, ринулись въ тущину смѣшавшихся шведскихъ полковъ, и началась уже рѣзня: въ русскомъ солдатѣ сказался мужикъ — онъ началъ буквально косить, благо не привыкать-стать ни къ косьбѣ, ни къ молотьбѣ... Другія колонны и конница, разрѣзавъ на-двое шведскій центръ, отбросили шведскаго главнокомандующаго фельдмаршала Реншильда отъ остального войска и вогнали въ Ворсклу часть его пѣхоты...

У стараго Реншильда опустились руки, когда онъ увидѣлъ себя отрѣзаннымъ. Когда къ нему подскакалъ Меншиковъ, упрямый варягъ, разстрѣлявшій всѣ свои патроны, съ отчаянья переломилъ свою саблю объ луку сѣдла и бросилъ ее въ Ворсклу. Принцъ Максимиліанъ хотѣлъ было броситься съ кручи, но его удержали, и этотъ безумный мальчикъ сдался только тогда, когда Голота выбилъ у него изъ ослабѣвшихъ рукъ саблю.

Карлъ, видя гибель своего войска, велѣлъ въ послѣдній разъ нести себя впередъ, какъ знамя; но Брюсъ, командовавшій русскою артиллеріею и давно съ одного холма наблюдавшій въ зрительную трубу за королевскою качалкою, велѣлъ направить на

нее разомъ нѣсколько пушекъ; качалка была подбита, драбанты полегли подъ нею, и несчастный Карлъ вывалился изъ своей послѣдней колыбели на землю... Но онъ и не застоналъ отъ боли, хотя рана на ногѣ открылась, и изъ нея хлынула кровь.

— О, великій Богъ! Швеція упала! — закричалъ Левенгаупгъ, все еще державшійся на лѣвомъ крылѣ, и поскакалъ было къ королю.

Но въ это время богатырь Гинтерсфельтъ, соскочивъ съ коня, словно ребенка поднялъ съ земли своего побѣжденнаго, плавающаго въ крови бога и, снова сѣвъ на коня, поскакалъ въ лагерь, прижавъ къ груди безчувственнаго героя, словно кормилица или мать свое дѣтище.

— Дивись-дивись, дядьку! — закричалъ, увидавъ эту трогательную сцену, Голота, который вмѣстѣ съ казакомъ Задери-Хвистъ гналъ черезъ поле шведскихъ плѣнныхъ. — Дивись бо, дядьку! Отъ чудесія!

— Та що тамъ таке? — лѣниво отвѣчалъ тотъ.

— Та онъ той, що съ тобою боровсь, комусь цицьки дае!

И Голота искренно захохоталъ, не догадываясь, что это точно ребенка у груди матери спасаютъ короля. Голота и погнался бы за этимъ «чуднымъ» шведомъ, что другому «цицьки дае», да ему нельзя теперь отлучиться отъ плѣнныхъ, а заряды всѣ разстрѣляны; остался пустой мушкетъ да сабля, издали ничего не подѣлаешь... Голота свистнулъ только: «Ну-ну... отъ бисовы сыны!»...

Отъ всего лѣваго крыла шведской арміи остались отдѣльные отряды и кучки плѣнныхъ, которыхъ, словно разогнанное оводами да слѣпнями стадо, гнали къ Полтавѣ то малороссійскіе казаки и запорожцы, то московскіе рейтары. Правое крыло, увидавъ упавшаго короля и не видя главнокомандующаго, стараго рубаки Реншильда, также дрогнуло и попятилось назадъ, несмотря на то, что оставшіеся вѣрными Мазепѣ запорожцы съ кошевымъ во главѣ, носясь по полю словно хвостатые дьяволы, гикая и ругаясь, вырывали лучшія силы изъ рядовъ русской арміи. Мазепа, Орликъ и Гордіенко съ самыми отчаянными головорѣзами-запорожцами прорубились было черезъ все правое крыло русской арміи, но, не видя ни короля, ни Реншильда, ни

Пипера, ни Левенгаупта, поворотили къ степи и скрылись въ облакахъ дыма и пыли.

— Или-или-лима самахвани! — какъ-то застоналъ Мазепа евангельскими словами, съ горя и стыда припавъ къ гривѣ коня своею старою, обездоленною головою: ему казалось, что тамъ въ красующейся зеленью Полтавѣ, на возвышеніи стоитъ Мотренька и ломаетъ свои нѣжныя ручки.—Боже мой! Боже мой! Вскую же ты оставилъ меня!

— Но еще не «свершишася», пане-гетьмане!—мрачно сказалъ Орликъ.—У насъ за пазухою Крымъ и Турція.

Мазепа безнадежно махнулъ рукой... Что ему Крымъ, что ему Турція, что ему теперь вся вселенная.

Умолкъ громъ пушекъ. Тихо на полтавскомъ полѣ: слышенъ только стонъ раненыхъ и умирающихъ, да говоръ людей, копающихъ громадную могилу, такую громадную, въ которой можно было бы похоронить и погибшую, хотя незавидную славу Карла XII, и позоръ Нарвы, и тысячи жертвъ обоюдныхъ увлеченій и ошибокъ, похоронить и всю старую византійско-иконописную и татарско-суздальско-московскую Русь съ ея невѣжествомъ и безобразіемъ. Но напрасно думаетъ царь, что онъ выкопаетъ такую могилу: еще въ нѣдрахъ Русской земли не образовалась та залежь желѣзной руды, изъ которой можно было бы добыть достаточно желѣза на выковку лопатъ для вырытія задуманной Петромъ могилы...

Но могила все-таки выкопана, не та, а полтавская, и въ нее свалено все, что мѣшало торжеству викторіи...

И началось торжество тутъ же, на кровавомъ полѣ. Изъ всѣхъ торжествъ, до которыхъ люди всегда такіе охотники, и которыя всегда окупались рѣками слезъ и крови другихъ не принимавшихъ въ нихъ участія, это полтавское торжество было одною изъ величайшихъ историческихъ ошибокъ Петра для того, чтобы сказать громкую для учебниковъ русской исторіи фразу, для того, чтобы выпить кубокъ «за здоровье своихъ учителей»— шведовъ и получить на это глупый отвѣтъ Реншильда, «что хорошо же-де отблагодарили ученики своихъ учителей» (точно не для нихъ сказаны были давно-давно великія слова: «обнаживый ножъ отъ ножа погибнетъ»),—для одного этого торжества

пожертвовали цѣлымъ столѣтіемъ труда и развитія двухъ огромныхъ государствъ... Петръ, у котораго закружилась голова отъ неожиданной викторіи, торжествуя ее, забылъ о желѣзномъ варягѣ, который, не будучи никѣмъ преслѣдуемъ, успѣлъ скрыться и тѣмъ положить начало новой великой сѣверной войнѣ, продолжавшейся ровно сто лѣтъ и стоившей столькихъ жертвъ и такихъ потоковъ крови, что въ ней могли бы потонуть не только всѣ участники торжества, но и тѣ, которые не участвовали въ немъ.

Эту громадную историческую ошибку Петра какъ нельзя проще и правильнѣе оцѣнилъ Голота, который, пализавшись на радостяхъ до положенія ризъ, сказалъ своему пріятелю, казаку Задери-Хвистъ:

— Дядьку! А дядьку! Чуй-бо!

— Ну, чую.

— Москаль-то?..

— А що?

— Нашъ братъ, козакъ, пье, коли въ его дила нема, а москаль тоди й пье, коли у его дило за пазухою... Отъ-що!

Дѣйствительно, въ то время, когда русскіе пировали, разстроенныя боемъ части шведскаго войска, избѣжавшія смерти и плѣна, и казацкіе полки Мазепы, равно запорожцы, снова сплотились, но, не смѣя вступить во вторичный бой, рѣшились итти искать счастья за Днѣпромъ, а въ случаѣ новыхъ неудачъ, нести свои обездоленныя головы въ Турцію.

Они такъ и сдѣлали. Очнувшемуся отъ обморока Карлу перевязали рану. Сначала онъ долго не понималъ, гдѣ онъ и что съ нимъ; но злая память не замедлила воротить къ нему то, что онъ желалъ бы на вѣки забыть: онъ вспомнилъ этотъ день, первый день въ своей жизни, когда отъ него отвернулось счастье. Когда же онъ узналъ, что старый Реншильдъ, юный Максъ, старый Пиперъ и другіе генералы въ плѣну, что и любимецъ его Адлерфельдъ, писавшій исторію Карла, раздробленный русскимъ ядромъ, уже не можетъ продолжать своей исторіи, несчастный безумецъ воскликнулъ:

— Тѣ убиты, а тѣ въ плѣну, въ плѣну у русскихъ! О! Такъ лучше смерть у турокъ, чѣмъ плѣнъ у этихъ варваровъ!.. Впередъ! Впередъ!

Его посадили въ коляску.

Наступала ночь. Полтава чуть-чуть виднѣлась въ вечернемъ сумракѣ, какъ тогда, когда около нея горѣли купальскіе огни. Печальный кортежъ двинулся степью въ безвѣстную даль. Мазепа съ своимъ штабомъ ѣхалъ впереди, открывая шествіе и руководя движеніями шведскаго войска... Какъ хорошо была ему знакома эта широкая чумацкая дорога, этотъ «битый шляхъ» мимо Полтавы до Днѣпра и до самаго Запорожья, гдѣ провелъ онъ молодость! Какъ далека теперь казалась ему Полтава, въ которой онъ оставлялъ все, что было самаго дорогого въ его жизни! А между тѣмъ вонъ она тутъ, подъ бокомъ, да только дорога къ ней заросла теперь для него могильною травою...

Вонъ взошла звѣздочка надъ Полтавою... Можетъ быть, и тѣ добрыя, ласковыя «очинята», что когда-то на него съ любовью глядѣли, тоже теперь смотрятъ на эту звѣздочку...

— О, моя Мотренька! О, мое дитятко! Кто-то закроетъ на вѣки мои очи старыя на чужой сторонѣ?.. Не въ твои чистыя, невинныя очи гляну я въ послѣдній разъ моими очами бѣдными, закрываючи ихъ въ путь въ далекую-далекую, безвѣстную дорогу...

— Тату! Тату! Охъ, таточку!—послышался вдругъ стонущій голосъ въ сторонѣ отъ дороги.—Ой, тату! Возьми мене съ собою!

Мазепа задрожалъ всѣмъ тѣломъ, онъ узналъ, чей это былъ голосъ... Онъ поскакалъ туда, гдѣ слышался этотъ милый голосъ, и черезъ минуту казаки увидѣли гетмана съ дорогою ношею на рукахъ.

— Отъ намъ Богъ и дѣтину давъ,—добродушно говорили казаки, съ любовью посматривая, какъ старый гетманъ, утирая скатывавшіяся на сѣдые усы слезы, усаживалъ въ свою походную коляску что-то бѣленькое да блѣдненькое такое, да жалкое...

— Ну, теперь хоть на край свѣта!.. Только край этотъ для Мазепы былъ не далеко, очень не далеко...

XVII.

Трогательно, хотя мрачными красками описываютъ шведскіе историки-современники *) это печальное бѣгство двухъ злопо-

*) I. A. Nordberg. Histoire de Charles XII. 4-e La Haye 1728, 315—339. G. Adlerfeld. Histoire militaire de Charles XII, 1741, т. III, стр. 293—315.

лучныхъ союзниковъ, съ именами которыхъ связано въ исторіи такъ много трагическаго и поучительнаго. Одинъ даже говоритъ, что еслибъ эти злополучные союзники, Карлъ и Мазепа, соединились раньше, то «намъ бы, можетъ быть, довелось увидѣть украинское величество изъ династіи Мазепидъ и великую Шведскую имперію на сѣверѣ Европы»!

Напрасная надежда! Исторія не признаетъ этихъ «кабы» да «если бы».

Страшные дни потянулись для Мазепы, не говоримъ—для Карла: этому оставалась еще молодость, у которой никогда нельзя всего отнять, которую никогда и никакими побѣдами нельзя ни побѣдить, ни ограбить; у Карла оставалось еще цѣлое царство гдѣ-то тамъ, за быстрыми рѣками, за безлюдными степями, за синими морями да за высокими горами. А у Мазепы ничего не оставалось кромѣ старости да воспоминаній, да вотъ еще этого дорогого существа, грустное личико котораго выглядываетъ вонъ изъ той богатой коляски, безмолвно созерцая неизмѣримую, безвѣстную даль, разстилающуюся передъ очами. Что-то съ нею будетъ, когда его не станетъ на чужой сторонѣ, да и какъ ему самому покинуть это сокровище, хотя бы для загробной вѣчной жизни?.. Богъ съ нею, съ этой вѣчной жизнью безъ земли, безъ этого жаркаго голубого неба, безъ этой степи, выжженной солнцемъ, безъ этихъ милыхъ глазокъ, по временамъ съ нѣжною грустью останавливающихся на немъ, на бездольномъ старикѣ, лишенномъ всего! Богъ съ нею!

«Вотъ и опять ѣдемъ искать моей могилы въ невѣдомой степи», думаетъ Мазепа при видѣ блѣднаго личика Мотреньки, выглядывающаго изъ коляски, и ему вспоминается тотъ день въ Батуринѣ, когда онъ въ первый разъ узналъ, что Мотренька любитъ его. Но онъ не выдаетъ ей своихъ мрачныхъ мыслей, не хочетъ огорчать ее.

— Дитятко мое! Ясочко моя!—тихо шепчетъ онъ, подъѣзжая къ коляскѣ.

— Таточку мій! Любый мій!—страстно молится она, съ тоскою замѣчая, какъ этотъ послѣдній годъ и этотъ послѣдній, вчерашній день состарили ея милаго, ея гордость, ея славу и придали что-то мягкое, дѣтское его вѣчно задумчивому лицу...

и продолжатель и издатель Адлерфельда, убитаго подъ Полтавой, его племянникъ Карлъ Максимиліанъ Адлерфельдъ.

И она любитъ его еще больше и беззавѣтнѣе, чѣмъ когда-либо любила.

А ему вдругъ въ безумную старую голову лѣзетъ шальной стихъ, который онъ любилъ повторять о себѣ еще пажомъ, когда на виду великихъ пановъ, при дворѣ короля Яна-Казимира, онъ такъ безпутно ухаживалъ за всѣми панями и паненками.

Цо жъ вамъ шкòдзи, вельке пàны,
Же сѣн-кòхамъ, же-мъ кохàны?
Кажда пѣнкна для мнѣ рувна,
Кедымъ здрòвы, гожи, млòды—
Чи шляхцянка, чи крулювна,
Чи ли жòна воеводы,
Чи москѐвка, чи русинка,
Чи Маруся, Катаржинка,
Чи ли влошка, чи черкеска,
Вишневецка, чи Собѣска,
Чи-то Дольска, чи Фальбовска...

Онъ сильно пришпорилъ коня и поскакалъ впередъ, мимо коляски короля, завидѣвъ вдали синюю полосу Днѣпра, гдѣ они должны были переправиться на тотъ берегъ, за предѣлы Гетманщины.

«Прощай, мое славное царство!» колотилось у него въ сердцѣ.

Авангарды изъ малороссійскихъ казаковъ, запорожцевъ и шведской конницы подскакали къ берегу. Шведовъ поразило умѣнье и неустрашимость казаковъ, тотчасъ же спѣшившихся съ коней и вмѣстѣ съ ними бросившихся въ воду. Понукая лошадей, съ криками, жартами, смѣхомъ, свистомъ и руганью эти степные дьяволы, держась за хвосты своихъ привычныхъ ко всему четвероногихъ товарищей, пустились вплавь, вспѣнивъ всю поверхность рѣки, усѣявъ ее то фыркающими лошадиными мордами, то своими усатыми и чубатыми головами въ косматыхъ шапкахъ.

Подъѣхали къ берегу и коляски, изъ которыхъ въ одной лежалъ, страшно страдая отъ раны и зноя, сломленный упрямою судьбою упрямый король-варягъ, а изъ другой выглядывало задумчивое, прелестное личико Мотреньки. Солнце клонилось къ западу, хотя все еще жгло невыносимо.

Мотренька вышла изъ коляски и спустилась къ самому берегу Днѣпра, припала колѣнями на камень, торчавшій у самой воды, сбросила съ головы бѣлый фуляръ, защищавшій ее отъ солнца, и, зачерпывая пригоршнею воду, стала освѣжать ею и

пылающее лицо, и усталую отъ горькихъ думъ голову... Намоченная коса стала такъ тяжела, что ее нужно было расплести, чтобы выжать изъ нея воду, и Мотренька, усѣвшись на прибрежный валунъ и выжавъ косу, стала приводить въ порядокъ свою голову.

— Ото, мабуть, мавка косу чеше,—шутили казаки съ того боку Днѣпра, суша на солнышкѣ свои кунтуши да чоботы.

А Мотренька, глядя, какъ передъ нею плавно катились днѣпровскія воды, съ грустью думала: «Не течи уже имъ до Кіева, въ родную землю, не воротиться имъ никогда назадъ изъ моря, не воротиться, какъ той поповнѣ Марусѣ-Богуславкѣ, которая потуречилась, побусурманилась ради роскоши турецкой, ради лакомства поганаго»...

И вспомнилась ей та далекая Пасха, когда Мотренька была еще маленькою, десятилѣтнею, а можетъ быть и меньшею дѣвочкою, и когда у нихъ въ Диканькѣ на дворѣ сидѣлъ сѣдой, слѣпой лирникъ и, потренькивая на бандурѣ, жалостливо пѣлъ про Марусю-Богуславку, да про «бѣдныхъ невольниковъ»... Какъ тогда жалко ей было этихъ невольниковъ, проводившихъ святой день «великдень» на далекой чужбинѣ, въ тяжкой неволѣ и въ темной темницѣ! Какъ охотно она отдала бы тогда имъ свои «писанки» да «крашанки», чтобъ только имъ легче было!.. А теперь и она, и ея тато милый тѣ же «бѣдные невольники» и такъ же, какъ и тѣ казаки-невольники, не будутъ знать въ чужой землѣ, когда въ христіанской землѣ «великдень» настанетъ.

Между тѣмъ запорожцы, что оставались еще на этой сторонѣ Днѣпра съ Мазепою, Орликомъ и Гордіенкомъ, успѣли наладить нѣчто въ родѣ паромовъ—плавучіе плоты на маленькихъ лодкахъ, чтобы на нихъ можно было перевезти коляски съ королемъ и Мотренькою, да богатыя сокровища Мазепы въ разной утвари да боченкахъ съ золотомъ *).

Мазепа такъ торопился перевезти на тотъ бокъ свое единственное сокровище, Мотреньку, боясь, чтобы ее не настигли

---

*) «On passa seulement quelques caléches, bien liées ensemble, que l'on avoit mises sur des canots, afin que sa majesté pût s'en servir, de même que le vieux Mazeppa et quelques dames cosaques qui étoient du transport», говоритъ продолжатель Адлерфельда (стр. 306). А у Норденберга говорится: «Comme il n'y avoit point assez de bateaux, on ramassa des poutres, des couvertures de chariots, pour faire des éspèces des radeaux, des planches, sur lesquels on transporta quelques voitures dont on avoit absolument besoin» (стр. 313).

царскія войска, что почти совсѣмъ забылъ о своихъ боченкахъ съ золотыми дукатами, и Карлъ тихонько отъ Мазепы велѣлъ ихъ потомъ похитить *).

Увидавъ Мотреньку сидящею у воды въ глубокой задумчивости, Мазепа, покончивъ всѣ распоряженія съ переправой, самъ сошелъ къ водѣ и тихо положилъ руку на голову дѣвушки.

— О, моя Клеопатра!—сказалъ онъ, стараясь казаться веселымъ, хотя на душѣ у него было очень смутно.—Иди до своихъ корабливъ...

И онъ указалъ на приготовленные къ переправѣ плоты. Дѣвушка радостно взглянула на него, думая, что онъ въ самомъ дѣлѣ веселъ.

Когда они подошли къ экипажамъ, стоявшимъ на берегу, чтобы вмѣстѣ съ коляской и каретой самого Мазепы (его собственная карета слѣдовала за нимъ въ обозѣ) перейти на плоты, изъ одной коляски выглянуло молоденькое, блѣдное лицо съ такими глазами, какихъ Мотренька ни разу не видала въ жизни, и пристально посмотрѣло на дѣвушку. Мотренька невольно почему-то, а вѣроятно по этимъ именно страннымъ глазамъ, тотчасъ догадалась, что это былъ король, котораго она до сихъ поръ не видала, такъ какъ онъ ѣхалъ не въ передовомъ, не въ казацкомъ обозѣ, а въ шведскомъ. При видѣ блѣднаго лица у дѣвушки сжалось сердце... «Боже! Да какой же онъ молоденькій еще, а ужъ что испыталъ!» подумалось ей.

Карлъ сдѣлалъ знакъ, чтобы Мазепа приблизился. Мазепа повиновался.

— Кто эта прелестная дѣвушка?—спросилъ король, глядя на Мотреньку.

— Сирота, ваше величество, родственница моя, крестница...

— Какое милое существо! И она рѣшилась раздѣлить вашу суровую участь?

— Да, ваше величество... это мое единственное сокровище, которое мнѣ оставила немилосердная судьба...

— О! Не говорите этого, гетманъ, мы ее заставимъ быть милосердной! — вызывающе воскликнулъ упрямый юноша, и глаза его стали какими-то стеклянными.—Фортуна это брыкливая

*) Продолжатель Адлерфельда откровенно признается, что Карлъ, переѣхавъ Днѣпръ, послалъ Нейгебауера «pendant la nuit pour aller chercher les tonneaux (оставленныя Мазепою), et il revint bientôt avec cet argent, qui nous fut dans la suite d'un grand secours» (стр. 306).

лошадь, на которой можетъ ѣздить только смѣлый... Мы ее объѣздимъ...

— Вы, я въ томъ увѣренъ, ваше величество... но я... меня уже ждетъ Харонъ съ лодкою, чтобы перевезти въ область Аида...

И Мазепа мрачно указалъ на плотъ, стоявшій у берега.

— Такъ познакомьте меня съ вашей прелестной Антигоной, Эдипъ, царь Украйны!—съ улыбкой сказалъ король.

Мазепа кликнулъ Мотреньку, которая стояла въ сторонѣ и смотрѣла, какъ казаки втаскивали на плотъ ея коляску и карету гетмана.

— Дитятко! Ходи сюда!—сказалъ онъ.—Ихъ величество маютъ оказати тоби жичливость.

Дѣвушка подошла потупивъ голову и сдѣлала молчаливый поклонъ.

— Очень радъ познакомиться съ вами, прекрасная панна!—сказалъ Карлъ по-польски.

Мотренька снова поклонилась и подняла на короля свои робкіе, стыдливые глаза.

— Это дѣлаетъ вамъ честь, что вы не бросили вашего батюшку... Только въ несчастіи познаются истинныя привязанности...

Но въ этотъ моментъ къ коляскѣ короля подскакалъ Левенгауптъ, весь встревоженный.

— Ваше величество! За нами погоня,—торопливо проговорилъ онъ.—За Переволочною уже показались русскіе отряды... Торопитесь переправляться...

— Я раньше моей арміи не переправлюсь.

— Государь! Умоляю...

— Мнѣ бѣжать? Никогда!.. Я эту коляску сдѣлаю моею крѣпостью и буду защищаться въ ней, какъ защищался въ Нарвѣ,—отвѣчалъ упрямецъ.—Вотъ кого поберегите, женщинъ.

И онъ указалъ на Мотреньку. Мазепа тоже больше всего боялся за нее и потому, откланявшись королю, взялъ подъ руку свою любимицу и торопливо повелъ на плотъ. Тамъ было уже нѣсколько женщинъ, тоже оставлявшихъ Украйну вмѣстѣ съ своими мужьями и родственниками. Онѣ оказывали Мотренькѣ необыкновенное вниманіе и уваженіе.

Солнце было уже низко, когда плотъ присталъ къ тому берегу Днѣпра.

— Теперь мы, доненько, въ запорожскихъ вольностяхъ, се ихъ земля, ихъ и царство,—сказалъ Мазепа, вступая на берегъ.—Колись я тутъ, ще молодымъ, походивъ, якъ бувъ у Дорошенка... Дорошенко тоди гетманувавъ на симъ боци Днипра...

Мотренька съ грустью оглянулась на покинутую уже ею сторону Днѣпра, на которой лежали красноватыя полосы свѣта отъ заходящаго солнца. Дѣвушка мысленно прощалась съ тогобочною Украйною, гдѣ оставались лучшія воспоминанія ея молодой, незадавшейся жизни.

И вдругъ, какъ бы отвѣчая на ея мысль, какой-то запорожецъ, нѣсколько поодаль отъ мѣста переправы, сидя на берегу и глядя на ту сторону Днѣпра, затянулъ:

Ой зійду я на могилу
Та погляну на Вкраину:
На Вкраинѣ добре жити,
Добре жити—не тужити...

По ту сторону все еще виднѣлась коляска короля, около которой толпились генералы и офицеры. Упрямый Карлъ никакъ не хотѣлъ переправляться, не хотѣлъ показать, что онъ бѣжитъ. Онъ до того разгорячился, что толкнулъ Левенгаупта въ грудь, воскликнувъ съ азартомъ: «генералъ самъ не знаетъ, что говоритъ! Мнѣ приходится думать о другихъ болѣе важныхъ дѣлахъ, чѣмъ моя личная безопасность».

— Коли бъ его москали не взяли,—какъ бы про себя замѣтила Мотренька.

— Кого, доню?—спросилъ Мазепа.

— Та короля, тату.

— Зъ его стане... Чортъ пославъ мени на погибель сего молокососа!—съ сердцемъ сказалъ старый гетманъ.

На душѣ у него ужъ слишкомъ много накопилось. Упрямая воля, которая поддерживала его въ теченіе всей бурной жизни, отказывалась служить ему. Онъ чувствовалъ себя физически разбитымъ. Онъ начиналъ жаждать покоя, а между тѣмъ новыя тревоги только начинались.

Едва лишь къ полночи успѣли переправить на другую сторону Днѣпра обезумѣвшаго отъ неудачи короля. Коляска поставлена была вмѣстѣ съ нимъ на двѣ лодки, и двѣнадцать драбантовъ на веслахъ мигомъ доставили его къ берегу.

А въ это самое время на томъ берегу, который онъ сейчасъ оставилъ, послышались мушкетные выстрѣлы. Это Меншиковъ, посланный царемъ на другой день послѣ попойки, успѣлъ нагнать остатки шведскаго войска, въ числѣ 16.000 человѣкъ, предводительствуемаго Левенгауптомъ, и послѣ легкой перестрѣлки заставилъ его положить оружіе...

Карлъ слышалъ, какъ замолкла перестрѣлка, и понялъ, что случилось...

— Ставка проиграна,—сказалъ онъ съ свойственнымъ ему легкомысліемъ,—такъ я удвою ее!

Но на эти слова никто не отвѣчалъ.

Бѣглецы въ ту же ночь вступили въ безбрежную степь. Это была настоящая пустыня, мертвая, безлюдная и безводная. Могильная тишина царствовала кругомъ, и только звѣзды смотрѣли съ темнаго неба словно живыя существа, осаждающія безразсудныя дѣянія человѣческія. Шведы были глубоко поражены видомъ этого застывшаго мертваго моря, которому они не видѣли ни конца, ни края *).

Одни запорожцы были тутъ какъ дома. Имъ не привыкать было плавать въ этомъ морѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ, выискивая красной дичи въ видѣ косоглазаго крымца, а то буйвола, либо лося, либо быстроногаго сайгака.

Вонъ и теперь они весело балагурятъ, усѣвшись въ кружокъ и потягивая тютюнъ изъ люлекъ. Бѣглецы, отъѣхавъ верстъ съ десятокъ отъ Днѣпра, остановились на ночлегъ. Всѣ спятъ послѣ трудовъ и тревогъ послѣднихъ дней, тихо кругомъ; только нѣсколько казаковъ въ сторонѣ отъ обоза стерегутъ спутанныхъ коней и калякаютъ себѣ по душѣ.

Вдругъ слышутъ, кто-то идетъ и какъ будто самъ съ собою разговариваетъ. Присматриваются: дѣйствительно, кто-то тихо бредетъ отъ обоза... Кому бы это быть? Кто не спитъ, когда скоро ужъ и утро настанетъ? Ближе, ближе... Видятъ, фигура гетмана... Да, это самъ гетманъ и есть... Чего онъ ходитъ? О чемъ разговариваетъ?.. Запорожцы присмирѣли, слушаютъ...

— Ни, не спитъ моя голова, важко ій, важка моя стара голова, сонъ не бере,—бормочетъ старикъ, останавливаясь и качая головой;—де таку голову сну побороти? Вона въ золотій

*) «Un silence profond regnoit partout, et personne ne savoit où l'on tourneroit pour traverser le désert» и т. д.

коруни... Охъ, важка та коруна, важка!.. Доставъ Мазепа коруну, винецъ державный, а! Лиха матери!.. Не винецъ державный доставъ Мазепа, а винчикъ погребный... Отъ скоро, скоро возложатъ на сю шалену голову винець державный смерти... О! Смерте! Смерте! Страшна твоя замашная коса!.. А дитинку жъ чисту, невинность голубину за що я погубивъ? До кого воно, бидне дитя, головку прихилить на чужини?.. Проклятый, проклятый Мазепа... анафема, проклятъ...

Слова замолкли. Старикъ снова, не подымая головы, тихо побрелъ къ обозу.

— А мабуть и певне проклятъ,—замѣтилъ кто-то.

— Та проклятъ же... Отъ весною чумаки ихали степомъ за силью, такъ казали, що на всій Украини его у церквахъ попы проклинаютъ.

— О! Що попы! То московськи попы, не наши.

— Ни, и наши проклинаютъ.

— Та то-жъ москаль веливъ.

— Хиба... О, забирае силу вражій москаль, охъ, якъ забирае!

Начинало свѣтать. Прежде всего проснулся предразсвѣтный вѣтерокъ и струйками пробѣжалъ по степному ковылю, нагибая и покачивая то тотъ, то другой бѣлый чубъ безбрежной степи. Просыпалось и небо. Тамъ отъ времени до времени слышалось карканье ворона да клекотъ орла, такой странный да гулкій, какъ будто бы кто-то высоко-высоко въ небѣ ударялъ палочкою объ палочку. Это пернатые казаки чуяли себѣ кормъ по ту сторону Днѣпра.

Мазепа, къ которому съ разсвѣтомъ воротились его разбитыя и распуганныя ночнымъ мракомъ и безсонницею мысли, тихо подошелъ къ коляскѣ, въ которой ѣхала Мотренька. Неслышно приподнялъ онъ полу фартука и заглянулъ внутрь экипажа. Дѣвушка спала. Подложивъ лѣвую ладонь подъ щеку, она, казалось, пригорюнившись, думала о чемъ-то. Черные волосы падали ей на бѣлый низенькій лобъ и на правую блѣдную щеку. Видъ спящаго человѣка всегда представляетъ что-то какъ бы маленькое, беззащитное. Спящая Мотренька казалась безпомощнымъ, горькимъ ребенкомъ, который, наплакавшись, крѣпко уснулъ и не вполнѣ согналъ съ лица слѣды горя...

Съ благоговѣйнымъ чувствомъ, но съ ѣдкой тоской, глядѣлъ

гетманъ на это милое, невинное личико... Чего бы не далъ онъ, чтобы воротить прошлое!

— Гетьманъ иде... ласощи несе, — шептали во снѣ губы дѣвушки.

Видно, что ей грезилось ея беззаботное дѣтство, когда она еще воспитывалась въ монастырѣ и всякій разъ съ радостію ожидала, что вотъ-вотъ пріѣдетъ гетманъ и привезетъ всѣмъ имъ, дѣвочкамъ, всякихъ сластей и хорошенькихъ «цяць», игрушекъ. «Ласощи несе»...

У гетмана задрожали вѣки, и по блѣднымъ, впалымъ щекамъ прокатились двѣ мелкія, едва замѣтныя слезинки, которыя и спрятались въ сивомъ волосѣ усовъ.

— Правда... принисъ ласощивъ, охъ, принисъ, проклятый!— простоналъ онъ и отошелъ отъ коляски.

Обозъ просыпался. Казаки готовили коней и экипажи въ далекій, невѣдомый путь...

XVIII.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ.

Изъ села Варницъ, не далеко отъ Бендеръ, подъ заунывные звуки трубъ и литавръ выступаетъ похоронная процессія. Впереди трубачи и литаврщики въ глубокомъ траурѣ, на коняхъ, покрытыхъ траурными мантіями отъ ушей до самый копытъ. За ними па траурномъ конѣ выступаетъ кто-то знакомый: это запорожскій кошевой атаманъ Костя Гордіенко. Открытое лицо его смотритъ задумчиво, а громадные усы какъ-то особенно мрачно спускаются на грудь. Въ рукѣ у него гетманская булава, которая такъ и горитъ на солнцѣ дорогими камнями да крупнымъ жемчугомъ. Вслѣдъ за кошевымъ шестерка прекрасныхъ, бѣлыхъ, какъ первый снѣгъ, коней, въ траурѣ же, везетъ погребальный катафалкъ, на которомъ стоитъ гробъ, покрытый дорогою красною матеріею съ широкими золотыми нашивками по краямъ. По сторонамъ катафалка—почетная стража съ обнаженными саблями, готовая поразить всякаго, кто бы осмѣлился оскорбить бренные останки, покоящіеся въ гробѣ. За гробомъ идутъ женщины... Какъ голосно плачутъ и причитаютъ! Какъ раздираетъ душу горькая мелодія этого народнаго причитанія, причитанія, съ которымъ хоронили когда-то и Олега «вѣщаго»,

и ослѣпленнаго Василька, и стараго Богдана Хмельницкаго... Отъ временъ Перуна и Дажбога идетъ эта мелодія слезъ, мелодія смерти... Только одна женщина не плачетъ, это Мотренька; она идетъ, глубоко наклонивъ голову, и переживаетъ всю свою горькую, незадавшуюся жизнь... За нею, на конѣ, Филиппъ Орликъ, новый гетманъ: еще серьезнѣе его вѣчно серьезное лицо, еще сосредоточеннѣе взглядъ... «Надъ кѣмъ гетманувать я буду?» вотъ что выдаетъ его задумчивое лицо: «да и гдѣ моя гетманщина?». Рядомъ съ нимъ Войнаровскій, племянникъ того, кто лежитъ въ гробу. За Орликомъ и Войнаровскимъ выступаетъ варяжская дружина Карла XII. Какъ мало ея осталось съ того дня, какъ она оставила родную землю, чтобы слѣдовать за своимъ безпокойнымъ конунгомъ скандинавскаго сѣвера! Какъ много ихъ полегло на чужихъ поляхъ, не зная даже, что дѣлается дома. Изъ 150 варяго-дружинниковъ, вышедшихъ съ Карломъ изъ Швеціи, до Полтавы едва уцѣлѣло 100 человѣкъ, а подъ Бендерами только 24 королевскихъ варяга провожали до могилы трупъ Мазепы: остальные полегли въ чужихъ поляхъ, а конунгъ ихъ лежалъ раненый. По обѣимъ сторонамъ всей процессіи ѣхали запорожцы съ опущенными долу знаменами и оружіемъ.

Мотренька шла за гробомъ, по временамъ взглядывая на него и прислушиваясь къ печальной музыкѣ, отдававшей послѣднюю честь одиноко умершему старику, и память ея переживала послѣдніе тяжкіе дни, послѣдніе часы дорогого ей покойника. Съ переходомъ черезъ степь и черезъ Бугъ, со вступленіемъ на турецкую землю духъ, могуче дѣйствовавшій въ старомъ тѣлѣ гетмана, какъ бы разомъ отлетѣлъ, оставивъ на землѣ одно дряблое тѣло, которое двигалось машинально, да и двигалось какъ-то мертвенно. Старикъ видимо умиралъ изо-дня въ-день. По цѣлымъ часамъ онъ лежалъ, устремивъ глаза въ потолокъ и какъ бы припоминая что-то. Иногда онъ дѣлалъ отрицательныя движенія то рукой, то головой, словно бы отрицался отъ всего прошлаго, отъ всей его лжи, отъ горькихъ ошибокъ и жгучихъ увлеченій, отъ которыхъ остался лишь саднящій осадокъ...

«Ваше высочество», бормоталъ онъ невнятно: «князь Полоцка и Витебска... Божіею милостію мы, Іоаннъ Первый, великій князь полоцкій и витебскій, древняго Полоцкаго княжества и

иныхъ земель самодержецъ и облаадатель... обла-а-адатель...*) по московски... О, царь, царь! Ты мене за усъ скубъ, якъ хлопа... Чи царь, чи гетьманъ? Куць выгравъ... куць програвъ... Чи читъ, чи лишка?.. Лишка! Лишка!.. Пропала Украина, пропаде и Запорожже... все одцвитае и умирае... зацвитуть други цвиты, а старыхъ уже не буде... Зацвите и друга Украина, та старои вже не буде... А я думавъ, що вона и сама, своимъ цвитомъ, цвисти буде... Такъ ни, нема цвиту, одинъ барвинокъ застався»...**).

Когда Мотренька подходила къ нему, лицо его принимало молитвенное, но страдальческое выраженіе, и часто слеза скатывалась на бѣлую подушку, на которой покоилась такая же бѣлая голова умирающаго... «О, моя ясочко!.. Закрый мени очи рученьками своими, та вертайся до дому, на Вкраину милу... у той садочокъ, де мы съ тобою спизналися»... Мотренька безмолвно плакала и цѣловала его холодѣющія руки... «Не вдержу вже й булавы, бормоталъ онъ, а хотивъ скипетро держати, та тоби его, мое сонечко, передати»...

Въ послѣднія минуты онъ глазами показалъ, чтобы Мотренька передала гетманскую булаву Орлику, и она съ плачемъ передала ее. Тутъ стоялъ и Войнаровскій и Гордіенко, стояли словно на часахъ, ожидая, когда душа умирающаго разстанется съ тѣломъ...

Тихо отошелъ онъ, со вздохомъ: глубоко-глубоко вздохнулъ о чемъ-то, вытянулся во весь ростъ, и лицо стало спокойное, величественное, царственное... Да, это она, «смерти замашная коса», наложила печать царственнаго величія... «Ну вже бильше ему не лгати... буде вже... теперь тилько первый разъ на своимъ

---

*) Въ договорѣ, заключенномъ Мазепою съ Карломъ XII и Станиславомъ, королемъ польскимъ, 4-мъ пунктомъ Мазепа обязывался: «Qu'il remettroit toute l'Ukraine aux polonois de même que la Sévérie, les provinces de Kiow, Tschernikow et Smolensko, qui toutes ensemble devoient rétourner sous la domination de la Pologne. En révanche on promettoit à Mazeppa pour récompense le titre de prince, aux mêmes conditions, que le duc de Courlande possède son pays, avec les palatinats de Witepsky et de Polotsko» (Адлерфельдъ, 248).

**) Нордбергъ положительно говоритъ о причинахъ, ускорившихъ смерть Мазепы: «Le chagrin de se voir abandonné par la fortune, dans le temps même qu'il se flattoit de délivrer l'Ukraine de la domination russienne, ne laissa pas d'y contribuer beaucoup» (стр. 338). Какъ Мазепа могъ освободить Украину отъ русскаго владычества, отдавая ее полякамъ—этого страннаго противорѣчія шведскіе историки не объясняютъ. Видно самъ Мазепа, полякъ до мозга костей, не понималъ этой несообразности.

вику сказавъ правду, вмеръ», думалъ молчаливый Орликъ, держа булаву и серьезно глядя въ мертвое лицо бывшаго гетмана...

Скоро похоронная музыка смѣшалась съ перезвономъ колоколовъ, когда процессію увидѣли съ колокольни церкви, стоявшей отъ Варницъ нѣсколько на отшибѣ.

У воротъ церковной ограды два казака держали подъ-уздцы боевого коня Мазепы, покрытаго длинной траурной попоной. Умное животное давно догадывалось о чемъ-то недобромъ и жалобно, фальцетомъ, словно скучающій по матери жеребенокъ, заржало, увидѣвъ приближающуюся процессію. Съ большимъ трудомъ казаки могли удержать его. Когда же гробъ прослѣдовалъ въ ворота, казаки увидѣли, какъ изъ умныхъ, черныхъ глазъ гетманскаго коня катились слезы.

— Що, жаль, косю, жаль батька?—спросилъ казакъ, ласково гладя морду животнаго.

— Эге! — философски замѣтилъ другой казакъ. — Може одному коневи й жалко покойнаго, но никто въ свити не любивъ его, лукавый бувъ чоловикъ.

Конь заржалъ еще жалобнѣе.

Когда гробъ хотѣли уже опускать въ склепъ, Мотренька быстро подошла къ послѣдней и вѣчной «домовинѣ» гетмана, обхватила ее руками и вскрикнула со стономъ: «тату! тату! возьми мене съ собою»...

Стоявшій тутъ же на клюшкахъ король подошелъ было къ дѣвушкѣ, съ участіемъ нагнулся къ несчастной, чтобы поднять ее; но она была безъ чувствъ...

Карлъ быстро повернулся и съ какимъ-то страннымъ, неуловимымъ выраженіемъ оловянныхъ глазъ погрозилъ кулакомъ на сѣверъ...

А на сѣверѣ все шло своимъ чередомъ.

Царь, разославши плѣнныхъ шведовъ по всѣмъ городамъ, всѣхъ участвовавшихъ въ преславной полтавской викторіи русскихъ наградилъ орденами, чинами, вотчинами, своими портретами, медалями и деньгами, а себѣ пожаловалъ чинъ генералъ-лейтенанта. Затѣмъ, пославъ въ Москву курьера съ извѣстіемъ о побѣдѣ, велѣлъ на радостяхъ звонить и палить «гораздо», на зло старымъ бородачамъ: и Москва звонила «гораздо», безъ

устали колотила въ колокола ровно семь день, разбила, какъ доносилъ кесарь Ромодановскій, триста семнадцать колоколовъ и опоила до смерти семьсотъ четырнадцать человѣкъ разнаго званія людей, «наипаче же изъ подлости и низкаго рангу».

Самъ же Петръ, захвативъ съ собой Данилыча и Павлушу, поскакалъ въ Варшаву, гдѣ заключилъ алліанцъ съ Августомъ. Изъ Варшавы черезъ Торунь—въ Маріенвердеръ, гдѣ заключилъ алліанцъ съ прусскимъ королемъ, и все противъ Карла. Изъ Маріенвердера—къ Ригѣ, которую и велѣлъ Шереметеву Борькѣ осадить «накрѣпко». Бросивъ для начала собственноручно три бомбы въ крѣпость, ускакалъ въ Петербургъ, ужъ давно подмывало его туда!

Въ Петербургѣ первымъ долгомъ навѣстилъ стараго рыбака Двоекурова, который уже ждалъ царя съ подаркомъ: съ самого лѣта у него въ Невѣ сидѣлъ уже на цѣпи невообразимой величины сигъ, презентъ царю. У старика царь выпилъ ковшъ анисовки, и оттуда на вновь устроенный корабль. Тамъ ему подали привезенныя курьерами изъ разныхъ мѣстъ бумаги и между прочимъ отъ Палія пакетъ, въ которомъ находился переводъ перехваченнаго Паліевскими казаками письма Карла; но къ кому—неизвѣстно.

Царь прочелъ это письмо вслухъ.

«Онъ-бо гдѣ я есмь, какъ я всѣми оставленъ! Гдѣ мои смѣлые люди? Гдѣ ихъ ратоборственная смѣлость? О, Реншильдъ, помози, чтобъ они паки доброе сердце воспріяли и на зажертву за меня принесли свою прежде сего другую кровь. О, Левенгауптъ! Гдѣ ты? Гдѣ съ остаткомъ дѣвался? Помози мнѣ въ нуждѣ, въ которой я нынѣ обрѣтаюся. О, Пиперъ! Пиши нынѣ ты почасту, прежъ сего писывалъ. О, горе! Я обрѣтаю, что ты съ иными отлучился. Кого жъ я при себѣ нынѣ имѣю? Кому я могу себя ввѣрить? Ахъ, всѣ отлучились и всѣ погибли! Когда прямо сіе размышляю и себя самого осмотряю, то я обрящу, что нынѣ слово карлъ (т. е. карликъ) есмь я. Хотѣлъ своими людьми орла понудить, чтобъ онъ мнѣ свою корону предъ ноги низложилъ»...

При этихъ словахъ письма царь нервно тряхнулъ головой, такъ что волосы на ней задрожали...

— Ого! Я передъ тобой... мою корону!.. Нѣтъ, я тебя и изъ Турціи вышвырну, бродяга!

И царь снова началъ читать:

...корону передъ ноги низложилъ; но нынѣ такъ я бѣгу, чтобъ могъ только уйтить, понеже собственная моя корона черезъ сей бой подвизается»...

— Сіе воистину,—вставилъ Меншиковъ.

«Но куда мнѣ побѣжать? (продолжалъ царь). Гдѣ могу покой сыскать? Понеже я нынѣ далеко отъ земли моей обрѣтаюсь: Только бъ нынѣ волохи могли бъ меня провесть, инакожъ я несчастливый и съ моею землею погибъ. Но, орелъ, объяви мнѣ какъ хощешь, чтобъ я поклонился, понеже ты черезъ сей бой надо мною мастеромъ сталъ. Приходи, Августъ, приходи паки назадъ въ Польшу, понеже сія корона по достоинству прямая твоя. Но ты, Станиславъ! Я былъ твой пріятель, пока я силу имѣлъ и тебѣ помочь могъ; но нынѣ то миновалось: можешь ты только сіи вѣсти прочесть, какъ я нынѣ мастера своего въ великомъ царѣ сыскалъ, того ради послѣдуй моему совѣту, лягъ предъ королевскими ногами и проси, чтобъ онъ тебѣ паки милостивъ былъ, а ты себѣ избери черническій монастырь, ибо сей бой намъ есть временная адская мука. Прощаясь я нынѣ принужденъ чрезъ чужую землю иттить, ибо новаго пути въ свою землю искать имѣю. Моя болѣзнь нынѣ всему свѣту извѣстна, что я нынѣ кричать принужденъ: о горе! о горе! моя нога!» *).

Царь, повертѣвъ письмо въ рукахъ, бросилъ его въ кучу съ другими бумагами.

— Старика Палія симъ письмомъ въ обманъ ввели,—сказалъ онъ,—оно сочинено малороссійскими ласкателями, понеже малороссійскіе люди преострые сочинители и хорошаго, и дурного, ужъ такъ у нихъ въ крови.

Скоропадскій ему доносилъ тутъ же, что «вѣроломецъ и Іудинъ братъ Ивашка Мазепа въ турецкой землѣ, аки песъ скаженый, здохъ».

— Умеръ Мазепа,—сказалъ царь вслухъ.

При этихъ словахъ Ягужинскій, подававшій царю пакеты, такъ вздрогнулъ, что уронилъ пакетъ.

---

*) Письмо это дѣйствительно существуетъ. Оно нигдѣ не напечатано и находится въ числѣ рукописей Румянцевскаго музея (подъ № CCCLXVI). Пишущій это снялъ съ него копію, когда спеціально занимался исторіею Мазепы; но потомъ по разнымъ соображеніямъ бросилъ эту затѣю, какъ неудобную.

— Что, Павелъ?—спросилъ царь участливо. — Ее вѣрно вспомнилъ... Забылъ, какъ ее зовутъ...

— Мотря, государь,—отвѣчалъ тихо Ягужинскій, блѣдный и не поднимая глазъ.

— Да, да, Мотренушка, вспомнилъ!—продолжалъ царь.— Помни, Павелъ, что я у тебя въ долгу...

Ягужинскій молчалъ, только бумаги въ рукахъ его дрожали.

— Обѣщалъ тебя женить на этой отроковицѣ, такъ вонъ она ушла въ Турцію съ Мазепой и Карломъ... Ну, не печалься, Павлуша: на слѣдующій годъ я достану, себѣ Карла, а тебѣ— оную отроковицу...

Но царь и тутъ остался въ долгу у своего Павлуши: Прутскій походъ 1711 года доказалъ, что ни Карла, ни отроковицу достать нельзя...

Скоропадскій въ письмѣ своемъ добавлялъ, что его «малжонка Анастасія повергаетъ къ подножію ногъ его царскаго величества бочку варенія кіевскаго сухого цукрованого, оныя Анастасіи руками власными на здравіе царскаго пресвѣтлаго величества свареного».

— У! Ловкая баба,—подумалъ Петръ,—она трижды умнѣе своего колпака-мужа... да такой тамъ намъ надобеть...

Осматривая затѣмъ корабль, царь увидѣлъ, что на мачтѣ, словно бѣлка, съ реи на рею перескакиваетъ какой-то молоденькій, бѣлокурый юнга, укрѣпляя снасти. Царя заняла эта ловкость и смѣлость.

— Ты кто такой?—крикнулъ онъ на мачту.

Двуногая бѣлка въ нѣсколько мгновеній соскользнула съ мачты и уже стояла передъ царемъ въ струнку, смѣло похлопывая глазами.

— Юнга вашего царскаго величества!—бойко сказалъ мальчикъ, которому на видъ было лѣтъ четырнадцать, а то и меньше.

Царь улыбнулся.

— А какъ зовутъ? Какова фамилія?

— Симка Крохинскій, ваше царское величество!—попрежнему бойко отвѣтилъ мальчикъ.

— А!—царь что-то вспомнилъ, и глаза его блеснули.—Это ты тогда въ Шлиссельбургѣ первый россійскій корабль изъ лаптя соорудилъ и онучкой оснастилъ?

— Я, ваше царское величество!

— Молодецъ, молодецъ! Помню... А потомъ?

— Потомъ въ московскомъ навигаторскомъ училищѣ учился..

— Кончилъ съ доброю аттестаціею?

— Съ аттестаціею «оптиме», ваше царское величество!

— Зѣло радъ...—И лицо царя дѣйствительно выражало живую радость: блестящими глазами онъ посмотрѣлъ на Меншикова и Ягужинскаго.—А! Смердій сынъ, землекопъ, а теперь вонъ что!—быстро говорилъ царь, любуясь мальчикомъ и его льняными кудрями.—Теперь тебя за море, въ нѣмецкія и голландскія страны вмѣстѣ съ боярскими дѣтьми доучиваться пошлю... А тамъ, что Богъ устроить соизволитъ...

Но почему-то сейчасъ же вспомнился «сынокъ, Алеша дурачекъ», а тутъ же и «сестрица Софьюшка, зелье московское» и «постылая царица Авдотья», и московскія «бороды», разбитые триста-семнадцать колоколовъ... А тутъ и «Катеринушка», давно ее не видалъ... а, можетъ быть, и «шишечка» скоро будетъ...

Итакъ, гетмана Мазепу похоронили. Царь мечтаетъ о будущемъ величіи Россійской державы...

Кого же еще желательно было бы вспомнить? Палія и Мотреньку? Да, ихъ.

Палій самъ умиралъ на рукахъ своей мужественной жены, когда получилъ извѣстіе о смерти Мазепы.

— О, отыде духъ лукавый... отыде,—бормоталъ умирающій.—Я найду его тамъ и приведу на судъ къ престолу Божію, яко ворога и погубителя матери нашея Украины... И онаго старца словенина Крижанича Юрія обрѣту у Господа, за народы словенскіе молящася... А теперь прощай, жинко, прощай, Охриме... Я отхожу зъ Украины...

Онъ сильно въ послѣдній разъ дохнулъ и потушилъ восковую свѣчку, теплившуюся въ его холодѣющихъ рукахъ... Потухла и его свѣчка жизни.

И Мотренька умерла на своей милой Украйнѣ, въ Диканькѣ. Ей удалось поцѣловать тѣ мѣста, гдѣ ступали когда-то старыя ноги проклятаго, но ей дорогого человѣка... Да, вѣрно, батьку Тарасе:

Дурни-дурни люде!..

Въ Полтавѣ и до сихъ поръ показываютъ могилу Мотреньки.

Конецъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ
И РАЗСКАЗОВЪ
ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Кн. 10.

ГОСПОДИНЪ ВЕЛИКІЙ НОВГОРОДЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

Кн. 10.

ГОСПОДИНЪ ВЕЛИКІЙ НОВГОРОДЪ.

Историческая повѣсть.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Мнѣ бы хотѣлось перенести читателя въ глубокую древность, въ которой витаютъ теперь моя мысль, сердце и воображеніе, словно губка, напитанныя картинами, образами, рѣчами и звуками этой, чарующей своей таинственностью, древности.

Правда, это не та далекая, поэтическая, закутанная дымкою тысячелѣтій сѣдая древность Востока, куда переноситъ своего читателя высоко-даровитый Эберсъ, подъ художественнымъ перомъ котораго оживаетъ таинственная жизнь древняго Египта—Египта временъ фараоновъ и Моисея, а давно умершіе цари и царицы Нила, ея жрецы и воины, «парасхиты» и «Уарды», давно истлѣвшіе подъ знойнымъ солнцемъ юга, либо въ видѣ мумій спящіе непробуднымъ сномъ въ пирамидахъ да въ разныхъ европейскихъ музеяхъ, встаютъ передъ нами, какъ живые, съ ихъ радостями и печалями, любовью и ненавистью.

Это и не та миѳическая древность временъ Цимбеллина, ни классическая древность Эллады и Рима, въ которую иногда переноситъ насъ геніальное, неистощимое творчество величайшаго изъ рожденныхъ женщиной смертнаго—Шекспира.

Древность, въ которую я хочу перенестись съ моимъ читате-

лемъ, только относительно глубокая; но это наша родная, русская древность, кровавымъ, такъ сказать, пятномъ засохшая на исторической памяти московской Руси. Это—древность «Господина Великаго Новгорода» съ его вольною вѣчевою жизнью, когда подъ звонъ «вѣчнаго» колокола собирался къ «Ярославову дворищу» или на Софійскій дворъ весь «Господинъ Великій Новгородъ» съ его знатными мужами и посадниками, съ степенными тысячскими и боярами, съ богатыми гостиными и «пошлыми» купчинами, съ «лучшими старыми и молодшими людьми», когда на вѣчахъ съ вѣчевого помоста держали рѣчь къ «Господину Великому Новгороду» его излюбленные говорупы, когда тамъ же на ступеняхъ вѣчевого помоста шумѣли во всѣ мужицкія горла «худые мужики вѣчники» и привалившіе изъ пригородовъ, изъ дальнихъ «пятинъ» и селъ «рольники» и «обжинные тяглецы», и когда вѣче превращалось въ бурное море, а провинившіеся передъ «Господиномъ Великимъ Новгородомъ» ораторы и цѣлыя массы «недобрыхъ людей» свергались съ великаго моста въ Волховъ, подобно идолищу Перунищу, и сотнями погибали въ его волнахъ, а дома ихъ и «животы» брались недовольною стороною на «потокъ и разграбленіе».

Мнѣ кажется, что я вижу предъ собой этотъ вольный, шумный, поражающій кипучею дѣятельностью и богатствомъ «великій градъ». Передо мною встаютъ изъ развалинъ его старыя стѣны съ мрачнымъ «дѣтинцемъ», видѣвшимъ въ себѣ еще Мстислава Удалого; передъ моими очами раздвигаются вширь и вдоль всѣ его пять «концовъ» съ «улицами», раскидываются на десятки и сотни верстъ его пригороды, которые такъ и кричатъ, кажется: «на чемъ Господинъ Великій Новгородъ постановитъ, на томъ и мы, пригороды, станемъ». Встаютъ изъ развалинъ многочисленныя церкви и часовни этого «великаго» города съ раскинувшимися на десятки верстъ кругомъ монастырями, и во всѣхъ церквахъ ярко горятъ свѣчи во множествѣ массивныхъ паникадилъ, стоятъ тучи дыма отъ «темьяна»

и ладона, и гремитъ хвала Великому Богу и святой Софіи и вѣчная слава—«Господину Великому Новгороду». Я слышу звонъ безчисленнаго множества колоколовъ, которые кричатъ до самаго неба божью славу, и межъ всѣми этими колоколами особенною мелодіею звучитъ для меня голосистый «вѣчный» или вѣчевой колоколъ, отъ котораго «дрожало каждое новгородское сердце». Передо мной встаютъ изъ могилъ славные «мужіе новугородстіи», бородатые посадники, бояре и купчины гостиные, усатые удалые добрые молодцы—«хоробрые ушкуйники» съ Ваською Буслаевымъ во главѣ и съ Садкомъ богатымъ гостемъ и его гусельцами звончатыми.

И все это—все величіе и богатство «Господина Великаго Новгорода», его многолюдство, его шумныя вѣча, его торговыя площади, обширные и густо населенные «концы», его испоконная свобода и право «показывать путь» нелюбимымъ князьямъ и говорить имъ—«иди, княже, откуда пришелъ, ты намъ нелюбъ»—все это исчезло какъ дымъ...

Что теперь изображаетъ изъ себя «Господинъ Великій Новгородъ»? Жалкій губернскій городишко, занимающій собою, можетъ быть, десятую долю своихъ обширныхъ развалинъ. Онъ изображаетъ отчасти то, что говорила якобы на вѣчѣ Мароа-посадница, которой Карамзинъ влагаетъ въ уста слѣдующую цвѣтистую рѣчь: «скоро ударитъ послѣдній часъ нашей вольности, и вѣчевой колоколъ, древній гласъ ея, падетъ съ башни Ярославовой и навсегда умолкнетъ!.. Тогда, тогда мы позавидуемъ счастію народовъ, которые никогда не знали свободы. Ея грозная тѣнь будетъ являться намъ, подобно мертвецу бѣдному, и терзать сердце наше безполезнымъ раскаяніемъ!.. Но знай, о, Новгородъ, что съ утратою вольности изсохнетъ и самый источникъ твоего богатства: она оживляетъ трудолюбіе, изощряетъ серпы и златитъ нивы; она привлекаетъ иностранцевъ въ наши стѣны съ сокровищами торговли; она же окрылятъ суда новгородскія, когда они съ богатымъ грузомъ

по волнамъ несутся... Бѣдность, бѣдность накажетъ недостойныхъ гражданъ, не умѣвшихъ сохранить наслѣдія отцовъ своихъ! Померкнетъ слава твоя, градъ великій, опустѣютъ многолюдные концы твои; широкія улицы заростутъ травою, и великолѣпіе твое, исчезнувъ навѣки, будетъ баснею народовъ. Напрасно любопытный странникъ среди печальныхъ развалинъ захочетъ искать того мѣста, гдѣ собиралось вѣче, гдѣ стоялъ домъ Ярославовъ и мраморный образъ Вадима: никто ему не укажетъ ихъ. Онъ задумается горестно и скажетъ только: здѣсь былъ Новгородъ!»...

Конечно, Мароа-посадница не могла говорить такъ; но все, что она могла говорить другими словами, сбылось...

Эти-то послѣдніе дни независимости «Господина Великаго Новгорода» и составятъ предметъ нашего повѣствованія.

I. Избраніе Владыки.

Мягкое морозное утро 15-го ноября 1470 года.

На колокольняхъ всѣхъ новгородскихъ церквей раздается торжественный трезвонъ. Подъ этотъ трезвонъ все населеніе Новгорода изъ церквей и домовъ повалило на Софійскую сторону, прямо черезъ Волховъ, по льду и по «великому мосту», кто успѣвалъ раньше другихъ попасть на мостъ.

Скоро Софійскій дворъ съ площадью около собора, и безъ того полные народа, окончательно запружены были колыхавшимися массами. Народъ толпился и въ улицахъ, и по всему «дѣтинцу», но цѣлое море головъ колыхалось около собора.

У святой Софіи только-что кончилась служба. Двери собора, несмотря на зимнее время, были растворены настежь. Въ воздухѣ слышался запахъ ладону. Всѣ головы и глаза обращены были къ паперти, ждали чего-то. Начиная отъ церковныхъ дверей, на паперти, на ступенькахъ соборнаго крыльца и около него стояли старосты «концовъ», сотскіе и десятники, поблескивая на солнцѣ бердышами. Среди нихъ терся слѣпой нищій, извѣстный всему Новгороду Тихикъ блаженненькій, характерный типъ своего времени: «Христа ради юродъ» и, за неимѣніемъ глазъ, духомъ своимъ «провидящій вся сокровенная». Онъ прикасался то къ тому, то къ другому изъ старостъ и сотскихъ, трясъ косматою, нечесаною головой и идіотически улыбался. Въ рукахъ у него была длинная палка, посохъ съ ручкою въ видѣ семиконечнаго креста, на которомъ висѣли различной величины сумки. Двѣ большія сумы перекинуты были, посредствомъ ремней, черезъ плечи, крестъ-на-крестъ.

Въ это время изъ соборныхъ дверей вышелъ на паперть священникъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ.

За нимъ показалась сѣдая голова съ золотою «гривною» на шеѣ. Священникъ осѣнилъ крестомъ народъ на всѣ стороны, и тысячи рукъ замахали въ воздухѣ, творя крестное знаменіе. Отъ этого нѣмого движенія народныхъ массъ глухой гулъ прошелъ по площади и по всему «дѣтинцу».

— Братіе новугородьци!—раздался съ паперти скрипучій старческій голосъ.—Жеребій Господень совершается! Молитеся святой Софіи, да укажетъ перстъ Божій на достойнаго владыку.

Тысячи рукъ снова замотались въ воздухѣ, и снова глухимъ гуломъ нѣмая молитва прошла по всему «дѣтинцу».

— Сыщите, братіе, Тихика блаженнаго, — снова раздался тотъ же старческій голосъ.

— Тихика! Тишу блаженненькаго! — пронесся говоръ въ толпѣ.

— Здѣсь Тихикъ, здѣсь блаженный.

— Я тутотка,—отвѣчалъ самъ слѣпой нищій, ощупывая посохомъ землю и подходя къ паперти,—туто изгой Тишка... Подайте Христу!

И онъ протягивалъ руку, ожидая получить милостыню.

— Чадо, Тихиче! — заговорилъ священникъ, осѣняя нищаго крестомъ.—Сотвори знаменіе.

Нищій перекрестился и поднялъ голову, поводя слѣпыми глазами и какъ бы ища чего-то въ воздухѣ. Священникъ приложилъ крестъ къ его губамъ.

— Гряди за мною, чадо,—продолжалъ священникъ,—тебѣ, слѣпорожденну, подобаетъ палѣзти жребій владыченъ, гряди за мною.

Нищій, стуча посохомъ по ступенькамъ соборнаго крыльца, взошелъ на паперть. Священникъ повернулся и пошелъ снова внутрь храма. Слѣпой слѣдовалъ за нимъ, ощупывая путь свой посохомъ. Всѣ разступались передъ ними.

Массы народа, заполнявшія площадь, еще болѣе понадвинулись къ собору. На лицахъ выражалось нетерпѣливое ожиданіе и какъ бы испугъ. Многіе со страхомъ крестились и глубоко вздыхали. Казалось, всѣ эти массы ожидали чего-то невѣдомаго, рокового. То тамъ, то здѣсь слышался сдержанный говоръ

— Тишеньку слипеньково повели владыку вынимать.

— Слипой-то зрячѣе у Бога, брáтцы, живетъ.

— А кого-ту святая Софія дастъ намъ во владыки?

— Отца Пимена, вѣдомое дѣло.

— А, можетъ, Варсонофья слипенькой выметь.

— О, Господи и святая Софія, спаси градъ свой.

Между тѣмъ слѣпецъ, слѣдуя за священникомъ, прошелъ черезъ весь соборъ и очутился у амвона. Въ церкви всѣ усердно молились, поглядывая въ то же время на царскія врата, которыя были открыты. Въ алтарѣ, вокругъ престола, собралось все высшее духовенство Новгорода. Именитые люди города, степенные посадники, бояре, житые люди и гости, блистая золотымъ платьемъ и дорогими мѣхами, а иные массивными золотыми гривнами, занимали весь правый придѣлъ. Въ лѣвомъ придѣлѣ стояли женщины и почти всѣ жарко молились, не сводя глазъ съ темныхъ ликовъ иконъ и съ дорогихъ окладовъ. Впереди всѣхъ ихъ, у лѣваго клироса, на почетномъ мѣстѣ стояла высокая, довольно дородная и уже немолодая боярыня, съ матовой бѣлизной смуглыхъ, полныхъ щекъ и съ черными широкими бровями. Черные съ большими бѣлками глаза ея неподвижно устремлены были, чрезъ царскія врата, на престолъ, на которомъ стояла дароносица, покрытая богатыми воздухами, а около нея три блюда, тоже прикрытыя каждое малиновою тафтою.

Женщина эта была Мароа Борецкая или Мароа-посадница: посадниками и посадницами называли въ Новгородѣ не только настоящихъ дѣйствительныхъ посадниковъ и ихъ женъ, но и тѣхъ, которые когда-либо были на посадѣ, равно и жены ихъ всю жизнь назывались посадницами.

— Дерзай, чадо! — уже въ царскихъ вратахъ обратился священникъ къ нищему слѣпцу.

Слѣпецъ, продолжая посохомъ ощупывать полъ, поднялся на амвонъ и, сдѣлавъ передъ царскими вратами три земныхъ поклона, вошелъ въ алтарь и остановился у престола.

— Дерзай, рабе Божій Тихиче! — продолжалъ священникъ.—Нынѣ престолу Бога жива предстоиши.

Слѣпецъ еще разъ перекрестился. Рука его дрожала.

— Простри руку твою,—подсказывалъ священникъ.

Слѣпой протянулъ руку. Глаза всѣхъ находившихся въ соборѣ напряженно слѣдили за движеніемъ руки нищаго. Глаза же Борецкой, казалось, пожирали дрожащую руку слѣпца

Рука эта дотронулась до одного блюда, покрытаго тафтой,

до праваго. Разнородныя ощущенія прошли по лицамъ присутствовавшихъ въ церкви.

— Вознеси горѣ жребій сей, да узрятъ стоящіи здѣ,—распоряжался священникъ.

Нищій поднялъ первое блюдо надъ головой. Къ нему подошелъ соборный протодіаконъ съ ораремъ на рукѣ и, бережно взявъ блюдо, возложилъ его себѣ на голову, какъ бы это былъ дискосъ съ агнцемъ пасхальнымъ. Потомъ вмѣстѣ съ священникомъ, державшимъ въ рукахъ крестъ, онъ вышелъ изъ алтаря и направился къ выходу изъ собора. За ними слѣдовалъ тотъ сѣдой бояринъ съ золотою гривною на шеѣ, который и прежде этого выходилъ на паперть. Это былъ посадникъ, глава «Господина Великаго Новгорода». Всѣ глаза попрежнему напряженно слѣдили за движеніями этихъ трехъ лицъ.

Выйдя на паперть, протодіаконъ снялъ съ головы блюдо и подалъ его посаднику. Посадникъ снялъ съ блюда тафту. Подъ тафтою оказалась свернутая дудочкою бумажка. Посадникъ развернулъ ее и прочелъ написанное на ней.

— Господине Великій Новгородъ!—громко произнесъ онъ, поднимая вверхъ бумажку.—Смотрите, вотъ жребій преподобнаго Варсонофія!

— Варсонофій! Варсонофій!—прошелъ говоръ по площади и по всему «дѣтинцу».

— Не быть владыкой Варсонофію, не на него палъ перстъ Божій.

Все заволновалось. Говоръ, хотя сдержанный, но могучій, какъ всколыхнутое бурей море, волнами ходилъ по всему пространству, занятому народомъ.

— Отца Пимена! Пимена во владыки!

— Не надо Пимена, онъ латынецъ!

— Ѳеофила протодьякона! Ѳеофила!

— Въ Волховъ Ѳеофила! Онъ московской руки, холопъ княженецкій!

— Пимена въ прорубь! Пименъ похвалятся: меня-де и въ Кіевъ пошлютъ на ставленье, я и въ Кіевъ пойду... Латынецъ онъ, литва хохлатая!

Между тѣмъ священникъ, протодіаконъ съ блюдомъ и посадникъ воротились въ соборъ. Первые два вошли въ алтарь, гдѣ у престола все еще стоялъ слѣпой Тихикъ.

— Паки дерзай, рабе Божій Тихиче!—провозгласилъ священникъ.

Слѣпецъ вздрогнулъ, протянулъ руку и ощупалъ лѣвое крайнее блюдо. При этомъ движеніи слѣпого, яркая краска залила полныя щеки Марѳы-посадницы, не спускавшей глазъ съ престола.

И это блюдо протодіаконъ возложилъ себѣ на голову. Тѣмъ же порядкомъ и священникъ съ крестомъ, и протодіаконъ съ блюдомъ на головѣ, и посадникъ вышли къ народу.

Опять сняли тафту съ блюда и раскрыли жребій.

— Господине Великій Новгородъ!—раздался тотъ же голосъ стараго посадника.—Вотъ жребій преподобнаго отца Пимена!

— Пименъ! Пименъ!.. Не быть латынцу владыкой! Не вывезла кривая!

— Ѳеофилъ владыка! Многая лѣта владыкѣ Ѳеофилу!

— Ай да Тиша блаженненькой! Зналъ, кого вымать! Исполать Тишѣ!

Дѣйствительно, на престолѣ остался жребій Ѳеофила-протодіакона, и это было знаменіемъ, что Богъ благословляетъ избраніе во владыки новгородскіе Ѳеофила, а Варсонофія и Пимена отвергъ.

Такимъ образомъ избраніе владыки совершилось. Но это событіе не сопровождалось, какъ это водилось прежде, всенароднымъ ликованіемъ. Напротивъ, только немногіе голоса огласили стѣны «дѣтинца» и соборную площадь шумными восклицаніями въ честь и во здравіе новому владыкѣ. Мало того, дѣло кончилось тутъ же, у святой Софіи, свалкой, во время которой у кричавшихъ «слава» да «многая лѣта» были поразбиты носы до крови, и перещупаны ребра. А когда толпы повалили съ Софійской стороны на торговую, то «кончане» и «уличане» съ Славенскаго и Плотницкаго концовъ, да нѣкоторые изъ пригорожанъ, большею частью «худые мужики вѣчники» обрушились на «житыхъ людей» и на богачей изъ Людина и Неревскаго концовъ, шибко ихъ помяли, а нѣкоторыхъ съ мосту прямо пошвыряли на рѣку, на ледъ. «Худые мужики вѣчники» кричали, что избраніемъ во владыки не Пимена, а Ѳеофила, богатые люди хотятъ продать Новгородъ Москвѣ, въ московскую кабалу, гдѣ козамъ рога правятъ и «слезамъ не вѣрютъ»...

— А мы-де ей, Москвѣ,—прибавляли «худые мужики вѣч-

пики», вставляя въ свою рѣчь родительницу да уснащая свое вѣчевое краснорѣчіе трехъ-да-четырехъ-предложными глаголами съ перцемъ,—мы де ей тертаго хрину поднесемъ,—произнося при этомъ звукъ ѣ—ять по новгородски, какъ звукъ и.

— Мы-де ей покажемъ Кузькину мать!—А какова была эта «Кузькина мать», они и сами не знали, а только хвастались.

Вообще чернь осталась недовольною избраніемъ Ѳеофила, потому что онъ тянулъ руку богатыхъ, а богатые давно шептались съ Москвой, какъ-бы-де Великій Новгородъ взять въ московскія ежовыя рукавицы да согнуть въ три погибели, какъ Москва уже согнула княжество тверское и иныя. Избраніемъ же Пимена, покровительствуемаго притомъ Мареою-посадницею, думали совсѣмъ отбиться отъ Москвы, а въ случаѣ чего, коли ужъ Москва начнетъ шибко насѣдать, можно было и съ Литвой побрататься да Москвѣ носъ утереть (разсуждали «худые мужики вѣчники»), чтобъ она, Москва, растакъ да переэдакъ, знала, что Господинъ Великій Новгородъ ни кречету, ни соколу, а тѣмъ паче татарскому улуснику гнѣзда своего, святой Софіи, въ обиду не дастъ.

Всего же болѣе самой Мареѣ было не по сердцу избраніе Ѳеофила. Эта баба загадывала многое, а тутъ сорвалось, не выгорѣло...

Когда она выходила изъ собора, окруженная сторонниками, и горстями бросала «рѣзаны», «куны» и «мордки» въ толпы ея почитателей, «мужиковъ вѣчниковъ», лицо ея вспыхивало багровыми пятнами, а глаза метали искры. Народъ провожалъ ее криками радости, а у нея сердце щемило досадой.

Какъ бы то ни было, хитрая баба проглотила обиду судьбы и изъ собора же пригласила и высшее духовенство, и посадника, и тысячскаго, и другихъ знатныхъ людей къ себѣ на пиръ, чтобы духовное торжество завершить приличнымъ случаю плотскимъ радованіемъ.

Вмѣстѣ съ прочими Мареа пригласила на пиръ и слѣпого нищаго, блаженнаго Тихика, и, не взирая на его лохмотья и нищенскія сумы, болтавшіяся на немъ, посадила его на почетное мѣсто.

Въ числѣ ея гостей былъ еще одинъ человѣкъ, привлекавшій къ себѣ общее вниманіе. Это былъ невысокенькій, сухенькій

старичекъ съ льняными отъ старости волосами и бородою, но съ необыкновенно живыми, совсѣмъ молодыми, сѣрыми глазками, которые, однако, рѣдко поднимались, постоянно опущенные въ землю и отѣняемые рѣсницами. Старичекъ былъ въ грубомъ монашескомъ одѣяніи. Безстрастное, какъ бы глубоко созерцательное выраженіе лица его и глаза, которые, казалось, постоянно наблюдали что-то нездѣшнее, не то, что окружало его, а то, что сидѣло гдѣ-то въ немъ самомъ, глубоко гдѣ-то или гдѣ-то за предѣлами видимаго міра, все въ немъ говорило, что лицо это, и эти глаза, и глядѣвшая въ нихъ какая-то неуловимая мысль, все это не отъ міра сего. Хотя все вокругъ этого таинственнаго гостя говорило, улыбалось, кланялось и ловко, отъ священнаго писанія, цѣлыми цитатами изъ пророка Исаіи, изъ «Слова» Даніила Заточника и изъ «Вопросовъ» Кирика льстило радушной хозяйкѣ, говорило о славѣ «Господина Великаго Новгорода», о его управленіи, о разныхъ «пятинахъ» новгородской земли, о торговлѣ съ амбурскими и аглицкими нѣмцами, о томъ, что у Спаса на Хутыни сами собой звонили колокола, а на Ѳедоровой улицѣ съ вѣтвей малыхъ топольцевъ капали слезы, одинъ этотъ гость, казалось, не принималъ ни въ чемъ участія и молчалъ, тихо перебирая четки.

Этотъ молчаливый старичекъ былъ знаменитый подвижникъ Соловецкой обители, преподобный Зосима. Печать необыкновенно аскетической энергіи лежитъ на всей жизни этого необыкновеннаго человѣка. Родившись въ предѣлахъ вольной новгородской земли, онъ еще съ юныхъ лѣтъ почувствовалъ въ себѣ недовольство той жизнью, жизнью мелочныхъ цѣлей и желаній, которая окружала его. Его пламенная душа искала подвиговъ, жаждала идеала, и этотъ идеалъ воплотился у него въ отшельничествѣ, въ борьбѣ съ дьяволомъ, который, казалось ему, господствовалъ надъ міромъ. Глубоко поэтическій, онъ любилъ природу, любилъ слушать «говоръ древесныхъ листовъ», чувствовать «травъ прозябанье», прислушиваться къ лепетанью горнаго ручья, къ прибоямъ сердитыхъ волнъ родного озера Ладожскаго, которое въ бурю клокотало и пѣнилось въ скалахъ Валаама. Только съ природой онъ чувствовалъ свою духовную связь, только среди безмолвной, но для него говорливой природы онъ любилъ, любилъ эту недосягаемую даль синяго неба, эти летучія облака, суровую зелень сѣвернаго лѣса и молился,

стараясь забиться подальше отъ людей. Сначала онъ молился и «трудился» на Валаамѣ, но этотъ трудъ показался ему ничтожнымъ; онъ искалъ болѣе суровыхъ подвиговъ и, прослышавъ, что отшельники Савватій и Германъ нашли недоступный для людей островъ гдѣ-то у полуночнаго моря, перебрался и самъ туда. Это было въ 1430 году. На этомъ далекомъ островѣ они и основали Соловецкую обитель, самую сѣверную въ мірѣ и самую суровую. Кругомъ небо да море, и то и другое безъ конца-краю...

Савватій скоро умеръ, но не въ своемъ мрачномъ уединеніи, а вдали отъ острова, на Вагѣ. Остались на островѣ только Германъ да Зосима. Никто въ Новгородѣ не хотѣлъ вѣрить, что люди могутъ жить въ такой далекой и суровой странѣ, а между тѣмъ слава отшельниковъ росла, имя Зосимы разносилось по всѣмъ концамъ новгородской земли. Зосима перенесъ мощи Савватія съ Ваги на островъ, и толпы поклонниковъ изъ далекихъ мѣстъ потянулись къ новой святынѣ, на невѣдомый «отокъ моря», гдѣ, по слухамъ, «изхождаше овогда изъ моря китъ-рыба, иже пожре пророка Іону, чюдище неизглаголанно, хотяще потопити островъ и вся сущая на немъ», и только молитвами преподобнаго Зосимы исчезалъ подъ водою «оный звѣрь гороподобный».

Но слава человѣческая всегда рождаетъ зависть мелкихъ людей. Позавидовали многіе новгородцы и преподобному Зосимѣ съ его обителью, которая съ каждымъ годомъ возрастала числомъ иноковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и богатѣла. Новгородскіе рыбники-стяжатели помыслили оттягать у отшельниковъ рыбныя ловли, и вотъ преподобный Зосима и явился въ Новгородъ отстаивать свои права на островъ.

— На китѣ, родимая, сказываютъ, угодничекъ-отъ приплылъ съ кіянъ-моря, съ самого острова Буяна,—разсуждали новгородскія бабы, видѣвшія Зосиму въ числѣ гостей Марѳы-посадницы.

— На китѣ! Матушки! Вотъ страстобушка! И онъ ево, угодничка, не сглопулъ, китъ-отъ?

— А крестъ на что? Онъ, этотъ титъ самый, родимая, креста ни-ни!

— Знамо крестъ, онъ и тита испужае, а не то что.

— Такъ вотъ онъ каковъ живетъ, этотъ угодничекъ, Зосима,

дѣвыньки. А исть онъ одну просвирку въ недѣлю, такой постникъ!

— И-и! Что жъ и на пиру-ти у Марѳы у посадницы онъ, угодничекъ, ничево исть не буде?

— Ничевошеньки, родимушка, ни синь пороха... Просвирочку, може, махоньку любо причастьица святово ложечку, вотъ и все: они вить, святые угодники, только просвиркою да причастьицемъ святымъ и живуть.

— То-то святость-то, не легко ее сподобиться.

Правы ли были новгородскія бабы, это мы сейчасъ увидимъ.

II. Пиръ у Марѳы-посадницы.

Домъ Борецкихъ находился на Софійской сторонѣ, въ Неревскомъ концѣ, на Побережьѣ, между Розважею и Борковою улицами. По словамъ лѣтописца, домъ этотъ былъ «чюдень» своею лѣпотою извнѣ и богатствомъ внутри. Онъ не походилъ на тогдашніе московскіе дома, которыхъ неуклюжая татарская пестрота такъ и кричала своею грубостью, такъ и била глазъ аляповатостью и татарско-византійскимъ безвкусіемъ, чѣмъ-то среднимъ между монастыремъ, кибиткою и острогомъ. Къ Новгороду не привилась еще тогда эта византійско-татарская оспа. Домъ Марѳы скорѣе напоминалъ средневѣковое жилище богатаго бюргера, въ которомъ славянская простота первобытнаго стиля и первобытныхъ украшеній скрашивалась европейскимъ искусствомъ и предметами, созданными западною цивилизаціею: славянская братина въ полтретья ведра и славянская чара съ дыню астраханскую стояли рядомъ съ красивымъ кубкомъ изящной итальянской работы и позолоченымъ литовскимъ турьимъ рогомъ; родныя скатерти браныя, покрывавшія длинные столы съ дорогими приборами, мѣшались съ сукнами и шелками «любскими», «дацкими», «аглицкими» и «амбурскими»; вычурныя издѣлія «рыбій-зубъ» и шелки шемаханскіе виднѣлись и на гостяхъ, и на стѣнахъ, и на скамьяхъ тамъ же, гдѣ бархаты «фларенски» и «венедицки», «камки куфтери» и «сукна лундыши»... Видно, что въ Новгородѣ уже давно было прорублено то окно въ западную Европу, которое черезъ нѣсколько столѣтій пришлось Петру пробивать въ Петербургѣ

кровавымъ топоромъ, долго плававшимъ въ московско-русской крови. Мало того, въ Новгородѣ была отворена въ Европу цѣлая дверь, и Мароа Борецкая, какъ любезная хозяйка, стояла на порогѣ этой двери и принимала дорогихъ нѣмецкихъ гостей, наѣзжавшихъ въ Новгородъ изъ любскихъ, аглицкихъ, амбурскихъ, венедицкихъ, дацкихъ, шпанскихъ и иныхъ мѣстъ...

И настоящій пиръ у Мароы-посадницы не обошелся безъ иноземныхъ гостей.

Обширная передняя палата Мароы была уставлена длинными столами «покоемъ». Столы были покрыты скатертями браными, а скамьи у столовъ дорогими коврами и сукнами. На столахъ дорогая посуда, братины, чары, кубки, блюда и шитыя полотенца для утиранія рукъ, хотя въ обычаѣ было, что каждый гость имѣлъ свою собственную «ширинку» въ карманѣ и ею утирался, а люди старые, такъ тѣ, по старинѣ, обсасывали запачканные кушаньями пальцы или просто обтирали ихъ о свои волосы, тогда еще не такъ скоро плѣшивѣвшіе, какъ нынѣ, или же утирались рукавами, а то и просто, «по естеству», облизывались.

На почетномъ концѣ посажено было высшее духовенство Новгорода, новоизбранный владыка Ѳеофилъ, софійскаго собора казначей и другъ Мароинъ, Пименъ, отецъ Варсонофій, духовникъ покойнаго владыки Іоны. Тутъ же чернѣлась и скромная фигура преподобнаго Зосимы, а недалеко и лохмотная одежда блаженненькаго Тихика съ его нищенскими сумами. По сторонамъ ихъ возсѣдали сѣдоволосый, но необыкновенно моложавый на видъ, съ живыми сѣрыми глазами и золотою гривною на шеѣ степенный посадникъ «Господина Великаго Новгорода» Василій Ананьинъ, вожди антимосковской партіи Василько Селезневъ-Губа, Кипріанъ Арзубьевъ и Іеремія Сухощекъ, архіепископскій чашникъ; тутъ же старый бояринъ Памфилъ и другіе бояре. Между почетными гостями особенно бросался въ глаза недавно прибывшій изъ Кіева «на кормленіе» князь Михаилъ Олельковичъ съ нѣсколькими кіевлянами, которыхъ одѣяніе напоминало собою что-то не то польское, не то литовское, а хохлы на маковкахъ да черные усы приводили новгородскихъ бабъ въ немалое изумленіе, а иныхъ въ трепетъ даже, а нѣкоторыхъ, помоложе, и въ восхищеніе... «Ни то, мать моя, эфіопы, ни то Ягорьи хоробрые»...

Сама хозяйка и ея два статные сына: черноглазый весь въ мать, Дмитрій, и бѣлокурый, кудрявый и съ кудреватою бородкою Ѳедоръ, сопровождаемые челядью съ блюдами и кувшинами въ рукахъ, постоянно ходили около гостей и усердно потчивали каждаго разными, наваленными горою на блюда яствами и питіями. Постоянно слышалось: «не побрезгуйте, дорогіе гостьи, куровя печеное, а се лебедь жарена, а се баранъ молодой, осетринка добрая, пирожокъ съ вязигой, теша межукосна съ хрѣнкомъ, романейка добрая, ренское сладенькое, мальвазейцы стопочку махоньку, чарочку угорсково, грибковъ рыжиковъ, семушки свѣжей—отвѣдайте, гостюшки, не побрезгуйте, чимъ богаты, отъ чистова сердца; сижка копчоново, поросеночка молочново, гусачка съ яблочкомъ, глухарика малость испробуйте, индійсково алектора-пѣтела съ шпанскимъ мочонымъ виноградомъ, пивца аглицково чорново». «Много довольны, матушка Марѳа, ажно рыгаемъ со умиленіемъ и молитвою о твоемъ здравіи»...

Одно кушанье смѣняло другое, и казалось, что имъ и конца не будетъ. Челядь не успѣвала вносить, разносить и уставлять блюда, чтобы смѣнить и унести опорожненную посуду, а хозяйка съ сыновьями все угощала да умасливала дорогихъ гостей и ласковыми словами, и низкими поклонами, и улыбками. Братины, рога, ковши, кубки и всякія чапарухи переходили изъ рукъ въ руки, сверкая серебромъ и золотомъ. Вносились и уносились ендовы, глиняные кувшины, бутылки.

Только двое изъ гостей не принимали участія въ пиршествѣ — блаженный Тихикъ и преподобный Зосима. Первый бралъ отъ каждаго блюда порядочный кусокъ и, крестясь и улыбаясь, совалъ его въ одинъ изъ висѣвшихъ на немъ мѣшковъ и мѣшечковъ и при этомъ бормоталъ:

— Дѣткамъ своимъ понесу, птицамъ небеснымъ, что не сіють, ни жнуть, ни въ житницы собирають... Много у меня такихъ птичекъ.

И всѣ знали, кто были эти «птички»: блаженненькій Тиша такъ называлъ нищихъ.

Зато преподобный Зосима положительно ни до чего не дотрогивался, какъ ни упрашивала его хозяйка. Онъ только благословлялъ каждое подносимое ему блюдо, конечно, постное, но ничего не ѣлъ и хранилъ глубокое молчаніе.

Сначала бесѣда на пиру шла безпорядочно, шумно, но потомъ разговоромъ овладѣло нѣсколько лицъ и въ особенности благообразный сѣдоголовый посадникъ, котораго всѣ слушали очень внимательно. Посадникъ съ своими рѣчами преимущественно относился къ князю Михаилу Олельковичу и къ преподобному Зосимѣ соловецкому, которые, какъ недавно прибывшіе въ Новгородъ гости, не знали самыхъ свѣжихъ, весьма важныхъ новостей, волновавшихъ послѣднія новгородскія вѣча.

Князь Олельковичъ слушалъ посадника, окидывая и его, и все общество черными, блистающими глазами, и по временамъ вставлялъ въ рѣчь своего собесѣдника, отъ себя, то игривое замѣчаніе, то вопросъ, вызывавшій улыбки и смѣхъ гостей. Преподобный же Зосима слушалъ молча, не подымая головы, и только иногда какъ бы окатывалъ свѣтомъ своихъ сѣрыхъ, небольшихъ, но живыхъ глазъ красивое лицо посадника или его сосѣда, Селезнева-Губу, и опять пряталъ эти прозорливые глаза и поникалъ головою.

— Такъ не ласковъ москаль?—вставилъ Олельковичъ, блеснувъ разомъ и свѣтящимися глазами, и бѣлыми, такими же свѣтящимися зубами изъ-за приподнятыхъ улыбкою черныхъ усовъ.—Яко котъ до сала.

— Точно, княже, какъ котъ до мышей,—улыбнулся и посадникъ.

— А мыши что?

— Да мы, новгородскія мыши, княже, будь тебѣ видомо, посольство къ московскому коту правили... О земскихъ дѣлѣхъ своихъ я былъ посыланъ въ Москву... Пріѣхалъ это я въ Москву, поклонился боярамъ новгородскими поминками. Приняли дары, не спесивѣлись.

— Любятъ сало, ласы до него?

— Любятъ, княже... Поклонъ правлю имъ отъ Господина Великаго Новгорода, прошу доложиться великому князю на очи... Не подобаетъ, говорятъ, тебѣ, холопу, предъ свѣтлыя царскія очи становиться.

— Холопу!—проворчалъ сердито Селезневъ-Губа, стукнувъ чарою объ столъ.—Холопы они, а мы вольные люди.

— Что-то зазнались!—вскинулъ на посадника стоячими глазами и сосѣдъ Селезнева-Губы бѣлокурый Арзубьевъ Кип-

ріанъ. А давно ли онъ у поганаго Ахматки стремя и ногу цѣловалъ?

При этихъ словахъ соловецкій отшельникъ, въ свою очередь, какъ бы изумленно вскинулъ глазами на Арзубьева и Селезнева-Губу и снова спряталъ ихъ.

— Такъ и не допустили тебя до князя?—интересовался Олельковичъ.

— Не допустили, княже... Да еще меня же и докоряютъ: какъ же это, говорятъ, пріѣхалъ ты отъ Великаго Новгорода великому князю посольство править о своихъ земскихъ новгородскихъ дѣлахъ, а о грубости и неисправленьи новгородскомъ ни одного-де и слова покорнаго не правишь?

— О грубости? Эге-ге! Мыши коту согрубили...

— Да, о грубости... А я имъ на это аркучи тако: «Господинъ-деи Великій Новгородъ не мнѣ это приказывалъ, мнѣ-деи это не наказано».

— А чимъ бы то мыши согрубили коту? — улыбнулся Олельковичъ хозяйкѣ, которая въ это время подошла къ нему сама съ золотымъ кубкомъ на подносѣ.

— Да Новгородъ, княже, не пустилъ черезъ свои земли пословъ псковскихъ ради того, что они ѣхали къ великому князю не съ добромъ,—отвѣчала Мароа, кланяясь князю кубкомъ.

— Какое же было ихъ недоброе дѣло?

— А они, княже, плетутъ въ Москвѣ на насъ безлѣпичныя сплетни,—отвѣчалъ посадникъ вмѣсто Мароы. — Такъ вотъ, когда я отвѣчалъ боярамъ,—продолжалъ онъ, не давая говорить хозяйкѣ,—что мнѣ того въ посольствѣ править не указано, такъ бояре, аки псы ощетинясь, рекли, что-де сіе великому государю вельми грубно, не въ истерпъ-де воля новгородская, и что-деи великій государь тебѣ, Василію посаднику, указалъ отвѣтъ ево, государевъ, держать Великому Новуграду, аркучи тако: «Исправьтесь-деи, отчина моя, Великій Новгородъ, людіе новугородстіи, сознайтесь въ винахъ своихъ, въ земли и воды мои не вступайтесь, имя мое держите честно и грозно по старинѣ, ко мнѣ, великому государю, посылайте бить челомъ по докончанью, а я васъ, отчину свою, жаловать хочу и въ старинѣ держу».

Посадникъ договорилъ послѣднія слова взволнованнымъ

голосомъ, блѣдное лицо его вспыхивало багровыми пятнами, и когда, замолчавъ, онъ протянулъ руку къ братинѣ за чарой, рука его дрожала. Глаза преподобнаго Зосимы какъ-то робко вскидывались на него изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ и снова прятались. Глаза Марѳы, которыми она обводила собраніе, горѣли молодымъ огнемъ.

— Что жъ онъ и впрямь! Ноли мы холопи московскіе! Новгородъ ни у кого въ холопехъ не былъ!—заговорилъ сынъ Борецкой, Димитрій, блѣдный и взволнованный.

— Не былъ и не будетъ!—ударилъ мясистымъ кулакомъ по столу Арзубьевъ.

Отъ этого удара чары и братины задрожали и расплескали вино. Преподобный Зосима вздрогнулъ и съ нѣмымъ укоромъ глянулъ на Арзубьева. Марѳа самодовольно обвела гостей своими большими глазами. Она видѣла, что уже довольно подпито, и разгорячена кровь у большинства; а это-то и было ей на руку: честолюбивая баба заваривала кашу... каша закипала...

— Охъ! Кто-то ее расхлебывать будетъ?—казалось, говорили задумчивые глаза соловецкаго отшельника.

Михайло Олельковичъ, тоже подвыпившій, веселыми и лукавыми глазами оглядывалъ расходившихся новгородцевъ и подзадоривалъ ихъ то улыбкой, то кивкомъ головы.

Духовные чины между тѣмъ вели болѣе скромную бесѣду о церковныхъ дѣлахъ. Отецъ Пименъ, бѣлокурый и рыжебородый попина, жарко оспаривалъ въ чемъ то своего сосѣда, новоизбраннаго владыку Ѳеофила.

— И ты-таки на Москву поволочишься на ставленье?—говорилъ онъ, откидывая отъ кистей своихъ пухлыхъ рукъ широкіе рукава рясы, мѣшавшіе ему жестикулировать.

— И поволокусь,—невозмутимо отвѣчалъ октавой сухой, черный и горбоносый Ѳеофилъ.

— Ноли и свиту токмо, что въ окошкѣ?

— Точно, у насъ оконце едино въ царствіе божіе: греческая восточная церковь.

— А чѣмъ кіевская церковь не греческая?

— Олатынилась она латынской коростою.

— Эхъ, владыко! Не тебѣ бы говорить, не мнѣ слушать! Ноли московскіе митрополиты не ѣздили въ орду ярлыки себѣ ханськи на митрополичій престолъ выклапивать? Ноли Алексѣй

митрополитъ не обивалъ пороги у поганаго сыроядца? А вить московская церковь не отатарилась. Почто же ты латынскою коростою позоришь кіевскую церковь. Ужъ коли бы она окоростовѣла латынью, такъ святіи печерскіе угодники не стали бы лежать въ своихъ пещерахъ, ушли бы въ Москву либо тамъ во Іерусалимъ.

— На то ихъ святая воля.

Чѣмъ болѣе горячился Пименъ, тѣмъ спокойнѣе держалъ себя Ѳеофилъ, а лицо Зосимы, не проронившаго ни одного слова изъ всего этого словеснаго «разратья», становилось все задумчивѣе и грустнѣе.

Кругомъ бесѣда становилась все шумнѣе и шумнѣе.

— Отцы и братія, мужіе новугородстіи! — возвысилъ голосъ старшій сынъ Марфы, Димитрій.—Послушайте меня! Хотя я человѣкъ молодой, а многое спровидалъ на своемъ вѣку. Я бывалъ въ Литвѣ, Литву я знаю и Кіевъ знаю. Добре знаю и Москву загребистую: Москва на крови стоитъ, Москва слезамъ не вѣрить. На Москвѣ плачъ и скрежетъ зубомъ, въ Литвѣ житіе блаженное. Не вѣрьте, братіе, что Литва латынью опоганена, неправда то: въ Литвѣ истинное православіе; пастыри литовскіе не латынской ереси, отъ Москвы тѣ наговоры на нихъ. Поразмыслите, отцы и братія: въ тѣ поры какъ Москва добывала русскіе городы и княженія огнемъ и мечемъ, проливала и проливаетъ кровь хрестьянскую, Литва никого не ставила въ обиду, и вотъ нонѣ своею волею даются за литовскаго князя Козимира и Чеси, что призвали королевича на столъ къ себѣ, на господарство, дается за Козимира и угорская земля и проситъ себѣ другого королевича, Козимирова сына... А кто волею своею задавался за Москву? Какая овца охотою волку служить похочетъ?

— Истину, святую истину глаголетъ Димитрій! — кричалъ сухопарый Іеремія Сухощекъ, чашникъ владычій, и лѣзъ цѣловаться съ ораторомъ.

— Слава Димитрію!—стучалъ по столу Арзубьевъ.

— И матери его Мароѣ слава!—хрипѣлъ Селезневъ-Губа.

Одинъ бояринъ, совсѣмъ пьяный, тоже лѣзъ цѣловаться съ Димитріемъ и бормоталъ:

— Блажено чрево... блажени сосцы...

— Полно-ка, кумъ, объ сосцахъ-то!—перебилъ его Сухощекъ, таща за руку.

— А что, кумъ?.. Воистину блажени сосцы,—защищался пьяный.

— Да ты хозяйку своими сосцами соромотишь.

— Почто соромотишь! Отъ писанія глаголю.

— За короля Козимира!—кричали пьяные голоса.

Мароа ходила по палатѣ довольная, счастливая, привѣтливая: то она заговаривала съ однимъ, улыбалась другому, дружески кивала головою третьему; то подходила къ «отцамъ», взглядомъ и улыбкой одобряла запальчивую рѣчь Пимена и пожимала плечами на холодное, сухое слово Ѳеофила; то силилась заглянуть въ потупленные глаза молчаливаго соловецкаго отшельника, который упорно не глядѣлъ на нее или при приближеніи ея шепталъ: «не вмѣни Господи»... То она подходила къ блаженненькому Тишѣ и совала въ его переполненныя сумы либо рыбу, либо куровя печеное, а тотъ только идіотически улыбался и шепталъ: «птичкамъ моимъ, птицамъ небеснымъ».

Посадникъ, который пилъ меньше всѣхъ, больше всего разговаривалъ съ княземъ Олельковичемъ, который горячо хвалилъ литовскіе порядки, превозносилъ силу и величіе короля Казимира, говорилъ о льготахъ и милостяхъ, коими этотъ мудрый король осыпалъ своихъ подданныхъ и не тѣснилъ ни вѣры ихъ, ни совѣсти. По временамъ посадникъ задумывался, какъ бы силясь разрѣшить трудный, мучившій его вопросъ и при этомъ вопросительно взглядывалъ на Зосиму соловецкаго или на постное, строгое лицо Ѳеофила.

Между тѣмъ Димитрій Борецкій, около котораго столпилось нѣсколько бояръ, положивъ три поклона передъ кіотой, стоявшей въ переднемъ углу и наполненной дорогими образами въ золоченыхъ ризахъ, снялъ съ гвоздей висѣвшее тамъ серебряное распятіе и положилъ его на стоявшій въ переднемъ углу, передъ кіотой, аналой, покрытый малиновымъ бархатомъ.

— Ты что, сынокъ, удумалъ? — спросила удивленная Мароа.

Всѣ оглянулись на передній уголъ. Димитрій казался крайне возбужденнымъ.

— Что съ тобой, Митя? На что крестъ-отъ вынулъ?—спрашивала встревоженная мать.

— Во славу Великаго Новгорода,—отвѣчалъ сынъ посадницы и снова положилъ три земныхъ поклона.

Потомъ онъ поднялъ надъ головою правую руку со сложенными для крестнаго знаменія пальцами и громко, дрожащимъ голосомъ произнесъ: «Се язъ Митрей, Исаковъ сынъ, Борецкій, цѣлую животворящій крестъ сей на томъ, что положити мнѣ голову мою за волю новогородскую и не дать воли той и старины новугородской, и вѣча новугородскаго, и вѣчнаго колокола, и святой Софіи въ обиду ни Москвѣ, ни княземъ московскимъ, а буде голова моя ляжетъ въ поли чи въ неволи, и се обѣщаю я и вручаю по животѣ моемъ на вѣчную свѣчу по душѣ моей всѣ мои земли, угодья и деревни, и воды съ рыбными ловы, куды топоръ, и соха, и коса, и лодка ходила: ино горить той свѣчѣ вѣчной у престола святой Софіи до страшнаго суда, какъ стоять вѣчно волѣ новугородской до трубы архангела!

Онъ остановился, блѣдный и дрожащій. Шумъ пирующихъ стихъ, какъ отъ удара грома. И посадникъ и Марѳа стояли блѣдные. На изможденномъ лицѣ Зосимы соловецкаго изобразился ужасъ.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!—глухо произнесъ Димитрій и поцѣловалъ крестъ.

— Аминь!—пронесся по собранію голосъ Пимена.

Димитрій глянулъ кругомъ. Глаза его встрѣтились съ глазами Селезнева-Губы.

— Аминь!—снова прозвучалъ голосъ Пимена.

— И язъ цилую крестъ на томъ, что лечь мнѣ костьми за волю новогородскую!—выкрикнулъ Арзубьевъ.

— Аминь!—повторялъ Пименъ.

— И язъ цилую крестъ за святую Софію и за вѣчный колоколъ!—отозвался и Іеремія Сухощекъ.

— Аминь! Аминь! Аминь!

Вдругъ послѣдовавшая за этимъ возгласомъ тишина нарушена была какими-то странными, непонятными звуками; казалось, что кто-то навзрыдъ, хотя сдержанно всхлипывалъ. Всѣ оглядѣлись въ изумленіи. Дѣйствительно, за переднимъ столомъ, на почетномъ мѣстѣ, Зосима соловецкій, закрывъ свое сухое, испостившееся лицо такими же сухими ладонями, тихо рыдалъ, покачивая головою какъ бы отъ нестерпимой боли, между тѣмъ какъ слезы, выступая изъ-подъ ладоней, скатывались на четки и разбивались о нихъ, какъ капли дождя о камень.

Всѣхъ, уже настроенныхъ предыдущимъ, поразило это не-

ожиданное явленіе. Мароа, казалось, окаменѣла и растерянно переносила испуганные взоры съ сына у аналоя на плачущаго отшельника, съ Зосимы на гостей. Благообразное лицо посадника выражало больше чѣмъ изумленіе: онъ съ ужасомъ видѣлъ, что совершается что-то такое, чего онъ ни ожидать, ни предотвратить не могъ... А что означаютъ эти слезы угодника? Онѣ не къ добру... Онъ вспомнилъ, что недавно видѣли, какъ у Ефимьи въ церкви текли слезы по лику Богородицы, какъ плакала икона Николы чудотворца на Никитской улицѣ, какъ плакали «топольцы» на Ѳедоровой улицѣ... Затѣвается страшное дѣло для Новгорода... Онъ съ боязнью и съ горькимъ укоромъ въ душѣ взглянулъ на Мароу... «Все это бабой бѣсъ играетъ на пагубу намъ... Баба погубила Адама, прародителя, погубитъ и Великій Новгородъ... Боже, не попусти!»...

А Зосима все плакалъ, да все горше и горше, словно бы у него душу разрывали на части... Даже разумное лицо слѣпца Тиши выразило испугъ...

Вдругъ подъ окнами послышался конскій топотъ и тотчасъ же замеръ у крыльца дома Борецкихъ.

Всѣ переглянулись испуганно, перенесли глаза на двери...

— Кто это? Кто? Кто? Не гонецъ ли? Откуда? Съ какими вѣстями?..

Дверь отворилась, и въ палату вошелъ «нѣкій мужъ не великъ гораздо», съ бородою, заиндевѣвшею снѣгомъ, и съ длиннымъ мечомъ у кожаннаго съ наборомъ пояса. Онъ перекрестился торопливо, поклонился, тряхнулъ волосами.

— Тутай будетъ господинъ посадникъ?

— Язъ есми посадникъ Господина Великаго Новаграда, а ты, человѣче, кто еси?

— Я гонецъ изъ Пскова, новугородецъ.

— Съ какими вѣстями? Отъ вѣча?

— Съ недобрыми, господине... не отъ вѣча, а самъ отъ себя, ради Новгорода да святой Софіи.

Всѣ гости понадвинулись къ прибывшему. Мароа, видимо, все болѣе и болѣе приходила къ смущенію и вопросительно поглядывала на старшаго сына.

— Не смущайся, матушка, мы постоимъ за волю новгородскую,—шепнулъ онъ нетерпѣливо.

— Сказывай вѣсти, правь свое дѣло,—сказалъ посадникъ гонцу.

Мареа, какъ бы опомнившись нѣсколько, торопливо взяла со стола пустой серебряный ковшъ, зачерпнула изъ братины вина и сама подала чару гонцу.

— Выпей съ дороги, человѣче добрый!

Гонецъ взялъ чару, перекрестился и выцѣдилъ ее всю въ свой усатый ротъ.

— Спасибо,—кланялся гонецъ,—болого... а то въ гортани пересохло.

Онъ крякнулъ, утерся рукавомъ, снова тряхнулъ волосами. Посадникъ нетерпѣливо глянулъ на Мареу: «суется бѣсъ-баба». казалось, говорили его глаза.

— Ну, сказывай...

— Онома-дни пригналъ во Псковъ посолъ съ Москы,—началъ гонецъ,—псковичи сзвонили вѣче... Ладно, болого... Посолъ-отъ и говорить на вѣчѣ: великій-де князь велѣлъ мнѣ сказать вамъ, псковичамъ, отчинѣ своей, коли-де Великій Новгородъ не добьетъ мнѣ челомъ о моихъ старинахъ, ино отчина моя Псковъ послужилъ бы мнѣ, великому князю, на Великій Новгородъ за мои старины.

Точно громъ разразился у всѣхъ надъ головами. Никто не шевелился, кругомъ воцарилась мертвая тишина. Слышны были только тихія, сдержанныя, но страстно глухія всхлипыванья. Это плакалъ Зосима съ тихимъ шопотомъ: «что видѣлъ я, Боже!.. О! Ужасеся душа моя... ужаса исполнено видѣніе сіе... безъ головъ»...

Гонецъ передохнулъ, съ боязнью глядя на плачущаго старца.

— И что жъ, на чемъ положилъ Псковъ?—хрипло спросилъ посадникъ.

— Положилъ стоять за великаго князя, пословъ послать въ Великій Новгородъ бить челомъ Москвѣ о миродокончальной грамотѣ...

— О миродокончальной?

— А тако жъ и объ размѣтныхъ вѣче шумѣло... точно, болого, о миродокончальной и о разметной...

— А! Разметной! Вонъ оно что! Холопы!

И посадникъ оглянулъ все собраніе. Глаза его упали на Мареу, потомъ на плачущаго Зосиму, снова на Мареу...

— У! Змѣя подколодная... не терпѣлось тебѣ... мужа захотѣла, старая вѣдьма...

Посадникъ опомнился. Опомнилось и все сборище. Послышались возгласы, угрозы: «мы ихъ, сякихъ-такихъ!.. мы имъ, разъэдакимъ!.. Да мы ихъ!»...

— Звонить вѣче! Послать вѣчново звонаря атъ звонить на всю землю новгородскую!—покрылъ все голосъ посадника.

— На вѣче! На вѣче!—повторили всѣ въ одинъ голосъ.

Черезъ нѣсколько минутъ надъ Новгородомъ и его окрестностями разносился въ воздухѣ звонкій, рѣзкій, точно человѣческимъ голосомъ стонущій крикъ вѣчеваго колокола.

III. Предсказанія кудесницы.

Не успѣли еще гости разойтись изъ дома Борецкой и отправиться, по призыву вѣчеваго колокола, на вѣче, какъ кто-то торопливо вышелъ изъ этого дома и, нахлобучивъ на самые глаза бобровую шапку, а также поднявъ мѣховой воротникъ «мятели», чтобъ не видно было лица, скорыми шагами направился по берегу Волхова, вверхъ по направленію къ Ильменю. Онъ шелъ, не оглядываясь по сторонамъ, а между тѣмъ зорко присматривался ко всѣмъ проходившимъ мимо, хотя прохожихъ въ это время было очень мало: весь Новгородъ, послѣ избранія владыки, или обѣдалъ, или, скорѣе, спалъ послѣ обѣда по заведенному изъ старины обычаю.

Изъ-за поднятаго воротника «мятели» у таинственнаго прохожаго виднѣлся только конецъ рыжей бороды́ да изъ-подъ бобровой шапки выбивалась прядь рыжихъ волосъ, которую и трепалъ въ разныя стороны перемѣнчивый вѣтеръ. Прохожій прошелъ такимъ образомъ весь Неревскій конецъ, оставилъ за собою ближайшіе городскіе сады и огороды, спускавшіеся къ Волхову, прошелъ мимо кирпичныхъ сараевъ и гончаренъ и достигъ старыхъ уединенныхъ каменоломенъ, нынѣ уже брошенныхъ, гдѣ брали камень на постройку новгородскихъ церквей, монастырей и боярскихъ хоромъ очень давно, еще при первыхъ князьяхъ, вскорѣ послѣ «Перунова вѣка».

Здѣсь берегъ былъ высокій, изрытый, со множествомъ глубокихъ пещеръ, изъ которыхъ многія уже завалились, а другія зіяли между снѣгомъ, какъ черныя пасти.

Подойдя къ пещерамъ, прохожій невольно, съ какимъ-то ужасомъ остановился. Ему почудилось, что точно бы подъ землею или въ одной изъ пещеръ кто-то поетъ. Хотя голосъ былъ пріятный, женскій, почти дѣтскій, но въ этомъ мрачномъ уединеніи онъ звучалъ чѣмъ-то страшнымъ...

— Чуръ, чуръ меня!—невольно пробормоталъ прохожій, крестясь испуганно и прислушиваясь.

Таинственное пѣніе смолкло.

— Ноли старая чадь такъ поетъ, кудесница? Съ нами крестъ святой...

Но въ эту минуту невдалекѣ послышался другой голосъ, скрипучій, старческій:

— Ну-ну, гуляй, гуляй... А заутра я тебя съимъ,—бормоталъ гдѣ-то скрипучій голосъ.

Волосы, казалось, стали живыми и задвигались подъ шапкою прохожаго...

Боммъ!.. Раздался вдругъ въ Новгородѣ первый ударъ вѣчевого колокола, и голосъ его, словно живое что-то, прокатился по воздуху и ему какъ бы что-то живое отвѣчало глухимъ откликомъ въ пещерахъ...

— Го-го-го! Заговорилъ Господинъ Великій Новгородъ! — опять послышался тотъ же старческій голосъ.—А коли-то смолкнетъ...

Точно въ бреду какомъ, прохожій двинулся впередъ къ каменному выступу и невольно остановился. Внизу, на Волховѣ, у трехугольной проруби, середина которой была покрыта соломой, на льду, бокомъ, опираясь на клюку, стояла старуха и глядѣла въ прорубь...

— Кричи, кричи, матка, созывай пчелокъ... А кому-то медокъ достанется?

Старуха потыкала клюкой въ прорубь, погрозила кому-то этой клюкой въ воду...

— Гуляй, гуляй, молодецъ, покуль я тебя не съила, а мальцовъ ни-ни, не трогай...

Старуха оглянулась и съ изумленіемъ уставилась своими глубоко запавшими глазами въ неподвижно стоявшаго на берегу прохожаго. Голова ея покрыта была чѣмъ-то вродѣ ушастаго малахая и тряслась. Одежда ея, вся въ разноцвѣтныхъ заплатахъ, напоминала одѣяніе скомороха.

Прохожій снялъ шапку и показалъ свою большую, обильную рыжими волосами голову.

— Фу-фу-фу-фу! Русскимъ духомъ запахло!—тѣмъ же скрипучимъ голосомъ проговорила старуха.—Опять рыжій... рудой волкъ...

«Рудой волкъ», надѣвъ шапку, хотѣлъ было спуститься съ берега.

— Стой, молодецъ!—остановила его старуха.—Дила пытаешь, ци отъ дила лытаешь?

— Дила пытаю, бабушка,—отвѣчалъ рыжій,—къ твоей милости пришелъ.

— Добро, пойдемъ въ мою могилку...

По узенькой тропинкѣ старуха поднялась на берегъ и, поровнявшись съ пришельцемъ, пытливо глянула ему въ очи своими сверкавшими изъ глубокихъ впадинъ черными, сухими глазами. Острый подбородокъ ея шевелился самъ собою, какъ будто бы онъ не принадлежалъ ея серьезному, сжавшемуся въ безчисленныя складки лицу.

— Иди за мной, да не оглядывайся,—сказала она и повела его къ ближайшей пещерѣ, входъ въ которую чернѣлся между двухъ огромныхъ камней.

Пришлецъ послѣдовалъ за нею. Согнувшись, онъ вошелъ въ темное отверстіе и остановился. Старуха три раза стукнула обо что-то деревянное клюкой. Словно бы за стѣной послышалось мяуканье кошки... Пришлецъ дрогнулъ и задержалъ дыханіе, какъ бы боясь стука собственнаго сердца...

Старуха пошуршала обо что-то въ темнотѣ.

— Отворись, раскройся, моя могилка.

Что-то отворилось въ темнотѣ, точно дверь скрипнула, но ничего не было видно. Вдругъ пришлецъ ощутилъ прикосновеніе къ своей рукѣ чего-то холоднаго и попятился было назадъ.

— Не бойся, иди...—Это старуха потянула его за руку.

Ощупывая ногами землю, онъ осторожно подвинулся впередъ, переступилъ порогъ... Опять мяуканье...

— Брысь, брысь, желтый глазъ...

Пришлецъ увидѣлъ, что недалеко, какъ будто въ углу, тлѣютъ уголья, нисколько не освѣщая мрачной пещеры. Старуха бросила чего-то на эти уголья, и они, мгновенно вспыхнувъ яркимъ пламенемъ, освѣтили на одинъ мигъ подземелье. Въ тотъ

же моментъ у старухи очутилась въ рукахъ зажженная лучина, которую она и поднесла къ глиняной плошкѣ, стоявшей на гладкомъ большомъ камнѣ среди пещеры. Свѣтильня плошки вспыхнула въ свою очередь и мгновенно освѣтила все подземелье...

Въ одинъ моментъ произошло что-то необыкновенное, страшное, отъ чего пришлецъ хотѣлъ бы тотчасъ же бѣжать, крестясь въ ужасѣ и дрожа, но ноги отказались служить ему...

Словно бѣшеный замяукалъ и зафыркалъ огромный черный котъ съ фосфорическими желто-зелеными глазами и сталъ метаться изъ угла въ уголъ... Ка́кая-то большая птица, махая крыльями, задѣла ими по лицу обезумѣвшаго отъ страха пришельца и, сѣвъ въ какое-то углубленіе, уставила на него свои круглые, огромные, не моргающіе глаза, глаза точно у человѣка, и уши торчатъ, какъ у кота, голова, какъ у ребенка, круглая, съ загнутымъ книзу клювомъ, которымъ она щелкаетъ какъ зубами... Со всѣхъ сторонъ запорхали по пещерѣ летучія мыши и задѣвали своими крючковатыми крыльями пришельца за лицо, за уши, за волосы, которые шевелились у корней отъ ужаса...

На жердяхъ и веревкахъ висѣли пучки всевозможныхъ травъ, цвѣтовъ, кореньевъ... Межъ ними висѣли сушеныя лягушки, ящерицы, змѣи... Страшный котъ, вспрыгнувъ на одну изъ жердей, сердито фыркалъ и глядѣлъ своими ужасными, свѣтящимися зеленымъ огнемъ глазами, какъ бы слѣдя за каждымъ движеніемъ, за каждымъ вздохомъ растерявшагося пришельца...

А между тѣмъ изъ Новгорода продолжали доноситься въ это страшное подземелье медленные, торжественные удары вѣчеваго колокола... Казалось, что Новгородъ хоронитъ кого-то, себя хоронитъ, по своей кончинѣ звонитъ и плачетъ...

Старуха, что-то копавшаяся въ углу, подошла къ пришельцу и снова пытливо взглянула ему въ глаза.

— Своей волей пришелъ добрый молодецъ?

— Своей, бабушка.

Онъ испугался своего собственнаго голоса: онъ не узналъ его: это былъ не его голосъ... И котъ при этомъ опять замяукалъ.

— За какимъ промысломъ пришелъ?

— Судьбу свою узнать хочу.

— Судъ свой... что сужено тобѣ... И еиный судъ?

— И еиный такожъ бабушка... и Мареинъ...

— И Мареинъ?

— Точно... какова ея судьбина...

— Фу-фу-фу!—закачала своею сѣдою головой старуха:— Высоко соколъ лётаетъ, идѣ-то сядетъ?...

Старуха подошла къ страшной птицѣ: то была сова, и шепнула ей что-то въ ухо... Сова защелкала клювомъ..

— А? На ково сердитуешь? На Марѳу? Ци па Марѳину сношеньку молодую?

Сова опять защелкала и уставила свои, словно бы думающіе глаза на огонь.

— Для чево разбудили старика?—обратилась вдругъ старуха къ пришельцу.

Тотъ не понялъ вопроса и молчалъ.

— Вѣче для чево звонятъ?—перепросила она вновь, прислушиваясь къ протяжнымъ ударамъ колокола.

— Гонецъ со Пскова пригналъ съ вѣстями.

— Знаю... Великой князь псковичей на Великой Новгородъ подымае, и самъ скоро на конь всяде...

— Ноли правда?

— Истинная... И ко мнѣ гонцы пригнали съ Москвы, мои гонцы вѣрнѣе вашихъ, безъ опасныхъ грамотъ ходятъ по аеру...

Летучія мыши продолжали носиться по пещерѣ, цѣплялись за сѣрые камни, пищали...

— Такъ судъ свой знать хочешь? И синый той, черноглазой, бѣлогрудой ласточки? и Марфинъ? И Великаго Новагорода?

— Ей-ей хощу.

— Бологo, добро... Сымай поясъ.

Тотъ дрожащими руками распоясалъ на себѣ широкій шерстяной поясъ съ разводами и пышными цвѣтными концами.

— Клади подъ лѣву пяту.

Тотъ повиновался... Опять послышалось невдалекѣ, словно бы за стѣною, тихое, мелодическое женское пѣніе.

— Что это бабушка?

— То моя душенька играе... А теперево сыми подпояску съ рубахи... Въ ту пору какъ попъ тебя крестилъ и изъ купели вымалъ, онъ тебя и подпоясочкою опоясалъ... Сымай ее... клади подъ лѣву пяту...

Снята и шелковая малиновая подпояска и положена подъ лѣвую пятку.

— Сыми теперево хрестъ и положь подъ праву пяту.

Руки, казалось, совсѣмъ не слушались, когда злополучный рыжій разстегивалъ воротъ рубахи и снималъ съ шеи крестъ на черномъ гайтанѣ... Но вотъ снятъ и крестъ и положенъ подъ правую пятку.

Невѣдомое пѣніе продолжалось гдѣ то, казалось, подъ землей. Явственно слышался и нѣжный голосъ и даже слова знакомой пѣсни о «Садкѣ богатомъ гостѣ»:

И поихалъ Садко по Волхову,
А со Волхова въ Ильмень-озеро,
А со Ильменя-ту во Ладожско,
А со Ладожска въ Неву-рѣку,
А Невою-рѣкою въ синё море...

— О-охъ! — невольно простопалъ несчастный, не попадая зубъ на зубъ.

Послышался плескъ воды, а потомъ шопотъ старухи, какъ бы съ кѣмъ-то разговаривавшей... «Ильмень, Ильмень, дай воды Волхову... Волхово, Волхово, дай воды Новугороду»...

Старуха вышла изъ угла, подошла къ своему гостю, держа въ рукахъ красный лоскутъ.

— Не гляди глазами, слушай ушами и говори за мной.

И старуха завязала ему краснымъ лоскутомъ глаза.

— Сказывай за мной, добрый молодецъ, слово по слову, какъ за попомъ передъ причастьемъ.

И старуха начала нараспѣвъ причитать:

Встаю я, добёръ молодецъ, не крестясь,
Умываюсь не молясь,
Изъ воротъ выхожу—
На солнушко не гляжу,
Иду я, доберъ молодецъ, лѣсами-полями,
Невѣдомыми землями,
Гдѣ русково духу не слыхано,
Гдѣ живой души не видано,
Гдѣ пѣтухъ не поетъ,—
Ино сова гласъ подаетъ,—
Подъ нози Христа метаю,
Суда свово пытаю...

Несчастный дрожалъ всѣмъ тѣломъ, повторяя эти безсмысленныя, но для него страшныя слова. Кудесничество и волхованіе въ то время пользовались еще такою вѣрою, что противъ нихъ безсильны были и власть, сама вѣровавшая кудесникамъ, и цер-

ковь, допускавшая возможность ѣзды на бѣсахъ, какъ на лошадяхъ, или на коврѣ самолетѣ... Давно ли преподобный Іоаннъ успѣлъ слетать на бѣсѣ въ Іерусалимъ въ одну ночь...

Послышался стонъ филина...

— Слышишь?

— Слышу...

— Теперево самая пора... пытай судьбу... Спрашивай...

— Что будетъ съ Великимъ Новгородомъ?

— Былъ Господинъ Великій Новгородъ и не будетъ ево... Будетъ осударь...

— Какой государь?

— Православной.

— Такъ за нево стоять?

— За тово, кто осударемъ станетъ.

— Какой судъ ждетъ Марфу?

— Осударевъ судъ.

— А Марья будетъ моя?

— Коли Новгородъ осударемъ будетъ, ино и Марья твоя.

— А любъ ли я ей?

— Оже ли бы не любъ, не приходила бы она ко мнѣ пытать о тебѣ.

— Ноли она была у тебя?

— Она и посяместь тутъ...

У вопрошающаго ноги подкашивались. Онъ готовъ былъ упасть и силился сорвать повязку съ глазъ.

— Не сымай Не сымай!—остановила его старуха.

Потомъ она сняла съ жерди пучекъ какихъ-то сухихъ травъ и бросила на тлѣвшіе въ углу уголья. Угли вспыхнули зеленымъ пламенемъ, и по пещерѣ распространился какой-то удушливый, одуряющій запахъ. Затѣмъ старуха прошла въ какое-то темное отверстіе въ углу пещеры и черезъ минуту воротилась, но уже не одна: съ нею вышла молоденькая дѣвушка и остановилась въ отдаленіи. Котъ, увидавъ ее, спрыгнулъ съ жерди, на которой онъ все время сидѣлъ, распушивъ хвостъ, подошелъ къ дѣвушкѣ и сталъ тереться у ея ногъ.

— Смотри на свою суженую, вонъ она!—сказала старуха и сорвала повязку съ глазъ своей жертвы.

Тотъ глянулъ, ахнулъ и, какъ снопъ, повалился на землю...

IV. Бурное вѣче.

Долго, не умолкая ни на минуту, гудѣлъ вѣчевой колоколъ. Странный голосъ его, какой-то кричащій, подмывающій, не похожій ни на одинъ изъ многихъ сотенъ голосовъ всѣхъ колоколовъ множества новгородскихъ церквей и соборовъ, какъ-то нервно, тревожно, точно голосъ нервнаго человѣка, разносился надъ Новгородомъ, то усиливаясь и возвышаясь въ одномъ направленіи, надъ одними «концами» города, то падая и стихая надъ другими, смотря по тому, куда уносилъ его порывъ вѣтра, дувшаго, казалось, то съ московской, то съ псковской, то съ ливонской стороны.

«Вѣчный» звонарь, одноглазый, сухой и сморщенный старичекъ, которому одинъ глазъ еще въ дѣтствѣ отецъ его, тоже «вѣчный» звонарь, нечаянно выхлестнулъ веревкою, привязанною для звона къ языку вѣчевого колокола, безъ шапки, съ мятущимися по вѣтру сѣдыми, рѣдкими волосенками, съ восторженнымъ умиленіемъ на старческомъ лицѣ, точно священнодѣйствуя, звонилъ, ни на мигъ не переставая, качая желѣзный языкъ изъ стороны въ сторону, колотя имъ объ мѣдные, сильно побитые края колокола, который вздрагивалъ и кричалъ словно отъ боли, и котораго стоны заглушалъ новый ударъ желѣзнаго языка, и онъ опять вздрагивалъ и кричалъ, кричалъ, какъ живой человѣкъ, какъ раненый или утопающій, а подчасъ какъ плачущая женщина. «Вѣчный» звонарь хорошо изучилъ натуру и голосъ своего колокола, изучалъ его всю жизнь и умѣлъ заставить его кричать такимъ голосомъ, какого ему хотѣлось, какого ожидалъ отъ него Господинъ Великій Новгородъ—тревожнаго, радостнаго, набатнаго или унылаго.

Теперь онъ кричалъ тревожно. «Вѣчный» звонарь зналъ, по какому поводу созывается вѣче: ему впопыхахъ повѣдали о томъ отроки, прибѣжавшіе отъ посадника, прямо съ Марфина пира, и велѣвшіе звонить вѣче «Москва на насъ собирается»... «Псковъ поломалъ крестное цилованье, миродокончальныя грамоты разметываетъ»...

На голосъ призывнаго колокола — новгородцы, только что было соснувшіе послѣ избранія новаго владыки и послѣ ранняго обѣда, спросонья бѣжали на вѣче, къ Ярославову дворищу, слов-

но на пожаръ, кто безъ шапки и пояса, кто съ едва накинутымъ на одно плечо кафтаномъ или однорядкою. Двери, ворота и запоры по всему Новгороду хлопали, визжали и скрипѣли, словно испуганные, собаки лаяли, людской говоръ несся волнами, какъ и самъ народъ, со всѣхъ пяти «концовъ» и улицъ, запружая узкія улицы и мосты, валомъ валя напрямки черезъ Волховъ по льду, оглашая воздухъ криками, вопросами, руганью невѣдомо кому и невѣдомо за что, и подчасъ звонкимъ смѣхомъ и веселыми шутками.

— Новаго владыку вѣчемъ ставить, Пимена!

— Ой-ли? А чи Ѳефилъ не любъ?

— Не любъ, московской руки княженецкой.

— Нѣмцы, може, идутъ на насъ.

— Гдѣ нѣмцамъ! Москва, сказываютъ, съ татары... кобылятники.

Скоро вѣчевую площадь и помостъ запрудили народныя волны. Вѣчевой колоколъ умолкъ и только тихо стоналъ, замирая въ воздухѣ. Звонарь, набожно перекрестившись и перекрестивъ колоколъ, потянулся къ нему своими мозолистыми, корявыми руками и сталъ ими гладить края все еще тихо стонавшей мѣди, какъ бы лаская что-то милое, родное, дорогое ему.

— Утомился, мой батюшко, колоколецъ мой миленькой, утомился, родной,—любовно бормоталъ онъ.—Ну, ино отдохни,—передохни, кормилецъ мой, колоколушко вѣчной... Ишь, какъ тяжко дышитъ старина... Ино буде, буде стонать, батюшко...

Потомъ старикъ, привязавъ конецъ колокольней веревки къ балясинѣ, оперся руками о перила башеннаго окна и сталъ смотрѣть на вѣче, на площадь, затопленную народными волнами. Зрѣлище было поразительное: виднѣлись сплошныя массы головъ, шапокъ, плечъ, плечо къ плечу, хоть ходи по нимъ отъ одного конца площади до другого.

— Ишь, дитушки мои, новугородци, экое людо людное... Совокупилися дитки у единыя матки... Головъ-то, головъ-то, что!—качалъ онъ косматою головой.

Внизу, на вѣчевомъ помостѣ, отчетливо выдѣлялись фигуры посадника и гонца, пригнавшаго изъ Пскова. Сѣдая голова посадника сверкала на солнцѣ, какъ серебряное руно, а золотая гривна горѣла и словно искрилась, какъ богатое ожерелье на иконѣ.

Гонецъ что-то говорилъ и кланялся на всѣ стороны. По площади волнами ходилъ невнятный говоръ, не то гулъ, не то рокотъ волнъ.

— Господинъ Великій Новгородъ серчать учалъ,—бормоталъ про себя «вѣчный звонарь», глядя съ высоты на колыхающееся море головъ и прислушиваясь къ рокоту голосовъ.

— Ино псковичи на вѣчѣ приговорили, что-деи Господинъ Великой Новгородъ, нашъ старшій братъ намъ-деи не въ брата мѣсто сталъ,—доносился голосъ гонца.

— Хула па святую Софію!.. Не потерпимъ, братцы, таковыя хулы!..

— Соромъ Великому Новгороду отъ молодчаго брата!

— Всядемъ, братцы, на конь за святую Софію и за домы божіи, и за честь новогородскую! — вырывались голоса изъ толпы, и площадь колыхалась, какъ боръ подъ вѣтромъ.

Посадникъ тряхнулъ своею серебряною головою и заговорилъ громко и внятно. Онъ вторично передалъ собранію содержаніе вѣстей, привезенныхъ гонцомъ изъ Пскова. Великій князь подымаетъ псковичей на Великій Новгородъ, не предувѣдомивъ его объ этомъ. Онъ ищетъ воли новгородской, на старину вѣковѣчную и на святую Софію пятою наступить умыслилъ. А Новгородъ старше Москвы, Новгородъ старше всѣхъ городовъ русскихъ. Въ Новгородѣ сидѣлъ Рюрикъ князь, прародитель всѣмъ князьямъ русскимъ, когда Москвы еще и на свѣтѣ не было. Великій князь чинитъ неправду, обиду налагаетъ на землю новгородскую. Новгородъ былъ вольнымъ городомъ, искони-бѣ съ той поры, какъ пошла есть русская земля.

Долго говорилъ посадникъ, обращая рѣчь свою на всѣ стороны. Но осторожный правитель новгородской земли не ставилъ вопросъ ребромъ: онъ только излагалъ положеніе дѣлъ, говорилъ о грозившей Новгороду опасности, спрашивалъ, что ему дѣлать, бить ли великому князю челомъ объ его старинахъ, виниться ли ему въ своей грубости и просить опасной грамоты новому владыкѣ, чтобы ѣхать въ Москву на ставленье?

— Говори свою волю, Господине Великій Новгородъ!—закончилъ онъ свою рѣчь.—На чемъ ты постановишь, на томъ и пригороды станутъ.

Онъ смолкъ и низко кланялся на всѣ стороны.

Казалось, что разомъ прорвалась давно сдерживаемая плотина, и бушующія волны съ ревомъ, шумомъ и невообразимымъ клокотаньемъ ринулись съ горъ въ долину и все топили, ломали, сносили съ мѣстъ и уносили невѣдо куда. Сначала слышался только ревъ и стонъ. Отдѣльные возгласы и рѣчи стали выдѣляться уже послѣ...

— Ишь, разыгралось Ильмень-озеро!—качалъ головою звонарь, поглядывая на волнующееся вѣче. — Распалились дѣтушки новугородци, фу-фу-фу!

Новгородцы дѣйствительно, распалились. Звонарь ждалъ, что тотчасъ же разразится буря, которыя не разъ доводилось наблюдать на своемъ вѣку этому старому сторожу «вѣчнаго гласа» съ высоты своей исторической колокольни. Это бывало тогда, когда народъ—эта самодержавная сила древнѣйшей сѣверно-славянской республики—«худые мужики вѣчники», выведенные изъ терпѣнія какими-либо неправильными или отягощающими ихъ бытъ дѣйствіями или распоряженіями правящихъ властей и богатыхъ людей, подымали бурю на вѣчѣ, стаскивали провинившихся противъ верховной власти народа ораторовъ съ вѣчеваго помоста, били и истязали ихъ всенародно, бросали съ моста въ Волховъ, а потомъ грабили ихъ дома, грабили цѣлые «концы» или «улицы» разжившихся на счетъ самодержавнаго народа бояръ, посадниковъ и тысячскихъ, и, такъ сказать, своими кулаками, каменьемъ и дубьемъ дѣлали поправку въ закопахъ своей оригинальной, мужицкой, чисто-русской республики. Не сдѣлали власти того, чего хотѣлъ народъ, и этотъ самодержавный мужикъ тутъ же, на вѣчѣ, расправлялся съ властями, замѣнялъ ихъ новыми, направлялъ дѣла новгородской земли туда, куда желала державная воля народа, и тутъ же, подъ вѣчевой колоколъ, подъ ревъ тысячъ мужицкихъ глотокъ изрекалъ свое державное «быть по сему».

Такимъ и теперь сказался на вѣчѣ этотъ «самодержавный мужикъ» Господинъ Великій Новгородъ.

— Не хотимъ московскаго князя! Мы не отчина его!—выдѣлялись отдѣльные голоса изъ общаго народнаго рева.

— Мы вольные люди, какъ и земля стоитъ!

— Мы—Господинъ Великій Новгородъ! Москва намъ не указъ.

— Московскій князь чинитъ надъ нами. вольными людьми, великія обиды и неправды

— За Коземира хотимъ за литовскаго, къ чорту Москву!

— Не надоть для владыки опасной грамоты отъ Москвы! Пускай идетъ на ставленье въ Кіевъ.

Никто не смѣлъ перечить расходившемуся народу. Посадникъ, тысячскіе и старосты, люди степенные и богатые, сбившись въ кучу подъ вѣчевой башней, стояли безмолвно. У посадника, когда онъ поправлялъ, по привычкѣ, золотую гривну блиставшую на груди, рука дрожала замѣтно.

Откуда ни возьмись, на помостѣ появилась рыжая голова на плотномъ туловищѣ всѣмъ извѣстнаго новгородца. Волосы его казались золотыми на солнцѣ, а небольшіе черные глазки, казалось, смотрѣли черезъ головы народа и искали кого-то вдали.

Это былъ Упадышъ, человѣкъ бывалый, хотя не старый, не разъ ѣзжавшій въ Москву и имѣвшій тамъ знакомство.

Онъ по русскому обычаю тряхнулъ своими рыжими волосами и поклонился на всѣ стороны.

— Повели мнѣ, Господине Великій Новгородъ, слово молвить,—заговорилъ онъ, снова кланяясь.

— Упадышъ ричь держитъ, братцы, послухаемъ-кось, что Упадышъ скажетъ.

— Помолчите, братцы!

— Долой Упадыша!

— Врешь!.. Говори-сказывай, Упадышъ! Держи свою ричь!

— Сказывай! Сказывай!

Эти голоса осилили. Упадышъ оправился, снова тряхнулъ волосами, снова поклонился.

— Братіе, Господине Великой Новгородъ! Нельзя тому быть, какъ вы говорите, чтобъ намъ даться за короля Коземира и поставить себѣ владыку отъ ево митрополита-латынина. Изъ начала, какъ и земля наша стоитъ, мы отчина великихъ князей...

— Не отчина мы ихъ! Вретъ Упадышъ!

— Отчина! Онъ правду говоритъ!

— Отъ перваго великаго князя Рюрика мы отчина ихъ. Князя Рюрика изъ варягъ избрала наша земля, новгородская, а правнукъ Рюриковъ, Володимеръ князь кіевской крестился отъ грековъ и крестилъ всю русскую землю, и нашу словенскую, ильмерскую, и вескую, и бѣлозерскую, и кривскую, и муромскую, и вятичей,—продолжалъ Упадышъ, несмотря на ропотъ народа.

— А Москвы ту-пору и въ заводѣ не было, а вонъ она нонѣ верховодить нами хочетъ...

— Не бывать тому! Не видать Москвѣ Новгорода, какъ ушей своихъ!

— Братіе новугородцы!—выкрикивалъ Упадышъ.—И мы, Великой Новгородъ, до нонѣшнихъ временъ не бывалъ за латиною и не ставливали себѣ владыки отъ Кіева. Какъ же теперево хотите вы, чтобъ мы поставили себѣ владыку отъ Григорья? Григорій, ученикъ Исидора латинина.

— Къ Москвѣ хотимъ! Къ Москвѣ, по старинѣ, въ православіе.

— Къ Москвѣ! Къ Москвѣ!—раздались голоса степенныхъ мужей.

Вдругъ въ воздухѣ мелькнуло что-то бѣлое, и снѣжный комъ влѣпился Упадышу въ голову.

— Разбойники! Злодѣи!—крикнулъ онъ, хватаясь за голову.

Снѣжки полетѣли со всѣхъ сторонъ. Они обсыпали стоявшихъ на помостѣ, у вѣчевой башни. Крики усилились.

«Вѣчный» звонарь съ высоты своей колокольни видѣлъ, какъ въ толпѣ ходило нѣсколько человѣкъ, хорошо одѣтыхъ, и что-то горячо говорили народу. Звонарь узналъ между ними сыновей Марѳы посадницы, а также Арзубьева, Селезнева-Губу и Сухощека. Старикъ улыбнулся.

— Все это Марѳутка мутитъ... Бѣсъ-баба, знала бы свое кривое меретено, такъ нѣтъ, мутитъ.

Старикъ оглянулся на свой колоколъ, и лицо его озарилось радостной улыбкой.

— Ахъ, колоко́лушко мой, колоко́лецъ родной!.. Нѣтъ! Не отдамъ тебя Москвѣ, голову за тебя положу, а не отдамъ...

И онъ снова глянулъ на площадь, гдѣ гулъ и крики усиливались.

— Не давайтесь Москвѣ, дѣтушки, не давайтесь,—бормоталъ старикъ.—Мути, Марѳуша, мути вѣчниковъ, не давай ихъ Москвѣ... И-и-колоколушко мой!

На площади уже почти не видно было ни головъ, ни плечъ мужицкихъ: въ воздухѣ махали только руки да кулаки, да снѣжки,—самодержавный мужикъ валитъ стѣной, чтобы стереть съ лица земли все, что противилось его державной волѣ.

Но въ этотъ моментъ посадникъ, словно бы выросшій на цѣлую четверть, обратился къ вѣчевой башнѣ и махнулъ своею собольею шапкой... Голоса его все равно никто бы не услыхалъ за этою народною бурею...

Звонарь хорошо зналъ этотъ нѣмой приказъ посадника. Онъ торопливо ухватился за колокольную веревку и точно помолодѣлъ. Онъ зналъ, что одного движенія его старой руки достаточно, чтобы въ одинъ мигъ улеглась народная буря.

— Ну-ко, заговори, колоколушко мой, крикни...

И вѣчевой колоколъ крикнулъ. Звонъ еще разъ, еще, еще... Мѣдный крикъ пронесся опять надъ площадью и надъ всѣмъ городомъ. Народная буря стихла, поднятые кулаки опустились.

Посадникъ выступилъ на край помоста. Онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго. Въ душѣ онъ чувствовалъ, что, быть можетъ, рѣшается участь его родины, славнаго и могучаго Господина Великаго Новгорода... На сердцѣ у него и въ мозгу что-то ныло, слова какія-то ныли и щемили въ сердцѣ... «Марѳо! Марѳо!» невольно звучали въ ушахъ его евангельскія слова, и ему припоминалась эта другая Марѳа, которую, казалось, Богъ въ наказаніе послалъ его бѣдной родинѣ... «Проклятая Марѳа»... И передъ нимъ промелькнули годы, промелькнула его молодость, а съ нею обаятельный образъ этой «проклятой Марѳы» во всей чудной красотѣ дѣвичества... «Проклятая, проклятая»...

Онъ вскинулъ вверхъ свою серебряную голову, чтобъ отогнать нахлынувшія на него видѣнія молодости. А колоколъ все кричалъ надъ нимъ. Онъ глянулъ туда, вверхъ, и два раза махнулъ шапкой. Колоколъ умолкъ, точно ему горло перехватило, и только протяжно стоналъ... Надъ вѣчевымъ помостомъ кружился бѣлый безъ отмѣтинки голубь...

— Господо и братіе!—прозвучалъ взволнованный голосъ посадника.—Вижу, Господине Великій Новгородъ, нѣтъ твоей воли стать за князя московскаго, за его старины..

— Нѣтъ нашей воли на то!

— За короля хотимъ! За Каземира!

— Мы вольные люди, и подъ королемъ наши братья, русь, тожъ вольные люди!

— Да будетъ твоя воля, Господине Великій Новгородъ,— продолжалъ посадникъ, когда нѣсколько смолкли крики.—За короля, такъ за короля. И того для подобаетъ намъ съ королемъ договорную грамоту написать и печатьми утвердить...

— Бологo! Бологo! На то наша воля!

— Ниту нашей воли, ниту!—кричали сторонники Москвы, большею частію люди старые, степенные, богатые и ихъ прихлебатели.

— Не волимъ за короля! Не волимъ за латынство!

— За православіе волимъ! За старину!

Но ихъ голоса покрыты были ревомъ толпы.

— Не хотимъ въ московскую кабалу. Мы не холопи!

— Бей ихъ, идоловыхъ сыновъ! Съ мосту толстобрюхихъ!

— На потокъ и на разоренье хоромы ихъ, Перуньево отродье!

Опять полетѣли въ воздухѣ комья снѣгу, а съ ними и камни. Опять тысячи рукъ съ угрозой махали въ воздухѣ. Народъ двигался стѣною, давя другъ дружку. Противная сторона просунулась назадъ; но дальше итти было некуда. Свалка уже начиналась на правомъ и на лѣвомъ крылѣ, гдѣ первые натиски толпы приняли на себя рядскіе молодцы и рыбники, защищавшіе интересы торговыхъ людей и свои собственные.

— Братцы кончане, за мною! — кричалъ богатырскаго роста рыбникъ съ Людина «конца».—Бей ихъ, худыхъ мужиковъ вѣчниковъ!

— Не дадимъ себя въ обиду, братцы уличане!

— Лупи, братцы, сѣрыхъ лапотниковъ.

— Разнесемъ ихъ, гостиныхъ крысъ! Разнесемъ Перуньевы сѣмена!—отвѣчали сѣрые вѣчники.

Русскій народъ мастеръ биться на кулачки, а новгородцы по этой части были мастера первый сортъ: всю зиму, по большимъ праздникамъ и по воскреснымъ днямъ, а равно на широкую масляницу, послѣ блиновъ, на Волховѣ, на льду, сходился чуть не весь Новгородъ, и начинался «бой-драка веселая». «Конецъ» шелъ на «конецъ», Неревскій конецъ на Людинъ, Славенскій на Плотницкій, Околотокъ на загородній конецъ. А тамъ сходились улица съ улицей, и кровопролитье изъ носовъ шло веліе; ставились фонари подъ глазами, сворачивались на сторону скулы-салазки, доставалось «микиткамъ» и ребрамъ... Въ порывѣ крайняго увлеченья торговая сторона шла лавой на Софійскую, и тогда въ битвѣ участвовали не одни молодцы рядскіе, рыбники да мужики вѣчники, а выступали и солидные «житые люди» и бояре, и гости, молодое и старое...

Такую картину разомъ изобразило изъ себя вѣче въ этотъ достопамятный день. Богатырь рыбникъ схватилъ за ноги какого-то тщедушнаго тятлеца-«пидблянина» и сталъ махать имъ направо и налѣво словно мѣшкомъ и приговаривать изъ былины про Илью-Муромца:

Захватилъ Илья тутъ за ноги татарина,
Сталъ кругомъ татариномъ помахивать:
Гдѣ махнетъ—тамъ улица татаровей,
Отмахнется—съ переулками...

Но «сѣрые лапотники» навалились массой на рыбниковъ и рядскихъ молодцовъ, отбили злополучнаго «пидблянина», котораго богатырь рыбникъ замахалъ и заколотилъ чуть не до смерти, приперли своихъ противниковъ къ стѣнамъ, ринулись какъ звѣри и на самихъ торговыхъ и степенныхъ людей и превратили вѣче въ чистое побоище.

Тщетно всѣ старосты концовъ, сотники и тысячскіе, размахивая своими должностными знаками—бердышами и почетными палицами, крича и ругаясь, силились остановить побоище, оно разгоралось все сильнѣе и сильнѣе. Напрасно кричалъ посадникъ, грозя сложить съ себя посадничество, его голоса никто не слыхалъ.

Одинъ «вѣчный» звонарь радовался, глядя съ своего возвышенія на побоище, къ которымъ онъ такъ привыкъ, и которыя съ дѣтства умиляли его вольную новгородскую душу.

— Такъ ихъ, песьихъ дѣтей, такъ, дѣтушки! Не продавай воли новугородской!.. Крѣпче! Крѣпче!

Мужики одолѣвали. Тамъ, гдѣ недавно богатырь рыбникъ махалъ на всѣ стороны «пидблянинoмъ», уже не видно было этого богатыря: осиливаемый «вѣчниками», которые цѣплялись за него, какъ собаки за раненаго медвѣдя, онъ сгребъ разомъ троихъ мужиковъ и повалился съ ними на землю, другіе бросились—кто на него, кто за него, тутъ же падали въ общей свалкѣ, сцѣпившись руками и ногами или таская другъ друга за волосы, и катаясь клубками; на нихъ лѣзли и падали третьи, на третьихъ четвертые, такъ что надъ рыбникомъ и его жертвами образовалась цѣлая гора-курганъ изъ вцѣпившихся другъ въ дружку борцовъ обѣихъ сторонъ. Подъ ногами другихъ борцовъ, тузившихъ другъ друга по всей площади, постоянно путались потерянныя въ бою шапки, рукавицы, пояса; тутъ же краснѣли, чернѣли и рыжѣли на снѣгу лужи выпущенной изъ носовъ крови, клочки «брадъ честныхъ» и волосъ...

Но этого мало. У Новгорода, у Господина Великаго Новагорода, у этого «самодержавнаго мужика», какъ и у древняго Рима, имѣлась своя Тарпейская скала, для сбрасыванья съ

ней всѣхъ провинившихся передъ державнымъ городомъ: такую Тарпейскую скалу въ Новгородѣ замѣнялъ «великій мостъ», соединявшій Софійскую сторону съ Торговой, мостъ, съ котораго когда-то новгородцы свергнули въ Волховъ своего бога, идолище Перунище...

Этому богу, съ этого самаго моста, новгородцы постоянно приносили потомъ человѣческія жертвы...

— Съ мосту злодѣевъ!—кричали осилившіе мужики.

— На мостъ! Къ Перунищу ихъ!

— Волоки Упадыша! Онъ заварилъ кашу, онъ мутитъ Москвой!

За волосы, за руки, за ноги, избитыя и окровавленныя, волоклись уже нѣкоторыя жертвы державнаго гнѣва. Все повалило за этой страшной процессіей, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ «злодѣевъ) сбрасывать съ мосту... Зрѣлище достолюбезное! Красота неизглаголанная!..

— Поволокли-поволокли дѣтушки, фу-фу-фу! — радовался съ колокольни «вѣчный» звонарь.

Вдругъ раздался дѣтскій крикъ, съ котораго многіе невольно вздрогнули.

— Мама, мама, батю волокутъ съ мосту! О-о!

Въ ту же минуту женщина, протискавшись сквозь толпу, стремительно бросилась на одного изъ влекомыхъ къ мосту, обхватила его руками да такъ и окоченѣла на немъ.

— И меня съ нимъ! И меня съ нимъ! — безумно причитала она.

Но въ это-время толпы невольно шарахнулись въ сторону. Отъ моста, въ средину озадаченныхъ толпищъ, поднявъ надъ головою большой черный крестъ, съ ярко блиставшимъ на немъ серебрянымъ распятіемъ, шелъ сѣдой монашекъ. Льняные волосы его, выбившіеся изъ-подъ низенькаго чернаго клобучка, и такая же бѣлая борода трепались вѣтромъ и словно серебряные сверкали на солнцѣ. Онъ казался какимъ-то видѣніемъ.

— Преподобный Зосима... Зосима угодникъ!—прошелъ говоръ по площади, гдѣ все шло побоище.

Это былъ дѣйствительно Зосима соловецкій. Что-то внушительное и страшное видѣлось въ его одинокой фигурѣ съ распятіемъ надъ головою.

— Дѣтки мои! Народъ православный! Что вы дѣлаете? Опамятуйтеся, православные! Не губите души крестьянскія! Не

губите града святой Софіи Премудрости Божія! Почто вы которяетеся и ратитеся? Почто братъ на брата распаляете сердца ваша?.. Убейте меня грѣшнаго, меня сверзите съ великаго мосту, токмо градъ свой и души свои не губите...

Толпа оцѣпенѣла на мѣстѣ, какъ испуганныя дѣти. «Самодержавный мужикъ-вѣчникъ», превратившійся было въ звѣря, монашка съ крестомъ испугался...

— Ко мнѣ, дѣтки! Кланяйтеся Распятому за ны, Его молите, да пощадитъ градъ вашъ... Кланяйтеся знаменію сему!

И онъ осѣнялъ крестомъ испуганныя толпы направо и налѣво... Новгородцы падали ницъ и крестились... Буря мгновенно утихла...

— Эхъ-ма! Не далъ доглядить до конца,—ворчалъ «вѣчный» звонарь, спускаясь съ колокольни.

V. «Бѣсъ въ ребрѣ» у Марфы посадницы.

«Самодержавный мужикъ», какъ и слѣдовало ожидать, осилилъ партію бояръ, степенныхъ и житыхъ людей, сторонниковъ московской руки, Господинъ Великій Новгородъ постановилъ, а на томъ и пригороды стали, чтобъ отъ московскаго князя отстать, крестное цѣлованье къ нему сломать, какъ и самъ онъ его «ежегодъ» сламливалъ и топталъ подъ нозѣ, а къ великому князю литовскому и королю польскому Коземиру пристать и договоръ съ нимъ учинить навѣки нерушимо...

— Ужъ таку-то грамотку отодралъ нашъ вѣчный дьякъ королю Коземиру, таку отодралъ, что и-и-и!—хвастались худые мужики вѣчники, шатаясь кучами по торгу, задирая торговыхъ людей да рядскихъ молодцовъ да рыбниковъ и зарясь на ихъ добро.

— Да, братцы, на нашей улицѣ нонче праздникъ.

— Масляница, брательники мои, широкая масляница! Эхъ-ну-жги-поджигай-говори!

— Не все коту масляница, будетъ и великій постъ,—огрызались рядскіе молодцы да рыбники.

Дѣйствительно, на томъ же бурномъ вѣчѣ, по усмиреніи преподобнымъ Зосимою волненія, вѣчнымъ дьякомъ составлена была договорная грамота о союзѣ съ Казимиромъ и вычитана передъ народомъ, который изъ всей грамоты понялъ только одно, имъ

же самимъ сочиненное заключеніе, что съ этой поры Москвѣ уже ни «черной куны» и никакой дани и пошлины не платить и всякаго московскаго человѣка можно въ рыло, по салазкамъ и подъ «микитки»... «Микитка» пользовался особенной любовью новгородцевъ.

— Можно и московскимъ тивунамъ попиче въ зубы,—толковали грамоту худые мужики вѣчники.

— Знамо, на то она грамота.

Съ грамотою этою Господинъ Великій Новгородъ отправилъ къ Казимиру посольство: Аѳонасья Аѳонасьича, бывшаго посадника, Димитрія Борецкаго, старшаго сына Марѳы, и отъ всѣхъ пяти новгородскихъ концовъ по житому человѣку.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ худые мужики вѣчники совсѣмъ размечтались. Поводомъ къ этимъ мужицкимъ мечтаніямъ служили пріѣхавшіе съ княземъ Михайломъ Олельковичемъ «хохлы»: княжеская дружина, состоявшая изъ кіевлянъ. Все это былъ народъ красивый, рослый, черноусый, чернобровый и «весь наголо черномазъ гораздо». Они были одѣты красиво, пестро, въ цвѣтное платье, въ цвѣтные сапоги: высокія шапки съ красными верхами и широчайшіе штаны горѣли, какъ жаръ. Новгородскія бабы были безъ ума отъ этихъ статныхъ гостей, а мужики такъ совсѣмъ перебѣсились отъ заманчивыхъ розсказней этихъ хохлатыхъ молодцовъ. Пріѣзжіе молодцы разсказывали, что въ ихъ кіевской сторонѣ совсѣмъ нѣтъ мужиковъ, а есть только одни «чоловики» и притомъ все народъ вольный, богатый. Всѣ «чоловики» ходятъ у нихъ такъ, какъ вотъ они, дружинники, нарядно, цвѣтно и «гарно».

На основаніи этихъ розсказней худые мужики вѣчники возмечтали, что и они теперь, «за королемъ Коземиромъ», будутъ всѣ такими же молодцами, какъ эти «хохлы», будутъ ходить въ цвѣтномъ платьѣ, ѣздить верхомъ на добрыхъ «комоняхъ» и ничего «ровно таки ничевошеньки не дѣлать».

— Ужъ и комонь же у меня будетъ, братцы! Изъ ушей дымъ, изъ ноздрей полымя...

— А я соби, братцы, шапкю справлю, во каку! Со святую Софію...

— Дадимъ мы въ ту-пору знать московскимъ холопямъ,— косясь на богатыря рыбника, процѣдилъ сквозь зубы тотъ тщедушный мужиченко «пидбляпинъ», которымъ на послѣднемъ

вѣчѣ такъ ловко помахивалъ этотъ богатырь, и на лицѣ котораго все еще остались синяки.

На что богатырь, оскаливъ свои бѣлые, какъ у пса, зубы, отвѣчалъ приговоромъ изъ извѣстной всему Новгороду пѣсни о Васькѣ Буслаевѣ:

А и стой, Васька, не попархивай,
Молодой глуздырь, не полетывай:
Изъ Волхова воды не выпити,
Въ Новѣгородѣ людей не выбити.
Есть-ста молодцы супротивъ тебя:
Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ.

Мароа посадница торжествовала. Ея честолюбивыя затѣйки удались вполнѣ. Торжество ея еще тѣмъ было полнѣе, что ея любимецъ сынокъ, красавецъ Митрюшка, былъ отправленъ къ королю Казимиру чуть не во главѣ посольства...

— Младъ, младъ вьюношъ, а поди, на! Посольство правитъ,—хвасталась она своей «другинѣ» закадычной, богатой боярынѣ Настасьѣ Григоровичевой, съ которою онѣ когда-то въ дѣвкахъ вмѣстѣ гуливали, а потомъ уже и замужемъ, ôтай отъ своихъ старыхъ, не милыхъ, постылыхъ муженьковъ, съ милъ-сердечными дружками возжались.—Вô каковъ мой сынокъ, мое чадо милое!

— А все по тоби честь, по матушкѣ,—поясняла ей другиня Настасья,—ты у насъ соколъ.

— Какой ужъ соколъ! Ворона старая.

— Не говори... Вонъ на тебя какъ тотъ хохлачъ свои воловьи буркалы пялитъ.

— Какой хохлачъ?—вспыхнула Мароа.

— То-то... тихоня... соби на уми...

— Ахъ, Настенька, что ты! Не вѣмъ, что говоришь..

— Ну-ну! Полно-ка... А для кого брови вывела да подсурмилась?

— Что ты! Что ты! Для кого?

— А князь-то на что Олельковичъ...

Мароа еще болѣе вспыхнула.

— Стара я ужъ... бабушка...

— Стара-стара, а молодуху за поясъ заткнешь.

Какъ ни старалась скромничать продувная посадница, однако, слова пріятельницы, видимо, правились ей, льстили пожирав-

шему ее тщеславію. Это была женщина до крайности честолюбивая, привыкшая помыкать всѣми. Перебалованная съ дѣтства у своихъ родителей еще, какъ холеное, «дрочоное дитя», которое не иначе кушало бѣлые крупичатые калачи, какъ только тогда, когда мать и нянюшка, души не чаявшія въ своей Марѳуточкѣ «глазо́къ во лбу», увѣряли свое «золотое чадушко», что калачикъ «отпятъ у заиньки сѣрипькаго», которое пило молочко только отъ «коровушки—золотые рога» и спало въ своей раззолоченной «зыбочкѣ» тогда только, когда ее убаюкивалъ и качалъ какой-то сказочный «котикъ—серебряны лапки», потомъ перебалованная въ молодости своей красотой, на которую «вѣтеръ дохнуть не смѣлъ», а добрые молодцы новгородскіе отъ этой красоты становились «аки изступленные», перебалованная затѣмъ старымъ мужемъ посадникомъ, «постылымъ Исачкомъ», за котораго она вышла изъ тщеславія, и который «съ рукъ ее не спускалъ, словно золотъ перстень», но которымъ она помыкала, какъ старою костригою въ трепалкѣ, избалованная, наконецъ, всѣмъ Новгородомъ, льстившимъ ея красотѣ, богатству и посадничеству, Марѳа обезумѣла: Марѳѣ былъ, что называется, чортъ не братъ... Она не разъ принимала у себя великаго князя московскаго, и ей захотѣлось быть такою же какъ онъ—государемъ всея новгородскія земли со всѣми ея «пятинами», рѣками и морями...

И она на этотъ счетъ забрала себѣ что-то въ свою безумную съ «долгимъ волосомъ» голову...

— Ужъ попомни мое слово, что быть тебѣ княгинею,—настаивала пріятельница.

— И точно: княгинею новгородскою и кіевскою,—улыбнулась хитрая бабища.

— Почто, милая, кіевскою?

— А какъ же? Онъ, хохлачъ-отъ, будетъ кіевскимъ княземъ. а я съ нимъ.

И Марѳа задумалась. Лицо ея, все еще красивое, приняло разомъ мрачное выраженіе. Она сжала свои пухлыя руки и досадливо хрустнула пальцами.

— Что ужъ и молоть безлѣпично!.. Я вить ужъ давно и сорокоустъ справила.

— По комъ, Марѳушка?—удивилась Настасья.

— По соби, мать моя.

— Какъ по соби? Я не разумію тебя.

— Да мнѣ давно сорокъ стукнуло... А сорокъ литъ—бабій викъ...

— Токмо не про тебя сіе сказано.

— Про меня... къ пятидесятници дило подходитъ...

— Что ты! Опомнись: топерево у насъ святки, рожество...

— А у меня скоро пятидесятниця...

Пріятельницы сидѣли въ извѣстномъ уже намъ, «чюдномъ», по выраженію лѣтописца, домѣ Борецкихъ, что стоялъ на Побережьѣ, въ Неревскомъ концѣ, и изумлялъ всѣхъ своимъ великолѣпіемъ.

Марѳа то-и-дѣло поглядывала своими черными съ большими бѣлками глазами то въ зеркало—мѣдный, гладко отполированный кругъ на ножкѣ, стоявшій на угольномъ ставцѣ, то въ окно, изъ котораго открывался видъ на Волховъ, гдѣ съ одной стороны новгородцы дрались на кулачки: одинъ конецъ шелъ на другой, и неревскіе кончане сворачивали на сторону скулы людинскимъ кончанамъ и наоборотъ, а съ другой—шли святочныя игрища: ребятишки Господина Великаго Новгорода катались на конькахъ, на лыжахъ и на салазкахъ, изображая изъ себя то «ушкуйниковъ», то дружину Васьки Буслаева, а парни и дѣвки, золотая молодежь новгородская, просто веселилась или, по словамъ строгаго старца Памфила, игумена Елизарьевской пустыни, «чинили идольское служеніе, скверное возмятеніе и возбѣшеніе, и въ бубны и въ сопѣли играніе, и струнное гудѣніе, и всякія неподобныя игры сатанинскія, плесканіе руками и ногами плясаніе, женамъ же и дѣвамъ и главами киваніе и устнами ихъ непріязненъ кличъ, и всѣ скверныя бѣсовскія пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе, ту же мужамъ и отрокамъ великое паденіе, ту же и на женское и на дѣвичье шатаніе блудное воззрѣніе, и женамъ мужатымъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе»...

Такая-то картина представлялась глазамъ Марѳы, когда взоръ ея изъ комнаты, гдѣ она сидѣла съ своей другиней, переносился на Волховъ, ровная, льдистая поверхность коего вся покрыта была цвѣтными массами, словно бы живой садъ, полный цвѣтовъ, выросъ и двигался по льду и по бѣлому снѣгу. Милая, давно знакомая картина, но теперь почему-то хватавшая ее за сердце, заставлявшая вздыхать и хмуриться... Картина эта напоминала ей ея молодость, когда и она могла совершать

это «кумирское празднованіе», грѣховное, сатанинское, но тѣмъ болѣе для сердца сладостное... А теперь ужъ ни «главою киваніе», ни «хребтомъ вихляніе», ни «ногами скаканіе и топтаніе» не къ лицу ей; а если что и осталось еще, такъ развѣ «очами намизаніе», вонъ какъ эта Настя говоритъ, будто бы она своими красивыми очами заигрываетъ съ «воловьими буркалами» этого хохлача князя...

Вонъ какъ кончане Плотницкаго конца погнали къ великому мосту Гончарскихъ кончанъ... Вонъ какъ падаютъ и теряютъ шапки разбитые гончарцы, и побѣдители и побѣжденные трутъ снѣгомъ разбитые и окровавленные носы... родныя, милыя картины!..

— Ахъ, милая, смотри, какъ людинцы погнали перевцовъ.

— Ниту, то худые мужики наши бьютъ московскихъ перевѣтниковъ.

— Бологo... такъ и имъ надобеть... А скоморохи-тѣ, скоморохи, смотри, Марѳуша, въ какихъ харяхъ! И гусли у нихъ, и бубны, и сопѣли и свистѣли разны...

— Вижу, вижу, то знамые мнѣ гудцы, околоточные гудошники...

— Знаю я ихъ... Еще намъ онома-дни дѣйство творили, какъ гостьище Терентьище у своей молодой жены недугъ палкой выгонялъ... А недугъ-отъ испужался и безъ портовъ въ окно высигнулъ...

Пріятельницы переглянулись и засмѣялись: молодость вспомнили...

Въ это время въ комнату вбѣжалъ хорошенькій черноглазенькій мальчикъ, лѣтъ пяти-шести. На немъ была соболья боярская шапочка съ голубымъ верхомъ, бархатная шубка «мятелька», опушенная же, голубые сафьяновые сапожки и зеленые рукавички. Розовыя щечки его горѣли отъ мороза, а черные, какъ смоль волосы, подрѣзанные скобой на лбу, выбивались изъ-подъ шапочки и кудряшками вились у розовыхъ ушей и на затылкѣ. За собою мальчикъ тащилъ раззолоченныя сусальнымъ золотомъ салазки съ рѣзнымъ на передкѣ конькомъ.

— Баба, баба, пусти меня на Волховъ,—бросился мальчикъ къ Марѳѣ.

— Что ты, дурачекъ? Почто на Волховъ?—ласково улыбнулась посадница, надвигая ребенку шапку плотнѣе на курчавую головку.—А, дурашка, почто?

— Съ робятками катацца, на сапочкахъ... пусти, баба

— Со смердьими-ту дитьми? Ни-ни!

— Ниту, баба, не со смердьими, съ боярскими... Вася посадничь... Гавря тысячьковъ... пусти!

— Добро, иди, да токмо съ челядью...

— Съ челядью, баба.

— И смердятъ къ соби ни-ни, ни на сто шаговъ.

Мальчикъ убѣжалъ, стуча по полу салазками.

— Весь въ тебя, огонь малецъ,—улыбнулась гостья.

— Въ отца, въ Митю, блажной.

Скоро пріятельницы увидѣли въ окно, какъ этотъ «блажной» внучекъ Мароы уже летѣлъ на своихъ раззолоченныхъ салазкахъ вдоль берега Волхова. Три дюжихъ парня, словно тройка коней, держась за веревки, бѣжали вскачь и звенѣли бубенчиками, на подобіе пристяжныхъ откидывая головы направо и налѣво, а парень въ корню даже ржалъ по лошадиному. Маленькій боярченокъ вошелъ въ роль кучера и усердно хлесталъ по спинамъ своихъ коней шелковымъ кнутикомъ. За нимъ поспѣшали съ своими салазками «Вася посадничь» да «Гавря тысячьковъ».

— А вонъ и самъ легокъ на поминѣ.

— Кто, Настенька?—встрепенулась Мароа, глядя въ окно.

— Да твой-то...

— Что ты, Настенька... кто?

— Хохлачъ-то чумазый...

— А—ахъ, ужъ и мой!

Дѣйствительно, въ это время мимо оконъ, гдѣ сидѣла Мароа съ своею гостьею, проѣзжалъ на статномъ ворономъ конѣ князь Михайло Олельковичъ. Онъ былъ необыкновенно картиненъ въ своемъ литовскомъ, скорѣе кіевскомъ одѣяніи: зеленый зипунъ съ позументами на груди, верхній опашень съ откидными рукавами съ красной подбойкой и съ краснымъ откиднымъ воротомъ; на головѣ—сѣрая барашковая шапка съ краснымъ колпакомъ наверху, сдвинутая набекрень. За нимъ ѣхали два вершника въ такихъ же почти одеждахъ, но попроще, зато въ широчайшихъ, желтыхъ, какъ цвѣтущій подсолнухъ, штанахъ.

Проѣзжая мимо дома Борецкихъ, князь глядѣлъ на окна этого дома и, увидавъ въ одномъ изъ нихъ женскія лица, снялъ шапку и поклонился. Поклонились и ему въ окнѣ.

— Ишь буркалищи запущаетъ—ухъ!

— Это на тебя, Настенька,—отшутилась Мароа.

— Сказывай! На меня, курносату рипу. и съ молоду мало засматривались.

— А Степанко?

— Степанко мужемъ сталъ моимъ ради батюшковыхъ животовъ, на нихъ позарился, не на меня, курносату рипу.

Бѣлобрысая и весноватая пріятельница Мароы была, дѣйствительно, не казиста, но зато богата: всякій разъ, какъ московскій великій князь Иванъ Васильевичъ навѣщалъ свою отчину, Великій Новгородъ, онъ непремѣнно гащивалъ либо у Мароы Борецкой, либо у Настасьи Григоровичевой, у «курносой рѣпы».

— А скажи мнѣ на милость, Мароушка,—обратилась Настасья къ своей пріятельницѣ, когда статная фигура Олелькова скрылась изъ глазъ, — а вотъ никоимъ способомъ въ толкъ не возьму, за коимъ диломъ мы съ Литвой плутаться на вѣчѣ постановили, съ онымъ королемъ, съ Коземиромъ? Вопрошала я о томъ муженька своево, Степанка, какъ онъ отъ нашего конца въ посольство съ твоимъ Митей къ Козимиру посыланъ былъ, такъ одна отъ него отповидь: «ты, говоритъ, баба дура»... Я сама знаю, что я дура, а все бы для чего не сказать? Такъ ниту-ти, одно заладилъ: «баба деи дура, знай сверчокъ» да либо «знай-деи кривое веретено»... Ну, я и не возьму вдомекъ.

Мароа добродушно улыбнулась простотѣ своей пріятельницы, которая, дѣйствительно, не отличалась умомъ, а была только добруха.

— Да какъ тебѣ сказать, Настенька, — заговорила она, подумавъ,—московское-то чадушко, Иванушко князь, недоброе на насъ, на волю новгородскую, умыслилъ: охолопить насъ въ умѣ имѣетъ. Такъ мы отъ него, аки голубица отъ коршуна, къ королю подъ крыло хоронимся, токмо воли своей ему не продаемъ и себя въ грамотѣ выгораживаемъ ни медовъ ему не варимъ, какъ московскимъ князьямъ доздѣ варивали, ни даровъ ему не даемъ, ни мыта княженецкаго, а токмо-деи посламъ и гостямъ нашимъ путь чистъ по литовской землѣ, а литовскимъ путь чистъ по новгородской.

— А какъ же, милая, о латынствѣ люди сказываютъ?

— То они сказываютъ безлипично, своею дуростію.

— А про черный боръ сказывали?

— Что жъ черный боръ! Боръ-ту единожды соберемъ, какъ и всегда такъ поводилось, а черную куну будутъ платить королю токмо порубежныя волости, ржевски да великолуцки.

— Такъ... А хохлачъ-ту почто сидитъ на Ярославовѣ дворищи?

— Онъ княжь намѣстникъ и судъ токмо судитъ на владычнѣ дворѣ заодно съ посадникомъ, а въ суды тысячьковы и владычни и монастырски ему не вступать.

— Такъ-такъ... Спасибо... Вотъ и я знаю теперево... А то на: дура да дура!

Въ это время на улицѣ, подъ самыми окнами, показались скоморохи. Ихъ было человѣкъ семь. Нѣкоторые изъ нихъ были въ «харяхъ»—въ маскахъ и выдѣлывали разныя характерныя тѣлодвиженія, неистово играя и дудя на сопѣлкахъ, дудахъ и свистѣляхъ.

Въ то же время въ комнату, но уже безъ салазокъ, влетѣлъ вихремъ, счастливый и раскраснѣвшійся, внучекъ Мароы, да такъ и повисъ на ея подолѣ.

— Баба, баба! Пусти въ хоромы гостьище Терентьище!— просилъ онъ, умоляюще глядя на бабку

— Полно, дурачекъ...

— Пусти! Пусти, баба!

— И то пусти, Мароушка, — присоединились съ своей просьбой и гостья,—я такъ люблю скомороховъ, таково хорошо они дѣйства показываютъ... Пусти, золотая моя!

— Баба! Бабуся! Пусти!

— Ну, ино пусть войдутъ,—согласилась Мароа.

Юный внучекъ стрѣлой вылетѣлъ изъ хоромъ, радостно восклицая: иди, гостьище Терентьище, иди въ хоромы, баба велѣла...

Скоморохи не заставили себя ждать. Маленькій Исачко, такъ звали рѣзваго внучка Мароы посадницы въ честь дѣда, Исаака Борецкаго, влетѣлъ въ палату, а за нимъ съ поклонами, кривляньями и разными мимическими ужимками вошли скоморохи. Одинъ изъ нихъ, съ длинною мочальною бородою, изображалъ старика немножко подслѣповатаго и тугаго на ухо:

это былъ легендарный гость Терентьище, у котораго на поясѣ висѣла большая калита. Рядомъ съ нимъ жеманно выступалъ молодой краснощекій парень, одѣтый бабою. Баба была набѣлена и насурмлена, неистово закатывала глаза подъ лобъ, показывая, что она «очами намизаетъ», кокетничаетъ, глазками стрѣляетъ. Этотъ ломающійся малый изображалъ молодую жену гостя Терентьища, полнотѣлую Авдотью Ивановну.

При видѣ этой пары добродушная и простоватая пріятельница Мароы, курносая Настасья, такъ и покатилась со смѣху, хватаясь пухлыми руками за свой почтенныхъ размѣровъ животъ.

— Охъ! Умру со смѣху... Охъ, умру со смѣху,—качалась она всѣмъ тѣломъ.

Юный Исачко также заливался звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ. Смѣялась и Мароа, но сдержанно.

Другіе скоморохи также старались поддержать свою репутацію—репутацію «людей веселыхъ и вѣжливыхъ», «скомороховъ очестливыхъ», и тоже кривлялись съ достаточнымъ усердіемъ. Говорили они большею частью прибаутками и притчами, такъ чтобы выходило и «ладно» и «складно» и ушамъ «не зазорно».

— Жилъ-былъ въ Новѣгородѣ, въ красной слободѣ Юрьевской, честный гость Терентьище,—тараторилъ одинъ краснобай, подмигивая льняной бородѣ, — мужъ богатой, ума палата...

Льняная борода охорашивалась и клапялась: «Прошу любить и жаловать, вдова честная».

— И была у него жена молодая, привѣтливая, шея лебедина, брови соболины...

Молодая Авдотья Ивановна жеманно клапялась, «хребтомъ вихляла, очами намизала», аркучи тако: «И меня младу прошу въ милости держать»...

Потомъ Авдотья Ивановна стала охать, хвататься за сердце, за голову...

— Что съ тобой, моя женушка милая?—участливо спрашивалъ старый мужъ.

— Охъ, мой муженекъ Терентьище! Неможется мнѣ, недоровится...

Расходился недугъ въ головѣ,
Разыгрался утинъ въ хребтѣ,
Подступилъ недугъ къ сердечушку...

— Ахъ, моя милая! Чѣмъ мнѣ помочь тебѣ?

— Охъ-охъ! Зови водхвовъ ко мнѣ, зови кудесницу...

Старый мужъ заметался и вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ скомороховъ вышелъ въ сѣни; а оставшійся съ Авдотьею Ивановною молодой «прелестникъ», котораго молодая Терентьиха принимала тихонько отъ мужа, сталъ весьма откровенно «изгонять изъ нея недугъ»—обнимать и миловать...

Настасья Григоровичева и юный Исачко заливались веселымъ смѣхомъ, глядя на кривлянья скомороховъ...

Вдругъ въ сѣняхъ послышались голоса... «Калики перехожіе идутъ, калики!»...

«Прелестникъ», якобы испугавшись этихъ голосовъ, заметался и спрятался подъ лавку, покрытую ковромъ. Въ палату вошли тѣ же скоморохи, но въ видѣ «каликъ перехожихъ». Одинъ изъ нихъ, самый дюжій, тащилъ на спинѣ огромный мѣшокъ, въ которомъ что-то шевелилось, и положилъ мѣшокъ на полъ у порога.

— Здравствуй, матушка Авдотья Ивановна! — кланялись «калики».

— Здравія желаю вамъ, калики перехожіе!—отвѣчала Терентьиха.—А не встрѣчали ли вы моего муженька, гостя Терентьища?

— Сустрѣли, матушка: приказалъ онъ тебѣ долго жить... Лежитъ онъ въ полѣ мертвый, а вороны клюютъ его тѣло бѣлое.

Запрыгала и забила въ ладоши отъ радости Терентьиха.

— Ахъ, спасибо вамъ, калики перехожіе, за добрую висточку!.. А сыграйте-ко про моево мужа старово, постылово веселую писенку, а я млада на радостяхъ скакать-плясать буду...

Заиграли и задудѣли скоморохи. Пошла Терентьиха выплясывать приговаривая:

Умеръ-умеръ Терентьище!
Околѣлъ постылый мужъ!..

Вдругъ изъ мѣшка выскакиваетъ самъ Терентьище съ дубиною и бросается на жену. Жена взвизгиваетъ и падаетъ на

полъ. Терентьище бросается на ея «прелестника», котораго ноги торчали изъ-подъ лавки... «А! Вотъ гдѣ твой недугъ! Вонъ куда утинъ забрался!»... И пошла писать дубинка по спинѣ «недуга»... «Недугъ» выскакиваетъ изъ-подъ лавки и бѣжитъ вонъ — Терентьище за нимъ... Кругомъ хохотъ... Маленькій Исачко плещетъ отъ радости въ ладоши...

Вдругъ въ дверяхъ показывается — и кто же! — самъ князь Михайло Олельковичъ...

Марѳа такъ и побагровѣла отъ неожиданности и стыда... «Ахъ соромъ какой! Ахъ соромъ!»...

VI. Дурныя вѣсти.

Наступила весна. Новгородъ, вмѣстѣ съ своими монастырями и посадами раскинувшійся на десятки верстъ въ окружности, казалось, тонулъ въ зелени.

Утро. Солнце, котораго дискъ еще не выкатывался изъ-за горизонта, золотило, однако, своими лучами кресты нѣкоторыхъ новгородскихъ церквей и колокольни монастырей Юрьева, Антоньева и блестѣвшія густою позолотою маковки церквей Хутынскаго и Перыня.

Надъ гладкою поверхностью Волхова кое-гдѣ клубился еще утренній туманъ.

Слышенъ былъ медленный, протяжный благовѣстъ: прозвучитъ гдѣ-либо одинъ колоколъ, ему отвѣтитъ, не спѣша, другой, въ другомъ мѣстѣ; то прозвучитъ скромный колоколецъ гдѣ-нибудь на Торговой сторонѣ, а на зовъ его откликнется зычный мѣдный голосъ съ Софійской; то донесется по Волхову далекій благовѣстъ съ Хутыни, а какъ-бы въ привѣтъ ему отзовутся мѣдною протяжною мелодіею съ Перыня, словно бы это подавало свой голосъ пробуждавшееся отъ сна Ильмень-озеро.

По Волхову, въ это раннее утро, вверхъ къ Ильменю, плыла большая раскрашенная яркими красками лодка—«насадъ», на носу и на кормѣ которой красовались рѣзныя фигуры, изображавшія: одна какую-то невиданную птицу, должно быть «птицу-сирипъ», «гласъ коей вельми силенъ», другая—нѣчто въ родѣ «трясавицы», «дѣвки простоволосой» съ рыбьимъ хвостомъ. Хотя насадъ былъ построенъ новгородскими плотниками, но, видимо,

въ работѣ своей они позаимствовали у нѣмецкихъ мастеровъ нѣкоторыя заморскія хитрости.

Насадъ шелъ на веслахъ. Гребцы, которыхъ было по двѣнадцати человѣкъ на каждую сторону, работали исправно, мѣрно качаясь въ своихъ красныхъ рубахахъ и глубоко забирая воду длинными крашенными веслами, напоминавшими распущенныя крылья огромной птицы.

На насадѣ, на обитыхъ малиновымъ сукномъ лавкахъ, сидѣло нѣсколько женщинъ и мужчинъ, одѣтыхъ въ богатое боярское платье. Въ самой серединѣ, какъ-бы на почетномъ мѣстѣ, сидѣла женщина, вся въ черномъ, съ лицомъ, до половины закрытымъ чѣмъ-то вродѣ фаты или легкаго головного покрывала. Она сидѣла, глубоко, повидимому, задумавшись, и не обращала, казалось, вниманія на припавшую къ ея колѣнямъ курчавую голову мальчика.

— Марѳа! Марѳа! Марѳа!—раздался вдругъ въ воздухѣ какой-то глухой, странный, точно картавый голосъ.

Женщина въ черномъ вздрогнула и перекрестилась. Мальчикъ быстро приподнялъ отъ ея колѣнъ свою курчавую головку, вскочилъ на ноги и взглянулъ вверхъ, откуда раздался странный возгласъ.

— Гавря! Гавря!—закричалъ онъ радостно.

Высоко въ воздухѣ, надъ насадомъ, кружилась большая, черная птица. Всѣ головы—и головы гребцовъ, и другихъ, сидѣвшихъ въ насадѣ, поднялись вверхъ и глядѣли на кружившуюся въ воздухѣ птицу.

— Ахъ, окаянный! Какъ смутилъ меня,—проговорила женщина въ черномъ.

— Гавря! Гавря! Гаврюша!—снова закричалъ мальчикъ.

— Новгородъ! Новгородъ! — глухо прокаркала въ отвѣтъ птица.

— Это къ добру, матушка: онъ славитъ тебя и весь Новгородъ Великій,—замѣтилъ молодой мужчина, сидѣвшій недалеко отъ женщины въ черномъ.

— Такъ, зря каркаетъ...

— Не зря... Эта птица вѣщая.

— Варламъ! Варламъ!—опять прокаркала странная птица.

— Слышишь, матушка, кого она поминаетъ?

— Слышу... преподобнаго Варлаама хутыньсково.

— А мы у него и не были еще, не кланялись угодничку.

— Заутра надоть и къ ему-свѣту побывать со вкладомъ же.

— Точно надоть: онъ заступа и крѣпость Великаго Новогорода.

— Гавря! Гаврюша! Летай къ намъ! Я калачика дамъ!

— Корнилъ! Корнилъ! Корнилъ звонарь!—продолжала выговаривать удивительная птица.

— Ишь, и Корнилку звонаря вѣчново славитъ.

— Корнилъ! Корнилъ! Корнилъ!

Удивительная птица покружилась надъ насадомъ и, продолжая глухо выкаркивать «Корнилъ, Корнилъ», полетѣла назадъ, въ Новгородъ.

Удивительная эта птица была—воронъ, котораго еще въ дѣтствѣ своемъ выкормилъ и научилъ говорить маленькій Корнилко, нынѣ кривой Корнилъ, вѣчевой звонарь, и назвалъ его «Гаврилкою». Вороненокъ вывелся на вѣчевой колокольнѣ, на перекладинахъ, на которыхъ висѣлъ вѣчевой колоколъ. Тамъ испоконъ вѣку было воронье гнѣздо, и въ немъ-то вывелся воронъ Гаврилка, котораго воспиталъ и приручилъ Корнилко, сынъ вѣчевого звонаря и нынѣ самъ звонарь. Воронъ этотъ никогда не оставлялъ своей колокольни и своего гнѣзда, гдѣ онъ успѣлъ вывести цѣлые десятки молодыхъ крылатыхъ поколѣній, которыя и улетали въ сосѣднія рощи, заводили свои гнѣзда по другимъ новгородскимъ церквамъ и монастырямъ, селились на такъ-называемыхъ «кострахъ» или воротныхъ башняхъ города, на старыхъ башняхъ дѣтинца и на иныхъ любимыхъ этою птицею высотахъ; а Гаврилко все оставался вѣренъ своей вѣчевой колокольнѣ.

Ворона этого зналъ весь Новгородъ и относился къ нему съ суевѣрнымъ уваженіемъ. Его считали вѣщею птицею, тѣмъ сказочнымъ вороном, который зналъ, гдѣ доставать живую и мертвую воду. Объ немъ ходило въ Новгородѣ нѣсколько сказаній, и всѣ вѣрили, что онъ оберегаетъ Новгородъ и его вѣчевой колоколъ. Когда онъ каркалъ въ неурочный часъ, то это непремѣнно было или къ добру, либо къ худу, и всегда его карканье сбывалось. Такъ онъ каркалъ передъ смертью послѣдняго владыки, каркалъ и передъ смертью посадника Исаака Борецкаго, мужа Мароина. Иногда своимъ карканьемъ онъ останавливалъ бурныя вѣчевыя волненія и даже усобицы и «розратья». Новгородцы вѣрили, что воронъ этотъ «птица несмертельная», какъ несмер-

тельна, вѣчна новгородская воля и вѣчевые порядки Господина Великаго Новгорода.

Но болѣе всѣхъ любилъ своего крылатаго Гаврилку его воспитатель и учитель, вѣчевой звонарь, кривой Корнилъ. Эту страстную родительскую и въ то же время суевѣрную любовь свою онъ дѣлилъ почти поровну между ворономъ и вѣчевымъ колоколомъ. Только къ ворону онъ относился болѣе покровительственно и фамильярно, называлъ его иногда «воромъ Гаврилкою», или просто «Гаврею», «Гаврюшею», шутилъ съ нимъ, разговаривалъ, какъ съ существомъ разумнымъ, стыдилъ его, когда въ борьбѣ съ коршуномъ или ястребомъ, высматривавшимъ цыплятъ на владычнемъ дворѣ, его задорный любимецъ не всегда оставался побѣдителемъ. Но вѣчевой колоколъ онъ оживотворялъ и почти боготворилъ. Каждое утро, чуть-свѣтъ, онъ взбирался на колокольню, молился оттуда на востокъ, потомъ кланялся на всѣ четыре стороны, говоря: «здоровъ буди, Господине Великій Новгородъ, съ добрымъ утромъ»; а потомъ обращался съ привѣтомъ къ колоколу: «здравствуй, колоколушко! Съ добрымъ утромъ, колоколецъ родимый! Каково почивалъ есте?» Здоровался онъ и съ ворономъ, если тотъ былъ на-лицо, но чаще случалось, что воронъ спозаранку улеталъ за добычей и когда возвращался на свою колокольню, то звонарь встрѣчалъ его словами: «что, Гаврилко, набилъ зобокъ, очищаетъ носокъ?.. Ранняя птичка клевокъ очищае, а поздняя глаза протирае... Такъ-ту, воръ Гаврюшенька»...

Насадъ продолжалъ плыть по направленію къ Ильменю. Солнце уже выкатилось изъ-за горизонта и брызнуло золотыми снопами на зеленые лѣса, на Новгородъ, отходившій все далѣе и далѣе, на ровную струйчатую поверхность Волхова. Мароа-посадница—это была она, «женщина въ черномъ»—снова погрузилась въ задумчивость.

— Кому бы тутъ быть такъ рано?—снова заговорилъ младшій сынъ Мароы.

— Что, сынокъ?—встрепенулась послѣдняя.

— Да вонъ человикъ невидомой берегомъ идеть...

— Вижу, и не худой мужикъ: изъ житыхъ людей кто-то.

— Точно... и рыжъ волосомъ... кто бы это?

— Упадышева походка.

— Да Упадышъ и есть.

— Чего онъ тутъ ищетъ раннимъ временемъ?

Лѣвымъ берегомъ Волхова, дѣйствительно, шелъ какой-то человѣкъ. Лица его не было видно, но рыжіе волосы и профиль красной бороды горѣли на солнцѣ. Повидимому, онъ шелъ торопливо.

Вдругъ онъ исчезъ, словно сквозь землю провалился.

— Господи! Святъ, святъ! Гдѣ онъ пропалъ, матушка?

— Точно сгинулъ... И не взвидѣла, какъ исчезъ изъ очей... уму непостижимо.

— Не бѣсъ ли то былъ во образѣ Упадыша? Волосомъ красенъ, рудожелтъ...

И Марѳа, и сынъ ея перекрестились. Маленькій внучекъ Исачко съ испугомъ припалъ къ колѣнямъ бабки. Другія женщины, бывшія въ насадѣ, тоже испуганно крестились. Исачко лепеталъ:

— Я боюсь бѣса, баба... боюсь, боюсь... онъ съ рогами и съ хвостомъ... въ церкви видѣлъ...

— Полно, Исачко, полно, дурачекъ, съ нами хрестъ святой.

Вдругъ, повидимому, отъ того мѣста берега, гдѣ исчезъ таинственный рыжій человѣкъ или «бѣсъ во образѣ Упадыша», донеслось до насада тихое мелодическое пѣніе. Въ тихомъ утреннемъ воздухѣ, когда ни листъ на деревьяхъ по берегамъ Волхова, казалось, совсѣмъ не шевелился и какъ-бы къ чему-то прислушивался, ни прибрежная осока и камышъ не шептались между собой, и только слышалось тихое, равномѣрное полосканье гребецкихъ веселъ въ водѣ да переливчатое журчанье Волхова у крутыхъ боковъ насада, пѣніе это сдавалось до того мягкимъ и чарующимъ, что всѣ сидѣвшіе въ насадѣ въ изумленіи прислушивались къ нему, какъ къ чему-то таинственному, можетъ быть, тоже бѣсовскому, а маленькій Исачко, широко раскрывъ свои большіе, свѣтящіеся недоумѣніемъ глаза, такъ и застылъ въ нѣмомъ ожиданіи чего-то невѣдомаго, чудеснаго...

— Господи Исусе! Не бѣсовское ли мечтаніе сіе?

— А чи не онъ ли то, рудожелтый?

— Ахъ, сестрицы мои! Что-й-то!..

— Ниту, братцы, то, знать, русалка манитъ коего чоловика,—послышалось между гребцами.

— И то она, русалка простоволоса...

— Мели гораздо! Поли топерево ночь?

— Не ночь, ино утро, чаю.

— То-то, чаешь! А русалка только ночью косу-ту чеше да добрыехъ молодцовъ заманивае.

— Чу-чу! Слова слыхать... слышь-ко...

Дѣйствительно, слышались слова, произносимыя женскимъ голосомъ:

Калина—малина моя,
Кудреватая!
Почто ты, калина, не такъ-такова,
Какъ весеннею ночкой была?

— И точно писня не русалья...

— Мели, русалья! Наша, христьянска писня.

— Новугорочькая, право слово... Кто жъ бы то былъ?

— А може то не русалка, ино полуденница поетъ, водяная лѣшая дѣвка.

— А то бывае и морская дѣвка, что вонъ у насъ на кормѣ, съ рыбьимъ плесомъ...

— Ахти, диво дивное!

Но скоро, при дальнѣйшемъ движеніи насада, изъ-за берегового уступа показалась и сама таинственная пѣвунья: не то русалка, не то морская дѣвка...

— Ахъ, ты Перунъ ее убей! Вонъ она..

— И точно, сидитъ вся въ травахъ...

На береговомъ склонѣ, на выступавшемъ изъ земли камнѣ, вся обложенная травами и полевыми цвѣтами, сидѣла молодая дѣвушка и, повидимому, вся поглощенная разсматриваніемъ набранныхъ ею цвѣтовъ и зелени, задумчиво пѣла. Бѣлокурые, какъ ленъ, волосы ея, заплетенные въ толстую косу и освѣщаемые косыми лучами утренняго солнца, казалось, окружены были какимъ-то сіяніемъ. Одежда ея состояла изъ бѣлой расшитой красными узорами сорочки и пояса, перевитаго зелеными листьями. Изъ-подъ короткаго подола виднѣлись босыя ноги и голыя икры. При всей бѣдности и первобытной дѣвственности этого наряда, тонкія, красивыя черты и красиво вскинутыя надъ ясными глазами темныя брови этой таинственной дикарки невольно приковывали къ себѣ вниманіе.

Увидавъ приближающійся насадъ, она встала съ камня и разсыпала лежавшіе у нея на колѣняхъ цвѣты и травы. Недопѣтая пѣсня замерла у нея на губахъ.

— Да это, братцы, очавница...

— Яковая очавница?

— Да чаровница, что по лугамъ и по болотамъ и въ пустыняхъ и въ дубравахъ дивье коренье копае да отравное зелье собирае на пагубу человѣкомъ и скотомъ.

— Что ты! Ноли и эта чаровница?

— Чаровница, вѣстно.

— Такова молода да образомъ красна!

— Да это господа, кудесница, кудесницына внучка... Тутай недалече и берлога старой вѣдуньи...

Мароа посадница не спускала глазъ съ этой таинственной дѣвушки, появившейся въ такомъ пустынномъ мѣстѣ и въ такое раннее время. При послѣднихъ словахъ одного изъ гребцовъ, она вздрогнула и, видимо, поблѣднѣла.

Въ одно мгновеніе передъ нею всталъ, какъ живой, образъ ея тайнаго, покинувшаго ее бѣса- прелестника... Такіе же льняные курчавые волосы, такія же темныя, красивыя брови, гордо вскинутыя надъ ясными очами...

«Ево волосы... ево брови... Такъ вотъ она... окаянное отродье»...

Точно ножомъ рѣзнуло ее по сердцу... Ей разомъ вспомнилось далское дѣтство, далекій, облитый солнечными лучами Кіевъ, дымчатыя горы, покрытыя кудрявою зеленью, тихо катящій свои воды и сверкающій на солнцѣ Днѣпръ, Аскольдова могила, васильки и барвинки... И эти льняные волосы новгородскаго боярина...

А потомъ эта холодная, суровая сторона, этотъ Новгородъ подъ хмурымъ небомъ, холодный Волховъ, несущій свои холодныя воды не на полдень, не въ теплые края, а на полночь, въ сторону чуди бѣлоглазой...

Она—жена другого, богатаго, но не того льняноволосаго боярина... Она—посадница, словно глазокъ во лбу у Господина Великаго Новгорода... А непокорливая память все не можетъ забыть Кіева... и его, бѣса, не забыть ей...

Насадъ миновалъ таинственную дѣвушку, которая продолжала стоять на берегу и провожать глазами удалявшуюся ладью...

— Она на насъ чары по вѣтру, пущаетъ, господа.

— Чуръ, чуръ! Вѣтеръ ихъ не доноси, земля не допусти...

Мароа невольно оглянулась назадъ... «Окаянное, окаянное отродье!.. Ево постать, ево волосы»...

— Это, баба, русалка? Очавница? Чаровница?—приставалъ Исачко.

— Молчи, невѣголось! Ступай къ мамѣ...

— А для чево Упадышъ тутъ? Да онъ ли то былъ? Не дьяволъ ли навѣщаетъ кудесницу?..

Чайки все чаще и чаще кружились надъ водой, оглашая утренній воздухъ криками. Впереди синѣла и искрилась широкая, словно море, полоса воды. Это Ильмень-озеро, которое поитъ своею водой Волховъ, а Волховъ—Новгородъ Великій...

«Изъ Волхова воды не вычерпать, изъ сердца туги не выгнати»...

Вотъ и Перынь монастырь, почти у самаго Ильмень-озера... Вонъ то мѣсто, гдѣ волокли когда-то съ холма Перуна, вонъ тамъ его столкнули въ воду.

— Выдыбай, боже! Выдыбай, Перуне!.. Какъ-то, ты, Господине Великій Новгородъ, выдыбаешь?.. Выдыбай, выдыбай!.. А отъ князя Михайлы все нѣту вѣстей... Эхъ, Олельковичу, Олельковичу!.. Вотъ уже третій мѣсяцъ, какъ уѣхалъ въ свой стольный Кіевъ градъ, а про Мароу и забылъ... Забвенна буди десница твоя!..

Въ безпокойной головѣ ея роились невеселыя думы. Заварила она, охъ, круто заварила московскую кашу, а кому-то расхлебывать придется?..

Казимиръ обѣщалъ помочь, да не шлетъ... Объ Олельковичѣ ни слуху, ни духу: сѣрымъ волкомъ бѣжалъ изъ Новгорода, какъ услыхалъ о смерти кіевскаго князя, своего брата Симеона...

— Сяду-де на столъ кевскій, на столъ Володимеровъ и Ярославовъ, и тебя-деи, Мароу голубку, посажу рядомъ съ собою... Жди, Мароа! Дождешься вѣнца кіевскаго... А може вѣнчика похороннаго...

Она гордо подняла голову... Ей уже рисовался княжескій вѣнецъ на ея черноволосой головѣ.. А сѣдина подъ золотомъ?.. Ни-ни... вѣнецъ помолодитъ и мою буйную головушку... На зло же тебѣ, бѣсу-прелестнику, за ту льняную дѣвичью косу, что тамъ на брезѣ Волхова красуется... твоя она... а ты самъ гдѣ?...»

— Мамэ! Мама! Сколько воды тамъ! Все вода, все вода! Какой большой Волховъ!

— Это, сыночекъ, Ильмень-озеро.

— Ильмень-озеро... ишь какое! А какая вонъ, мама, церква?

— То, дитятко, Перынь монастырь.

— Далеко, далеко Ивану московскому до Новгорода Великаго, не досягнути: руки коротки... Далеко кулику... Ковшомъ моря не вычерпаешь, Москвою Новгорода не изымаешь... А я сяду на золотой столъ кіевской и закричу голосомъ лебединымъ: горю! горю! лови меня Иване, княже московскій...

— Чаровницѣ-ту и цвѣтъ папоротника въ руки даетца...

— А единова худой мужикъ вѣчникъ искалъ ночью подъ Ивановъ день коня—конь сбѣжалъ у нево, а цвѣтъ папоротника и западе ему въ лапоть... И видитъ онъ подъ землею клади великіе—злато и сребро...

— Суши весла! — раздался вдругъ повелительный голосъ кормчаго, которымъ былъ самъ Димитрій, старшій сынъ Марѳы, недавно возвратившійся изъ посольства, отъ короля Казимира.

Гребцы разомъ взмахнули веслами, и насадъ, силою прежняго хода, ровно и тихо подошелъ къ берегу.

— Выноси на берегъ поминки!—крикнулъ рулевой.—Да съ осторогою.

Кинули на берегъ сходцы. Марѳа, держа за руку внучка и сама поддерживаемая сыномъ Ѳедоромъ, сошла съ насада на землю и перекрестилась. За нею сошли другіе члены ея семейства и нѣкоторыя изъ челяди «старая чадь». Остальная челядь и требцы стали выносить изъ насада на берегъ монастырскія «поминки», богатый вкладъ монастырю, привезенный Марѳою.

Вынесли на берегъ, вѣрнѣе, выкатили бочку беременную романеи на утѣшеніе братіи, боченокъ вина «алкану», боченокъ «бастру краснаго», а тамъ потащили «сахары головные», «цвѣта мушкатные», «гвоздики ряженыя», «ягоды изюмны», «кардамонъ», «ядра миндальны», пшено сорочинское для кутей поминальныхъ, всего навезла благочестивая вдовица Марѳа братіи монастырской, чтобы братія молилась о ея здравіи и спасеніи и «о во всемъ благомъ поспѣшеніи»... А объ этомъ обо всемъ никто не зналъ-не вѣдалъ; знала только ея грудь да подоплека, да постель нѣмая, да еще зналъ и вѣдалъ обо всемъ этомъ ея другъ сердечный, милый ладо, князь Михайлушко Олельковичъ...

— А объ ладонѣ-то росномъ, да про воскъ на свѣчи я и за-

была,—спохватилась Марѳа, да было уже поздно,—ахъ, я грѣшная... Затмилъ мои помыслы окаянный...

И снова въ тревожной памяти промелкнулъ каменистый берегъ Волхова, и на берегу эта таинственная дѣвушка съ травами и цвѣтами въ рукахъ и съ отсвѣчивающею на солнцѣ льняною косою...

— Такъ это она!.. Вонъ кому онъ далъ свои волосы, свои брови, свои очи змѣиныя... Добро, Иванушка, добро, бѣсъ прелестникъ... А я еще тебя ради Кіевъ покинула... добро! На томъ свѣтѣ сосчитаемся, кто-то здѣсь останется?...

— Оповистуйте братіи, что Марѳа посадница пожаловала... А се что за насадъ? Откуду?

Отъ Ильменя быстро, на двѣнадцати веслахъ, словно птица, несся къ монастырю новый насадъ, меньше того, на которомъ пріѣхала Марѳа. Онъ поровнялся съ насадомъ послѣдней. Гребцы на немъ работали съ такою порывистостью и напряженностью, что и лица ихъ, и волосы, и рубахи были мокры отъ поту.

— Чей насадъ и куда путь держите, люди добрые?—окликнули съ берега.

— Изъ Русы въ Великій Новгородъ, — отозвались съ насада.—А это чей насадъ?

— Марѳинъ, посадничей Борецкой.

— И сама Марѳа тутай?

— Я Марѳа,—былъ отвѣтъ.

— Правь къ берегу! Живой рукой!

Сдѣлавъ на всемъ бѣгу полуоборотъ, бѣжавшій съ Ильменя насадъ быстро присталъ къ берегу. Изъ насада вышелъ молодой бояринъ съ русой бородкой и съ серьезными, задумчивыми глазами.

— А! Князь Василій! Слыхомъ не слыхать, видомъ не видать...

Тотъ, кого назвали княземъ Василіемъ, поклонился.

— Матушкѣ Марѳѣ много лѣтъ здравствовать!

— Спасибо, княже... Каково ради промысла съ великимъ поспѣшеніемъ гонишь въ Новгородъ?

— Воинскаго ради чину, съ вѣстями... Москва на насъ идетъ...

Марѳа отступила назадъ. Глаза ея сверкнули. Краска замѣтно отливала отъ щекъ.

— Москва... такъ наглостно... безъ размѣнныхъ грамотъ?..

— Воистину, госпоже, нагластно...

— А кто воеводы и куда рати идутъ?

— Воевода Василій Ѳедоровичъ сынъ Образецъ да Матвѣевъ сынъ Тютчевъ Борисъ съ первымъ полкомъ погнали на Двину, а другой полкъ съ князь Данилою княжъ Димитріевымъ Холмскимъ прямитъ на Русу да на Великій Новгородъ...

— На Новгородъ!.. Не быть сему!

— Да третій, госпоже, полкъ съ князь Васильемъ княжъ Ивановымъ Оболенскимъ-Стригою да съ подручникомъ московскимъ съ царевичемъ татарскимъ Даньяромъ, да съ касимовскимъ царемъ, съ Даміаномъ Касимовичемъ...

— Святая Софія! Премудрость Божія! Заступи градъ твой, вотчину твою...

Словно зимнимъ холодомъ обдало и тѣло ея и душу... А готовъ ли Новгородъ? Гдѣ его рати? Гдѣ рати короля Казимира? Гдѣ этотъ большескій князь, этотъ Олельковичъ? Кто отстоитъ святую Софію и честь великаго города?..

А тутъ это проклятое видѣніе на берегу, эта льняная коса, эти змѣиныя очи и этотъ хватающій за душу голосъ пѣсни:

Почто ты, калина, не такъ-такова:
Какъ весеннею ночкой была?..

А развѣ она сама, Мароа, такова, какъ тою—о! давно прошедшею и вѣчно памятною весеннею ночкой была?.. Не воротиться этимъ ночкамъ весеннимъ... А устоять ли Новгороду?..

— Баба-баба! Смотри, какую Мартынъ большую рыбу поймалъ!

VII. «Начала Москва».

Мароа не долго оставалась въ монастырѣ послѣ привезенныхъ княземъ Василіемъ Шуйскимъ-Гребенкою тревожныхъ извѣстій. Она отслушала тамъ только обѣдню, приложилась къ иконамъ и, простившись съ братіею, тотчасъ же отплыла обратно въ Новгородъ, куда раньше ея долженъ былъ прибыть вѣстникъ войны, князь Шуйскій-Гребенка. Она отложила поѣздку свою и въ Хутынскій, и въ другіе монастыри, куда собиралась тоже на богомолье. Дѣла призывали ее въ Новгородъ.

Всю дорогу она почти молчала, разсчитывая въ умѣ своемъ возможныя послѣдствія роковымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ и, она не могла скрыть этого, сложившихся такъ главнымъ образомъ по ея винѣ, въ силу ея тайныхъ замысловъ... Сознаніе это не могло не грызть ея честолюбивую душу... Вѣнца кіевскаго захотѣлось бабѣ да молодого, красиваго мужа, вотъ что шептала ей совѣсть. Но она гнала отъ себя эту непрошенную гостью... Не вѣнца бабѣ захотѣлось, не мужа, а на волю новгородскую пускай никто не наступаетъ...

«Положи московскому Иванушкѣ Новгородъ мизинецъ въ ротъ, онъ и голову проглотитъ, и святую Софію, и вѣчной колоколъ съ Корниломъ звонаремъ и Гаврею ворономъ...

Она, казалось, не замѣчала, какъ быстро несся ея насадъ внизъ по теченію Волхова, какъ мелькали красивые берега рѣки, и уходили назадъ синія рощи.

Только у старыхъ каменоломенъ, недалеко уже отъ Новгорода, она неожиданно выведена была изъ своего раздумчиваго состоянія. На правомъ берегу, отчетливо вырисовываясь на глубокомъ фонѣ горизонта, опираясь на клюку, стояла какая-то старуха. Пасмы ея сѣдыхъ волосъ выбивались изъ-подъ повязаннаго платкомъ стараго головника съ рогами и трепались по вѣтру. У ногъ ея сидѣла та же, уже видѣнная ею, льняноволосая дѣвушка окруженная травами и цвѣтами.

— Гляди! Гляди на нее!—хрипло, но громко сказала старуха, обращаясь къ дѣвушкѣ и показывая на насадъ, который въ эту минуту какъ-разъ поровнялся съ ними.—Это она, Мароа посадница!

Удивленная дѣвушка вскочила на ноги.

— Бабушка! Я знаю ее...

— Не знаешь!.. Это змѣя подколодная... Одна я ее знаю...

И старуха, поднявъ клюку, погрозила насаду.

— Помни меня, Мароа!—рѣзко прокричала она.—Помни кудесницу!.. А ее (она указала на дѣвушку), вспомянешь въ ину пору!

Мароа сидѣла блѣдная, безмолвная. Испуганные гребцы еще сильнѣе налегли на весла, и страшная старуха скоро скрылась изъ ихъ глазъ.

Въ Новгородѣ между тѣмъ уже заговорилъ вѣчевой колоколъ и разносилъ еще неизвѣстную, но тревожную вѣсть по

всѣмъ «концамъ», по всѣмъ улицамъ новгородскимъ и по ближайшимъ монастырямъ съ посадами. Корнилъ звонарь усердно работалъ желѣзнымъ языкомъ, съ любовью прислушиваясь къ трепетнымъ и вопящимъ крикамъ своего любимца, а испуганный воронъ дѣлалъ большіе круги надъ колокольнею, поднимаясь все выше и выше къ глубокому, безоблачному небу.

Вѣчевой колоколъ не умолкалъ нѣсколько дней. Новгородцы готовились встрѣтить страшнаго врага, и потому каждый день шумѣло вѣче: то сгоняли къ ратному дѣлу гончаровъ, рыбниковъ, плотниковъ, лодочниковъ; то унимали худыхъ мужиковъ вѣчниковъ, которые съ дубьемъ, вилами, косами порывались итти, сами не зная куда, и бить, не вѣдая кого, и горланили «разнесемъ-ста такихъ распроэдакихъ», и такъ далѣе, и тѣмъ крѣпче и все трехъ- и четырех-ярусными словами; то метали съ мосту «супротивниковъ» и «перевѣтниковъ»; то всѣмъ Новгородомъ валялись ничкомъ и слезно голосили передъ Знаменской Богородицей, прося ея заступы; то ставили свѣчи, чуть ли не въ оглоблю величиной, у гробовъ прежнихъ владыкъ, охранявшихъ своими молитвами Новгородскую волю... Новгородъ стоналъ голосами, бабы выли, а, имъ вторя, заливались новгородскія собаки...

Все казалось зловѣщимъ и необыкновеннымъ... Новгородское небо, всегда дождливое, теперь, въ теченіе всей весны не посылало ни одной тучки съ дождемъ на новгородскую землю. Новгородскія болота, по которымъ ни татары, ни московскіе люди не могли, бывало, съ своими ратями добраться до Новгорода, теперь попересыхали. По ночамъ сами собой звонили колокола, выли собаки, и каркали вороны. Изъ сухой старой «доски», на которой написана была Знаменская Богородица, изъ глазъ Богоматери текли слезы, и знаменскій пономарь Акила, пріятель Упадыша, сказывалъ, что слезъ этихъ накапало цѣлую дароносицу. Бабы въ Неревскомъ концѣ слышали, какъ ночью что-то летѣло по аеру надъ Людинымъ концомъ и плакало. Другою ночью нѣкій человѣкъ, проходя съ Торговой стороны на Софійскую по мосту, видѣлъ дивное видѣніе—«два мѣсяца на небеси, зѣло страшны, хвостаты, и ударилися тѣ мѣсяцы вмѣстѣ, и одинъ у другого хвостъ отшибъ, и тотъ мѣсяцъ отшибеной хвостъ приволокъ къ себѣ, и знати стало на мѣсяцѣ томъ какъ перепояска...

— И то знаменіе къ тому явися,—толковалъ на вѣчевой площади Упадышъ,—что Москва у Новгорода хвостъ отшибетъ.

— Бредишь, рудой песъ!—возражалъ тщедушный мужиченко «пидбляпинъ», уже оправившійся отъ потасовокъ богатыря рыбника,—мы у поганой Москвы отшибемъ хвостъ и посшибемъ у пся рога.

— А я, братцы, зрѣлъ таковое знаменіе,—ораторствовалъ одинъ рядской говорунъ,—на новцы явишася два мѣсяцы рогаты, рогами противу себе, одинъ повыше, а другой пониже, и сшиблись рогами, страхъ!

— Ну и что жъ, кто ково зашибъ?

— Не вѣмъ, братцы, не дозрѣлъ конця: оболочко на мѣсяцы набѣжало.

— Эка жалость! Маленько бы подождать...

— А я вамъ скажу, господо, таково диво,—ввернулъ свое слово озорникъ Емеля Сизой,—я видѣлъ въ Волховѣ, какъ карась щуку сглонулъ...

— Ври, ври пуще!—засмѣялись слушатели.

Все время, пока собирались новгородскія рати, Упадышъ то и дѣло шептался съ московскими сторонниками и часто пропадалъ изъ города. Нерѣдко видѣли, какъ онъ пробирался къ старымъ каменоломнямъ, а иногда замѣчали, что къ нему по ночамъ приходила какая-то женщина, но всякій, кто видѣлъ ее, тотчасъ убѣгалъ, боясь, что это какая-нибудь «оґавница», и что она можетъ по вѣтру напустить лихую немочь, а то и самого бѣса...

Наконецъ, рати собраны какъ собственно по Новгороду, такъ и по ближайшимъ пригородамъ, и всѣ стянуты къ сборному мѣсту. Все новгородское войско раздѣлилось на два полка: на конный и пѣшій. Первый долженъ былъ обогнуть вдоль западнаго берега Ильменя и явиться у Коростыня. Пѣшій же полкъ долженъ былъ сѣсть на суда и плыть къ Коростыню Волховомъ, а потомъ Ильменемъ.

Весь Новгородъ вышелъ провожать своихъ воиновъ. Владыка и все новгородское духовенство вышло съ хоругвями и иконами. Ратники были окроплены святою водою. Проводы сопровождались плачемъ дѣтей и причитаньями женъ и матерей.

Старшій сынъ Мароы посадницы, въ качествѣ одного изъ воеводъ пѣшаго полка, сопутствуемый своими подручниками, Арзубьевымъ, Селезневымъ-Губою и Сухощекомъ блисталъ,

словно новая риза на иконѣ, своими латами, кольчугою и дорогимъ шлемомъ съ золоченымъ «еловцомъ» наверху. Блѣдное, матовое лицо его окаймляемое шлемомъ и чешуею, казалось очень юнымъ, но восторженнымъ.

Мать плакала, благословляя и цѣлуя его. Слезы гордой, честолюбивой женщины, припавшей къ груди сына, падали одна за другою на блестящія латы, оковывавшія молодую грудь ея любимца и скатывались на землю какъ крупныя жемчужины...

Давно ли, казалось, она держала его, маленькаго, у себя на колѣняхъ, а онъ игралъ ея дорогимъ ожерельемъ?

— Не плачь, матушка, не скорби,—утѣшалъ ее сынъ.

— Охъ, сыночекъ, прискорбна душа моя...

— Не кропи слезами моихъ латъ, родная, потускнѣютъ.

— Охъ, сама вѣдаю, дитятко: горьки слезы матерни... что ржа проѣдятъ онѣ латы твои...

— Мареа! Мареа!—прокаркалъ воронъ, кружась надъ церковными хоругвями.

Мареа вздрогнула... «Что онъ вѣщаетъ, Господи»!.. Глаза всѣхъ невольно обратились на вѣщую птицу. Владыка осѣнилъ ее крестомъ...

— Вѣщай на добро, птакъ божій!—проговорилъ онъ.

— Варламъ! Варламъ!—казалось, отвѣчала странная птица.

А съ вѣчевой колокольни съ любовью и умиленіемъ слѣдили за вороном и за всѣмъ происходившимъ на берегу Волхова блестѣвшіе старческими слезами глаза вѣчнаго звонаря.

— Фу-фу-фу, сколько дитушекъ у Господина Великово Новгорода! Сколько стяговъ, сколько насадовъ!.. Не видать поганой Москвѣ Новагорода какъ ушей своихъ... Кричи, кричи, Гаврюшенька! Каркай славу Великому Новугороду...

— Новгородъ! Новгородъ!—какъ бы отвѣчая звонарю, безсмысленно каркала глупая птица заученныя слова.

Владыка знакомъ подозвалъ къ себѣ воеводу конпаго полка, сѣдобородаго боярина Луку Климентьева. Воевода подъѣхалъ къ Ѳеофилу, проворно соскочилъ съ коня, звеня сталью своей кольчуги и оружіемъ.

— Преклони ухо, Лука,—тихо сказалъ владыка.

Воевода почтительно нагнулъ голову какъ для благословенія.

— Помнишь, Лука, мой наказъ?—попрежнему тихо спросилъ Ѳеофилъ

— Не забылъ есми, владыко.

— Помни же, сынъ мой: егда сойдутся рати въ полѣ, рази токмо окаянныхъ псковичей, а на княжой полкъ не води мой полкъ... не благословляю на сіе...

— Будетъ по глаголу твоему, владыко.

— Корнилъ! Корнилъ! Корнилъ!—каркалъ воронъ.

— Ахъ, сыночекъ мой, Гавря!—умилялся звонарь, слушая свою птицу.—И меня старика вспомнилъ... А вонъ и Тихикъ блаженненькой съ боярынею Настасьею... Что они везутъ?..

Вдоль рядовъ пѣхоты два рослыхъ парня везли телѣжку, нагруженную платками и холстомъ, а впереди шла боярыня Настасья Григоровичева, пріятельница Марѳы, вся раскраснѣвшаяся отъ жару, а съ нею рядомъ слѣпой Тихикъ, обвѣшанный своими сумками. Они брали изъ телѣжки платки и лоскуты холста и раздавали ратникамъ.

— Для чево это?—недоумѣвали ратные люди.

— Кровушка, кровушка, охъ, много кровушки будетъ,—загадачно отвѣчалъ слѣпецъ.

— Добро, пригодится ширинка носъ утереть...

— Кровушку, кровушку, кровушку горячую, — твердилъ свое Тиша блаженный.

— Мы-ста кому иному носъ утремъ,—похвалялся тщедушный мужиченко «пидблянинъ».

Князь Василій Шуйскій-Гребенка, стоявшій впереди всѣхъ и разговаривавшій съ посадникомъ, обнялъ этого послѣдняго и грузною походкою направился къ иконѣ Знаменской Богоматери, которую, какъ величайшую святыню Новгорода, вынесли передъ войско и держали темнымъ закоптѣлымъ ликомъ къ выстроившимся противъ нея ратямъ. Князь Василій съ головы до ногъ былъ закованъ въ желѣзо, и только русая бородка и серьезные глаза, выглядывавшіе изъ-подъ низко надвинутаго шлема, обнаруживали, что подъ этимъ движущимся желѣзомъ и кольчатою сталью скрыто человѣческое тѣло. Князь Василій былъ главнымъ воеводою посылаемаго теперь противъ москвичей передоваго новгородскаго полка.

Онъ подошелъ къ иконѣ, три раза поклонился въ землю и приложился къ ризѣ Богоматери. Владыка, у котораго замѣтно дрожала рука, покропилъ его святой водой.

Къ воеводѣ подвели рослаго воропого коня, который нетерпѣливо рылъ копытомъ землю и пѣнилъ удила. Воевода медленно сѣлъ на него и въ сопровожденіи подручныхъ воеводъ сталъ объѣзжать ряды.

— Постоимъ, братіе, за святую Софію, за домы свои и за волю новгородскую!—то и дѣло обращался онъ къ войску.

— Утремъ пота за святую Софью!—отвѣчали ратные.

— Положимъ головы за волю новгородскую! Ляжемъ костьми!

— Не посоромимъ Господина Великаго Новгорода!

По знаку воеводы затрубили рога, загудѣли гудки, заколотили бубны.

— Въ насады! Въ насады!—прошло по рядамъ.

Войско двинулось къ насадамъ, которые покрывали сплошною массою весь Волховъ по ту и по другую сторону «великаго мосту». Бабы и дѣти снова взвыли.

— Фу-фу-фу!—радовался съ колокольни вѣчной звонарь,—Полетѣли пчелки, для своей матки медокъ добывать... Фу-фу-фу! Сила какая!

Марѳа въ послѣдній разъ повисла на шеѣ сына... Митя!... Соколикъ мой!.. Золото червонное!.. Оо-охъ!.. И острое, нехорошее чувство шевельнулось у нея въ груди противъ того статнаго, черноусаго «хохла», который обнадеживалъ ее когда-то литовскою помощью... «Аспидъ пучеглазый»!..

— Баба! Баба! — теребилъ ее за подолъ маленькій Исачко.—По комъ ты плачешь?.. И я заплачу...

— Новгородъ! Новгородъ! — отчаянно каркалъ воронъ, взбудораженный необычайнымъ движеніемъ и плачемъ.

Скоро насады, наполненные ратными людьми, уже пѣнили гладкую поверхность Волхова сотнями и тысячами веселъ а оставшіеся новгородцы и пригорожане несмѣтными толпами, большею частью бабы и дѣти, двигались берегомъ, провожая глазами своихъ «ладъ милыхъ» и махая усталыми руками все далѣе и далѣе уходившимъ насадамъ.

Марѳа тоже стояла, заплаканная, провожая глазами воеводскій стягъ, который тихо полоскался въ воздухѣ надъ воеводскимъ насадомъ, умчавшимъ ея дорогаго Митю на кровавый пиръ. И ей невольно вспалъ на память таинственный сонъ, видѣнный ею этою ночью, сонъ, въ которомъ ея суевѣрный умъ

угадывалъ что-то пророческое, страшное, но что, она не знала... Ей снилось, что она стоитъ на вѣчевомъ помостѣ и слышитъ у святой Софіи похоронный перезвонъ и жалобное причитанье многихъ женскихъ голосовъ. Она спрашиваетъ, кого хоронятъ, и ей отвѣчаютъ, что хоронятъ волю новгородскую. Она торопится съ помоста, чтобы посмотрѣть на похороны, но въ этотъ моментъ у нея на шеѣ разрывается дорогое ожерелье, и крупныя жемчужины разсыпаются по землѣ. Откуда ни возьмись, куры, и стали клевать ея жемчугъ... «Несутъ несутъ», слышитъ она голоса и видитъ, что люди несутъ гробъ, а въ гробу лежитъ она сама Мароа, и за гробомъ идетъ та льняноволосая дѣвушка, которую она недавно видѣла за городомъ, на берегу Волхова, обсыпанную цвѣтами и зеленью, и голосно причитаетъ: «матушка родимая! на кого ты меня, сиротинку, покинула»...

— А мнѣ батя посулилъ привезти пряникъ московской, во какой, баба!—бормоталъ между тѣмъ маленькій Исачко, теребя ее за подолъ.

А издали, съ передовыхъ насадовъ, уже доносилась голосистая, какъ бы заунывная, раздумчивая пѣсня:

Въ Новѣгородѣ ли было на Софійской сторонѣ.
Раззвонился, братцы, раскричался вѣчной колоколъ:
Ужъ и что-й-то, братцы, у насъ въ Новѣгородѣ нездорово...

Конный полкъ тоже ужъ давно взбивалъ облака пыли за городомъ, слѣдуя лѣвымъ берегомъ Волхова по направленію къ устью Шелони. Въ этихъ облакахъ пыли трепались новгородскіе стяги, поблескивая на солнцѣ золочеными яблоками, крестами и унизанными разноцвѣтнымъ каменьемъ ликами угодниковъ, изображенныхъ на широкихъ полотнищахъ знаменъ. Это былъ владычній полкъ, предводительствуемый благочестивымъ бояриномъ Лукою Клементьевымъ.

Насады между тѣмъ, сверкая въ воздухѣ безчисленными веслами, словно крыльями, быстро подвигались къ Ильменю. Въ воздухѣ, на всемъ пространствѣ, занимаемомъ этою флотиліею, носился говоръ и гулъ тысячъ голосовъ, и всѣ эти голоса покрывала заунывная, хотя и удалая мелодія.

Разыгралось, расплескалось, братцы, Ильмень-озеро,
Расходились, разъусобились люди новгороцкіи,
Выходила ли Торговая сторона на Софійскую...

— Гляпь, братцы, опять на берегу огавница...

— Смотри, смотри! Кому-то клюкой грозитъ.

— Ахъ старая кудесница! Чуръ-чуръ! Съ нами хрестъ...

— А вотъ дивка чаровница... Коса-то, коса-то какая бѣлая, лепъ чесаный!

Дѣйствительно, на берегу опять стояла старуха кудесница и грозила кому-то клюкой, но кому, этого никто не зналъ, хотя каждый суевѣрно принималъ на свой счетъ. Кудесница эта слыла въ Новгородѣ за злую вѣдунью, и всѣ ея боялись. Разсказывали старые люди, что родилась она въ незапамятныя времена отъ зашедшаго сюда изъ чуди волхова и бабы кудесницы, которая могла напускать на людей моръ, низводить съ неба дожди и повелѣвать солнцемъ и мѣсяцемъ, которая иногда даже «скрадывала» солнце и мѣсяцъ, и все это страшное вѣдовство передала своей дочери, настоящей кудесницѣ, жившей въ никому недосягаемой пещерѣ... Съ нею жила и другая молодая чаровница, которую будто бы старая вѣдунья прижила съ дьяволомъ уже на старости лѣтъ...

Эта молодая чаровница тоже стояла на берегу. Она, видимо, искала кого-то глазами среди насадовъ. Наконецъ, отыскала кого-то, узнала, и лицо ея вспыхнуло, а потомъ мертвенно поблѣднѣло...

Когда насады проплыли мимо нея, она закрыла лицо руками и, казалось, заплакала. Льняная голова ея закачалась изъ стороны въ сторону, словно бы она причитала...

Но вдругъ, къ изумленію и ужасу ратныхъ людей, она отняла руки отъ лица, быстро, спотыкаясь, послѣдовала вдоль берега за насадами и на ходу все крестила ихъ..

— Что за притча!—удивлялись ратные люди,—Не то она хрестить, не то разхрещивае...

Долго эта таинственная чаровница шла за насадами, пока они не скрылись у нея изъ виду.

А насады уже вышли въ Ильмень-озеро. Всѣ были оживлены, разговаривали, смѣялись, бранили москвичей и Псковъ, который не шелъ Новгороду на помощь. Воевода, князь Шуйскій-Гребенка, окруженный подручными воеводами, каковыми

были молодой Мароинъ сынъ Димитрій, Василій Селезневъ-Губа, Кипріянъ Арзубьевъ и Іеремія Сухощекъ, говорилъ о предстоявшемъ воинскомъ дѣлѣ, о трусости москвичей, о вѣроломствѣ «молодшаго брата» Пскова и объ иномъ прочемъ.

Одинъ только Упадышъ молчалъ, смутно свѣсивъ свою золотистую голову на грудь, покрытую кольчугой, и по временамъ оглядывался назадъ къ тому мѣсту, гдѣ маячилась на берегу льняная головка молодой чаровницы, пока и она, и берегъ, по которому она шла, не скрылась изъ виду.

Виднѣлся еще сзади Перынь монастырь съ его золотистыми главами, но скоро и онъ какъ-бы погрузился въ воду. Кругомъ разстилалась гладкая поверхность Ильменя, которую иногда рябилъ тихій южный вѣтеръ, да на голубомъ небѣ стояли неровными рядами перистыя облачка, которыя какъ и само небо, казалось, тихо двигались на полночь, къ оставленному назади Новгороду, и далѣе за Новгородъ, въ далекую чудскую землю.

Пѣсня давно смолкла. Многіе изъ ратныхъ людей, соскучившись однообразіемъ картины и убаюканные плавными покачиваньями насадовъ, свернувшись, гдѣ кто попалъ, спали или дремали, вспоминая свои дома, женъ и другихъ близкихъ сердцу, которыхъ инымъ, быть можетъ, уже не суждено больше увидѣть и обнять, какъ еще недавно они обнимали ихъ на прощанье, а тѣ благословляли и цѣловали ихъ съ ласками и плачемъ.

Упадышъ, все время молчавшій, уже не оглядывался болѣе назадъ, а серьезное лицо и задумчивые черные глаза сосредоточенно слѣдили, казалось, впереди за чѣмъ-то далекимъ, чего никто не видѣлъ. По временамъ губы его подергивались какъ бы отъ внутренней боли, и онъ встряхивалъ своими красно-рыжими волосами, словно бы его преслѣдовала не то надоѣдливая муха, не то неотвязчивая мысль. Онъ, видимо, искалъ чего-то впереди, ждалъ этого чего-то, а позади его, вотъ тутъ за плечами, стояло что-то другое и не отходило, какъ онъ ни отмахивался отъ него.

Вечерѣло. Солнце начинало уже клониться къ западу и косвенными лучами золотило и мачты, и стяги новгородскіе, и плавно взмахивавшіяся надъ водою весла, а Упадышъ, неподвижно сидя на носу своего насада, все глядѣлъ впередъ.

Усталые гребцы отъ времени до времени перекидывались словами, но Упадышъ точно не слыхалъ ничего.

— А какой нонче у насъ, братцы, день?

— Ноли забылъ?

— Забылъ-ста... да и какъ не забыть! Съ коей годины на погахъ!

— И точно забудешь... Кажись, вторникъ у насъ.

— Вторникъ и есть... Ноли забыли, какой завтра праздникъ?

— А какой? Мы не попы.

— А Ивана Пердотечу забыли, Иванову-ту ночь?

— Ай-ай робятушки! И въ самомъ дѣлѣ завтра у насъ святой Ярила живетъ...

— И вправду, ай-ай!.. Такъ нонѣ у насъ Ярилина ночь буде?

— Ярилина! Эхъ ты, кумирословъ! Али забылъ, какъ тоби попъ въ загривокъ наклалъ за Ярилу?

— Помню что-жъ! Не велѣлъ Ярилѣ молиться, Ярила, слышь, идолъ...

— Идолъ и есть...

— Сказывай!

— То то сказывай! Попу ближе знать. Нонѣ ночь Пердотечева живетъ.

— У тебя Пердотечева, а у меня Ярилина... То то бабы да дивки взбѣсятся нонѣ! То то скаканье да плясанье буде! То то пѣнье да славленье! Эхъ!.. А мы вотъ туто возжайся! Подавиться бъ ей, Москвѣ кособрюхой!

— Смотри братцы, смотри, дымъ-отъ какой!

— Гдѣ дымъ, паря?

— Да вона, прямо на берегу...

— И точно, и-и какой дымина! Откудова бы ему быть?

— Да, точно... Это, господо, дымъ въ Русѣ...

— Въ Русѣ и есть... Ноли Ярилины костры разводятъ?

— Каки Ярилины костры! Нашелъ-ста, рано Ярилинымъ кострамъ быть...

— Такъ ноли пожаръ?

— Пожаръ и есть, ребятки ахъ! Вотъ притка! Нну!

Дѣйствительно, надъ берегомъ, гдѣ должно быть устье Ловати и гдѣ, по всѣмъ видимостямъ, находилась Руса, густой дымъ клубами вставалъ надъ горизонтомъ и зловѣщею дымкою разстилался къ Ильменю. Ясно было, что горѣло что-то боль-

шое и горѣло не въ одномъ мѣстѣ... Но что горѣло? Неужели Руса?..

Упадышъ уже не сидѣлъ, а стоялъ. Глаза его, обращенные къ зловѣщимъ клубамъ дыма, лихорадочно горѣли. Дрожащею рукою онъ держался за рукоятку длиннаго меча, привѣшаннаго у бедра, и блѣдныя губы его беззвучно, судорожно шевелились...

И смѣлое, задумчивое лицо главнаго воеводы выражало тревогу. Онъ оглянулъ всѣ новгородскіе насады, которые разбились по Ильменю, какъ огромное стадо лебедей, перенесъ взоръ на свой насадъ, на тихо вѣявшій надъ его головой войсковой стягъ и, снявъ съ головы шлемъ, широко перекрестился...

— Начала Москва!—сказалъ онъ какъ бы про себя.—Кто-то кончитъ?..

VIII. Пораженіе новгородцевъ на берегу Ильменя.

Въ ту ночь, когда пѣшее новгородское ополченіе, переправившись въ своихъ насадахъ черезъ Ильмень, приближалось къ устью Ловати и видѣло поднимавшіеся вдали изъ-за горизонта клубы чернаго дыма, отъ берега Волхова, противоположнаго Перынь-монастырю, тихо, какъ бы крадучись отъ кого, отчалила небольшая рыбацкая лодка и тоже выплыла въ Ильмень.

Чернецы Перынь-монастыря, замѣтившіе эту лодку, не обратили на нее вниманія, основательно полагая, что это рыбаки отправились на какую-нибудь далекую тоню, чтобъ къ утру или къ полуночи попасть на мѣсто работы.

Но они не замѣтили, что лодка направилась не вдоль берега Ильменя, а напрямки черезъ озеро по направленію къ устью Ловати. Чернецы не могли видѣть также, кто находится въ лодкѣ, а еслибъ увидали, то не знали бы, что подумать объ этомъ. Въ своей суевѣрной фантазіи они бы порѣшили, что это «дьявольское навожденіе», «мечта», «нѣкое бѣсовское дѣйство», что это, однимъ словомъ, «нечистый играетъ на пагубу человѣкомъ».

Въ лодкѣ было всего два живыхъ существа—молодой парень и съ нимъ бѣсъ, непремѣнно бѣсъ въ образѣ лѣповидной дѣвицы. Кому же другому быть, какъ не бѣсу! Да еще къ ночи; мало того!—въ самую Ивановскую ночь, наканунѣ рождества Предотечева, когда и папоротникъ цвѣтетъ, и земля надъ кла-

дами разверзается, и утопленники голосами выпи стонутъ въ камышахъ, и русалки въ Ильменѣ плещутся, празднество идолу Ярилѣ правятъ...

Но если бъ святые отцы видѣли, какой у парня, сидѣвшаго въ лодкѣ, сидитъ бѣсъ въ образѣ лѣповидной дѣвицы...

Парень усердно работалъ на веслахъ, робко поглядывая иногда на дѣвушку, которая сидѣла у руля и задумчиво, сосредоточено глядѣла вдаль.

Это была та льняноволосая дѣвушка, которую мы уже не разъ видѣли на берегу Волхова.

Куда она ѣхала? И что за необходимость была ѣхать противъ ночи? Правда, ночь была іюньская, сѣверная, глазастая. Спящее озеро, какъ на ладони... Полуночный край неба совсѣмъ не спитъ, такой розовый, бѣловатый... Казалось, что тамъ, дальше, туда, за Новгородъ, въ чудской землѣ день, и чудь бѣлоглазая нѣжится на солнышкѣ... Но вода въ Ильменѣ такая темная, страшная, бездонная пучина, а въ этой пучинѣ, глубоко глубоко, навѣрное разныя чудовища копошатся и смотрятъ изъ глубины, какъ надъ ними жалкая лодочка куда-то торопится...

— Охъ!.. Богородица!

— Что ты?... Чево испужалась?

— Рыбина выкинулась... Я думала... Богъ вѣсть что...

— Ничево, не пужайся, не впервое...

Лодка продолжала быстро нестись по гладкой поверхности тихаго озера. Гдѣ она проходила, тамъ оставался слѣдъ на водѣ, и двѣ полосы расходились далеко-далеко позади лодки въ видѣ распущеннаго хвоста ласточки. Кругомъ тишина мертвая, только слышится тихое плесканье веселъ и журчанье воды у боковъ лодки...

— Охъ, боюсь, Петра...

— Чево, ладушка, боишься?

— Не угодимъ ко времени.

— Угодимъ, не разъ плавали въ Русу.

— Да ужъ часъ ко полупочи...

— Къ первому солнышку какъ-разъ угодимъ, истину сказываю, ладушка.

Парень налагаетъ на весла. Лодка вздрагиваетъ, подскакиваетъ и несется еще быстрѣе. И загорѣлое лицо и черные ку-

дрявые волосы у парня увлажены потомъ. Онъ что-то хочетъ сказать и не рѣшается...

А дѣвушка все молчитъ, не отрывая глазъ отъ далекаго горизонта... Чего ей тамъ нужно?

— Ты бы, ладушка, сыграла что.

— Не до игры мнѣ, Петра... не къ порѣ...

— Ничевошно... Легче бы на сердцѣ было... Ты бы «калину»... Нонѣ Ярилина ночь... Сыграй—

Почто ты не такъ-такова,
Какъ въ Ярилину ночку была...

— Богъ съ тобой, Петра.

Но Петра, повидимому, не о пѣснѣ хотѣлъ бы заговорить, да не смѣетъ... «Эхъ, зазнобила сердечушко!»...

— А вить наши новугороцки рати осилять Москву.

— Про то Богу видомо, Петра.

— А обидно таково.

— Что обидно?

— И я собирался вить на рать, да мать не пустила... А чешутся руки на Москву кособрюхую!

— Молодъ ты еще.

— Какъ молодъ!

Опять помолчали. Парень выбивался изъ силъ, видимо изнемогалъ.

— Дай, Петра, я погребу.

— Что ты! На кой?

— Ты ослабъ, а еще далеко... Садись къ правилу.

— Гдѣ тоби! Твоя сила дивичья, не мужичья.

— Я обыкла грести, у меня силища въ рукахъ.

— Ну болого, будь по твоему хоченью.

Дѣвушка оставила руль, встала и направилась къ весламъ. Парень и любовно, и несмѣло глядѣлъ на нее. Но дѣвушка разомъ остановилась, какъ вкопанная, уставивъ испуганные глаза на далекій горизонтъ, изъ-за котораго выползали не то темныя облака, не то клубы дыму. Они слишкомъ скоро измѣняли положеніе и форму и слишкомъ явственно волновались, чтобъ ихъ можно было принять за облака. Казалось, кто-то поддувалъ ихъ снизу и они рвались къ небу и какъ-будто таяли, расползаясь по сторонамъ.

— Охъ Господи! Что тамотка, Петра?

— Что? Что узрила, ладушка?

— Не оболоки, не дымъ... какъ живые по небу мятутся.

Парень всталъ, повернулся лицомъ впередъ и долго смотрѣлъ на волнующіеся клубы дыма.

— Горитъ тамъ что, Петра? Пожаръ?

— Може пожаръ, а може лѣса горятъ, не впервой.

— Охъ, не лѣса, жилье горить... То люди, то Москва огни распустила...

— А може и Москва... Она, проклятая, что твой татаринъ...

— Такъ мы опоздали? Господи помилуй!

— Для-че опоздали! Нагонимъ живой рукой...

— Охъ, не нагонимъ, соколикъ!

Дѣвушка быстро схватила въ руки весла, метнула ихъ въ воду, налегла разъ, два, три, и лодка затряслась и запрыгала подъ сильными взмахами веселъ. Откуда взялась сила въ молодомъ существѣ, которое за минуту казалось такимъ тихонькимъ и слабымъ...

— Ишь ты... ай да ну!.. Ай да дюжая!—любовался и недоумѣвалъ парень.

Лодка неслась быстро, а еще быстрѣе летѣла сѣверная весенняя ночь, ночь Ярилы. Восточная половина неба становилась все яснѣе и яснѣе, и тѣмъ отчетливѣе двигались по небу, какъ живые, клубы дыма, верхніе слои которыхъ уже начинали принимать блѣдно-алые оттѣнки.

Вотъ-вотъ настанетъ утро, выглянетъ солнышко, и будетъ уже поздно...

Странная дѣвушка еще сильнѣе налегла на весла..

— Ну, и дюжа же... эхъ, чтобъ тебя!

По небу , черезъ озеро, какъ то наискосокъ летѣли какія-то черныя птицы. Онѣ, видимо, летѣли туда, гдѣ клубились и восходили къ небу облака дыма... Зачѣмъ онѣ летѣли? Куда? Встрѣчать солнце?..

Птицы обгоняли лодку...

— То воронье, чаю?

— Воронье, ишь взапуски, умная птица...

— А для чего? Что имъ тамъ?

— Къ солнушку... Онѣ вотъ такъ-ту всягды... на солнушко, поди, посмотришь...

— Что ты, Петра!.. Это не къ добру... Они мертвеца чуютъ, кормъ... Онѣ обгоняютъ насъ...

— Что жъ! Онѣ на то, чаю, птица... А мертвеца, это точно, падаль далеко, подлыя, чуютъ...

Дѣвушка задрожала. Она не чувствовала рукъ, точно одеревенѣли онѣ. По озеру прошла рябь, что-то пахнуло въ лицо... Ильмень то тамъ, то тутъ становился точно чешуйчатымъ...

— Утренникъ пробегъ, утро скоро... Охъ, не угодимъ...

— Не бойся, скоро и къ Ловати подобьемся... Наши, поди, дрыхнуть: къ утру сладко спится.

И парень зѣвалъ и крестилъ ротъ. Ему вспомнился ихъ рыбацкій шалашъ: какъ бы теперь онъ славно спалъ, укрывшись теплымъ кожухомъ... А тамъ заварили бы съ отцомъ уху, похлебали бы горяченькаго, да и на работу... Нѣтъ, сегодня праздникъ, Иванъ Пердотеча...

Виденъ уже былъ берегъ и выдавшаяся въ озеро длинная коса, поросшая тальникомъ. У берега стлался надъ водою и какъ бы таялъ бѣловатый туманокъ. Дымъ становился багровымъ и медленно рѣдѣлъ.

— Ну, вотъ и угодимъ-ста, вонъ берегъ... И туманокъ подымаетця...

Ахъ ты, туманъ мой, туманъ туманокъ,
Что по Ильменю онъ, туманъ, похаживае...

— Что ты! Что ты, Петра! Съ ума сошелъ!

Парень спохватился и пересталъ пѣть. На берегу вдругъ изъ-за тальника выросла человѣческая фигура, закутанная въ охабень. На головѣ ея что-то блестѣло.

Увидавъ лодку, неизвѣстный человѣкъ приблизился къ берегу. На головѣ его оказался шлемъ. Выткнувшееся изъ-за горизонта солнце позолотило высокій, заостренный еловецъ шлема.

— Эй, лодка. Кто тамъ?—послышался окликъ съ берега.

Дѣвушка вскочила, испуганная, дрожащая. Она, казалось, глазамъ своимъ не вѣрила, или то, что она видѣла, казалось ей сномъ, привидѣніемъ. Человѣкъ въ шлемѣ, стоявшій на берегу, былъ не менѣе ея пораженъ.

— Горислава! Ты ли это! Какъ сюда попала?

— Греби! Греби къ берегу!—торопила она парня.

Лодка пристала къ берегу. Дѣвушка, какъ кошка, выпрыг-

нула изъ лодки. Стоявшій на берегу человѣкъ распахнулъ охабень, скрывавшій половину его лица и рыжую бороду. Это былъ Упадышъ.

— Горислава! Что съ тобой? Почто сюда пріѣхала?

— Я... я отъ бабушки...

— Отъ бабушки? За коимъ диломъ? Какъ?

— Я... не отъ бабушки... я сама... я слыхала... не нарокомъ... Охъ, Господи!

— Что слыхала? Сказывай...

— Москва... Москва тамъ въ Русѣ... она утромъ, отай, ударить на васъ... всѣхъ посѣчетъ...

Вдругъ произошло что-то необыкновенное, страшное, точно земля и небо задрожали и застонали отъ какихъ-то неистовыхъ, нечеловѣческихъ голосовъ и кликовъ.

— Москва! Москва! Москва!—слышалось въ этой бурѣ, въ этомъ раздирательномъ ревѣ голосовъ.

Дѣвушка, дрожа всѣмъ тѣломъ и дико озираясь, ухватилась за Упадыша, да такъ и закоченѣла. Парень отъ неожиданности и страха присѣлъ на землю.

— Матушка! Матушка! Что это, оохъ!

— Уходи, уходи въ лодку! Ступай, Горислава!—силился Упадышъ отцѣпить отъ себя ея закоченѣвшія руки. — Иди въ лодку, плыви дальше, не то пропадешь...

— Оохъ! а ты? Что съ тобой станется? Ооо!

— Уходи, говорю! Это московской ясакъ, это Москва на насъ напала...

Ревъ голосовъ между тѣмъ становился все неистовѣе и диче. Стучали и стонали бубны, выли рога...

— Москва! Москва! Бей окаянныхъ измѣнниковъ! Бей новгородскую челядь!..

Съ возвышенія, тянувшагося вдоль берега Ильменя, отъ лѣваго рукава Ловати, словно лѣсъ, «аки борове», по выраженію лѣтописца, лавиною двигали московскія рати, блистая на солнцѣ шеломами, еловцами, кольчугами, сулицами, бердышами и развѣвая въ воздухѣ всевозможныхъ цвѣтовъ стяги, потрясая копьями и рогатинами съ острыми желѣзными наконечниками.

Новгородское войско, которое ночью пристало съ своими насадами тутъ же къ берегу, нѣсколько правѣе, не ожидая такъ скоро непріятеля и выгадывая время, пока не пришла ся конная

рать «владычній стягъ», безпечные новгородцы, повалившись покотомъ, кто на берегу, на пескѣ или на травѣ, кто въ насадахъ, спали еще мирнымъ сномъ, когда услыхали, словно громъ съ неба, страшный московскій «ясакъ»...

— Москва! Москва! Москва!—стоналъ и вылъ этотъ ужасный ясакъ.

Новгородцы спросонья не знали, что дѣлать, что думать, за что хватиться. Какъ безумные, метались они по берегу и по насадамъ.

А москвичи уже били ихъ, прокалывали копьями, разсѣкали топорами ихъ голыя, не прикрытыя шеломами головы... А шеломы валялись тутъ же, на землѣ: кто же спитъ въ шеломѣ!..

— Уходи, безумная! Уходи, Горенька!—отбивался Упадышъ отъ обезумѣвшей дѣвушки.

— Оохъ! Ниту! Ниту! Тебя убьютъ, оо! Матушки!

— Малый, возьми ее! Снеси въ лодку...

— Не пойду, оохъ. Я съ тобой помру, ооо!

— Тащи! Волоки ее! Отваливай дальше отъ берега.

— Иди, ладушка! Иди, дивынька! Подь, Горя!

И дюжій парень, не обращая вниманія на сопротивленіе дѣвушки, какъ медвѣдь сгребъ ее въ охабку и поволокъ къ лодкѣ.

— Пусти! Пусти меня, Петра! Оохъ!

— Не пущу! Ишь ты, не царапайся! Не пущу, ушибутъ тебя... Полно-ка!

А тамъ шла кровавая сѣча. Новгородцы, не успѣвшіе со сна захватить оружіе, бросались въ рукопашную и съ свирѣпостью отчаянья душили за горла своихъ враговъ, обвивались вокругъ ихъ ногъ, грызли ихъ, какъ собаки, зубами и, не смотря на то, что другіе москвичи пронизывали ихъ копьями, трощили головы бердышами, пропарывали ихъ рогатинами, новгородцы голыми руками задавливали своихъ враговъ, и тутъ же, обнявшись съ ними, какъ съ братьями, смертными объятіями, умирали разомъ, обагряя кровью желтый ильменьскій песокъ и зеленую прибрежную траву.

Крики, проклятія, стоны раненыхъ и умирающихъ, боевые возгласы, лязгъ желѣза о шеломы и латы, визгъ скрещивающихся мечей и сабель, хрястъ ломаемыхъ копій, и поражемыхъ, хрипъ и свистъ перерѣзанныхъ и недорѣзанныхъ горлъ, стукъ дерева о дерево и желѣза о желѣзо, нечеловѣческіе вопли уду-

шаемыхъ за «тайные у...»—все это сливалось въ такую адскую музыку, о которой нельзя даже составить себѣ понятія по современнымъ битвамъ, даже болѣе кровавымъ и ужъ гораздо болѣе разрушительнымъ, когда и стоны, и вопли человѣческіе, и ржаніе лошадей, и проклятія раненыхъ, и вопли задавленныхъ конскими копытами, и визгъ и лязгъ оружія, и сигнальные звуки трубъ—и все, все, весь адъ звуковъ заглушается громомъ орудій, лопаньемъ разрывныхъ снарядовъ, неумолчнымъ лопотаньемъ тысячъ ружей... Нѣтъ, тогда, когда еще не въ ходу было огнестрѣльное оружіе, когда дрались кулаками, рвались зубами, душили другъ дружку руками, рѣзались и кололись холоднымъ оружіемъ, тогда смерть и ея голосъ, ея ужасные крики были слышнѣе, реальнѣе, ужаснѣе, тогда все было слышно... слышно было, какъ души человѣческія разставались съ тѣлами и кричали, невообразимо кричали объ этихъ тѣлахъ, оставляемыхъ ими, объ этой землѣ, о жизни...

Все это видѣла и все это слышала бѣдная дѣвушка, силою втолкнутая въ лодку и отвезенная далеко отъ ужаснаго берега. Ей, какъ на ладони, видна была эта ужасная сѣча...

Одного не видала она—Упадыша... Куда онъ исчезъ, когда силою оттолкнулъ ее отъ себя, и когда широкоплечій Петра сгребъ ее въ свои объятія, что съ нимъ сталось, бросился ли въ сѣчу вмѣстѣ съ другими и погибъ подъ ударами москвичей, или бѣжалъ отъ ихъ ужаснаго «ясака», который все еще гремѣлъ по всему берегу, она ничего не могла сказать. Но всего вѣроятнѣе ей казалось, что онъ убитъ, раздавленъ, разломанъ по костямъ, какъ вонъ тѣ, распластанные на пескѣ или кровавыми руками цѣпляющіеся за траву, за кусты, и холодный ужасъ охватывалъ ее, и она, ломая руки, глядѣла на кровавый берегъ, по временамъ думая ринуться въ воду и плыть къ берегу или скрыться подъ водою отъ этихъ ужасовъ...

Но вдругъ ей показалось, что она видитъ его... Да, это онъ... Онъ лежитъ, распластавшись на землѣ, глубоко закинувъ назадъ свою рыжую, прикрытую шеломомъ голову. Это его борода, огненнаго цвѣта, такъ и горитъ подъ лучами солнца... Онъ, она!.. Она хочетъ броситься въ воду...

— Что ты! Стой! Что задумала!

— Охъ! Пусти! Пусти меня! Я къ нему пойду!

— Къ кому? Что съ тобой?

— Къ нему... вонъ онъ на пескѣ... распластался... ево борода, рудая...

— Какая борода! То кровь, руда, значитъ... Видишь, горло перерѣзано, и кровь льетъ на рубаху, не борода то рыжая, а кровь...

— Охъ! Пусти! Убей и меня!

И она отчаянно билась въ здоровенныхъ рукахъ парня...

— Дуришь, не выпущу, тамъ смертный бой...

Дѣйствительно, бой былъ смертный. Московскія рати осилили и смяли новгородцевъ. Многіе изъ нихъ, видя, что москвичи все прибываютъ, не выдержали натиска и бросились берегомъ къ насадамъ. Напрасно воевода, князь Шуйскій-Гребенка, махая мечемъ и напоминая бѣглецамъ Новгородъ Великій и святую Софію, силился остановить ихъ. Напрасно онъ кричалъ, чтобъ подержались немного, что вотъ-вотъ сейчасъ подоспѣетъ владычный стягъ конниковъ и ударитъ на москвичей съ тылу, что вонъ уже вдали развѣваются новгородскія знамена, и слышны боевые окрики новгородцевъ и ихъ воинскія трубы, бѣглецы не слушали его. Многіе, бросаясь въ насады другъ черезъ друга, попадали въ Ильмень и тонули подъ тяжестью латъ, а другіе, подымая руки изъ воды, напрасно просили о помощи... Было не до нихъ, каждый думалъ о себѣ...

Все бросилось въ насады. Одинъ увлекалъ другого, толпились, падали, вставали и снова бѣжали къ насадамъ. Тѣхъ, что въ пылу сѣчи зашли далеко и изнемогли, москвичи брали въ полонъ и привязывали конскими цѣпями и ремнями другъ къ дружкѣ.

Молодой сынъ Мароы, Дмитрій, положивъ на мѣстѣ нѣсколько москвичей и ошеломленный рогатиною въ голову, потерялъ сознаніе, и, приподнявшись на пескѣ, бормоталъ что-то безсвязно, водя пальцами по окровавленнымъ латамъ и блестящему, теперь окровавленному нагруднику...

— Материны слезы... красны слезы стали... и на землѣ материны слезы... и тутъ, на латахъ, красныя слезы... заржавѣли... Исачкѣ пряникъ московскій...

Арзубьевъ и Селезневъ-Губа, увидавъ его въ такомъ положеніи, схватили подъ руки и силою втащили въ насадъ..

— Материны слезы... красны... у-у-у въ головѣ...

— Господи! Спаси ово, раба Митрея! Оохъ!

— Измѣна... Владычій стягъ поломалъ крестъ... цѣлованье переступилъ...

— У-у-у! Красны слезы...

Насады въ безпорядкѣ отчаливали отъ берега, не обращая вниманія ни на раненыхъ, ни на тѣхъ, которые не успѣли попасть на суда. Многіе изъ нихъ кидались въ воду, чтобы догнать своихъ, уплывшихъ отъ берега, отчаянно боролись съ затоплявшею ихъ водою и, поражаемые московскими стрѣлами и каменьемъ, тонули на глазахъ у земляковъ, то молясь, то проклиная кого-то...

Оставшихся на берегу москвичи ловили, словно табунщики коней, арканами. И тутъ начались возмутительныя сцены надругательства надъ плѣнными новгородцами. Москвичи отрѣзывали у нихъ носы и губы, бросали эти кровавые трофеи въ Ильмень, приправляя эти воинскія забавы не менѣе возмутительными прибаутками.

— Эхъ, Ильмень, Ильмень-озеро! На тебѣ носовъ новугороцкіихъ!

— На поди, высморкайся да выкупайся въ Ильменѣ, носъ новугороцкой! Ина!

— А вотъ губы лакомы новугороцки! Цѣлуйтеся ко со Ильменемъ-озеромъ!

— Ну, ка, подь понюхай, чѣмъ пахнетъ! Ловите, храбрыи новугородцы, носы своихъ витязей!

— Эй щука-рыба! Эй окунь ильменской! Собирайтесь носы да губы новугороцки кушать во здравіе!

Дикій хохотъ, крики и стоны далеко разносились по берегу и по озеру...

— А вотъ губы съ усами, ловите ихъ, новугородцы, краснымъ дѣвкамъ въ подарокъ!

— Подите, покажитесь топерь своимъ!—отпускали москвичи изуродованныхъ плѣнниковъ.

. . . . . .

Тихо кругомъ. Московскія рати ушли, оставивъ побитыхъ враговъ на покормъ птицъ и звѣрю. И насадовъ новгородскихъ не видать, всѣ отплыли въ Новгородъ съ печальными вѣстями.

Тихо на кровавомъ полѣ. Всѣ спятъ непробудно. Только воронье, которое еще раннимъ утромъ улетѣло черезъ Ильменъ изъ

Новгорода и съ его полей, припялось теперь за свою трапе Черные хищники бродятъ между трупами, перелетываютъ съ одного мертвеца на другого, спорятъ о добычѣ, дерутся крыльями и кровавыми клювами... Не смѣй де трогать: я де ужъ выдралъ у него одинъ глазъ изъ лба, до другого добираюсь...

Подъ ивою лежитъ, разметавшись руками словно крыльями, богатырь мертвецъ. Ноги оперлись въ стволъ ивы, а голова запрокинулась назадъ, и блѣдное, съ кровавыми знаками лицо, кажется, смотритъ на небо: что-то де тамъ?.. Такъ ли де какъ здѣсь скверно?.. Около него ходитъ воронъ, нерѣшительно заглядывая ему въ лицо... Можно ли де начать? Не схватитъ ли де?..

Воронъ вспрыгиваетъ на грудь мертвецу, тихо подбирается къ лицу: борода мѣшаетъ. Онъ перелетаетъ на землю и подходитъ съ затылка, не такъ страшно де—не увидитъ... Вскакиваетъ на еловецъ шлема, цѣпляется лапами—неловко держаться, переходитъ выше, ко лбу... Нацѣлился огромнымъ клювомъ словно долотомъ и садонулъ лѣвѣе переносицы...

Мертвецъ дрогнулъ, открылъ глаза и шевельнулъ рукою... Испуганный воронъ взвился на воздухъ, болтая крыльями...

— Марѳа! Марѳа! Марѳа!—каркалъ воронъ.

— Окаянная Марѳа! О, Господи!—простоналъ мертвецъ-богатырь.

Это былъ новгородскій силачъ, рыбникъ Гурята... «Вѣчной» воронъ, прилетѣвшій вмѣстѣ съ другимъ вороньемъ изъ Новгорода на добычу, своимъ клювомъ разбудилъ раненаго и ошеломленнаго ударами богатыря.

— Новгородъ! Новгородъ!—каркала испуганная птица, не зная, на какой трупъ опуститься.

IX. Какія вѣсти принесъ воронъ.

Въ тотъ день, когда на берегу Ильменя, недалеко отъ Коростыня, происходила битва новгородцевъ съ москвичами, вѣчевой звонарь, кривой Корнилъ, сидѣлъ на своей колокольнѣ и, опершись на оконныя перила, разсѣянно смотрѣлъ своимъ однимъ глазомъ то на Новгородъ, противъ обыкновенія тихій и почти безлюдный, то на Волховъ, по которому кое-гдѣ скользили рыбацкія лодки, тоже какъ бы опустѣвшія, то туда, въ ту-

манную даль, къ Ильменю, гдѣ вчера скрылись изъ виду новгородскіе насады съ воинствомъ, и откуда шли заплаканныя бабы новгородскія и дѣти, провожавшія на войну своихъ мужей и братьевъ.

Скучно, ничего не видать тамъ вдали, да и скоро ли еще видно что будетъ?

У воротъ и подъ окнами домовъ, либо на мосту, сходились иногда бабы, о чемъ-то тихо бесѣдовали, качали головами и показывали туда, вдаль, къ Ильменю, куда часто обращался и одинокій глазъ звонаря.

Вонъ прошелъ Тихикъ блаженненькій, ощупывая своимъ крестатымъ костылемъ дорогу и тихо съ собою разговаривая.

Прошелъ посадникъ въ сопровожденіи тысячскаго и старосты Неревскаго конца, взглянулъ на солнце, которое уже клонилось къ западу, поправилъ на груди свою золотую гривну, что-то сказалъ тысячскому и тоже какъ-то раздумчиво покачалъ головой.

Точно вымеръ Новгородъ. Давно такъ не было въ немъ тихо и суморочно.

Отъ скучнаго города звонарь перенесъ свой взглядъ на вѣчевой колоколъ.

— Что, колоколушко, скучаешь, родной?—заговорилъ онъ ласково,—ниту твоихъ дитушекъ, новгородцевъ? Далече, далече уплыли...

Онъ приподнялся на подставку и сталъ вытирать рукавомъ края колокола.

— Запылился, батюшко родной, запорошило тебя малость... Ну, инъ дай смахну съ тебя пыль-отъ... Что, братъ, скучно намъ старикамъ?..

Съ такой же рѣчью обратился онъ и къ желѣзному языку колокола.

— Что, старина, помалкиваешь?.. А? Ишь ты, говорунъ! Поверемени малость, заговоримъ на весь міръ хрещеный, на всѣ концы и пятины...

Онъ опять глянулъ на Новгородъ, на Волховъ, туда, къ Ильменю, на солнце, все опускавшееся ниже и ниже; на западѣ сгущались облачка.

— Ишь ты, и воръ Гаврилка улетѣлъ за ратными людьми... То то, воръ, ево тамъ не доставало, а насъ, стариковъ, поки-

нулъ... Погоди жъ ты! Ужо дамъ тебѣ! Ишь, ты, какой витязь! А! На люди!.. А я ево, дурака, кормилъ-ростилъ...

Онъ приставилъ ладонь ко лбу, отѣнилъ глазъ свой и всматривался въ даль синюю.

— Не онъ, не онъ, не Гаврюша, а голубокъ полетывае... А скучно безъ нево, безъ ворона глупово.

Онъ опять обратился къ колоколу.

— Вотъ ты не улетишь отъ меня, колоколушко... Умру съ тобой, похоронишь меня, старика, и самъ по мнѣ позвонишь-поплачешь, сироточка... Кто-то послѣ меня буде звонить тобой, колоколокъ вѣчной? Э-э-хе-хе! Живи живи, да и помри... А вотъ ты, колоколокъ, не умрешь, все будешь говорить да плакать по душамъ новогороцькимъ, и по мнѣ, старомъ, поплачешь...

Но вдругъ добродушное лицо старика приняло горестное выраженіе. Онъ задумался.

— А какъ осилитъ Москва попущеніемъ божіимъ? Что съ нами будетъ? Что станется съ вѣчемъ, съ моимъ колоколомъ?.. Вить на Москвѣ, сказываютъ, нету вѣча и колокола вѣчпово нитути... не жить мнѣ безъ тебя, колоколушко мой, не жить...

Онъ снова сталъ глядѣть въ синюю даль. Вечерѣло. Съ полей возвращались стада, подымая по улицамъ пыль. То въ томъ, то въ другомъ концѣ слышался пастушескій рожокъ. Ревѣли коровы.

Много десятковъ лѣтъ наблюдалъ старый звонарь эти знакомыя картины съ своей родной колокольни. Милъ и дорогъ ему былъ этотъ видъ города, краше котораго, какъ ему казалось, и на свѣтѣ не было. Сколько церквей, колоколенъ, монастырей!.. Еще ребенкомъ онъ засматривался на этотъ, кипѣвшій жизнью, городъ, на величавую, спокойную рѣку, катившую свои воды куда-то въ невѣдомую Чудь; кривой Корнилъ, да его вѣчной колоколушко господствовали, какъ пастухъ надъ стадомъ? И неужели все это возьметъ Москва? Ужели на вѣки пропадетъ новгородская воля?..

По поблѣднѣвшему небу отъ времени до времени тянулись едва замѣтныя темныя точки. Старикъ приглядѣлся: это воронье возвращалось на ночь съ полей къ своимъ старымъ гнѣздамъ.

— Поди, и мой гуляка скоро пожалуетъ, ишь загулялся!

По мосту проходила, опираясь на клюку, сильно сгорбившаяся старуха. Звонарь узналъ въ ней старую кудесницу, жив-

шую за городомъ въ старыхъ каменоломняхъ и рѣдко появлявшуюся въ городѣ. Она, видимо, кого-то искала. Кого бы?..

Вдругъ въ воздухѣ, надъ самой головой звонаря, зашумѣло что-то...

— Корнилъ! Корнилъ! Корнилъ!—послышался гортанный крикъ.

Лицо старика прояснилось. Онъ поднялъ голову. Въ колокольное окно влетѣлъ воронъ и сѣлъ на перекладину.

— А, гуляка! Добро пожаловать!—радостно заговорилъ старикъ,—гдѣ, разбойникъ, пропадалъ до сей поры? А? Забылъ старика?

Воронъ сидѣлъ на перекладинѣ и усердно очищалъ свой могучій, какъ долото, клювъ.

— А! Нажрался, воръ? Набилъ зобъ? А подь сюда!

Воронъ, какъ бы понимая слова своего собесѣдника, съ перекладины перебрался пониже, на перила.

— Нажрался падали? Экой татаринъ!.. Весь зобъ въ крови по самыя очи, ишь безстыдникъ!

Запекшаяся на зобѣ ворона кровь, дѣйствительно, покрывавшая и весь клювъ до самыхъ глазъ птицы, ясно обличала, что крылатый хищникъ усердно копался въ крови.

— У, татаринъ! Все падаль, поди, жрешь?... А може и мясо? А? Мясцо? А чье?

Старикъ подошелъ къ ворону и сталъ гладить его блестящую спинку.

— А, воръ може московское мясцо пробовалъ? А? Скусна московская говядинка?

Воронъ топырился, не давалъ себя гладить, даже клювомъ пробовалъ долбопуть въ руку старика.

— Фу, ты, ну, ты! Дратца учалъ? Чево еще не видывали!.. На, на, клюй старика, подлый! А кто тебя выкормилъ выростилъ? Такъ-ту добро помнишь?..

Птица продолжала чиститься, ощипываться, охорашиваться...

— Матушки! У нево, у подлово, и ноги въ крови!.. Гдѣ это ты, разбойникъ, по крови бродилъ? Гдѣ по самое брюшко окровянился? А? Ноли въ московской крови?

Вдругъ старикъ, самъ не зная чего, испугался. Круглая голова ворона и этотъ могучій клювъ съ запекшеюся на немъ кровью представились ему какою-то страшною долбнею, чѣмъ-то

отдѣльнымъ отъ птицы, самодѣйствующимъ... Это была въ самомъ дѣлѣ долбня съ долотомъ и съ глазами... Глазастая долбня глядѣла куда-то, не обращая на него вниманія и какъ бы думая о чемъ-то... И ему чудилось, какъ вотъ эта страшная голова съ клювомъ выдалбливала человѣческіе глаза изъ-подъ черныхъ бровей... А если это были глаза новгородцевъ, новгородскія черныя молодецкія брови?... Вѣдь ему, ворону, вѣщей птицѣ, все равно, чьи бы ни были тѣ глаза и брови... А если онъ бродилъ по новгородской крови?.. Да не онъ одинъ, а вонъ ихъ сколько, этихъ вѣщихъ птицъ, поналетѣло въ Новгородъ...

— Ково клевалъ, сказывай, а?

Старикъ оперся на перила и сталъ напряженно глядѣть на полдень, гдѣ небо становилось все блѣднѣе и блѣднѣе. Ничего не видать! Только птица продолжала летѣть отъ Ильменя, съ той стороны, куда направились вчера новгородскія рати.

Неужели была уже битва? И неужели это съ кровава поля летитъ птица?.. Такъ кто же одолѣлъ? Въ чьей крови такъ забродился воронъ?

Старикъ перекрестился, взглянулъ на небо, на колоколъ, на ворона...

— Святая Софія! Заступи градъ твой... не дай колокольца твово въ обиду...

Торопливыми шагами онъ сталъ спускаться съ колокольни, бормоча что-то и покачивая головой...

— Колоколушко мой... Ахъ, воронокъ... ножки въ крови...

Заперевъ колокольню и сойдя съ вѣчеваго помоста, онъ пошелъ по направленію къ Неревскому концу. Попадавшіяся ему изрѣдка на пути бабы, гнавшія коровъ или несшія ведра съ водою изъ Волхова, кланялись старику привѣтливо, а иная приговаривала: «путь дороженька гладкая, Корнилушко батюшко, звонарикъ вѣчной»...

Старикъ вышелъ на Побережье, остановился, глянулъ вверхъ по Волхову и тоскливо покачалъ головой.

— Ахъ, воронокъ-воронокъ... и гдѣ онъ покровянился?..

Встрѣчавшіяся ему на пути бабы замѣчали, что звонарь былъ какой-то чудной, невсебѣшный, точно, и все какъ бы съ кѣмъ-то разговаривалъ, хотя съ нимъ никого не было... «Съ аньделомъ своимъ гуторилъ, а то съ колоколомъ да съ ворономъ...»

На Побережьѣ онъ опять замѣтилъ старую кудесницу, которая шла берегомъ Волхова, видимо, торопясь къ своимъ каменоломнямъ. Онъ вспомнилъ, что видывалъ ее когда-то, еще при жизни стараго посадника Исаака Борецкаго, у его жены Мароы... Зачѣмъ она ходила къ ней?..

— Темное дѣло... темное... Ахъ, воронъ, воронъ...

Между Разважею и Борковою улицами старикъ поровнялся съ «чюднымъ» домомъ Борецкихъ, перешелъ черезъ улицу и сѣлъ на каменной ступенькѣ крыльца Мароина дома, чтобъ передохнуть. Былъ чудесный вечеръ, ясный, тихій, и окна дома были открыты. Изъ дому слышались голоса. Старикъ прислушался и явственно различилъ голосъ самой посадницы и даже слова, которыя она говорила.

— Такъ рцы добре знаешь?—спрашивала кого-то Мароа.

— Добре, баба,—отвѣчалъ дѣтскій голосокъ, въ которомъ старый звонарь тотчасъ же узналъ голосъ любимаго Мароина внучка, Исачка.

— А каки слова на рцы знаешь?—снова послѣдовалъ вопросъ.

— Риза, баба.

— Риза... а еще? А?

— Запамятовалъ, баба.

— То то, дурачокъ, запамятовалъ... Все купаешься съ смердятами, всѣ урки и прокупалъ... Еще утонешь...

— Я, баба, не утону, я плаваю.

— Добро ста!.. А каки слова на рцы?

— Риза... вода...

— Вода!.. Ахъ, ты, тетеря! Розгою бы тебя за воду... Все купаешься, вотъ вода и пейдетъ у тебя изъ ума. Ну, риза, еще? А рыба?

— Ахъ, рыба! Рыба точно! А она, баба, въ водѣ!

Мароа засмѣялась. И старый звонарь, слушая эту рѣчь, добродушно разсмѣялся... «У у, вострой малецъ!»...

— Ну, такъ рыба, да еще рогъ...

— Да, баба, рогъ.

— А какой стихъ на рцы?

— Стихъ я, баба, знаю:

Ризу вздѣнь, рыбу яждь, рогъ не возноси,
Смиренныхъ си блаженствъ у Бога испроси.

— Добре, похваляю... А что есть рогъ?

— Рогъ, баба, у коровы, и у барана рога, и у козла рога.

Мароа опять разсмѣялась.

— Ахъ, дурачекъ! Дурачекъ! Какъ же человѣкъ рогъ возносить будетъ? Ноли у тебя есть рога?

— Ниту, баба... у козла рога, у коровы...

— То то... А у человѣка рогъ, сіе есть гордыня: рогъ не возноси, сирѣчь, не гордись... А еще на рцы каки словеса знаешь?

— Запамятовалъ, баба.

— А это что у тебя?

— Рубашечка, баба... Ахъ, вспомнилъ! Рубаха, рубаха...

Рубаха бѣла праздникъ есть младому,
Душевна бѣлость не боится грому.

Старый звонарь, слушая это, только головой качалъ отъ умиленія... «Ужъ и малецъ же! У у, востеръ пострѣленокъ!»...

— Такъ, такъ, хорошо... Стихъ добре помнишь... «Рубаха бѣла праздникъ есть младому», точно...

— А у меня, баба, рубашечка аленька...

— Есть и бѣленька, и синенька, и жолтенька... Ну, а еще каки словеса на рцы?

— Рѣшето, баба...

— Ну, еще, а? Что ты ѣлъ утромъ понѣ?

— Рѣпу... Да, да, баба, рѣдька, рѣпа...

Въ рѣшето потребъ сбери—рѣдьку, рѣпу,
Сѣй въ народъ милость богату и слѣпу.
Въ правдѣ походишь и безъ рукавицы,
Вездѣ бо въ любви устрѣтятъ тя лицы...

— Хорошо, хорошо, дружокъ... Только не забывай урока.

— Не забуду, баба.

— А то отецъ не привезетъ московскаго пряника.

— Ахъ, баба! Баба!

Въ это время старикъ закашлялся, и голова Марфы посадницы показалась въ окнѣ. Рядомъ съ нею выглядывалъ и ма-

ленькій Исачко въ красной рубашонкѣ. Старикъ низко поклонился.

— А, это ты, Корнилъ; здравствуй,—привѣтливо сказала Мароа.

— Здравія желаю, матушка, золотая моя.

— Что скажешь, Корнилушко?

— Къ твоей милости, посадница золотая.

— Войди въ хоромы.

— А что Гавря, дидушка? Воротился? — интересовался Исачко судьбою ворона, котораго онъ очень любилъ и хотѣлъ себѣ завести такого же: онъ за день нѣсколько разъ бѣгалъ на вѣчевой помостъ справиться у звонаря, прилетѣлъ ли съ поля его воронъ.—Воротился?

— Воротился, батюшка посадичъ.

Челядинцы отворили крыльцо, поклонились старику, уважаемому всѣмъ Новгородомъ, и ввели его въ хоромы черезъ свѣтлыя сѣни.

Онъ очутился въ большой, знакомой ему палатѣ, окнами на Побережьѣ и на Волховъ, и помолился на образа и на распятіе, ярко блиставшіе въ богатой кіотѣ.

— Паки здравія желаю, матушка посадница.

— Спасибо, Корнилъ. Присядь... Бражки не хочешь ли испить? Прикажъ, Исачко, наточить браги.

Исачко, вертѣвшійся около бабки и хотѣвшій все заговорить о своемъ любимцѣ, воронѣ, стрѣлой бросился къ челяди исполнять бабкино приказаніе.

— Не до браги бы топерево, матушка,—медленно проговорилъ старикъ, все еще стоя у порога.

— Почто не до браги? Брага добрая, млеко старости.

— Такъ-ту такъ, матушка посадница, да веремя топерево не такое.

— Что жъ! Всякое время божье, всякъ часъ боговъ.

— Точно, все богово, и мы боговы, да пора-то ратная... думается все... оже случится что..

— А что?

— Да вотъ воронъ, матушка...

— А что воронъ, дидушка? Ково нарицаетъ? Бабу?—зачастилъ опять Исачко, воротившійся въ палату.

— Что ты про ворона, Корнилушко, говоришь?—переспросила Мароа.—Не суйся, пострѣленокъ! (это къ Исачку).

— Я, баба, не суюсь.

— Да съ поля, матушка посадница, воротился воронокъ мой, съ ночи пропадалъ... А теперево воротился весь въ крови...

— Что ты! Какъ?

— И клевало-то у ево все въ крови по самыя, сказать бы, очи, по головку...

— Кто ево такъ зашибъ, дидушка? — опять вмѣшался Исачко.

— Молчи, не перебивай, глупый невѣголосъ!

— Не зашибенъ онъ, батюшко посадичь, а покровянился по саму голову...

— Ну, и что жъ?—начала блѣднѣть Мароа.

— И ножки въ крови, матушка, по самое черевцо...

Мароа становилась все блѣднѣе и блѣднѣе... Исачко смотрѣлъ и на нее и на старика недоумѣвающими глазами...

— Не въ падали, думается мнѣ, матушка, закровянился онъ.

— Не въ падали!

— Не въ падали, золотая... Отъ падали, матушка, крови нитути... Въ живой кровушкѣ, думается мнѣ, матушка, бродилъ воронокъ-отъ мой...

— Въ живой?.. Бродилъ?..

— Бродилъ, ясно, что бродилъ... А въ чьей?..

— Въ чьей?—съ ужасомъ повторила Мароа.

— Богу то видомо, матушка... А токмо хрестьянская то кровь, думается мнѣ...

— Хрестьянская...

— Хрестьянская, точно... Либо московская, либо...

— Наша?.. Новгородска?..

— Не знаю, золотая моя.

Мароа такъ сжала свои руки, что пальцы ея, несмотря на всю ихъ пухлость и рыхлость, звонко хрустнули. Грудь ея высоко подымалась. Тонкія ноздри расширились, какъ у испуганной лошади... Казалось, ей дышать было нечѣмъ, воздуху не хватало въ ея полной, широкой груди...

Она глянула на кіоту, на распятіе... Вспомнила, какъ на этомъ распятіи клялись ея сыновья, Арзубьевъ Кипріянъ, Се-

лезневъ-Губа Василій, Сухощекъ Іеремія, какъ плакалъ Зосима соловецкій...

Ей почему-то вспомнилась и неудачная поѣздка въ Перынь монастырь, и странная льняноволосая дѣвушка на берегу Волхова, при видѣ которой воспоминанія молодости ножомъ прошли по ея душѣ и вызвали образъ того, кого она силилась забыть всю жизнь и не можетъ... И эта старая кудесница, грозившая клюкой, она ей, Мароѣ, грозила, а Мароа, словно осужденная, выслушала эту угрозу...

Неужели теперь именно должна разразиться надъ нею кара за прошлое?.. А Горислава съ льняными волосами, неужели это она?.. Она, непремѣнно она...

Но зачѣмъ плакалъ Зосима соловецкій? Кого онъ оплакивалъ?.. Бояринъ Панфилъ сказывалъ, что угодникъ видѣлъ тогда у меня на пиру людей безъ головъ... Но кого?

— Ноли, матушка, не было никакихъ вѣстей?—прервалъ старикъ размышленія Мароы.

— Никакихъ... Передъ тобой заходилъ ко мнѣ посадникъ, такъ говоритъ: рано-де быть вѣстямъ.

— Такъ одинъ воронъ гонцомъ прилетѣлъ, дивное дило.

— Да, воронъ... точно, гонецъ, и въ крови весь... дивно, дивно... въ крови...

— Весь, какъ есть, матушка.

— Дивно дивно, о, Господи!

— Только не говоритъ, чья она, кровь-то...

Мароа задумалась и снова смотрѣла на кіоту. Лицо ея выражало глубокую тревогу.

Потомъ она подошла къ кіотѣ и взяла лежащую тамъ книгу въ кожаномъ переплетѣ.

— Откровеніе святаго Ивана Богуслова... Благослови, Господи, испытать судьбы твои,—сказала она тихо, какъ бы про себя, держа въ рукахъ книгу.

Потомъ она перекрестилась, положила книгу себѣ на голову, трижды повернула ее на головѣ, щелкнула серебряными застежками и наудачу открыла книгу.

— Что-то Господь скажетъ?.. Благослови Боже.

И она медленно прочла: «И видѣхъ, и се конь бѣлъ, и сѣдяй на немъ имѣяше лукъ: и данъ бысть ему вѣнецъ, и изыде побѣждаяй, и побѣдитъ»... Она остановилась.

— Данъ бысть ему вѣнецъ, поли это Иванъ, князь московской?—говорила она въ раздумьѣ.—И конь бѣлъ, и побѣдитъ.

Старый звонарь въ суевѣрномъ страхѣ прислушивался къ ея словамъ и, казалось, что-то страшное слышалъ въ нихъ...

А Марѳѣ вспомнился князь Михайло Олельковичъ на бѣломъ конѣ... «А може вѣнецъ кіевскій, не московской?»... Она вздохнула и читала дальше: «И егда отверзе печать вторую, слышахъ второе животно глаголюще: гряди и виждь. И изыде другій конь рыжъ, и сѣдящему на нѣмъ дано бысть взяти миръ отъ земли, и да убіетъ другъ друга, и данъ бысть ему мечъ великій».

— Рыжъ конь... кто бы это былъ? И убіетъ другъ друга... Господи!

— Рыжъ конь, матушка, у воеводы владычня стяга, у Луки у Клементьева,—проговорилъ звонарь.

Марѳа ничего не отвѣчала и, закрывъ книгу, вторично положила ее на голову... «Попытаю вдругорядь — до трижды судьбы Господни испытуются»...

Снова повертѣла книгу на головѣ и снова открыла.

— Благослови, Господи... Что-то святая книга пророчетъ?

Она прочла: «И взятъ единъ ангелъ крѣпокъ камень, великъ яко жерновъ, и верже въ море, глаголя: тако стремленіемъ вверженъ будетъ Вавилонъ градъ великій, и не имать обрѣстися ктому. И гласъ гудецъ и мусикій, и пискателей, и трубъ не имать слышатися ктому въ тебѣ; и всякъ хитрецъ всякія хитрости не обрящется ктому въ тебѣ; и шумъ жерновный не будетъ слышенъ въ тебѣ; и свѣтъ свѣтильника не имать свѣтити въ тебѣ ктому, и гласъ жениха и невѣсты не имать слашенъ быти въ тебѣ ктому, яко купцы твои быша вельможи земстіи»...

По мѣрѣ чтенія лицо ея становилось все блѣднѣе и блѣднѣе... Руки дрожали... Но вдругъ за окномъ раздался голосъ Исачка: Баба! Баба! Наши ѣдутъ, насады видно.

X. Остроміра за чтеніемъ лѣтописи.

Но Исачко ошибся. Это были не насады возвращавшагося изъ похода новгородскаго войска, а простыя рыбацкія ладьи.

Какъ бы то ни было, подъ впечатлѣніемъ гаданья на Апокалипсисѣ и въ виду страшнаго разсказа вѣчеваго звонаря о возвратившемся откуда-то окровавленномъ воронѣ, рѣшено было

на другой же день утромъ ѣхать на богомолье въ Хутынскій монастырь, чтобъ умолить преподобнаго Варлаама, хутынскаго чудотворца, стать невидимымъ заступникомъ новгородскихъ ратей и Великаго Новагорода.

Мареа отправлялась на богомолье не одна, а въ сообществѣ съ своею другинею Настасьею Григоровичевою и многими знатными новгородскими боярынями, такъ что поѣздъ состоялъ изъ нѣсколькихъ насадовъ, ибо въ Хутынь приходилось ѣхать водою вслѣдствіе того, что монастырь этотъ отстоялъ отъ Новгорода въ десяти верстахъ внизъ по теченію Волхова.

Погода всю эту весну стояла ведряная, безоблачная, сухая. И это утро выдалось ясное, тихое. Когда насады стали только отъѣзжать отъ Новгорода, то Мареа, сидѣвшая въ переднемъ насадѣ, взглянувъ на голубое, трепетавшее первыми лучами восходящаго солнца небо, увидѣла, что и сегодня, какъ наканунѣ, птица летѣла куда-то на полдень, къ Ильменю, не то за Ильмень. Сердце ея сжалось. Она догадалась, куда летятъ эти стаи крылатыхъ хищниковъ.

Мареа ѣхала въ переднемъ насадѣ. Тутъ же находилась и Настасья Григоровичева вмѣстѣ съ своею дочкою, съ семнадцатилѣтнею Остромірою, названною такъ въ честь одного изъ предковъ ея, знаменитаго посадника Остроміра, именемъ котораго называется одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ русско-славянской письменности, именно извѣстное всему ученому филологическому міру «Остромірово евангеліе».

Бѣлобрысенькая Остроміра была похожа на свою толстую матушку, только надъ дочкой природа трудилась, повидимому, болѣе тщательно и любовно, чѣмъ надъ матушкой; можно сказать, что невидимый скульпторъ лѣпилъ Остромірушку изъ самой хорошей глины, лѣпилъ набѣло, съ любовью отдѣлывая каждый штрихъ ея миловиднаго личика и все ея молодое, здоровое и изящное тѣло, ея роскошную свѣтлорусую косу, ея высокія брови и свѣтлоголубые глаза съ поволокой, совсѣмъ дѣтскій безъ острыхъ угловъ профиль и такой же хорошенькій ротикъ съ дѣтскимъ подбородкомъ, тогда какъ матушка ея слѣплена была, казалось, простымъ гончаромъ изъ гончарной глины и притомъ совсѣмъ начерно, какъ не отшлифованный горшокъ.

Хотя утро было прелестное, и береговыя картины да и весь Волховъ, убранный по берегамъ зеленью садовъ и рощъ, не-

вольно должны были радовать глазъ и душу, однако, богомолки, казалось, не замѣчали ни красотъ природы, ни прелести утра; онѣ тихо разговаривали о томъ, что у всѣхъ лежало на душѣ, о невѣдомомъ никому ходѣ ратныхъ дѣлъ.

Только на лицѣ Остроміры, въ глазахъ и во всей ея постати сказывалось необыкновенное оживленіе. Около нея такимъ же оживленіемъ сіяло личико Исачки, потому что Остроміра забавляла его любопытнымъ «дѣйствомъ»: она изображала изъ себя косолапую Москву, въ видѣ медвѣдя, который, желая поѣсть и похватать новгородскихъ дѣтей, попалъ въ новгородскій капканъ и потерялъ одну ногу. Сдѣлавъ себѣ ногу изъ липы, онъ опять собрался на Новгородъ. Этотъ самый моментъ и изображала Остромірушка своимъ «дѣйствомъ». Она взяла у одной богомолки клюку и, опираясь на нее, шла съ угрожающимъ видомъ на Исачка, который изображалъ собою Новгородъ. Остроміра ковыляла своей липовой ногой и страшнымъ голосомъ приговаривала:

Я иду—иду медвѣдь
На липовой на ногѣ,
На березовой клюкѣ
На березовой клюкѣ
А скрипи-скрипи, нога,
Всѣ по селамъ спятъ,
По деревнямъ спятъ;
Одна бабушка не спитъ,
На колодѣ сидитъ,
Мое мясо варитъ
Въ горнушечкѣ,
Въ черепушечкѣ...

— Гамъ, гамъ, гамъ! Съѣмъ тебя, Господинъ Великой Новгородъ!

Исачко, повидимому, и боялся этого страшнаго медвѣдя съ такимъ хорошенькимъ личикомъ, и въ то же время былъ въ восторгѣ, стараясь изобразить изъ себя хорошаго новгородца.

— Это твою ногу бабушка варитъ? — спрашиваетъ онъ, стараясь подальше стать отъ страшнаго медвѣдя.

— Мою!—страшнымъ голосомъ отвѣчаетъ медвѣдь съ хорошенькимъ личикомъ.

— А твою шерстку прядетъ?

— Мою! Мою! Гамъ, гамъ, гамъ!

Исачко заливался звонкимъ смѣхомъ на весь насадъ, ему

было необыкновенно весело. Съ своей стороны и Остромірушка имѣла свои причины веселиться, и очень важныя. Дѣло въ томъ, что еще въ прошломъ году, во время Ярилиныхъ игрищъ, когда новгородскіе молодцы играли съ новгородскими дѣвицами въ старинную игру и, конечно, «нарокомъ» для игрища только, «умыкали у воды дѣвицъ», Остромірушку на тотъ разъ «умыкалъ» одинъ добрый молодецъ, боярскій сынъ Павша Полинарьинъ, и такъ приглянулся дѣвушкѣ, что она спала и видѣла его; черныя кудри и черные глаза Павши не выходили у нея изъ ума. Между тѣмъ матушка ея, дородная Настасья, по дружбѣ къ Марѳѣ посадницѣ, давно прочила ее за младшаго сына Марѳы, за золотушнаго Ѳедюшку, котораго Остромірушка иначе не называла какъ «вейкой» и «чудью бѣлоглазою» Но. въ послѣднее время, когда Павша, въ качествѣ «отрока», вмѣстѣ съ другими «отроками» состоялъ при посольствѣ, которое правили у короля Казимира новгородцы, и понравился отцу Остромірушки, бывшему въ числѣ пословъ, и когда старый Григоровичъ узналъ, что любимица его Вострyха сохнетъ по Павшѣ, то и обѣщалъ выдать ее за этого суженаго, какъ только онъ воротится изъ похода, и когда будетъ передъ всѣмъ Новгородомъ доказано и воеводами засвидѣтельствовано, что Павша «утеръ поту» за святую Софію и за волю новгородскую.

Теперь Остромірушка, увѣренная въ «хороборствѣ» своего суженаго, со дня на день ожидала, что вотъ воротятся рати, и воеводы объявятъ на вѣчѣ, что Павша Полинарьинъ дѣйствительно «утеръ поту» за святую Софію, и что онъ оказался на ратномъ полѣ такимъ молодцомъ, какого не бывало «какъ и Новгородъ сталъ»...

Вотъ о чемъ она мечтала, изображая изъ себя страшнаго медвѣдя на липовой ногѣ.

Едва успѣли насады съ богомолками пристать къ берегу у Хутынскаго монастыря, какъ Остромірушка вмѣстѣ съ Исачкомъ выскочили на берегъ и побѣжали впередъ. Остромірушка знала Хутынскій монастырь, какъ свои пять пухленькихъ пальчиковъ, потому что игуменъ этого монастыря, отецъ Наоанаилъ, былъ изъ рода Григоровичей и приходился Остромірушкѣ дѣдушкой. Старый игуменъ до слабости любилъ свою хорошенькую внучку, шальную Вострyху и съ дѣтства баловалъ ее, не отказывая ей ни въ чемъ и, что называется, души въ ней не чая.

Шалунья знала это и тиранила старика, сколько ея рѣзвой душѣ угодно было.

Когда Остроміра и Исачко вошли въ келью игумена, то нашли старика сидящимъ у низенькаго аналоя, на которомъ лежала развернутая большая книга, а старикъ писалъ что-то въ этой книгѣ.

— Господи Исусе! Здравствуй, дидушка!—прозвучалъ въ тихой кельѣ молодой голосъ.

Старикъ вздрогнулъ и поднялъ голову отъ книги. Въ лицѣ его блеснула радость.

— Аминь... Это ты, козочка востроглазая?

— Я, дидушка, и съ Исачкомъ... Благослови...

Дѣвушка подошла къ старику, протянула руки, нагнула свою русую головку. Старикъ положилъ на аналой перо, всталъ и любовно перекрестилъ наклоненную голову. Дѣвушка поцѣловала благословляющую руку, потомъ, положивъ свои руки на плечи старца, полѣзла было цѣловаться съ нимъ.

— Ни-ни, козочка... ты ужъ большая,—отстранился старикъ.

— Вотъ еще, дидушка! Ну-же, ну!

— Полно-ка, не дури, коза...

— Ахъ какой! Ну, ужъ!

Маленькій Исачко тоже протянулъ свои руки подъ благословеніе.

— А! Посадничъ! Иди, иди! Господь благослови васъ, дитушки... Сказано бо, не возбраняйте дѣтямъ, ихъ бо есть царствіе божіе... А мать что же?—обратился онъ къ Остромірѣ.

— Матушка съ тетей Марѳушей идутъ... А ты, дидушка, лѣтописецъ все пишешь?

— Пишу, дитятко, Богу споспѣшествующу.

— У! Какой толстый лѣтописецъ... Какія заставки, ахъ какая киноварь красная!

Она начала перелистывать книгу. Исачко занялся киноварью и ужъ успѣлъ запачкать себѣ носъ. Самъ старикъ игуменъ, стоя въ сторонѣ, съ ласковою улыбкою смотрѣлъ на своихъ юныхъ гостей и не то съ грустью, не то съ крѣпкою любовью тихо качалъ своею сѣдою головой, прикрытою черной низенькой скуфейкою. Можетъ, и онъ вспоминалъ свое беззаботное дѣтство,

когда жизнь и горькія сомнѣнія ея не привели его еще въ эту тихую обитель и не спрятали подъ черную рясу и подъ черную скуфью горячее сердце и такую же горячую буйную голову... То то золотая молодость!..

А Остроміра между тѣмъ, остановившись на одной изъ страницъ лѣтописца, стала читать вслухъ: «Се же хощю сказати, яко слышалъ прежде сихъ четырехъ лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичъ новгородецъ, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печору—люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему къ нимъ, и оттуда иде въ Югру; Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему»...

— Хорошо, складно читаетъ козочка,—тихо говорилъ старикъ, съ любовью глядя на дѣвушку.

— И я, дидушка, навыченъ уже читать,—хвастался Исачко, утирая носъ,—про рцы все знаю:

Ризу вздѣнь, рыбу яждь, рогъ не возноси,
Смиренныихъ блаженствъ у Бога си проси.
Рубаха бѣла праздникъ есть младому,
Душевна бѣлость не боится грому...

— Такъ, такъ, посадничекъ, истину говоришь: душевна бѣлость, точно, не боится грому,—ласково улыбался старикъ.

— Какъ же, дидушка, тутъ написано. Югра языкъ нѣмъ, а какъ же они говорили съ отрокомъ?—съ удивленіемъ спросила Остроміра.

— Такъ и говорили, козочка: которые умѣли говорить по-новогородски, тѣ и говорили,—отвѣчалъ старикъ.

— А! Ну, что жъ они говорили отроку?... «Дивно мы находихомъ чюдо, продолжала она читать нараспѣвъ, его же не нѣсмы слышали прежде сихъ лѣтъ; се же третье лѣто почя быти: суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота яко до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися»... Ахъ, какъ страшно, дидушка!.. Кто жъ то за людье?

— А чти далѣ и познаешь.

— «И въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажуть на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза, и аще кто дасть имъ ножъ ли, ли

сѣкиру, даютъ скорою противу»... Что есть, дидушка, «скорою противу»?

— Скора есть шкура звѣрина, козочка.

— А разумѣю... Такъ они шкурою на желѣзо мѣняются?

— Такъ, козочка милая.

— Кто жъ они, дидушка?

— А Богу то вѣдомо, милая... Лѣтописецъ повѣдаетъ, якобы то суть людье, заклепеніи Александромъ, царемъ македонскимъ... Егда оный Александръ македонскій, покоряючи народы многи, пріиде на восточныя страны до моря, нарицаемаго солнче мѣсто, и видѣ тамо человѣки нечисты—ядять скверну всяку, комары и мухи, кошки и зміи, и мертвецъ не погребають,—то видѣвъ Александръ, убояся...

— А то, дидушка, не рахманы людье?—неожиданно спросилъ Исачко, весь превратившійся въ слухъ и даже забывшій киноварь и свой разрисованный носъ.

— Каки рахманы, посадничекъ?

— А баба мнѣ объ нихъ сказывала: они за Кіевомъ живутъ.

— Не знаю, посадничекъ.

— Ну?—перебила ихъ Остоміра.—Что жъ Александръ-то, дидушка?

— А заклепалъ ихъ въ горы.

— А они не придуть къ намъ?

— Богъ вѣсть... Може и придуть... въ послѣдніи времена, сказано въ писаніи.

Остромірѣ вдругъ стало страшно... А какъ послѣднія времена уже пастали?.. Не они ли, эти страшные люди, идутъ на Новгородъ вмѣстѣ съ Москвою?..

И ей вспомнился ея Павша, далеко онъ, на полѣ ратномъ... А какъ и его возьмутъ заклепленные въ гору люди?.. Сердце ея сжалось... «Скоро ли онъ воротится? Скоро ли свадьба?»... Она невольно покраснѣла и снова опустила глаза на лѣтопись... Строки и слова рябили въ глазахъ, но она читала дальше, хотя уже не вслухъ: «И еще мужи старіи ходили за Югру и за Самояди, яко видѣвше сами на полуночныхъ странахъ—спаде туча, и въ той тучѣ спаде вѣверица млада, аки топерево рожена, и взростши расходится по земли, и паки бываетъ другая туча и спадаютъ оленцы малы въ ней, и возрастаютъ и расходятся по земли»...

— Такъ это, дидушка, съ неба падаютъ оленцы маленьки?

— Съ тучею спадаютъ, милая.

— Какъ же это?

— Не вѣмъ... Божіе то произволеніе... И кровавый дождь бываетъ, иное и то произволеніе божіе, и означаетъ кроволитье, рать, огнь и мечъ.

— А нонѣ не было кроваваго дождя, дидушка?

— Не слыхалъ, милая.

Дѣвушка задумалась. Исачко опять завладѣлъ киноварью и хотѣлъ было тоже писать что-то въ лѣтописи, но Остроміра отстранила его руку съ перомъ...

— И давно, дидушка, ты пишешь лѣтопись?

— Давно, дитятко... третій десятокъ уже тружусь во славу божію: умру я, грѣшный, а мое худое писаніе будутъ читать людіе новугородстіи, исправляючи Богаделя, и меня, грѣшнаго трудника, поминаючи...

Онъ взглянулъ въ оконце своей кельи, отѣнилъ глаза ладонью, поправилъ на головѣ скуфейку.

— А вонъ, и они, спаси ихъ Господи.

— Кто? Баба моя?

— И Марѳа посадница, и Настасья.

Исачко стрѣлой вылетѣлъ изъ кельи.

XI. Глаза безъ лица.

Но не долго пришлось на этотъ разъ богомолкамъ оставаться въ монастырѣ. Не удалось и Исачкѣ повозиться съ интересною киноварью и перепачкать себѣ лицо, руки и новенькую шелковую сорочечку. Не привелось и Остромірѣ въ сотый разъ переспросить дѣдушку Наѳанаила о томъ, какъ преподобный Варлаамъ основывалъ здѣсь Хутынскую обитель, какъ онъ жилъ въ тѣсной келейкѣ и воевалъ съ бѣсами, какъ неугомонные бѣсы чинили преподобному всевозможныя пакости, какъ они являлись къ нему во образѣ звѣрей невиданныхъ и чудищъ неизглаголанныхъ, и иногда даже во образѣ такихъ востроглазыхъ бѣсенятъ, какъ сама Остромірушка; какъ преподобный всѣхъ ихъ въ концѣ осрамилъ и загналъ въ болото, откуда они и доселѣ выходятъ и людей, особенно рыбаковъ, по ночамъ смущаютъ, какъ преподобный Варлаамъ воскресилъ одного утопленника,

или какъ онъ, на приглашеніе новгородскаго владыки побывать у него въ городѣ, отвѣчалъ, что пріѣдетъ къ нему въ саняхъ на первой недѣлѣ Петрова поста, и какъ, дѣйствительно, въ іюнѣ выпалъ снѣгъ, и Варлаамъ пріѣхалъ въ Новгородъ на саняхъ..

По монастырю прошла вѣсть, что отправившіяся противъ москвичей рати воротились. Вѣсть эту принесли рыбаки, привезшіе въ монастырь съ Ильменя рыбу.

Богомолки поспѣшили на берегъ подробнѣе разспросить объ этой радостной вѣсти. Остроміра земли подъ собой не чуяла отъ счастья... Вотъ она вернется сейчасъ въ Новгородъ, увидитъ своего ненагляднаго суженаго, черноглазаго Павшеньку, какимъ-то онъ сталъ теперь витяземъ! Какъ онъ поглядитъ на нее изъ-подъ своего блестящаго шелома, какъ глаза ихъ встрѣтятся, какъ она замретъ на мѣстѣ отъ стыда и счастья, какъ вечеромъ она выбѣжитъ къ нему подъ «топольцы», какъ онъ опять обниметъ ее и будетъ цѣловать ея глаза и косу—ахъ, срамъ какой!—и какъ она сама его—фу срамница!—будетъ цѣловать и въ губы, и въ шелковые усы, и въ мягкую, какъ ея коса, бороду—ахъ, стыдъ какой, матушки!—ахъ, какъ все-таки хорошо, хоть и стыдно, цѣловаться... Ай-ай! Она такъ и дрожала вся, выбѣжавъ на берегъ и прислушиваясь къ говору рыбаковъ...

— Ловимъ мы, сказываютъ людински ловцы, рыбу, анъ глядь, билѣютъ парусы...

— Глядь, ажъ наши насады...

— Видимо-невидимо насаду, уйма!

— И Москву, сказываютъ, погромили начисто, уу!

— До ноги, слышишь, всихъ кособрюхихъ уложили, пусто бъ имъ.

— А полону-то, полону и-и! И не приведи!

— И самово московскаго князя, поди, изымали...

— Князь Ивана-чу?

— Ивапа князя, великово.

— Гдѣ изымать!.. Нашъ Гюрята, сказываютъ, на ево какъ ринется, а онъ возьми да и оборотись куликомъ, да скокъ въ Ильмень и поплылъ долгоносый...

— Нну! Сказывай сказки!

— Не сказки... А Гюрята-тѣ соколомъ перекинься, да и за нимъ...

— Что ты! Ври больше!

— Не вру, лопни глаза-утроба... А ёнъ, чу князь отъ московской, себѣ па умѣ, окунемъ перекинься...

— Окунемъ? Рыбой?

— Окунемъ... А Гюрята-то, парень не промахъ, щукой перекинулся...

— Щукой, ахъ чтобъ ево!

— Щукой, паря, да за имъ, да за имъ.

— Ну и что жъ? Переялъ? А?

— Что! А ты не суйся подъ языкъ!

— Я не суюсь, не оса...

— Да ты что! Дьяволъ!

— Вотъ же тебѣ, на! Бери да помни!

Трахъ въ ухо, и рыбаки подрались, то есть «разговоръ пошелъ» въ ухо да и зубы да за волосы, тѣмъ болѣе что оба были разныхъ «концовъ», и слѣдовательно и разныхъ, до нѣкоторой степени, политическихъ партій... Это было обыкновенное явленіе въ Новгородѣ... «Пошелъ разговоръ»...

Марѳа посадница, бывшая при этомъ и слышавшая болтовню рыбаковъ, поняла, что тутъ что-то да не такъ, что это разыгралась фантазія разсказчика, и онъ ударился въ сочинительство объ окунѣ да о щукѣ: ясно, что это вздоръ...

— Да кто видѣлъ самое рать-ту братцы? — допытывалась она.

— Да людинцы, сказываютъ, видали, матушка боярыня.

— А кто верхъ одержалъ въ бою?

— Въ бою? Да мы-ста, боярыня, наши-ста робята...

— А кто сказывалъ подлинно?

— Да людински ловцы...

— Пидбляне сами видали...

— Не сами, а ребятки ихъ сказывали, что пасады пловуть...

— Видимо, невидимо насадовъ, уйма!

Марѳа видѣла, что опять начались повторенья стараго «уйма», да «людинцы», да сами «видали», да «сказываютъ», и махнула рукой...

Надо было скорѣй ѣхать въ Новгородъ, тѣмъ болѣе что въ этотъ самый моментъ издали послышался звонъ вѣчевого колокола... Рыбаки посымали шапки и крестились,

— Вонъ, братцы, чу, заговорилъ родной...

— Кричи, кричи, малиповой голосокъ!

— Покрикивай, новогородцка утица!

Крикнула утка—
На мори чутка:
Собирайтеся, дитки,
Не одиной матки!

— Эхъ-ма! Разнесли Москву!.. Ай да мы!.. Кричи, кричи, утица!

Мароа не слушала, торопливо приказавъ отчаливать отъ берега... Остроміра и Исачко сидѣли сіяющіе, блаженные: первая видѣла себя подъ «топольцами» съ своимъ суженымъ, а послѣдній воображалъ себя съ огромнымъ московскимъ пряникомъ въ рукахъ «самъ батя привезъ»... «А тамъ и подъ вѣнецъ—ахъ стыдъ какой!»—мечтала первая.

А колоколъ все кричалъ тревожнѣе и тревожнѣе...

Исачко, которому отъ радости не сидѣлось на мѣстѣ, уже самъ изображалъ изъ себя хромого медвѣдя—Москву и старался испугать бабушку страшными словами:

А скрипи—скрипи, нога,
Скрипи, липовая...

— Полно-ка, глупый, не до тебя,—отмахивалась Мароа, у которой ныло сердце невѣдомой боязнью.

— Не я ли все заварила?.. Охъ, какъ ноетъ сердечушко—ни то радость, ни то печаль... А оже ли незадача?... И какъ сорвалось? Охъ!..

— Прибавь ходу, ребятушки, мочи глыбче весла,—говорила она гребцамъ.

— Ну-ко разомъ, ну-ко ухнемъ, братцы!

— У-ухъ—у-ухъ—у-у!

Гребцы наддали, весла глубоко бороздили Волховъ, насадъ вздрагивалъ и рѣзалъ острымъ килемъ воду, оставляя за собою длинную полосу.

— А такъ ли онъ по мнѣ соскучился, какъ я по емъ? Нѣтъ, я больше-больше, а никому того не повидаю... Ахъ, стыдно! Ахъ хорошо таково,—мечталось Остромірѣ.

— Ноли о сію пору князь Михайло не думае обо мнѣ... Эхъ, княже, княже!.. А кіевскій вѣнецъ?.. Охъ, какой онъ хо-

лодный, вѣнецъ-отъ, такъ и холодитъ мое сердце,—тревожно думалось Марѳѣ.

— Кормилецъ нашъ! На кого ты насъ покинулъ?.. Оо, дитушки мои! Ооо!

— Горькая я сиротинка! И глазыньки ево не закрою! Оохъ!

— Соколикъ мой!... Гдѣ ты? Матушки!

— Сыра земля! Желты пески! Примите и меня горемычную! Охъ, тошно, тошнехонько!..

Марѳа и Остроміра очнулись отъ своихъ грезъ... Что это? О чемъ воютъ бабы? Куда онѣ бѣгутъ? Что за шумъ, говоръ, крики отчаянья?..

Онѣ въ Новгородѣ, и не замѣтили, какъ очутились у моста, у площади... Волховъ заставленъ насадами...

Вѣчевая площадь запружена колышущимися массами... Слышны вопли... У Марѳы похолодѣли руки, оборвалось сердце, потемнѣло въ глазахъ...

Съ трудомъ, цѣпляясь за народъ, она почти безсознательно протискивалась въ середину, къ вѣчевому помосту... До слуха ея со всѣхъ сторонъ, словно жужжащіе шмели, долетали безсмысленныя, страшныя слова; клочки говора, непонятныя и въ то же время страшно ясныя своимъ ужасомъ полурѣчи, и какъ шмель впивались въ ея сердце...

— У Коростыня... на берегу... измѣною...

— Владычень стягъ не дошелъ... наши не устояли...

— Которы потонули, котороньки-свѣты въ полонъ взяты.

— И Гюрята убитъ... наши кончане вси полегли костьми...

— Пропалъ Великій Новгородъ! Пропали наши головы!

— А все идолъ Марѳища!.. На потокъ ее, идола окаяннаго!

— На потокъ! Разнесемъ Марѳины животы!.. Она пьетъ кровь новгороцкую!

У края вѣчевого помоста стоялъ посадникъ весь блѣдный, бѣлый, какъ его борода и обнаженная передъ разгнѣваннымъ и потрясеннымъ событіями самодержавнымъ мужикомъ-вѣчникомъ сѣдая голова. Онъ что-то говорилъ, кричалъ, но голоса его не слышно было въ бурѣ народныхъ голосовъ, проклятій и воплей... Въ окнѣ вѣчевой колокольни торчала сѣдая голова вѣчевого звонаря съ жалкимъ, испуганнымъ лицомъ...

— Вотъ въ чьей кровушкѣ бродилъ воронъ, и теперь, поди, въ ей бродить, окаянный...

Вдругъ среди общаго гама и ропота явственно послышалось всѣмъ знакомое каркань́е ворона. Вѣче, суевѣрное до мозга костей, а теперь еще болѣе настроенное на что-то страшное, необычайное, все вѣче разомъ подняло голову... Да это онъ, вѣчный воронъ... «Корнилъ! Корнилъ!»... Все разомъ смолкло, точно окаменѣло...

Въ тотъ же моментъ къ ногамъ посадника упало что-то съ воздуха, точно съ неба что-то свалилось... Онъ невольно нагнулся и посмотрѣлъ на помостъ, гдѣ лежало это что-то съ неба упавшее... Что это? Что-то черное, волосатое и какъ будто покрытое запекшеюся кровью... Живое или мертвое? Звѣрь или птица?..

Посадникъ нагнулся и поднялъ это что-то страшное; но въ ту же минуту задрожалъ и съ ужасомъ отбросилъ отъ себя... Ему показалось, что это носъ человѣческій и губы... «Господи!» Онъ перекрестился...

— Что, посадникъ? Что такое, господине?

— Не знаю... страшное нѣчто... аки бы носъ и уста...

— Ноли съ небесе спаде?

— Не вѣмъ... страшно... кроваво...

— Воронъ, поди, принесъ съ поля, вонъ онъ кружится и каркае...

— Корнилъ! Корнилъ! Карръ! Карръ!

— Воронушко! Гаврюшенька! Подь ко мнѣ, летай сюда!— слышалось съ колокольни.

Кто-то, стоявшій ближе къ помосту, поднялъ съ земли это что-то страшное, невѣдомое... Взглянулъ и тоже бросилъ съ ужасомъ... «Чуръ! Чуръ! Чуръ! Охъ, Господи»...

Другой нагнулся и поднялъ... «Святъ-святъ!.. Аминь».

— Да это носъ, братцы!

— И съ усамъ... съ чернымъ усамъ, господо.

— Носъ! Носъ! Чей носъ, братцы? У ково носа ниту?

— Есть! Есть!.. У всѣхъ, чу, носы при себѣ...

— И губы, братцы, подъ усамъ...

— Ай-ай! Откелева носъ, господо? Чей носъ? Чьи губы?

— Отрѣзаны... вонъ и кровь присохла... запеклась кровь...

— Воронъ принесъ съ поля... московской носъ...

— А може нашъ, новгороцкой... Ахъ, Господи! Помилуй насъ!

Дѣйствительно, отрѣзанный съ губами и усами страшный, съ запекшеюся кровью носъ переходилъ по вѣчу изъ рукъ въ руки... Что-то ужасное представлялъ этотъ кровавый кусъ человѣческаго лица... Откуда этотъ страшный лохмотъ, эта жалкая часть невѣдомаго мертвеца?.. Ясно, что съ поля битвы, что воронъ принесъ его оттуда, пресытившись трупами... Но кто отрѣзалъ? У кого? Чья рука поднялась на такое неслыханное злодѣяніе?..

«Карръ! Карръ! Карръ!»—слышалось надъ головами.

— Отдайте ему, отдайте ворону, вонъ онъ какъ плачетца на насъ...

— Какъ отдать! Хрестьянско-то мясо, тило человичье.

— Погребсти надоть, схоронить, попа спрашать надобеть...

«Карръ! Карръ! Карръ!» неслось съ воздуха что-то зловѣщее.

Вдругъ сзади послышались новые крики, вопли, стенанія... Женскіе голоса перекрикивали всѣхъ, онѣ выли въ истошный голосъ, выли до неба, раздирали душу...

Мароа посадница, которая, отыскавъ въ толпѣ своего сына Димитрія, еще блѣднаго, но уже оправившагося отъ ударовъ рогатинъ и сулицъ у Коростыня, обнимала и цѣловала его, услыхавъ эти вопли, опустила руки и смотрѣла на толпу испуганными глазами... Посадникъ, стоя на помостѣ впереди концовыхъ старостъ и тысячскихъ, ждалъ чего-то еще болѣе ужаснаго, стараясь черезъ головы толпы разсмотрѣть, что тамъ еще случилось... «Какая новая бѣда?.. Не Москва ли обступила Новгородъ?»

Толпа отхлынула въ разныя стороны, и глазамъ всѣхъ представилось страшное, непонятное, непостижимое зрѣлище... «Что это? Кто? Что у нихъ на лицахъ?»...

Вопли и стоны все усиливались. Стоналъ весь Новгородъ.

— Злодѣи! Душегубы! Матушка Софья святая!—кричалъ съ колокольни вѣчной звонарь и рвалъ свои жидкіе, сѣдые волосы.—О, злодѣи адовы!..

Къ вѣчевому помосту приближались какіе-то страшные люди... Да, это люди... Но лицъ ихъ не видать... Видна запекшаяся черная кровь... Иныя лица обернуты кровавыми тряп

ками... На иныхъ видны только глаза, о, какіе глаза!.. На другихъ бѣлѣютъ зубы, ничѣмъ не прикрытые, безъ губъ, безъ усовъ... Все это обрѣзано, и губы, и носы... Видны только глаза и бѣлые зубы, да тряпки, да черная кровь... Всѣ въ пыли, худые, страшные, безъ доспѣховъ, босые, полунагіе...

Это были новгородцы, отпущенные москвичами съ коростынскаго поля послѣ дьявольской операціи надъ беззащитными плѣнными... Они добрались таки до родного, вольнаго города, но не всѣ, далеко не всѣ...

Остроміра, безмолвная и блѣдная, дрожа, какъ осиновый листъ, и держась за мать, искала кого-то растерянными глазами въ этой толпѣ страшныхъ пришельцевъ... Но какъ узнать того, кого она искала? Гдѣ его лицо, гдѣ его ласковая, игривая улыбка?..

Но она узнала его—не его, нѣтъ его не было,—а она узнала его глаза, одни глаза... А подъ глазами не было его лица, не было его... Это не онъ, нѣтъ, и глаза не его... Это не онъ, это чужой кто-то...

«Когда жъ свадьба?.. Но съ кѣмъ!.. Его нѣтъ... это не онъ, лица нѣтъ, не онъ, не онъ»...

И онъ узналъ ее... Его глаза увидѣли ее и сказали это—глаза сказали—страшно говорятъ глаза безъ лица... Страшные глаза, ужасные... Охъ, какъ они говорятъ, какъ смотрятъ на нее страшно...

И зубы бѣлые подъ черною пропастью, гдѣ прежде былъ носъ, зубы осклабились на нее.

«Не Павша... не онъ... страшный, охъ, страшный!»...

Она подняла глаза къ небу, только бы не глядѣть на него, не видѣть страшныхъ глазъ и бѣлыхъ, ничѣмъ не покрытыхъ зубовъ...

«Не его глаза... не бывать свадьбѣ... не онъ, не онъ... Глаза безъ лица»...

Она увидѣла вѣчевую колокольню... колокольня шатается... Кто-то рветъ тамъ на себѣ волосы... Каркаетъ и кружится воронъ... кружится колокольня, шатается, небо кружится и шатается... И колокольня, и небо, и солнце упали...

И Остроміра упала, какъ подрѣзанный косою аленькій цвѣточекъ...

XII. Перевѣтница.

Прошло около трехъ недѣль послѣ битвы у Коростыня, и послѣ того какъ отважнѣйшіе изъ новгородцевъ, въ пылу этой битвы, врѣзались въ ряды москвичей, частью пали тамъ же на берегу Ильменя подъ ударами московскихъ мечей и сулицъ, частью попались въ плѣнъ и воротились въ Новгородъ, злодѣйски обезображенные.

Надъ Ильменемъ не то ночь, не то прозрачныя сумерки. Нѣтъ, это ночь... Гдѣ-то пѣтухи поютъ...

— Третьи алекторы поютъ, утро скоро.

— Каки, баушка, алехторы?

— Кочета... по церковному, алекторы.

— Я, баушка, питушка слышу.

— Ну, инъ питушекъ... А ты-ко греби гуще.

— И то, баунька, густо, не погребешь инда.

— Догоняй ночь — ту, ишь уходитъ... третьи алекторы должно, въ Коростынѣ... Догоняй, догоняй ноченьку-ту.

— Ее, баунька, теперь не догнать, скорѣе день нагонимъ, солнушко.

— Ну, ну, греби, близко берегъ.

— Точно берегъ... Ухъ! Страшно...

— Чево страшно?

— Тутай наши съ Москвой бились, мы съ Гориславонькой сами видали.

Лодка пристала къ берегу. Изъ лодки вышла старуха, уже знакомая намъ кудесница. На берегу она остановилась и оглядѣлась кругомъ: что-то желтѣлось и бѣлѣлось по берегу, точно кости, разбросанныя на мѣстѣ, гдѣ лежала падаль. То и были кости, кости новгородцевъ, павшихъ на этомъ мѣстѣ три недѣли назадъ... Кое-гдѣ, при слабомъ мерцаніи зари, виднѣлось, какъ среди костей шевелились какія-то живыя фигуры, только не люди... Слышно было, какъ что-то хрустѣло... Это лисицы изъ сосѣдняго лѣса догрызали новгородскія кости... Въ воздухѣ стоялъ запахъ мертвечины...

— Го—го—го—го! Ту—ту—ту—ту!—глухо прокричала старуха.

Тѣни, возившіяся около костей, бросились въ разсыпную, не

производя ни малѣйшаго шуму, точно въ самомъ дѣлѣ это были тѣни, а не живыя существа...

— Фу—фу—фу—фу! Новгородскимъ духомъ завоняло.

Лодка, въ которой оставался гребецъ, отплыла отъ берега.

— Куда ты, Петра?

— Страшно тамъ, баушка.

— Страшно... они ужъ безъ зубовъ... однѣ кости, не кусаютца...

— Я тутай побуду, баунька, на водѣ, недалечко.

— Обглодала новгородски косточки Марѳа...

Изъ-за пригорка выросли двѣ человѣческія фигуры съ сулицами и рогатинами Появленіе старухи ихъ, видимо, озадачило.

— Кто идетъ?

— Кто идетъ, тотъ и идетъ.

— Кто ты? Сказывай.

— Я сказываю.

— Имя сказывай... Кто костямъ покою не даетъ?

— Лиса да воронъ, да сѣрый волкъ.

— А ты сама кто? Сказывай, не то рогатиной... Кто ты?

— Я баба-яга, костяна нога.

— Чуръ! Чуръ! Чуръ! Съ нами хрестъ святой...

— И со мной...

Пришедшіе со страхомъ попятились назадъ, не смотря на свои рогатины и сулицы.

— Нечистая сила... Чуръ! Чуръ! Чуръ!

— Не чурайтесь, добры молодцы... Третьи пѣтухи пропѣли...

Пришедшіе остановились въ нерѣшительности... Въ самомъ дѣлѣ, третьи пѣтухи давно пропѣли: теперь нечистой силы не должно быть... Скоро солнце выглянетъ...

— Кто жъ ты будешь?—заговорили они опять.

— Про то я скажу вашему старшему.

— А кто нашъ старшой?

— Князь Данило, князь Димитріевъ сынъ, Холмской.

— Правда... Старуха правду говоритъ.

— Такъ ведите меня къ нему.

— За коимъ дѣломъ?

— Это дило не ваше и не мое... Вы сторожа московскіе? Ратные?

— Сторожа... А ты сама откуду?

— Изъ воды да изъ земли...

— Фу, какая чудная старуха!

Ратные опять приблизились, хотя съ той же нерѣшительностью. Они видѣли въ старухѣ что-то необычайное, возбуждавшее страхъ.

— Ну, идите же со мной, добры молодцы, не бойтесь меня.

Она двинулась впередъ, но запнулась за что-то и остановилась.

— Пфе! Пфе! Кости, все кости...

— Новогороцки, обглоданы,—подтвердилъ одинъ изъ ратныхъ.

Онъ нагнулся и отшвырнулъ ногою обглоданный звѣрьемъ и обклеванный птицами скелетъ. На скелетѣ что-то блеснуло.

— Чуръ мое! Чуръ пополамъ!—разомъ вскричали оба ратника, бросаясь къ скелету и схватывая что-то блестящее.— Чуръ пополамъ! Чуръ мое! Мое! Я первымъ увидалъ!

— Врешь! Я первый...

— А! Подрались вороны изъ-за кости... У! Улю-лю-лю! Ату ево! Ату!—засмѣялась старуха тихимъ старческимъ смѣхомъ.

Ратники продолжали возиться около скелета. «Мое! Отдай!» «Нѣтъ моя! Гривна золота, моя!»

— Стойте! Стойте, добры молодцы! Не деритесь... Подуваньтесь лучше, а то помѣряйтесь на рогатинѣ, кому достанется.

Но гривна, висѣвшая на скелетѣ, не снималась: шейныя жилы еще оставались цѣлы, черепъ не былъ отглоданъ отъ остальнаго скелета...

— Ишь, чортъ, держитъ, не пущаетъ...

— А вотъ я ево топоромъ!..

И топоръ отдѣлилъ черепъ отъ скелета. Гривна спялась съ мертвеца.

— Какъ ее раньше не сняли наши робята?

— Да онъ, должно, въ кустѣ лежалъ, такъ звѣрье ужъ кости выволокло изъ куста... Наше счастье... Что-жъ, давай дуваниться пополамъ...

— Нѣтъ, на рогатинѣ приметнемъ, кому... Бауика правду бастъ...

— На рогатинѣ, такъ на рогатинѣ... Берись за конецъ...

— Ты берись, у тебя въ рукахъ гривна.

— Ну, ладно, на, перехватывай.

Первый ратникъ взялъ правой рукой конецъ рогатины и, держа ее торчмя, протянулъ къ другому: «Перехватывай»... Этотъ такъ же перехватилъ древко рогатины какъ разъ у самой руки перваго, вплотную. Затѣмъ опять такимъ же образомъ перехватилъ первый, потомъ опять второй, и они чередовались перехватами до тѣхъ поръ, пока рогатины, у ея остраго съ желѣзнымъ остріемъ конца, не осталось на одинъ перехватъ. Этотъ послѣдній перехватъ выпадалъ на долю второго ратника. Онъ крѣпко захватилъ рукою остріе рогатины...

— Удержишь? Нуко-сь...

— Удержу-ста... видывали, не впервой.

— Ну, а черезъ голову перекинешь?

— Перекину-ста... Лови за хвостъ свою рогатину!

— Добро, кидай... Уухъ!

Но рогатина, у которой древко было очень тяжелое, а остріе тонко, при размахѣ, при усиліи перекинуть ее черезъ голову, выскользнула изъ руки ратника и ударила его по лбу...

— Ахъ, дьяволъ!

— Что! Угораздило? Вотъ тебѣ и гривна!

— Не задача добру молодцу, не вывезла кривая,—улыбнулась старуха.

Это былъ народный способъ гаданья или жеребьевки: кому при перехватахъ рукой палки или рогатины или даже длинной соломенки или камышинки, кому выпадетъ послѣдній перехватъ въ подобной жеребьевкѣ, тотъ выигрывалъ, но только если этотъ послѣдній перехватъ приходился на такой остатокъ перехватываемаго предмета, что тотъ, кто обхватилъ рукой этотъ остатокъ, въ состояніи будетъ удержать одной рукой всю палку или рогатину, и не только удержать за этотъ остатокъ, но даже перекинуть черезъ голову.

Второй ратникъ не могъ этого сдѣлать и терялъ право на находку. Но онъ не хотѣлъ разстаться съ такой дорогой вещью, какъ гривна, и началъ спорить, требуя дувана...

— Ну, полно-ка!—перебила ихъ старуха.—Ведите меня къ князь Данилѣ, онъ васъ разсудитъ, а то къ тіуну ступайте.

— Что намъ тіунъ! Наплевать-ста... Мы на походѣ...

— Такъ идите къ князю... Скоро солнушко выглянетъ... Мое дило нудное, не терпитъ, великое дило... Прощайте, косточки, почивайте до страшной трубы...

И старуха, сопровождаемая ратниками, пошла по направленію къ Коростыню, бормоча про себя: «много, много костей... а еще больше будетъ скоро»...

Съ возвышенія, на которое они взошли, открылась равнина, кое-гдѣ поросшая мелкимъ лѣсомъ и, словно бѣлыми копнами, усѣянная большими и малыми шатрами. По сторонамъ паслись табуны коней, виднѣлись вездѣ группы и кучи сидѣвшихъ кругами, лежавшихъ на землѣ и бродившихъ въ безпорядкѣ людей. То тамъ, то сямъ дымились костры, посылая къ утреннему небу бѣловатые клубы дыма, который, подымаясь выше и разсѣваясь въ воздухѣ, все дѣлался розовѣе и розовѣе по мѣрѣ того, какъ розовѣла восточная окраина неба.

Скоро стали попадаться ратники, кто съ оружіемъ, кто съ уздой въ рукахъ, кто съ вязанкою свѣжей травы или хвороста. Слышалось ржаніе лошадей, доносились возгласы и смѣхъ.

Чѣмъ ближе къ шатрамъ и кострамъ, тѣмъ больше встрѣчныхъ.

— Гдѣ, братцы, запопали вѣдьму?—слышались оклики.

— Али она, вѣдунья, ратныхъ коней доила?

— Баба-яга, костяна нога, въ ступѣ прилетѣла, метлой погоняла.

— А гдѣ метла?

— Да вонъ у тебя на подбородкѣ, рыжая... Ха-ха-ха!

— Подавись ты яйцемъ на пасху, дьяволъ!

Подошли къ большому полосатому шатру—полоса бѣлая, полоса зеленая, полоса красная—на верху золоченое яблоко. У входа стоятъ часовые, опершись на алебарды.

— Къ воеводѣ?

— Къ воеводѣ.

— Али языка привели?

— Должно, языка... Къ воеводѣ доложитца, сказываетъ...

— На духу, значитъ?

— На духу, какъ есть...

— Пущать никово не указано...

Въ этотъ моментъ пола шатра отпахнулась, и оттуда вышелъ низенькій человѣкъ въ боярскомъ кафтанѣ съ золотыми шнурками. Рыжая съ просѣдью бородка и сѣдая съ проборомъ голова. Въ лицѣ и въ глазахъ что-то сухое, постное черствое...

Часовые подобрались, сверкнули алебардами и глазами, придавъ своимъ лицамъ выраженіе собаки на стойкѣ.

Черствые глаза глянули на старуху. Они встрѣтились съ такими же черствыми, холодными глазами послѣдней, и словно застыли...

— Тебѣ ково, баушка?

— Воеводу, князь Данилу.

— Я князь Данило Холмской... А ты кто?

— Я ворона изъ Новагорода.

— А почто прилетѣла, старая карга?

— Къ худу каркать...

— Ну, старая, мнѣ съ тобой не въ засидки играть... Сказывай дѣло, а то на осину!

— Я осины не боюсь, пока жива...

Старуха порылась у себя за пазухой и вынула оттуда что-то завернутое въ тряпочку. Развернувъ тряпку, она показала воеводѣ что-то блестящее... Тотъ отшатнулся, словно его обожгло...

— Знаешь это?—спросила старуха.

— Знаю... Такъ ты?.. Постой, не сказывай,—заторопился воевода,—иди за мной, тамъ скажешь...

И онъ, распахнувъ полы шатра, вошелъ въ него. Старуха послѣдовала за нимъ.

— Ну, и бѣсъ баба, ахъ!—невольно прошепталъ часовой, все еще сохраняя положеніе собаки на стойкѣ.—Самово воеводу вспарила, ну!

XIII. Шелонская битва.

Въ тотъ же день, послѣ таинственнаго посѣщенія загадочной старухой князя Холмскаго, московское войско, стоявшее у Коростыня, снялось съ поля и потянулось на западъ, къ рѣкѣ Шелони.

Впереди главной рати во всѣ концы разсыпались небольшіе загоны касимовскихъ и мещерскихъ татаръ, въ качествѣ развѣдчиковъ и, словно собаки ищейки, обнюхивали, казалось, самый воздухъ, чтобы развѣдать, не пахнетъ ли гдѣ по близости новгородскими ратями. Хищники по инстинкту, воспитанные на историческихъ традиціяхъ отцовъ и дѣдовъ, которые съ своими баскаками, темниками и пардусниками болѣе двухъ столѣтій волками рыскали по русской землѣ, собирая черный боръ

и всякую дань, татары умѣли выслѣживать свою добычу и нападать на нее врасплохъ, въ такой именно моментъ, когда нападеніе всего менѣе ожидалось. Если имъ нужно было словить языка, то они такъ ловко издали закидывали волосяной арканъ на шею жертвы, что та не успѣвала даже пикнуть, какъ ей забивали ротъ «кляпомъ», связывали по рукамъ и по ногамъ, прикручивали къ «торокамъ» или перекидывали черезъ спину лошади, какъ переметную суму, и исчезали съ ней.

Пока главныя московскія силы двигались къ Шелони, татарскіе загоны уже успѣли, незамѣтно ни для кого, пробраться къ этой рѣкѣ и нашли именно то, чего желали. Новгородскія рати, развѣвая въ воздухѣ знаменами съ изображеніемъ на цвѣтныхъ и золотыхъ полотнахъ Богоматери и другихъ угодниковъ, двигались лѣвымъ берегомъ Шелони по направленію къ Пскову, который они хотѣли прежде всего наказать и разгромить за отложеніе отъ воли, «старшаго брата» своего, Новгорода Великаго, и за союзъ съ окаянною Москвою. Это было конное новгородское войско. Пѣхота же плыла въ насадахъ по самой Шелони и далеко отстала отъ конницы.

Татары замѣтили это и сообщили тотчасъ же Холмскому. Сухое лицо князя передернулось нехорошею улыбкой, а жесткіе глаза просвѣтлѣли.

— А много ихъ, измѣнниковъ, царь Демьянъ Касимовичъ?—спросилъ онъ касимовскаго царя.

— Уу! минога, видимъ-невидимъ, ай-ай-ай какъ минога!—отвѣчалъ царь Даміанъ Касимовичъ.

— Тѣмъ лутче гораздо, царь,—улыбнулся князь Данило все тою же доброю улыбкой.

— О! Тэмъ лучи, тэмъ лучи! Якши... уу, якши!

— И конники, и пѣшіе?

— И лошадямъ минога, и лоткамъ минога уу! Видимъ-невидимъ!

— Добро... Похваляю тебя за службу, царь Демьянъ Касимовичъ.

— Рады постарались, воевода... А какой халатъ на нихъ, всо залатой, всо залатой! Уу!

— И то добро, поздираете халаты-тѣ съ нихъ.

— Поздирай, беспеременъ поздирай...

Къ вечеру 13-го іюля, въ субботу, москвичи, приблизившись къ Шелони, могли уже ясно различать, какъ по ту сторону, низменнымъ берегомъ, двигались новгородскія конныя рати, блестя на солнцѣ золотомъ знаменъ и сталью доспѣховъ и шеломовъ. Скоро оба войска такъ сблизились, что могли уже различать лица непріятелей, масть ихъ коней и цвѣта платья, слышать голоса и бряцанье доспѣховъ.

Болѣе молодые и задорные изъ новгородцевъ, подъѣзжая къ берегу, грозили москвичамъ оружіемъ, бросали черезъ рѣку крѣпкія слова и похвалки. Москвичи отвѣчали еще крѣпче, «московскою рѣчью», крѣпкою, какъ сыромятный ремень, и узловатою, какъ кнутъ московскій—этого словеснаго «матернаго товару» у Москвы всегда было довольно, такъ что и татары научились у нихъ сему многопредложному краснорѣчію съ перцемъ. Одного не могли снести москвичи, это того, какъ новгородцы «лаяли, износя хульныя словеса на самого великаго князя»...

— У! Вы окаянные! Бабники, за бабьимъ, за Мароуткинымъ хвостомъ треплетесь.

— Эхъ, вы, косолапые медвѣди! Рѣшетомъ мѣсяцъ ловили, кнутомъ на обухѣ рожь молотили.

— Пошехонцы московски! Межъ Москвой и Клиномъ князя потеряли.

— Промежъ трехъ сосенъ заблудились.

— На Мароуткиной косѣ бы вамъ повѣситься, окаянные!

Между тѣмъ подоспѣла ночь, и хотя заря не сходила съ неба до утра, однако, около полуночи сдѣлалось настолько темно, что ни москвичи не могли видѣть движенія новгородскаго войска за рѣкой, ни новгородцы, остановившіеся на ночлегъ, не могли замѣтить, что не все московское войско расположилось на ночевку. Если бы взоры новгородцевъ могли проникнуть хотя за версту вверхъ по Шелони, то они увидѣли бы, что тамъ, за лѣскомъ, въ ложбинѣ, происходило какое-то таинственное движеніе, что вдоль праваго берега рѣка покрылась тамъ какими-то темными массами, что массы эти тихо, беззвучно, тянулись все выше и выше, окутывая берегъ какою-то живою опушкою. Если бы они могли различить это въ полусумеркахъ сѣверной іюльской ночи, то, вѣроятно, различили бы и то, какъ эти темныя тѣни цѣлыми массами, такъ же тихо и беззвучно, мед-

ленно-медленно сползали съ берега къ самой Шелони, какъ отъ нихъ темнѣла и пѣнилась вода въ рѣкѣ, какъ что-то иногда фыркало въ водѣ, какъ эти темныя тѣни все болѣе и болѣе затемняли собою поверхность рѣки, медленно подвигаясь къ лѣвому берегу, какъ эти тѣни выползали изъ воды и встряхивались, все болѣе и болѣе покрывая собою уже не правый, а лѣвый берегъ Шелони. Они увидѣли бы, что на ихъ берегу что-то выростало, точно лѣсъ, и живой лѣсъ этотъ двигался все далѣе, оставляя за собой Шелонь и расположенное на другомъ берегу московское войско. Еслибъ они могли прислушаться, припавъ ухомъ къ землѣ, то, быть можетъ, услыхали бы, что земля какъ бы не спитъ, а что съ нею что-то дѣлается, словно бы подъ нею или надъ нею что-то двигалось и какъ бы гудѣло: не то вода гдѣ-то подъ землею шумитъ, не то Ильмень съ вѣтромъ разговорился, и его глухой говоръ сообщался берегамъ, а берега передавали этотъ говоръ Шелони, и она доносила его до ратнаго, крѣпко спящаго новгородскаго поля. Въ тишинѣ ночной они, быть можетъ, уловили бы какія-то непонятныя, шепотомъ кѣмъ-то произносимыя слова «Алла», «ляиль-Алла», «расулы». Точно шепталась осина съ березой, точно береговая осока съ камышомъ осторожно перешептывалась, и потомъ все смолкло, только иногда робко просвистывала ночная птичка пастушокъ, да иногда глухо выстонывала въ камышахъ безсонная выпь-птица, да тяжело дышалъ иной конь, вытянувшись на росистой травѣ и засыпая чуткимъ, короткимъ сномъ...

Только одинъ человѣкъ въ новгородскомъ станѣ все это слышалъ и догадывался, съ кѣмъ это земля глухо разговаривала ночною порою. Недалеко отъ потухающаго костра онъ лежалъ на землѣ, завернувшись въ охабень и опершись затылкомъ на кожаную подушку брошеннаго на землю сѣдла. На лицо его падалъ слабый красноватый свѣтъ отъ костра и, казалось, золотилъ его бороду и голову съ густыми волосами. Онъ лежалъ съ открытыми глазами и глядѣлъ задумчиво на небо и на блѣдныя, мигающія звѣзды.

Это былъ Упадышъ. Ему не спалось, но много думалось. Онъ думалъ о Новгородѣ, о послѣднихъ событіяхъ, о невѣдомой, грядущей судьбѣ своего родного города, а болѣе—о своей собственной судьбѣ.

Горькая была его судьбина. Сирота, безъ роду и племени,

чужой выкормышъ, онъ всѣмъ вышелъ и умомъ, и красотой, и молодецкой повадкой, только не выпало на его долю счастья въ жизни. Что бы онъ ни дѣлалъ, какъ ни были замѣтны его подвиги и личная храбрость во время неладовъ съ сосѣдями, онъ оставался въ тѣни, какъ сирота, не могшій выставить въ своемъ прошедшемъ ни «почестнаго роду», ни «отеческаго имени»... «Упадышъ безродникъ»—вотъ и вся его слава... Онъ умѣлъ говорить и на вѣчѣ, его любили слушать, особенно «худые мужики вѣчники», какъ онъ громилъ «житыхъ людей» и ихъ неправды, и посадники и тысячскіе обходили Упадыша, предпочитая ему какого-нибудь губошлепа, Мароина сынка, Ѳедюшку гугняваго... Вездѣ ему была незадача...

Спознался Упадышъ во время весеннихъ игрищъ на берегу Волхова, въ одну изъ «радуницъ» или въ Ярилинъ праздникъ, когда, по старинѣ, парни обыкновенно «умыкали дѣвицъ у воды», спознался Упадышъ съ боярскою дочерью, полюбилъ ее, душу всю въ нее вложилъ, полюбилъ пуще Новгорода, пуще славы молодецкой, пуще будущей жизни; и она полюбила его... Совыкались цѣлое лѣто, сходились въ ея саду по ночамъ въ тѣни черемухъ... Что было тутъ счастья, тайнаго, никому невѣдомаго!.. И все прахомъ пошло... Силкомъ отдали Грушу за Мароина сына, за Димитрія, и стала сохнуть Груша, и стала таять по Упадышѣ... И на сынка своего, на Исачку, прижитаго отъ немилаго мужа, она глядѣть не хотѣла; утопиться думала, такъ на мосту перехватили, какъ она собиралась броситься въ Волховъ...

А Упадышъ съ горя ушелъ въ ушкуйники, подобравъ себѣ партію отчаянныхъ головъ.... Девять лѣтъ ушкуйничалъ и по морю громилъ бусы корабли, и по Двинѣ гулялъ, и по Волгѣ вплоть до Астрахани; а все не размыкалъ тоски...

Воротился... Опять видѣлся съ Грушей тайкомъ... Годы не отняли у нихъ того, что дала имъ когда-то «радуница»: пуще окрѣпло... А Новгородъ попрежнему не любитъ Упадыша... Обозлился, окаменѣлъ Упадышъ...

Нѣтъ, не окаменѣлъ, къ Новгороду только окаменѣло его сердце...

Не окаменѣлъ... Онъ чуетъ, какъ бьется подъ охабнемъ его сердце... И тогда также смотрѣли на него—нѣтъ, на нихъ,—

такъ же смотрѣли эти звѣзды, когда на «радуницу», десять лѣтъ назадъ, они сидѣли подъ ракитовымъ кустомъ на берегу Волхова, недалеко отъ старыхъ каменоломенъ...

Тамъ теперь эта кудесница и ея бѣлоголовая Горислава... Бѣдная!.. А кудесница все сдѣлала, что обѣщала... Не даромъ придвинулись московскія рати, не даромъ ночью земля глухо съ кѣмъ-то разговаривала, вонъ тамъ, выше, за лѣскомъ...

Здѣсь и Димитрій, мужъ Груши: оправился послѣ Коростыня... Оправится ли на Шелони?..

Какъ стонетъ выпь!.. Чего она по ночамъ стонетъ?

А какъ и Димитрій воротится въ Новгородъ, какъ тѣ всѣ, какъ и Павша Полинарьичъ; воротится безъ носа и безъ губъ?.. Безъ головы развѣ?.. Не воротиться ему... это будетъ не Коростынь...

Куда же дѣвались звѣзды?.. Ни одной не осталось на небѣ, и небо стало какимъ-то темнымъ, темнымъ...

Неужели это такія птицы большія летятъ по небу?.. Все небо покрыли и летятъ такъ низко-низко, что, казалось, отъ маханія ихъ крыльевъ волосы у него на головѣ шевелятся...

Что это?.. Какія большія головы у этихъ птицъ...

Вотъ одна надлетѣла надъ самый костеръ, взмахнула крыльями, костеръ вспыхнулъ отъ вѣянья крыльевъ и освѣтилъ голову птицы... Это человѣческая голова, только безъ носа и губъ... Видны только глаза и бѣлые зубы, и глаза эти смотрятъ на него, Упадыша...

Все летятъ, все машутъ крыльями эти птицы съ человѣческими головами и глазами, а костеръ разгорается все больше и больше...

Какъ страшно глядятъ на него эти глаза, а головы киваютъ съ укоризною: О, Упадышъ! Упадышъ! Лучше бы тебѣ не быть въ утробѣ матерней, чѣмъ быть предателемъ Великаго Новгорода»...

Это не выпь стонетъ, это стонутъ головы на птичьихъ крыльяхъ: «О, Упадышъ, Упадышъ!»...

Кто-то тихо поетъ... Это ея голосъ... Какой грустный напѣвъ...

Почто ты, калина, не такъ-такова,
Какъ весеннею ночкой была?..

Да, тою весеннею ночкой, на «радуницу», давно, давно... Все прошло, одна память осталась...

«О, Упадышъ, Упадышъ!»—это, кажется, вздыхаетъ сама земля, не то воздухъ:—«лучше бы тебѣ не быть въ утробѣ матерней, не родитися на свѣтъ божій»...

Такъ нѣтъ, родила его сука мать, родила, какъ щенка, и, какъ щенку, не дала счастья-доли...

Кто это ходитъ по полю, межъ сонными? Чего ищетъ эта темная фигура, нагибаясь надъ спящими новгородцами?.. Однихъ она креститъ, мимо другихъ такъ проходитъ... Вотъ она все ближе и ближе подходитъ къ костру... Костеръ освѣщаетъ темную черненческую монатью и сухое, блѣдное лицо...

Это Зосима соловецкій... Онъ глядитъ на Упадыша и съ укоромъ качаетъ головой... «О, Упадышъ, Упадышъ!»...

А надъ головой его, казалось, все небо двигалось къ западу, и восточная половина его становилась все свѣтлѣе и свѣтлѣе...

Вдругъ раздался ударъ вѣчевого колокола, Упадышъ вздрогнулъ и проснулся... Костеръ давно потухъ, на востокѣ занималось утро, алѣло небо и небольшія легкія облачка...

Упадышъ приподнялся. Все еще спало кругомъ, по за Шелонью, въ московскомъ войскѣ виднѣлось уже движеніе.

Упадышу вдругъ страшно стало. Ночныя грезы и ужасы не выходили изъ головы... «О, Упадышъ, Упадышъ!»

Что тамъ дѣлается? Московское войско построилось уже въ ряды... Впереди виднѣются воеводы... Всѣ на коняхъ, на конѣ и князь Данило Холмскій... Онъ что-то говоритъ... Еслибъ Упадышъ могъ слышать черезъ рѣку, онъ услыхалъ бы слѣдующее:

— Братіе!—обращалъ Холмскій къ воеводамъ свои черствые глаза.—Мѣра намъ топерь, братіе, послужить великому князю, своему государю, и биться съ ними (онъ указалъ черезъ Шелонь) за осудареву правду, хотя бы ихъ и триста тысячъ было... Богъ и Пречистая Богородица вѣдаютъ, что правда нашего государя передъ нами...

— Положимъ наши головы за осудареву правду! Утремъ поту! Ляжемъ костьми за великаго князя, осударя нашего!—разомъ воскликнули воеводы, расправляя бороды и звеня доспѣхами.

Потомъ Холмскій снялъ шлемъ съ головы, на которой густо засѣло серебро сѣдины межъ золотомъ рыжихъ волосъ. Онъ глянулъ на большой стягъ съ изображеніемъ воскресшаго Спасителя... Всѣ московскіе ряды обнажили свои головы и тоже воззрились на главный стягъ...

— Господи, Исусе Христе! — скрипучимъ, но здоровымъ голосомъ выкрикнулъ Холмскій, такъ что голосъ этотъ прошелъ по рядамъ,—Боже, пособивый кроткому Давиду побѣдить иноплеменника Голіаѳа и Гедеону съ трюмя стами одолѣть множество иноплеменныхъ! Пособи, Господи, и намъ, недостойнымъ рабомъ твоимъ, надъ сими новыми отступниками и измѣнниками, восхотѣвшими покорить православную вѣру хрестьянскую и приложить къ латынской ереси, и поработить латынскому королю и митрополиту, и поминать имена враговъ твоихъ, Господи, въ твоей соборной церкви!

Онъ размашисто перекрестился, колотя пальцами въ стальныя латы и въ наплечники. Невообразимый гулъ, скрипъ, звякъ и какой-то стонъ былъ отвѣтомъ на рѣчь главнаго воеводы; это молилась бранная Москва, широко размахивая въ воздухѣ руками, стуча и гремя шеломами и доспѣхами... Точно шумъ вѣтра прошелъ по рядамъ отъ одного молитвеннаго шопота, отъ вздоховъ умиленія и страха... Это былъ шопотъ смерти, которая вѣяла въ воздухѣ невидимыми крыльями, навѣвала холодъ на душу, проходила морозомъ по спинѣ... Заскрипѣли знамена при движеніи древковъ, и потомъ какъ бы все замерло...

И за Шелонью все пришло въ движеніе. Строились ряды, слышались возгласы, ржанье коней, бранные окрики, которые доносились до москвичей...

— Впередъ, молодчая братія!

— Вы впередъ, старшіе! Вамъ мисто впереди, какъ въ церкви, такъ и тутай!

— Вы легче насъ, молодчіи, идите!

— Легче! То-то легче! Мы испротерялись доспихомъ и копьми... Мы голые! Такъ ступайте впередъ вы, богаты и нарядны! Вамъ честь и мисто!

Упадышъ стоялъ въ отрядѣ Димитрія Борецкаго и тревожно прислушивался къ этимъ возгласамъ. Горькая улыбка скользила по его блѣдному лицу...

— Господо и братіе!—покрывалъ всѣхъ металлическій голосъ вождя новгородцевъ, князя Шуйскаго-Гребенки, который скакалъ между рядами съ обнаженнымъ мечомъ.—Постоимъ за святую Софію и за волю новгородскую... А оже кто тылъ покажетъ, богатый и старшій, ино того домъ и животы отдамъ молодчимъ на потокъ и разграбленіе... Впередъ! Пейте, братіе, кровавое пиво московское!

— Раньше бы было думать о молодчихъ,—горько усмѣхнулся на эти слова Упадышъ,—нами, молодчими, а не старшими, держалась воля новгородская, нами она и кончитца...

Пробѣжалъ вѣтерокъ по новгородскимъ знаменамъ, и они заскрипѣли у огорлій древковъ... «О, Упадышъ, Упадышъ!» слышалось ему въ этихъ звукахъ...

Вдругъ московскій берегъ Шелони закричалъ тысячами голосовъ...

— Москва! Москва! Москва!—гремѣлъ въ утреннемъ воздухѣ московскій боевой кличъ—«ясакъ».

— Господо и братіе!—звучали въ этомъ кличѣ голоса воеводъ.—Лутче намъ здѣсь положить головы свои за государя своего, великаго князя, не чѣмъ со срамомъ возвращатися!

— Въ воду, братцы! Въ Шелонь! Го-го-го-го! — стонали москвичи и ринулись въ Шелонь.

Какъ въ котлѣ закипѣла вода въ новгородской рѣкѣ отъ множества ринувшихся въ нее московскихъ коней... Казалось, Шелонь остановилась... Слышенъ былъ невообразимый шумъ и плескъ воды, ревѣли голоса всадниковъ, фыркали кони... Не стало рѣки передъ новгородцами, вмѣсто рѣки двигались на ихъ берегъ массы лошадиныхъ тѣлъ, мордъ, фыркающія ноздри, сверкающіе мечи и шеломы и дико ревущія глотки: «Москва! Москва!..»

«Святая Софія и Великій Новгородъ!»—грянуло съ новгородскаго берега.

— За Коростынь, братцы новгородцы! За соромъ коростынскій!—бѣшено ревѣлъ богатырь-рыбникъ, знакомый уже намъ Гурята, оправившійся послѣ побоевъ коростынскихъ и кое-какъ добравшійся до Новгорода цѣлымъ и невредимымъ.

— За носы да за губы братцы!—кричалъ и тщедушный

«пиблянинъ», раздобывшійся конькомъ и смотрѣвшій теперь совсѣмъ казакомъ, только безъ усовъ и чуба.

— Въ Шелонь ихъ! Коли! Топи!

Сшиблись передніе ряды. Застучали шеломы и латы, поражаемые сулицами и рогатинами. Положеніе новгородцевъ было выгоднѣе, они напирали съ берега внизъ и опрокидывали москвичей въ воду. Передніе ряды, падая въ воду, разстраивали послѣдующіе ряды. Латники, выбитые изъ сѣделъ и падавшіе въ воду, изнемогали подъ тяжелыми доспѣхами и захлебывались въ мутной рѣкѣ, уже окрашенной московской кровью.

— Пруди Шелонь московскимъ собачьимъ тиломъ!—неистовствовалъ Гурята, все опрокидывая на пути.

— Вотъ вамъ за носы! Вотъ вамъ за губы!—пищалъ за нимъ и «пидблянинъ», одною рукою держась за гриву коня, а другою размахивая сулицею.

Московскіе задніе ряды словно задумались, дрогнули, попятились... Дрогнулъ и стягъ воеводскій, зашатался въ воздухѣ...

— Господо, воеводы и братіе!—неистово прокричалъ съ берега Холмскій.—Перваго, кто покажетъ лицо свое заднему ряду, колите на мѣстѣ!

Но новгородцы напирали все болѣе и болѣе... хмурое лицо Холмскаго зеленѣло, и онъ подымался на стременахъ, чтобы разглядѣть, что дѣлается тамъ, за новгородскою ратью... Но тамъ не видно было того, чего онъ ждалъ...

И Упадыша нигдѣ не видать. Дмитрій нѣсколько разъ оглядывался, ища его глазами, но его не было... «Не убитъ ли?..»

Нѣтъ, онъ не былъ убитъ. Въ пылу общей схватки онъ незамѣтно исчезъ изъ рядовъ и, выскакавъ въ поле за небольшой лѣсокъ, поднялъ вверхъ свое копье, на которомъ развѣвался красный платокъ. Брови его были сумрачно надвинуты на глаза, горѣвшіе лихорадочнымъ огнемъ: какъ будто бы то, что онъ оставилъ позади себя, или то, что онъ самъ дѣлалъ или что еще должно было послѣдовать, причиняло ему невыразимыя мученія...

— Сатано! Сатано! Тебя кличу! Что жъ ты не идешь?—со стономъ прошепталъ онъ.

Красный платъ его продолжалъ трепаться въ воздухѣ, а онъ все глядѣлъ въ даль...

Вдругъ въ этой дали что-то, словно огромныя птицы, зарѣяло

въ воздухѣ... По небу трепалось что-то желтое, хвостатое, трепалось въ разныхъ мѣстахъ... Послышался глухой топотъ множества конскихъ копытъ... Упадышъ схватился рукою за сердце...

— Совершилось... О, Каинъ, Каинъ! — простоналъ онъ. Желтыя хвостатыя полосы все ближе и ближе... Видно, что это знамена, но не христіанскія: на желтыхъ полотнищахъ видны полумѣсяцы, золотые и бѣлые. Это татарское войско, это московская засада...

Татары обскакали лѣсъ, скрывавшій ихъ отъ новгородцевъ, и съ воплемъ, воемъ и гиканьемъ понеслись на послѣднихъ, когда они уже почти всѣхъ москвичей, во всю длину битвы, успѣли опрокинуть въ Шелонь...

Страшное алалаканье съ тылу заставило новгородцевъ оглянуться. Они увидѣли позади себя что-то непостижимое, ужасное: эти желтыя, трепавшіяся въ воздухѣ полотна, эти нехристіанскаго вида, несущіеся на нихъ и алалакающіе дьяволы въ остроконечныхъ мѣховыхъ шапкахъ, эти развѣвающіеся надъ ними на длинныхъ древкахъ лошадиные хвосты, не человѣческій, а какой-то звѣриный говоръ, непонятныя слова, непонятные выклики, изрыгаемые этими дьяволами, все это вселило нѣмой ужасъ въ новгородцевъ, думавшихъ, что на нихъ обрушились сами дьяволы...

При появленіи этихъ дьяволовъ битва сразу замерла на всѣхъ концахъ... Новгородцы на мгновеніе окаменѣли: они не видѣли уже передъ собой москвичей; видѣли только за собой нечистую силу...

— Татары! Татары!—раздалось, наконецъ, по дрогнувшимъ рядамъ новгородской рати.

Москвичи между тѣмъ оправились и снова запружали новгородскій берегъ Шелони.

— Не по людямъ стрѣляй, братцы! По конемъ!—кричалъ Холмскій, появившійся на этомъ берегу съ главнымъ стягомъ.

— По конемъ бей! По конемъ!—разнесли его приказъ воеводы во всѣ концы поля.

Это были роковыя слова для Новгорода, какъ съ другой стороны роковымъ было появленіе татаръ въ тылу. Съ одной стороны въ воздухѣ свистали татарскіе стрѣлы и арканы, захлестывавшіе новгородцевъ за шеи, стаскивавшіе ихъ съ ко-

ней и волочившіе по землѣ словно заарканенныхъ барановъ; съ другой московскія стрѣлы, которыя впивались въ коней, и раненыя животныя приходили въ бѣшенство отъ боли, становились на дыбы, выбивали изъ сѣделъ всадниковъ или стремительно неслись назадъ, сбивая съ ногъ еще не упавшихъ, наскакивая на другихъ коней, разстраивая и безъ того дрогнувшіе ряды. Падали другъ на дружку люди, лошади; верхніе давили нижнихъ, а затѣмъ сами падали, и ихъ давили другіе. Цѣлые ряды сталкивались и падали; новгородцы давили сами себя, не видя нигдѣ выхода, словно изъ пропасти, со всѣхъ сторонъ обложенной огнемъ и смертью. Щиты, копья, доспѣхи—все оказалось лишнимъ и безполезнымъ: приходилось или бороться съ петлей, которая стягивала съ коня и душила, или грызть ужасный арканъ зубами, или выбиваться изъ стремени, ущемившаго ногу, тогда какъ конь бѣшено перескакивалъ черезъ трупы убитыхъ, черезъ головы раненыхъ или черезъ кучи брошеннаго оружія. Бросались на землю щиты, доспѣхи, которые только мѣшали. Мѣшалъ и песчаный берегъ, въ которомъ вязли ноги, искавшія спасенія въ бѣгствѣ.

Бѣжало все—и конные, и потерявшіе коней, вооруженные и безоружные, здоровые и раненые, бѣжали, куда глаза глядятъ, лишь бы уйти отъ смерти, отъ этихъ удушающихъ аркановъ, отъ копій и стрѣлъ, отъ топоровъ и сулицъ... Это было безумное, бѣшеное бѣгство... Новгородцы слышали только крикъ смерти, и имъ, обезумѣвшимъ отъ страха, казалось, что это съ неба гремѣлъ страшный московскій ясакъ — «Москва! Москва!»—и ужасное алалаканье—«Алла! Алла!»...

«Господь ослѣпи ихъ!»восклицаетъ московскій лѣтописецъ: «поглощена бысть мудрость ихъ». Несчастные бѣжали въ лѣса, уходили и вязли въ болотахъ, тонули въ рѣчкахъ; раненые, истекая кровью, заползали въ кусты, въ чащи и тамъ, теряя послѣднія капли крови, издыхали, какъ отравленныя собаки; иныхъ засасывала болотная тина... Тѣ летѣли на коняхъ, пока не падали кони и не издыхали вмѣстѣ съ придавленными и обезсилѣвшими всадниками. Иныхъ кони доносили до самаго Новгорода, но несчастные, обезумѣвъ отъ страха и отъ всего видѣннаго, не узнавали своего родного города и неслись дальше, мимо, сами не вѣдая куда и только слыша ужасное «Москва! Москва!».

Вѣчевой звонарь видѣлъ съ своей колокольни, какъ скакали мимо города невѣдомые всадники; но онъ не зналъ, что это были разбитые новгородцы...

Двѣнадцать тысячъ новгородскихъ тѣлъ покрыли шелонское поле, лѣса и болота на десятки верстъ кругомъ. Болѣе полуторы тысячи взяты въ полонъ, въ томъ числѣ и много воеводъ съ боярами. Взяты были и знамена новгородскія, и договорная грамота съ Казимиромъ, и самъ писарь, сочинявшій ее въ вѣчевой избѣ... А онъ еще такъ тщательно, съ такими киноварными завитушками писалъ ее въ назиданіе будущимъ родамъ новгородскимъ... Нѣтъ, не судьба!..

Все покончили москвичи... Къ вечеру не достало кроваваго вина, упились новгородцы и полегли спать навѣки... Спите, послѣдніе вольные люди несчастной русской земли.

А Москва и татары сошлись среди полегшихъ сыновъ новгородской воли, радостно протрубили побѣду и тутъ же стали прикладываться къ образамъ, изображеннымъ на отбитыхъ у новгородцевъ знаменахъ... Радовались москвичи и татары, было чему радоваться!..

По другую сторону Шелони стоялъ Упадышъ и видѣлъ все это... По блѣднымъ щекамъ его текли слезы...

— О, Упадышъ, Упадышъ!—отдавались въ ушахъ его слова ночныхъ видѣній. — Лучше бы тебѣ не родиться на свѣтъ божій!..

XIV. Казни въ Русѣ.

— Мама! А мама!

— Чево тебѣ, дочечка?

— Скоро уйдутъ московски люди?

— Не видаю, родненька, може скоро, може не скоро.

— Я исть хочу, мама.

— Знаю, дитятко, оохъ!.. Вотъ морошки малость осталось, пососи, дитятко, полегшае.

— Я хлиба хочу... молочка бы... яичка...

— Ниту, родная, ни хлибушка, ни молочка... Сама знаешь, хлибушко московски люди на корню потравили, а коровушку соби взяли... И курочекъ побрали.

— А за что они нашъ городъ пожгли?

— Такъ... Богу такъ угодно было... За то, что мы новогороцкой земли, а не московской.

— И тятьку за это убили?

— За то же, дитятко, за то, оохъ!

Такъ, въ виду разоренной и сожженной московскими ратными людьми Руссы, разговаривали, прячась въ сосѣднемъ лѣсу остатки этого стариннаго новгородскаго пригорода мать и дочь, небольшая, лѣтъ десяти дѣвочка. Ужасное то было время! Москва шла наказывать Новгородъ за его вины великія, за то что онъ былъ Новгородъ, что въ немъ жила вѣковѣчная народная воля, что его порядки не похожи были на московскіе порядки, что онъ былъ богатъ и силенъ, что слава его далеко гремѣла за предѣлами русской земли и мозолила глаза Москвѣ загребистой, только что отбившейся отъ татаръ и ихъ вѣкового ярма и гнувшей подъ свое, такое же ярмо другія русскія земли, за то, наконецъ, что Москвѣ хотѣлось прибрать къ рукамъ и разорить богатый Новгородъ, какъ она прибрала Тверь, Рязань, Нижній; шла она на Новгородъ и опустошала, жгла, разоряла ничѣмъ неповинные передъ нею города и селенія новгородской земли, вытравливала и вытаптывала на корню ихъ посѣвы, забирала изъ ихъ закромовъ «жито и всякое болого», а закрома и избы жгла, скотъ и птицу угоняла и съѣдала, населеніе выбивала и уводила въ полонъ, хотя оно и не сопротивлялось ей, да и не могло сопротивляться... Такъ поступила она и съ Русой, стариннымъ новгородскимъ пригородомъ.

Что могло уйти отъ этого безпричиннаго, безсмысленнаго погрома, ушло и поприпряталось по лѣсамъ и болотамъ; что не успѣло уйти, погибло...

Изъ числа ушедшихъ были и эти двѣ собесѣдницы, мать и дочь-дѣвочка, которыя давно уже скитались въ лѣсу вблизи своего родного города, превращеннаго въ груды пепла и мусора, питались кореньями, древесной корой, морошкою и другими, еще не вполнѣ созрѣвшими лѣсными ягодами, а теперь прибрели поближе къ своему горькому пепелищу и украдкой смотрѣли изъ лѣсу на торчащіе изъ земли обгорѣлые столбы отъ заборовъ и воротъ, на уцѣлѣвшія трубы отъ сожженныхъ домовъ, на кучи золы и уголья, на колокольни и церкви родного города, пощаженныя своими же, родными имъ варварами, тоже называвшимися христіанами...

Смотрѣли онѣ на невиданные шатры, бѣлѣвшіе и пестрѣвшіе всѣми цвѣтами на мѣстѣ разрушеннаго города и на примыкавшей къ нему луговинѣ. Около шатровъ сновали люди, блестѣло оружіе, шлемы, знамена, паслись лошади и награбленный скотъ. По новгородской, по псковской и московской дорогамъ, шедшимъ изъ Русы, постоянно скакали какіе-то всадники въ шеломахъ, двигались чѣмъ-то нагруженные возы и колымаги, раздавались возгласы.

— А чья та, мама, больша палатка?

— Кака палатка, милая?

— Пестра, съ золотомъ, точно церква.

— Не знаю, дитятко... Може старшово ихнево, самово князя.

— А гдѣ мы зимой будемъ жить, мама?

— Не вимъ, родная... Може до зимы помремъ... къ отцу пойдемъ...

Дѣвочка тихо заплакала. Безкровное, изможженное лицо матери выражало глубокую скорбь.

Нынѣшній день, 24 іюля, черезъ десять дней послѣ шелонской битвы, въ московскомъ станѣ, въ Русѣ, замѣчалось особенное движеніе. Наканунѣ прибылъ въ Русу самъ великій князь съ огромнымъ обозомъ и боярами, а сегодня, рано утромъ, Холмскій съ частью своего войска (остальное продолжало разорять новгородскія земли вплоть до Наровы, до ливонскаго рубежа) прибылъ поклониться великому князю знатными новгородскими полонянниками и всѣмъ добромъ, добытымъ на берегахъ Шелони.

— Видишь, мама, вонъ тамъ какихъ-то людей ведутъ къ большой палаткѣ.

— Вижу, милая, должно, полонянниковъ

— Нашихъ, мама?

— Нашихъ давно увели, а коихъ тутай побили на смерть, вотъ какъ и отца... А то, должно, новогороцки полонянники.

Да, это было дѣйствительно такъ.

На площади разрушеннаго москвичами города разбита была великокняжеская палатка. Она была очень велика, такъ что казалась чѣмъ-то вродѣ собора, за которымъ стояли рядами, полукругомъ, другія меньшія палатки. Она имѣла какъ бы два яруса, изъ которыхъ верхній кончался небольшимъ купольцемъ съ золоченымъ на немъ яблокомъ и осьмиконечнымъ крестомъ. У входа въ палатку стояли алебардщики.

Но великій князь былъ не въ палаткѣ, а сидѣлъ на особомъ возвышеніи, въ рѣзномъ золоченомъ креслѣ, подъ балдахиномъ, стоявшимъ передъ палаткою, лицомъ къ площади и уцѣлѣвшей отъ пожара церкви. Съ балдахина спускались золотыя кисти, перехватывавшія богатую парчевую драпировку. Эта драпировка, защищая великаго князя отъ солнца, которое въ этотъ день особенно ярко свѣтило, бросала тѣнь на хмурое, матовое лицо Ивана Васильевича III, непреклоннаго «собирателя русской земли», и выдавала особенный, холодный блескъ сѣрыхъ глазъ, сурово смотрѣвшихъ изъ-подъ мѣховой, широкой, съ острымъ верхомъ, татарковатой шапки. По бокамъ его стояли отроки во всемъ бѣломъ и держали въ рукахъ сѣкиры съ длинными рукоятками. Бояре полукругомъ стояли около балдахина, а нѣсколько впереди ихъ, сбоку, у ступенекъ, стоялъ знаменитый грамотей своего вѣка, тогдашній ученый и академикъ, архіепископскій дьякъ Степанко Бородатый, отмѣннымъ манеромъ «умѣвшій воротити русскими лѣтописцы», однимъ словомъ, наиученѣйшій воротила и историкъ, знавшій всѣ провинности Господина Великаго Новгорода не хуже современнаго историка сего злосчастнаго града, почтеннѣйшаго А. И. Никитскаго. У ногъ бородатаго (борода у Степана была дѣйствительно внушительная), у ногъ этого бородатаго ученаго лежалъ кожаный мѣшокъ, наполненный лѣтописями.

Странно было видѣть это сборище молчаливыхъ, угрюмыхъ людей среди жалкихъ пепелищъ сожженнаго города. Зачѣмъ они сюда пришли? Чего имъ еще нужно послѣ того, что они уже сдѣлали!

На сумрачномъ лицѣ дѣда Грознаго и въ холодныхъ глазахъ, задумчиво глядѣвшихъ на свѣжіе слѣды пожарища, казалось, написано было: «посѣтилъ Господь...» Ему вѣроятно искренно думалось, что это дѣйствительно «Господь посѣтилъ», а не человѣческое безуміе...

Кое-гдѣ между грудами пепла перелетали вороны и, каркая, ссорились между собой изъ-за не совсѣмъ обклеванныхъ костей.

Гдѣ-то впереди протрубили рога. Глаза великаго князя глянули на церковь, потомъ опустились ниже и остановились на чемъ-то съ тѣмъ же холоднымъ вниманіемъ... Изъ-за церкви что-то двигалось сплошною массою! Впереди и по бокамъ виднѣлись копья и словцы шлемовъ. Въ серединѣ—что-то безформен-

ное, какія-то волосатыя головы, ничѣмъ не прикрытыя, несмотря на палившее ихъ солнце...

Ближе и ближе, видно, наконецъ, что это ведутъ связанныхъ людей. Много ихъ, этихъ связанныхъ, очень много. Впереди четверо въ рядъ. Руки связаны назади, на ногахъ кандалы. Это не простые люди, и на нихъ остатки богатаго одѣянья; но все оно исполосовано, вымачкано грязью и засохшею кровью. За ними цѣлое стадо перевязанныхъ людей.

Откуда-то выбѣжала худая, худая, однѣ кости да кожа, желтая собака, вѣроятно, искавшая своего сгорѣвшаго жилья или безъ вѣсти пропавшихъ хозяевъ, остановилась какъ разъ противъ возвышенія подъ балдахиномъ и, поднявъ къ небу сухую, острую морду, жалобно завыла, какъ бы плачась на кого-то... Бояре бросились отгонять ее... «Цыцъ, цыцъ! Улю-лю, окаянная!..»

А связанные люди уже совсѣмъ близко, видны блѣдныя, измученныя лица, опущенные въ землю глаза.

Отъ переднихъ латниковъ отдѣлился князь Холмскій и, не доходя нѣсколькихъ шаговъ до балдахина, поклонился въ землю.

— Государю, великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, поклономъ новогороцкимъ кланяюсь,—проговорилъ онъ, не вставая съ колѣнъ.

— Похваляю тебя, князь Данило, за твою службу... Встань,—громко и отчетливо проговорилъ Иванъ Васильевичъ.

Холмскій всталъ. Плѣнники стояли съ опущенными въ землю глазами.

— Подведи начальныхъ людей,—приказалъ дѣдъ Грознаго, ткнувъ массивнымъ жезломъ по направленію къ переднимъ связаннымъ.

— Приблизьтесь къ государю, великому князю Иванъ Васильевичу всеа Русіи, новогорцкіи воеводы,—повторилъ приказъ Холмскій.

Стоявшіе впереди четыре плѣнника приблизились.

— Кто сей?—ткнулъ жезломъ Иванъ Васильевичъ, указывая на блѣдное лицо съ опущенными на глаза волосами.

— Димитрій Борецково, сынъ Мареа посадницы,—былъ отвѣтъ Холмскаго.

— А!.. Марѳинъ сынъ... помню,—какимъ-то страннымъ, горловымъ голосомъ промолвилъ великій князь.

Димитрій поднялъ свои большіе, черные материнскіе глаза изъ-подъ нависшихъ на лобъ волосъ. Глаза эти встрѣтились съ другими, сѣрыми холодными глазами и нѣсколько секундъ глядѣли въ нихъ, не отрываясь... Кто кого переглядитъ?.. На лицѣ великаго князя дрогнули мускулы у угловъ губъ, у глазъ... А тѣ глаза все глядятъ «Выколоть бы ихъ... ну, инъ и сами скоро закроются»... Что-то недоброе шевельнули въ сердцѣ великаго князя эти молодые, покойные, молча укоряющіе, глаза...

— Марѳинъ сынъ... Точно, весь въ нее,—какъ бы про себя проговорилъ великій князь.—А какъ ты, Димитрій, умыслилъ измѣну на насъ, великаго князя, государя и отчима и дѣдича Великаго Новгорода?

— Я тебѣ не измѣнялъ,—спокойно отвѣчалъ Димитрій, попрежнему глядя въ глаза вопрошающему.

— Ты, Димитрій, пошелъ на насъ, своего государя, войною и крестное цѣлованье, намъ государю своему сломалъ еси, и то тебѣ вина.

— Ты Великому Новгороду не государь, и креста тебѣ я не цѣловалъ... Господинъ Великій Новгородъ себѣ себѣ и господинъ, и государь.

При этомъ отвѣтѣ глаза великаго князя точно потемнѣли. Правая рука вмѣстѣ съ жезломъ дрогнула... Бояре какъ-то попятились назадъ, точно балдахинъ на нихъ падалъ...

— Прибрать ево,—едва слышно проговорили блѣдныя губы.

Холмскій повернулся къ латникамъ. Тѣ взяли Димитрія подъ руки и отвели въ сторону.

— Сей кто?—направился жезлъ на другого связаннаго.

— Селезневъ-Губа, Василей.

Губа выступилъ впередъ. Глаза его также остановились на глазахъ великаго князя.

— И ты, Василей?.. Я зналъ тебя,—какъ бы съ укоризной сказалъ Иванъ Васильевичъ.

Губа молчалъ. Полная грудь его высоко подымалась.

— Почто ты, Василей, вступился въ наши старины?—допрашивалъ великій князь.

— Не мы, Господинъ Великій Новгородъ, вступились въ твои старины. а ты нашу старину и волю новгородскую потоп-

тать хочешь... Али мы твои городы жгли и пустошили, какъ ты наши городы впустѣ полагаешь? Кто за это дасть отвѣтъ Богу?

И Селезневъ, говоря это, обвелъ глазами окружающія развалины. Невольно и глаза великаго князя послѣдовали за его глазами...

— Кто это сдѣлалъ?

— То сдѣлали вы, отступивъ свѣта благочестія.

— Али ты въ нашу душу лазилъ?.. Благочестіе!..

— Это ли благочестіе, кровь лить хрестьянскую!

Въ это время опять завыла близко собака.

— Слышишь? Это на тебя песъ, безсловесная тварь, Богу плачетца...

— Господи! За что же это!—послышался стонъ въ толпѣ плѣнниковъ.

— Слышишь? А?.. И онъ, Господь, это слышитъ...

— Замолчи, смердъ!—крикнулъ великій князь, стукнувъ жезломъ о помостъ.

Холмскій подскочилъ къ дерзкому, чтобы взять его.

— Прочь, холопъ!—осадилъ его Селезневъ.—Топору нагну голову свою, а не тебѣ, холопу!

— Взять его!.. Голову долой!—раздалось съ возвышенія.

— Голову долой!.. То-то наши головы поперекъ твоей дороги стали, улусникъ!

Большой мастеръ былъ сдерживаться и притворяться «собиратель русской земли», однако, и онъ тутъ не выдержалъ, швырнулъ въ дерзкаго своимъ массивнымъ жезломъ... Жезлъ угодилъ Губѣ прямо въ голову...

— Собака!.. Отдать псамъ ево мерзкій, хульный языкъ!

Латники бросились на Селезнева и увели его подальше. Холмскій почтительно подалъ жезлъ разгнѣванному владыкѣ.

— Кто тамъ еще?—болѣе покойнымъ голосомъ спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Арзубьевъ Кипріянъ, государь.

— А! Арзубьевъ, все латынцы.

Арзубьевъ молчалъ; но видно было, что это стоило ему большого труда.

— А сей кто?

— Сухощекъ Еремей, чашникъ владычній.

— И чашникъ приложился къ латынству, до чего дошло.

— Къ латынству мы не прилагались,—тихо отвѣчалъ Сухощекъ.

Великій князь глянулъ на Бородатаго, который смирно стоялъ около своего мѣшка съ лѣтописями и беззвучно шевелилъ губами, какъ бы читая молитву.

— Подай, Степанъ, грамоту,—пояснилъ великій князь.

— Якову, государь?

— Каземирову.

Бородатый порылся въ своемъ мѣшкѣ и, доставъ оттуда свертокъ, съ поклономъ подалъ великому князю. Тотъ дрожащими отъ волненія руками развернулъ его.

— Это что?—показалъ на грамоту Сухощеку.

— Не вижу,—отвѣчалъ послѣдній.

— Князь Данило, покажь ему грамоту,—обратился великій князь къ Холмскому.

Тотъ взялъ изъ рукъ князя грамоту и поднесъ ее къ Сухощеку.

— Узнаешь?

— Узнаю, наша грамота съ королемъ Каземиромъ,—былъ отвѣтъ.

Холмскій снова поднесъ грамоту великому князю. Въ это время изъ толпы плѣнныхъ чьи-то глаза особенно жадно слѣдили за грамотой. Это были глаза вѣчевого писаря, писавшаго ее... «Пропала моя грамота... и головка моя пропала... Ахъ, грамотка, грамотка!.. Какъ заставки-то я выводилъ со стараніемъ, какова киноварь-то была... О, Господи!...»

— Сія грамота улика вамъ и отчинѣ моей, Великому Новгороду,—спокойнымъ, ровнымъ голосомъ продолжалъ великій князь,—въ ней вы отступили свѣта благочестія и приложились къ латынству, вы отдавали отчину мою, Великій Новгородъ, и самихъ себя латынскому государю, и то ваша вина... Вы, Еремей Сухощекъ, и Кипріянъ Арзубьевъ, и Василій Селезневъ-Губа, и Димитрій Борецкой, вы подъяли на меня, государя своего и отчича и дѣдича, мечъ крамолы, и то ваша вина.

Всѣ молчали. Слышно было только, какъ гдѣ-то въ отдаленіи жалобно выла собака, да перелетывая съ груды на груду пепла, каркали вороны.

— И за таковую великую вину казнить сихъ четырехъ

смертію, усѣчь топоромъ головы,—закончилъ великій князь и далъ знакъ рукою Холмскому.

Холмскій поклонился и, отойдя нѣсколько назадъ, обратился къ взводу алебардщиковъ, сопровождавшихъ плѣнныхъ новгородцевъ.

— Ахметка Хабибулинъ!

— Я Ахметка.

Отъ алебардщиковъ отдѣлилось приземистое, коренастое чудовище съ изрытымъ оспой лицомъ, съ воловьей шеей и ручищами, бревноподобные пальцы которыхъ, казалось, съ большимъ удобствомъ могли бы служить слону или носорогу, чѣмъ человѣку. Маленькіе, черненькіе глазки его глубоко сидѣли подъ безбровымъ лбомъ и смотрѣли совсѣмъ добродушно. На плечѣ у него покоилась алебарда, топоръ которой представлялъ отрѣзокъ въ три четверти длины и напоминалъ собою отрѣзокъ желѣзнаго круга въ колесо величиною.

— Знаешь свое дѣло?—кинулъ ему Холмскій.

— Знай, бачка... Кесимъ башка,—улыбнулось чудовище.

— Ладно... Орудуй...—Холмскій указалъ ему на стоявшихъ въ сторонѣ присужденныхъ къ обезглавленію.

— Съ котора начинай кесимъ башка?

— Вонъ съ черненьково...—Холмскій вопросительно глянулъ на великаго князя.

— Съ нево,—послышалось одобреніе съ возвышенія, и жезлъ ткнулся по направленію къ Димитрію Борецкому. Ахметка подошелъ къ нему, заглянулъ въ немного наклоненное лицо и добродушно осклабился.

— Хады суды, хады, малой.

Онъ тихо тронулъ осужденнаго за плечо. Тотъ машинально повиновался и подвинулся къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Холмскій.

— Ставай на калѣнъ, лавчѣй рубилъ,—дружески шепнулъ Ахметка осужденному.

Дмитрій глянулъ на великаго князя. Глаза ихъ опять встрѣтились. Одни глаза не вынесли другихъ...

— Лицомъ къ церкви,—послышалось съ возвышенія.

Палачъ повернулъ осужденнаго лицомъ къ церкви. Димитрій глянулъ на нее, на крестъ... шевельнулъ руками; но руки были связаны за спиной... Онъ молча поклонился церкви... Потомъ поклонился своимъ землякамъ, напряженно слѣдившимъ за

каждымъ его движеніемъ. Когда онъ поклонился, длинные, вьющіеся волосы падали ему на матовый лобъ, на глаза, на блѣдное лицо...

— Простите, господо и братіе!

— Богъ проститъ! Богъ проститъ!—простонало все, что было связано.

— Поклонитесь Великому Новгороду, коли живы будете.

— Поклонимся! Поклонимся!

— И святой Софіи... и Волхову... и вѣчевому колоколу... и волѣ новгородской...

— Поклонимся земно!

Онъ всталъ на колѣни и нагнулъ голову, чтобъ выставить для топора свою бѣлую шею... «Матушка! Матушка... Сыночекъ мой! Исаченько»...

— Волосы откинь съ шеи!—послышалось съ возвышенія.

Палачъ исполнилъ повелѣніе, подобралъ длинные волосы своей жертвы.

— Воротъ растегни!—снова голосъ съ возвышенія.

И воротъ растегнули... «Сыми крестъ!». И крестъ сняли.

Палачъ занесъ надъ головой топоръ... «Сычасъ канчалъ—закрой глаза», дружески шепнулъ онъ.

«Ррахъ!»... Совершилось христіанское правосудіе... Отрубленная голова закрылась своими собственными волосами, и туловище ткнулось туда же, въ общую лужу крови... Связанные со стономъ ахнули...

На Селезнева-Губу ткнули жезломъ... Тотъ вышелъ самъ...

— Развяжи руки... я молиться хочу, я христіанинъ...

Не развязали рукъ, не велѣли... «Прощайте, господо!.. Богъ проститъ!..».

Онъ вытянулъ свою толстую, короткую шею... «Руби такъ, я стоя хочу умереть, яко кадило предъ Господомъ»...

— Сыми крестъ!—это опять съ возвышенія.

Палачъ потянулся къ шеѣ осужденнаго...

— Не трошь, собака!.. Пальцы перегрызу... Я съ крестомъ хочу предстать предъ Господомъ... Сѣки такъ, съ крестомъ руби...

Онъ разставилъ широко ноги, нагнулся... Пододвинулся ближе къ трупу Димитрія...

— Рядышкомъ... други искренніе... породнимся кровью.

Холмскій нерѣшительно оглянулся на возвышеніе.

— А языкъ послѣ вырѣзать, собакамъ отдать?

— Послѣ,—отвѣчалъ самъ осужденный,—живой не дамся.

— Руби!—стукнули жезломъ по помосту, такъ что Бородатый вздрогнулъ и попятился назадъ.

— Да смотри сразу,—подсказалъ осужденный.

— Воламъ шеямъ рубилъ, толщи твоей,—успокоилъ его Ахметка,—сматри, самъ увидишь...

Увидѣлъ ли «самъ» Селезневъ-Губа, какъ его упрямая голова ударилась широкимъ лбомъ объ землю, объ этомъ никакіе историческіе документы не говорятъ; но что онъ уже не видалъ, какъ рядомъ съ его головою полетели головы его друзей—Арзубьева и Сухощека, и какъ вырѣзанный изъ его мертваго рта языкъ бросили той собакѣ, которая все выла на всю Русу, такъ это вѣрно.

XV. И у тебя рука поднялась на Новгородъ?

Съ Шелонскаго поля почти никто не воротился въ Новгородъ.

Вѣчевой звонарь разсказывалъ послѣ, когда дошла до Новгорода вѣсть о шелонскомъ пораженіи, и люди находили на дорогахъ и въ полѣ, дальше города, всадниковъ, валявшихся вмѣстѣ съ издохшими лошадьми, что въ день шелонской битвы, къ вечеру, онъ видѣлъ съ своей колокольни много скачущихъ людей, «аки изумленныхъ», которые въ безуміи ужаса, повидимому, не узнавали своего роднаго города и проскакивали мимо, чтобъ умереть, не видавъ ни Новгорода, ни своихъ родныхъ и близкихъ...

Цѣлую недѣлю пропадалъ потомъ «вѣчный воронъ», съ ранняго утра, улетая на Шелонь клевать новгородское мясо и возвращаясь поздно вечеромъ.

Все это время звонарь бродилъ, какъ тѣнь, предчувствуя новыя бѣды и съ тоскою поглядывая на своего неизмѣннаго любимца, на вѣчевой «колоколушко», и съ досадой отворачивался, когда прилеталъ воронъ, который отъ роскошной трапезы успѣлъ сильно оправиться.

— Ишь, подлый, подлый! Раздобрѣлъ на новгородскомъ мясцѣ, на хрестьянской плоти!—ворчалъ старикъ.—И глаза бъ мои не видали тебя, окаяннаго!

Въ городѣ не умолкали вопли и стенаніе! Въ каждой семьѣ было кого оплакивать, и чѣмъ дальше, тѣмъ ужасъ положенія всей земли становился очевиднѣе, зловѣщѣе. Днемъ, куда бы ни досягалъ глазъ съ городскихъ стѣнъ, видно было, какъ по всему горизонту, и съ запада, и съ востока, съ полудня и съ полуночи, къ небу подымались черныя тучи дыма, которыя все окутывали мрачною дымкой, какъ бывало въ тѣ несчастные года, когда, по выраженію лѣтописцевъ, Богъ посылалъ на землю огонь, и отъ этого небеснаго огня горѣла вся земля — лѣса и болота. Птицы даже не знали, куда летѣть среди этой дымной мглы и метались въ воздухѣ, оглашая его криками. Даже вороны перестали летать за Ильмень, куда они каждое утро стаями направлялись послѣ коростынской и шелонской битвъ и куда теперь боялись летѣть за дымомъ, принимая день за сумерки, и «вѣчный» воронъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ на своей колокольнѣ, нахохлившись и лѣниво ощипываясь.

— Человѣкоядецъ, человѣкоядецъ! — укоризненно качалъ на него головою старый звонарь.—Вотъ, до чего дожили: новгороцкая земля горитъ, вся огнемъ взялась... А все за грѣхи...

По ночамъ огромное кольцо зарева, на десятки верстъ, со всѣхъ сторонъ—и съ полуденной и съ полуночной, съ восточной и западной охватывало Новгородъ, какъ-бы огненнымъ поясомъ опоясывая посады и пригороды несчастной столицы вольной земли. Это московскіе люди и татары, разсѣявшись загонами по новгородской землѣ, жгли и пустошили ее, убивая «всякъ мужескъ полъ», оскверняя «женское естество» и—что покрасивѣе, поблагообразнѣе—уводя въ полонъ, а «ссущихъ младенцевъ» расшибая головенками о пни, камни, косяки, приворотные столбы, или живьемъ вметая въ горящія избы, сараи, овины.

Не такое то было время, чтобы щадить воюемую землю и ея населеніе. Не было тогда ничего, что теперь лицемѣрные «законы» войны придумали для возможнаго укрытія отъ глупаго и довѣрчиваго человѣчества всѣхъ ужасовъ освященнаго законами человѣкоубійства. «Тогда было изъ эстого» просто—не рисовались, не хитрили, не виляли хвостомъ передъ тѣми, кого убивали или разоряли. Не было тогда ни «сестеръ милосердія», ни «красныхъ крестовъ», ни «походныхъ лазаретовъ», ни санитаровъ», ни «перевязочныхъ пунктовъ», ни «носилокъ» и «повозокъ для раненыхъ», ни «военныхъ врачей», ни «бараковъ», ни

«искусственныхъ ногъ и рукъ»—ничего такого, чѣмъ старается современное лицемѣріе замазать то, чего ничѣмъ замазать нельзя. Тогда не миндальничали съ людьми, которыхъ шли убивать или которыхъ вели на убой и на убійство. Разоряй и пустоши страну, съ которою воюешь или даже, въ которой воюешь, жги ея города и села, убивай, вырѣзывай ея населеніе, кормись ея хлѣбомъ и ея скотомъ, ибо тогда не было ни «интендантствъ», ни «поставщиковъ на армію», такова была война въ то «откровенное» время...

И московскіе люди «откровенно» воевали новгородскую землю.

Что успѣвало бѣжать изъ разоряемыхъ городовъ, селъ, близкихъ и далекихъ пригородовъ Господина Великаго Новгорода, то бѣжало въ Новгородъ, заполняя собой и оглашая воплями всѣ его «концы», всѣ улицы, площади, «дѣтинецъ», Софійскую и торговую стороны; что не могло бѣжать, погибало или укрывалось по лѣсамъ и болотамъ, «по норамъ и язвинамъ, аки лисы, аки звѣріе, аки Сынъ человѣческій, не имѣвый, гдѣ главу преклонити»...

А дымный и огненный поясъ все болѣе и болѣе затягивался, пожарное кольцо все съуживалось, приближаясь къ самому Новгороду.

— Видишь, окаянный! — словно помѣшанный, обращался вѣчевой звонарь къ своимъ единственнымъ собесѣдникамъ, къ ворону и къ вѣчевому колоколу.—Видишь, человѣкоядецъ! Все это за грѣхи, за наше немоленіе... О, мой колоколушко!

Вопли съ каждымъ днемъ становились раздирательнѣе. Люди съ отрѣзанными носами и губами, толкаясь по вѣчевой площади и по всѣмъ улицамъ и показывая народу свои полузажившія, обезображенныя лица, кричали, да какъ еще страшно, гугнявою рѣчью, приводившею всѣхъ въ трепетъ, горестно кричали о мщеніи...

— Безъ лицъ люди, Господи!—бормоталъ несчастный звонарь, глядя съ своей колокольни на этихъ «людей безъ лицъ».

Слѣпой Тиша, встрѣчаясь съ кѣмъ-либо на улицѣ или на площади, прежде всего лѣзъ ощупывать его лицо, цѣло ли де?

— Образъ и подобіе божіе урѣзали, окаянные!—качалъ онъ головою, если рука его ощупывала слѣды московскаго звѣрства.

Часто видѣли посадника, тоже какъ бы помѣшаннаго, кото-

рый иногда разговаривалъ самъ съ собою и безпомощно разводилъ руками или хватался за свою сѣдую голову... Казалось, что онъ потерялъ что-то и напрасно искалъ...

Иногда видѣли и несчастную Остроміру, которая ходила по берегу Волхова и тоже какъ будто искала чего-то потеряннаго.

— Чево ты ищешь, Остромірушка?—спрашивала ее мать.

— Христа ищу... Взяли Христа, и не знаю, гдѣ положили его,—отвѣчала несчастная,—нѣту Христа—некому молиться... Ахъ, скоро ли радуница? Може найду...

Но ее тотчасъ уводили домой, служили молебны, кропили святою водой; но ничего не помогало. Отъ креста она съ боязнью отстранялась, лишь только чувствовала прикосновеніе къ губамъ холоднаго серебра распятія...

— Ему нечѣмъ цѣловать Христа, нечѣмъ прикладываться,— испуганно шептала она.

Видя, что зарево пожаровъ все приближается, и ожидая, что московское войско не остановится на одномъ разореніи земли, а приступитъ и къ осадѣ Новгорода, посадникъ, собравъ вѣче и объяснивъ возможность нападенія москвичей на самый городъ, испросилъ у народа дозволеніе жечь всѣ ближайшіе къ городу посады и монастыри, чтобы тѣмъ лишить осаждающихъ пристанища на случай осеннихъ непогодъ, а затѣмъ и на случай суровой зимней непогоды.

Начались новые поджоги. Новыя ужасныя картины: жители сожигаемыхъ посадовъ и монастырей толпами шли въ Новгородъ, чтобы укрыться, и шли съ воплями, таща свое добро «животишки» кое-какіе да скотинку. Скотина ревѣла, точно ее вели на убой. За людьми и скотомъ летѣла въ Новгородъ и птица, вороны, галки и воробьи, гонимые дымомъ пожаровъ.

Скоро и изъ Руссы черпецы-рыбари Перыня монастыря, ѣздившіе Ильменемъ къ устью Ловати за рыбнымъ дѣломъ, привезли страшныя вѣсти, для выслушанія которыхъ вѣчевой колоколъ сзвонилъ все населеніе новаго злосчастнаго Карѳагена на вѣче.

— Повѣстуемъ Господину Великому Новугороду, отцемъ и братіи своей печаль велію: въ сію среду, іулія мѣсяца 24 дня на память преподобныхъ мученикъ, князей Бориса и Глѣба, въ Русѣ, на площади, велѣніемъ онаго Новуходоносора московскаго усѣчены топоромъ головы Димитрію сыну Исаакову Бо-

рецкому, Василію Селезневу-Губѣ, Кипріану Арзубьеву да Іереміи Сухощеку, а остальныхъ большихъ людей, человѣка до полуста, въ оковахъ, аки скотъ безсловесный, погнали въ Москву.

Мареа, стоявшая тутъ же, недалеко отъ посадника, при вѣсти о смерти сына пошатнулась было, схватившись за сердце, но устояла, перекрестилась и подняла руки къ небу.

— Богъ даде, Богъ и взя... Да будетъ Его святая воля!— громко сказала она.

Но у этой великой притворщицы было меньше сердца, чѣмъ воображенія. Посадникъ заплакалъ, услышавъ эту вѣсть; многіе рыдали, глядя на мать, потерявшую сына; у всего вѣча, какъ у одного человѣка, вырвался изъ груди не то глубокій вздохъ, не то стонъ. Звонарь обхватилъ вѣчевой колоколъ руками, точно друга, и слезы изъ его одинокаго глаза лились на холодную мѣдь, какъ на грудь близкаго, дорогого существа. А она стояла, какъ кремень, блѣдная и сумрачная, а подъ длинными посѣдѣвшими волосами и гдѣ-то въ сдавленномъ сердцѣ колотились не то мысли, не то слова: «вѣнца сподобился Митюшка, вѣнца нетлѣннаго, мученическаго... А мнѣ, окаянной, вѣнецъ княженецкой на мою сѣдую косу не выпадетъ-ли?.. О, князь Михайло, князь Михайло! Долго же не идешь ты ко мнѣ на выручку съ твоею Литвою»...

— Баба! Когда жъ воротится батя и привезетъ мнѣ большой московской пряникъ? — встрѣтилъ ее Исачко, когда она воротилась домой.

Тутъ и ея жестокое, но все же материнское сердце не выдержало. Она обхватила руками голову внучка и зарыдала. Ей разомъ, со всею ужасающею ясностью, представилась вся невозвратимость того, что совершилось: никогда, никогда она его больше не увидитъ, никогда не доскажетъ ему того, что между ними въ теченіе жизни осталось недосказаннымъ, невыясненымъ, взаимно непонятымъ... Все, что онъ могъ думать о ней все что думалъ и какъ, все это онъ взялъ съ собой, и она никогда этого не узнаетъ, какъ никогда не узнаетъ онъ многаго въ ея жизни, что долженъ былъ бы знать... Онъ не увидитъ ее, не пойметъ ее... Все кончено и навсегда...

— О, мой птенчикъ! О, мой сиротинка!—голосила она, захлебываясь слезами и покрывая поцѣлуями голову внучка.

Ребенокъ сначала испуганно молчалъ, потомъ самъ заплакалъ.

Вошла жена Димитрія Аграфена. Красивое, молодое лицо ея, какъ и ясные голубые, задумчивые глаза выражали что-то глубоко-сдержанное, самозамкнутое. Она не то съ испугомъ, не то съ недовѣріемъ взглянула на плачущую, что съ нею рѣдко случалось, свекровь и на сына и, точно защищая отъ кого свою пышную грудь, быстро схватилась за нее, точно боясь, что изъ нея выскочитъ сердце.

— О, сироточка! О, мой сыночекъ! На кого ты насъ покинулъ!

— Димитрій? — испуганно, едва слышно спросила молодая женщина.

Мароа подняла на нее свои заплаканные глаза, съ изумленіемъ, точно не узнавая ее.

— Матушка!—повторила Груша.

— Вдова... да вдова ты стала... Теперь и въ черницы вольна...

Молодая вдова ничего не отвѣчала. Она только перекрестилась и вышла.

. . . . . .

Но вотъ и ночь настала. Зарево догорѣвшихъ вокругъ Новгорода посадовъ умалялось то тамъ, то здѣсь. Въ иныхъ мѣстахъ, видимо, тлѣли догоравшія бревна въ другихъ — пламя, найдя новую пищу, усиливалось и бросало на новгородскія церкви и на крѣпостныя стѣны зловѣщій багровый цвѣтъ.

Зарево освѣщаетъ и стоящую на стѣнѣ, у западной башни, какую-то человѣческую фигуру. Лицо ея обращено на западъ, къ ливонской сторонѣ. Она какъ будто ждетъ оттуда кого-то.

Зарево вспыхиваетъ и освѣщаетъ ярко всю фигуру и лицо этой женщины.

То была Мароа. Она не могла спать эту томительную для нея ночь, и далеко за полночь, но и задолго до разсвѣта, послѣ вторыхъ пѣтуховъ, она пошла къ «дѣтинцу» и ей одной знакомымъ потайнымъ ходомъ у западной башни вышла на городскую стѣну. Она съ часу на часъ ждала вѣстей отъ посла, отправленнаго Новгородомъ къ королю Казимиру за помощью, а лично его отъ себя—къ князю Михайлу Олельковичу. Гонецъ отъ посла долженъ былъ воротиться черезъ западныя ворота.

Зарево на много верстъ освѣщаетъ за городомъ дорогу, ведущую въ Ливонію, но на ней не видно никакихъ признаковъ движенія. Гонецъ, видимо, запоздалъ. Она ждетъ, долго ждетъ...

Въ заревѣ пожара рисуется ей лицо обезглавленнаго сына. Вонъ и длинные, вьющіеся волосы... Нѣтъ, это клубы дыма и огненная кровь на шеѣ... Все это огонь и дымъ... Она бредитъ...

А вонъ и лицо Олельковича... Нѣтъ, все это видѣнія, мечтанія помутившагося разсудка...

И бѣлокурый, льняноволосый «бѣсъ-прелестникъ», Иванушка бояринъ, встаетъ въ этихъ видѣніяхъ... Она любила его, да его одного только любила она, а онъ обманулъ ее. И вонъ та льняноволосая чаровница на берегу Волхова, у старыхъ каменоломень... То его лукавая душа, то ея грызущая душу совѣсть...

А гонца все нѣтъ... Ужъ и востокъ алѣетъ...

И съ вѣчевой колокольни кто-то смотритъ на зарево. Это старому звонарю тоже не спится, и вонъ его единственный глазъ свѣтится, обозрѣвая догорающіе посады.

Воронъ спитъ въ углу на перекладинѣ, но и на его гладкія, блестящія перья падаетъ свѣтъ отъ пожара. И колоколъ спитъ, хотя одинъ бокъ его, обращенный къ пожару, играетъ точно живой... Но звонарю не видна за западной башней фигура Марѳы...

Кто же это крадется по крѣпостной стѣнѣ?.. Онъ то-и-дѣло останавливается... Останавливается онъ около пушекъ, разставленныхъ на стѣнѣ... Что же онъ съ ними дѣлаетъ?.. Вотъ подходитъ ближе, нагибается къ жерлу пушки... Слышится какой-то глухой стукъ, точно забиваютъ что въ пушку... Кому бы это быть?..

Звонарь тихонько спускается съ колокольни и идетъ къ воротной караулкѣ. Сторожа спятъ.

— Господи Исусе! Вставайте, братцы!

— Кто тутъ? Какой лѣшій?

— Я Корнилъ, вѣчной звонарь.

— Чево тебѣ, старина? Али звонить собрался? Мы не колокола, чу...

— Вставайте, робятки... На стѣнѣ у насъ что-то нездорово...

— Что ты! Перунъ те ушиби!

— Нездорово, робятки... Какой-то перевѣтникъ нарядъ заколачивае...

Сторожа повскакали. Кинулись на стѣну. Идутъ тихонько, крадутся, останавливаются...

— Гдѣ, Корнилушко, ты видалъ ево?

— У восточной башни...

Прислушиваются... Явственно слышится глухой стукъ... Двигаются впередъ, въ тѣни...

— Не шелохнись... Тише... Вонъ видите?

— Видимъ... точно... у самово наряда... заколачивае...

Стукъ продолжается. Корнилъ и сторожа подкрадываются къ пушкѣ и бросаются на нагнувшуюся къ жерлу пушки фигуру...

— Ты что туто творишь, окаянный!

— Вяжи ево! Держи! Такъ, такъ!.. И у тебя рука поднялась на Новгородъ?..

— Ахъ! Дьяволы!..

Его схватили и тутъ же скрутили ему назадъ руки. Онъ не выронилъ больше ни одного слова.

XVI. Казнь Упадыша.

Схваченный на городской стѣнѣ неизвѣстный человѣкъ, заколачивавшій пушки, былъ — личность слишкомъ хорошо знакомая всему Новгороду: это былъ Упадышъ.

Что побудило его на эту страшную, уже не первую измѣну своему родному городу?

То были очень сложныя причины и очень сложныя чувства. Хотя говорятъ, что чужая душа потемки; но бываетъ такъ, что и собственная душа иногда становится для человѣка потемками. Въ такомъ положеніи находился Упадышъ: въ своей душѣ онъ ничего не находилъ кромѣ мрака, и выходу изъ этого мрака для него, казалось, не было.

Въ ту эпоху, когда люди еще глубоко вѣрили въ спасительную помощь аскетизма и въ своей дѣтской наивности полагали, что призваніе человѣка въ отчужденіи отъ міра, въ отчужденіи отъ себя, какъ отъ человѣка, въ ту эпоху, другой на мѣстѣ Упадыша, не обладавшій такою жизненною энергіею, какъ онъ, нашелъ бы выходъ изъ этого душевнаго мрака въ монастырѣ и

былъ бы спокоенъ, роясь звѣремъ въ пещерѣ и убивая свою плоть постомъ и молитвою. Но для души Упадыша и монастырское самоубійство представляло тѣ же потемки. Онъ искалъ жизни со всѣми ея треволненіями: въ его душу глубоко запалъ неизвѣстно когда слышанный имъ завѣтъ самого Бога: «живите».

Но жизнь съ самого момента его рожденія толкнула его въ «изгойство». Упадышъ былъ «изгой», существо безъ роду и племени. А какъ понималось въ то время «изгойство», можно судить по древнимъ толкованіямъ этого слова: «изгойство же толкуется — безконечная бѣда, непрестающія слезы, немолчно воздыханіе, неусыпающій червь, несогрѣемая зима, неугасаяй огонь, нестерпимая гроза, неисцѣлимая болѣзнь—вся же та суть безъ конца». Вотъ что такое было «изгойство».

«Изгой», однимъ словомъ, былъ отброскомъ общества или, говоря современнымъ языкомъ, человѣкъ, котораго само общество сдѣлало «нелегальнымъ».

Но въ Упадышѣ было слишкомъ много жизненной энергіи, ума, красоты, удали и силы, чтобъ помириться съ «непрестающими слезами» и «немолчными воздыханіями». На вѣчѣ, среди «худыхъ мужиковъ вѣчниковъ», онъ являлся первымъ говоруномъ и вѣчевымъ воротилой; среди «большихъ» людей и бояръ онъ былъ «язва» за свой языкъ и за беззавѣтную удаль.

И онъ былъ оттертъ отъ всего.

Мало того, у него отняли то, что онъ любилъ.

Онъ съ горя, пошелъ въ ушкуйники, какъ мы говорили выше.

Воротился домой изъ своихъ далекихъ странствій и нашелъ Новгородъ все такимъ же «неправеднымъ»: партія богатыхъ одна вѣдала счастье жизни, а вся новгородская земля «работала» на богатыхъ, какъ нѣкогда евреи въ Египтѣ. Правда, этотъ рабочій скотъ, эти «худые мужики вѣчники» часто брыкались и заставляли богатыхъ трепетать или летать съ мосту въ воду; но это мужичье самодержавіе и кончалось вспышкой: побрыкались, да и опять въ ярмо.

Упадышу другаго хотѣлось. Онъ думалъ, что это другое есть въ Москвѣ, и жестоко ошибся. Но онъ ступилъ на этотъ путь и уже не сворачивалъ съ него.

Онъ вошелъ въ союзъ съ темной силой, съ кудесницей, и вмѣстѣ съ нею они устроили для Новгорода два кровавыхъ пира:

подъ Коростынемъ и на Шелони. У кудесницы были свои счеты съ Новгородомъ.

Шелонская рѣзня, подготовленная имъ же, произвела на него, въ душѣ совсѣмъ не злодѣя, такое потрясающее дѣйствіе, что онъ тамъ же, на берегу Шелони, хотѣлъ заколоться; но потомъ раздумалъ и воротился въ Новгородъ, чтобы во всемъ признаться на вѣчѣ и покаяться всенародно, доказавъ, что распря съ Москвою будетъ конечной утратой Новгородомъ своей воли...

Вѣсть о казняхъ въ Русѣ дала другой исходъ его отчаянью.

Смерть Дмитрія Борецкаго дѣлала свободной ту, которую онъ любилъ: онъ захотѣлъ жить.

Весь этотъ день, послѣ вѣча, гдѣ онъ хотѣлъ всенародно каяться и гдѣ, напротивъ, онъ услыхалъ о смерти мужа той женщины, которая была горькой отравой всей его жизни,—онъ ходилъ какъ помѣшанный. Передъ его глазами носились кровавыя картины коростынской и шелонской битвъ; онъ слышалъ ужасающій кличъ москвичей и татаръ «Москва! Москва!..» «Алла! Алла!»... Невѣдомыя птицы съ человѣческими лицами вѣяли на него своими крыльями, и онъ слышалъ въ шумѣ вѣтра, въ журчаніи водъ Волхова—«о, Упадышъ! Упадышъ!».. Эти живые люди безъ лицъ, ходящіе по Новгороду—это ходитъ его мрачная совѣсть. Мракъ, ужасный мракъ на душѣ!.. Гдѣ же выходъ изъ этого мрака?.. Горислава, ломающая руки въ виду рѣзни на берегу Ильменя... Что ему до нея и что ей до него?.. А между тѣмъ мракъ на душѣ все темнѣе и темнѣе...

Та, которую онъ любилъ, теперь можетъ принадлежать ему... Что она?..

Но тутъ же передъ нимъ вставали новыя ужасныя картины... Москва идетъ на Новгородъ: опять предстоитъ рѣзня, опять польются рѣки крови; но Новгородъ не устоитъ... Чѣмъ упорнѣе будетъ сопротивленіе со стороны новгородцевъ, тѣмъ ужаснѣе должна быть месть москвичей... А месть московская извѣстна: они не пощадятъ ни женъ, ни дѣтей...

Не пощадятъ женъ... Не пощадятъ и ее, ту, которая одна была солнцемъ его пасмурной жизни...

— Утопись, утопись, Упадышъ. — что-то шептало ему,— тебѣ одинъ конецъ...

И онъ шелъ на мостъ... Но съ моста онъ видѣлъ Побережье и выходящій на Побережье и х ъ домъ, «чудный» домъ Мареы...

— Отыди, сатано, не смущай,—шепталъ онъ и съ ужасомъ отворачивался отъ воды, которая манила его въ свою глубь, и убѣгалъ съ мосту.

— Измѣнникъ, измѣнникъ,—шепталъ ему другой голосъ,— окаянное чадо новгородское...

— Воистину окаянное...

Онъ глянулъ на небо, ища утѣшенья, на святую Софію, на вѣчевую колокольню... Тамъ, надъ оконной перекладиной, торчитъ сѣдая голова звонаря...

— Одинъ Корнилъ любилъ меня, какъ приблуднаго щенка...

Онъ хотѣлъ было итти къ кудесницѣ посовѣтоваться съ ней; но ему стало страшно...

— Она, всему она виной, окаянная...

Онъ глянулъ опять на вѣчевую колокольню, на угрюмыя стѣны «дѣтинца»... На стѣнахъ чернѣлись пушки... Ему представилось, какъ онѣ будутъ палить въ москвичей...

— Забить ихъ, заколотить весь нарядъ, — сказалъ онъ вслухъ, и самъ вздрогнулъ,—не устоять тогда Новугороду, не быть и кроволитью...

И онъ исполнилъ это безумное рѣшеніе. Но его схватили.

И вотъ теперь его привели на казнь предъ лицо всего Новгорода. Онъ казался спокойнымъ, только блѣднѣе обыкновеннаго и задумчивѣе. Глаза его, видимо, искали кого-то въ толпѣ и не находили... Онъ грустно качалъ головой, какъ бы говоря: «нѣтъ, не увижу, и въ этотъ послѣдній часъ не увижу»...

Вѣчевая площадь была полна народа; но онъ безмолвствовалъ. Не привыкли новгородцы видѣть казни. Въ пылу разгара политическихъ страстей, въ порывѣ всенароднаго увлеченья, они не задумались забивать каменьями посадниковъ и житыхъ людей, топить своихъ лиходѣевъ въ Волховѣ, какъ собакъ; но это дѣлалось въ минуту вспышекъ. А видѣть, какъ человѣка, который стоялъ смирно и не защищался, будутъ убивать обдуманно, хладнокровно, этого видѣть вольнымъ новгородцамъ не доводилось...

И посадникъ, и всѣ власти смотрѣли съ помоста такими сумрачными. И имъ казалось тяжкимъ казнить новгородца.

Даже палача для этого дѣла нельзя было найти въ Новгородѣ, никто не соглашался убивать хладнокровно беззащитнаго брата своего.

Выискался какой-то «чудинъ» изъ «скудельнаго мѣста», гробокапатель, и ему вручили огромный, заржавѣвшій, хотя теперь и отточенный топоръ палача.

Упадышъ стоялъ лицомъ къ помосту. Около него палачъ съ топоромъ и рогожнымъ мѣшкомъ да нѣсколько ратниковъ съ бердышами.

— Господо и братіе!—дрожащимъ голосомъ сказалъ посадникъ.—Вы знаете вины человѣка сего... За измѣну святой Софіи и Господину Великому Новгороду повиненъ есть смерти... Право мое слово?

— Право, господине,—нерѣшительно отозвалось нѣсколько голосовъ.

Площадь разомъ всколыхнулась, какъ волна, и снова точно застыла.

— Верши, человѣче!—махнулъ рукой посадникъ «чудину».

— Постой!—вдругъ остановилъ его Упадышъ.—Дай помолиться.

Палачъ нѣсколько отодвинулся, а Упадышъ сталъ молиться на Софійскій храмъ. Всѣ глаза напряженно слѣдили за нимъ... Никто не шевелился.

Кончивъ молиться, осужденный сталъ кланяться на всѣ четыре стороны. Глаза его снова, повидимому, искали кого-то въ толпѣ.

— Простите меня, окаяннаго,—надтреснувшимъ голосомъ произнесъ онъ, низко кланяясь, такъ что густые рыжіе волосы покрыли до половины его блѣдное лицо.

— Богъ и святая Софія простятъ!—прошелъ ропотъ по толпѣ.

— За васъ, братцы, умираю... Вамъ добра искалъ... не привелъ Богъ... за молодчихъ, за сиротъ голову свою полагаю... простите!

Какой-то смѣшанный говоръ прошелъ по толпѣ. Все заколыхалось, задвигалось... «Ахъ, Упадышъ! Упадышъ! лучше бъ тебѣ не быть въ утробѣ матерней, нечѣмъ наречься предателемъ Новгорода!»—явственно прозвучалъ въ толпѣ чей-то голосъ

Осужденный сталъ на свое мѣсто, сложилъ на груди руки, нагнулся впередъ и вытянулъ шею.

— Я готовъ, верши,—самъ подсказалъ онъ палачу и закрылъ глаза.

Палачъ поплевалъ себѣ на ладони, обхватилъ конецъ топорища и высоко занесъ топоръ надъ головою, словно собираясь рубить бревно.

Топоръ бреснулъ въ воздухѣ и глухо ударился о толстую, загорѣлую шею Упадыша; но и до половины не перерубилъ ее. Несчастный упалъ на колѣни. Кровь брызнула ручьемъ.

— Охъ, Господи! Не осилилъ!—послышались голоса.

— Не перерубилъ! Вдругорядь... ахъ!

Палачъ снова ударилъ по тому же мѣсту. Жертва людского безумія валялась уже на землѣ, въ ужасныхъ корчахъ, истекая кровью. А неумѣлый палачъ продолжалъ добивать ее, рубя какъ дрова, какъ-то растерянно хряская топоромъ то по шеѣ, то по головѣ...

— Ахъ, батюшки! Живъ еще, трепыхается...

— Ахъ, чудинъ, чудинъ! Не за свое дило взялся...

— Въ Москвѣ бы сразу...

— Москва сему дилу навычна... Москва на крови стоитъ...

— Тамъ какъ пить бы дали...

— Точно... А то на! Вонъ еще все ручкой шевелитъ...

— И нога вонъ отмашкой дрыгнула... Страхъ какой!

— Сапоги то, сапоги, братцы, новеньки... Жалость...

— Пропалъ чоловикъ ни за мидну мордку... ахъ! И Боже.

— За насъ, чу, пропалъ, за сиротъ... Спаси ево душеньку!

— Ахъ, Упадышъ, Упадышъ! Лучше бы тебѣ не быть въ утробѣ матерней,—повторялъ голосъ, уже раздававшійся на площади... То былъ голосъ лѣтописца Новгородскаго, настоятеля Хутынскаго монастыря Наѳанаила, который пришелъ въ Новгородъ посѣтить свою больную внучку, Остроміру и угодилъ на мѣсто казни.

Съ вѣчевой колокольни смотрѣлъ старый звонарь, и по сморщенному лицу его текли слезы. Это плакалъ единственный глазъ добраго старика...

— Я твой ворогъ, я, окаянный, погубилъ тебя, — шепталъ онъ.

Упадышъ болѣе не трепыхался. Онъ плавалъ въ своей соб-

ственной крови, разметавши руки и ноги, точно въ самомъ дѣлѣ собрался уплыть... Да, далеко пришлось теперь плыть старому ушкуйнику...

Палачъ между тѣмъ обтеръ топоръ объ рогожный мѣшокъ, разложилъ этотъ мѣшокъ на землѣ и стащилъ трупъ съ кровавой лужи. Потомъ онъ сталъ усердно запихивать его въ свой вмѣстительный мѣшокъ... Вотъ какой саванъ пришлось надѣть Упадышу? «Изгой» «изгоемъ» и кончилъ... Сначала «чудинъ» впихнулъ въ мѣшокъ голову казненнаго, потомъ втиснулъ туда его широкія плечи и сталъ натягивать рогожу на остальное туловище... Изъ мѣшка торчали ноги въ сапогахъ, о которыхъ сейчасъ пожалѣлъ одинъ «худой мужиченко вѣчникъ»... «Чудинъ» согнулъ колѣни мертвому, всунулъ ноги въ мѣшокъ, завязалъ его и, взвалилъ съ трудомъ на плечи, понесъ черезъ толпу къ великому мосту.

— Прощай, сиротинушка!—шепталъ съ колокольни вѣчный звонарь, провожая своимъ единственнымъ глазомъ измѣнника Великаго Новгорода.

Толпа сопровождала печальное шествіе. Со всѣхъ концовъ сбѣгались женщины и дѣти, не бывшія на вѣчѣ и желавшія взглянуть, какъ будутъ топить Упадыша.

На мосту «чудинъ» положилъ свою тяжелую ношу на землю и привязалъ къ ногамъ мертвеца огромный булыжникъ. Приподнявъ трупъ, онъ съ трудомъ положилъ его на перилы моста. Еще не застывшее тѣло казненнаго перевѣсилось на обѣ стороны перилъ.

— Прощай, Упадышъ, кланяйся Ладогѣ и моей родной чуцкой сторонѣ,—сказалъ «чудинъ», перекидывая и ноги трупа за перила.

Еще мгновеніе, и Упадышъ грузно бултыхнулъ въ Волховъ...

Въ толпѣ послышался отчаянный, душу раздирающій женскій крикъ. Всѣ оглянулись: на землѣ лежала и колотилась о камни головою какая-то женщина, молодая и богато одѣтая...

— Матушки! Сестрицы!—взвыли бабы.—Да это никакъ Марѳина посадничихина сноха...

— Она и есть, кормилицы, Аграфена, Дмитріева жена...

— Вдова, скажи, матушка, а не жена... Была женой, оохохо! А нонѣ сирота горькая...

— И то правду... Что же съ нею?.. Али попритчилось?

— Да по муженьку, знамо, убивается... То-то, горькая!.. Не одна она... То-то веремя-веремячко!..

А то мѣсто Волхова, которое всколыхнулъ Упадышъ своимъ паденіемъ, давно сравнялось, и вода попрежнему тихо струилась по направленію къ далекой Ладогѣ, къ родинѣ «чудина-скудельника»...

XVII. Великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи.

На утро опять звонилъ вѣчевой колоколъ. Опять плачущій голосъ его разносился по всѣмъ концамъ. Опять вспугнутый воронъ дѣлалъ по небу круги все шире и шире, все выше и выше...

А вѣчевой звонарь, колотя, что есть мочи, въ свой «колоколушко», горько плакалъ, слезы такъ и катились изъ его одинокого глаза, а ему и утереть ихъ было нечѣмъ...

— Что, братцы, объ чемъ вѣчать? Чево звонить вѣщунъ нашъ?

— Да должно объ хлѣбѣ, объ борошнѣ; вонъ жита не хватило, голодъ въ городѣ...

— Да пшеница, сказывали, есть, много навезено.

— Да пшеница-то, братецъ, не про насъ, житниковъ, припасена, а про богатыхъ, про пшеничниковъ, вотъ что!

— А люди сказывали, за князя-де за московскаго задаваться удумали.

— Это точно, потому не въ моготу...

— А все Мароа, окаянная баба!

— Все Мароица, ни дна бы ей, ни покрышки... Склизкая баба!

— Пусто бъ ей! Сулила все свово Коземира да хохловъ, а ихъ и слидъ простылъ...

— Посла нашево, чу, нѣмцы къ Коземиру не пропустили, ни съ чѣмъ нонѣ воротился.

— Какъ же топерево намъ быть, братцы?

— Да за князя задаваться пришло, а то изморомъ помремъ...

— А князь-отъ головы намъ, поди, долой, какъ въ Русѣ вонъ Мароичу да Селезневу-Губѣ съ товарищами.

— Ну, насъ худыхъ мужиковъ не про что, бояръ рази да житыхъ людей?

Вѣче готовилось быть бурное. Городъ наполненъ былъ бѣгле-

пами со всѣхъ новгородскихъ волостей, разоренныхъ московскими ратями, и въ Новгородѣ оказалась недостача хлѣба; уже и теперь чувствовался голодъ, а что же будетъ дальше, когда москвичи осадятъ городъ. А уже ходятъ слухи, что великій князь, совершивъ казни въ Русѣ и отославъ важнѣйшихъ новгородскихъ плѣнниковъ въ Москву, словно загонъ татарскій, готовился самъ итти на Новгородъ. Между тѣмъ хлѣба взять и ожидать не откуда, москвичи потоптали и вытравили его весь на корню. Смерть была неминуема, если не отъ московскихъ мечей, то отъ голода.

Тѣ, которые кричали прежде съ голоса Мароы, теперь проклинали ее и ея «литовскіе посулы»: гнались за журавлями въ небѣ, а потеряли изъ рукъ и послѣднюю синицу.

— Похвалялась море зажечь, синица-то наша, дуй ее горой!

— Осоромотила насъ баба, братцы, аахъ! — волновались бывшіе приверженцы Мароы.

Она не смѣла показаться народу. Да и ея личное горе было слишкомъ велико; кромѣ потери сына, съ которою она еще могла бы помириться, она потеряла вѣру въ возможность осуществленія своихъ тайныхъ честолюбивыхъ замысловъ... Не бывать вѣнцу кіевскому и новгородскому на ея буйной головѣ... Въ два дня эта голова совсѣмъ посѣдѣла...

— Это не я, не я, не Мароа!—съ ужасомъ шептала она, увидавъ себя въ металлическомъ полированномъ дискѣ, замѣнявшемъ тогда зеркало.

Она не вѣрила зеркалу, она брала свои густыя косы въ руки, и онѣ были сѣдыя! Она подносила ихъ къ свѣту, расплетала, наматывала на руки, сѣдыя, сѣдыя!

— Это не мои косы, это борода посадника: это волосы Корнила звонаря!—съ горечью повторяла она.—Не мои! Не мои!

Она снова обращалась къ зеркалу, снова всматривалась въ свою голову, въ свое лицо, въ глаза...

— Глаза не мои, Господи! Это старуха!—шептала она въ отчаяньи.

Она слышала звонъ вѣчевого колокола и догадывалась, въ чемъ дѣло...

— Кричи! Кричи до неба! Кричи до Кіева, чтобъ слышалъ мой измѣнникъ! Кричи, зови Ивана московсково!

Она ломала руки, не находила мѣста... А колоколъ все звонилъ, надрывался...

— Звони! Звони по Мареѣ посадницѣ...

— Баба, баба! Какая у тебя головка бѣлая, сѣденька! Это не твоя головка...

Это голосъ Исачка, и онъ не узнаетъ свою сѣдую бабушку...

— Что это, баба? Зачѣмъ ты сѣденькая стала?.. И мама лежитъ, недужна—хворая... Мы съ ней вчера ходили смотрѣть, какъ Упадыша топили, и мама тамъ съ испугу захворала...

Мареа только застонала...

А между тѣмъ толпа уже затопила собой вѣчевую площадь. Это уже было не прежнее самоувѣренное вѣче, хотя еще болѣе бурное, страшное...

— Что, гдѣ вашъ Коземиръ?—кричали худые мужики, приступая съ кулаками къ сторонникамъ Мареы, къ Григоровичу, отцу Остроміры, къ Пимену и другимъ.—Гдѣ онъ, подавайте ево!

— Гдѣ ваша сука Мареа, что щенятъ своихъ не ублюла! Сказывайте!

Тѣ стояли блѣдные, безмолвные, ожидая народной расправы: съ мосту да въ Волховъ. Но народу было не до того, слишкомъ тяжело было каждому... Да и чѣмъ поможешь Новгороду, коли бояръ пометаешь въ Волховъ? Поздно ужъ! Надо было пометать туда ихъ всѣхъ раньше, когда они еще не довели Новгорода до погибели... А теперь что! Все равно пропадать...

Такъ думалъ самодержавный мужикъ, ввергнутый въ пропасть людьми, не оправдавшими его народнаго довѣрія.

— Вотъ до чего довели вы насъ и себя, прелестники, обманщики!

— Литва-де, Коземиръ, эхъ! И укусилъ бы локтя, да не достанешь!

По другую сторону, на серединѣ помоста, стоялъ посадникъ съ «большими людьми». Василій Ананьинъ также успѣлъ постарѣть за это время. Лицо его осунулось, умные, ласковые глаза глубоко запали... Развѣ легко ему было сознавать, что въ его именно посадничество такія великія бѣды обрушились на его городъ, на всю его страну!..

— Ахъ, дитушки, дитушки! Ахъ, посадничекъ, посадничекъ!—горестно качалъ головою вѣчевой звонарь, обозрѣвая съ

высоты цѣлое море головъ новгородскихъ.—Горьки, сиротски головушки!..

Мужики посунулись къ посаднику и къ «большимъ людямъ», снявши шапки.

— Простите вы насъ, окаянныхъ!—кланялись они со слезами.—Согрубили мы вамъ, чинили свою волю да волю Марѳину.

— Смилуйтесь, господо и братіе, простите! — вопили мужики.

— Смертный часъ пришелъ, батюшки! Научите вы насъ.

— Не слушались мы васъ, большихъ умныхъ людей, собѣ на погибель и послушались безумцевъ, что и сами наглостною смертію пропали и насъ подъ бѣду подвели...

— Смилуйтесь, родные! Топерь ужъ будемъ васъ во всемъ слушать...

— Не будемъ вамъ перечить, ни-ни! Ни Боже мой!

— Пощадите насъ и животишки наши, отцы родные!

— Не дайте Новугороду пропасть пропадомъ, миленькіи! Идите добивать челомъ великому князю, чтобъ помиловалъ насъ, сиротъ горькіихъ!

Тогда выдвинулся впередъ Лука Клементьевъ, лукавый старикашка, тотъ самый, что воеводилъ во владычномъ стягѣ и съ умысломъ, по наказу Ѳеофила, опоздалъ къ коростынской битвѣ.

Онъ разгладилъ свою бороду, откашлялся, тряхнулъ по московски волосами (онъ давно снюхался съ Москвою, лукавецъ!).

— Вотъ то-то, братцы,—началъ онъ, косясь на посадника—коли бъ вы бабъ не слушали и зла не починали, то и бѣды бъ такой не случилось.

Мужики вѣчники кланялись, охали, усиленно сопѣли, утирая потъ съ лицъ и затылковъ: день былъ жаркій, упека страхъ!

— Пусто бъ ей было, бабѣ-бѣсу!—ворчали они.

— Сказано, волосъ дологъ...

— Гдѣ чортъ не сможетъ, туда бабу пошлетъ...

— Такъ, такъ, братцы,—подтвердилъ Лука-лукавецъ:—да добро-ста, лихъ-бѣда научила васъ... Добро и то, что хоть топерево грѣхъ да безуміе свое познали... Токмо мы, братцы (онъ глянулъ на посадника), не можемъ за экое дило сами взяться, а пошлемъ отъ владыки просить у великово князя опасу: коли

дастъ опасъ, знакъ, что смиритъ свою ярость и не погубитъ своей отчины до конца.

— Къ владыкѣ, братцы, къ владыкѣ!—заревѣло вѣче.— Будемъ просить опасу!

— На Софійскій дворъ, господо вѣчники, къ отцу Ѳеофилу!

— Въ ноги ему, батюшкѣ, упадемъ: смилуйся, пожалуй!

Толпа, какъ вешнія воды черезъ плотину, ринулась на Софійскій дворъ.

. . . . . .

Великій князь Иванъ Васильевичъ, совершивъ казни въ Русѣ, двинулся съ войскомъ къ Новгороду и 27-го іюля остановился на берегу Ильменя для роздыха.

Вечерѣло. Солнце серебрило косыми лучами небольшую рябь Ильменя, который, казалось, плавно дышалъ своею многоводною грудью и отражалъ въ себѣ розоватыя облачка, стоявшія на небѣ, далеко тамъ, надъ Новгородомъ. Надъ станомъ стоялъ обычный гулъ.

Иванъ Васильевичъ вышелъ изъ своей палатки и въ сопровожденіи братьевъ—родныхъ—Юрія и Бориса и двоюроднаго Михайлы Андреевича, которые соединились съ нимъ на походѣ, приблизился къ берегу Ильменя. За ними почтительно слѣдовали князья, воеводы, бояре и неизмѣнный ученый посохъ великаго князя—Степанъ Бородатый.

Иванъ Васильевичъ и теперь, какъ и всегда, казался одинаковымъ: серьезенъ, сухъ и молчаливъ. Но и на него видъ Ильменя съ этою массою воды, которая, Иванъ Васильевичъ это помнилъ, принадлежала ему, какъ и земля, на которой стояли его козловые владѣтельные съ золотомъ сапоги, съ этимъ мягкимъ голубымъ небомъ, которое тоже ему принадлежало, съ этимъ мягкимъ, теплымъ вѣтеркомъ, осмѣлившимся ласкать его русую съ рыжцею бороду, и на него, повторяю, сухого и чуждаго всякой поэзіи, этотъ видъ произвелъ впечатлѣніе.

Онъ остановился, взглянулъ на бояръ, опять на Ильмень, на небо, на зеленѣвшіе лѣса. Всѣ пододвинулись къ нему, замѣтивъ мягкость—рѣдкое явленіе на задумчивомъ лицѣ своего господина.

— Красно, воистину красно твореніе рукъ божіихъ!—сказалъ онъ со вздохомъ.

— Воистину, господине княже,—вставилъ свое слово Боро-

датый, замѣтивъ на себѣ ласковый взглядъ государя,—точно красно... Ино сказано есть въ писаніи: се что добро и се что красно, во еже житіи братіи вкупѣ...

— Такъ, такъ,—улыбнулся великій князь,—похваляю Степана, гораздъ воротити писаніемъ.

Всѣ съ почтительной завистью посмотрѣли на счастливца Степана.

Но Иванъ Васильевичъ взглянулъ на Ильмень, воззрился вдаль и осѣнилъ глаза ладонью. Прямо къ тому мѣсту, гдѣ они стояли, плыло какое-то судно.

— Кажись, новгородское...

— Точно, господине княже, новгородское, — подтвердили бояре,—иха походка...

— Насадъ, господине княже, и хоруговь владычня въ аерѣ рѣетъ, точно они, иха повадка...

Великій князь направился обратно въ свой шатеръ. Онъ не шелъ, а «шествовалъ»: онъ догадался, что гордый Новгородъ смиряется, наконецъ... «Сокрушилъ гордыню... то-то—не возноси рога», стучало его жесткое сердце, и онъ шествовалъ плавно, ровно, не ступая по новгородской землѣ, а «попирая» ее...

— Эка шествуетъ!—тихо, холопски любовался сзади Степанъ Бородатый.—Аки пардусъ...

— Аки левъ рыкай,—поддакнулъ кто-то изъ бояръ.

— Яко орелъ, ишь красота!—подхолопилъ еще кто-то.

Дѣйствительно, къ берегу присталъ новгородскій насадъ. Изъ насада вышли нареченный владыка Ѳеофилъ, за нимъ попы отъ семи соборовъ новгородскихъ, старые посадники и тысячскіе и житые люди, по одному отъ каждаго «конца». Въ числѣ ихъ находились Лука Клементьевъ «лукавъ человѣкъ», и Григоровичъ, отецъ Остромірушки. За ними слуги выкатили и вынесли изъ насада «всяки поминки», взятки или подарки для московскихъ бояръ, для братьевъ великаго князя и для него самого. Новгородцы уже знали «московски свичаи и обычаи»: къ москвичамъ нельзя было являться съ пустыми руками... «Пустая-де рука ничего не беретъ, и сухая-де ложка ротъ деретъ».

Тутъ были и вина, и сукна, и шелки, и объярь, и всякое заморское узорочье...

Начались поклоны, доклады: доложились боярамъ и поклонились поминками.

Бояре поминки приняли и покрутили головами: «мы ничево-ста не могимъ... и на пресвѣтлыя очи показаться не дерзаемъ... мы-ста холопи... мы-ста черви, а не человѣки, поношеніе человѣкомъ... мы-ста доложимся ихъ милостямъ, рожонымъ братцамъ осударя всеа Русіи»...

Доложились ихъ милостямъ... Поклонились поминками.

Ихъ милости поминки приняли и головами покрутили: «мы-де тоже ничево-ста не могимъ... мы-де тоже холопи великаго князя осударя всеа Русіи... какъ опъ... мы-ста доложимся»...

А новгородцы все клапяются... «Фу! Вотъ земелька! Все клапяйся, да клапяйся... Экъ ихъ вышколили татары на поклонахъ!»...

Доложились великому князю... И слушать не хочетъ, и на очи не пускаетъ... Заряженный сидитъ въ своей татарской шапкѣ, «аки вепрь»...

Братья упрашиваютъ, умаливаютъ сжалиться надъ своею отчиною, положить гнѣвъ на милость...

— Не положу; дондеже не сокрушу...

Наконецъ, сжалился.

Ввели новгородцевъ въ шатеръ. Шатеръ, словно церковь, а на возвышеніи возсѣдаетъ «самъ», холодный, каменный, какъ Перунъ... Бояре и князья полукругомъ, очей поднять не смѣютъ, и Степанъ Бородатый шепчетъ псаломъ четыредесятый: «помилуй мя, Боже, по велицей... охъ!»...

Новгородцы пали ницъ... Перунъ хоть бы вѣкой пошевелилъ, камень и холодъ... «Помяни, Господи, царя Давида», шепчетъ «лукавъ человѣкъ» Лука, лежа окарачъ вмѣстѣ съ прочими... Сопутъ новгородцы отъ непривычки кланяться... Приподнялись, не глядитъ Перунъ: это не глаза, а стекла, мертвыя, холодныя...

Владыка складываетъ дрожащія руки словно на моленіе.

— Господине!—со слезами въ горлѣ восклицаетъ опъ.—Великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи милостивый! (Голосъ его срывается, взвизгиваетъ). Господа ради, помилуй виновныхъ передъ тобой людей Великаго Новагорода, отчины своей... (Владыка не можетъ говорить—всхлипываетъ)...

Моргаетъ и «лукавъ человѣкъ»... У кого губы дрожатъ, у кого руки... А у Перуна все тотъ же стеклянный взглядъ...

— Покажи, господине, свое жалованье! — плачетъ вла-

дыка.—Смилуйся надъ своею отчиною... Уложи гнѣвъ и уйми мечъ!—выкрикиваетъ онъ.

Слезы текутъ по лицу, по бородѣ... Нѣтъ словъ, нечего больше говорить... Камень, холодный камень передъ нимъ на возвышеніи...

— Охъ! Угаси, господине, огнь на земли и не порушай старины земли твоея... Дай свѣта видѣть безотвѣтнымъ людямъ твоимъ! Смилуйся, пожалуй, какъ Богъ положитъ тебѣ на сердце!

Молчитъ, хоть бы слово, хоть бы движеніе.

Всѣ опять повалились на земь, колотятся головами... А онъ все такой же каменный...

Стали упрашивать братья—молчитъ!

Повалились въ ноги бояре—молчитъ!.. «Сокрушу до конца»...

Бородатый выручилъ... Онъ зашуршалъ бумагой. Великій князь глянулъ на него и увидалъ у него бумагу, вспомнилъ: то была грамота митрополита—сжалиться надъ Новгородомъ.

Глаза Перуна ожили, онъ «прорекъ», по выраженію Бородатаго, «словеса огненны».

— Отдаю нелюбье свое. Унимаю мечъ и угрозу въ земли. Отпускаю полонъ новгородскій безъ окупа. А что залоги старые и пошлины, и о всемъ томъ укрѣпимся твердымъ цѣлованьемъ по старинѣ.

Но холодомъ вѣяло отъ этихъ «огненныхъ словесъ»... На этотъ разъ туча прошла мимо Новгорода...

XVIII. Послѣдній посадникъ и послѣдній вѣчный дьякъ.

Дорого обошлась Новгороду несчастная попытка отстоять свою вѣковѣчную волю.

— Эхъ, колоколушко, колоколушко! — изливалъ вѣчевой звонарь свое горе передъ нѣмымъ собесѣдникомъ своимъ, задумчиво качая сѣдою головой.—Оставили тебя, родимаго, намъ на радость вороги наши, насытились, окаянные, новогороцкою кровушкой и прочь пошли... А ты виси, виси, колоколецъ родной, виси до страшнаго суда.

А на ворона онъ все продолжалъ сердиться за его людоѣдство.

— Эхъ, ты, человѣкоядецъ подлой!.. Може за твои окаянства все это сталось... Шутка сказать, сколько народу полегло

у Коростыня да у Шелони, а туто еще копейное добивай ему, аспиду, за нашу-де проступку... А какова наша проступка? Старину держать хотимъ, эхъ! Такъ вотъ и добивай ему, аспиду, копейное, на рожество полтретьи тысячи, да на крещенье три тысячи, да на великъ день пять тысящей, легко молвить! Да опять таки и на успленье пять, эхъ!—высчитывалъ онъ по пальцамъ то, что Новгородъ долженъ былъ выплатить великому князю «окупа» или «копейнаго добить» за свою послѣднюю проступку.

— Вотъ ты и сочти, сыроядецъ подлой!.. Что клевъ-отъ чистишь? Али опять человѣчинку клевалъ? Чево жъ ее не клевать? По всей землѣ новгородской аспиды человѣчины горы наметали, да еще и копейное добили, эхъ!.. А съ Коземиромъ-де Новгородъ ни-ни! Не моги!.. Эхъ, Марѳа, Марѳа! Не задалось насъ съ тобой.

И онъ опять считалъ по пальцамъ, опять поглядывалъ на колоколъ...

— Что-жъ на то воля божья... Только живи ты, колоколушко, а мы наше наверстаемъ: была бы жива съ нами наша воля да нашъ вѣчный колоколушко, такъ и мы на ноги станемъ...

Но трудно уже было Новгороду стать на ноги. Бѣда за бѣдой валились на него.

Когда москвичи ушли съ своими ратями во свояси, жители новгородскихъ селъ и пригородовъ, бѣжавшіе въ Новгородъ послѣ московскаго погрома, теперь стали возвращаться на свои пепелища. Сколько слезъ они пролили, найдя свои родныя гнѣзда разоренными! Но другихъ постигли иныя, болѣе горькія бѣдствія. Жители Русы и всего заильменскаго побережья, возвращаясь къ своимъ роднымъ пепелищамъ, закупили готовыя хоромы и на плотахъ ихъ везли на родину вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Цѣлая вереница судовъ плыла по Ильменю. Но вдругъ потемнѣло небо, завыли вѣтры, забушевалъ Ильмень... Старцы Перыня монастыря видѣли, какъ на берегу Ильменя стояла какая-то простоволосая старуха. Вѣтеръ рвалъ ея сѣдые волосы, а она стояла и руками махала на тучи: казалось, она призывала бури, громы и молніи... И громы разразились надъ Ильменемъ... Вереница судовъ и плотовъ была разбросана по озеру и поопрокидывана: все погибло въ разъяренной стихіи, и дома, и люди... Однихъ людей потонуло до семи тысячъ душъ.

Но Новгородъ все-таки крѣпился. Старыя раны заживали; жизнь снова била ключомъ. Но московскій ядъ уже дѣлалъ свое дѣло въ организмѣ вольнаго города.

Прежде новгородцы во всѣхъ дѣлахъ судились у себя дома. Теперь они иногда стали являться въ Москву съ своими жалобами. А Москвѣ это и на руку, лишь бы была прицѣпка.

Такъ прошло шесть лѣтъ. Мареа посадница стала окончательно старухой. Она уже не мечтала объ Олельковичѣ и о кіевскомъ вѣнцѣ и съ горестью вспоминала былое счастье. Исачко подрасталъ и уже думалъ, какъ онъ возмужаетъ и отмститъ Москвѣ за своего отца и дядю Ѳедора, который тоже томился въ московской неволѣ. Мать его давно была черничкой, а нѣкогда его пріятельница, ясноглазая Остромірушка, поврежденная разсудкомъ, была неузнаваема: она все твердила, что ей нечѣмъ цѣловать Христа и Христосъ отъ нея отвернулся...

Все въ Новгородѣ точно постарѣло и осунулось. Гориславa послѣ казни Упадыша по цѣлымъ часамъ сидѣла на берегу Волхова, безмолвно глядя въ воду, какъ бы ожидая, что вотъ-вотъ выглянетъ оттуда рыжая голова и поманитъ ее за собою; но рыжая голова не показывалась изъ воды. На берегу Волхова давно уже не было слышно пѣнія Гориславы, которое рыбаки принимали за пѣніе русалки.

Простоватый и добродушный Петра, сердце котораго зазнобила эта льняноволосая русалка, загулялъ съ горя и все собирался въ ратники, чтобъ прельстить свою недотрогу шеломомъ и краснымъ щитомъ.

А къ кудесницѣ все чаще и чаще навѣдывались новгородцы и все о чемъ-то съ ней шептались. Въ послѣднее время къ ней чаще всего навѣдывались вѣчный дьякъ Захаръ, что такъ хорошо разрисовалъ когда-то заставки въ грамотѣ съ королемъ Казимиромъ и который вмѣстѣ съ прочими былъ отпущенъ изъ московскаго полона, да подвойскій Назаръ.

И вдругъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1477 года Захаръ и Назаръ отправились зачѣмъ-то въ Москву.

— Вы почто къ намъ есте прибыли?—спрашивали ихъ на Москвѣ бояре.

— Къ осударю великому князю къ Иванъ Васильевичу всеа Русіи съ челобитьемъ.

— Къ осударю?—переспросили бояре, точно не слыхали.

— Къ осударю-ста,—былъ вторичный отвѣтъ.

— И ты, Захаръ, къ осударю?—новый лукавый вопросъ.

— И я-ста къ осударю.

— И ты, Назаръ, къ осударю?

— И я-ста къ осударю.

Бояре лукаво переглянулись между собою.

— Такъ стойте на томъ, что къ осударю?—опять заладили бояре.

— Да что вы наладили, къ осударю да къ осударю! Знамо, къ осударю, а не къ вамъ,—вспылилъ, наконецъ, вѣчный дьякъ.

— Добро-ста... Помните это слово...

— Помнимъ, не забыли...

— По русскому, чаю, говоримъ.

— Добро, добро, къ осударю...

Бояре оставили челобитчиковъ и торопливо пошли къ великому князю. Они доложили ему, что новгородскіе челобитчики, вѣчный дьякъ Захаръ Овиновъ да подвойскій Назаръ, въ челобитьяхъ своихъ назвали его, великаго князя, «осударемъ», и стоятъ-де на томъ накрѣпко.

По безстрастному, каменному лицу дѣда Грознаго прошло какъ бы что-то свѣтлое, не лучъ и не тѣнь, и холодные глаза холодно блеснули...

— Государемъ именуютъ, точно?—тихо спросилъ онъ.

— Точно, осударемъ, господине княже.

— И стоятъ на томъ?

— Стоятъ накрѣпко.

— Хорошо... похваляю васъ...

«Собиратель земли русской» глубоко вздохнулъ, точно бы камень свалился съ его груди; онъ нашелъ «зацѣпку», которой напрасно искалъ столько лѣтъ... Сами новгородцы назвали его «государемъ», «титло государское дали»...

Черезъ полтора мѣсяца въ Новгородъ явились послы великаго князя... «Какъ? Зачѣмъ?» Никто ничего не зналъ.

Заговорилъ вѣчевой колоколъ, замоталась изъ стороны въ сторону сѣдая голова Корнила звонаря.

Собралось вѣче. Явились на помостѣ московскіе послы.

— Шапки! Шапки долой!—послышалось въ толпѣ.

Послы были въ шапкахъ, потому можетъ быть, что видѣли, что и все вѣче не сымало шапокъ.

— Долой шапки передъ Господиномъ Великимъ Новгородомъ!—закричали уже сотни голосовъ.

— Передъ Новгородомъ, что передъ храмомъ Божіимъ, ломай шапку!

— Новгородъ, та же церква! Сымай шапки, не то сшибемъ!

Послы сняли шапки; но говорить медлили.

— Сказывайте! Почто есте посланы?—раздавались голоса.

Одинъ посолъ выступилъ впередъ, поклонился и откашлялся.

— Осударь великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи,—началъ онъ немножко дрожащимъ голосомъ, — велѣлъ спросить Новгородъ, отчину свою: какого государства онъ хочетъ?

Все, казалось, замерло послѣ этихъ словъ, точно всѣ дышать перестали. Такъ бываетъ въ воздухѣ передъ бурей, когда птицы торопятся подъ деревья, а деревья какъ бы головы склоняютъ отъ страха.

И буря разразилась. Заходили плечи и головы, замахали руки...

— Государства? Каково государства?

— Мы не хотимъ никакого государства.

— Ненадоть намъ государства!

— Мы сами государство!

Посадникъ, стоявшій рядомъ съ послами тоже безъ шапки, былъ блѣденъ. На груди его замѣтно колыхалась золотая гривна.

— Ишь, осерчали дитушки, — улыбался съ своей колокольни звонарь,—осерчалъ Господинъ Великій Новгородъ. По дѣломъ имъ, татарскимъ объѣдкамъ...

Когда буря нѣсколько утихла, московскій посолъ снова откашлялся.

— Дайте слово молвить,—началъ онъ.

— Говори, да помни, гдѣ ты!

— Великій Новгородъ,—продолжалъ посолъ,—посылалъ къ великому князю отъ владыки и отъ всѣхъ людей Великаго Новгорода пословъ своихъ, Захара да Назара, бить челомъ о государствѣ, и послы назвали великаго князя государемъ!

Эти слова вызвали новую бурю.

— Вѣче никово не посылало!

— Вѣче никогда не называло великаго князя государемъ! Какой онъ намъ государь!

— Отъ вѣка того не бывало, какъ и земля наша стала, чтобъ какого-ни-на-есть князя мы называли государемъ! Но бывало того

— Всяково князя свово мы называли господиномъ, а не осударемъ!

— Осударей у насъ не бывало и не будетъ!

— А что вашему князю сказывали, будто мы посылали, и то сказывали ложно!

— Давай сюда Захара! Гдѣ Захаръ?

— Подавай сюда Назара! Мы ихъ спросимъ!

Десятскіе бросились искать Захара и Назара. Голоса то возвышались до крику, то падали. Болѣе степенные люди просили посла объяснить имъ, какая разница между «господиномъ» и «государемъ».

— Осударь—титло.

— Что жъ такое что титло? А? Прислушайте, господо и братіе: онъ объ осударевой титлѣ намъ скажетъ.

— Какой такой титлѣ! Знать не хотимъ никакой титлы!

— Да ты допрежъ выслушай, да тогды и ори?

— Я не ору...

— Полно, слушайте, братцы!

Кое-какъ удалось угомонить крикуновъ. Они замолчали, и все стихло. Посолъ заговорилъ.

— Титло есть слово великое... Коли вы великаго князя осударемъ назвали, и то знакъ, что вы за нево задались, и тогда слѣдуетъ быть ево суду въ Великомъ Новѣгородѣ, и тіуномъ ево сидѣть по всѣмъ улицамъ, и Ярославово дворище великому князю отдать, и въ суды ево не вступатца...

Опять буря, еще сильнѣй прежней. Застонало вѣче.

— Такъ вотъ она титла!

— Кака она китла! Она не китла, а петля на шею Великому Новгороду!

— Нашли китлу: чорту ее! Къ чорту китлу!

— Не китла, а титла!

— Все едино! Одинъ чортъ на дьяволѣ!

— Захара подавайте сюда!

— Назара тащите на вѣче! Какъ смѣли они ходить въ Москву судитца и крестъ цѣловать великому князю, какъ осударю!.. Этого отъ вѣка не бывало!

— И въ докончаньи сказано, чтобы новгородца не судить

на низу, а судить въ Новѣгородѣ! Тащи сюда тѣхъ, кто ѣздилъ на низъ судитца!

— Ишь китлу выдумали! И народецъ же!

Сквозь толпу съ трудомъ протискивались десятскіе съ бердышами. Они вели виновныхъ.

— Пропусти! Вѣчново дьяка ведутъ, Захара!

— Назара пропустите, братцы, къ помосту! Пускай отвѣтъ держатъ!

Блѣдные и трепещущіе подошли виновные къ помосту. Они гляпули на посадника, тотъ не смѣлъ, повидимому, поднять на нихъ глазъ и глядѣлъ въ землю.

— Перевѣтникъ!—схватилъ за-грудки вѣчнаго дьяка ближайшій новгородецъ.—Ты былъ у великаго князя, ты цѣловалъ ему на наши головы крестъ? Сказывай!

Вѣчный дьякъ заговорилъ; но слова замирали у него въ горлѣ. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и крикливо, точно съ плачемъ, бросалъ слово за словомъ, размахивая руками.

— Точно, я былъ у великово князя... цѣловалъ ему крестъ... ино цѣловалъ въ томъ, что служить мнѣ великому государю...

— Осударю! Слышите! Это китла!

— Служить мнѣ правдою и добра хотѣть... токмо не на государя моево Великій Новгородъ.

— Опять китла! И на Новгородъ китлу накинулъ, перевѣтникъ!

— Ни-ни! Не на Новгородъ и не на васъ, свою господу и братью...

Голосъ его совсѣмъ порвался. Съ лица крупными каплями катился потъ... Онъ упалъ на колѣни...

— И Назаръ ходилъ за китлой! Сказывай, Назарьище!

Тотъ стоялъ безмолвно и только дрожалъ.

— Говори! Зачѣмъ ходилъ?

— Посадникъ...

— Что посадникъ?

— Посадникъ посылалъ...

— А! Посадникъ! И посадникъ перевѣтникъ! Продали нашу волю!

Черезъ нѣсколько минутъ вмѣсто посадника Василія Ананьина, вѣчнаго дьяка Захара Овинова и подвойскаго Назара на площади, у помоста, валялись безобразные клочки кроваваго

мяса, да кое-гдѣ въ затоптанной ногами крови серебрились на солнцѣ прядочки сѣдой бороды и сѣдой головы бѣднаго посадника Господина Великаго Новгорода.

— Не дамъ тебѣ, подлому, мясца ихово, каркай не каркай,—бормоталъ звонарь, грозя кружившемуся надъ площадью и каркавшему ворону и сметая метлой въ одну кучу остатки тѣлъ погибшихъ: посадника, вѣчнаго дьяка и подвойскаго.— Не дамъ ни волоса, не каркай...

Немного осталось этихъ «остатковъ»—реликвій: все прочее разнесли на сапогахъ да на лаптяхъ худые мужики вѣчники... Экое времячко!

XIX. Иванъ Васильевичъ у гроба Варлаама хутынскаго.

Въ декабрѣ того же года Новгородъ обложенъ былъ московскими войсками, которыя опоясывали его точно кольцомъ удава, постоянно, день-за-день, суживавшимся.

Сначала заняты были монастыри, расположенные съ Софійской стороны—Аркажъ, Юрьевъ, Пантелеймоновъ и Мостищенскій вплоть до рѣки Пидьбы, гдѣ находилась рубленая изба нашего стараго знакомца «пидблянина», недруга Гюраты богатыря.

Потомъ москвичи заняли Лисичью Горку, Городище, Волотово, Сковородку, Ковалевъ, Деревяницу и, наконецъ, Перынь и Хутынь.

Вѣчевой звонарь не сходилъ съ колокольни и все наблюдалъ за движеніями непріятеля.

— Вонъ, аспиды, и Городище опоганили, и Перынь и Хутынь, поди, конскимъ каломъ позаметывали,—бормоталъ онъ, по цѣлымъ часамъ глядя на движенія въ московскомъ станѣ.

Воронъ опять сталъ часто пропадать, каждое утро улетая за городъ.

— Что, подлый сыроядецъ!—ворчалъ на него старикъ.— Али опять человѣчинкой промышляешь?.. Эхъ, подлый, подлый!

Но тѣмъ дороже становился для него вѣчевой колоколъ. Сердце старика чувствовало, что изживаютъ они съ нимъ свои послѣдніе деньки, хотя о сдачѣ Новгорода и объ уничтоженіи вѣча еще не могло быть и рѣчи.

— Ахъ, колоколушко, колоколушко!—горестно моталъ онъ

головой.—Лучше бъ умереть мнѣ тутай на колокольнѣ, нечѣмъ видѣть тебя въ московской неволѣ.

Иногда старикъ, какъ бы забывая все окружающее, грозилъ кому-то кулакомъ по направленію къ московскому стану.

— У-у, мукобряне *), московски мыши! Всю новогорцку муку пожрали!

Приближались рождественскіе праздники. Смутно было въ Новгородѣ передъ этими послѣдними праздниками, но зато особенное оживленіе проявляли москвичи. Съ обѣихъ сторонъ готовились къ послѣднему рѣшительному бою, и Москва дорого бы поплатилась, еслибъ она рѣшилась напасть теперь на это гудѣвшее отчаянной рѣшимостью гнѣздо шмелей.

Но московскій князь былъ хитеръ: онъ зналъ, что лучше истомить ихъ истомой, изволочить до отчаянья московской волокитой, взять изморомъ... И онъ морилъ ихъ, сидя въ своемъ станѣ да разъѣзжая на богомолье по занятымъ его ратями монастырямъ.

— Чево, аспиды мукобряне, развозились, словно мыши въ соломѣ?—ворчалъ звонарь, замѣтивъ однимъ утромъ особенное движеніе у москвичей.

По льду, по Волхову, ѣхала цѣлая вереница саней, высились на коняхъ вершники. Шествіе, казалось, направлялось къ Хутынскому монастырю.

— Али Хутынь поганить поплелись, мукобряне?—продолжалъ ворчать старикъ.

Онъ замѣтилъ, что и воронъ туда же полетѣлъ, и на него тоже поворчалъ: «совсѣмъ перемосковился».

Это великій князь, дѣйствительно, ѣхалъ на богомолье въ Хутынскій монастырь. Шествіе обставлено было всѣми признаками величія. Князя сопровождала толпа бояръ и дружина латниковъ, а въ числѣ приближенныхъ находился и Степанъ Бородатый, особенно заполонившій Іоанново сердце мудрыми изреченіями изъ писанія, которыя онъ ловко умѣлъ подтасовывать подъ московское міровоззрѣніе.

Въ монастырѣ великаго князя встрѣтилъ игуменъ Наѳанаилъ съ братіею. Иванъ Васильевичъ прямо изъ саней напра-

---

*) «Мукобрянами» назывались жившіе на Городищѣ московскіе служилые люди, получавшіе отъ Новгорода продовольствіе (отъ «мука» и «брать»).

вился къ церкви, опираясь на дорогой массивный жезлъ свой, украшенный самоцвѣтными камнями и съ рукоятью на подобіе жезла Ааронова.

Всходя на паперть, онъ замѣтилъ сидящую на одной изъ ступенекъ крыльца молоденькую дѣвушку, которая грустно глядѣла куда-то въ сторону, ни на кого не обращая вниманія. Ни приближеніе великокняжескаго поѣзда, ни топотъ лошадей всадниковъ, ни самое шествіе къ паперти князя со свитою и монастырскою братіею—ничто не вывело ее изъ созерцательнаго состоянія. Она была одѣта хорошо, даже богато, а миловидное личико приковало къ себѣ общее вниманіе. Великому князю показалось даже, что это личико ему знакомо, что онъ видѣлъ его гдѣ-то, любовался имъ... Особенно эти задумчиво созерцающіе что-то свѣтлые, невинные глаза...

Иванъ Васильевичъ невольно остановился.

— Кто сія дѣвица?—тихо спросилъ онъ игумена.

— Се агнецъ, стригущему его безгласенъ,—былъ уклончивый отвѣтъ.

— Юродивая Христа ради?

— Ни, господине княже: Господь взялъ у нея разумъ.

— А каково она роду, отче?

— Болярсково, господине княже.

— И я такъ гадалъ въ умѣ своемъ... Думается мнѣ, я ее допрежъ сего видѣлъ.

— Не токмо видѣлъ, но и на рукахъ своихъ пестовалъ, господине княже.

Безстрастное лицо Ивана Васильевича выразило изумленіе

— Пестовалъ?.. Кто же она?

— Григоровичева дщерь, Остроміра.

— Остромірушка! — невольно вырвалось восклицаніе изъ устъ, рѣдко выражавшихъ удивленіе, а еще рѣже говорившихъ то, что чувствовалось.

Онъ зналъ Остроміру еще дѣвочкой. Наѣзжая иногда въ Новгородъ, какъ въ свою отчину, и гостя то у Марѳы посадницы, то у Григоровичей, онъ любилъ ласкать эту хорошенькую дѣвочку и часто бралъ ее къ себѣ на колѣни, а она, играя его бородой, часто смѣшила наивными вопросами:—«отчего, напр., тебя зовутъ великимъ, а батю не зовутъ,—а батя выше тебя»;

или—«отчего у тебя глаза такіе, какъ на образѣ» и т. п. Теперь онъ узналъ ее и подошелъ къ ней.

— Остромірушка!—окликнулъ онъ ее.

Дѣвушка какъ бы опомнилась, поднялась со ступеньки и поглядѣла своими прекрасными глазами на великаго князя.

— И у тебя лица нѣтъ,—грустно сказала она,—и тебѣ нечѣмъ Христа цѣловать... Одни глаза... глаза какъ на образѣ, не смѣются...

Князь изумленно глянулъ на Наѳанаила.

— Что говоритъ она?

— Ей видится, господине княже, что у тебя лица нѣтъ.

По лицу великаго князя прошла тѣнь какого-то суевѣрнаго страха. Онъ перекрестился...

— Господи, спаси... Лица нѣту...

— Отжени отъ себя сомнѣніе, господине княже,—успокоивалъ его старецъ,—на семъ помутился ея разумъ... Памятуешь, господине княже, коростынскую битву.

— Помню... Что жъ изъ сего?

— Въ той битвѣ, господине княже, твои ратные люди урѣзали великое множество носовъ и губъ у новгородскихъ полонянниковъ. А у Остроміры былъ женихъ, и у него бысть урѣзано лице. Какъ увидала она безобразіе лица жениха своего, съ той поры и кажется ей, якобы люди стали безъ лицъ... На семъ она и помѣшалась...

При этомъ разсказѣ на лицо великаго князя легла мрачная тѣнь. Онъ глянулъ на Остроміру, которая опять созерцала, казалось, что-то внѣ всего ея окружающаго, и что-то вродѣ упрека совѣсти заговорило въ немъ зашевелилось въ сердцѣ, подступило краской къ лицу.

— Вси бо пріемшіи ножъ, ножемъ погибнутъ,—какъ бы про себя проговорилъ Бородатый.

— Такъ-такъ, Степанъ, воистину,—глянулъ на него великій князь,—новгородцы на меня пріяли ножъ, и сбысться надъ ними писаніе.

— Еже сказахъ, сказахъ,—снова подковырнулъ Степанъ по-московски.

— Воистину: еже сказахъ, сказахъ,—согласился и великій князь.

Бояре рты поразинули отъ восторга, а старецъ Наѳанаилъ ничего не сказалъ; онъ только вздохнулъ.

Великій князь еще разъ взглянулъ на Остроміру, взошелъ въ церковь.

Послѣ обычныхъ поклоновъ и лобызанія мѣстныхъ иконъ онъ направился къ гробу чудотворца Варлаама и поклонился ему до земли. Губы его что-то судорожно шептали, когда онъ поднялся съ полу... «У тебя лица нѣтъ», все еще казалось, слышался ему тихій и грустный голосъ отроковицы Остроміры... Онъ невольно провелъ рукою по лицу.

— Почему вы не открываете раки чудотворцевой и не прикладываетесь къ мощамъ его?—спросилъ онъ Наѳанаила.

— Не дерзаемъ, господине княже,—былъ отвѣтъ.

«Зачѣмъ? Кто благословилъ?»... Глаза Спасителя не отрывсѣмъ мощамъ прикладываются и цѣлуютъ ихъ, аки икону.

— У насъ такова обычая ниту, господине княже.

— А я имѣю усердіе облобызать святителевы мощи.

— Намъ, господине княже, невѣдомы его мощи.

— Какъ невѣдомы?

— Невѣдаемъ мы, господине княже, гдѣ положены оныя, верху ли земли, подъ землею ли...

— Такъ подобаетъ открыть ихъ...

— Ни́кто же ставитъ свѣтильникъ долу, ино на горѣ, — опять съехидничалъ Бородатый изъ писанія.

— Истину говоришь, Степанъ, похваляю,—одобрилъ его великій князь—я хощу поставить свѣтильникъ Великаго Новагорода, отчины моей, мощи Варлаама чудотворца—горѣ.

Игуменъ молчалъ. Братія смущенно поглядывала на него. Бояре заискивающе заглядывали въ глаза своего повелителя.

— Точно, съ мощами бы куда какъ охотнѣе.

— Знамо, и молитва крѣпче при мощахъ живетъ.

— Чево жъ лучше! При мощахъ оно точно горазже...

Великій князь глянулъ на Наѳанаила. Тотъ понялъ, что это былъ нѣмой вопросъ, надо отвѣчать.

— Господине княже! — началъ онъ, смущенно перебирая четки.—Искони никто не смѣлъ видѣть чудотворцевыхъ мощей, ни князи, ни архіепископы, ни боляре...И такъ повелось искони и до нашихъ дней ведется, дондеже самъ Богъ не благословитъ, и чудотворецъ Варлаамъ самъ не явится и не повелитъ... А сами мы не дерзаемъ.

Противорѣчія стараго чернеца, притомъ истаго новгородца,

начинали, видимо, сердить великаго князя. Онъ и тутъ начиналъ усматривать духъ непокорства «новгородчины». Ему казалось, что это дѣлалось въ укоръ ему, въ обиду. При всемъ своемъ желѣзномъ самообладаніи онъ любилъ переламывать именно тѣхъ, у кого замѣчалъ сходныя съ собою качества... «А! Кремень—такъ я же высѣку изъ тебя огонь: меня и мощи новгородскія послушаются»...

— Что ты говоришь! — сказалъ онъ громко, но хладнокровно.—Вонъ Іоаннъ Предотеча не вашему Варлааму чета, а и то руку его показываютъ въ Цареградѣ... Вѣдомо тебѣ сіе?

— Вѣдомо, господине княже.

— Тото же... А то на!.. Самово Крестителя ручку показываютъ въ день ево рожества: коли ручка простретъся, и тогда Богъ даруетъ землѣ изобиліе, а коли согнетъ перстики свои ино бываетъ скудость плодовъ и земное нестроеніе... Такъ, Степанъ?

— Истинно такъ, господине княже,—поспѣшилъ отвѣтить Бородатый,—самъ Предотеча, чу, что преди Христа текъ,—загнулъ онъ филологическую штуку.

Наѳанаилъ опять молчалъ. Великій князь все болѣе и болѣе каменѣлъ въ своемъ упрямствѣ...

— А то на! Варлаама, смердовича, равнять съ Предотечею,—видимо, волновался онъ.

— Ина слава солнцу, ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ,—подгвоздилъ Бородатый.

— И звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ,—погнался было за нимъ одинъ бояринъ, но запнулся:—такожде и... по мощамъ судя... звѣзда отъ звѣзды, значитъ... потому, потому коли звѣзда... ну, и значитъ, сказать бы, махонька... Варлаамъ, сказать бы...

Великій князь задумался. Упрямство Новгорода давно сердило его; но онъ не показывалъ этого. Онъ никому сроду не показывалъ своей души, а тѣмъ паче сердца, есть ли оно у него. Онъ ничего, повидимому, не предпринималъ самъ, ничего не начиналъ, но подводилъ такъ, что другіе начинали, а онъ ихъ только прихлопывалъ, говоря: «вы того хотѣли—на то воля Божія»... Во всякомъ дѣлѣ онъ какъ бы былъ исполнителемъ общаго хотѣнія, онъ во всемъ совѣтовался съ матерью, съ братьями, съ боярами, всѣхъ выслушивалъ, каждое ихъ слово

заносилъ въ свою память, десять разъ взвѣшивалъ его, перевѣшивалъ, уважалъ чужое мнѣніе, каково бы оно ни было, держась пословицы—«всѣ умнѣе одного», и часто повторяя, что «у всеа Русіи голова больше чѣмъ у ея государя»—и всегда дѣла его были какъ бы отголоскомъ, исполненіемъ завѣтной думы «всеа Русіи». Только прислушиваясь къ голосу «всеа Русіи», онъ сумѣлъ «собрать» ее воедино...

Такъ и тутъ, у гроба Варлаама. Онъ глубоко вѣрилъ божественной силѣ мощей. Ему казалось, что если онъ вынетъ изъ-подъ спуда мощи Варлаама угодника и почтитъ ихъ, какъ онъ почиталъ мощи московскихъ святителей, Варлаамъ будетъ его невидимымъ союзникомъ и сломитъ «рогъ» упрямаго Новгорода... Окружающіе его бояре поддерживали въ немъ это, запавшее въ него, хотѣніе. Значитъ, такъ надо: онъ дастъ Новгороду сокровище нетлѣнное и славу, онъ горѣ поставитъ свѣтильникъ новгородской земли...

Онъ рѣшился. Онъ тотчасъ же приказалъ позвать монастырскихъ каменщиковъ съ ломами, заступами, лопатами и велѣлъ при себѣ открывать мощи угодника.

Глухо стучали о каменный помостъ тяжелые желѣзные ломы и отдавались въ куполѣ храма. Упорный цементъ не легко поддавался усиліямъ рабочихъ. Гранитныя плиты помоста то-и-дѣло брызгали искрами. Игуменъ и монахи, стоя въ сторонѣ, при каждомъ ударѣ лома, испуганно крестились и вздыхали, точно желѣзо било ихъ по сердцу. Въ церкви, въ короткій декабрьскій день, все болѣе и болѣе темнѣло: свѣчи у образовъ чуть теплились и бросали длинныя тѣни отъ раки Варлаама, отъ аналоевъ, отъ бояръ, стоявшихъ полукругомъ, отъ черныхъ фигуръ монаховъ. Всѣ лица казались блѣдными, мертвенными. И лицо великаго князя было сумрачно блѣдное...

Онъ думалъ: хорошо ли онъ поступаетъ, что, не узнавъ воли самого святителя, онъ дерзнулъ потревожить его прахъ? А если святителю не приспѣло время выйти изъ-подъ спуда? Что если онъ поразитъ дерзкаго своимъ гнѣвомъ?

Ему стало страшно. Чернецы, смущенно стоявшіе въ отдаленіи, казались ему какими-то призраками, тѣнями. Изъ-подъ желѣзныхъ ломовъ все болѣе и болѣе сверкали искры. Гдѣ-то надъ церковью каркалъ воронъ, и великому князю слышалось, будто бы онъ человѣческимъ голосомъ выговариваетъ какое-то слово.

Онъ глянулъ на ликъ Спасителя, тускло освѣщенный лампадкою. Большія очи Христа смотрятъ съ укоризною?.. «Зачѣмъ ты это дѣлаешь? Кто благословилъ тебя?»..

А стукъ ломовъ все глуше и глуше. Все глубже взрывается каменистая почва могилы святителя. Искры снопами вылетаютъ изъ темнаго зѣва могилы...

— Зачѣмъ же? У насъ на Москвѣ таковъ обычай, что кланяются отъ него, въ душу смотрятъ...

Что-то треснуло въ лампадкѣ и вспыхнуло—и еще ярче, еще укоризненнѣе выглянулъ ликъ Спасителя изъ-за золотого вѣнчика, словно изъ-подъ терноваго вѣнца... Глубоко смотрятъ божественныя очи, все видятъ, они зрятъ незримое—душу его зрятъ... А какова его душа? Что въ ней? Не мерзость ли запустѣнія?..

«О, не смотрите, божественныя очи!» хочется простонать ему, и онъ слышитъ, какъ волосы на головѣ становятся живыми, шевелятся, отодвигаются другъ отъ дружки, словно сами себя боятся...

И опять каркаетъ воронъ...

Отъ входныхъ дверей отдѣлилась какая-то тѣнь и двигается, двигается ближе къ разрываемой могилѣ...

Не самъ ли святитель?.. Не пришелъ ли онъ взглянуть, что дѣлаютъ съ его вѣчнымъ жилищемъ?..

— За что вы лицо его взяли?—шепчетъ тихій голосъ.

— О-охъ! Преподобне, помилуй! — слышится стонъ изъ среды чернецовъ.

Густая бѣлая пыль выходитъ изъ отверстія ямы, точно дымъ... Не дымъ ли это? Не огнь ли, поломя?

Церковь колеблется... Каменныя плиты подъ ногами двигаются... Свѣчи и лампады тускнѣютъ и колеблятся, и ликъ Спасителя отдѣляется отъ стѣны...

Что это?.. Это не чернецы... ихъ лица мертвыя... И у бояръ мертвыя лица, и у Степана Бородатаго...

Опять каркнулъ воронъ у самаго окна... Что это! Онъ каркаетъ «Варламъ, Варламъ?»...

— Дымъ, дымъ... огонь изъ могилы...

— Господи, помилуй! Точно дымъ и огнь.

Великій князь затрепеталъ; первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ неодолимый ужасъ...

— Бросьте! Бросьте! Не копайте! Господи, помилуй насъ... Чудотворче Варлааме! Прости мя, грѣшнаго...

И точно гонимый невидимою силою онъ бросился изъ церкви, стуча жезломъ о каменный помостъ... «Господи! И тутъ пламя!»... Изъ-подъ желѣзнаго наконечника жезла вылетали искры...

— Помилуй мя, Боже, по велицей милости... охъ! Что это?

Бояре, при всей своей татарской солидности и холопской важности, также испуганно метнулись за великимъ княземъ, словно овцы, крестясь и повторяя: «охте—хте! Батюшки! Святъ-святъ-святъ!»...

А великокняжескій жезлъ все стучитъ о гранитныя плиты помоста церковнаго, паперти, крыльца, и огненныя брызги по пятамъ преслѣдуютъ бѣглеца...

— Чуръ—чуръ—чуръ!—Охте намъ! Охте!

Въ концѣ каменныхъ мостковъ, ведущихъ изъ монастыря, великокняжескій жезлъ въ послѣдній разъ ударяется о гранитъ и извлекаетъ изъ него искры...

— Карръ! Карръ! Карръ! Варрламъ! Варрламъ! — каркалъ надъ головою ужасный воронъ.

Иванъ Васильевичъ бросилъ жезлъ и торопливо сѣлъ въ сани, едва успѣвъ опереться на плечи отроковъ.

— Въ станъ! Въ станъ! Домой!—хрипло торопилъ онъ возницу и вершниковъ.

Поѣздъ быстро двинулся назадъ, а вслѣдъ ему доносилось карканье страшнаго ворона.

XX. Послѣдніе дни Новгорода.

Настали страшные, послѣдніе дни для Новгорода.

Москвичи все туже и туже затягивали мертвую петлю, которою они исподоволь душили несчастный городъ. У новгородцевъ не хватало съѣстныхъ припасовъ, а подвозъ былъ отрѣзанъ. Начался голодъ. Люди пухли отъ голодовки и мерли. Въ городѣ начался моръ, ужасный бичъ въ тѣ времена, когда еще не существовало ни докторовъ, ни медицины. Люди заболѣвали и умирали, прибѣгая къ единому врачу и къ единственному лѣкарству, къ попу и причастью.

Больные ложились на лавки и съ восковыми свѣчами въ рукахъ умирали.

Мертвыхъ хоронить было негдѣ, кладбища были въ рукахъ у непріятеля, и новгородцы едва-едва присыпали своихъ мертвецовъ снѣгомъ да приметывали соломкой да навозомъ.

«Вѣчному» ворону уже нечего было летать за добычей въ московскій станъ: человѣчины вдоволь было и въ городѣ. Новгородское воронье такъ отъѣлось за это время, что просто хоть на убой...

Прошли первыя святки, ужасныя святки, какихъ никогда не приходилось справлять новгородамъ, никогда съ той поры «какъ и земля ихъ стала»...

Вѣчевой звонарь только глядѣлъ на свой колоколъ и почти не осушалъ своего единственнаго глаза.

— Ахъ, колоколушко мой, колоколушко! На ково то ты насъ покидаешь, кому насъ, сиротъ, приказываешь? — тихо причиталъ онъ, качая своею бездольною головою, ибо слухъ прошелъ, что великій князь порѣшилъ: «вѣчу не быть, колоколу не быть и посаднику не быть».

Пришло совсѣмъ погибать Новгороду, онъ безъ войны вымиралъ «наглою смертью».

Тогда сзвонилось послѣднее вольное вѣче, звонарь навзрыдъ рыдалъ, колотя желѣзнымъ языкомъ въ мѣдные края колокола, и новгородцы въ послѣдній разъ отправили къ великому князю пословъ: владыку Ѳеофила, всѣхъ архимандритовъ, игуменовъ и священниковъ семи соборовъ новгородскихъ, степенныхъ посадниковъ тысячскихъ, старостъ и житыхъ людей отъ всѣхъ «концовъ».

Великій князь велѣлъ ихъ позвать къ себѣ на очи. Онъ стоялъ въ это время на Городищѣ.

И вотъ въ княжескую палату вступило все оставшееся величіе Господина Великаго Новгорода, все то, чѣмъ заправлялась великая сѣверная страна, не знавшая ни войнъ, ни поборовъ, а развивавшая свою силу, богатство и энергію вольнымъ трудомъ и свободою личности.

Робко вступили послы великой страны. Это уже были не тѣ смѣлые представители воли: воля не спасла вольныхъ людей, ихъ побѣдили, какъ это всегда бываетъ, невольники и хо-

лопы. Несчастія родины, горе и личныя страданія провели неизгладимыя борозды «черты и рѣзы» на ихъ лицахъ.

Лицо великаго князя было все то же лицо сфинкса, каменное, холодное, неподвижное. И бояре попрежнему стояли истуканами, и Степанъ Бородатый смотрѣлъ своими круглыми птичьими глазами, точно собирался зловѣще каркать отъ писанія.

Послы поклонились земно. Голова великаго князя хоть бы шевельнулась.

Владыка первый началъ говорить голосомъ и тономъ, какимъ онъ обыкновенно молился всенародно объ избавленіи отъ огня, меча, труса и нашествіи иноплеменныхъ.

— Господинъ великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи милостивый!—просительно возглашалъ онъ.—Я, богомолецъ твой, и архимандриты, и игумны, и вси священници седьми соборовъ новогородскихъ и вси людіе, бьемъ тебѣ челомъ! Мечъ твой ходитъ по новгородской землѣ, кровь хрестьянская льется...

Владыка захлебывался слезами. Многіе изъ пословъ также плакали.

— Смилуйся, господине, надъ своею отчиною, уйми мечъ, угаси огнь!

Онъ не могъ далѣе говорить. Его продолжалъ общій плачъ посольства, общее рыданье.

Иванъ Васильевичъ молчалъ. Рыданія оглашали палатку.

— Смилуйся, господине, не погуби въ конецъ люди твоя, свою отчину... О-охъ, милостивъ буди! Не погуби! Пожалѣй женъ и младенцы ссущія, помираемъ наглою смертію, оо!

Иванъ Васильевичъ поднялъ свои холодные, какъ стекло, глаза къ темному потолку, словно призывая небо во свидѣтели.

— Ты, богомолецъ мой, владыка Ѳеофилъ, и вы, отчина моя, Великій Новгородъ, слушайте глаголъ мой!—началъ онъ съ разстановкою, точно по писанному. — Вы сами гораздо знаете, что присылали есте къ намъ, великимъ княземъ отъ нашей отчины, Великаго Новагорода, подвойскаго Назара да вѣчнаго дьяка Захара, и они назвали насъ государями. По вашей присылкѣ и челобитью мы отправили къ тебѣ, владыкѣ, и ко всему Великому Новугороду пословъ своихъ и велѣли спросить: каково есте государства хотите вы въ Великомъ Новѣгородѣ? Вы заперлись и сказали есте, что пословъ-деи къ намъ не при-

сылывали, и на насъ, великихъ государей, взваливали, якобы мы чинимъ надъ вами насиліе, и тѣмъ ложь положили на насъ, своихъ государей. Много и иныхъ неисправленій чинится отъ васъ; токмо мы все ждали вашего обращенія, а вы есте явились паче того лукавнѣйшими. За сіе мы болѣе не возмогли терпѣть и положили итти на васъ ратью, по Господнему словеси (при этомъ ораторъ покосился на Степана Бородатаго: «слушай де какъ отдеру изъ писанія»): «аще согрѣшитъ братъ твой, шедъ, обличи, его предъ собою и тѣмъ единымъ, и аще послушаетъ тебе, пріобрѣлъ еси брата твоего (Бородатый одобрительно кивалъ головой: «важно-де чешетъ изъ писанія»); аще же не послушаетъ тебе, поими съ собою двои или трои свидѣтели, при устахъ бо дву или тріехъ да станетъ всякъ глаголъ; аще же и тѣхъ не послушаетъ повѣждь церкви, аще и о церкви нерадѣти начнетъ, буди якоже язычникъ и мытарь» (Бородатый даже крякнулъ: «ну и отодралъ же ахъ!»). Вотъ мы такъ и учинили— продолжалъ великій князь, хорошо понявъ крякъ Бородатаго,— посылали къ вамъ, отчинѣ своей: престаните отъ злобъ вашихъ. А вы не восхотѣли и вмѣнилися намъ яко чужи... И мы, положа упованіе на Господа Бога и Пречистую его Матерь, и на святыхъ, и на молитвы прародителей своихъ, пошли на васъ за ваше неисправленіе.

Великій князь умолкъ. Онъ самъ чувствовалъ всю неправоту рѣчи своей: не того добивался онъ отъ Новгорода, не исправленія его, а того, чтобы въ конецъ добить этого опаснаго, сильнаго сосѣда, эту энергическую народность, еще не деморализованную неволей и восточнымъ холопствомъ. И онъ вспомнилъ свое бѣгство изъ Хутынскаго монастыря, мрачную могилу, огонь и дымъ, карканье ворона, потерю жезла... Ему холодно стало... «Такіе у нихъ и угодники разбойники, какъ они сами», мелькнуло у него въ умѣ...

Посольство безмолвно плакало. Великій князь сдѣлалъ неопредѣленный знакъ рукой и, шурша шелками своего одѣянія, вышелъ въ другую палату.

Новгородцы стояли въ какомъ-то оцѣпенѣніи... Суровый попрекъ на всѣ ихъ моленія и слезы и больше ничего... Съ чѣмъ же они воротятся въ Новгородъ? Что скажутъ городу? Съ чѣмъ явятся на вѣче?

Владыка безпомощно перекрестился.

— Господи! Не яко же мы хощемы, но яко же хощеши ты.

Къ нимъ подошелъ Степанъ Бородатый и лукаво глянулъ на своихъ московскихъ бояръ: «мекайте де—я имъ загну калачъ московской, не разогнутъ»...

— Не по пригожу вы, отцы и братіе, челомъ бьете,—таинственно сказалъ онъ новгородцамъ,—и какъ васъ, великому государю на томъ челобитьѣ жаловать?... Не попригожу...

— Почто не пропригожу?—удивился владыка.

— Мекайте сами,—загадочно отвѣтилъ Бородатый.—А захочетъ великій Новгородъ бить челомъ, и онъ знаетъ, какъ ему бить челомъ.

На словѣ какъ онъ сдѣлалъ удареніе. Въ этомъ удареніи слышалось что-то роковое для Новгорода, грозное, зловѣщее, безповоротное рѣшеніе его судьбы...

Послы оставались въ станѣ, ихъ не отпускали въ Новгородъ, не давали «опасной грамоты» или пропуска: ихъ съ умысломъ томили.

А Новгородъ между тѣмъ ждалъ ихъ возвращенія. Что тамъ происходило, того и старецъ Наѳанаилъ, послѣдній новгородскій лѣтописецъ, не въ силахъ былъ передать: «за слезами убо не видѣлъ ни листа, на чемъ писать, ниже куда тростію скорописною мокать»...

Въ отчаяніи новгородцы все еще укрѣплялись, насыпали валы острожные, и изъ мертвыхъ, не доѣденныхъ собаками и воронами тѣлъ человѣческихъ, прикрытыхъ кое-какъ мерзлою землею, дѣлали себѣ бойницы и засѣки.

Вѣче уже не собиралось, а вѣчевая площадь и всѣ улицы такъ просто стопали голосами... Вѣчный звонарь все это видѣлъ и, сидя подъ колоколомъ, коченѣющими руками шилъ себѣ саванъ.

Мареа надѣла суровую власяницу на свое нѣжное пухлое тѣло и ходила по больнымъ и умирающимъ, разнося имъ милостыню успокоенія ради душъ болярина Димитрія, старшаго своего сына, и новопреставленнаго болярина Ѳеодора, младшаго сына, о которомъ она узнала, что онъ недавно умеръ въ заточеніи, гдѣ-то въ далекомъ Муромѣ... Какъ горькое безуміе прошлаго, она часто вспоминала о князѣ Олельковичѣ и представляла княжескую корону на своей сѣдой головѣ... «О, суета суетствій!»... А какъ сладка была эта суета.

Послы все томились въ московскомъ станѣ, моля допустить ихъ вновь на очи великаго князя. Вмѣсто князя къ нимъ являлся Степанъ Бородатый.

— Не попригожу, не попригожу, бьете челомъ,—твердилъ онъ новгородцамъ,—для чего вы отпираетесь отъ тово, съ чѣмъ пріѣзжали на Москву Захаръ да Назаръ, и не объявили, каково государства хотите вы, и тѣмъ возложили на великаго государя ложь.

— Мы не лгали,—оправдывались новгородцы.

— А не лгали, такъ не попригожу бьете челомъ... А восхощетъ Великій Новгородъ великимъ княземъ бить челомъ, и онъ самъ знаетъ, какъ бить челомъ, — снова заканчивалъ онъ своимъ ядовитымъ намекомъ.

Это было убійственное томленіе человѣка, котораго присудили къ повѣшенію, такова была политика «собирателя русской земли!».. «Затѣмъ-де сами не смекнете, что вамъ дѣлать? Сами-де принесите на себя петлю и сами на ней повѣсьтесь, такова-де наша воля»...

— Не попригожу, не попригожу, — потиралъ онъ свои пухлыя руки.

Новгородцы, наконецъ, съ отчаянья повинились въ томъ, въ чемъ никогда не были виновны: приняли на себя личную вину Захара да Назара, которыми имъ постоянно кололи глаза.

— Мы винимся въ томъ, что посылали Назара да Захара и передъ послами великаго князя заперлись,—проговорили они свой приговоръ.

Бояре пошли къ великому князю и вскорѣ воротились отъ него съ отвѣтомъ.

— А коли вы,—отвѣчалъ онъ черезъ бояръ,—коли вы, владыка и вся отчина моя, Великій Новгородъ, предъ нами, великими князьями, виноватыми сказались и сами на себя свидѣтельствуете и спрашиваете, каково государства мы хотимъ...

— Мы о семъ не спрашивали и не спрашиваемъ,—перебилъ одинъ изъ новгородцевъ.

— Не перебивай слово государево,—сердито остановилъ его Бородатый,—слово государево, что литургія, перебивать не годится, ни-ни!

Бояринъ продолжалъ по заученному: «и спрашиваете, каково государства мы хотимъ, то мы хотимъ такого государства

въ нашей отчинѣ, Великомъ Новѣгородѣ, какъ у насъ на Москвѣ».

Новгородцы въ отчаяньи опустили руки. Заставили таки ихъ принести на себя веревку и свить мертвую петлю! «О, московское лукавство!» колотилось въ сердцѣ у владыки, но онъ смолчалъ.

Тогда новгородцы рѣшились на послѣднее средство: подѣйствовать на алчность московскую. Они, по опыту, знали, что это была за бездонная копилка «казна осударева», какъ на Москвѣ любили изреченіе изъ новаго московскаго евангелія: «чтобы нашей осударевой казнѣ было поприбыльнѣе».

— Пускай бы великій князь,—предложили они,—бралъ съ насъ на каждый годъ со всякой сохи по полутривнѣ, держалъ бы намѣстниковъ своихъ и въ пригородахъ, какъ въ Новгородѣ, токмо чтобъ судъ былъ по старинѣ, не было бы вывода людей изъ новгородской земли и на службу въ низовскую землю новогородцевъ не посылали бы. А мы рады боронить рубежи, что сошлись съ новгородскими землями. Да чтобъ великій князь въ боярскія вотчины не вступался.

Опять бояре толкнулись къ великому князю и опять вынесли суровую отповѣдь. Вотъ слова великаго князя:

— Я сказалъ вамъ, что мы хотимъ такого государства, какое въ нашей низовской землѣ, на Москвѣ; а вы нынѣче сами мнѣ указываете и чините урокъ нашему государству... Такъ что жъ это за государство!

Ничто не помогало! Одно слово, налагай на себя руки... Но и въ петлѣ все еще есть надежда.

— Мы не учиняемъ урока государства своимъ государямъ, великимъ князьямъ! — въ отчаяніи всплеснулъ руками владыка.—Ино Великій Новгородъ низовскаго обычая не знаетъ, какъ наши государи, великіе князья, держатъ тамъ въ низовской землѣ свое государство?

Почва уходила изъ-подъ ногъ несчастныхъ: они уже сами говорятъ «наши государи». А давно ли за одно это слово разнесли на подошвахъ сапогъ и лаптей кровавые клочки тѣлъ посадника Василія Ананьина да вѣчнаго дьяка Захара, да подвойскаго Назара, а остатки ихъ и волосы, смѣшанные съ кро-

гавою грязью, вѣчевой звонарь защищалъ отъ своего прожорливаго ворона!

А теперь ужъ все пропало, не до словъ больше... Государи, такъ государи, все равно! Новгородъ ужъ умеръ.

— Ниту пословъ, ниту!—съ тоской посматривалъ звонарь на московскій станъ.—Померли они, чи и имъ головы урѣзали?

И онъ, словно потерявшій разсудокъ, обращался къ ворону:

— Полети, сынокъ, полети, воронушко, принеси отъ нихъ висточку...

«Со святыми упокой!»—раздавался по улицамъ Новгорода погребальный гимнъ.

Это пѣлъ слѣпой Тихикъ: онъ хоронилъ новгородскую волю, а самъ плакалъ. И что ему, слѣпому нищему, была новгородская воля! А все жаль... Да вотъ, и мнѣ, пишушему черезъ четыреста лѣтъ послѣ того, какъ она прошла и быльемъ поросла, жаль ее. А что мнѣ Новгородъ? Что мнѣ Гекуба?..

Но воронъ не приносилъ звонарю вѣсточки. Ее принесла кудесница, та старая кудесница, что жила за городомъ въ каменоломняхъ. Она, какъ знахарка, бродила по московскому стану, и тамъ ее всѣ знали.

И вотъ какъ она все узнала. На святкахъ, гуляя у князя Холмскаго, Степанъ Бородатый хватилъ черезъ край, перепилъ маленько. Послѣ этого у него сдѣлался «чемеръ» болѣзнь эдакая московская. Такъ кудесница у него якобы «чемеръ срывала», а, можетъ, была у него и по другимъ дѣламъ. Отъ него она все и узнала, и разсказала звонарю, своему старому знакомому.

— Впустили это нашихъ къ н е м у,—разсказывала она,— а е н ъ сидитъ на золотомъ столѣ, золоту палку въ рукахъ держитъ... А глазищи у е в о во-каки... А вокругъ е в о боляре тихеньки-претихеньки, словно песики махоньки... А наши-то стоять и плачуть. А е н ъ и возговорить, точно вѣчный колоколъ.

— Ну, ужъ, бабка,—обидѣлся старикъ,—далеко ему до колокола.

— Ну, не какъ вѣчной, а какъ юрьевской... Е н ъ и молвить: отдайте мнѣ Мароу посадницу, тогда я отдамъ вамъ нелюбье мое.

Дѣло было, однако же, не совсѣмъ такъ. Истомивши по-

словъ напраснымъ ожиданьемъ, великій князь велѣлъ, наконецъ, пустить ихъ къ себѣ на очи.

Когда послы вошли, то Иванъ Васильевичъ, ласково взглянувъ на нихъ, что съ нимъ рѣдко бывало, подошелъ къ владыкѣ, подъ благословеніе и, стоя среди палаты, сказалъ свое последнее роковое рѣшеніе.

— Вы мнѣ бьете челомъ,—произнесъ онъ съ своею обычною точностью,—чтобы я вамъ явилъ, какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ, Великомъ Новѣгородѣ. Ино вѣдайте, наше государство таково: вѣчу и колоколу въ Новѣгородѣ не быть...

Нѣкоторые послы отшатнулись и перекрестились.

— Посаднику не быть...

Онъ помолчалъ. Въ палатѣ, казалось, никто не дышалъ: Только у владыки хрустнули пальцы... «Вѣчу и колоколу не быть... посаднику не быть», шепталъ, стоя въ сторонѣ, Бородатый, словно бы это была молитва.

— Государство свое намъ держать, какъ подобаетъ великимъ князьямъ, какъ держимъ мы свое государство въ нашей низовской землѣ. И земли великихъ князей, что за вами, отдать намъ, чтобъ это наше было. А что вы бьете челомъ мнѣ, великому князю, чтобъ не было вывода изъ новгородской земли и чтобъ мнѣ не вступаться въ боярскія земли, и мы тѣмъ жалуемъ свою отчину, и судъ будетъ по старинѣ въ Новѣгородѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ.

Больше онъ не сказалъ ни слова и вышелъ.

— Вѣчу и колоколу не быть... посаднику не быть,—растерянно, точно во снѣ бормотали новгородцы, дико озираясь.

— Новугороду не быть... новгородской воли не быть.

— Господину Великому Новугороду не быть... всѣмъ намъ не быть...

— Помереть, помереть, ничего болѣ не осталось.

— Что вы? Зачѣмъ же,—утѣшалъ ихъ Бородатый.—Вона мы-ста живемъ за осударемъ великимъ княземъ, а не помираемъ.

— Живемъ, какъ въ раю, аки у Христа за пазухой,—подтверждали другіе бояре.

— Аки сыръ въ маслѣ катаемся.

— Что и говорить! Помирать не надобеть...

— Ну, и вы, братцы, поживете, свыкнетесь, а свыкнется, слюбится...

— Вѣчу не быть... колоколу не быть.. посаднику не быть,— бормотали свое новгородцы, какъ потерянные,—помереть, одно осталось.

Когда они, наконецъ, нѣсколько пришли въ себя и увидѣли, что дѣло ихъ уже безповоротное, что и ихъ вѣча, и посадники, и ихъ дорогой вѣчевой колоколъ съ его живою, для каждаго новгородца понятною рѣчью отошли въ вѣчность и похоронены на московскомъ кладбищѣ, они рѣшились попробовать сберечь хоть что-нибудь, хоть частицу своей воли, свой судъ и свою личную неприкосновенность, чтобъ ихъ по крайней мѣрѣ не брали на службу въ эту страшную «низовскую землю», въ эту ужасную Москву, не звали туда на «шемякинъ судъ», не «выводили», не угоняли въ полонъ.

Какъ и прежде, они думали, что то, что сказалъ сейчасъ великій князь, онъ скрѣпитъ крестнымъ цѣлованіемъ, присягнетъ, что будетъ держать свое слово. Такъ у нихъ велось отъ старины. Поговоривъ тихонько между собою, покачавъ безнадежно головами и утеревъ не одну слезу, они снова обратились къ боярамъ:

— Бьемъ челомъ,—поклонился боярамъ владыка,—чтобъ великій государь далъ крѣпость своей отчинѣ, грамоту, и крестъ поцѣловалъ.

Бояре пошли во внутренніе покои князя.

— Прощай, наша волюшка! — вздыхали старые новгородцы.—Прощай вольный свитъ!

Бояре скоро воротились.

— Великій осударь креста цѣловать не будетъ,—былъ короткій отвѣтъ.

Новгородцы недоумѣвающе посмотрѣли другъ на друга. Ихъ уже, казалось, ничто не удивляло, такъ много они видѣли и слышали, и такъ глубоко переболѣли душой, что имъ уже было почти все равно. Не все ли равно умирать! Но они должны были дать отчетъ Новгороду, отчетъ тѣмъ роднымъ братьямъ, сестрамъ и дѣтямъ, которые довѣрили имъ все, что имъ было дорого на свѣтѣ, и теперь ожидали ихъ въ мучительномъ невѣдѣніи и страхѣ.

— Такъ вы, братіе, цѣлуйте крестъ за великаго госу-

даря,—прервалъ владыка мучительное молчаніе, глядя робкими глазами въ круглые, безстыжіе глаза Бородатаго.

Бояре опять пошли къ государю.

— И боярамъ великій государь креста цѣловать не велитъ,—вынесли они короткій отвѣтъ.

— Такъ хотя намѣстникъ, что будетъ въ Новѣгородѣ, крестъ цѣлуетъ!—взмолился владыка.

Опять ушли и опять воротились.

— Цѣловать креста не будетъ и намѣстникъ!—былъ послѣдній отвѣтъ великаго князя.

Что оставалось посламъ? Итти и броситься въ ноги всему Новгороду, выплакаться по крайней мѣрѣ передъ нимъ, выкричать боль души, позоръ, отчаянье, да подумать всѣмъ Новгородомъ, вымолить себѣ помощь у Бога, у святой Софіи и у всѣхъ силъ небесныхъ, а потомъ умереть на родномъ пепелищѣ, какъ умираетъ волчица, защищая своихъ дѣтей.

Но дѣдъ Грознаго подумалъ объ этомъ раньше. Онъ зналъ, что и курица защищается, когда ее рѣжутъ, что и воробей клюетъ когти ястреба, пока они не растерзаютъ его, не лишатъ способности трепыхаться.

А Новгородъ еще трепыхается... Надо его выморить совсѣмъ... Притомъ его, Ивановы рати, разсѣявшіяся по обширной новгородской землѣ отъ Шелони до самой Печоры, еще не все вырѣзали и пожгли это живучее, змѣиное племя новгородское. Надо такъ «ускромнить» это племя, чтобъ его и на сѣмена не осталось, чтобъ не взошло оно вновь, не дало новыхъ порослей. Тогда уже новгородская земля «не отрознится» отъ низовской земли, отъ Москвы.

Вотъ что думалъ «собиратель земли русской» и не пустилъ новгородскихъ пословъ изъ своего стана. Онъ зналъ, что въ городѣ моръ, пусть же вымрутъ сами змѣеныши, волею божіею, а не его, великаго князя, повелѣніемъ.

И оно вышло такъ, какъ онъ думалъ, «какъ ему Богъ и Пречистая Его Матерь на сердце положили».

30 декабря явился въ станъ послѣдній защитникъ Новгорода, нашъ старый знакомый, князь Василій Шуйскій-Гребенка.

Послы увидѣли его, обрадовались было ему, какъ родному:

свой человѣкъ, долго жилъ съ ними, бился за Великій Новгородъ, за святую Софію и за волю новгородскую.

— Что, князь Василій, почто присланъ? — спросилъ его владыка, осѣняя крестомъ.

— Я, владыко святый, не присланъ, самъ пришелъ.

— Что такъ, княже?

— Вчерась откланялся Господину Великому Новгороду.

Ѳеофилъ, казалось, не понималъ его, онъ не хотѣлъ понимать.

— Что, княже? Не уразумѣю я тебя.

— Вчерась, говорю, на вѣчѣ, предъ всѣми оставшимися вживѣ людьми сложилъ есми съ себя крестное цѣлованье Господину Великому Новгороду, благодарилъ за хлѣбъ, за соль... Уже я Новгороду не слуга...

Владыка не понялъ. Но ему страшно было спрашивать дальше, и все-таки спросилъ:

— А какъ же мы?

— Надоть покоритца, на то воля Божья... Новгородъ уже, владыко, не Новгородъ, а, сказать бы, пустой улей, пчелки всѣ почитай вымерли, и медъ осы растаскали... Я пришелъ служить Москвѣ.

Великій князь ласково принялъ послѣдняго потомка нѣкогда могущественныхъ, а потомъ низложенныхъ владѣтельныхъ князей суздальскихъ, «захудалаго» князя Василія, послѣдняго «кормленнаго» князя Господина Великаго Новгорода.

Узнавъ отъ него, въ какомъ отчаянномъ положеніи находится Новгородъ, Иванъ Васильевичъ приказалъ позвать къ себѣ новгородскихъ пословъ на очи. Они ожидали услышать отъ него послѣднюю волю, но услыхали опять что-то старое, загадочное, зловѣщее.

— Вы мнѣ били челомъ, чтобъ я отложилъ гнѣвъ свой, не выводилъ бы людей изъ новгородской земли, не вступался въ вотчины и животы людскіе, чтобъ судъ былъ по старинѣ и чтобъ васъ не наряжать на службу въ низовскія земли,—проговорилъ онъ, глядя неподвижно на наперстный крестъ Ѳеофила. — Я всѣмъ симъ жалую отчину свою, Великій Новгородъ.

И не слова больше. Поворотился и велѣлъ посламъ уходить. Тѣ поклонились и попятились къ дверямъ... Зачѣмъ же звалъ? Они это давно отъ него слышали... Новое лукавство!

А лукавство было вотъ въ чемъ. Едва послы вышли, какъ въ нимъ вышли и бояре.

— Великій князь велѣлъ вамъ сказать вотъ что: чтобъ де наша отчина, Великій Новгородъ, далъ намъ волости и села: намъ-деи, великимъ государямъ, немочно безъ того держать свое государство на своей отчинѣ, въ Великомъ Новѣгородѣ.

Надо было отдать и села, и волости, все отдать! Да еще дань, по полугривнѣ съ сохи!

— Какъ липку ободрали на лапотки,—хихикалъ себѣ въ бороду Степанъ Бородатый, когда новгородскіе послы, убитые горемъ и измученные, не смѣя поднять глазъ къ родному небу и на святую Софію, возвращались съ свой нѣкогда шумный и веселый, а теперь почти вымершій улей.

Проходя мимо вѣчевой колокольни, они не рѣшались поднять глазъ, чтобъ взглянуть на свое сокровище—на вѣчевой колоколъ, какъ ни хотѣлось имъ видѣть и слышать его въ послѣдній разъ...

Но съ этого дня колоколъ уже не звонилъ.

— Переставился, колоколушко мой!.. Померъ, померъ, родной мой батюшка, оохъ!—рыдалъ навзрыдъ вѣчевой звонарь, обнимая и цѣлуя холодную мѣдь...

XXI. Увозятъ вѣчевой колоколъ и Марэу посадницу.

Князь великій Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, государь нашъ, тебѣ, своему богомольцу, владыцѣ, и своей отчинѣ, Великому Новгороду, глаголетъ такъ: ты, нашъ богомолецъ, Ѳеофилъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и вся наша отчина, Великій Новгородъ, били челомъ нашей братьи о томъ, чтобъ я пожаловалъ, смиловался и нелюбіе сердца сложилъ. Я, князь великій, ради своей братьи жалую свою отчину и отлагаю нелюбіе. Ты, богомолецъ нашъ архіепископъ, и отчина наша написали грамоту, на чемъ добили намъ челомъ и цѣловали крестъ, ино пусть теперь всѣ люди новгородскіе, моя отчина, цѣлуютъ крестъ по той же грамотѣ и оказываютъ намъ должное. А мы васъ, свою отчину, и впредь хотимъ жаловать по вашему исправленію къ намъ.

Такъ говорилъ князь Иванъ Юрьичъ всему Новгороду отъ имени великаго князя. Это было 15 генваря 1478 г. Онъ гово-

рилъ на Софійскомъ дворѣ, тамъ, гдѣ когда-то мы видѣли весь Новгородъ при избраніи владыки Ѳеофила. Съ того времени прошло около 12 лѣтъ. Какъ измѣнился съ тѣхъ поръ Новгородъ! Какъ рѣдки стали толпы, слушавшія теперь московскаго оратора, и лица новгородцевъ стали худы и блѣдны, а у многихъ и совсѣмъ лицъ не было... То были жертвы коростынскаго звѣрства москвичей...

Они точно не понимали, что имъ говорилось, такъ дико звучали въ ихъ ушахъ слова—«смиловался», «нелюбіе сердца сложилъ», «жаловать хотимъ»; такъ не согласовались эти слова съ тѣмъ, что они видѣли, что пережили... «Гдѣ же Богъ?» думали они: «гдѣ правда?».

«А вонъ гдѣ Богъ, вонъ гдѣ правда: у владыки Ѳеофила въ рукахъ, на серебряномъ крестѣ... Вонъ гдѣ Богъ: на крестѣ... Правда распята, вонъ гдѣ правда на землѣ, на крестѣ она, правда-то... И ручки и ножки гвоздями пробиты, да крѣпко-крѣпко ко кресту приколочены, чтобъ и не сойти ей, правдѣ-то, со креста... И ребрушки у правды-то, у Бога, прободены копіемъ, до самаго сердца прободены, за то, что любовію къ бѣднымъ людямъ билось это сердце... Такъ вонъ гдѣ Богъ... А мы ищемъ его... Вонъ онъ, и святую головку на плечико склонилъ», въ какомъ-то забытьи думалъ «пидблянинъ», глядя на распятіе, которое сверкало въ рукахъ владыки.

— Цѣлуйте слово и крестъ Спасителя нашего!—возгласилъ князь Иванъ Юрьичъ.

И всѣ стали цѣловать книгу, что сохранила слова Спасителя, и крестъ, на которомъ Его распяли... Это присягали новому государю, уже не Господину Великому Новгороду...

Присяга шла по всѣмъ соборамъ, по всѣмъ церквамъ, во всѣхъ пяти концахъ. Бояре, бывшіе посадники, тысячскіе, житые и бывшія власти Новгорода приводились къ присягѣ на Софійской сторонѣ московскими боярами, а на торговой сторонѣ дѣтьми боярскими и дьяками.

По церквамъ, площадямъ и улицамъ слышался плачъ. Новгородцы цѣловались и прощались другъ съ другомъ, знакомые и незнакомые, друзья и недруги, кланяясь одинъ другому въ землю и словно въ «прощеный день».

Видя слезы старшихъ, по всему Новгороду плакали дѣти, отыскивая матерей и отцовъ, которыхъ гнали къ присягѣ. Слы-

шался лай и вой собакъ, которыя на лицахъ людей читали что-то недоброе. Ревѣлъ некормленный скотъ, котораго давно и кормить было нечѣмъ.

Многіе спѣшили на могилы отцовъ, чтобы проститься съ ними съ новгородскою волею.

Слѣпой Тихикъ, ходя по улицамъ, продолжалъ пѣть «со святыми упокой». Во всѣхъ церквахъ шелъ перезвонъ, какъ по покойникѣ. Это замѣтили москвичи и не велѣли звонить. Тогда общій плачъ сталъ еще слышнѣе и раздирательнѣе.

Павша Полинарьинъ, бывшій женихъ Остроміры, у котораго при Коростынѣ москвичи обрубили носъ и губы до самыхъ челюстей, пригнанный въ церковь для присяги вмѣстѣ съ прочими, не хотѣлъ цѣловать креста.

— Цѣлуй слово и крестъ Спасителя нашего,—напомнилъ ему Бородатый.

— Мнѣ нечѣмъ цѣловать,—отвѣчалъ Павша.

— Какъ нечѣмъ, малый?

— Видишь, мои губы воронъ склевалъ.

— Ну, приложись такъ.

— Я не песъ, чтобы Христа зубами тыкать.

— Такъ я те въ зубы-тѣ крестомъ!

И Бородатый дѣйствительно ударилъ Павшу въ зубы крестомъ, но получилъ такой сдачи, что самъ потерялъ три зуба. Павшу взяли «за приставы», и его бѣлые зубы вмѣстѣ съ челюстями и черепомъ сгнили потомъ гдѣ-то далеко въ «низовской землѣ», за Окою...

У Ярославова дворища, на вѣчевой площади собрались послѣдніе вѣчники, чтобы проститься съ колоколомъ. Но москвичи не пустили ихъ на колокольню; они сами туда отправились снимать колоколъ.

Старикъ звонарь заперся было на своей башнѣ, но москвичи выломали дверь и взошли на башню. Звонарь встрѣтилъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ, съ старымъ, заржавленнымъ бердышомъ, которымъ онъ въ блаженное время лучину себѣ щипалъ по зимамъ; но бердышъ у него отняли и сбросили съ колокольни, а самого хотѣли связать. Старикъ съ плачемъ бросился имъ въ ноги.

— Батюшки! Родимые! Дайте проститца съ колоколушкомъ!

Родимые, не погубите!—вопилъ онъ такъ горько и безпомощно, что москвичи сжалились надъ старикомъ.

— Ну, прощайся, старина... Али онъ тебѣ сыномъ былъ?

— Батюшки! Голубчики! Сыночекъ онъ мнѣ... Отецъ родной... кормилецъ мой!—безсвязно бормоталъ старикъ.

Онъ обхватилъ колоколъ руками, колотился объ него головою, цѣловалъ, плакалъ, приговаривая: «прощай, колоколушко! Прощай, сыночекъ, золото мое, серебро, оо!..»

— Полно, старина, будетъ тебѣ плакатца-то! Ишъ, словно съ жаной цалуетца,—смѣялись москвичи,—полно, эка невидаль!

— Убейте вы меня, голубчики! Заколите на мѣстѣ!—плакался несчастный.

Его силой оттащили отъ колокола и стали снимать новгородскую вѣковую святыню. Колоколъ, казалось, стоналъ, но такъ глухо, точно въ самомъ дѣлѣ умиралъ.

Старикъ, какъ помѣшанный, бѣгалъ то къ тому, то къ другому, ломая руки.

— Батюшки! Голубчики! Легче! Для Бога легче! Не ушибите вы ево, не уроните! Для Бога прошу легче... Не такъ, не такъ, кормильцы! За ушко-то легче, не отломите! Охъ! Язычокъ-отъ не надо, не надо трогать, легче! Не зашибите... Бочкомъ, бочкомъ ево, золото мое червонное...

Встревоженный вознею на колокольнѣ воронъ заметался и закаркалъ надъ самыми головами москвичей, задѣвая ихъ крыльями.

— Кой чортъ! Воронъ! Откудова онъ взялся! Ахъ, аспидъ!—удивлялись москвичи.

— Чуръ, чуръ! Ахъ, ты дьяволъ!

Крикъ ворона, казалось, усилилъ отчаянье старика. Онъ всплеснулъ руками.

— Воронушко! Миленькій! Смотри, смотри! Берутъ ево, берутъ колоколецъ нашъ... Господи! Что-жъ это будетъ...

Съ площади грустно смотрѣли новгородцы на возню на колокольнѣ и горько качали головами.

— Эхъ! Христа со креста снимаютъ, и гриха на нихъ нитути... Жиды, сущіи жиды!..

Когда колоколъ спускали съ колокольни, онъ раза два прозвонилъ.

— Заговорилъ, заговорилъ колоколушко!—кричалъ старикъ,

сбѣгая съ помоста.—Заговорилъ: прощаетца съ Новгородомъ, оохъ!

Площадь уже была полна народомъ, но ее, для порядка, стѣной окружали московскіе и татарскіе конники. Тутъ же, подъ колокольней, стояли уже сани-дровни, которыя должны были везти колоколъ въ московскій станъ.

— Заговорилъ батюшка! Заплакалъ колоколецъ! Прощаетца съ дитушками!

Стоны и вопли новгородцевъ, смотрѣвшихъ, какъ тихо, качаясь и вздрагивая, спускалась внизъ ихъ древняя святыня, заглушили послѣдніе, «незаконные» удары колокола, глашатаи утраченной ими воли.

— Прощай, прощай, нашъ вѣчной колоколъ!—раздавались голоса.—Прощай, родимый! Прощай, наша волюшка!

Опускаясь все ниже и ниже, колоколъ сталъ прямо на сани. Толпа бросилась было прощаться съ нимъ, но конники всѣхъ оттирали отъ саней. Не отгоняли одного звонаря, такъ онъ былъ жалокъ. Даже одинъ татарскій конникъ, видя, какъ старикъ, голося и причитая, бѣгалъ вокругъ саней и то соломки подъ бока колокола подсовывалъ, «чтобъ ему помягче было», то вытиралъ его полой своего зипунишка, сжалился надъ стариной.

— Зачимъ, бачка, плакалъ? Онъ и на Москву зыванить будитъ, ай, ай хорошъ!

Сани тронулись, сопровождаемыя отрядомъ конниковъ. На облучкѣ саней сидѣлъ знакомый уже намъ татаринъ Ахметка, тотъ самый, что въ Русѣ рубилъ головы Димитрію Борецкому съ товарищами, и правилъ лошадьми. Звонарь слѣдовалъ за самыми санями и плакалъ.

За санями же, по сторонамъ, шли толпы новгородцевъ. Многіе изъ нихъ также плакали, особенно бабы, а когда сани равнялись съ кѣмъ-нибудь на улицѣ изъ прохожихъ или съ чьимъ-либо домомъ, то всѣ выбѣгали за ворота, снимали шапки, кланялись и крестились, точно бы мимо нихъ провозили покойника.

Когда сани съ колоколомъ, выѣхавъ изъ Славенскаго конца, прослѣдовали черезъ «великій мостъ» и въѣзжали въ конецъ Людинъ, то на самомъ Побережьѣ встрѣтились съ другими санями, пошевнями, тоже окруженными конниками и тоже слѣдовавшими по направленію къ загородному селу боярина Лошинскаго, гдѣ былъ станъ великаго князя.

Въ пошевняхъ, въ богатой собольей шубѣ, закутанная черным платкомъ, изъ-подъ котораго кое-гдѣ выбивались прядочки сѣдыхъ волосъ, сидѣла старуха, повидимому погруженная въ глубокую думу. Морщины, такія рѣзкія и отчетливыя, бороздили ея нѣкогда красивое лицо. Она, казалось, ничего не видѣла. Рядомъ съ ея санями шелъ юноша, высокій и стройный, въ богатой шубѣ и высокой боярской шапкѣ, изъ-подъ которой выбивалась цѣлая масса черныхъ, вьющихся кудрей. Онъ часто оглядывался назадъ, на Новгородъ и, казалось, прощался съ нимъ.

Это везли въ московскій станъ Марѳу посадницу, и рядомъ съ нею шелъ ея внучекъ Исачко, теперь уже совсѣмъ большой юноша, лѣтъ семнадцати-восемнадцати, и уже не Исачко, а Исаакъ Борецкій, послѣдній изъ рода Борецкихъ—посадниковъ Господина Великаго Новгорода.

Марѳа смотрѣла совсѣмъ старухой.

Увидавъ колоколъ и плачущаго звонаря, она перекрестилась.

Въ это время, пробившись сквозь рядъ копниковъ, къ Марѳинымъ санямъ съ плачемъ бросилась какая-то дѣвушка. Голова ея не была ничѣмъ прикрыта, и льняные волосы, совсѣмъ незаплетенные, трепались по вѣтру, окутывая и плечи ея, и миловидное личико.

— Матушка моя родимая! Мама моя милая! Возьми меня съ собою!.. Для чево ты раньше не признала меня, не сказала мнѣ, что я чадо твое! Матушка!.. Мнѣ крестница все сказала и крестъ твой отдала мнѣ... О, проклятая я! Я сгубила Новгородъ! Я тебя сгубила, матушка!

Марѳа вся задрожала, услышавъ эти крики дѣвушки. Она приподнялась, протянула руки...

— Иди, иди ко мнѣ, дитятко!.. У меня никого не осталось... Я мать твоя проклятая... Я боялась суда людсково и покинула тебя... А Богъ наказалъ меня. Иди же ко мнѣ, чадо мое милое!..

И она закутала шубою молодую дѣвушку, крестя и цѣлуя ее. Это была Горислава, мнимая внучка кудесницы.

Поѣздъ не останавливался. Впереди ѣхала Марѳа, а за нею слѣдовалъ колоколъ. Старый звонарь уже не плакалъ, нечѣмъ было.

Зато воронъ, видя своего воспитателя въ необычномъ мѣстѣ

и въ необычной обстановкѣ, отчаянно каркалъ, летая надъ поѣздомъ .

. Такъ палъ Господинъ Великій Новгородъ какъ независимое государство. Палъ онъ и какъ народность въ смыслѣ гражданскомъ. Герберштейнъ, посѣтившій Россію или, какъ онъ ее называетъ, Московію въ слѣдующемъ за паденіемъ Новгорода столѣтіи, говоритъ о Новгородѣ и о всей его народности такъ: это была «гуманнѣйшая и честнѣйшая» народность; но когда москвичи внесли въ нее «московскую заразу», она сдѣлалась развращеннѣйшею *).

---

*) Novagardia gentem quoquae humanissimam ac honestam habebat: sed quae nunc, procul dubio peste moscovitica, quam eo commeantes Mosci secum invexerunt, corruptissima est.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Предисловіе автора	1
I.	Избраніе Владыки	5
II.	Пиръ у Марѳы-посадницы	13
III.	Предсказанія кудесницы	24
IV.	Бурное вѣче	31
V.	«Бѣсъ въ ребрѣ» у Марѳы-посадницы	41
VI.	Дурныя вѣсти	52
VII.	«Начала Москвы»	62
VIII.	Пораженіе новгородцевъ на берегу Ильменя	73
IX.	Какія вѣсти принесъ воронъ	83
X.	Остроміра за чтеніемъ лѣтописи	93
XI.	Глаза безъ лица	100
XII.	Перевѣтница	108
XIII.	Шелонская битва	113
XIV.	Казни въ Русѣ	125
XV.	И у тебя рука поднялась на Новгородъ?	135
XVI.	Казнь Упадыша	142
XVII.	Великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи	149
XVIII.	Послѣдній посадникъ и послѣдній вѣчный дьякъ	156
XIX.	Иванъ Васильевичъ у гроба Варлаама Хутынскаго	163
XX.	Послѣдніе дни Новгорода	171
XXI.	Увозятъ вѣчевой колоколъ и Марѳу-посадницу	183

BINDING LIST JUN 15 1950

PG
3467
M8
1914
kn.7-10

Mordovtsev, Daniil Lukich
Polnoe sobranie istoricheskikh romanov

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY